

М. К. ДИТЕРИХСЪ.

УБІЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И ЧЛЕНОВЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ НА УРАЛѢ.

ЧАСТЬ I.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
1922.

М. К. ДИТЕРИХСЪ.

УБІЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И ЧЛЕНОВЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ НА УРАЛѢ.

ЧАСТЬ I.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
1922.

ТИПОГРАФІЯ ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ.
ВЛАДИВОСТОКЪ, РУССКІЙ ОСТРОВЪ.
Пристань 36-го полка.

ПРИЧИНЫ, ЦѢЛИ И СЛѢДСТВІЯ.

„Всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ, и домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, падетъ“. Лука, XI, 17.

„Но виноградари, увидѣвши его, разсуждали между собою, говоря: это наслѣдникъ; пойдемъ убьемъ его, и наслѣдство его будетъ наше“.
Лука, XX, 14.

„Камень, который отвергли строители, тотъ самый сдѣлался главою угла“. Лука, XX, 17.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кошмарное лѣто пережило населеніе Европейской Россіи въ 1918 году. Насилія, разстрѣлы, массовыя звѣрскія убійства, кровавый терроръ царили повсемѣстно и заливали кровью обширные районы территоріи царства „пятиконечной“ звѣзды совѣтской власти. Власть эта, въ своей жестокости и кровожадности, казалось, не имѣла предѣла, не дѣлала никакихъ различій: ея насиліямъ и угнетеніямъ подвергались всѣ классы, всѣ сословія, всѣ возрасты и полы; разстрѣливались старцы, разстрѣливались юноши, насиловались женщины, раскраивались головы дѣтей; истреблялись буржуи, истреблялись и разные нежелательные совѣтской власти политическіе и общественные дѣятели, но истреблялись массами, семьями и самые обыкновенные обыватели, крестьяне и рабочіе, представителями чьей власти выставляли себя большевистскіе главари.

Эти ужасы, эти потоки крови, залившіе города, села и деревни нашей несчастной родины, совпали съ тѣмъ временемъ, когда въ Центральной Россіи, въ Москвѣ, сильно колебалось положеніе руководителей центральной совѣтской власти и совокупность внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствъ предвѣщали Ленину и Бронштейну-Троцкому возможность наступленія конца ихъ экспериментамъ и царствованію въ Россіи.

На востокѣ надвигались къ Волгѣ и Уралу Сибирскія и Чехо-Словацкія войска; съ сѣвера начиналъ угрожать англо-русскій фронтъ; на югѣ поднялись Оренбуржцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы и Донцы и собирались добровольцы генераловъ Алексѣева и Корнилова. Разочарованное въ результатахъ Брестскаго договора германское военное

командованіе снова перешло къ военнымъ дѣйствіямъ и, побѣдоносныя въ то время въ Европѣ, германскія войска возобновили наступленіе съ сѣверо-запада, а на Украинѣ утвердили силою своихъ штыковъ гетманскую власть генерала Скоропадскаго.

Внутреннее состояніе страны было не менѣе угрожающимъ: національзація, насильственныя реквизиціи, контрибуціи и просто беззастѣнчивый и безцеремонный грабежъ хлѣба, скота, продовольствія, товаровъ, цѣнностей и имущества совѣтскими управленіемъ и организаціями возбудили общій ропотъ и недовольство народныхъ массъ. Поднялись, хотя и частичныя, но многочисленныя возстанія „зеленыхъ бандъ", появились повстанческія движенія инородцевъ, бродили повсюду шайки отчаянныхъ и лихихъ партизанъ, нарушая транспортъ, подвозъ къ центрамъ награбленнаго въ деревняхъ продовольствія и выработаннаго на заводахъ топлива и тѣмъ обостряя положеніе и настроеніе населенія въ самихъ столицахъ. Общее возмущеніе наростало и работавшія въ подпольяхъ противныя политическія партіи всѣхъ платформъ и направленій получили возможность готовиться къ серьезнымъ шагамъ въ своей идейной борьбѣ противъ узурпаторовъ власти и насильниковъ народа.

Съ другой стороны, нѣмецкая политика какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, подпавшая подъ вліяніе легкомысленныхъ генераловъ, опиравшихся на армію, идя слѣпо въ поводу шовинистскаго класса, начинала душить своихъ ставленниковъ въ Москвѣ, Ленина и Бронштейна, требуя выполненія экономическихъ условій договора, заключеннаго съ ними Людендорфомъ и Гофманомъ и щедро оплаченнаго золотомъ Императорскаго Германскаго банка. Казалось, въ Москвѣ наступалъ тотъ моментъ, когда нѣмецкое военное командованіе устами Мирбаха собиралось сказать главарямъ своей политической арміи, привезеннымъ въ Смольный институтъ изъ Швейцаріи въ запломбированномъ вагонѣ: „довольно! вы исполнили то, за что вамъ было заплачено: вы посѣяли, а пожнемъ мы теперь уже сами". И такъ какъ „привезенные главари" вовсе не раздѣляли взглядовъ нѣмецкаго командованія на самихъ себя, то къ внутренней борьбѣ съ народными возстаніями, къ борьбѣ со своими внутренними и внѣшними политическими противниками грозила присоединиться еще и внутренняя

война съ нѣмцами, все еще считавшими себя хозяевами положенія и свободными распорядителями судьбою купленныхъ рабовъ.

На общій взглядъ, положеніе заправилъ всякихъ „Циковъ“, „Комовъ“, „Чековъ“ и прочихъ многочисленныхъ условныхъ организацій царства пятиконечной звѣзды близко было къ безнадежному. Въ ихъ тайныхъ совѣщаніяхъ Ленинъ высказывался довольно опредѣленно:—пора уходить. Съ нимъ были солидарны и его послѣдователи изъ россійскихъ. Въ нихъ еще не изжилась неудача іюльскаго выступленія 1917 года, съ той разницей, что тогда они не успѣли достигнуть власти и для извѣстной части народной массы сохранили ореолъ своихъ ложныхъ лозунговъ, а теперь все населеніе въ достаточной степени ощутило на себѣ сущность ихъ власти, и они понимали, что, конечно, имъ не удастся такъ легко выйти изъ положенія, какъ вышли они тогда. Поэтому въ своей верховной дѣятельности Ленинъ готовъ былъ идти на всевозможныя уступки требованіямъ момента, на смягченіе общаго режима, на сотрудничество съ буржуями—спеціалистами, на эволюціонированіе коммунистическихъ принциповъ, — словомъ, на все то, что могло привести или къ болѣе благопріятному разрѣшенію вопроса личнаго спасенія, или на все то, отъ чего впослѣдствіи можно было бы легко отказаться, объяснивъ ловкимъ политическимъ маневромъ.

Но именно въ это критическое время Бронштейнъ-Троцкій выявилъ себя противникомъ Ленина и его уступчивости. Вмѣстѣ со своими приверженцами, изувѣрами своего племени, составлявшими добрыхъ три четверти всѣхъ высшихъ административныхъ органовъ совѣтской власти, подкрѣпленными интернаціональными и карательными бандитскими отрядами, Бронштейнъ твердо и категорически высказался противъ какихъ-либо уступокъ и послабленій. Его рѣчи этого времени на собраніяхъ коммунистической партіи и засѣданіяхъ Ц. И. К. дышатъ ядомъ и насмѣшками надъ положеніями Ленина и весь смыслъ ихъ сводится къ тому, что ни шагу назадъ ни при какой обстановкѣ дѣлать нельзя, а отвѣтомъ на текущій моментъ съ ихъ стороны должны быть: безпощадный терроръ, огонь, мечъ и пытка. Во временныхъ неудачахъ, въ создавшемся катастрофическомъ положеніи Бронштейнъ отнюдь не склоненъ былъ видѣть окончательнаго провала своей власти и,

если теперь по какимъ либо причинамъ она колебалась, то, повидимому, онъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, использовать время своей власти для того, чтобы подготовить и обезпечить побѣду въ будущемъ. Свою власть и подготовку окончательной побѣды онъ понималъ, конечно, такъ, какъ вытекали онѣ изъ существа натуры и міровоззрѣнія Бронштейна, а не Ленина.

Вотъ въ этой идеѣ подготовки положенія для будущей побѣды, въ связи со всей сложившейся обстановкой, мнѣ думается, заключались, главнымъ образомъ, причины тѣхъ массовыхъ, невѣроятныхъ по звѣрству, съ явными отпечатками изувѣрства—убійствъ, которыя были совершены совѣтскими дѣятелями въ лѣто 1918 года и составили въ исторіи Россіи и всего міра эпоху сплошного кроваваго кошмара. Нельзя забывать, нельзя закрывать глаза на то, что особенному гоненію и жестокости въ этотъ именно періодъ подвергся Православный, духовный міръ Россіи: церковь національзировалась; храмы обращались въ помѣщенія для митинговъ; иконы были обложены налогами, преподаваніе Закона Божьяго въ школахъ запрещено, а на дому родителей преслѣдовали за обученіе дѣтей молитвамъ; надъ святынями кощунственно надругивались, обряды высмѣивались и основы Христіанскаго духовнаго міровоззрѣнія отвергались печатно въ брошюрахъ и многочисленныхъ митингахъ. Это не фразы, не голословное обвиненіе; желающіе могутъ найти документальное подтвержденіе этихъ обвиненій въ обширномъ трудѣ международной комиссіи, создавшейся въ Омскѣ въ январѣ 1919 года и произведшей подробное обслѣдованіе въ Перми и уѣздахъ Пермской губерніи, послѣ изгнанія изъ ея предѣловъ большевиковъ. Сотни лицъ духовнаго званія, монаховъ, монашекъ было разстрѣляно агентами Бронштейна, удушено и утоплено въ прорубяхъ рѣки Камы. Среди погибшихъ извѣстны: Архіепископы: Гермогенъ, Андронникъ и Василій, Епископы: Феофаній и Матвѣй, Архимандриты: Матвѣй и Варлаамъ, Протоіереи: Пьянковъ, Сабуровъ, Стамбиковъ, Киселевъ, Преображенскій, Конюховъ, Будринъ, Мальтюковъ и Яхонтовъ, Священники: Шерокинскій, Горяевъ, Бѣлозеровъ, Соколовъ, Калашниковъ, Плотневъ, Ершовъ, Савеловъ, Вяткинъ, Бояршиновъ, Якимовъ, Посохинъ, Наумовъ, Конюховъ, Камакинъ, Поповъ, Югановъ, Аристовъ, Малиновскій, Накаряковъ, Оняновъ, Махетовъ, Кузнецовъ, Бѣловъ, Осетровъ,

Рождественскій, Швецовъ, Антипинъ, Мацієвскій, Алексѣевъ, Луканинъ, Никифоровъ, Колчинъ, Орловъ, Денисовъ, Лавровъ, Анишкинъ, Шестаковъ, Рѣшетниковъ и Тарасовъ, Іеромонахи: Вячеславъ, Сергій, Іосифъ и Іоаннъ, Діаконы: Кашинъ, Воскресенскій, Ипатовъ, Смирновъ и Рѣшетниковъ, Іеродіаконы: Виссаріонъ, Михѣй, Евфимій, — и это все только по Пермской епархіи. А сколько еще окажется потомъ въ другихъ раіонахъ и епархіяхъ.

Разскажите любому нравственному человѣку, какого угодно вѣрованія, объ этихъ гоненіяхъ Православной церкви, покажите ему списокъ перечисленныхъ выше жертвъ, павшихъ за исповѣданіе Православныхъ догматовъ и спросите его, какая же это борьба унесла столько служителей церкви?

Думается, что, не колеблясь, каждый честный человѣкъ отвѣтитъ: борьба религіозная.

Совѣтская власть, принявъ лозунги Бронштейна, ставъ на путь подготовки положенія для побѣды въ будущемъ, хорошо сознала, что однимъ изъ устоевъ русской народной массы является ея Православная Церковь, ея преданность Христіанскому ученію и глубокая, историческая любовь и привязанность къ своей религіи. Какъ масса малокультурная, русскій народъ способенъ, временами, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, терять критеріи добра и нравственности и падать въ невѣроятную бездну саморазрушенія и оплеванія своего настоящаго существа. Однако паденіе такое, въ прошломъ, было всегда, сравнительно, кратковременнымъ и небольшой толчекъ, толчекъ именно духовнаго характера, быстро выносилъ его изъ бездны и выводилъ нравственно очищеннымъ снова на арену христіанской жизни.

Подорвать эти-то устои, предотвратить на ближайшее время духовное пробужденіе — вотъ идеи, которыя руководили совѣтскими главарями въ проведеніи плана обезпеченія побѣды въ будущемъ.

И въ ряду злодѣйствъ, совершенныхъ въ этотъ періодъ большевиками для достиженія указанной цѣли, особо исключительными по звѣрству и изувѣрству, полными великаго значенія, характера и смысла для будущей исторіи русскаго народа, являются убійства въ это кошмарное лѣто:

1) Въ Екатеринбургѣ: бывшаго Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, Государыни Императрицы

АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ, бывшаго Наслѣдника Цесаревича АЛЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА, Великой Княжны ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ, Великой Княжны ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ, Великой Княжны МАРІИ НИКОЛАЕВНЫ, Великой Княжны АНАСТАСІИ НИКОЛАЕВНЫ.

2) Въ Алапаевскѣ: Великой Княгини ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ, Великаго Князя СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА, Князя ІОАННА КОНСТАНТИНОВИЧА, Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА, Князя ИГОРЯ КОНСТАНТИНОВИЧА, Графа ВЛАДИМІРА ПАЛѢЯ (сынъ В. К. Павла Александровича).

3) Въ Перми: Великаго князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА и другихъ, о которыхъ до насъ еще не достигли свѣдѣнія.

Вмѣстѣ съ упомянутыми Членами Дома Романовыхъ, были убиты избранныя большевиками ближайшія Имъ лица свиты, оставшіяся до конца вѣрными своему долгу. Такъ погибли: фрейлина графиня Анастасія Васильевна Гендрикова, гофъ-лектриса Екатерина Адольфовна Шнейдеръ, генералъ-адъютантъ Илья Леонидовичъ Татищевъ, гофмаршалъ князь Василій Александровичъ Долгоруковъ, секретарь Джонсонъ, комнатная дѣвушка Анна Степановна Демидова, сестра Варвара, управляющій Петръ Федоровичъ Ремезъ, дядька Клементій Григорьевичъ Нагорный, камердинеръ Иванъ Дмитріевичъ Сѣдневъ, камердинеръ Алексѣй Егоровичъ Труппъ, поваръ Иванъ Михайловичъ Харитоновъ, камердинеръ Василій Федоровичъ Челышевъ и, вѣроятно, много другихъ, о которыхъ тоже до насъ не дошли еще свѣдѣнія.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ злодѣяній, только объ убійствѣ бывшаго Государя Императора совѣтскими властями было объявлено оффиціально, при чемъ актъ этотъ былъ представленъ обществу, какъ народная казнь, совершенная надъ „коронованнымъ палачемъ“ по приговору Уральскаго Областного Совдепа. Объ остальныхъ же совершенныхъ злодѣяніяхъ совѣтскія власти не только умолчали и скрыли отъ народа, но постарались прикрыть ихъ лживыми заявленіями и инсценировкой побѣговъ и похищеній. Такъ, въ отношеніи Членовъ Царской Семьи было объявлено, что „жена и сынъ“ отправлены въ надежное мѣсто, а о Великихъ Княжнахъ вовсе ничего не упоминалось. Когда почти черезъ годъ убійство выплыло наружу, то совѣтскіе гла-

вари использовали его для провоцированія своихъ политическихъ сотрудниковъ въ Москвѣ, лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ, и инсценировали цѣлый процессъ, стремясь представить дѣло, какъ попытку лѣвыхъ эс-эровъ дискредитировать совѣтскую власть. Въ качествѣ обвиняемыхъ были привлечены какіе-то Яхонтовъ, Грузиновъ и Малютинъ— члены Екатеринбургскаго совдепа, Марія Апроскина и Елизавета Миронова и 9 красноармейцевъ. Всѣ эти лица были признаны виновными, приговорены къ разстрѣлу и разстрѣляны.

Категорически утверждаю, что перечисленныя по фамиліямъ лица въ разстрѣлѣ Царской Семьи не участвовали.

Въ отношеніи убитыхъ въ Алапаевскѣ Великой Княгини, Великаго Князя, Князей и остальныхъ лицъ, содержавшихся въ Напольной школѣ, совѣтскія власти объявили, что они всѣ похищены какой-то бѣлогвардейской бандой, напавшей на охрану. Дабы заставить окружавшее населеніе повѣрить этому вымыслу, большевики, уже послѣ совершенія убійства, разыграли провокаціонное сраженіе съ мнимымъ противникомъ, а для большей убѣдительности пристрѣлили содержавшагося въ арестномъ домѣ за пьянство мужичка и, перетащивъ его тѣло къ школѣ, выдали трупъ за одного изъ убитыхъ ими бѣлогвардейцевъ.

Такой же провокаціонный слухъ о похищеніи бѣлогвардейцами былъ распущенъ большевиками и въ отношеніи Великаго Князя Михаила Александровича; въ дѣйствительности же, Онъ былъ уведенъ и убитъ тремя членами Мотовилихинской чрезвычайки.

Все это указываетъ, что убійству Августѣйшей Семьи и Членовъ Дома Романовыхъ совѣтскія власти придавали чрезвычайно важное значеніе въ дѣлѣ подготовки для себя будущей побѣды, но, съ другой стороны, уже тогда боялись народа и усиленно распускали въ немъ свѣдѣнія, что Царская Семья вывезена въ Германію. Народъ и сейчасъ, во многихъ мѣстахъ, не вѣритъ въ разстрѣлъ бывшаго Государя и по Россіи ходитъ легенда о томъ, какъ Онъ скрывается, переодѣтый простымъ мужикомъ, въ деревняхъ Сибири и появится снова на своемъ тронѣ, когда народъ очиститъ Россію отъ генераловъ и буржуевъ, свергнувшихъ Его съ престола. „Тогда,— говоритъ мужикъ,— будетъ Царь и народъ и между ними никого не будетъ". И вотъ этого второго устоя русскаго народа, устоя, созданнаго самимъ

народомъ въ своей бытовой идеологіи, Бронштейнъ и Ленинъ боятся не меньше, чѣмъ устоя религіознаго. Народъ до правды доходитъ больше инстинктомъ; умственныя разсужденія массѣ еще не доступны. И послѣ сверженія Царя народъ чувствуетъ, что правое дѣло не на сторонѣ тѣхъ, кто свергалъ Царя и кто послѣ Него сталъ править землей.

Вотъ почему главари совѣтской власти такъ старательно скрываютъ, что убійство Царя и Царской Семьи было сдѣлано по ихъ приказанію.

Съ нашей стороны оффиціальнаго Правительственнаго сообщенія объ убійствѣ большевиками Августѣйшей Семьи и другихъ Членовъ Дома Романовыхъ до настоящаго времени не послѣдовало. Вѣроятно, пройдетъ еще не мало времени, когда будущая національная русская власть, опираясь на результаты слѣдственнаго производства, сможетъ оповѣстить міръ о небывалой трагедіи, разыгравшейся лѣтомъ 1918 года на Уралѣ, и особенно о кошмарномъ злодѣяніи, совершенномъ Бронштейномъ, Ленинымъ, Янкелемъ Свердловымъ и Исаакомъ Голощекинымъ въ Екатеринбургѣ, въ домѣ Ипатьева, въ ночь съ 16-го на 17-е іюля, по новому стилю.

Появлявшіяся въ нашей печати въ разное время частныя извѣщенія, замѣтки, статьи и даже отдѣльныя книги трактовали о судьбѣ, постигшей Членовъ Царской Семьи и другихъ Членовъ Дома Романовыхъ, чрезвычайно различно; нѣкоторыя, преимущественно черпавшія свѣдѣнія изъ-за границы, отличались полнымъ вымысломъ и фантазіей; другія—въ зависимости отъ личныхъ впечатлѣній авторовъ, или степени ихъ знакомства съ фактической стороной дѣла—приближались къ истинѣ, но, конечно, не могли возмѣстить отсутствія опубликованія оффиціальныхъ слѣдственныхъ данныхъ. Такое положеніе часто давало пищу для ошибочно-неправильныхъ, или даже умышленно-ложныхъ заключеній по вопросу исключительной важности для русскаго народа.

Въ началѣ февраля 1919 года покойный Верховный Правитель Адмиралъ Колчакъ имѣлъ опредѣленное намѣреніе опубликовать оффиціально о всѣхъ убійствахъ Членовъ Дома Романовыхъ, совершенныхъ большевиками на Уралѣ лѣтомъ 1918 года. Это сообщеніе, нося совершенно объективный характеръ и констатируя только фактъ происшедшихъ злодѣяній, должно было быть выпущеннымъ, какъ актъ Правительства, для ознакомленія котораго съ дѣломъ судебнымъ

слѣдователемъ Соколовымъ, по приказанію Министра Юстиціи Старынкевича, была составлена краткая сводка документальныхъ данныхъ, съ упоминаніемъ въ ней только для членовъ Правительства такихъ матеріаловъ, которые по нашимъ законамъ до окончанія слѣдствія ни въ коемъ случаѣ опубликованію не подлежали. Такого рода справки для Генералъ-Прокуроровъ (каковымъ является Министръ Юстиціи) въ теченіе самаго слѣдственнаго производства закономъ установлены.

Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ лицъ тогдашнихъ высшихъ сферъ Омска, ослѣпленныя узкой партійной борьбой между собой, рѣшили использовать намѣреніе Адмирала Колчака для своихъ цѣлей. Управлявшій въ то время дѣлами Совѣта Министровъ Тельбергъ, безъ вѣдома Министра Юстиціи, взялъ изъ ящика его письменнаго стола приготовленную Соколовымъ секретную справку и передалъ ее въ редакцію газеты „Заря“, которая на слѣдующее же утро помѣстила ее полностью на страницахъ газеты. Верховный Правитель приказалъ немедленно конфисковать еще не успѣвшіе разойтись въ розничной продажѣ номера; но дѣло было сорвано, шумъ поднялся невѣроятный, и Адмиралъ Колчакъ былъ вынужденъ отказаться отъ идеи „оффиціальнаго Правительственнаго сообщенія“.

Тѣмъ не менѣе можно думать, что теперь едва ли кто сомнѣвается въ самыхъ фактахъ совершившихся на Уралѣ убійствъ и, въ частности, въ фактѣ убійства въ Екатеринбургѣ именно всѣхъ Членовъ Царской Семьи, а не одного только бывшаго Государя Императора, какъ о томъ сообщали совѣтскія власти. Но какъ раньше, такъ и теперь, едва ли русское общество въ массѣ, а тѣмъ паче—весь міръ, имѣютъ опредѣленное сознаніе и сужденіе о томъ, кто были въ дѣйствительности прямыми вдохновителями и руководителями этихъ кошмарныхъ преступленій, а кто является косвенными виновниками ихъ совершенія? Были ли эти убійства случайными злодѣяніями исключительно мѣстныхъ властей, или инціатива ихъ исполненія исходила свыше, отъ центра, и, наконецъ, какими цѣлями и замыслами руководились главари убійствъ въ ихъ ужасныхъ, не человѣческихъ дѣяніяхъ какъ при совершеніи самихъ убійствъ, такъ и въ отношеніи сокрытія тѣлъ своихъ жертвъ?

Покойный Верховный Правитель, сознавая историческое значеніе убійства Членовъ Дома Романовыхъ, рѣшилъ расши-

рить характеръ изслѣдованія этихъ преступленій, приблизивъ его по существу къ практиковавшимся въ особо важныхъ случаяхъ дореволюціоннаго времени сенаторскимъ слѣдствіямъ; къ этому побуждали его и тѣ тренія революціоннаго времени, которыя слѣдственное производство встрѣчало на мѣстѣ въ различныхъ партійныхъ и классовыхъ распряхъ общественныхъ, политическихъ и военныхъ дѣятелей, а равно и вообще неудовлетворительное само по себѣ первоначальное предварительное слѣдствіе, ведшееся слѣдователями Екатеринбургскаго Окружнаго Суда.

17-го января 1919 года Адмиралъ Колчакъ возложилъ на меня общее руководство по разслѣдованію и слѣдствію по дѣламъ объ убійствѣ на Уралѣ Членовъ Августѣйшей Семьи и другихъ Членовъ Дома Романовыхъ. Я получилъ приказаніе расширить рамки производившагося въ то время предварительнаго слѣдствія по этимъ дѣламъ, не ограничиваясь узко только юридической стороной дѣла, но направляя общее изслѣдованіе въ цѣляхъ освѣщенія вопроса также съ исторической и національной точекъ зрѣнія. Спеціально для веденія предварительнаго слѣдствія мнѣ былъ приданъ судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Николай Алексѣевичъ Соколовъ, а для выполненія требованій слѣдственнаго производства по розыскамъ и раскопкамъ моимъ помощникомъ былъ назначенъ Начальникъ Военно-Административнаго управленія Екатеринбургскаго раіона генералъ-маіоръ Сергѣй Алексѣевичъ Домантовичъ.

Предоставленіе разслѣдованію такихъ широкихъ рамокъ, въ связи съ чрезвычайно талантливымъ и идейнымъ веденіемъ Соколовымъ самаго слѣдственнаго производства, позволили освѣтить эту мрачную и кровавую страницу исторіи русскаго народа въ предѣлахъ полноты и ясности, допускавшихся тѣмъ временемъ. Оставленіе нами въ началѣ іюля Екатеринбурга и Пермской губерніи не дало возможности довести слѣдствіе до тѣхъ результатовъ, когда можно было бы поставить окончательную точку и сказать, что дѣло кончено. Нѣтъ, разслѣдованіе и само слѣдствіе далеко не кончены, а въ историческомъ и національномъ отношеніяхъ, думается, нельзя было даже и мечтать его кончить, т. к. разработка этихъ вопросовъ до абсолютной полноты и точности требуетъ не мѣсяцевъ и годовъ, а цѣлыхъ десятилѣтій и иногда очень многихъ.

За послѣднее время, преимущественно за границей, появилось нѣсколько серьезныхъ печатныхъ трудовъ, основанныхъ частью на воспоминаніяхъ, а частью и на нѣкоторыхъ оффиціальныхъ документахъ слѣдствія, объ убійствѣ большевиками въ Екатеринбургѣ Членовъ Царской Семьи. Въ Америкѣ появилась книга упоминавшагося выше Тельберга, бывшаго въ Омскѣ Управляющимъ дѣлами Совѣта Министровъ; въ Англіи издана книга Вильтона, корреспондента газеты „Таймсъ", проведшаго все время при слѣдственныхъ работахъ на Уралѣ; во Франціи изданы записки Жильяра, бывшаго воспитателя Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича; въ Пекинѣ издана книга Игумна Серафима, сопровождавшаго тѣла убитыхъ въ Алапаевскѣ Великой Княгини и Великихъ Князей при перевозкѣ Ихъ изъ Алапаевска сначала до Читы, а затѣмъ до нашей Духовной миссіи въ Пекинѣ. Располагая нѣкоторыми оффиціальными документами слѣдствія, авторы имѣли возможность передать картину самаго злодѣянія съ достаточной полнотою. Но нельзя дѣлать такихъ вещей, какъ позволилъ себѣ Игуменъ Серафимъ. Въ трудѣ, преслѣдовавшемъ цѣль дать не только фактическое изложеніе событій, но и характеристику АВГУСТѢЙШИХЪ мучениковъ на основаніи документальныхъ данныхъ, *онъ*, безъ всякой оцѣнки и провѣрки правдоподобности, выписываетъ изъ совѣтскихъ „Извѣстій" помѣщенное въ нихъ письмо, якобы написанное Государемъ Ленину и оставляетъ читателя въ убѣжденіи, что это письмо дѣйствительно принадлежитъ перу покойнаго бывшаго Царя. Очевидно, Игуменъ Серафимъ хотѣлъ использовать этотъ документъ, какъ оффиціальное подтвержденіе тѣхъ скверныхъ условій, въ какихъ содержалась Царская Семья въ Екатеринбургѣ; но вѣдь вся книга Игумна Серафима направлена на идейную борьбу съ проводниками идей большевизма; какъ же можно пользоваться для своей борьбы оружіемъ, взятымъ изъ противнаго лагеря, не убѣдившись въ силѣ этого оружія? Вѣдь противники Игумна Серафима прекрасно знаютъ, что это письмо ими самими изобрѣтено, какъ и много другихъ документовъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Какъ перечисленные выше авторы, такъ и большинство остальныхъ авторовъ вышедшихъ до настоящаго времени замѣтокъ, воспоминаній и повѣствованій ограничиваются при указаніи убійцъ обыкновеннымъ стереотипнымъ наиме-

нованіемъ ихъ—„большевики“, а само убійство относятъ къ характеру одного изъ тѣхъ, хотя и выдающихся, но многочисленныхъ рядовыхъ убійствъ, которыми вообще ознаменовали большевики свою власть въ Россіи. Кромѣ того, большинство авторовъ ограничиваются простымъ констатированіемъ факта звѣрскаго убійства, не выходя изъ рамокъ изслѣдованія его, какъ всякаго другого звѣрскаго преступленія, совершеннаго совѣтскими дѣятелями въ періодъ того лѣта, съ точки зрѣнія установленія преступности физіономіи той государственной власти, которая возымѣла дерзость выдавать себя за народную, демократическую власть.

Только въ трудахъ Вильтона и Жильяра, впервые, въ изложеніи тяжелой кровавой драмы, разыгравшейся въ стѣнахъ дома Ипатьева, во-первыхъ—зазвучали нотки душевнаго отношенія и вниманія къ самимъ жертвамъ этой исторической драмы и, во вторыхъ, быть можетъ, только инстинктивно убійство это выдвигается изъ ряда обычныхъ большевистскихъ злодѣяній той эпохи на степень событія національнаго значенія для русскаго народа.

Вильтонъ и Жильяръ, хоть и иностранцы, но, проживая подолгу въ Россіи и среди русскаго народа, какъ люди чистые и чуткіе сердцемъ, какъ люди, глубоко и искренно любившіе русскаго человѣка, наконецъ, какъ люди наблюдательные и искренніе по натурѣ,—переживя съ русскимъ народомъ трагедію его разложенія, революціи и бездны,—почуяли инстинктомъ и сердцемъ правду: *эти убійства совершенно исключительны* и не только для русскаго народа, но и для всего міра.

Міръ часто не видитъ правды, не хочетъ правды и не любитъ правды; по нѣкоторымъ вопросамъ онъ настолько боится правды, что напоминаетъ страуса, прячущаго въ маленькую ямку голову и думающаго, что если онъ не видитъ, то и его никто не видитъ; иногда ложный страхъ передъ правдой такъ великъ, такъ безумно страшенъ, что міръ самъ начинаетъ разрушать свое, близкое, дорогое, сознательно идетъ по линіи разрушенія, только чтобы не подумалъ кто-то, что онъ видитъ правду, понимаетъ ее и ненавидитъ источники этой правды. Заставить міръ убѣдиться въ правдѣ—это задача, кажется, безцѣльная.

Но, къ счастью, міръ наполненъ не одинаковомыслящими людьми: есть люди, и особенно богата ими Россія, гдѣ Христіанская вѣра научила людей сердцемъ воспринимать

правду и идти къ ея свѣту и свободѣ не ветхозавѣтнымъ закономъ еврейства—„око за око и зубъ за зубъ“, а великой заповѣдью Христа—проповѣдью Евангелія любви. Этимъ людямъ посвящаю я и мои записки.

Убійства Членовъ Царской Семьи и другихъ Членовъ Дома Романовыхъ представляются убійствами совершенно исключительными:

Это не были звѣрскія убійства возмущенной толпы, разъяренной черни, ибо *русскій народъ участія въ нихъ не принималъ.*

Это не „казнь“ коронованныхъ особъ, которыя знаетъ исторія революцій, ибо все совершилось *безъ всякаго суда* и *безъ участія народа.*

Это даже не изувѣрское истребленіе, какъ въ былыя времена, язычникомъ Нерономъ первыхъ мучениковъ Христіанства, ибо Неронъ изъ своихъ звѣрствъ устраивалъ зрѣлища для народа, а не скрывалъ отъ него и не боялся его.

Это было *уничтоженіе совѣтской властью намѣченныхъ жертвъ въ опредѣленный,* по особымъ обстоятельствамъ, *періодъ времени:* іюнь—іюль 1918 года.

Это были преступленія идейныя, фанатическія, изувѣрскія, *но совершавшіяся* скрытно, въ тайнѣ, во лжи и обманѣ отъ Христіанскаго русскаго народа.

Это было планомѣрное, заранѣе обдуманное и подготовленное *истребленіе Членовъ Дома Романовыхъ* и исключительно близкихъ имъ по духу и вѣрованію лицъ.

Прямая линія династіи Романовыхъ кончилась: она началась въ Ипатьевскомъ монастырѣ Костромской губерніи и кончилась—въ Ипатьевскомъ домѣ города Екатеринбурга. Новое восшествіе на Россійскій престолъ кого-либо изъ оставшихся въ живыхъ Членовъ боковыхъ линій Дома Романовыхъ, конечно, можетъ случиться, но не какъ выдвиженіе кандидата какой-либо политической партіей, группой или отдѣльными лицами, а только постановленіемъ будущаго Всероссійскаго Земскаго Собора. Во всякомъ случаѣ, убійство бывшаго Императора НИКОЛАЯ II-го и Его АВГУСТѢЙШЕЙ СЕМЬИ, въ связи съ убійствомъ и другихъ Членовъ Дома Романовыхъ, составляетъ *историческую эру.* Изъ этого одного уже вытекаетъ, что убійства эти не могутъ быть отнесены къ характеру обыденныхъ, звѣрскихъ, очередныхъ убійствъ, совершенныхъ тѣми или другими

„случайными“ большевистскими дѣятелями, а имѣютъ свою великую, глубокую, національную и духовную исторію въ прошлой жизни русскаго народа и будутъ имѣть и великое воспитательное, созидательное и государственное будущее для всей Россіи, а возможно и для всего міра.

Мы знаемъ, что активнымъ выступленіемъ русской интеллигенціи, при пассивномъ отношеніи народной массы, Домъ Романовыхъ былъ свергнутъ съ Россійскаго престола въ февралѣ 1917 года, но на жизнь Его Членовъ рука наша не поднялась.

Мы знаемъ, что Германія не смогла одолѣть своихъ противниковъ въ честномъ, открытомъ бою; тогда, не брезгая средствами борьбы, она бросила на нашъ фронтъ и тылъ подлѣйшее изъ орудій борьбы, ужаснѣйшій изъ ядовъ—ядъ политическій, ядъ большевизма, заразу анархіи. Но сама стала жертвой нанятыхъ ею для этой борьбы рабовъ.

Мы знаемъ, что народъ совѣтской Россіи и до сихъ поръ не знаетъ, что совершили его властелины; какія кровавыя, звѣрскія преступленія навязаны ему нынѣ исторіей и волей его теперешнихъ вождей. Но мы знаемъ и то, что надъ Романовыми не было *народнаго суда*, и вожди не посмѣли прибѣгнуть къ нему для своихъ цѣлей.

Кто же были „эти большевики“, которыхъ называютъ убійцами Членовъ Дома Романовыхъ? Кто были эти „холопы“ и „наймиты“, которые не только ослушались своихъ хозяевъ—нѣмецкаго Генеральнаго Штаба, но оказались и хитрѣе его, и подлѣе его, и сильнѣе нѣмецкаго народа, и ужъ, конечно, безпринципнѣе и безнравственнѣе его?

Дать исчерпывающіе отвѣты на поставленные вопросы составляло задачу слѣдствія. Н. А. Соколовъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего пять мѣсяцевъ работы, т. е. съ 7 февраля, дня его назначенія, до 10 іюля, когда слѣдствіе пришлось прервать въ виду приближенія къ Екатеринбургу большевиковъ и оставленія нами этого раіона. Тѣмъ не менѣе, собранный имъ матеріалъ даетъ основаніе неоспоримо установить фактъ совершенныхъ убійствъ въ Екатеринбургѣ, Алапаевскѣ и Перми *всѣхъ* упомянутыхъ выше Членовъ Дома Романовыхъ и освѣтить въ достаточной мѣрѣ тѣ предположенія, на которыя наткнулось слѣдствіе въ отношеніи того, что предприняли руководители преступленія, чтобы скрыть тѣла убитыхъ въ Екатеринбургѣ бывшаго Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи и какой

способъ сокрытія тѣлъ былъ ими примѣненъ. Далѣе слѣдствію съ достаточной доказательностью удалось установить данныя для сужденія о томъ, кто были руководителями и прямыми исполнителями всѣхъ этихъ преступленій и собрать нѣкоторый матеріалъ для выводовъ о косвенныхъ виновникахъ трагической гибели Членовъ Дома Романовыхъ.

Попытка свести матеріалъ по разслѣдованію и нѣкоторыя мысли, возникавшія во время хода работъ по изученію исторіи и характера преступленія и преступниковъ, составятъ предметъ 1 и 2 частей этой книги, а въ 3-ей части будетъ сдѣланъ опытъ историческаго и національнаго изслѣдованія причинъ, цѣли и слѣдствія этой трагической страницы въ исторіи русскаго народа.

Изслѣдованіе отнюдь не предполагаетъ касаться критики дѣятельности покойнаго бывшаго Государя Императора, какъ Правителя и какъ Царя. Моральное право сужденія династическихъ Правителей принадлежитъ только Всемогущему Богу, безстрастной исторіи и суду народной совѣсти, въ лицѣ такихъ учрежденій, какъ Земскій Соборъ.

Съ политически-гражданской точки зрѣнія, въ мірѣ бываютъ Цари, которые по своей натурѣ призваны царствовать, но бываютъ Цари, которые по своей натурѣ призваны быть мучениками царствованія. Ко вторымъ относится и покойный бывшій Императоръ.

Но съ точки зрѣнія идеологіи русскаго народа, есть еще и другая сторона—духовный символъ, олицетворяемый въ фигурѣ Царя, Помазанникъ Божій. Освѣтить, по мѣрѣ силъ и возможности, убитыхъ Царя и Царицу съ этой стороны разслѣдованіе считало себя обязаннымъ, исходя изъ такихъ соображеній: сверженіе Царя, который въ міровоззрѣніи народа является только Правителемъ, представляется преступленіемъ по „формѣ“, преступленіемъ политически-гражданскимъ; сверженіе же Царя, который въ міровоззрѣніи народа является еще и Помазанникомъ Божьимъ, представляется преступленіемъ по „духу“, затрагивающимъ въ корнѣ все историческое, національное и религіозное міровоззрѣніе народа и выбивающимъ изъ подъ его ногъ нравственные устои его жизни и быта. Послѣ этого онъ, естественно, легко впадаетъ въ крайности. Мы всѣ повинны въ бѣдствіяхъ, постигшихъ нашу Родину; мы всѣ повинны въ томъ, что еще до революціи между нами, интеллигентами, и народомъ оказалась пропасть; мы всѣ повинны въ

томъ, что народъ оказался не съ нами, а съ пришлыми, ему совершенно чужими нехристями; наконецъ, мы всѣ повинны въ трагической судьбѣ, постигшей Домъ Романовыхъ, хотя и не участвовали фактически въ ужасныхъ кровавыхъ злодѣяніяхъ.

Но все это создалось не сейчасъ, не въ ближайшее только время, а подходило исподоволь, наростало издалека — изъ далекаго прошлаго нашей исторіи и, медленно катясь клубкомъ, все наростало и наростало, пока, наконецъ, не порвало послѣдней нити между Царемъ и народомъ, связывавшей ихъ духовной идеологіей. Въ этомъ окончательномъ разрывѣ повинно исключительно наше время, и послѣднюю ступень исторической нисходящей лѣстницы къ большевизму перешагнули мы, бросивъ народъ въ рабство правителямъ религіи *Лжи.*

Но твердо вѣрится, что русскій народъ, даже придушенный гнетомъ, голодомъ, раззореніемъ и терроромъ теперешнихъ его „Діавола милостью“ вождей, сознавъ свое роковое заблужденіе въ путяхъ истиннаго Христова ученія, снова найдетъ въ себѣ ту, Богомъ данную ему, Святую искру вѣры и любви для начала своего будущаго возрожденія, которая во всѣ серьезныя времена его историческаго прошлаго являлась путеводной звѣздой для новой, свѣтлой жизни во Христѣ, подъ стягомъ „Божьей милостью“.

Не ради возбужденія чувства мести, не ради новыхъ жертвъ, крови и проявленія низкой, жестокой и безцѣльной злобы хочу я подѣлиться мыслями, выводами и чувствами, вызванными во мнѣ изученіемъ и изслѣдованіемъ обстоятельствъ этой трагической страницы нашей исторіи. Пусть каждый, читая мои записки, помнитъ великія слова Іисуса Христа: „Милости хочу Я, а не жертвы“. И какъ величественна въ царствѣ Православной Церкви была смерть Членовъ Царской Семьи, такъ пусть и народъ русскій, руководимый и просвѣщенный Божьимъ Промысломъ, найдетъ въ себѣ мудрость и величественное рѣшеніе не для осужденія и мщенія, а для приведенія къ Великому Воскресенію тѣхъ, кто былъ прямыми виновниками, вдохновителями и руководителями страшныхъ преступленій противъ народа, вѣры и заповѣдей Христа.

Михаилъ Дитерихсъ.

Въ моей книгѣ я вынужденъ былъ, упоминая о различныхъ дѣятеляхъ трагической эпохи, добавлять къ фамиліямъ ихъ имена. Произошло это потому, что среди совѣтскихъ главарей многіе—не русской національности и предпочитаютъ жить и дѣйствовать подъ вымышленными русскими фамиліями. Такъ какъ, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось узнать ихъ настоящихъ фамилій, а, съ другой стороны, я вовсе не хочу вводить читателя въ заблужденіе, что главные дѣятели по дѣлу: Свердловъ въ Москвѣ, Голощекинъ въ Екатеринбургѣ — люди русской національности, то мнѣ и пришлось отмѣчать это хотя бы именами ихъ. Тѣхъ же, которыхъ имена остаются неизвѣстными, я называю по фамиліямъ съ добавленіемъ указанія на національность. Эти детали исключительно важны для будущей исторіи совѣтской власти въ Россіи, почему не отмѣтить ихъ—нельзя.

М. Д.

ГЛАВА I.

Освобожденіе Екатеринбурга.

Въ ночь съ 24-го на 25-е іюля 1918 года наши войска, подъ начальствомъ, тогда полковника, Войцеховскаго, разсѣявъ красную армію товарища латыша Берзина, заняли Екатеринбургъ. Совѣтскія власти и дѣятели въ большой растерянности, спѣшности и тревогѣ бѣжали на Пермь, побросавъ и позабывъ въ городѣ много своихъ бумагъ и документовъ, но увозя подъ сильной и надежной охраной, специальнымъ поѣздомъ, награбленное у жителей имущество и, въ особенности, цѣнности и документы, принадлежавшіе Царской Семьѣ.

Нѣкоторые изъ комиссаровъ начали покидать городъ еще съ 19-го числа, но, тѣмъ не менѣе, всѣ они проявляли какое-то особое волненіе, нервность и растерянность, доводившія ихъ до паническаго состоянія. Янкель Юровскій, житель города Екатеринбурга, секретный предсѣдатель Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи и комиссаръ „дома особаго назначенія" (такъ назывался у большевиковъ домъ Ипатьева, гдѣ содержалась Царская Семья) былъ въ такомъ состояніи, что, уѣзжая изъ этого дома поздно вечеромъ 19-го числа и увозя семь чемодановъ, наполненныхъ Царскими вещами, забылъ на столѣ своей комнаты въ этомъ домѣ свой бумажникъ съ 2000 рублей въ немъ.

Городъ встрѣтилъ вступленіе нашихъ войскъ, какъ Свѣтлый праздникъ: флаги, музыка, цвѣты, толпы ликующаго народа, привѣтствія, церковный звонъ, и смѣхъ, и радостныя слезы—все создавало картину ликующаго начала весны въ новой жизни и настроеніе великаго праздника Воскресенія Христова.

А въ природѣ было лѣто, и городъ едва очнулся отъ давившей его послѣдніе дни какой-то ужасной, мрачной обстановки смерти, похоронъ, погребальнаго стона, какъ бы нависшаго черной тучей надъ всѣмъ городомъ и его окрестностями. Такъ бываетъ въ зачумленныхъ городахъ: не видно этихъ несчастныхъ чумныхъ, не слышно ихъ, не извѣстно даже, что гдѣ и происходитъ, но чувствуется, что что-то совершается ужасное, что что-то совершилось уже; чувствуется вѣяніе смерти вокругъ. И страшно, и мрачно, и жутко на душѣ.

Таково было настроеніе въ Екатеринбургѣ передъ освобожденіемъ его нашими войсками. И потому весной и Свѣтлымъ праздникомъ показался его обывателямъ день 25-го іюля.

Только на углу Вознесенскаго проспекта и Вознесенскаго переулка, за двумя рядами высокихъ, сплошныхъ заборовъ, скрывавшихъ окна отъ глазъ улицы, въ небольшомъ, но хорошенькомъ, бѣленькомъ домикѣ продолжали царить мракъ, мертвая тишина и тѣни преступленія.

Это домъ Ипатьева, или, по большевистски, „домъ особаго назначенія", въ которомъ содержалась въ Екатеринбургѣ, съ 30-го апрѣля 1918 года, Августѣйшая Семья.

Въ этомъ домѣ, еще 14-го іюля, священникъ о. Сторожевъ, съ діакономъ Василіемъ Буимировымъ, совершалъ обѣдницу для всей собравшейся въ залѣ Царской Семьи; бѣдный Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ страдалъ своей наслѣдственной болѣзнью и сидѣлъ въ креслѣ. Тутъ же присутствовали тогда докторъ Боткинъ, дѣвушка Демидова, поваръ Харитоновъ, камердинеръ Труппъ и мальчикъ Сѣдневъ; по-одаль, у окна стоялъ комиссаръ Янкель Юровскій и не спускалъ глазъ съ молившихся впереди русскихъ христіанскихъ людей.

Всѣ Члены Царской Семьи имѣли видъ утомленный и, противъ обыкновенія, никто изъ Нихъ не пѣлъ во время службы, какъ было на предшествовавшихъ пяти службахъ, до появленія въ домѣ Янкеля Юровскаго. А когда, во время этой службы 14-го іюля, по чину обѣдницы, отецъ діаконъ, вмѣсто того, чтобы прочесть, по ошибкѣ запѣлъ „со Святыми упокой", всѣ Члены Семьи бывшаго Императора Николая II-го опустились на колѣни.

„Знаете, о. протоіерей, сказалъ діаконъ Буймировъ, выйдя изъ дома, у нихъ тамъ что-то случилось: Они всѣ какіе-то другіе точно, да и не поетъ никто".

Гдѣ же были теперь обитатели этого дома?

Въ домѣ царилъ невѣроятный хаосъ. Начиная отъ комнатъ нижняго полуподвальнаго этажа, гдѣ при Янкелѣ Юровскомъ жилъ внутренній караулъ изъ 10-ти человѣкъ, приведенныхъ имъ съ собой изъ Чрезвычайки, до угольной комнаты верхняго этажа, служившей спальней бывшему Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и Наслѣднику Цесаревичу, почти во всѣхъ комнатахъ были разбросаны по полу, на столахъ, диванахъ, за шкафами и ящиками различныя цѣльныя, разломанныя, помятыя и скомканныя вещи и вещицы, принадлежавшія Августѣйшей Семьѣ и содержавшимся съ Ними въ домѣ придворнымъ людямъ. Больше всего валялось ихъ въ комнатѣ комиссара Янкеля Юровскаго, первой, на лѣво, изъ передней. Валялись порванныя, смятыя и обгорѣлыя записки, обрывки писемъ, фотографій, картинокъ; валялись книжки, молитвенники, Евангелья; валялись образа, образки, крестики, четки, обрывки цѣпочекъ и ленточекъ, на которыхъ они подвѣшивались, а икона Федоровской Божьей Матери, икона, съ которой Государыня Императрица никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ путешествія не разставалась, валялась въ помойкѣ, во дворѣ, со срѣзаннымъ съ нея, ее украшавшимъ, очень цѣннымъ вѣнчикомъ изъ крупныхъ бриллiантовъ

Брошенными валялись пузырьки и флакончики со Святой водой и мvромъ, вывезенные, какъ значилось по надписямъ на нихъ, еще изъ Ливадіи, Царскаго Села и Костромскихъ монастырей; разбросанными, изломанными и разломанными валялись повсюду шкатулки, узорныя коробки, рабочіе ящички для рукодѣлій, дорожныя сумки, саквояжи, сундучки, чемоданы, корзины и ящики и вокругъ нихъ вывороченныя оттуда вещи, предметы домашняго обихода и туалета. Но...

ничего цѣннаго, въ смыслѣ рыночной цѣнности и, наоборотъ, почти все только цѣнное и необходимое для бывшихъ Обитателей этого дома.

Въ спальнѣ бывшаго Государя Императора и Государыни Императрицы валялись на полу: „Молитвословъ"—съ

юношескаго возраста не покидавшійся Императоромъ, съ тисненнымъ на обложкѣ сложнымъ вензелемъ изъ двухъ монограммъ: „Н. А.“ и „А. Ф.“ и датой на оборотной сторонѣ книжечки — „6-го мая, 1883 г.“; вблизи Молитвослова брошена разломанная двойная рамка, гдѣ у Государя были всегда портреты Государыни-невѣстой и Наслѣдника Цесаревича, а отъ самихъ портретовъ валялись лишь порванные, совершенно обгорѣвшіе кусочки.

Неподалеку лежали неразлучныя спутницы Государыни Императрицы—книги: „Лѣствица“, „О терпѣніи скорби“ и „Библія“, всѣ съ иниціалами „А. Ф.“ и датами „1906 годъ“ и съ повседневными помѣтками въ текстахъ и на поляхъ, сдѣланными рукой Ея Величества; тутъ же валялись и остатки Ея любимыхъ четокъ; тутъ же и необходимая для Наслѣдника Цесаревича, болѣвшаго съ апрѣля мѣсяца, машинка для электризаціи и Его лѣкарства, Его игрушки, Его доска, которую клали Ему на постель для игры на ней и занятій. И флаконы съ одеколономъ и туалетной водой, туалетные стаканчики, мыльницы, скляночки и коробочки отъ разныхъ лекарствъ и масса пепла отъ обгорѣлыхъ чулокъ, подвязокъ, матерій, бумаги, карточекъ, шкатулочекъ, коробочекъ отъ различныхъ рукодѣлій, иконокъ и образковъ.

Этого пепла и обгорѣлыхъ вещицъ домашняго обихода и туалетнаго характера было еще больше въ слѣдующей комнатѣ, служившей спальней для Великихъ Княженъ. Сразу получалось впечатлѣніе, что все служившее раньше для туалета, что составляло одежду, бѣлье, работу, рукодѣліе, развлеченіе, что хранилось дорогой памятью о былыхъ мѣстахъ жизни и путешествій, памятью о бывшихъ близкихъ людяхъ и друзьяхъ—все было собрано въ безпорядкѣ, въ спѣхѣ, скомкано, сломано, порвано и сожжено въ двухъ печахъ, находившихся въ этой комнатѣ. Срѣзанныя же во время болѣзни волосы Великихъ Княженъ валялись перепутанными и въ мусорѣ, въ передней, близъ комнаты Янкеля Юровскаго, а нѣкоторыя порванныя письма къ Нимъ, фотографіи и карточки, Имъ принадлежавшія, оказались засунутыми за шкафъ въ одной изъ комнатъ нижняго этажа, гдѣ жили палачи внутренней охраны.

Не видно было лишь одного—кроватей въ комнатѣ Великихъ Княженъ... Онѣ жили въ этой комнатѣ безъ кроватей и не имѣли матрацовъ.

Въ буфетной комнатѣ съ окномъ, выходившимъ въ садикъ, неподалеку отъ крана, на столѣ и подъ нимъ валялось много грязнаго столоваго бѣлья, и на нѣкоторыхъ полотенцахъ и салфеткахъ виднѣлись большія, густыя кровяныя пятна. А наружная сторона дома, если выглянуть изъ окна въ садикъ, сверху до низа была обрызгана тоже кровяными пятнами: видно кто-то мылъ подъ краномъ окровавленныя руки и отрясъ ихъ за окно, а другой — просто взялъ и, не мывши, отеръ свои руки о столовое бѣлье.

Въ каретникѣ во дворѣ дома Ипатьева оказалось нѣсколько кухонныхъ желѣзныхъ ящиковъ и два—три разломанныхъ по проще сундучка, перевезенныхъ комиссаромъ Хохряковымъ изъ Тобольска вмѣстѣ съ Царскими Дѣтьми. Сундуковъ, чемодановъ и ящиковъ, собственно Царской Семьи—не было. На землѣ валялись разбросанными, перепутанными, побитыми кое-какіе остатки кухонной посуды, посуды столовой, чайной, громоздкіе баки, кубы, лоханки. Осталось нѣсколько разрозненныхъ частей костюмовъ, разодранный корсажъ, отдѣльная юбка, большой ящикъ съ игрушками и играми Наслѣдника Цесаревича, ширмы Государыни, вѣсы для взвѣшиванія людей, чахолъ отъ походной кровати Великихъ Княженъ. Ничего не было изъ бѣлья, платьевъ, одежды, мѣховыхъ вещей, обуви, шляпъ и зонтиковъ.

Совершенно отдѣльно стоялъ раскрытый тяжелый ящикъ-сундукъ съ частью книгъ, принадлежавшихъ Августѣйшимъ Дѣтямъ; въ ящикѣ рылись, большую часть книгъ разбросали тутъ же, вокругъ него. Книги исключительно русскія, англійскія и французскія; ни одной на нѣмецкомъ языкѣ. Книги опредѣленнаго выбора: сочиненія для религіознаго, нравственнаго воспитанія и произведенія лучшихъ русскихъ классиковъ. Книги опредѣленныхъ владѣльцевъ; въ нихъ собственноручныя Ихъ Высочествъ помѣтки, закладки домашней работы, засушенные цвѣты и листочки. Почти на всѣхъ посвященія или просто помѣтки отъ Отца или Матери, или Обоихъ вмѣстѣ: „Елка. 1911 г. 24 декабря, Царское Село, отъ Папа и Мама, Ольгѣ"; „В. К. Ольгѣ, Мама, Тобольскъ, 1917 г."; „Моей маленькой Татьянѣ отъ Мама. 9 февраля, 1912 г. Царское Село"; „Дорогой Татьянѣ отъ Папа и Мама. Янв. 1908"; „М. Н. Елка. 1913"; „Тетрадь для французскаго. Алексисъ", и т. д.

Изъ одной англійской книжки Великой Княжны Ольги Николаевны высунулись два листочка почтовой бумажки, на которыхъ рукой Ея Высочества записаны стихотворенія, сочиненныя въ Тобольскѣ или Государыней Императрицей, или графиней Анастасіей Васильевной Гендриковой. На одномъ листкѣ:

ПЕРЕДЪ ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ.

Царица неба и земли,
Скорбящихъ утѣшеніе,
Молитвѣ грѣшниковъ внемли
Въ Тебѣ надежда и спасеніе.

Погрязли мы во злѣ страстей,
Блуждаемъ въ тьмѣ порока...
Но... наша Родина... О, къ ней
Склони всевидящее око.

Святая Русь, Твой свѣтлый домъ
Почти что погибаетъ.
Къ Тебѣ, Заступница, зовемъ—
Иной никто изъ насъ не знаетъ.

О, не оставь своихъ дѣтей,
Скорбящихъ упованіе,
Не отврати своихъ очей
Отъ нашей скорби и страданія.

На другомъ листкѣ:

МОЛИТВА.

Пошли Намъ, Господи, терпѣнья
Въ годину буйныхъ, мрачныхъ дней
Сносить народное гоненіе
И пытки нашихъ палачей.

Дай крѣпость намъ, о Боже правый,
Злодѣйства ближняго прощать
И крестъ тяжелый и кровавый
Съ Твоею кротостью встрѣчать.

И въ дни мятежнаго волненія,
Когда ограбятъ насъ враги,
Терпѣть позоръ и оскорбленія,
Христосъ Спаситель, помоги.

Владыка міра, Богъ Всесильный,
Благослови молитвой насъ
И дай покой душѣ смиренной
Въ невыносимый страшный часъ.

И у преддверія могилы
Вдохни въ уста твоихъ рабовъ—
Нечеловѣческія силы
Молиться кротко за враговъ.

Въ нижнемъ этажѣ дома Ипатьева, въ самомъ отдаленномъ и глухомъ его углу, есть полуподвальная комната, съ однимъ, задѣланнымъ рѣшеткой, окномъ, выходящимъ на Вознесенскій переулокъ. Комната полутемная, потому что два ряда высокихъ деревянныхъ заборовъ, доходившихъ до самой крыши, не допускали дневного свѣта до окна.

Въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ комнатъ дома, здѣсь не было ни мусору, ни разбросанныхъ вещей и вещицъ, не было даже пылинки: видно было, что комнату недавно мыли, и мыли даже обои. Но все же на полу, особенно вдоль карнизовъ, ясно виднѣлись слѣды бывшей здѣсь крови, а на обояхъ сохранились многочисленныя, мелкія брызги крови. Въ стѣнахъ и въ полу, въ косякѣ двери и верхнихъ карнизахъ—много пулевыхъ пробоинъ, съ застрявшими, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, пулями. Въ правомъ углу комнаты замѣтны были царапины—слѣды какого-то плоскаго, узкаго оружія.

Крови, видимо, было много, очень много; ее вымывали, затирали опилками, глиной, пескомъ, но она, растекаясь, омочила и карнизъ внизу лѣвой стѣны, и карнизъ стѣны, находившейся прямо противъ входной двери. Въ этой же стѣнѣ было особенно много пулевыхъ пробоинъ.

Каждый человѣкъ, вошедшій въ эту комнату, ощущалъ гнетъ не только отъ мрака внѣшняго—происходившаго отъ слабаго проникновенія дневного свѣта, но больше отъ внутренняго мрака, отъ слишкомъ яркихъ слѣдовъ, оставлен-

ныхъ здѣсь смертью, смертью многихъ людей, смертью неестественной, кровавой. Чувствовалось каждымъ, что здѣсь произошла какая-то ужасная трагедія, трагедія не одного живого существа, а нѣсколькихъ, многихъ. Представлялось: какъ въ безцѣльной борьбѣ за жизнь, или, вѣрнѣе, въ агоніи жизни, люди, загнанные въ эту маленькую комнату-ловушку, разстрѣливаемые въ упоръ отъ входной двери, метались по ней, кидались изъ стороны въ сторону, такъ какъ пули и пулевые слѣды, группировались не только въ полу и стѣнѣ, противоположной отъ входной двери, но, по отдѣльности, виднѣлись во всѣхъ стѣнахъ, и внизу, и въ верху, и даже въ лѣвомъ косякѣ входной двери, причемъ пуля пробила и саму дверь, открытую въ прихожую во время трагедіи.

Безобразенъ и отвратителенъ былъ видъ стѣнъ этой комнаты. Чьи-то грязныя и развратныя натуры безграмотными и грубыми руками испещрили обои циничными, похабными, безсмысленными надписями и рисунками, хулиганскими стишками, бранными словами и особо, видимо, смачно расписывавшимися фамиліями творцовъ хитровской живописи и литературы. И тѣмъ болѣе рѣзко и показательно, изъ всей этой массы безграмотности, воспроизведенной поддонками людской среды, выдѣлялось въ правомъ, ближайшемъ къ двери, углу комнаты двустишье, написанное карандашемъ полуинтеллигентной рукой, на еврейско-нѣмецкомъ жаргонѣ:

Валтасаръ былъ въ эту ночь
Убитъ своими подданными [1]).

Въ зданіи Волжско-Камскаго банка, гдѣ помѣщался при большевикахъ Уральскій Областной Совѣтъ рабочихъ, крестьянскихъ и армейскихъ депутатовъ, въ день вступленія въ Екатеринбургъ войскъ полковника Войцеховскаго царилъ не меньшій хаосъ и безпорядокъ раскиданныхъ и разбросанныхъ повсюду бумагъ, вещей, женскаго бѣлья, платьевъ и одежды.

Здѣсь, и особенно въ такъ называемыхъ кладовыхъ банка, были брошены взломанные сундуки, чемоданы, саквояжи, валялись вывороченныя изъ нихъ вещи, костюмы, чулки, бѣлье,

---

[1]) Двустишье изъ поэмы нѣмецкаго еврея Гейне—„Царь Валтасаръ“.

обувь, бумаги, тетради, книги, обрывки записокъ, открытокъ. И повсюду — на сундукахъ и чемоданахъ, на портфеляхъ и бюварахъ, на конвертахъ отъ писемъ и бумагахъ — виднѣлись надписи фамилій владѣльцевъ: „А. В. Гендрикова", или „Е. А. Шнейдеръ", или „В. А. Долгоруковъ", или И. Л. „Татищевъ".

Не было только самихъ владѣльцевъ всѣхъ этихъ брошенныхъ и разбросанныхъ вещей.

Въ сундукѣ А. В. Гендриковой, среди перерытой, смятой и скомканной одежды, лежалъ оброненный туда документъ, адресованный Сафарову; онъ, видимо, увлекся разборкой вещей графини и обронилъ туда свою бумагу. Сафаровъ — еврей, пріѣхалъ въ Россію съ Бронштейномъ въ запломбированномъ вагонѣ; въ Екатеринбургѣ былъ Членомъ Президіума; сносился непосредственно съ главарями Ц. И. К. въ Москвѣ; имъ была подписана телеграмма Алапаевскому совдепу съ приказаніемъ уничтожить содержавшихся тамъ Членовъ Дома Романовыхъ.

Въ помѣщеніи верхняго этажа банка, въ комнатахъ, занимавшихся присутствіями Совѣта и Президіума, на столахъ, въ ящикахъ столовъ, въ раскрытыхъ канцелярскихъ шкафахъ и среди забытыхъ дѣлъ валялись брошенными въ спѣшкѣ сборовъ черновики бумагъ, телеграммы, газеты, объявленія и записи телеграфныхъ разговоровъ по прямому проводу. Ихъ много было здѣсь, бюрократическій строй совѣтской власти плодилъ переписку еще большую, чѣмъ было въ до-революціонное время. Среди этихъ брошенныхъ бумагъ много хламу, но вотъ и интересныя:

„Москва. Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина.

Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно указаний центра. Опасения напрасны. Авдеев сменен, его помощник Мошкин арестован. Вместо Авдеева — Юровский, внутренний караул весь сменен, заменяется другим. 4 июля, № 4558. Белобородов".

Другой документъ:

„Москва, два адреса, Совнарком. Председателю ЦИК Свердлову.

Петроград, два адреса, Зиновьеву, Урицкому.

Алапаевский Исполком сообщил нападении утром восемнадцатого неизвестной банды помещение где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константино-

вич, Константин Константинович, Иван Константинович, Сергей Михаилович и Полей. Несмотря сопротивление стражи князья были похищены. Есть жертвы обеих сторон. Поиски ведутся. № 4853, 18 июля, 18 ч. 30 м. Предобласовета Белобородов".

Изъ записи на телеграфныхъ бланкахъ разговора по прямому проводу Янкеля Свердлова изъ Москвы, повидимому, съ Бѣлобородовымъ, читаемъ:

„Расстрел Николая Романова".

„На состоявшемся 18-го июля первом заседании Президиума Ц. И. К. Советов, Председатель тов. Свердлов сообщает получено по прямому проводу сообщение от областного Ур. Совета о расстреле бывшего Царя Николая Романова: Последние дни столице красного Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехо-слов. банд; в то же время был раскрыт новый заговор контр. рев. имевший целью вырвать из рук советской власти коронованного палача. В виду всех этих обстоятельств президиум Ур. Обл. Сов. постановил расстрелять Ник. Романова, что и было приведено в исполнение 16-го июля; жена и сын Ник. Ром. отправлены в надежное место; документы о раскрытом заговоре высланы в Москву со специальным курьером.

Сделав это сообщение тов. Свердлов напоминает историю перевода Ник. Роман. из Тобольска в Екатеринбург когда была раскрыта такая же организация белогвардейцев в целях устройства побега Николая Романова. В последнее время предполагалось предать бывшего царя суду за все его преступления против народа и только развернувшиеся сейчас события помешали этого суда. Президиум Ц. И. К. обсудив все обстоятельства заставившия Ур. Обл. Совет принять решение о расстреле Ник. Ром. постановил: Всерос. Ц. И. К. в лице своего президиума признает решение Ур. Обл. Сов. правильным; затем председатель сообщает, что в распоряжении ЦИК находятся сейчас чрезвычайно важный материал и документы Ник. Роман. его собственноручные дневники которые он вел от юности до последнего времени; дневники его жены и детей; переписка Ром. и т. д. Имеются между прочим письма Григ. Распутина к Романову и его семье. Все эти материалы будут разобраны и опубликованы в ближайшее время".

Черновикъ, писанный карандашемъ и перомъ, съ поправками въ числахъ:

Российская
Федеративная Республика
Советов.
Уральский Областной Совет
Рабочих, Крестьянских и
Армейских Депутатов.
ПРЕЗИДИУМ.

„В виду приближения контр-революционных банд к красной столице Урала Екатеринбургу и в виду возможности того, что коронованному палачу удастся избежать народнаго суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшого царя и его семьи) Президиум Ур. Облсовета исполняя волю революции постановил расстрелять бывшаго царя Николая Романова, виновнаго в безчисленных кровавых насилиях над русским народом.

В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведен в исполнение.

Семья Романова, содержавшаяся вместе с ним, эвакуирована из Екатеринбурга в интересах обезпечения общественного спокойствия. Президиум Обласовета".

Такое объявленіе виднѣлось еще 25-го іюля на заборахъ, столбахъ и стѣнахъ домовъ города Екатеринбурга, и веселыя, ожившія толпы народа, уничтожая всякіе слѣды ненавистной былой совѣтской власти, срывали и эти объявленія, не думая худого, въ радости давно желаннаго освобожденія.

Общаго ликованія и чувствъ свободы и возрожденія не раздѣляло въ этотъ день, вѣроятно, лишь нѣсколько лицъ изъ жителей города и расположенныхъ неподалеку Сысертскаго и Верхъ-Исетскаго заводовъ. Думается, что разныя чувства обуревали этихъ людей, разныя причины вліяли на особый укладъ ихъ мыслей и думъ, и разно проявили они себя въ этотъ и послѣдующіе дни, по созданіи на Уралѣ новаго положенія.

Н. А. Саковичъ.

Мрачно, безпокойно было, вѣроятно, на душѣ у доктора Николая Арсеньевича Саковича, проживавшаго на Госпитальной улицѣ, въ домѣ № 6. Вѣрно, торопился онъ сжечь нѣкоторыя изъ своихъ бумагъ; вѣрно, со страхомъ и трепе-

томъ подбѣгалъ къ окну смотрѣть на улицу: не идетъ ли кто-нибудь изъ новыхъ властей къ нему? Можетъ, какъ Іуда, дрожалъ онъ, чувствуя неизбѣжность, если не человѣческаго, то Божьяго суда.

„Славнымъ малымъ“, „ухажоромъ за сестрами“, ловкимъ и ласковымъ съ начальствомъ, любимцемъ самыхъ младшихъ офицеровъ, съ кличкой—„гусаръ“—онъ во время нѣмецкой войны былъ старшимъ врачемъ 5-й артиллерійской бригады. Всегда франтовато одѣтый, въ галифе и со стекомъ, счастливый игрокъ въ карты, первый во всѣхъ пирушкахъ и пикникахъ и громче всѣхъ оравшій „Боже Царя храни!“—таковъ онъ былъ и таковымъ его застала въ Москвѣ, въ отпуску, февральская революція 1917 года.

„Еще въ студенческіе годы“, заявилъ онъ, вернувшись изъ отпуска въ бригаду, „я былъ виднымъ партійнымъ работникомъ партіи социалъ-демократовъ“, и каялся, что отсталое и реакціонное общество офицеровъ дурно вліяло на него. Онъ сталъ первымъ на митингахъ, первымъ по „углубленію революціи“, первымъ въ работѣ разрыва офицера съ солдатомъ и говорилъ, что только онъ одинъ въ бригадѣ разбирается въ моментѣ и можетъ вести за собой солдатъ бригады.

Спустя годъ, отъ Саковича услышали: „я не принадлежу ни къ какой партіи и не принадлежалъ, *но* былъ записанъ въ Екатеринбургѣ, въ декабрѣ, какъ сочувствующій, въ партію соціалистовъ-революціонеровъ“. Въ январѣ 1918 года, по его словамъ, онъ отказывается принять званіе „Областного Комиссара Здравоохраненія“ и считаетъ себя Областнымъ Санитарнымъ врачемъ, *но* принимаетъ отъ Областного Исполнительнаго Комитета печать „Областного Комиссара Здравоохраненія“ и на всѣхъ исходящихъ отъ него бумагахъ и распоряженіяхъ ставитъ эту печать.

„Областного Совѣта депутатовъ и Исполнительнаго Комитета я не знаю“, говоритъ онъ, „*но* зналъ только Предсѣдателя Бѣлобородова и комиссаровъ: Сафарова, Войкова, Голощекина, Юровскаго, Полякова, Краснова, Хотимскаго (всѣ евреи), Тупетула (латышъ), Сыромолотова, Анучина и Меньшикова (русскіе)“.

Такъ было во всю службу его, всегда: чѣмъ онъ *не* былъ—его считали, что онъ былъ; чего онъ *не* хотѣлъ—его заставляли дѣлать; чему онъ *не* сочувствовалъ—ему приходилось подчиняться. Всюду, по его разсказу, было или вліяніе

среды, или принужденіе обстоятельствами, или волей и силой другихъ. Всюду было—*но*. Всюду въ его жизни оно слѣдовало за нимъ помимо его желанія, помимо его добрыхъ намѣреній.

Что же теперь, въ этотъ день, могло бы заботить, омрачать и пугать его? Почему могъ онъ пугаться прихода къ нему новыхъ властей? Казалось, свѣтъ свободы, проникшій въ городъ съ нашими войсками, долженъ былъ бы больше всего обрадовать, освѣтить его душу, столь, вѣроятно, истомившуюся, изстрадавшуюся въ этомъ ужасномъ, гнетущемъ подчиненіи воли и поступковъ, какъ повѣствуетъ онъ самъ... Теперь-то онъ могъ стать тѣмъ, что есть, стать снова человѣкомъ...

Но, могъ ли?

Вѣроятно, въ эти минуты воскресали въ его памяти еще и другія картины изъ его жизни и дѣятельности, о которыхъ онъ говоритъ такъ, между прочимъ, вскользь, какъ о видѣнномъ, но его будто не касавшемся и проходившемъ помимо его какого-нибудь участія.

Встаетъ въ его памяти полуосвѣщенная, въ клубахъ накуреннаго табачнаго дыма, давно не убиравшаяся, маленькая комната тайныхъ засѣданій Президіума. Видитъ сидящихъ въ ней за столомъ съ діавольскими жестокими и іезуитскими лицами: Сафарова, Голощекина, Войкова, Тупетула, Бѣлобородова, ихъ онъ запомнилъ хорошо; отчего? А, кажется, былъ и Юровскій и, навѣрное, другіе. Видитъ и себя самого среди нихъ будто сидящимъ въ сторонѣ, на диванѣ, за газетой: „Такъ какъ разбирался вопросъ, не касавшійся здравоохраненія“.

И вспоминаетъ, какъ дебатируются, а затѣмъ баллотируются вопросы: „устроить ли при перевозкѣ бывшаго Царя изъ Тобольска въ Екатеринбургъ крушеніе поѣзда, или устроить „охрану“ отъ провокаціоннаго покушенія на крушеніе, или, наконецъ, привезти Ихъ въ Екатеринбургъ“. Помнитъ даже, что по этимъ вопросамъ были и какія-то сношенія съ центромъ, съ Москвой...

„Вышло послѣднее“—перевезти въ Екатеринбургъ: оно вѣрнѣе.

А, можетъ быть, въ эти переживаемыя тревожныя минуты, видитъ онъ еще и другую картину, о которой онъ самъ уже ничего не говоритъ, но которая слишкомъ ужасно вырисовывается, какъ предположеніе, изъ данныхъ слѣдственнаго производства.

Лѣсъ густой, старая шахта, полянка; на ней пень отъ спиленной вѣковой сосны; какой-то врачъ сидитъ на пнѣ, спиной къ шахтѣ, нервно теребитъ случайно оказавшійся въ карманѣ медицинскій справочникъ и роняетъ изъ него кругомъ листки; взялся за совѣтскую газету, оторвалъ отъ нея кусокъ и бросилъ; нервно досталъ изъ другого кармана пакетъ съ вареными яйцами, чиститъ ихъ и разбрасываетъ кругомъ пенька шелуху. И откуда у него эти яйца? Не изъ тѣхъ ли это 50 яицъ, которыя Юровскій велѣлъ принести на 16-е іюля монахинямъ изъ монастыря.

А тамъ, у шахты, гдѣ толпятся 6—7 красноармейцевъ, свалены чьи-то, хорошо одѣтые трупы, обрызганные, перепачканные теперь кровью и глиной. Слышится, быть можетъ, знакомый голосъ: „докторъ, будьте добры, отдѣлите палецъ, кольца не снять“... И палецъ отдѣленъ, хорошо, чисто, хирургически и брошенъ въ шахту.

Могъ ли Саковичъ, даже если послѣднее не касалось его, стать тѣмъ, чѣмъ онъ былъ? Могло ли Божье Правосудіе не тяготѣть надъ нимъ въ этотъ свѣтлый для другихъ день, день освобожденія Екатеринбурга отъ совѣтской власти? [1]).

М. И. Летеминъ.

На окраинѣ города, на одной изъ грязнѣйшихъ уличекъ, Васенцовской, во дворѣ дома № 71, въ отдѣльномъ флигелькѣ изъ одной комнаты и кухни, съежившись и прижавшись къ темному углу сѣней, жалобно и тихо стонала небольшая, длинной каштановой шерсти, собачка. Слезились глаза отъ старости и, казалось, такъ былъ грустенъ общій ея видъ, что плачетъ она и стонетъ по какому-то большому, ей одной вѣдомому, горю.

А собака ясно была „не ко двору“ въ этомъ флигелѣ: порода иностранная и порода хорошая, рѣдкая; шерсть длинная, пушистая, шелковистая, часто видавшая на себѣ

---

[1]) По донесенію департамента полиціи, докторъ Саковичъ умеръ въ іюнѣ 1919 года въ Омской тюрьмѣ отъ скоротечной чахотки. Онъ умеръ въ тотъ самый день, когда за нимъ прибылъ караулъ, для отвода его на допросъ къ слѣдователю Соколову. Онъ былъ допрошенъ раньше Особой Слѣдственной комиссіей по обвиненію въ службѣ у большевиковъ, а по Царскому дѣлу—лишь въ Екатеринбургскомъ уголовномъ розыскѣ, но очень поверхностно.

мыло и гребенку; собака знала и разные фокусы: лапку давала, служила, но ни на какую русскую кличку не отзывалась.

Жильцы флигеля сидѣли тутъ же, въ комнатѣ. Жена, вѣроятно, плаксивымъ голосомъ, хныча, приставала къ мужу:

— „Что же теперь будетъ? Что же дѣлать?"...

Онъ, тупо уставившись взоромъ въ столъ, съ осовѣвшими отъ перепоя глазами, встрепанной бородой, не умытый, въ чужихъ, слишкомъ хорошаго матеріала, частяхъ костюма, тяжело, пьяно дышалъ и дымилъ одной папиросой за другой.

— „Прячь, пока-что", вѣрно, только и былъ его отвѣтъ.

И вотъ, изъ большого узла, сваленнаго при приходѣ въ уголъ, спѣшно полетѣли куда попало, подъ кровать, въ сундукъ, въ ящикъ швейной машины, въ темный чуланъ, за печку, подъ печку, подъ половицы, хорошія вещи, совершенно не отвѣчавшія обстановкѣ и жителямъ флигеля, вещи, вещицы, принадлежности одежды, бумаги, книжки. Чего-чего не было среди нихъ: четки изъ ракушекъ, образокъ овальный фарфоровый Св. Алексѣя, Митрополита Московскаго, оправленный въ серебряный позолоченный ларецъ съ мощами Святителя внутри, золотой крестъ-ковчежецъ съ изображеніемъ Святителя Алексѣя и тоже съ мощами внутри; книжка — собственноручный дневникъ Наслѣдника Цесаревича, приходо-расходная книжка денегъ изъ Канцеляріи Ея Величества въ красивомъ красномъ сафьяновомъ переплетѣ; мѣдный простой колокольчикъ, у котораго языкъ былъ замѣненъ мѣдной подвѣшанной гайкой, фотографическій панорамный аппаратъ Кодака, дорожный погребецъ, обтянутый черной кожей, коробка съ электрическими лампочками, щеточка для обмахиванія пыли съ башмаковъ, черепаховый дамскій гребешокъ, ногтевая заграничная щетка, обломокъ отъ хорошаго зеркала, флаконъ съ водой Вербена, рукоять отъ сломаннаго серебрянаго столоваго ножа, пакетъ съ персидскимъ порошкомъ, градусникъ наружный Реомюра, четыре пуговки съ брилліантами и пять военныхъ съ гербами, черный шелковый зонтикъ, свѣчи бѣлаго воска, обвитыя и разукрашенныя золотомъ, маленькая подушка для втыканія булавокъ, два большихъ висячихъ зеленыхъ замка, стекла волшебнаго фонаря; солдатики, лошадки и пушки оловянныя, хорошія, спеціальнаго заказа, нашихъ гвардейскихъ формъ; бѣлыя тонкія, глубокія фар-

форовыя тарелки съ Императорскими гербами, банка бѣлая фаянсовая, красный отточенный карандашъ; накидки для подушекъ, наволочки, простыни, подушка пуховая, салфетки, скатерти, рубашки мужскія, денныя, и все съ мѣтками, Императорскими вензелями и коронами; скатерти вязаныя бѣлыя, такія же малиновыя, скатерти ковровыя, покрышки шелковыя на кровати, ботинки мужскія, туфли дамскія коричневыя лайковыя, ремень желтой кожи и многомного столь же разнообразнаго, разнороднаго чужого имущества, откуда-то набраннаго второпяхъ.

Оставалось рѣшить, что дѣлать съ собакой... Но не успѣли договориться.

25-го іюля, подъ вечеръ, въ ихъ комнатѣ внезапно появились чины военно-уголовнаго розыска.

„Имя?“

— Михаилъ.

„Отчество?“

— Ивановичъ.

„Фамилія?“

— Летеминъ.

„Служили въ охранѣ „дома особаго назначенія?“

— „Попался“—только и могло родиться въ головѣ этого тупого, глупаго исполнителя и подлаго человѣка.

П. И. Лыловъ и Ф. И. Балмышева.

— „Вотъ что“, говорилъ въ этотъ день Петръ Илларіоновичъ Лыловъ, бывшій сторожъ при Областномъ совдепѣ, Федосьѣ Илларіоновнѣ Балмышевой, его гражданской женѣ и жительницѣ Верхъ-Исетскаго завода, „коль будутъ тебя спрашивать—такъ и говори, не таись и, что есть, покажи. Намъ ничего не можетъ быть. Что-жъ, что служили мы при Совѣтѣ сторожами; а взять намъ вещи разрѣшилъ самъ Бѣлобородовъ, да еврей этотъ, товарищъ его, Сафаровъ, да братья Толмачевы и секретарь, прапорщикъ Мутныхъ. Они-жъ тогда и увезли все самое цѣнное изъ тѣхъ вещей“.

Жаль было Балмышевой разставаться съ вещами; успѣла она уже кое-что раскроить и перекроить: уже почти готовъ былъ ея капотъ изъ раскроеннаго фисташковаго, шелковаго полотна, платья; ребенку перекроила платьице изъ блѣдно-розоваго, плотнаго шелка, платья и обшила его кружевцами, купленными на заводскомъ базарѣ.

Но предъявила, все предъявила, до послѣдней ниточки: и платья, и костюмы, и пуховыя подушки, и скатерти, и салфетки, и жакеты, и блузочки, и отдѣльныя юбки, верхнія и нижнія, и лифчики, и бѣлье дамское, и зимнія мѣховыя вещи, и шелковые каш-корсеты, и шали разныя, и чулки дамскіе, и кусокъ канвы, и дѣтское вязаное одѣяло, и зонтики, шелковые, муаровые, и четыре флакона косметики, и пульверизаторъ, и бѣлое фарфоровое яйцо, и лампадку въ видѣ чаши, и образокъ Св. Іоанна Крестителя, и много-много иныхъ вещей, то съ вензелями Членовъ Императорской Семьи, то съ иниціалами Гендриковой, Шнейдеръ и Татищева.

Но такъ и остались Лыловъ съ Балмышевой въ убѣжденіи, что „начальство позволило—значитъ можно“ и „мы не виноваты“.

М. Д. Медвѣдева.

На Сысертскомъ заводѣ, въ этотъ свѣтлый для большинства жителей день, сидѣла, съ тремя малыми ребятишками, Марія Даниловна Медвѣдева. Мужъ ея, Павелъ Спиридоновичъ Медвѣдевъ, пропалъ безъ вѣсти.

10 лѣтъ прожила она съ нимъ въ тихомъ, мирномъ и дружномъ сожительствѣ. Мужъ не пилъ, не буянилъ, былъ грамотный. Честно работалъ онъ въ сварочномъ цехѣ завода, а, приходя домой, сапожничалъ и зарабатывалъ достаточно семьѣ на пропитаніе.

Жили очень дружно, очень хорошо.

Наступила революція. Мужъ продолжалъ работать на заводѣ, а занимался ли политикой?—„не разспрашивала, не моего ума дѣло“.

Но вотъ, незадолго передъ масляной, записался онъ въ красную гвардію и уѣхалъ на фронтъ въ Троицкъ. Тамъ начальникомъ у него былъ комиссаръ Мрачковскій. „А кто такой Дутовъ, съ которымъ воевалъ онъ—не знаю, не моего ума дѣло“.

На Страстной мужъ вернулся и въ серединѣ мая записался въ команду для охраны дома, въ которомъ жила въ Екатеринбургѣ Царская Семья. Нанималъ тогда тотъ же Мрачковскій, а недѣли черезъ двѣ мужъ вернулся для набора пополненія команды. Порученіе это было дано ему комиссаромъ евреемъ Голощекинымъ. Такъ мужъ говорилъ.

Потомъ ѣздила и она сама четыре раза къ мужу въ городъ; жилъ онъ въ домѣ Попова, напротивъ Ипатьевскаго

дома по Вознесенскому переулку, гдѣ жила, какъ въ казармѣ, и вся охрана, а мужу отведена была отдѣльная комната. Но за это время „онъ сталъ непослушный, никого не признавалъ, и какъ будто свою семью пересталъ жалѣть“.

Сталъ и пить.

Послѣднiй разъ, что ѣздила она къ мужу, вернулся на заводъ съ ней и мужъ, и тутъ, дома, разсказалъ, какъ убили всю Царскую Семью и какъ онъ самъ стрѣлялъ. И разсказалъ все это совершенно спокойно. Но куда бросили убитыхъ не разсказывалъ, а „я не разспрашивала его о служебныхъ дѣлахъ, да это и дѣло не моего ума“.

Дня черезъ два уѣхалъ мужъ въ городъ и съ тѣхъ поръ никакихъ свѣдѣнiй о немъ не было. На прощанiе оставилъ сумочку кожаную ручную, а въ ней: красный сафьяновый бумажникъ; двѣ золотыхъ запонки; марлевый бинтъ; мѣдный циркуль; прямыя, узкiя докторскiя ножницы; три мельхiоровыхъ вилки; два серебряныхъ монастырскихъ колечка, крытыхъ эмалью.

И сидитъ Марiя Медвѣдева, и смотритъ на возню дѣтишекъ, да на оставленныя чужiя вещи. Спросятъ ее про мужа, то вѣрно все, все разскажетъ, спокойно разскажетъ, какъ мужъ разсказывалъ: и какъ жили хорошо они, и какъ стрѣлялъ мужъ въ Царя и Его Дѣтей и все, что слыхала отъ него.

А если спросятъ: „а вещи чьи онъ принесъ?“—то вѣрно отвѣтитъ: „Не знаю, не моего ума дѣло“—потому что мужъ не говорилъ, чьи, а сказалъ, что „Комендантъ далъ“.

Т. И. Чемадуровъ.

Изъ воротъ Екатеринбургской городской тюрьмы, послѣ того какъ ворвались туда наши добровольцы и освободили заключенныхъ, однимъ изъ послѣднихъ, широко крестясь и блаженно улыбаясь, вышелъ высокiй, сухой, болѣзненный на видъ и сгорбленный старикъ. Это былъ Терентiй Ивановичъ Чемадуровъ, камердинеръ бывшаго Государя Императора.

Не такой старый годами, 69 лѣтъ, онъ сильно состарился за послѣднiе мѣсяцы отъ болѣзни и тюрьмы, гдѣ былъ совершенно забытъ большевиками. Выйдя 24-го мая больнымъ изъ дома Ипатьева, куда онъ попалъ сопровождая Государя, Государыню и Великую Княжну Марiю Николаевну,

привезенныхъ въ Екатеринбургъ 29-го апрѣля, онъ, вмѣсто госпиталя или отправленія на родину, какъ обѣщали комиссары, былъ заключенъ въ тюрьму. И тутъ его всѣ забыли. Совсѣмъ забыли.

Онъ зналъ, что, за время его сидѣнія въ тюрьмѣ, большевики вывели куда-то содержавшихся тамъ же Нагорнаго и Сѣднева, а потомъ Татищева и Долгорукова и, наконецъ, Гендрикову, Шнейдеръ, Волкова и сидѣвшую съ ними Княгиню Елену Петровну Сербскую, супругу Князя Іоанна Константиновича.

10 лѣтъ пробылъ онъ камердинеромъ у бывшаго Государя Императора, а передъ этимъ въ той же должности 19 лѣтъ при Великомъ Князѣ Алексѣѣ Александровичѣ. Вся домашняя жизнь Царя и Его Семьи протекла на его глазахъ; видѣлъ Ихъ и на парадныхъ пріемахъ и въ семейномъ быту; видѣлъ Ихъ въ величіи царствованія на тронѣ и въ величіи страданія—въ домѣ Ипатьева и все существо его прониклось своимъ Хозяиномъ: „прекраснымъ семьяниномъ, громаднымъ, неутомимымъ работникомъ, глубоко религіознымъ христіаниномъ и горячо любившимъ своего простого, русскаго человѣка“.

И теперь, выйдя изъ тюрьмы, шаги его, естественно, направились туда, гдѣ онъ оставилъ Ихъ въ послѣдній разъ—на Вознесенскій проспектъ, къ дому Ипатьева.

Пришелъ. Вошелъ съ другими, тоже стремившимися туда; увидѣлъ разгромъ, хаосъ, пустоту разрушенія; увидѣлъ кровь, пули и еще кровь, и... задумался.

„А сколько привезли вы сюда съ собой вещей Государя?“—спросили его.

„Одну дюжину ночныхъ, одну дюжину денныхъ, одну дюжину тѣльныхъ шелковыхъ рубашекъ; три дюжины носковъ, 200 носовыхъ платковъ, одну дюжину простынь, двѣ дюжины наволочекъ, три мохнатыхъ простыни, двѣнадцать полотенецъ ярославскаго холста, четыре рубахи защитныхъ, три кителя, пальто офицерское, пальто солдатскаго сукна, короткую шубу изъ Романовскихъ овчинъ, пять паръ шароваръ, сѣрую накидку, шесть фуражекъ, шапку зимнюю, семь паръ сапогъ шевровыхъ и хромовыхъ“.

„Куда же это все дѣлось теперь?“.

Молчалъ старикъ и думалъ...

„Ничего не знаю“, сказалъ наконецъ, „ничего не знаю, что постигло моего Государя и Его Семью“...

А черезъ 10 дней, ѣдучи къ своей семьѣ въ Тобольскъ и встрѣтивъ въ Тюмени Жильяра, воспитателя Наслѣдника Цесаревича, крестясь, радостно говорилъ ему: „Слава Богу, Государь, Ея Величество и Дѣти живы. Разстрѣляны Боткинъ и всѣ другіе“.

„Трудно было понимать Чемадурова“, разсказывалъ Жильяръ, „потому что онъ говорилъ безъ всякой связи“.

Черезъ три мѣсяца старикъ умеръ въ Тобольскѣ, унося съ собой въ могилу тайну своего заявленія Жильяру. Было ли то внушеніе за время пребыванія въ Екатеринбургѣ? Было ли то самовнушеніе, какъ убѣжденіе въ невозможности допустить такое безчеловѣчное злодѣяніе? Было ли это результатъ вѣры, что коронованные родственники не могли не спасти Ихъ?

В. Н. Деревенько.

Однимъ изъ первыхъ, встрѣтившихъ вступленіе нашихъ войскъ въ Екатеринбургъ, былъ докторъ Владиміръ Николаевичъ Деревенько; это бывшій врачъ Наслѣдника Цесаревича.

Когда 8-го марта 1917 года въ Царскомъ Селѣ генералъ Корниловъ объявилъ объ арестѣ Государыни Императрицы и предупредилъ придворныхъ чиновъ, что „кто хочетъ остаться и раздѣлить участь Арестованной, пусть остается, но рѣшайте это сейчасъ же: потомъ во дворецъ уже не впущу“—докторъ Деревенько остался въ числѣ добровольно арестованныхъ при больномъ въ то время корью Наслѣдникѣ Цесаревичѣ.

Въ ночь съ 31-го іюля на 1-е августа Царская Семья, по постановленію Совѣта Министровъ Временного Правительства, покинула Царское Село и выѣхала для слѣдованія въ Тобольскъ. Доктору Деревенько, какъ исключеніе, Керенскимъ былъ данъ отпускъ и онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ позже, вмѣстѣ со своей семьей. Отдѣльно отъ Царской Семьи, но для присоединенія къ Ней, пріѣхали, также позже, въ Тобольскъ фрейлина Ея Величества баронесса Буксгевденъ, камеръ-юнгфера Занотти, комнатныя дѣвушки Романова и Уткина и дѣти Лейбъ-Медика Боткина, но разрѣшили посѣщеніе Царской Семьи только доктору Деревенько.

23-го мая 1918 года Царскихъ Дѣтей, въ сопровожденіи оставшихся въ Тобольскѣ придворныхъ, комиссары Родіо-

новъ и Хохряковъ привезли въ Екатеринбургъ. Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Княженъ Ольгу, Татьяну и Анастасію Николаевенъ, съ Нагорнымъ, Харитоновымъ, Труппомъ и мальчикомъ Сѣдневымъ, совѣтскія власти помѣщаютъ въ Ипатьевскій домъ, гдѣ уже живутъ въ заключеніи, раньше привезенные, Государь, Государыня и Великая Княжна Марія Николаевна, докторъ Боткинъ, Демидова, Чемадуровъ и Сѣдневъ. Затѣмъ, Татищева, Гендрикову, Шнейдеръ и Волкова увозятъ съ вокзала въ тюрьму, гдѣ уже содержался пріѣхавшій въ Екатеринбургъ съ Государемъ Долгоруковъ. Остальнымъ комиссары объявляютъ: „вы намъ не нужны" и приказываютъ покинуть предѣлы Пермской губерніи.

Доктору Деревенько и здѣсь оказывается возможнымъ составить исключеніе: онъ беретъ свои вещи, оставляетъ вагонъ и въ то время, какъ остальныхъ прицѣпляютъ къ поѣзду и отправляютъ на Тюмень, онъ нанимаетъ въ городѣ комнату на частной квартирѣ, живетъ спокойно все время здѣсь, и 25-ое іюля застаетъ его въ Екатеринбургѣ.

Исключеніе не ограничивается только жизнью въ городѣ: докторъ Деревенько посѣщаетъ, въ началѣ довольно часто, заключенныхъ въ домѣ Ипатьева и пользуетъ больного Наслѣдника Цесаревича.

Одновременно онъ работаетъ въ городѣ на частной практикѣ и пріобрѣтаетъ обширную кліентуру почти исключительно среди многочисленнаго еврейскаго населенія города.

Когда въ Екатеринбургъ пріѣхалъ нѣкій Иванъ Ивановичъ Сидоровъ и сталъ искать возможности установить сношенія съ заключенными въ Ипатьевскомъ домѣ, его направили къ доктору Деревенько. Послѣдній сговаривается съ бывшимъ въ то время комендантомъ дома Особаго назначенія Авдѣевымъ и лично даетъ распоряженіе объ ежедневной доставкѣ Царской Семьѣ молока, яицъ, масла и пр.

Но вотъ 5-го іюля, вмѣсто Авдѣева, комендантомъ назначается Янкель Юровскій. Принесшихъ въ этотъ день молоко и проч. женщинъ задерживаетъ охрана; выходитъ Янкель Юровскій: „Кто носить дозволилъ?"

„Авдѣевъ приказалъ по распоряженію доктора Деревенько".

„Ахъ, докторъ Деревенько. Значитъ тутъ и докторъ Деревенько", отмѣчаетъ Янкель Юровскій.

Числа 6—7 іюля Деревенько былъ приглашенъ Янкелемъ Юровскимъ въ Домъ Ипатьева и послѣ этого посѣщенія прекратилъ навѣщать заключеннаго больного Наслѣдника Цесаревича, а поступилъ на службу въ совѣтскій военный госпиталь.

Янкель Юровскій не простой еврей—житель Екатеринбурга; онъ не только комендантъ „дома Особаго назначенія“, онъ вмѣстѣ съ Областнымъ Военнымъ комиссаромъ евреемъ Исаакомъ Голощекинымъ секретные главари мѣстной Областной Чрезвычайки.

Наступаютъ ужасные дни 8-го—18-го іюля: пристрѣливаютъ Татищева, Долгорукова, Нагорнаго, Сѣднева, Боткина, Демидову, Харитонова, Труппа; выполняются кровавыя трагедіи въ Ипатьевскомъ домѣ, въ Алапаевскѣ; перевозятся въ Пермь для разстрѣла позже Гендрикова, Шнейдеръ, Волковъ...

Докторъ Деревенько 25-го іюля участвуетъ въ торжественныхъ встрѣчахъ и чествованіяхъ нашихъ войскъ въ Екатеринбургѣ.

Когда 17-го іюля, по обыкновенію, женщины принесли въ домъ Ипатьева молоко, имъ объявили: „идите и больше не носите“. Узнавъ потомъ о разстрѣлѣ бывшаго Царя и о вывозѣ Семьи, онѣ бросились къ доктору Деревенько... „Докторъ ничего не зналъ, сильно смущенъ былъ и въ лицѣ измѣнился“.

Онъ приглашенъ офицерами на розыски тѣлъ у шахты въ Коптяковскомъ лѣсу; онъ участвуетъ въ протоколахъ осмотра дома Ипатьева слѣдственной властью. Когда на днѣ шахты находятъ хирургически отдѣленный чей-то палецъ и вставную верхнюю челюсть доктора Боткина, докторъ Деревенько авторитетно и категорически заявилъ: „Палецъ—это доктора Боткина“..„Палецъ, говоритъ экспертиза въ Омскѣ, тонкій, длинный; палецъ принадлежитъ человѣку, привыкшему къ маникюру; палецъ—выхоленный; палецъ можно скорѣе признать принадлежащимъ женщинѣ“.

Странно, что Чемадуровъ, въ безсвязномъ повѣствованіи Жильяру еще до находки пальца, но видавшись въ Екатеринбургѣ съ докторомъ Деревенько, говоритъ: „убиты Боткинъ и всѣ другіе“, а Государь и вся Его Семья живы.

Когда и. д. прокуроромъ Кутузовымъ черезъ газетныя объявленія приглашались дать показанія всѣ, что-либо знавшіе по Царскому дѣлу, докторъ Деревенько не пришелъ

дать своихъ показаній. Онъ не былъ допрошенъ никѣмъ, ни слѣдователемъ Наметкинымъ, ни членомъ суда Сергѣевымъ, ни прокуратурой, никѣмъ. А когда дѣло перешло въ руки слѣдователя Н. А. Соколова, горячо взявшагося за допросы всѣхъ состоявшихъ при Царской Семьѣ придворныхъ, доктора Деревенько въ Екатеринбургѣ не оказалось: онъ перевелся куда-то вглубь Сибири, а нынѣ остался въ Томскѣ у большевиковъ.

Странный характеръ имѣлъ докторъ Деревенько, странный былъ человѣкъ.

Если для жителей города Екатеринбурга, истомленныхъ гнетомъ совѣтскаго режима, день 25-го іюля былъ свѣтлымъ, радостнымъ праздникомъ, то для вступившихъ въ городъ русскихъ людей этотъ день былъ полонъ самыхъ тяжелыхъ, ужасныхъ новостей. Никто не хотѣлъ вѣрить въ возможность убійства всей Царской Семьи; никто не могъ допустить существованія въ человѣкѣ, въ людяхъ звѣрства такого небывалаго размѣра. Слухи одни фантастичнѣе другихъ, одни невѣроятнѣе другихъ быстро распространялись по городу, и всѣ цѣплялись за малѣйшіе лучи надежды, отталкивая отъ себя кошмарную картину, которую поневолѣ выставляли комнаты дома Ипатьева.

При такомъ тяжеломъ настроеніи люди приступили къ розыскамъ правды.

Бѣлогвардейскіе заговоры.

— И въ объявленіи Президіума Уральскаго Обласовѣта, и въ сообщеніи Президіума Ц. И. К. въ Москвѣ, совѣтскія власти въ объясненіи причинъ, вынудившихъ ихъ прибѣгнуть къ разстрѣлу бывшаго Царя Николая II-го безъ суда и въ спѣшномъ порядкѣ, какъ на одинъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ, ссылаются на открытые ими бѣлогвардейскіе заговоры, имѣвшіе будто бы цѣлью вырвать изъ ихъ рукъ отрекшагося Государя и Его Семью. Предсѣдатель Ц. И. К., Янкель Свердловъ, какъ видно изъ „публикаціи“ центральной власти, счелъ нужнымъ напомнить своимъ коллегамъ о раскрытіи въ свое время такого же бѣлогвардѣйскаго заговора въ Тобольскѣ, побудившаго тогда

совѣтскую власть перевезти Царскую Семью въ Екатеринбургъ, пунктъ, считавшійся, повидимому, болѣе обезпеченнымъ, какъ центръ ихъ силы и власти на Красномъ Уралѣ. Документы о раскрытомъ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью похитить бывшаго Царя въ Екатеринбургѣ, Янкель Свердловъ обѣщалъ разобрать и опубликовать въ *ближайшіе дни*.

Могли ли быть у совѣтской власти фактическія основанія опираться въ своихъ объясненіяхъ на опасность такихъ бѣлогвардейскихъ заговоровъ? Существовали ли вообще заговоры для „похищенія Царской Семьи“ въ Тобольскѣ или Екатеринбургѣ? и какова была ихъ реальная сила и вытекавшая отсюда степень опасности для „правосудія“ совѣтской власти? Какіе, наконецъ, документы обѣщалъ опубликовать для всеобщаго свѣдѣнія Янкель Свердловъ, какъ доказательство заговоровъ офицеровъ и вообще бѣлогвардейцевъ?

Эти вопросы, независимо отъ ихъ значенія для самого дѣла, чрезвычайно существенны въ интересахъ историческихъ и національныхъ. Естественно, что конспиративность, какъ самихъ заговоровъ, такъ еще болѣе истинной работы главарей совѣтской власти, значительно затрудняетъ всестороннее освѣщеніе этихъ вопросовъ и безусловное установленіе фактической правды, но сдѣлать попытку въ этомъ направленіи необходимо.

Въ іюнѣ 1918 года, въ Москвѣ, въ обществѣ и среди нѣкоторыхъ круговъ совѣтскихъ дѣятелей распространились упорные и тревожные свѣдѣнія и слухи, что гдѣ-то и кѣмъ-то совершено убійство Царя. Переполохъ въ опредѣленныхъ совѣтскихъ сферахъ, вызванный распространеніемъ этихъ свѣдѣній, повидимому, былъ большой. Слухи, все наростая и наростая, достигли такой степени реальности, что 20-го іюня Предсѣдатель Екатеринбургскаго совдепа получилъ изъ Москвы такой оффиціальный запросъ:

„В Москве распространились сведения что будто бы убит бывший Император Николай второй сообщите имеющиеся у васъ сведения. Управляющий делами совета народных комисаров Владимир Бонч-Бруевич. 499“.

Кажется, особеннаго безпокойства этотъ запросъ въ Екатеринбургскихъ дѣятеляхъ не вызвалъ; на запросѣ была положена своеобразная для существа запроса резолюція: „копию телеграммы сообщить Известиям и Уральскому Рабочему“, а затѣмъ, разными почерками, о „жильцах дома

Ипатьева“, „В дело Цар.“, и снова—„к делу о жильцах в д. Ипатьева“.

Но волненіе въ Москвѣ, видимо, серьезно охватило оффиціальныя общественныя совѣтскія сферы: вслѣдъ за указаннымъ запросомъ Бончъ-Бруевича, 21-го іюня, шлетъ телеграмму „Екатеринбургскому Президиуму Совдепа“ комиссаръ „ПТА“ товарищъ Старкъ:

„Срочно сообщите достоверности слухов убийстве Николая Романова вестнику точка 887“.

Резолюція: „Ответ посл.“ и „к делу о жильцах д. Ипатьева“.

Но, или отвѣта не было, или таковой задержался и 24-го іюня тотъ же Старкъ шлетъ въ Екатеринбургъ комиссару совѣтскаго органа „Извѣстія“, товарищу Воробьеву, новую телеграмму:

„Прошу срочно сообщить достоверности слухов убийстве Николая Романова *очень важно.*“

Однако нельзя не обратить вниманія, что интересуются правдивостью слуховъ объ убійствѣ бывшаго Императора не Янкель Свердловъ, съ которымъ, какъ видно изъ брошенныхъ бумагъ и дѣлъ, почти исключительно сносились главари Екатеринбургскаго Президіума по всякимъ политическимъ дѣламъ, а, или россійскій полоумный негодяй Бончъ-Бруевичъ, или нѣмецко-шведскій сотрудникъ совѣтовъ—Старкъ.

При разслѣдованіи дѣла были косвенныя указанія на то, что именно въ этотъ періодъ произошелъ разговоръ по прямому проводу между Ленинымъ и командующимъ арміей Берзинымъ, сущность котораго будто бы сводилась къ тому, что Ленинъ возлагалъ отвѣтственность за безопасность бывшаго Царя на Берзина. Происходилъ ли такой разговоръ въ дѣйствительности — неизвѣстно, но нижеприводимый документъ позволяетъ думать, что что-нибудь подобное было. Мало того, документъ этотъ, во-первыхъ, объясняетъ, почему Ленинъ могъ имѣть разговоръ и, именно, съ командующимъ арміей, а, во-вторыхъ, даетъ опредѣленный отвѣтъ: какого убійства опасались и ожидали въ Москвѣ? Откуда, по Московской молвѣ, скорѣе всего можно было ожидать опасности? И, наконецъ, кто распускалъ въ Москвѣ свѣдѣнія объ убійствѣ?

Вотъ этотъ документъ:

„Три адреса. Москва, Совнарком, Нарком. воен., бюро печати, ЦИК.

„Мною полученных Московских газетах отпечатано сообщение об убийстве Николая Романова на каком-то разъезде отъ Екатеринбурга *красноармейцами*. Оффициально сообщаю что 21 июня мною с участием членов В. военной инспекции и военного комиссара Ур. военного округа и члена всерос. след. комиссии был произведен осмотр помещений как содержится Николай Романов с семьей и проверка караула и охраны все члены семьи и сам Николай жив и все сведения об его убийстве и т. д. провокация. 198. 27 июня 1918 года, 0 часов 5 минут. Главнокомандующий Североуралосибирским фронтом Берзин“.

Такъ вотъ откуда въ нѣкоторыхъ Московскихъ сферахъ и въ массѣ населенія, вѣроятнѣе всего, допускался заговоръ, ожидалась возможность опасности: не о бѣлогвардейскомъ освобожденіи думала масса, не на немъ строилась молва, а росли слухи, вытекая изъ хорошаго знанія своихъ сотрудниковъ, своихъ дѣятелей — совѣтскаго воинства—красноармейцевъ. Это — гласъ народа, а не „публикаціи“ Янкеля Свердлова. Вотъ почему могъ имѣть мѣсто и разговоръ Ленина съ Берзинымъ, съ командующимъ этими красноармейцами; а возлагалъ ли Ленинъ при этомъ отвѣтственность за жизнь бывшаго Царя на Берзина — не все ли равно. Склонность Ленина къ тактическимъ маневрамъ слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы можно было придавать серьезное значеніе такому обязательству Берзина.

Тѣмъ не менѣе „не бываетъ дыма безъ огня“: волненіямъ и безпокойствамъ народныхъ массъ Москвы, къ сожалѣнію, причины были. Въ это именно время въ Перми былъ убитъ тремя членами Мотовилихинской чрезвычайки Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Скрыть убійство, какъ ни старались совѣтскія власти, очевидно не удалось: сами убійцы разсказывали пріятелямъ о немъ. Вѣроятно, передаваясь изъ уста въ уста, это убійство, докатившись до Москвы, и послужило основаніемъ для создавшихся слуховъ объ убійствѣ бывшаго Государя. Можетъ быть, Янкель Свердловъ понималъ это, почему и не проявлялъ интереса къ слухамъ, волновавшимъ Бончъ-Бруевича.

Но если Янкель Свердловъ былъ индиферентенъ къ слухамъ, то по какимъ-то инымъ причинамъ онъ въ это же, примѣрно, время былъ сильно озабоченъ также судьбою бывшаго Царя и Его Семьи, но, повидимому, совершенно въ другомъ отношеніи. Въ эти знаменательные дни убійствъ

на Уралѣ Членовъ Дома Романовыхъ, у Янкеля Свердлова жилъ вызванный, или пріѣхавшій самостоятельно — неизвѣстно, одинъ изъ виднѣйшихъ Екатеринбургскихъ совѣтскихъ дѣятелей, областной военный комиссаръ Исаакъ Голощекинъ. Пребываніе его въ Москвѣ связывалось съ вопросами, обсуждавшимися и разрѣшавшимися въ отношеніи, именно, судьбы Царской Семьи. По поводу ея Екатеринбургу были даны указанія центральной властью.

Какія это могли быть указанія, какія особыя обстоятельства могли вліять на нихъ, разсматриваться будетъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же, въ отдѣлѣ о заговорахъ, необходимо отмѣтить лишь то, что, если допустить, что совѣтскія власти были вынуждены разстрѣлять бывшаго Царя безъ суда и въ срочномъ порядкѣ, побуждаемыя какими-то насильственными намѣреніями людей противнаго лагеря, то безусловно устанавливается, что о таковыхъ „намѣреніяхъ" совѣтскія власти знали задолго до совершенія „казни", почему имѣли время не только произвести судъ, но и вывезти для суда въ другое мѣсто. Вотъ этотъ документъ, который уже былъ приведенъ выше: „Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно указаний центра", телеграфируетъ 4-го іюля Бѣлобородовъ черезъ Сыромолотова Голощекину, „опасения напрасны точка Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул весь сменен заменяется другим точка 4558".

Отъ 4-го до 16-го іюля времени было достаточно, чтобы судить, вывезти и, вообще, принять, при желаніи, много иныхъ мѣръ. Слѣдовательно, первая ложь, допущенная совѣтской властью въ своемъ оффиціальномъ оповѣщеніи, это—необходимость спѣшной казни.

Но вотъ на какія мысли наводитъ еще эта телеграмма Бѣлобородова: чего опасались Янкель Свердловъ и Исаакъ Голощекинъ?

Телеграмма Бѣлобородова является отвѣтной на неизвѣстный запросъ Голощекина; въ Ипатьевскомъ домѣ въ охранѣ заключенныхъ произошло какое-то чрезвычайно серьезное событіе; произошло оно послѣ 27-го іюня, т. к. Берзинъ все провѣрялъ, осматривалъ, ничего опаснаго не нашелъ и, будучи достаточно крупнымъ совѣтскимъ дѣятелемъ, ничего о немъ не зналъ, посылая въ Москву свое донесеніе. Произошло оно не позже, какъ за одинъ—два дня до 4-го іюля, т. к. Голощекинъ, посылая свой запросъ, дол-

женъ былъ, въ свою очередь, получить изъ Екатеринбурга извѣщеніе о происшедшемъ событіи. Получается такая картина: въ то время, когда Берзинъ доносилъ, что въ домѣ Ипатьева все обстоитъ благополучно, въ дѣйствительности, въ домѣ оказывалось такъ неблагополучно, что пришлось смѣстить коменданта, арестовать его помощника и замѣнить всю внутреннюю охрану.

Теперь уже извѣстно, что совѣтскія власти объяснили внезапную смѣну 4-го іюля Авдѣева, Мошкина и охраны тѣмъ обстоятельствомъ, что у Мошкина былъ найденъ золотой крестикъ, украденный имъ у Царской Семьи. Неужели этой покражи такъ испугались Янкель Свердловъ и Исаакъ Голощекинъ? Ясно и опредѣленно одно, что, во всякомъ случаѣ, не офицерскаго или бѣлогвардейскаго заговора въ Екатеринбургѣ испугались главари совѣтской власти, ибо не стали бы они покрывать его ложью объ украденномъ крестикѣ, а, вѣроятно, постарались бы использовать въ полной мѣрѣ обнаруженный заговоръ, чтобы расправиться съ виновными и нежелательными имъ невиновными.

Между тѣмъ время шло, убили въ Москвѣ Мирбаха, подавлено эс-эровское возстаніе, нѣмцы отказались отъ ввода своихъ войскъ въ Москву, возможность войны съ ними миновала, совершилась „казнь Николая Романова“ въ Екатеринбургѣ, „похищеніе Великихъ Князей“ въ Алапаевскѣ, „бѣгство“ Великаго Князя Михаила Александровича въ Перми, прошелъ іюль, августъ, сентябрь, миновалъ весь 1918-й годъ, а обѣщаннаго Янкелемъ Свердловымъ опубликованія документовъ о бѣлогвардейскомъ заговорѣ все не появлялось.

Наступила весна 1919-го года. На горизонтахъ царства пятиконечной звѣзды снова начали сгущаться грозовыя тучи, напоминавшія главарямъ совѣтской власти начало лѣта 1918 года.

Съ востока быстрымъ потокомъ снова устремились къ берегамъ матушки Волги молодыя войска Омскаго Правительства; съ юга двинулась объединенная добровольческо-казачья рать генерала Деникина; съ юго-запада зашевелились снова гайдамаки Петлюры; съ сѣвера, усилившись „союзниками“, угрожалъ Архангельскъ; съ сѣверо-запада приближался Юденичъ и что-то тамъ около него и за нимъ

зашевелилось опять нѣмецкое, этихъ былыхъ хозяевъ октябрьскихъ дней 17-го года и счастливой эпохи расцвѣта Смольнаго могущества „русскаго пролетаріата“.

Гроза надвигалась серьезная, сильная. Можно было ждать, что нѣмцы подкрѣпятъ „бѣлогвардейскія банды“ и, чего добраго, соединятся съ „союзниками“ противъ своихъ же былыхъ холоповъ, отказавшихся платить по договорамъ.

Цѣль оправдываетъ средства, не надо брезгать ничѣмъ; это такъ легко и привычно совдепскимъ заправиламъ. Къ ихъ услугамъ агенты повсюду, агенты ихъ же племени, или примыкающіе къ нимъ изъ народовъ всѣхъ странъ міра. Вспомнили при этомъ и о Царскомъ дѣлѣ—дѣлѣ А, какъ именуется оно въ совѣтскихъ канцеляріяхъ; снова подумали о необходимости подготовить тыловые пути и почву для будущей дѣятельности и будущей побѣды окончательной.

И вотъ, въ мартѣ мѣсяцѣ въ „ихъ“ иностранной прессѣ появляются статьи, замѣтки, интервью—явно представляющія минувшія событія въ благопріятномъ для совѣтскихъ главарей свѣтѣ.

Длинно перепечатывать ихъ, но нѣкоторые носятъ настолько характерный отпечатокъ своего происхожденія, что въ интересахъ историческихъ необходимо примириться съ нѣкоторой длиннотой повѣствованій.

Вотъ статья изъ газеты „Майничи Хроникль“:

„Другъ одного изъ корреспондентовъ англійской газеты „Морнингъ Постъ“, только что прибывшій изъ Петрограда, разсказываетъ, что Великій Князь Кириллъ получилъ 18-го ноября письмо отъ Великой Княжны Татьяны, въ которомъ говорится, что Царица и Великія Княжны находятся въ безопасности и что Царь разстрѣлянъ не былъ. Согласно этого письма, одинъ большевистскій офицеръ вошелъ къ Царю и объявилъ ему, что онъ назначенъ для приведенія въ исполненіе смертнаго приговора. На вопросъ—нѣтъ ли способа избѣжать этого, онъ отвѣтилъ, что самъ онъ относится къ этому индиферентно, но что ему надо имѣть обезображенное тѣло, какъ доказательство приведенія въ исполненіе даннаго ему приказанія. Какой-то графъ, имя котораго въ письмѣ не упоминается, предложилъ себя на мѣсто Царя. Царь настойчиво протестовалъ. Но графъ настаивалъ и большевистскій офицеръ кончилъ споръ тѣмъ, что застрѣлилъ графа, согласно его желанія. Въ это время Царь воспользовался моментомъ и скрылся, неизвѣстно куда“.

Въ этой замѣткѣ интересны намеки на якобы существовавшія дружественныя отношенія между Великой Княжной Татьяной Николаевной и Великимъ Княземъ Кирилломъ Владиміровичемъ и на убійство какого-то графа вмѣсто Государя. Это послѣднее, по существу, является удивительно похожимъ на сумасшедшій бредъ Чемадурова, который утверждалъ, что убитъ одинъ Боткинъ и другіе, а Государь и Царская Семья спаслись. Съ другой стороны, безслѣдное исчезновеніе всей Царской Семьи снова является попыткой провести идею якобы существовавшаго заговора для похищенія.

А вотъ другая, болѣе длинная, но чрезвычайно фантастическая статья. Представлена она въ видѣ интервью корреспондента „Нью-Іоркъ-Таймса“ г. Аккермана съ какимъ-то мифическимъ камердинеромъ покойнаго Государя—Парфеномъ Алексѣевичемъ Домнинымъ:

„Начиная съ первыхъ дней іюля, надъ городомъ появились аэропланы и летали довольно низко, бросая иногда бомбы, въ большинствѣ не приносящія вреда. Въ то же время появились и слухи, что чехо-словаки приготовляются занять городъ. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Николай вернулся со своей обычной прогулки по саду въ необычайномъ возбужденіи; помолившись передъ иконою Николая Чудотворца, онъ бросился на кровать не раздѣваясь; никогда раньше онъ такъ не дѣлалъ.

— Позвольте мнѣ Васъ раздѣть, сказалъ я.

— Не безпокойся, старина, отвѣтилъ Николай, у меня тяжело на сердцѣ, и я чувствую, что уже не долго проживу. Можетъ быть, сегодня....—и бывшій Царь не кончилъ фразы.

— Богъ съ Вами, что Вы говорите, возразилъ я. И онъ разсказалъ мнѣ, что во время прогулки въ саду онъ получилъ извѣстія о засѣданіи спеціальнаго комитета совдепа казачьихъ и красноармейскихъ депутатовъ Урала, которое должно вырѣшить его судьбу, въ виду слуховъ, что онъ собирается бѣжать къ чехо-словакамъ, въ свою очередь обязавшимся будто бы вырвать его изъ рукъ совѣтовъ. „Я не знаю, что можетъ случиться“, сказалъ Николай въ заключеніе.

Царь содержался подъ строжайшимъ надзоромъ: ему не позволялось ни покупать газетъ, ни даже выходить сверхъ краткаго времени для прогулокъ; прислуга постоянно обыскивалась и меня одинъ разъ, напримѣръ, заставили снять

рѣшительно все съ себя, подозрѣвая, что я проношу письма. Ѣду давали скудно, да и то она состояла, главнымъ образомъ, изъ картофеля и селедокъ. Хлѣба же давали по полфунта въ день на каждаго члена семьи. Царевичъ все это время болѣлъ. Разъ онъ вбѣжалъ въ комнату отца въ слезахъ, и совершенно внѣ себя бросился на руки къ отцу и сквозь рыданія едва выговорилъ:

— Милый папа, они хотятъ тебя застрѣлить.

— Воля Божья во всемъ, отвѣтилъ Царь, но, милый мальчикъ, будь спокоенъ, будь спокоенъ. Гдѣ мама?

— Мама плачетъ.

— Поди, попроси маму перестать плакать. Божья воля должна свершиться.

— Папа, папа, плакалъ Царевичъ, ты и такъ уже много страдалъ, за что же они хотятъ тебя убить?

— Алексѣй, сказалъ Царь, я прошу тебя объ одномъ, пойди и успокой маму.

Царевичъ вышелъ, а Николай сталъ на колѣни передъ иконой и долго молился. Онъ вообще проводилъ за молитвой много времени; и если пробуждался по ночамъ, то уже больше не засыпалъ, а все время молился.

Лишь иногда ему разрѣшалось видѣть Царицу „Алису", какъ онъ звалъ ее. Разъ и она пришла въ слезахъ и сказала:

— Ты долженъ привести всѣ свои письма и документы въ порядокъ, дай свои послѣднія распоряженія и завѣщаніе.

Послѣ этого Николай проводилъ ночи за письмами.

Онъ написалъ много; среди писемъ были: къ дочерямъ, къ брату Михаилу Александровичу, къ дядѣ Николаю Николаевичу, генералу Догерту, князю Гендрикову, графу Олсуфьеву, принцу Ольденбургскому, графу Сумарокову-Эльстонъ и многимъ другимъ. Онъ не запечатывалъ письма, потому что ихъ тщательно цензуровали въ совѣтахъ и случалось нерѣдко, что письма возвращались съ помѣткой: „не отправлять". Часто Николай цѣлыми днями ничего не ѣлъ и все молился; было ясно, что онъ сильно безпокоился и болѣлъ сердцемъ. Позднимъ вечеромъ 15—іюля въ комнату Царя вошелъ комиссаръ охраны и объявилъ:

— Гражданинъ Николай Александровичъ Романовъ, вы должны отправиться со мною въ засѣданіе совѣта рабочихъ, казачьихъ и красноармейскихъ депутатовъ Уральскаго округа.

— Скажите откровенно, возразилъ Николай, что вы желаете увести меня для разстрѣла.

— Нѣтъ, не опасайтесь, отвѣтилъ комиссаръ, улыбаясь, васъ требуютъ на засѣданіе.

Николай поднялся съ кровати, одѣлъ свою сѣрую солдатскую рубаху, сапоги, опоясался и вышелъ съ комиссаромъ. Два солдата стояли у дверей, а три другихъ окружили и стали обыскивать бывшаго Царя. Послѣ этого одинъ изъ латышей пошелъ впереди, Царя поставили за нимъ, потомъ сталъ комиссаръ, въ хвостѣ—остальные солдаты. Николай Александровичъ не возвращался долго, почти два съ половиной часа. Онъ былъ очень блѣденъ и подбородокъ его нервно дрожалъ.

— Дай мнѣ, старина, воды, сказалъ онъ мнѣ.

Я принесъ, и онъ залпомъ выпилъ большой стаканъ.

— Что случилось?—спросилъ я.

— Они мнѣ объявили, что черезъ три часа я буду разстрѣлянъ, отвѣтилъ мнѣ Царь.

На засѣданіи, въ присутствіи Николая II, были прочитаны всѣ детали контръ-революціоннаго заговора тайной организаціи „защиты родины и свободы“. Тамъ указывалось, что организація стремилась подавить „рабоче-крестьянскую революцію, подстрекая массы противъ совѣтской власти, обвиняя совѣты во всѣхъ злодѣйствахъ и несчастіяхъ, постигшихъ страну, которыя были причинены всему свѣту имперіализмомъ, войною, кровопролитіями, голодомъ, недостачей работы, разстройствомъ транспорта, продвиженіемъ нѣмцевъ и т. д.“. Организація намѣрена была объединить всѣ несовѣтскія фракціи и соціалистовъ наравнѣ съ монархистами.

Документы указывали, что всѣхъ своихъ намѣреній оргазація не смогла осуществить изъ-за несогласія праваго крыла съ лѣвымъ и что во главѣ заговора стоялъ личный другъ Царя—генералъ Догертъ. Въ организацію входили и представители рабочихъ круговъ, какъ-то: князь Крапоткинъ, генеральнаго штаба полковникъ Сукартъ, инженеръ Ильинскій и были также причины думать, что Савинковъ былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ этой организаціей и что именно Савинковъ предполагался во главѣ новаго Правительства, какъ военный диктаторъ. Всѣ эти лица соблюдали очень строгую конспирацію. Боевую группу въ Москвѣ составляло около 700 офицеровъ; но послѣ ихъ перепра-

вили въ Самару, гдѣ и ожидались подкрѣпленія отъ союзниковъ для возстановленія Уральскаго фронта, которымъ отдѣлялась бы Великороссія отъ Сибири. Затѣмъ, когда дѣло уже началось бы, предполагалось мобилизовать всѣхъ сочувствующихъ, свергнуть совѣты и вновь выступить противъ Германіи.

Документально указывалось, что въ заговорѣ участвовали такія соціалистическія партіи, какъ народные соціалисты, правые соціалъ-революціонеры, отчасти меньшевики, въ согласіи съ кадетами. Главный штабъ организаціи находился въ сношеніяхъ съ генералами Дутовымъ и Деникинымъ. За самые же послѣдніе дни былъ обнаруженъ и еще новый заговоръ, которымъ, при содѣйствіи генерала Дутова, предполагалось вырвать Николая II изъ совѣтскихъ рукъ. Кромѣ того, тамъ же на засѣданіи указывалось, что Царь поддерживалъ секретную переписку съ личными друзьями, съ генераломъ Догертомъ, который, якобы, въ одномъ изъ писемъ совѣтовалъ Царю приготовиться къ возможности освобожденія.

Въ виду такого положенія вещей и рѣшенія эвакуировать Екатеринбугъ, совѣщаніе рѣшило предать Царя Николая Александровича смертной казни безъ дальнѣйшаго промедленія.

— Гражданинъ Николай Романовъ, объявилъ предсѣдатель совѣта, объявляю вамъ, что вы располагаете тремя часами для устройства своихъ дѣлъ. Стража, я предупреждаю васъ, имѣть строжайшее наблюденіе за Николаемъ Романовымъ и не спускать съ него глазъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія Николая II съ засѣданія, къ нему вошла Александра Федоровна съ Царевичемъ; оба плакали. Царица упала въ обморокъ и былъ призванъ докторъ. Когда она оправилась, она упала на колѣни передъ солдатами и молила о пощадѣ. Но солдаты отозвались, что это не въ ихъ власти.

— Ради Христа, Алиса, успокойся, сказалъ Николай II нѣсколько разъ тихимъ голосомъ.

Онъ перекрестилъ жену и сына, подозвалъ меня и сказалъ, поцѣловавъ:

— Старина, не покидай Александры Федоровны и Алексѣя; ты знаешь у меня никого больше нѣтъ, и не останется никого помочь имъ, когда меня уведутъ.

Впослѣдствіи выяснилось, что, кромѣ жены и сына, никого не допустили попрощаться съ Николаемъ II. Царь,

его жена и сынъ оставались вмѣстѣ, пока не прибылъ предсѣдатель совѣта съ пятью другими солдатами и еще двумя рабочими, членами совѣта.

— Надѣньте пальто, сказалъ предсѣдатель Царю. Николай II не потерялъ самообладанія и сталъ одѣваться. Онъ еще разъ затѣмъ поцѣловалъ и перекрестилъ жену, сына и слугу и, обратясь къ прибывшимъ, сказалъ:

— Теперь я въ вашемъ распоряженіи.

Царица и Царевичъ забились въ истерикѣ, и когда я бросился помочь, предсѣдатель сказалъ мнѣ:

— Это вы можете сдѣлать потомъ; теперь же не должно быть никакого промедленія.

— Позвольте мнѣ итти за моимъ господиномъ, просилъ я.

— Никто не долженъ сопровождать его, отвѣтилъ предсѣдатель.

Царя взяли и увезли, никому неизвѣстно куда, и тою же ночью онъ былъ разстрѣлянъ двадцатью красноармейцами.

Еще до разсвѣта, тою же ночью, 15 іюля, предсѣдатель совѣта пришелъ опять. Съ нимъ было нѣсколько красноармейцевъ, докторъ и комиссаръ охраны. Они вошли въ ту же комнату, гдѣ содержался Царь, и докторъ оказалъ помощь потерявшимъ чувство Александрѣ Федоровнѣ и Царевичу. Послѣ того предсѣдатель совѣта спросилъ доктора:

— Можно ли взять ихъ немедленно?

— Да, отвѣтилъ тотъ.

— Граждане Александра Федоровна Романова и Алексѣй Романовъ, объявилъ предсѣдатель, вы будете увезены отсюда; вамъ разрѣшается взять только самое необходимое, не свыше 30 или 40 фунтовъ.

Стараясь овладѣть собою, мать и сынъ бросались изъ стороны въ сторону и были скоро готовы. Предсѣдатель не разрѣшилъ имъ попрощаться со своими близкими и все время торопилъ ихъ.

— И вы, старикъ, сказалъ онъ мнѣ, уходите прочь отсюда. Теперь никого не останется, кому бы вы могли служить.

И, обращаясь къ комиссару, онъ прибавилъ:

— Завтра же вы должны убрать его отсюда.

Царицу и ея сына взяли въ автомобиль и куда увезли— неизвѣстно. На утро комиссаръ велѣлъ мнѣ уйти и позволилъ взять нѣсколько вещей бывшаго Царя; всѣ же доку-

менты и письма были взяты стражею. Мнѣ было очень трудно раздобыть даже желѣзнодорожный билетъ, потому что вокзалъ и всѣ районы занимались красноармейцами, увозившими цѣнныя вещи изъ города".

Казалось бы, что всю эту лживую и пошлую по формѣ статью можно было бы не воспроизводить. Кто изъ русскихъ когда-нибудь слышалъ о существованіи у бывшаго Государя друга генерала Догерта или „князя" Гендрикова, или кто слышалъ о существованіи генеральнаго штаба полковника Сукарта, да и самого камердинера Домнина?—все это сплошная ложь, а форма разговора между Царемъ и камердинеромъ—просто пошлость. Ни для кого не можетъ быть сомнѣнія, что все это интервью полная выдумка.

Но тѣмъ не менѣе статья имѣетъ и много существеннаго для дѣла. Развѣ, по соотвѣтствію со всѣми заявленіями совѣтскихъ властей, эти документы о раскрытомъ заговорѣ не представляются именно тѣми измышленными въ Москвѣ документами, которые хотѣлось бы имѣть Янкелю Свердлову, чтобы опубликовать, какъ подтвержденіе принятаго рѣшенія для казни Николая Романова? Въ свое время Янкель Свердловъ этого не сдѣлалъ; не сдѣлалъ потому, что обстановка сложилась благопріятно для Москвы, а потому совѣтская власть и не сочла нужнымъ трудиться надъ изобрѣтеніемъ документовъ. Теперь же обстановка опять ухудшилась, надо было расположить міръ въ свою пользу, и вотъ создается не существовавшій вѣрный слуга бывшаго Императора и его устами оповѣщаютъ всю заграницу въ желательномъ для совѣтской власти смыслѣ.

Суть приведеннаго интервью преслѣдовала три цѣли:

1) представить міру картину якобы произведеннаго надъ отрекшимся Императоромъ народнаго суда, съ подробной мотивировкой причинъ, побудившихъ власть къ принятію спѣшнаго рѣшенія;

2) надо было, по обстоятельствамъ тогдашняго времени, припугнуть нѣмцевъ возможностью созданія на Уралѣ Сибиро-союзнаго фронта и коалиціи всѣхъ противныхъ совѣтамъ партій противъ Германіи и

3) подготовить почву для благопріятнаго принятія запоздалаго опубликованія тѣхъ документовъ, которые совѣтская власть все же считала необходимымъ выпустить, главнымъ образомъ, уже для Россійскаго общественнаго мнѣнія.

Но раньше чѣмъ перейти къ этимъ послѣднимъ документамъ, необходимо отмѣтить еще одну черту, проскальзывающую въ приведенномъ интервью, служащую подтвержденіемъ предположенія, что инспираторами этой статьи могли быть только сами совѣтскіе дѣятели. Въ статьѣ, при всей общей ея фальшивости, проскальзываютъ нѣкоторыя вѣрныя детали совершеннаго преступленія.

Такъ напримѣръ: въ составѣ ближней охраны былъ *латышъ*; пріѣхали поздно ночью въ домъ, чтобы вести на разстрѣлъ—*предсѣдатель и два члена* изъ совдепа. Эти детали вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что было фактически и легче всего проскальзываютъ въ лживыхъ повѣствованіяхъ тогда, когда ихъ разсказываетъ самъ участникъ факта.

3-го апрѣля 1919 года радіо Москва-Будапештъ разнесло по всей Россіи и по всему міру слѣдующее сообщеніе изъ „Вечернихъ Совѣтскихъ Извѣстій“:

„Продолжение начатого 2-го апреля опубликования документов по делу о попытке к побегу Николая II-го.

„Анонимный корреспондент, обменивавшийся письмами с Романовыми, пишет:

„С Божьей помощью и с Вашим хладнокровием надеемся достичь нашей цели, не рискуя ничем. Необходимо расклеить одно из Ваших окон, чтобы Вы могли его открыть, я прошу точно указать мне окно. В случае если маленький Царевич не может идти, дело сильно усложнится, но мы и это уже взвесили и я не считаю это непреодолимым препятствием. Напишите точно, нужны ли два человека, чтобы его нести и не возмет ли это на себя кто-нибудь из вас. Нельзя ли было бы на 1 или 2 часа на это время усыпить „маленького“ каким-нибудь наркотиком. Пусть решит это доктор, только надо Вам точно предвидеть время. Мы доставим все нужное. Будьте спокойны. Мы не предпримем ничего, не будучи совершенно уверены в удаче заранее. Даем Вам в этом торжественное обещание перед лицом Бога, истории, пред собственною совестью. Офицер“.

„Несмотря на обещание, эта попытка окончилась расстрелом Николая II-го.“

„Ответ Романова на письмо „офицера“ еще длиннее самого письма“:

„Второе окно от угла, выходящее на площадь, стоит открыто уже два дня и даже по ночам. Окна 7-е и 8-е

около главного входа, тоже выходящия на площадь, точно также всегда открыты. Комната занята комендантом и его помощниками, которые составляют в данный момент внутреннюю охрану. Их 13 человек, вооруженных ружьями, револьверами и бомбами. Ни в одной двери, за исключением нашей, нет ключей. Комендант и его помощники входят к нам, когда хотят. Дежурный делает обход дома ночью 2 раза в час и мы слышим, как он под нашими окнами бряцает оружием. На балконе стоит один пулемет, а под балконом другой на случай тревоги. Не забудьте, что съ нами будет доктор, горничная и маленький кухонный мальчик. Было бы низко с нашей стороны (хотя они ни в коем случае нас не затруднят) оставить их тут после того, как они добровольно последовали за нами в изгнание. Напротив наших окон по той стороне улицы помещается стража в маленьком домике. Она состоит из 50 человек. Все ключи и ключ № 9 находятся у коменданта, который с нами обращается хорошо. Во всяком случае известите нас, когда представится возможность и ответьте, можем ли мы взять с собой наших людей. Перед входом всегда стоит автомобиль. От каждого сторожевого поста проведен звонок к коменданту и провода в помещение охраны и другие пункты. Если наши люди останутся, то можно ли быть уверенным, что с ними ничего не случится?“

„К нам попал в руки дневник Николая Романова за 1917 и 1918 г. Под 10 июня 1918 г. записано: „Сегодня утром у нас открыли окно“; 14/6 „мы провели неспокойную ночь и, не раздеваясь, бодрствовали“. Дальше, под 28/6: „Около половины 11-го утра подошли к открытому окну 3 рабочих, подняли тяжелую решетку и укрепили ее снаружи в окне.“ 30/6 кончается дневник Николая Романова“.

Эта замѣтка „Вечернихъ Извѣстій“, по заявленію совѣтскихъ властей, представляла тѣ „документы о заговорѣ“ и „матеріалы и документы Николая Романова“, о которыхъ Янкель Свердловъ оповѣстилъ своихъ коллегъ въ засѣданіи Президіума 18-го іюля 1918-го года и которые обѣщалъ разобрать и опубликовать „въ ближайшее время“.

Онъ исполнилъ обѣщаніе въ апрѣлѣ 1919 года.

Какова же цѣнность этихъ документовъ?

Прежде всего съ точки зрѣнія формы, слога и выраженій, приведенныхъ въ этихъ документахъ:

Отчего отъ нихъ такъ отзывается Олендорфомъ, или какимъ-нибудь другимъ распространеннымъ пособіемъ для изученія какого-либо иностраннаго языка, составленнымъ иностраннымъ авторомъ на русскомъ языкѣ? Отчего „офицеръ“, желающій спасти бывшаго Государя Императора и, значитъ, оставшійся въ душѣ вѣрноподданнымъ, обращаясь къ Нему, называетъ Его только: „Вы“, „Вамъ“, а не „Государь“, „Величество“, ему болѣе привычнымъ и допустимымъ титулованіемъ? Отчего онъ же называетъ Наслѣдника Цесаревича — Царевичемъ, что на русскомъ языкѣ не одно и тоже; а въ одномъ мѣстѣ онъ просто называетъ Наслѣдника Цесаревича — „маленькій“, какъ будто имѣлъ возможность, какъ и совѣтскіе дѣятели, читать дневники Государя Императора и видѣть тамъ интимное ласкательное наименованіе, данное Государемъ нѣжно любимому сыну. Отчего, наконецъ, въ этихъ документахъ, какъ бы опять подсказывается до конца недоговоренная идея совершившагося въ Екатеринбургѣ преступленія по сумасшедшей версіи Чемадурова: Царь и Его Семья вывезены; Боткинъ и всѣ остальные брошены и погибли? — вѣдь такой планъ спасенія вытекаетъ изъ смысла обоихъ писемъ.

Какова же суть этихъ документовъ, фактическая сторона въ нихъ?

Окна дома, гдѣ содержалась Царская Семья, и видъ изъ оконъ на улицы были загорожены двумя рядами сплошныхъ заборовъ, высота коихъ доходила до верхнихъ косяковъ оконъ, а мѣстами даже до крыши. Внутренній заборъ отстоялъ отъ стѣны дома аршина на полтора, охватывая домъ отъ окна комнаты коменданта у параднаго крыльца до начала сада, выходившаго въ Вознесенскій переулокъ. Этотъ заборъ образовывалъ со стѣной дома узенькій, глухой коридоръ со входомъ только отъ параднаго крыльца. При такихъ условіяхъ, чтобы похитить черезъ окно, надо было предварительно проломать заборы.

Изъ оконъ комнатъ черезъ заборъ можно было видѣть только узенькую полоску неба. О томъ, что домъ, гдѣ жила наружная охрана, былъ маленькій, могли знать видѣвшіе его, но не Государь, который за заборами ничего не видѣлъ. О томъ, что отъ сторожевыхъ постовъ, кромѣ звонковъ къ коменданту, были проведены провода въ помѣщеніе охраны „и другіе“ пункты,“ могли знать ихъ проводившіе и дежурившіе на постахъ, но не Государь, которому даже постовъ

не было видно. Никакой сигнализаціи съ проводами для сторожевыхъ постовъ въ дѣйствительности и не было, а былъ проведенъ только одинъ звонокъ отъ часового у параднаго входа въ переднюю дома Ипатьева.

Вокругъ дома Ипатьева стояли часовые отъ караула и, какъ отличный службистъ, Государь никогда не назвалъ бы ихъ сторожевыми постами, что по уставу имѣетъ совершенно другое значеніе. Внутренняя охрана помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, а не въ комнатѣ коменданта; въ комнатѣ коменданта ночевалъ только помощникъ, а Авдѣевъ и Юровскій утромъ приходили, а вечеромъ уходили на свои квартиры. Дежурные два раза въ часъ по ночамъ не обходили, да спеціальныхъ дежурныхъ и не было. Были разводящіе, дежурившіе по недѣлямъ, разводившіе смѣны каждые 4 часа.

О какихъ ключахъ и для какой цѣли говоритъ Государь и что это за ключъ № 9? Самъ же Государь говоритъ, что двери не запираются.

А могъ ли Государь забыть, что спасенію съ Ними подлежали не только Боткинъ, Демидовъ и Сѣдневъ, а еще Харитоновъ и Труппъ? Забыли о нихъ, вѣроятно, тѣ, кто въ Москвѣ сочинялъ эти документы.

Особенно чувствуется фальшивость документовъ въ тѣхъ фразахъ, которыми обрисовывается корреспондентъ: „Офицеръ“, русскій офицеръ изъ состава организаціи бѣлогвардейцевъ, для чего-то особенно подчеркиваетъ въ своемъ письмѣ и старается убѣдить ожидающаго спасенія Государя, что „надѣемся достичь цѣли, не рискуя ничѣмъ“, „я не считаю это непреодолимымъ препятствіемъ“, „будьте спокойны“, „мы не предпримемъ ничего, не будучи совершенно увѣрены въ удачѣ заранѣе“ и подтверждаемъ это торжественнымъ обѣщаніемъ „передъ лицомъ Бога, исторіи“. Развѣ, кромѣ того, вся эта фраза съ „заранѣе“ на концѣ и патетической клятвой — похожи на русскій слогъ, на русскій духъ и, въ особенности, на духъ офицера изъ организаціи?

Ну, а эта фраза въ отвѣтъ Царя: „было бы низко съ нашей стороны (хотя они ни въ коемъ случаѣ насъ не затруднятъ) оставить ихъ тутъ...“ Чья она? Могла ли быть, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, сказана устами Государя, русскаго человѣка, да при всемъ томъ прекрасно владѣвшаго роднымъ языкомъ?

Но въ то же время, косвенно упрекая „офицера“ въ низости за то, что онъ не предусмотрѣлъ необходимости спасать приближенныхъ и преданныхъ людей, письмо—отвѣтъ не забываетъ сказать про коменданта доброе слово, который „съ нами обращается хорошо“, помѣстивъ эту аттестацію, какъ придаточное предложеніе къ указанію о мѣстѣ нахожденія ключей.

Таковыми представляются содержаніе и характеръ совѣтскихъ документовъ о раскрытыхъ бѣлогвардейскихъ заговорахъ, имѣвшихъ цѣлью похищеніе Царской Семьи. Эти же документы, по заявленію Янкеля Свердлова, послужили для совѣтской власти толчкомъ и дали право покончить съ бывшимъ Государемъ Императоромъ, не дожидаясь предполагавшагося надъ нимъ народнаго суда. „Хотя“, говоритъ еврей Сафаровъ въ своей статьѣ, посвященной разстрѣлу бывшаго Царя, на страницахъ газеты „Уральскій рабочій“ отъ 23-го іюля 1918 года, „при этомъ и были нарушены многія формальныя стороны буржуазнаго судопроизводства и не былъ соблюденъ традиціонно-историческій церемоніалъ казни „коронованныхъ особъ“... но „рабоче-крестьянская власть и въ этомъ случаѣ проявила крайній демократизмъ: она не сдѣлала исключенія для всероссійскаго убійцы и разстрѣляла его наравнѣ съ обыкновеннымъ разбойникомъ“...

Это заявленіе еврея Сафарова цинично, но, по крайней мѣрѣ, откровенно. Изъ устъ одного изъ главнѣйшихъ исполнителей казни узнаемъ, что никакого суда надъ „Николаемъ Романовымъ“ и не предполагалось: Янкель Свердловъ просто своралъ своимъ коллегамъ, побоявшись сказать правду. Еврей Сафаровъ оказался храбрѣе и наглѣе; онъ объясняетъ и причину почему не предполагалось прибѣгать къ суду: это не демократично, а „рабоче-крестьянская власть и въ этомъ случаѣ проявила крайній демократизмъ“.

Такъ ли это? Дѣйствительно ли „рабоче-крестьянская власть“ не сдѣлала исключенія для бывшаго Государя Императора? Дѣйствительно ли она „разстрѣляла Его наравнѣ съ обыкновеннымъ разбойникомъ?“ На эти вопросы отвѣчаетъ вся настоящая книга устами тѣхъ подлыхъ еврейскихъ и русскихъ руководителей и тѣхъ несчастныхъ и тупыхъ злодѣевъ, которые участвовали или видѣли „этотъ разстрѣлъ“.

Во всякомъ случаѣ, приведенные оффиціальные документы не являются правдивымъ матеріаломъ для русскаго судьи и историка, какъ хотѣлъ бы того Янкель Свердловъ и ни въ коемъ случаѣ не оправдываютъ главарей совѣтской власти въ ихъ злыхъ и гнусныхъ дѣяніяхъ. Совершенно обратно: документы эти наводятъ на мысль искать другихъ причинъ кровавымъ преступленіямъ лѣта 1918 года, независимо отъ того, существовали ли бѣлогвардейскія организаціи офицеровъ для спасенія бывшаго Царя и Его Семьи, или нѣтъ. Что офицерскія организаціи вообще существовали, въ этомъ, пожалуй, совѣтскія власти могли не сомнѣваться. Но чтобы дѣятельность ихъ, въ отношеніи спасенія заключенныхъ, могла потребовать отъ исчадія еврейскаго народа—Свердловыхъ, Сафаровыхъ, Войковыхъ, Голощекиныхъ, Юровскихъ и россійскихъ себялюбцевъ—Ленинныхъ, Саковичей, Бѣлобородовыхъ—проявленія отъ имени русскаго народа „демократизма“, для этого документы совѣтскихъ властей „о заговорахъ“ не даютъ никакихъ основаній. Документы Янкеля Свердлова въ юридическомъ отношеніи лишь нагло-ложны и низко-подлы, какъ приписанные бывшему русскому Государю и русскому офицеру.

Что же даютъ документы „о заговорахъ“ съ нашей стороны? Существовали ли дѣйствительно организаціи для спасенія Царской Семьи въ Екатеринбургѣ, Тобольскѣ, или иныхъ городахъ и пунктахъ, и чѣмъ проявили тогда онѣ себя?

Сложно и трудно было работать немного остававшемуся въ живыхъ честному офицерству въ этомъ направленіи.

Участіе высшаго генералитета Арміи, руководителей и авторитетовъ офицерства почти въ первыхъ рядахъ Февральской революціи, въ отреченіи Царя отъ престола, въ политическомъ развалѣ Арміи и страны Керенщиной—сильно расшатало единство мыслей, чувствъ и міровоззрѣній этой сильной и относительно единодушной въ былое время организованной корпораціи. Революція нарушила, смяла и осмѣяла ея прежніе основные принципы дисциплины, іерархіи, взаимоотношенія и законовъ сплоченности, ея національные и духовные лозунги и, взамѣнъ прежняго, ничего новаго—морально и нравственно здороваго—офицерство не получило.

Война влила въ ряды офицерства много посторонняго элемента—элемента, зачастую совершенно негоднаго въ нравственномъ отношеніи, а демократическіе пріемы Гучковыхъ, Керенскихъ и компаніи по углубленію революціи и реорганизаціи арміи на революціонныхъ началахъ, съ выдвиженіемъ въ верхи офицеровъ, начальниковъ, по натурѣ каторжнаго, ссыльнаго и тюремнаго стажей—способствовали еще болѣе развалу офицерства. Трудность какого-либо моральнаго, болѣе или менѣе солиднаго объединенія массы, внѣ царившихъ разнообразныхъ и шаткихъ политическихъ теченій, становилась почти непреодолимой.

Отсюда, среди остававшагося честного офицерства развились, какъ основныя черты, недовѣріе, замкнутость, осторожность въ общеніи съ другими офицерами и между собою и острая подозрительность ко всякаго сорта и характера политическимъ дѣятелямъ, выбрасывавшимся революціонной волной на арену дѣятельности изъ среды общей массы. Съ другой стороны, частью для такъ называемыхъ временныхъ джентльменовъ, а къ ужасу, въ большинствѣ, для коренныхъ генераловъ и офицеровъ создались чрезвычайно благопріятныя почва и обстановка для достиженія власти и значенія легкими путями: лицедѣяніемъ слова и провокаціей положенія. Достигнутыя власть и вліяніе предоставляли такимъ военнымъ элементамъ безотвѣтственно и часто безнаказанно творить свои собственныя дѣлишки, подъ прикрытіемъ громкихъ, фальшивыхъ принциповъ и лже-національныхъ лозунговъ.

Послѣ Октябрьскаго переворота офицерство, ушедшее изъ совѣтской Россіи, легко объединялось подъ флагомъ борьбы съ совѣтами и большевиками и, вѣроятно, въ то время не существовало города въ Россіи, гдѣ бы не было тайной или явной, такой, чисто боевой, офицерской организаціи. Въ эти организаціи офицерство шло охотно, мало думая о тѣхъ будущихъ политическихъ принципахъ строительства государства, которые выдвигались разными создававшимися анти-совѣтскими временными правительствами и правителями. Здѣсь этотъ вопросъ отодвигался на второе мѣсто; импульсомъ движенія была простая ненависть къ чуждымъ русскому офицеру узурпаторамъ власти, носителямъ пятиконечной звѣзды; офицеръ вступалъ въ привычную ему по понятіямъ, формѣ и духу зону, зону бойца, а не политическаго дѣятеля.

Совершенно, повидимому, иная обстановка создавалась въ дѣлѣ организаціи офицерства для помощи или спасенія бывшаго Царя и Царской Семьи. Мало кто подходилъ къ разрѣшенію вопроса чисто только съ человѣколюбивой точки зрѣнія. Почти каждый, изъ числа помышлявшихъ о спасеніи или похищеніи Царской Семьи, носилъ въ себѣ свои, лично имъ лелѣемые политическіе принципы, клавшіеся въ основу цѣли спасенія и дальнѣйшаго развитія государственнаго строительства будущей, освобожденной Россіи. Здѣсь каждый отдѣльный элементъ организаціи являлся прежде всего носителемъ политическихъ опредѣленныхъ идей и онѣ являлись для него доминирующими надъ всякими другими обстоятельствами и соображеніями. Расколъ, существовавшій въ монархической партіи въ дореволюціонный періодъ, пройдя черезъ стадію двухъ революцій, настолько развился среди интеллигентнаго класса, что бѣлогвардейскія организаціи разсматриваемыхъ цѣлей прежде всего натыкались на затрудненія въ своемъ развитіи изъ-за своихъ собственныхъ монархическихъ принциповъ. Какъ ни грустно и ужасно, но въ будущемъ изложеніи, кажется, придется коснуться дѣла, когда одна организація, случайно подошедшая очень близко къ разрѣшенію вопроса спасенія Царской Семьи, не выполнила таковаго по несочувствію въ принципахъ среди части офицерства, съ которой предполагалось работать. Среди молодежи искаженіе понятій и высокихъ принциповъ монархизма, подъ вліяніемъ революціи, дошло даже до уродства: одинъ молодой офицеръ, напримѣръ, утверждалъ, что если Бронштейна-Троцкаго помазать на Русское Царство муромъ, то онъ станетъ уже законнымъ „Помазанникомъ Божьимъ", и добавлялъ, что, хотя самъ онъ не признаетъ тогда Бронштейна русскимъ царемъ, но бороться съ нимъ перестанетъ.

Таковыми представляются политическія условія группировки офицерства въ организаціи для спасенія Царской Семьи. Къ этому необходимо добавить, что недовѣрчивость и подозрительность честнаго офицерства вели къ чрезвычайно осмотрительному, осторожному и тщательному выбору лицъ для указанной цѣли. Обстоятельства требовали большой конспиративности и предусмотрительности какъ въ самой организаціи, такъ и въ дѣятельности ея членовъ, дабы не нарываться на провокаціи, измѣны, обманы, отъ послѣдствій которыхъ могла страдать не только сама орга-

низація, но, главнымъ образомъ, Тѣ, которыхъ хотѣли спасти. Эти условія приводили къ чрезвычайной медлительности работы, требовали много времени для осуществленія цѣли, а между тѣмъ событія не ждали, быстро назрѣвали и, наконецъ, разрѣшались раньше, чѣмъ организація могла предпринять что-либо серьезное для спасенія Царской Семьи.

Указанныя тренія, затрудненія и общія положенія привели къ тому, что за весь періодъ революціи среди честнаго офицерства Екатеринбурга создалось всего двѣ маленькихъ организаціи: одна—въ періодъ пребыванія Царской Семьи еще въ Тобольскѣ, задавшаяся цѣлью оказать Семьѣ возможную помощь для облегченія условій жизни, и другая, уже во время пребыванія Царской Семьи въ Екатеринбургѣ, мечтавшая спасти Царскую Семью.

Вотъ что разсказываетъ о дѣятельности первой изъ названныхъ группъ одинъ изъ ея участниковъ, штабсъ-ротмистръ С.

„Почти всю зиму 1918 года я провелъ въ Тюмени, а въ апрѣлѣ, на 6-й недѣлѣ поста, поѣхалъ въ Тобольскъ. На пути, въ деревнѣ Дубровно, верстахъ въ 50—60 отъ Тобольска, мнѣ повстрѣчался поѣздъ съ Государемъ, Государыней и Великой Княжной Маріей Николаевной, которыхъ комиссаръ Яковлевъ везъ на Тюмень. Государыня узнала меня, узнала, какъ офицера Ея Крымскаго коннаго полка, и издали осѣнила крестомъ. Проводивъ глазами поѣздъ, я поѣхалъ дальше на Тобольскъ. Въ Тобольскѣ мнѣ никого изъ Августѣйшей Семьи видѣть не пришлось; я узналъ, что дѣломъ помощи заключеннымъ занимается мѣстный священникъ о. Васильевъ и дня черезъ три поѣхалъ обратно на Тюмень. Матеріальныхъ средствъ у насъ никакихъ не было, но мы думали, что найдемъ поддержку у частныхъ людей“.

Вотъ и все, что успѣла сдѣлать горсточка безусловно честныхъ офицеровъ въ этотъ промежутокъ времени.

Представитель другой организаціи подполковникъ П. К. Л. разсказываетъ слѣдующее:

„Въ маѣ 1918 года я былъ командированъ изъ Петрограда въ Екатеринбургъ отъ монархической организаціи „союзъ тяжелой кавалеріи“, имѣвшей цѣлью спасеніе жизни Августѣйшей Семьи. Въ Екатеринбургѣ я поступилъ въ слушатели 2-го курса Академіи генеральнаго штаба и, имѣя въ виду осуществленіе вышеуказанной цѣли, осторожно и

постепенно сошелся съ нѣкоторыми офицерами-курсантами: М-имъ, Я-имъ, С-имъ, П-имъ, С-имъ. Однако сдѣлать что-либо реальное намъ не пришлось, такъ какъ событія совершались весьма неожиданно и быстро. За нѣсколько дней до взятія Екатеринбурга чехами, я ушелъ къ нимъ въ составѣ офицерской роты полковника Румши и участвовалъ во взятіи Екатеринбурга.

Послѣ этого въ офицерской средѣ возникла мысль сдѣлать все возможное для установленія истины: дѣйствительно ли убитъ Государь Императоръ".

Вотъ и все, что было по части частныхъ офицерскихъ организацій, руководившихся принципами національнаго характера и добрыми намѣреніями искренно помочь или спасти Царскую Семью. Послѣ „разстрѣла" бывшаго Царя въ городѣ говорили, что была раскрыта какая-то тайная монархическая организація, но никто изъ вышеназванныхъ офицеровъ о ней ничего не зналъ, никто изъ нихъ самъ не пострадалъ и никто изъ нихъ не слыхалъ, чтобы вообще пострадалъ какой-либо другой офицеръ въ городѣ за попытку спасти Царскую Семью.

Офицеры этихъ организацій, стремившіеся частно сдѣлать доброе дѣло и дѣйствительно помочь заключенной Царской Семьѣ, не кричали о своей дѣятельности, не шумѣли, не кичились своими связями въ прошломъ, не бахвалились своими намѣреніями и работой, и кто знаетъ, если бы Богу угодно было дать больше времени въ ихъ распоряженіе — можетъ быть, имъ и удалось бы серьезно помочь Несчастнымъ Узникамъ. Такихъ офицеровъ было мало, офицеровъ долга и чести; революція ихъ слишкомъ разбросала, обезсилила и забила.

Но зато болѣе многочисленны были группы иныхъ офицеровъ спасителей—продуктовъ и сыновъ революціи. Быть можетъ, въ дѣйствительности ни въ какія организаціи они не входили и никакихъ организацій у нихъ не было, а существовали онѣ только у нихъ на словахъ. Эти офицеры отличались бахвальствомъ и чванствомъ; шумѣли о своей дѣятельности гдѣ только могли; кричали чуть-что не на всѣхъ перекресткахъ, входя во всѣ откровенности съ первыми встрѣчными и не смущаясь того, что могли быть услышаны совѣтскими агентами и властями. Послѣдніе, однако, какъ ни странно, совершенно игнорировали дѣятельность подобныхъ типовъ, не преслѣдовали крикливыхъ

5*

заговорщиковъ, а иногда были даже въ явныхъ съ ними сношеніяхъ.

Татьяна Евгеніевна Мельникъ, дочь убитаго доктора Боткина, проживавшая у отца въ Тобольскѣ, разсказываетъ объ одной изъ такихъ организацій, на которую ей пришлось натолкнуться въ Тобольскѣ:

„Это было въ семьѣ одного купца мясника, пасынокъ котораго тоже мнилъ себя организаторомъ и былъ явнымъ противникомъ отца Алексѣя (Васильева). Онъ очень много говорилъ о своей организаціи, состоявшей якобы изъ офицеровъ и союза фронтовиковъ...

Однажды мы были въ гостяхъ у этого организатора, гдѣ, кромѣ насъ, его родителей и жены, былъ еще его зять, членъ совдепа...

Вдругъ звонокъ; организаторъ самъ бѣжитъ открыть двери и возвращается съ какимъ-то растеряннымъ видомъ и представляетъ намъ господина I., открывающаго въ Тобольскѣ кинематографъ. При первомъ взглядѣ на него мы поняли, что кинематографъ здѣсь не причемъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ маленькими холеными руками, съ правильными чертами интеллигентнаго лица, съ великолѣпнымъ проборомъ и тщательно подстриженной бородкой. Его слегка картавое произношеніе обличало человѣка, привыкшаго говорить на иностранныхъ языкахъ. Мы не знали, кто онъ, но сразу догадались объ его Петроградскомъ происхожденіи, а онъ, очевидно, предупрежденный организаторомъ, сѣлъ около насъ съ братомъ, началъ разговоръ, сначала общій, потомъ постепенно переходя на разсказы изъ Петроградской жизни: „Моя кузина княгиня Урусова“. „Вы знаете князя Кочубей?“ „Когда мы были на Высочайшемъ обѣдѣ“. „У насъ въ первой гвардейской дивизіи“, и т. д., безъ конца и безъ удержу, не замѣчая ужасныхъ гримасъ организатора и насторожившагося члена совдепа. При второй встрѣчѣ повторилось тоже самое, такъ что бывшіе у организатора гости предупреждали его: „Берегитесь, онъ не похожъ на Варшавскаго мѣщанина“.

Понятно, что комиссары всѣ его отлично знали, о чемъ, къ его великому изумленію, ему и говорили, но тѣмъ не менѣе дали безпрепятственно выѣхать изъ Тобольска...

„Когда Ихъ Величествъ увезли изъ Тобольска, мы освѣдомились (у организатора), почему, собственно говоря, его организація не предприняла чего-либо противъ этого. — „Вы

не знаете, сказалъ онъ намъ, мы вѣдь сорганизовались для спасенія Алексѣя Николаевича". Подошло время отъѣзда Великихъ Княженъ и Алексѣя Николаевича и мы опять обратились съ тѣмъ же вопросомъ къ организатору.—„Помилуйте, вѣдь не могли же мы себя обнаружить, вѣдь насъ бы всѣхъ красноармейцы переловили..."

Къ сожалѣнію, такихъ организаторовъ-офицеровъ изъ той категоріи, которая во время войны получила опредѣленіе „временные джентльмены", было въ это время несравненно больше, чѣмъ былыхъ скромныхъ и честныхъ тружениковъ военнаго дѣла и долга. Большинство этихъ послѣднихъ покоились „смертью храбрыхъ" на поляхъ Галиціи, Польши и Пруссіи, а немногіе оставшіеся замкнулись подъ гнетомъ новыхъ политическихъ вѣяній и новыхъ выскочекъ-нахаловъ.

Были и еще другого направленія организаторы-офицеры, связывавшіе также свою дѣятельность съ именемъ Царской Семьи. Совершенно своеобразный и загадочный характеръ работы представителей этихъ организацій сильно походилъ на какую-то очень крупную и преступную провокацію и даже предательство по отношенію къ Ихъ Величествамъ, и были они неуязвимы въ предѣлахъ совѣтской Россіи, пользуясь какой-то особой властью для выполненія своихъ тайныхъ цѣлей.

Проявила себя эта категорія организацій вскорѣ послѣ перевозки Царской Семьи въ Тобольскъ и продолжала свою работу долго послѣ разразившейся Екатеринбургской драмы, перенеся раіонъ своей темной дѣятельности на нашу территорію. Раскрыть въ полной мѣрѣ тѣ явно преступныя цѣли, къ которымъ стремились эти загадочныя организаціи, къ сожалѣнію, не удалось: оказалось, онѣ пользовались значительной силой вліянія и въ нашихъ предѣлахъ. Но добытый матеріалъ тѣмъ не менѣе достаточенъ, чтобы до извѣстной степени освѣтить одну изъ мрачнѣйшихъ сторонъ нашей общественной жизни послѣднихъ лѣтъ, много помогшей воцаренію въ Россіи іудо-русской власти.

Эта организація имѣла и сейчасъ еще имѣетъ обширныя связи какъ въ рядахъ совѣтской и анти-совѣтской среды Россіи, такъ и за-границей. Руководящій центръ ея былъ первоначально, послѣ февральской революціи, въ Петроградѣ, и былъ представленъ, главнымъ образомъ, людьми той категоріи высокаго свѣта, которые, въ сущности, не принимались въ интимный кругъ Императорской Семьи,

но образовывали классъ придворныхъ 2-й категоріи и наполняли Петроградъ многочисленными безотвѣтственными свѣтско-политическими кружками, стремившимися закулисно вліять на всю историческую жизнь Россіи. Послѣ октябрьскаго переворота этотъ центръ перекочевалъ въ Берлинъ и продолжалъ оттуда руководство своими агентами въ Россіи.

На Уралѣ центральной фигурой этой организаціи явился капитанъ Борисъ Николаевичъ Соловьевъ, женившійся на дочери Григорія Распутина уже послѣ убійства отца. Кто онъ былъ и откуда появился — неизвѣстно; никто не зналъ его и въ Тобольскѣ, ни въ средѣ Царской Семьи, ни среди придворныхъ, оставшихся при Ней, какъ самыхъ Ей близкихъ людей по всей предыдущей жизни.

Въ то время, когда Царская Семья проживала въ Тобольскѣ, Соловьевъ устроился въ Тюмени, откуда до Тобольска зимой ѣздили на лошадяхъ, а лѣтомъ на пароходахъ. Такимъ образомъ Тюмень перехватывала пути изъ Европейской Россіи на Тобольскъ. Здѣсь, въ Тюмени, Соловьевъ установилъ какъ бы заставу для всѣхъ лицъ, пытавшихся пробраться въ Тобольскъ, въ цѣляхъ повидаться тамъ съ заключенными Членами Августѣйшей Семьи. Соловьевъ говорилъ, что стоитъ во главѣ организаціи, поставившей цѣлью своей дѣятельности охраненіе интересовъ заключенной въ Тобольскѣ Царской Семьи путемъ наблюденія за условіями жизни Государя, Государыни, Наслѣдника и Великихъ Княженъ, снабженія ихъ различными необходимыми для улучшенія стола и домашней обстановки продуктами и вещами и, наконецъ, принятія мѣръ къ устраненію вредныхъ для Царской Семьи людей.

Всѣ, сочувствовавшіе задачамъ и цѣлямъ указанной организаціи, должны были являться къ нему, прежде чѣмъ приступить къ оказанію въ той или иной формѣ помощи Царской Семьѣ; въ противномъ случаѣ, говорилъ Соловьевъ, „я налагаю вето“ на распоряженія и дѣятельность лицъ, „работающихъ безъ моего вѣдома и ослушниковъ предаю совѣтскихъ властямъ“. Такъ, по его собственнымъ словамъ, имъ были преданы большевикамъ два офицера гвардейской кавалеріи и одна дама, которые и были будто бы разстрѣляны.

Дѣйствительно ли имѣло мѣсто это подлое предательство Соловьева, или вралъ онъ ради запугиванія новичковъ и личныхъ выгодъ—дѣло совѣсти этой темной личности, но почему Соловьевъ, неизвѣстный никому изъ заключенныхъ

въ Тобольскѣ, считалъ себя вправѣ быть чуть что не вершителемъ судьбы несчастныхъ Узниковъ—остается всецѣло на совѣсти тѣхъ лицъ руководившаго центра, которые его послали съ такими задачами, руководили имъ и во время укрылись въ Берлинѣ.

Правой рукой Соловьева въ Тобольскѣ и ближайшимъ выполнителемъ поставленныхъ центральной организацiей цѣлей являлся настоятель церкви Благовѣщенiя въ Тобольскѣ, отецъ Алексѣй Васильевъ.

Провидѣнiю угодно было и здѣсь, въ Тобольскѣ, приблизить къ людямъ великой и чистой христiанской вѣры пастыря, недостойнаго носившагося имъ сана и сыгравшаго роковую роль въ послѣдовавшихъ несчастiяхъ Царской Семьи во время заключенiя въ Тобольскѣ.

Алексѣй Васильевъ принадлежалъ тоже къ тому типу организаторовъ, на которыхъ указываетъ Татьяна Мельникъ. Онъ любилъ разсказывать о своей организацiи всѣмъ, если думалъ, что это можетъ составить выгоду для него самого. Онъ довелъ объ этомъ даже до свѣдѣнiя Государя и Государыни, которымъ хотѣлось ему вѣрить. Въ отношенiи Соловьева, сначала, когда отъ Соловьева поступали деньги, Алексѣй Васильевъ проявлялъ корректность. Но потомъ, повидимому, ему захотѣлось играть первенствующую роль и тогда онъ сталъ лить на Соловьева ушаты помоевъ, получая отъ него въ отвѣтъ таковые же. Въ общемъ, по нравственному и моральному обликамъ, Соловьевъ и Алексѣй Васильевъ были работниками парными.

Положенiе Царской Семьи въ Тобольскѣ въ первые мѣсяцы, въ общемъ, было довольно сноснымъ. Имъ разрѣшалось ходить каждую обѣдню въ церковь, а всенощныя всегда служили дома и служилъ причтъ Благовѣщенской церкви съ пѣвчими; свитѣ не дѣлалось никакого стѣсненiя и она свободно входила и выходила, когда хотѣла; отношенiе жителей города было болѣе, чѣмъ благожелательное, и Царская Семья получала постоянно къ столу различныя посылки изъ съѣстного и сладкого, присылавшiяся разными доброжелателями изъ мѣстнаго населенiя. Солдаты охраны того времени не обращали на все это никакого вниманiя и многiе изъ нихъ высказывали свою любовь и вѣрныя чувства Государю и Членамъ Его Семьи.

Въ этотъ перiодъ—августъ, сентябрь—центръ упомянутой организацiи ничѣмъ себя не проявилъ. Если онъ

имѣлъ дѣйствительныя намѣренія спасти Царскую Семью, то, именно, это время было наиболѣе благопріятнымъ: въ составѣ самой охраны и особенно среди солдатъ бывшаго 4-го Императорской фамиліи стрѣлковаго полка большая часть людей сама предлагала Государю воспользоваться днями ихъ дежурства для совершенія побѣга. Императоръ отвѣтилъ имъ, что онъ никуда изъ Россіи не уѣдетъ и разлучаться съ Семьей не будетъ. Однако, безусловно въ этотъ періодъ проявляются признаки заинтересованности настроеніемъ бывшаго Императора и Государыни Императрицы со стороны Императора Вильгельма: въ Тобольскѣ появляются русскіе офицеры типа лицъ той же среды, изъ которой состоялъ центръ организаціи, и передаютъ Царской Семьѣ предложеніе Вильгельма принять его помощь. Отвѣты Государя и Государыни были отрицательными.

Въ началѣ октября направленіе мыслей солдатъ охраны стало ухудшаться: пріѣхавшій отъ Керенскаго новый комиссаръ Панкратовъ со своимъ помощникомъ Никольскимъ затѣяли политическую борьбу съ мѣстными большевиками, во главѣ которыхъ былъ нѣкій Писаревскій, и объектомъ своихъ политическихъ экспериментовъ сдѣлали солдатъ охраны.

Солдаты стали нервничать, разлагаться, хулиганничать. Цѣль у нихъ была иногда вовсе не причинить непріятность Августѣйшей Семьѣ, но выходило такъ, что страдала всегда Она. Стали придираться ко всякимъ мелочамъ распорядка жизни Семьи, до тѣхъ поръ не вызывавшимъ никакихъ недоразумѣній; обратили вниманіе, что Государь и Наслѣдникъ продолжаютъ носить погоны; замѣтили кинжалъ на черкескѣ у Государя; поднялись разговоры о слишкомъ большой свободѣ приближенныхъ къ арестованнымъ, словомъ, какъ говорятъ, атмосфера начала наэлектризовываться.

Къ этому времени между Людендорфомъ и Гофманомъ, съ одной стороны, и Ленинымъ и Троцкимъ, съ другой, т. е. между крайней правой партіей Германіи и крайней лѣвой—Россіи, уже состоялся извѣстный договоръ. Не секретъ теперь, что въ рядахъ дѣятелей и сотрудниковъ Ленина и Троцкаго-Бронштейна оказались также многіе изъ нашей крайней правой, или, вѣрнѣе, причислявшіе себя къ таковой: Красинъ, Гуторъ, Бончъ-Бруевичъ, Шнеуръ, Муравьевъ и почти вся былая тайная охранка и много другихъ, выявившихся своей активной дѣятельностью и еще

больше—дѣйствовавшихъ скрытно, за спиной. Такое содружество было понятно: на Ленина и Бронштейна крайняя Германская партія смотрѣла какъ на временное оружіе, которое въ нужный моментъ будетъ убрано, а на вспаханное поле посѣютъ сѣмена объединившіеся крайніе правые Германіи и Россіи. Теоретически расчетъ былъ правиленъ, но практически его составили люди вовсе не духовно-національныхъ принциповъ монархизма, а люди полицейско-личнаго режима.

За послѣднее время излюбленнымъ способомъ этого режима, для достиженія намѣченныхъ цѣлей, явилась провокація самаго разнообразнаго вида и самаго широкаго размѣра.

Та же провокація нашла себѣ мѣсто и въ Тобольскѣ въ отношеніи несчастной Царской Семьи.

Выше уже было сказано, что вывести опредѣленно-цѣльное заключеніе изъ дѣятельности организаціи, къ которой принадлежали люди типа Соловьева и Васильева, не представилось возможнымъ. Здѣсь исторія ограничивается лишь изложеніемъ тѣхъ фактовъ, которые опредѣлялись разслѣдованіемъ, и тѣхъ мыслей, которыя зарождались, какъ слѣдствіе совокупности всѣхъ фактовъ и обстоятельствъ, прошедшихъ въ періодъ работъ по изслѣдованію трагической кончины бывшаго Государя Императора и Его Семьи.

Какъ разъ въ это время, когда атмосфера вокругъ Царской Семьи начала сгущаться и настроеніе охраны обострялось, въ лицѣ Алексѣя Васильева и Соловьева начинаетъ проявлять свою дѣятельность „охраненія интересовъ заключенныхъ“ разсматриваемая Петроградская организація.

Чтобы попасть въ церковь, Царской Семьѣ приходилось пройти садомъ, перейти улицу и тогда уже былъ входъ на паперть. При каждомъ выходѣ въ церковь Арестованныхъ, по обѣимъ сторонамъ этого пути ставились шпалерами солдаты охраны. Былъ день 3-го ноября (21-е октября по старому стилю, день восшествія на престолъ бывшаго Государя Императора); вся Семья пріобщалась у ранней обѣдни; народу въ церкви было совсѣмъ мало; никто рѣшительно ни въ городѣ, ни въ охранѣ не обратилъ вниманія на службу именно въ этотъ день. Кончилась служба, Августѣйшая Семья направилась домой. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда бывшій Государь и Государыня появились на паперти, по распоряженію Алексѣя Васильева, совершенно

неожиданно раздался звонъ всѣхъ колоколовъ собора и продолжался все время, пока Царская Семья шла между рядами насторожившихся солдатъ охраны и не скрылась въ подъѣздѣ губернаторскаго дома, который Она занимала. Въ глазахъ солдатъ, привезенныхъ изъ Царскаго Села, Алексѣй Васильевъ воспроизвелъ полностью картину выхода Ихъ Величествъ изъ церкви въ періодъ, когда Они были на престолѣ.

На счастье, сѣмена развала, сѣявшіяся въ охранѣ распрей Панкратова съ Писаревскимъ, еще не успѣли достаточно взрости, и начальнику охраны полковнику Кобылинскому удалось на этотъ разъ еще овладѣть настроеніемъ массы и инцидентъ ознаменовался только шумомъ, криками возмущенія и негодованія въ средѣ охраны, не причинивъ реальныхъ послѣдствій для Августѣйшей Семьи. Но отношеніе солдатъ охраны рѣзко измѣнилось, они потребовали удаленія Панкратова и присылки изъ Петрограда или Москвы большевистскаго комиссара, и съ этого времени Писаревскій пріобрѣталъ себѣ все болѣе и болѣе сторонниковъ въ рядахъ охраны.

Наступило Рождество. 25-го декабря вся Царская Семья была у ранней обѣдни. Послѣ обѣдни начался молебенъ. Церковь была биткомъ набита народомъ; солдаты охраны, въ то время уже довольно демократизованные, обыкновенно, церкви не посѣщали, а тѣ, кто бывалъ въ нарядѣ въ шпалерахъ, пока шла служба, разбредались повсюду коротать время по своему. Но на этотъ разъ почему-то въ церковь явилась чуть не вся охрана и, въ особенности, элементы уже совершенно обольшевичевшіеся. Молебенъ шелъ своимъ порядкомъ, подходилъ къ концу. И вотъ опять, снова по распоряженію Алексѣя Васильева, неожиданно для всѣхъ, діаконъ провозгласилъ многолѣтіе всей Царской Семьѣ, именуя при этомъ полными былыми титулами: Его Императорскому Величеству, Ея Императорскому Величеству, Ихъ Императорскимъ Высочествамъ...

Бунтъ среди охраны и городского пролетаріата разразился невѣроятный; солдаты рвали и метали, подстрекаемые еще большевистскими руководителями, и съ громаднымъ трудомъ удалось ихъ удержать отъ проявленія крайнихъ, насильственныхъ дѣйствій надъ Членами безвинно пострадавшей Царской Семьи. Въ концѣ концовъ, на состоявшемся шумномъ, буйно настроенномъ митингѣ болѣе умѣрен-

нымъ элементамъ удалось провести резолюцію: въ церковь совсѣмъ Семью не пускать; пусть молятся дома, но каждый разъ на богослуженіи долженъ присутствовать солдатъ.

Такъ Алексѣй Васильевъ, исполняя волю поставившихъ его, „охранилъ интересы заключенныхъ"; только случайно въ Тобольскѣ не свершилось самосуда разъяренной Алексѣемъ Васильевымъ толпы надъ бывшимъ Государемъ и Его Семьей. Во всякомъ случаѣ, Царская Семья была лишена свободы посѣщенія церкви, а, слѣдовательно, лишена возможности общаться съ пріѣзжавшими къ Нимъ въ Тобольскъ друзьями. Быть можетъ это тоже входило въ планы Петроградской организаціи.

Въ свой центръ, въ Петроградъ, Васильевъ и Соловьевъ доносили, что ими организована сильная организація въ 300 человѣкъ, а, слѣдовательно, нѣтъ надобности присылать новыхъ офицеровъ и увеличивать численно организацію, но требовали все новыхъ и новыхъ присылокъ денегъ, какъ для Царской Семьи, такъ и для содержанія организаціи. Дѣйствительно, черезъ писца, исполнявшаго въ Тобольскѣ обязанности дворника и ставшаго, какъ оказалось впослѣдствіи, большевикомъ, Алексѣй Васильевъ передалъ бывшему Государю незначительную сумму денегъ, которая потомъ, при сличеніи съ суммами, присылавшимися Васильеву и Соловьеву, оказалась совершенно ничтожной. Всѣ же остальныя деньги оставались у этихъ мѣстныхъ исполнителей распоряженій центральнаго органа.

Повидимому и въ отношеніи численности организаціи, Соловьевъ и Васильевъ были также далеки отъ истины, или же организація эта имѣла какія-нибудь особыя цѣли, такъ какъ на послѣдовавшія событія организація не реагировала: провезли изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, съ маленькимъ конвоемъ, бывшаго Государя, Государыню и Великую княжну Марію Николаевну; провезли туда же, спустя три недѣли, остальныхъ членовъ Царской Семьи; свершили въ Екатеринбургѣ Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій свое злое дѣло—ни Соловьевъ, ни Васильевъ, ни ихъ организація не проявляютъ никакихъ мѣръ по „охранѣ интересовъ Царской Семьи".

Когда былъ взятъ Екатеринбургъ, то изъ разбитой, отступавшей арміи Берзина къ намъ перебѣжало много нашихъ офицеровъ. Въ числѣ ихъ былъ и генеральнаго штаба капитанъ Симоновъ, начальникъ штаба арміи Берзина.

Хотя это былъ офицеръ, перечисленный въ генеральный штабъ уже приказомъ Бронштейна-Троцкаго, но, занимая видную должность у Берзина, онъ много помогалъ нашему офицерству перебраться на бѣлогвардейскую сторону и, въ концѣ концовъ, самъ послѣдовалъ за ними. Въ Омскѣ онъ нашелъ своего Начальника Академіи Генерала Андогскаго; послѣдній, покровительствуя Симонову, взялъ его въ Ставку на отвѣтственную должность Начальника развѣдывательнаго и контръ-развѣдывательнаго отдѣла.

Въ Омскѣ Симоновъ всѣмъ говорилъ и докладывалъ оффиціально Верховному Правителю, что, служа въ рядахъ большевиковъ, онъ слышалъ отъ комиссаровъ, что Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны живы, но неизвѣстно гдѣ находятся. Лично Симоновъ твердо вѣрилъ въ это, рѣшительно отстаивалъ эту версію, но никакихъ реальныхъ доказательствъ представить не могъ.

Въ февралѣ 1919 года Соловьевъ оказался во Владивостокѣ. Проживалъ онъ въ гостинницѣ, сохраняя большое инкогнито, но открылся начальнику паспортнаго пункта полковнику Макарову и просилъ у него четыре незаполненныхъ бланка заграничныхъ паспортовъ. Макарову онъ разсказалъ, что Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны живы и невредимы, что онъ ждетъ условной телеграммы о Ихъ выѣздѣ и проситъ заграничные бланки, которые заполнитъ самъ, будто-бы для отправки Августѣйшихъ дѣтей за границу.

Примѣрно въ это же время, во Владивостокъ, по дѣламъ службы, пріѣзжалъ и новый начальникъ полковника Макарова капитанъ Симоновъ. Оказалось, что съ Соловьевымъ они знакомы и солидарны въ вопросѣ спасенія Царскихъ дѣтей.

Фантазія, походившая по абсурдности на умышленно-злостное распространеніе свѣдѣній съ преднамѣренной цѣлью, быстро распространялась по всей Сибири; передавалась она изъ устъ въ уста, какъ непреложная истина, и вѣрили ей гораздо больше и легче, чѣмъ обоснованнымъ на фактахъ докладамъ слѣдователя Соколова. При этомъ, какъ ни грустно, большинство утверждало, что спасены Дѣти при посредствѣ нѣмцевъ и увезены въ Германію.

Германія, Германія—вотъ кличъ, который проходитъ красной нитью по дѣятельности тайной монархической Петроградской организаціи.

Нѣсколько позже изъ Берлина въ Сибирь прiѣхала княгиня Вяземская. Кажется ея прiѣздъ былъ связанъ съ исключительнымъ интересомъ къ судьбѣ Царской Семьи и особенно Великаго Князя Михаила Александровича. Она называла себя близкимъ другомъ Брасовой—супруги Великаго Князя Михаила Александровича. Она всюду бывала, познакомилась со всѣми, не побрезгала близко сойтись и съ извѣстной, роковой въ Забайкальѣ, Марiей Михайловной (это по-русски, а по настоящему—Розенцвейгъ). Она настойчиво утверждала, что Царскiя Дѣти живы и особенно отстаивала, что живъ Великiй Князь Михаилъ Александровичъ. Она обращалась ко всѣмъ... кромѣ тѣхъ, кто располагалъ фактическими матерiалами по слѣдственному производству. Знала ли она Соловьева—неизвѣстно, но какая-то неуловимая связь въ дѣятельности всѣхъ этихъ лицъ была.

Когда, наконецъ, Соловьевъ былъ арестованъ и доставленъ въ Читинскую тюрьму (это было уже въ февралѣ 1920 года), въ камеру къ слѣдователю Соколову съ крикомъ ворвалась Марiя Михайловна и потребовала немедленнаго освобожденiя четы Соловьевыхъ, какъ ея ближайшихъ друзей... Удивленiе Соколова было полное, но выпустить онъ былъ принужденъ.

Отобранныя при арестѣ у Соловьева бумаги остались при слѣдствiи. Изъ нихъ выяснялись его связи съ Петроградскимъ центромъ и... съ нѣмцами.

Въ чемъ именно выливались связи могъ выяснить только допросъ, но Соловьевъ, освобожденный изъ тюрьмы, поспѣшилъ скрыться и надо полагать далеко. Вотъ почему окончательныхъ выводовъ о роли и дѣятельности этой Петроградско-Берлинской организацiи сдѣлать нельзя.

Всѣми этими перечисленными организацiями еще не исчерпывается весь вопросъ „о заговорахъ“ съ нашей стороны. Былъ еще цѣлый рядъ отдѣльно прiѣзжавшихъ офицеровъ, работавшихъ, по ихъ словамъ, будто бы тоже отъ какихъ-то организацiй. Но какихъ?—Можно только предполагать, т. к. нити, какъ-то сами по себѣ, продолжали все протягиваться между Ураломъ и Берлиномъ.

Весной 1918 года въ Тобольскъ прiѣзжалъ нѣкто, именовавшiй себя корнетомъ Крымскаго коннаго полка Марковымъ, пасынкомъ генералъ-губернатора Ялты, Думбадзе.

О томъ, для чего онъ пріѣзжалъ и что онъ дѣлалъ въ Тобольскѣ, можно судить по его словамъ въ декабрѣ 1918 года. Будучи въ это время въ Кіевѣ, онъ разсказывалъ, что Императоръ Вильгельмъ, подъ вліяніемъ Принца Гессенскаго, предлагалъ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ съ дочерьми пріѣхать въ Германію, но Она это предложеніе отклонила. Онъ показывалъ письмо Государыни къ Ея брату Принцу Гессенскому, которое онъ получилъ отъ Ея Величества, для доставки по назначенію, въ Тобольскѣ. Онъ говорилъ, что, уѣхавъ изъ Тобольска, онъ уже въ Москвѣ узналъ, что Ихъ перевозятъ въ Екатеринбургъ и настойчиво отрицалъ убійство Царской Семьи. Онъ увѣрялъ, что всѣ живы, но скрываются, и что онъ знаетъ, гдѣ Они всѣ находятся, но не желаетъ указать.

Въ Кіевѣ Марковъ былъ на совершенно особомъ положеніи у нѣмцевъ: онъ сносился телеграммами съ нѣмецкимъ командованіемъ въ Берлинѣ; нѣмцы за нимъ очень ухаживали, если онъ выходилъ въ Кіевѣ въ городъ, его сопровождали два нѣмецкихъ капрала; въ Берлинъ онъ выѣхалъ не съ эшелонами другихъ русскихъ офицеровъ, эвакуированныхъ нѣмцами при оставленіи Украйны, а съ германскимъ командованіемъ. Онъ говорилъ, что бывалъ вездѣ, и въ совѣтской Россіи имѣлъ повсюду доступъ у большевиковъ черезъ нѣмцевъ.

Быть можетъ, въ разсказѣ Маркова было слишкомъ много юношеской хвастливости о своемъ значеніи у нѣмцевъ, но факты видѣли другіе офицеры и таково было ихъ впечатлѣніе. Въ такой исторической страницѣ, какъ излагаемая книга, цѣнно каждое маленькое указаніе, которое можетъ проливать истинный смыслъ на минувшія, тяжелыя событія. Письмо, которое везъ Марковъ, существовало, его видѣли другіе и видѣли такія лица, которыя могли знать почеркъ Императрицы. Отсюда вытекаютъ очень существенныя подробности, если только Марковъ передавалъ точно: Царскую Семью звалъ въ Германію Вильгельмъ *по настоянію* Принца Гессенскаго, брата Императрицы. Это обстоятельство не служитъ на пользу тѣмъ, кто въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая II усиленно обвинялъ Императрицу Александру Федоровну въ германофильскихъ чувствахъ. Далѣе, изъ того же разсказа опредѣленно германофильскаго русскаго офицера тѣ же клеветники получаютъ и второе, еще болѣе реальное опроверженіе ихъ умышленно-

ложнаго обвиненія: братъ, несмотря на весь ужасъ, окружавшій Сестру, получилъ отъ Нея отказъ. Императрица Александра Федоровна, урожденная Принцесса Гессенская, оказалась болѣе русской, чѣмъ тѣ нѣсколько тысячъ представителей русской интеллигенціи и военныхъ, которыхъ нѣмцы вывезли къ себѣ, въ томъ числѣ и автора разсказа корнета Маркова.

Наконецъ, повторяемъ опять, если Марковъ передаетъ событія точно, то изъ его разсказа становится извѣстнымъ, что предложеніе пріѣзда въ Германію было сдѣлано только Государынѣ съ Дочерьми, а о Государѣ и Наслѣдникѣ Марковъ не упоминаетъ и, пожалуй, судя по всему разсказу, нельзя заподозрить, что Марковъ обмолвился, или забылъ. А тогда приходится согласиться съ Бурцевымъ: Вильгельмъ, оставляя бывшаго Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича въ распоряженіи Ленина и Бронштейна-Троцкаго, опредѣленно и сознательно причислялъ себя заранѣе къ ихъ убійцамъ.

И, слушая разсказъ Маркова, невольно набѣгаетъ мысль: работа Петроградско-Берлинской организаціи, дѣятельность Соловьева и Васильева, свѣдѣнія Симонова, убѣжденія княгини Вяземской—не связано ли это все въ одинъ кругъ, не исходитъ ли это все изъ одного центра, не является ли все это какой-то мрачной политической игрой, прогорѣвшей въ Россіи, партіи полицейско-личнаго режима, объединившейся съ прогорѣвшей въ Германіи военно-политической, Людендорфъ-Гофмановской, партіей. Что такая мысль не вполнѣ фантастична—можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа:

Въ сентябрѣ 1918 года въ Екатеринбургѣ, не служа въ частяхъ нашей арміи, проживалъ именовавшій себя корнетомъ Петръ Николаевичъ Поповъ-Шабельскій. Онъ говорилъ, что пріѣхалъ въ Екатеринбургъ по порученію Высокихъ Особъ, но какихъ Особъ, и въ чемъ именно заключалось его порученіе, онъ не высказывалъ. Разсказывалъ также, между прочимъ, что былъ вмѣстѣ съ полковникомъ Винбергомъ, авторомъ записокъ „контръ-революціонера,“ участникомъ процесса Пуришкевича.

Онъ очень интересовался Царскимъ дѣломъ, говорилъ со многими, распрашивалъ всѣхъ, посѣщалъ историческія мѣста и хотя говорилъ, что ему тяжело вѣрить въ убійство Августѣйшей Семьи, но тѣмъ не менѣе, тамъ, въ Екатерин-

бургѣ, утверждалъ, что въ фактѣ Ея убійства онъ не сомнѣвается.

Въ концѣ сентября онъ исчезъ изъ Екатеринбурга.

Прошло два мѣсяца. Когда нѣмцы, послѣ Украинской авантюры, спасая русскихъ офицеровъ отъ большевиковъ, вывозили ихъ съ Украйны эшелонами, на станціи Бѣлостокъ въ одинъ изъ эшелоновъ вошелъ Поповъ-Шабельскій и поѣхалъ въ Берлинъ.

Въ Берлинѣ Поповъ-Шабельскій совершенно измѣнилъ свое мнѣніе о судьбѣ Царской Семьи: онъ со многими другими русскими офицерами говорилъ совершенно открыто, что Царская Семья жива, что Великій Князь Михаилъ Александровичъ былъ похищенъ бѣлогвардейцами, и такія же утвержденія можно было слышать отъ всѣхъ русскихъ людей, проживавшихъ въ Германіи.

Чѣмъ же другимъ, какъ не работой какого-то центра въ Берлинѣ, можно объяснить такое единодушіе въ мнѣніяхъ различныхъ лицъ, прямо или косвенно соприкасавшихся съ Германіей. Какія цѣли преслѣдовалъ на самомъ дѣлѣ этотъ центръ, пока окончательно еще нельзя заключить, но, безусловно, что надо было кого-то убѣдить въ несуществованіи тѣхъ фактовъ, которые въ дѣйствительности имѣли мѣсто. Во всякомъ случаѣ, съ полной увѣренностью можно сказать, что въ основѣ работы такого тайнаго центра лежали сугубо-узкія политическія цѣли, чуждыя побужденіямъ сердца и совѣсти. При той свободѣ дѣйствій, которой пользовались агенты этой организаціи въ совѣтской Россіи, при тѣхъ средствахъ, которыми она, повидимому, располагала—спасти Царскую Семью почти не составляло труда.

Мало того, такая организація, объединившись съ временно-политической германской партіей, поставившая себя въ тѣсную зависимость отъ побѣды Людендорфа и Гофмана надъ Россіей, не могла считаться національно-русской организаціей; ея цѣли не могли быть русскими цѣлями, ея идеологія не могла быть идеологіей русскаго народа и бывшаго русскаго Царя. Естественно, что Марковъ встрѣтилъ рѣшительный отказъ Государыни Императрицы; естественно, что бывшій Царь предпочелъ погибнуть со всей Своей Семьей въ Россіи, чѣмъ принять руку помощи людей, обагрившихъ свои руки въ крови русскаго народа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ставъ на путь совмѣстной работы съ нѣмцами, эти узкіе и слѣпые русскіе люди сдѣлали Цар-

скую Семью объектомъ борьбы между центральной совѣтской властью и германскимъ генеральнымъ штабомъ. И кто знаетъ, быть можетъ эти темные политическіе происки нѣмецко-русской организаціи послужили послѣднимъ толчкомъ къ кровавой драмѣ на Уралѣ и дали основаніе Янкелю Свердлову сослаться на существованіе офицерскаго заговора.

Но *эти* заговорщики были *не русскіе офицеры.*

Работа офицеровъ.

Утро 25-го іюля дало новое направленіе работѣ части офицерства въ Екатеринбургѣ: выяснить во что бы то ни стало, что случилось съ Царской Семьей.

Сильное волненіе распространилось среди офицерства, вступившаго въ городъ, когда стало извѣстнымъ въ какомъ состояніи находится домъ Ипатьева, гдѣ содержалась Царская Семья. Все, что только было свободнымъ отъ службы и боевыхъ нарядовъ, все потянулось къ дому. Каждому хотѣлось повидать это послѣднее пристанище Августѣйшей Семьи; каждому хотѣлось принять самое дѣятельное участіе въ выясненіи мучившаго всѣхъ вопроса: гдѣ же Они?

Кто осматривалъ домъ, взламывалъ нѣкоторыя заколоченныя двери; кто набросился на разборъ валявшихся вещей, вещицъ, бумагъ, обрывковъ бумагъ; кто выгребалъ пепелъ изъ печей и ворошилъ его; кто бѣгалъ по саду, двору, заглядывая во всѣ клѣти, подвалы, и каждый дѣйствовалъ самъ за себя, не довѣряя другому, опасаясь другъ друга и стремясь скорѣе найти какія-нибудь указанія—отвѣтъ на волновавшій всѣхъ вопросъ.

Каждый почувствовалъ, что здѣсь что-то произошло, что-то большое, мрачное и трагичное... Но что?

Убили?...

Да, кровь здѣсь была.

Всѣхъ убили?....

Не можетъ быть, думалъ почти каждый. И звѣрству есть предѣлъ.

Куда же дѣлись тѣ, которыхъ не убили?

И перебирая безчисленное количество простыхъ вещей домашняго обихода, брошенныя вещицы туалета, поломанныя, обгорѣлыя зубныя, ногтевыя щеточки, гребешки,

шпильки, булавки, пряжки, кнопки, крючки, ленточки, тряпки, завязки, куски чулокъ, корсетовъ—никто не допускалъ, что звѣрство можетъ и не имѣть предѣла.

Кромѣ офицерства, въ домѣ Ипатьева, въ значительно большемъ количествѣ, набралось много разнаго народа. Тутъ были и дамы, и буржуи города, и мальчишки съ улицы, и торговки съ базара, и просто—праздношатающійся обыватель. Кого привели серьезныя цѣли, серьезный интересъ, кто пришелъ просто изъ любопытства или по привычкѣ ходить туда, гдѣ собралась толпа, а кто пришелъ и съ опредѣленной мыслью: нельзя ли чѣмъ поживиться, стащить и продать. И пока офицерство и положительный посѣтитель обходили домъ, осматривали комнаты, строили предположенія, дѣлились впечатлѣніями и разными слухами—люди, пришедшіе въ домъ „такъ себѣ“, и люди, забравшіеся съ опредѣленнымъ намѣреніемъ поживиться—набрали и унесли много всякаго брошеннаго имущества и многое потомъ находилось на базарѣ и барахолкахъ.

Много было унесено нѣкоторыми и на память.

Во второй половинѣ дня Начальникъ гарнизона прислалъ воинскій нарядъ. Всѣхъ удалили изъ дома; домъ и ворота заперли и поставили для охраны караулъ. Было приказано никого не пускать безъ особаго разрѣшенія военныхъ властей.

Военныя власти города рѣшили упорядочить и организовать дѣло розыска. Начальникъ гарнизона, генералъ-маіоръ Голицынъ, назначилъ особую комиссію изъ состава офицеровъ, преимущественно курсантовъ Академіи генеральнаго штаба, подъ предсѣдательствомъ полковника Шереховскаго, а дабы работа комиссіи протекала при болѣе нормальныхъ техническихъ условіяхъ, въ составъ ея былъ приглашенъ, изъ начавшаго формироваться Екатеринбургскаго окружнаго суда, судебный слѣдователь Наметкинъ.

Офицерство комиссіи взялось за дѣло горячо, рьяно, но какъ диллетанты. Плана, системы не было. Въ то время въ городѣ были распространены самыя разнообразныя версіи и слухи о томъ, что сдѣлали большевики съ Царской Семьей: кто говорилъ, что бывшаго Царя закопали въ саду, и офицерство перекопало весь садикъ; кто утверждалъ, что Его разстрѣляли гдѣ-то за 2-мъ Екатеринбургомъ, и офицерство, въ поискахъ тѣла Царя, раскапывало почти каждый бугорокъ, натыкаясь на трупы многихъ

жертвъ совѣтскаго режима, но нужнаго тѣла не находило; кто говорилъ, что тѣло ночью, съ привязанными къ головѣ и ногамъ камнями, бросили въ городской прудъ, и добровольные рыбаки-офицеры цѣлый день багрили и неводили, обширный по размѣрамъ, Верхъ-Иссетскій прудъ. Было разрыто и нѣсколько могилъ на городскомъ кладбищѣ, куда особый подрядчикъ свозилъ труппы, сдававшіеся ему совѣтскими палачами послѣ разстрѣловъ. Но тѣла Царя нигдѣ не находилось.

Тогда было приступлено къ пересмотру заново Ипатьевскаго дома. Для участія въ осмотрѣ и для опознанія вещей пригласили доктора Деревенько и старика Чемадурова; въ качествѣ эксперта-историка, въ осмотрѣ принялъ участіе профессоръ Академіи генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Медвѣдевъ, а спеціально для техническо-юридическаго руководства осмотромъ—упомянутый судебный слѣдователь Наметкинъ.

Конечно, вся отвѣтственность за характеръ, всесторонность и полноту осмотра ложилась на послѣдняго и въ этомъ отношеніи, по независившимъ отъ военныхъ властей причинамъ, выборъ Наметкина былъ крайне неудаченъ. Человѣкъ исключительно сухого формальнаго начала, лѣнивый по натурѣ, небрежный въ осмотрахъ, невнимательный къ показаніямъ, безъ иниціативы и какой бы то ни было идеи въ работѣ—онъ отнесся къ своему участію въ осмотрѣ дома Ипатьева спустя рукава, лишь бы отбыть извѣстный номеръ.

Первый технически-юридическій осмотръ дома Ипатьева, почти тотчасъ по свѣжимъ слѣдамъ орудовавшихъ и распоряжавшихся въ немъ преступниковъ, долженъ былъ дать исключительной цѣнности данныя для всего послѣдующаго слѣдственнаго производства. Только полное запечатлѣніе протокольнымъ постановленіемъ точно видѣннаго, найденнаго и замѣченнаго могло впослѣдствіи замѣнить слѣдственной работѣ, стертые временемъ, посѣщеніемъ многочисленныхъ посѣтителей первоначальный видъ и слѣды преступленія, оставшіеся послѣ бѣгства преступниковъ изъ Екатеринбурга.

Судя по составленному Наметкинымъ протоколу, осмотръ дома Ипатьева, съ его стороны, ограничился простымъ обходомъ комнатъ верхняго этажа дома и посѣщеніемъ одной комнаты въ нижнемъ этажѣ, той самой, гдѣ имѣлись слѣды

крови и пуль, съ обозначенiемъ размѣра комнатъ, количества въ нихъ оконъ и дверей, предметовъ обмеблировки, при самомъ поверхностномъ упоминанiи о характерѣ найденныхъ въ домѣ вещей. Наружнаго осмотра дома Наметкинъ не произвелъ вовсе, не осмотрѣлъ стѣнъ, не отмѣтилъ положенiя заборовъ, не запечатлѣлъ первоначальной картины фотографированiемъ дома, сада, комнатъ, надворныхъ построекъ. Внутри дома—не разобрался основательно въ брошенныхъ вещахъ, не собралъ ихъ, не составилъ описей; не собралъ осторожно пепла изъ печей съ остатками обгорѣвшихъ клочковъ бумагъ, писемъ, записокъ; не осмотрѣлъ внутреннихъ стѣнъ, косяковъ дверей и оконъ, не отмѣтилъ надписей на нихъ, отмѣтокъ и подписей какихъ-то постороннихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ числу арестованныхъ, а въ комнатѣ со слѣдами крови нижняго этажа, наткнувшись на порнографическiе рисунки и надписи на обояхъ, допустилъ участвовавшихъ въ осмотрѣ заскоблить, а частью и совершенно сорвать произведенiя рукъ преступниковъ, попортивъ и уничтоживъ этимъ почерки—вещественные слѣды преступленiя и личностей преступниковъ.

Что въ нижней комнатѣ было совершено какое-то убiйство, въ этомъ никто изъ осматривавшихъ домъ не сомнѣвался. Такъ какъ трупа или труповъ въ комнатѣ со слѣдами крови не оказалось, то значитъ ихъ куда-то выносили. Нетрудно было видѣть, что, чтобы попасть на улицу, надо было пройти черезъ всю анфиладу комнатъ нижняго этажа къ выходу въ переднiй дворъ у въѣздныхъ воротъ, такъ какъ другой выходъ былъ загороженъ заборомъ. Наметкинъ не прослѣдилъ этого пути, не осмотрѣлъ половъ комнатъ нижняго этажа, гдѣ не могло не быть кровяныхъ слѣдовъ отъ проносившихся по нимъ убитыхъ людей, а, можетъ быть, и кое-какихъ вещей и вещицъ, выпавшихъ съ покойниковъ и могшихъ помочь установить личности убитыхъ.

Потомъ комиссiя пошла напротивъ Ипатьевскаго дома, по Вознесенскому переулку, въ домъ Попова, гдѣ помѣщались люди охранной команды, и осмотрѣла его. И тамъ тоже, среди разбросаннаго, ненужнаго хлама, лоскутовъ и предметовъ солдатскаго обихода казарменнаго расположенiя, оказались вещи, принадлежавшiя Царской Семьѣ: коробка съ десятью стеклами волшебнаго фонаря; овальная деревянная иконка Ангела Хранителя съ надписью на оборотной

сторонѣ рукой Государыни Императрицы: „Христосъ Воскресе, 25 марта 1912 г. Ливадія“; три катушки съ пленками Кодака; овальная мѣдная бляха съ вензелемъ „А. Ф.“ и Императорской короной, сорванная съ какого-то сундука; металлическій вензель „А. Ф.“ тоже, видно, сорванный съ какого-нибудь кожанаго чемодана или саквояжа и, наконецъ, опять-таки масса пепла въ печахъ съ перегорѣвшими остатками разныхъ вещицъ: бусъ, игрушекъ и бумаги. Но осмотръ дома Попова даже не попалъ въ протоколъ Наметкина, а опредѣлился уже позднѣе изъ допросовъ участниковъ осмотра.

Изъ дома Попова комиссія пошла во дворъ дома Ипатьева, осмотрѣла каретникъ и брошенныя тамъ вещи Царской Семьи, заглянула въ помойку. Изъ нея, замаранными грязью, вытащили: большой образъ Федоровской Божьей Матери въ золотой, потускнѣвшей отъ времени ризѣ, но со срѣзаннымъ, очень цѣннымъ бриллiантовымъ вѣнчикомъ. Эта находка произвела сильное впечатлѣніе на присутствовавшаго здѣсь же Чемадурова; онъ заявилъ, что съ этой иконой Государыня Императрица никогда не разставалась и никогда бы не разсталась ни при какихъ условіяхъ путешествія.

Далѣе среди извлеченныхъ вещей оказались: деревянная дощечка съ остатками иконы на ней и надписью на оборотѣ—„Спаси и сохрани. Мама. 1917 г. Тобольскъ“; еще остатокъ иконы на деревянной дощечкѣ; дамскій батистовый бѣлый носовой платокъ, обшитый кружевомъ; черный шелковый дамскій мѣшечекъ-сумка; бѣлая женская блузочка; черный военный галстухъ, съ пришитой къ нему лентой ордена Св. Владиміра 3-ей степени, какой носилъ докторъ Боткинъ; кусокъ Георгіевской ленточки, сорванной, повидимому, съ военной шинели.

Какъ ни поверхностно и бѣгло былъ произведенъ осмотръ дома Ипатьева въ этотъ разъ, тѣмъ не менѣе онъ оставилъ сильное впечатлѣніе среди участвовавшихъ въ немъ офицеровъ:

„Убиты, и убиты всѣ“—говорили одни, выходя послѣ осмотра изъ дома.

„Не можетъ быть; этого нельзя допустить..... этому невозможно повѣрить“—говорили другіе, стараясь освободиться отъ тяжело давившаго на душу впечатлѣнія.

Докторъ Деревенько, участвовавшій въ осмотрѣ, былъ спокоенъ. Онъ раздѣлялъ мнѣніе, что убиты не всѣ. На

присутствовавшаго товарища прокурора Екатеринбургскаго окружнаго суда Кутузова докторъ Деревенько произвелъ впечатлѣніе человѣка, знавшаго, что преступленіе должно было совершиться.

Старикъ Чемадуровъ, послѣ находки иконы Федоровской Божьей Матери, впалъ въ мрачное, угрюмое состояніе. Почти злобнымъ тономъ онъ отвѣчалъ на предлагавшіеся ему вопросы и все твердилъ, какъ бы про себя: „Не знаю, ничего не знаю, что постигло моего Государя и Его Семью".

Убиты всѣ—было внутреннимъ чувствомъ людей.

Убиты, но не всѣ—говорили тѣ, кто не хотѣлъ вѣрить въ возможность такого ужаснаго злодѣйства, или тѣ, кто былъ побуждаемъ особыми причинами, имъ однимъ извѣстными.

Вотъ общія рѣшенія и мнѣнія населенія города Екатеринбурга въ первые два—три дня по освобожденіи его отъ совѣтской власти.

27-го іюля утромъ къ военному коменданту 8-го городского раіона, капитану Гиршу, явился поручикъ Андрей Андреевичъ Шереметьевскій и, предъявивъ цѣлый рядъ обгорѣлыхъ вещей и предметовъ отъ различныхъ частей одежды, бѣлья и обуви, разсказалъ слѣдующее:

Скрываясь отъ большевиковъ въ періодъ ихъ власти въ Екатеринбургѣ, онъ проживалъ въ деревнѣ Коптякахъ, въ 18 верстахъ къ сѣверо-западу отъ города. 17-го іюля нѣсколько крестьянъ этой деревни, направляясь утромъ по своимъ дѣламъ въ городъ, были неожиданно задержаны на дорогѣ въ лѣсу, недалеко отъ такъ называемаго „Урочища Четырехъ Братьевъ", вооруженными конными красноармейцами, и возвращены обратно въ деревню. При этомъ красноармейцы имъ объяснили, что лѣсъ оцѣпленъ и туда не пускаютъ по той причинѣ, что у нихъ происходятъ маневры и будутъ стрѣлять. И, дѣйствительно, уже удалившись назадъ къ деревнѣ, крестьяне слышали вдалекѣ, со стороны такъ называемой „Ганиной ямы", глухіе разрывы, какъ бы отъ двухъ—трехъ ручныхъ гранатъ.

Однако крестьяне не повѣрили объясненіямъ красноармейцевъ и, зная о приближеніи бѣлогвардейцевъ, заподо-

зрили большевиковъ въ укрывательствѣ въ этомъ глухомъ раіонѣ оружія. Поэтому, когда большевики вскорѣ покинули Екатеринбургъ и ушли въ направленіи на Пермь, а это произошло уже послѣ того, какъ стало извѣстно о разстрѣлѣ ими бывшаго Государя, крестьяне, собравшись человѣкъ восемь, снова отправились въ тотъ же раіонъ „Ганиной ямы". Здѣсь они наткнулись на слѣды двухъ свѣжихъ кострищъ: одного у старой открытой шахты, а другого—неподалеку, на лѣсной дорожкѣ, подъ большой березой. Трава кругомъ кострищъ и шахты была сильно помята. Въ старой шахтѣ, на поверхности наполнявшей ее воды, плавали свѣжія сосновыя вѣтки, палки и обгорѣлыя головешки.

Порывшись въ кострищахъ, крестьяне нашли: обгорѣлый изумрудный крестъ, топазовыя бусинки отъ ожерелій, пряжки отъ туфель съ мелкими бриллiантиками, военную пряжку дѣтскаго размѣра отъ кожанаго пояса, 6 паръ переднихъ корсетныхъ планшетъ-застежекъ, 17 костей корсетныхъ металлическихъ, 17 мужскихъ пряжекъ отъ подтяжекъ, 17 застежекъ отъ женскихъ подвязокъ, стекло отъ медальона, стекло отъ очковъ, 6 военныхъ гербовыхъ пуговицъ и много разныхъ, большихъ и малыхъ, мужскихъ и женскихъ, металлическихъ и костяныхъ пуговицъ, крючковъ, петель, гвоздиковъ и винтиковъ и куски сгорѣвшей кожи отъ обуви и каблуковъ. Всѣ найденныя вещи были сильно обгорѣвшими и попорченными.

Крестьяне сообразили, что большевики здѣсь не оружіе прятали, а что-то жгли и укрывали и, вернувшись въ деревню, передали всѣ найденныя вещи ему, Шереметьевскому.

Эти новыя свѣдѣнія вызвали большое смущеніе въ комиссіи офицеровъ, назначенныхъ для розыска. Осмотръ вещей, принесенныхъ Шереметьевскимъ, и сличеніе ихъ съ вещами, найденными въ домѣ Ипатьева, не оставляли никакого сомнѣнія въ тождественности вещей и принадлежности ихъ Царской Семьѣ: такія же пряжечки отъ туфель съ бриллiантиками, тѣ же пуговицы, петли и крючки, такія же пряжки отъ подвязокъ и подтяжекъ и т. п. Всѣмъ стало ясно, что большевики жгли въ Коптяковскомъ лѣсу одежду Членовъ Царской Семьи. Отсюда, какъ логическое послѣдствіе впечатлѣнія, вынесеннаго отъ осмотра дома Ипатьева, родилось страшное и опредѣленное убѣжденіе: Августѣйшая

Семья убита; тѣла вывезены преступниками въ лѣсъ, тамъ Ихъ обыскали, раздѣли и бросили въ шахту, а одежду, бѣлье и прочее сожгли, дабы скрыть слѣды. Всѣ, кто по нравственному побужденію сомнѣвались до сихъ поръ въ возможности такого звѣрскаго преступленія, теперь отказались отъ своихъ сомнѣній. Для всѣхъ фактъ убійства всѣхъ Членовъ Царской Семьи сталъ истиной, которая для своей окончательной реальности требовала только найти тѣла убитыхъ.

Найти тѣла казалось такъ просто и легко. Гдѣ же имъ и быть, какъ не тамъ, въ шахтѣ, гдѣ сжигали одежду, или зарытыми по близости шахты, что розыскать не трудно. Но, естественнѣе, они просто брошены въ старую шахту. Такъ думали и разсчитывали всѣ офицеры комиссіи и мыслями ихъ всецѣло овладѣла эта теперь страшная шахта.

Тотчасъ было приступлено къ организаціи поѣздки въ раіонъ шахты. Офицеры торопились: хотѣлось скорѣе найти и извлечь дорогія тѣла, и хоть мертвыми вырвать Ихъ изъ рукъ совѣтской власти. Эта власть, въ представленіи офицерства, опредѣлилась уже вполнѣ ясно: всѣ знали, что во главѣ палачей въ Ипатьевскомъ домѣ стоялъ Янкель Юровскій; всѣ знали, что распоряжался судьбой Царской Семьи въ мѣстномъ совдепѣ Исаакъ Голощекинъ; всѣ знали составъ президіума мѣстнаго совдепа, гдѣ изъ 12-ти его членовъ—7 было евреевъ, 1 латышъ и 4 русскихъ. Всѣ понимали изъ чьихъ рукъ будутъ вырваны тѣла...

Поѣздка была намѣчена на 29-е іюля, но не смогли уговориться съ Наметкинымъ и пришлось отложить на утро 30 го іюля.

Между тѣмъ 29-го іюля офицерская комиссія узнала, что къ в. и. д. прокурора суда Кутузову явился добровольно житель города Екатеринбурга Федоръ Никитичъ Горшковъ и заявилъ, что отъ своего знакомаго, бывшаго слѣдователя Михаила Владиміровича Томашевскаго, проживавшаго при большевикахъ въ квартирѣ комиссара Старкова, онъ слышалъ, что вся Царская Семья разстрѣляна. При этомъ Томашевскій говорилъ, что онъ слышалъ отъ лица, какъ бы бывшаго очевидцемъ, или близко стоявшаго къ совѣтской власти, подробности совершенія этого убійства. Куда были увезены трупы—онъ ничего не говорилъ.

Это показаніе дало основаніе в. и. д. прокурора Кутузову предложить слѣдователю Наметкину приступить къ

производству предварительнаго слѣдствія, и, такимъ образомъ, 30-го іюля Наметкинъ ѣхалъ въ раіонъ шахты уже не только, какъ приглашенное техническое лицо, но какъ слѣдователь по прямой возложенной на него служебной задачѣ. Однако это измѣненіе его положенія не улучшило дѣла, и въ раіонѣ шахты Наметкинъ проявилъ тѣ же индифферентность и поверхностность къ исполненію своихъ обязанностей, какъ и при осмотрѣ дома Ипатьева.

30-го іюля утромъ, захвативъ также доктора Деревенько и старика Чемадурова, партія офицеровъ отправилась въ раіонъ шахты. Сразу, по непростительной винѣ Наметкина, сдѣлали непоправимую ошибку: поѣхали не по той дорогѣ на деревню Коптяки, по которой убійцы должны были везти трупы, если они дѣйствительно возили туда, а выбрали болѣе удобный путь—по желѣзной дорогѣ до станціи Исеть, оттуда на дачныхъ извощикахъ на деревню Коптяки, и отъ нея уже проѣхали въ раіонъ Ганиной ямы, т. е. подъѣхали къ шахтѣ какъ разъ съ обратной стороны. Такимъ образомъ Наметкинъ, не подсказавъ офицерамъ необходимости приступать къ изысканію съ выясненія слѣдовъ преступниковъ, самъ толкнулъ ихъ на сосредоточеніе вниманія исключительно на шахтѣ, что впослѣдствіи оказалось роковымъ въ работѣ офицеровъ и уничтожило почти всѣ слѣды при розыскахъ слѣдователемъ Соколовымъ.

Вотъ описаніе посѣщенія и осмотра раіона шахты, сдѣланное самимъ Наметкинымъ. Пусть юристы сами оцѣнятъ помогъ ли Наметкинъ горячему желанію офицеровъ отыскать тѣла и добраться до истины:

„По дорогѣ изъ деревни Коптяковъ, Верхъ-Исетской волости, въ г. Екатеринбургъ, приблизительно въ 4-хъ верстахъ отъ этой деревни и 16-ти—отъ Екатеринбурга, въ 150 саженяхъ вправо отъ дороги, въ большомъ лѣсу расположенъ Исетскій рудникъ, подъ названіемъ „Ганина яма“ (рудникъ брошенъ болѣе 12 лѣтъ назадъ [1]). Сама яма представляетъ изъ себя маленькое озеро. Саженяхъ въ 50 отъ озера имѣется шахта въ видѣ двухъ смежныхъ колодцевъ почти квадратной формы (въ этомъ раіонѣ было 23 шахты и шурфа). Стѣнки ихъ выложены мелкими бревнами, длина ихъ въ 1-мъ колодцѣ около $1^1/_2$ аршинъ и во

---

[1]) Въ скобкахъ помѣщены данныя, выяснившіяся и опредѣленныя слѣдователемъ Соколовымъ.

второмъ около 2½ аршинъ. Саженяхъ въ трехъ отъ поверхности—вода, на которой видны свѣжія сосновыя вѣтки и древесная кора. Спущенный на веревкѣ въ шахту камень показалъ большую ихъ глубину и присутствіе льда подъ водой (глубина оказалась всего 5 саж. 7 вер.). Саженяхъ въ 3-хъ отъ шахты къ „Ганиной Ямѣ" расположена небольшая глиняная площадка, на которой разбросано немного мелкихъ углей и найдена обгорѣлая старая дамская сумочка (размѣръ слѣда кострища оказался впослѣдствіи около 4-хъ аршинъ въ діаметрѣ). Въ сосѣдней конусообразной ямѣ (это былъ обвалившійся или обваленный шурфъ, глубиной 12 аршинъ) валяются мелкія обгорѣлыя сосновыя палки (толщина ихъ оказалась до 2—3 вершковъ). Къ югу, саженяхъ въ 12 отъ шахты, на лѣсной тропинкѣ (колесная дорога) обнаружены признаки небольшого горѣлаго мѣста (размѣръ 3 аршина въ діаметрѣ), на которомъ найдены обгорѣлыя тряпки (сукно), пуговки, пряжки, обрывокъ кружева и какіе-то черные блестящіе обломки (куски костей и перегорѣвшей кожи обуви). Тутъ же присутствовавшимъ при осмотрѣ капитаномъ Ростиславомъ Михайловичемъ Политковскимъ найденъ сильно загрязненный водянистаго цвѣта и значительной величины камень, граненый, съ плоской серединой въ бѣлой съ мельчайшими блестками оправѣ. Очищенный отъ грязи, онъ проявилъ большую и безукоризненную игру брилліанта (12 кар.). Недалеко отъ этого мѣста и ближе къ шахтѣ найдены два небольшихъ загрязненныхъ осколка изумруда и жемчуга. Въ этомъ же мѣстѣ обнаруженъ небольшой обрывокъ полосатой матеріи съ сильнымъ запахомъ керосина. У самаго края широкой шахты найденъ въ глинѣ небольшой осколокъ нарѣзной ручной бомбы.

Спустившійся на веревкѣ въ широкую шахту, присутствовавшій при обыскѣ капитанъ Игорь Адамовичъ Бафталовскій обнаружилъ на деревянныхъ стѣнкахъ ея осколки и слѣды отъ разрыва ручной бомбы и извлекъ изъ воды листъ бумаги, на которомъ на машинкѣ написанъ списокъ совѣтскихъ телефонныхъ абонентовъ, а изъ узкой шахты извлеченъ небольшой кусокъ матеріи защитнаго цвѣта, повидимому, палатки или брезента.

Противъ обгорѣлаго мѣста, на лѣсной тропинкѣ, на выскобленномъ отъ коры стволѣ большой березы написано химическимъ карандашемъ: „Горный техникъ И. А. Фесенко, 11 іюля 1918 г."

Вотъ и все. Наметкинъ не обратилъ вниманія офицеровъ на необходимость обслѣдовать большій раіонъ и по слѣдамъ преступниковъ искать возможности подойти къ мѣсту, гдѣ они скрывали тѣла. Онъ не обратилъ вниманія ихъ на изученіе помятости травы, степени свѣжести засыпи многочисленныхъ, окружавшихъ шахту, шурфовъ, обрывовъ котлованОВъ, ямъ, которые могли бы дать имъ основаніе искать тѣла не только въ шахтѣ. Совершенно естественно, что шахта приковала все вниманіе офицеровъ: они ѣхали сюда уже съ предвзятой мыслью, что тѣла въ шахтѣ, или въ свѣже вырытой неподалеку отъ шахты могилѣ. И такъ какъ на послѣднее по близости ничего похожаго не оказалось, то шахта и осталась единственнымъ центромъ, приковавшимъ все вниманіе офицеровъ.

Мало того, не говоря про слабость розыска предметовъ и вещей вокругъ шахты, Наметкинъ не отмѣтилъ въ своемъ протоколѣ и даже всего того, что было тогда найдено. Такимъ образомъ были пропущены найденные тамъ же, вокругъ шахты: карманная складная рамочка Государя Императора; разломанныя и побитыя шейныя иконы: Спасителя, Святыхъ Гурія, Самона и Авива, Николая Чудотворца и 28 кусковъ эмали отъ разбитыхъ натѣльныхъ иконъ; часть золотого украшенія съ тремя брилліантами и яснымъ слѣдомъ отруба ея какимъ-то рубящимъ оружіемъ; осколки отъ зеленаго флакона Государыни, съ пробкой короной.

Отыскать тѣла оказалось не такъ просто, какъ представлялось офицерамъ по первому впечатлѣнію: Наметкинъ не далъ имъ правильныхъ путей къ простѣйшему и легчайшему способу напасть на вѣрные слѣды, а чтобы проникнуть въ шахту, надо было сначала удалить изъ нея воду. Первое упущеніе нанесло особо непоправимый вредъ для будущаго, ибо всѣ слѣды, оставленные здѣсь совѣтскими дѣятелями, слѣды ихъ работы здѣсь, слѣды людей, лошадей, экипажей и автомобилей были въ ближайшіе дни затерты самими офицерами, работавшими по откачкѣ шахты.

Офицеры сами почувствовали неудовлетворительность работы Наметкина. Они отлично понимали, что въ дѣлѣ разслѣдованія сами могутъ быть или черной рабочей силой, или только наблюдающими. Но тонкость розыска, техника его, которыя только и могли привести къ правильнымъ выводамъ и положительнымъ результатамъ— были не въ ихъ средствахъ и знаніяхъ, а въ руководствѣ Наметкина.

Противъ него появилось озлобленіе и, какъ общее свойство этого періода—недовѣріе, подозрительность. Офицеры стали становиться на путь самостоятельныхъ розысковъ, самостоятельныхъ дѣйствій, опасаясь, что Наметкинъ умышленно ведетъ дѣло къ затемнѣнію его, а не къ выясненію истины. А это въ свою очередь, при отсутствіи техническихъ знаній и знакомства съ шахтенной работой, не обѣщало успѣха.

2-го августа, не приглашая Наметкина и никакихъ спеціалистовъ, офицеры самостоятельно приступили къ откачиванію воды изъ шахты. Дѣло это было поручено штабсъ-капитану Александру Андреевичу Шереметьевскому, какъ офицеру, жившему въ раіонѣ уральскаго горнаго округа и кое-что понимавшему въ горномъ дѣлѣ. Въ качествѣ рабочей силы были отряжены военно-плѣнные австрійцы, ничего въ этомъ дѣлѣ не понимавшіе. Не смотря на энергію, неутомимость, а порой и самоотверженность, выказанныя Шереметьевскимъ, работа шла совсѣмъ плохо; въ распоряженіи Шереметьевскаго были только слабыя ручныя водоотливныя средства, не дававшія никакихъ результатовъ при откачиваніи изъ шахты воды. Работая круглыя сутки, Шереметьевскому не удавалось понизить уровень ни на вершокъ; становилось яснымъ, что шахта имѣетъ какой-то подземный источникъ пополненія, болѣе мощный, чѣмъ водоотливныя средства Шереметьевскаго. Сколько бы ни откачивали—вода все время оставалась на одномъ уровнѣ. Погода была скверная, шли непрерывные дожди и усугубляли условія работы. Вдобавокъ ко всему этому, 11-го августа работу пришлось прекратить совершенно и снять рабочихъ, такъ какъ раіонъ шахты сталъ раіономъ боевыхъ дѣйствій, вызванныхъ переходомъ красныхъ въ частичное контръ-наступленіе.

Чтобы помочь офицерамъ и улучшить постановку дѣла, по соглашенію между Начальникомъ гарнизона генераломъ Голицынымъ и прокуроромъ суда, общее наблюденіе за розыскомъ тѣлъ въ раіонѣ „Ганиной ямы“ было возложено на товарища прокурора Н. Магницкаго. Послѣдній, ознакомившись съ положеніемъ, создавшимся у Шереметьевскаго, пригласилъ, для выясненія техническихъ причинъ неудовлетворительности откачки воды изъ шахты, горнаго инженера Валеріана Сергѣевича Котенева, который сразу опредѣлилъ, что шахта черезъ подземныя расщелины все время

питается водой изъ „Ганиной ямы“. Слѣдовательно, чтобы обезводить шахту, надо выкачать воду изъ „Ганиной ямы“.

Работа оказалась значительно серьезнѣе, чѣмъ предполагали офицеры, но Котеневу удалось добыть на Верхъ-Исетскомъ заводѣ паровую машину, привести ее въ порядокъ, и 15-го августа началась выкачка воды изъ „Ганиной ямы“ и одновременно изъ шахты. Вода въ шахтѣ быстро пошла на убыль.

Напряженное, тревожное ожиданіе охватило всѣхъ офицеровъ; съ каждымъ часомъ вода въ шахтѣ уходила все ниже и ниже, росло нетерпѣніе, а съ нимъ усиливалось нервное возбужденіе отъ остраго желанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужаса стать лицомъ передъ величіемъ тайны мученической смерти.

19-го августа открылось дно шахты: тѣлъ Августѣйшей Семьи въ шахтѣ не оказалось. Не было ихъ и въ „Ганиной ямѣ“.

Илъ со дна шахты собрали, промыли и въ немъ нашли: человѣческій отрѣзанный палецъ и два кусочка человѣческой кожи; жемчужную серьгу Государыни Императрицы; верхнюю вставную челюсть доктора Боткина; еще кусочекъ жемчужины, повидимому, отъ парной, но разбитой серьги Государыни; застежку для галстуха; шанцевую лопатку и нѣсколько мелкихъ предметовъ, какъ пряжки, пуговки, крючки и т. п.

Ударъ для офицеровъ былъ страшный, всѣ были увѣрены, что тѣла должны быть непремѣнно въ шахтѣ. И вотъ ихъ нѣтъ.

Тогда бросились искать всюду, гдѣ только указывалось разными слухами, мнѣніями, предположеніями, досужими свѣдѣніями, не считаясь ни съ какими другими обстоятельствами и данными обстановки. Это было просто уже метаніе изъ стороны въ сторону, переброска отъ одного предположенія къ другому, вызывавшіяся скорѣе жаждой къ усиленной дѣятельности, желаніемъ заглушить боль обманутаго ожиданія и безсиліемъ въ разрѣшеніи тайны. Были осмотрѣны и перерыты разные: „Мокрый лугъ“, „Березовая избушка“, „Старыя шахты“, „Красная казарма“ и т. п. пункты, называвшіеся другими случайными людьми; прошли облавами добровольцевъ и бойскаутовъ всю эту глухую, заброшенную мѣстность, истоптали рудникъ вдоль и поперекъ—и ничего не нашли.

Тѣлъ Членовъ Царской Семьи не оказалось нигдѣ, хотя товарищъ прокурора Магницкій, резюмируя работу, произведенную имъ съ офицерами, чистосердечно признался: „что обслѣдованная нами мѣстность — не обслѣдована, ибо если мнѣ зададутъ вопросъ, гдѣ Царскіе трупы—я прямо скажу: я Ихъ не нашелъ, но Они въ урочищѣ „Четыре брата“; на офицеровъ эта неудача произвела удручающее впечатлѣніе.

Духъ упалъ, явилось сомнѣніе.

Явилось сомнѣніе, легче стали восприниматься разныя версіи.

Ошибались въ версіяхъ—теряли окончательно почву, недовѣріе возрастало до страшныхъ размѣровъ. Много времени спустя, это недовѣріе еще продолжало чувствоваться. Были случаи, когда дѣло уже перешло въ руки Соколова, вызоветъ онъ кого-либо изъ офицеровъ изъ числа тѣхъ, которые участвовали въ разслѣдованіи, или близко соприкасались съ нимъ въ Екатеринбургѣ, слышно, какъ передъ дачей показаній они перешептываются между собой: „можно ли ему говорить все, что мы видѣли“.

Неудача, постигшая офицеровъ въ розыскѣ по Царскому дѣлу, породила неустойчивость въ нихъ мысли, мнѣній. Явилась какая-то растерянность, разбитость, которую использовали тѣ, кому было надо, или выгодно было затемнять дѣло, затруднять истинѣ выйти наружу. Офицерство раскололось и стало на путь воспринимания различныхъ версій, лишь бы выйти изъ того тупика неразгаданной тайны, куда привело ихъ исчезновеніе тѣлъ Августѣйшей Семьи. Тѣ, кто продолжалъ твердо вѣрить въ совершившееся злое дѣло, молчали, скрывались отъ разговоровъ и разспросовъ. Другіе, не сознавая, ухватились за легенду, подсказанную Янкелемъ Свердловымъ: погибъ Царь, а вся Семья пощажена и вывезена самими большевиками въ надежное мѣсто. Третьи, вернувшись въ отчаяніи къ германофильскимъ симпатіямъ, носились съ идеей спасенія Царской Семьи нѣмцами и даже называли людей, будто видѣвшихъ того или другого изъ Членовъ Царской Семьи въ томъ или другомъ пунктѣ того или другого иностраннаго государства.

Во всякомъ случаѣ, непосредственное и исключительное участіе строевого офицерства въ самостоятельныхъ розыскахъ по Царскому дѣлу кончилось почти одновременно съ

неудачей, постигшей ихъ въ урочищѣ „Ганиной ямы", и въ дальнѣйшемъ строевой офицеръ ушелъ весь въ свою прямую, боевую работу противъ тѣхъ, кто нанесъ ему новое національное оскорбленіе въ ночь съ 16-го на 17-е іюля 1918 года.

Военно-уголовный розыскъ.

Одновременно съ образованіемъ офицерской комиссіи полковника Шереховскаго, начальникъ гарнизона генералъ-маіоръ Голицынъ приказалъ Екатеринбургскому военно-уголовному розыску приступить къ обслѣдованію вопроса объ исчезновеніи изъ Ипатьевскаго дома Царской Семьи агентурнымъ путемъ.

Военно-уголовный розыскъ былъ, въ сущности, тѣмъ же военно-контрольнымъ аппаратомъ, каковые установлены нормальной организаціей арміи при высшихъ штабахъ и войсковыхъ частяхъ, для борьбы со шпіонажемъ, въ широкомъ значеніи этого оружія войны. Но особыя условія гражданской войны, и необходимость, кромѣ подвижныхъ органовъ военнаго контроля, слѣдующихъ при войскахъ, имѣть и неподвижные аппараты такой работы въ раіонахъ, очищавшихся отъ красной арміи и остававшихся въ тылу войскъ, привели къ созданію при военно-административныхъ управленіяхъ тыловыхъ раіоновъ и въ крупныхъ центрахъ также военно-контрольныхъ органовъ, но соотвѣтственно преобразованныхъ и примѣненныхъ къ условіямъ гражданской борьбы. Эти органы, въ отличіе отъ военно-контрольныхъ органовъ, состоявшихъ при войскахъ арміи, получили названіе военно-уголовныхъ розысковъ.

Основныя должности въ военно-уголовныхъ розыскахъ заполнялись обыкновенно изъ состава чиновъ военныхъ контролей штабовъ армій, корпусовъ и дивизій, а второстепенныя и, главнымъ образомъ, такъ называемыя „агентурныя" должности — пополнялись преимущественно изъ мѣстныхъ жителей, благопріятно настроенныхъ къ намъ, и обыкновенно изъ числа лицъ, имѣвшихъ по своей прежней службѣ или дѣятельности какое-либо отношеніе къ различнымъ полицейскимъ, охраннымъ и сыскнымъ управленіямъ и учрежденіямъ губернскихъ и уѣздныхъ органовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Такая постановка организацiи военно-уголовныхъ розысковъ имѣла свои положительныя и отрицательныя стороны. благодаря привлеченiю въ свои ряды лицъ мѣстнаго происхожденiя, военно-уголовные розыски получали почти всегда готовыя агентурныя сѣти на мѣстахъ, что позволяло имъ довольно скоро и легко нападать на слѣды скрывавшихся различныхъ мѣстныхъ совѣтскихъ дѣятелей и извлекать таковыхъ изъ обслуживаемаго раiона. Но за то эти органы восприняли въ себя полностью всѣ отрицательныя стороны былыхъ полицейскихъ и сыскныхъ учрежденiй М. В. Д., съ тѣмъ большимъ показателемъ, что лучшихъ и опытнѣйшихъ былыхъ работниковъ сыска и агентуры на мѣстахъ уже почти не оставалось, такъ какъ они были или изъяты еще въ перiодъ Керенщины, а затѣмъ и при большевикахъ, или бѣжали куда-нибудь очень далеко отъ мѣстъ своей прежней дѣятельности. На мѣстѣ въ большинствѣ удерживался элементъ низшаго разряда.

Большой недостатокъ лицъ чувствовался и для соотвѣтственнаго руководительства розыскнымъ дѣломъ: ограниченность количества спецiалистовъ этой трудной работы, требовавшей не только исключительной опытности и талантливости, но и положительной честности, ощущалась еще и въ мирное время и въ перiодъ германской войны; а теперь послѣ годовалой разрушительной и развращающей работы нашей революцiи, при спѣшности организацiи тыла Сибирскихъ войскъ, военнымъ властямъ приходилось пользоваться или простымъ бывшимъ строевымъ офицеромъ, или тѣми, кто сами себя предлагали, какъ бывшихъ опытныхъ работниковъ по этой части.

Характернѣйшей чертой военно-уголовныхъ розысковъ являлась ихъ нетерпимость къ какой-либо розыскной работѣ другого органа или учрежденiя и громадная самоувѣренность, какъ въ личныхъ талантахъ по сыску, такъ и въ томъ, что только то истинно, что добываютъ и изслѣдуютъ ихъ управленiя. Это приводило прежде всего къ отсутствiю координацiи работы между уголовнымъ розыскомъ и обслуживавшимся имъ слѣдственнымъ производствомъ прокуратуры: въ то время, какъ слѣдствiе пытается направить изслѣдованiе дѣла по одному намѣтившемуся руслу, по одному разработанному плану, уголовный розыскъ кидается самостоятельно совершенно въ другую сторону, по другимъ путямъ, не помогая слѣдствiю, а загромождая его

различными агентурными версіями, зачастую до абсурдности фантастичными.

Уголовный розыскъ задерживаетъ массу лицъ, допрашиваетъ ихъ, производитъ обыски, выемки, но весь этотъ обширный матеріалъ поступаетъ къ слѣдственной власти только черезъ 1, 2, а то и 3 мѣсяца, въ теченіи коихъ нѣкоторые изъ свидѣтелей успѣваютъ или умереть, или исчезнуть, миновавъ рукъ прокуратуры и слѣдователей.

Черпая данныя изъ различныхъ, зачастую и неизвѣстныхъ даже агентурныхъ свѣдѣній, уголовный розыскъ сплошь да рядомъ бросается за разработку тѣхъ данныхъ, тѣхъ версій, въ томъ направленіи и той окраскѣ, которыя желательны творцамъ преступленій, ими создаются и ими внушаются розыску черезъ своихъ контръ-агентовъ. Не провѣривъ первоисточника, не установивъ, можно ли довѣрять данному агентурному свѣдѣнію, кто такой давшій свѣдѣнія, откуда онъ, и кѣмъ былъ прежде, уголовный розыскъ только потому, что данная добыта имъ, ухватывается за эту новую данную, какъ за базу своей работы, и прежде всего направляетъ свою дѣятельность такъ, чтобы доказать другимъ истину полученныхъ указаній. На этомъ пути натыкается, конечно, и на подосланныхъ свидѣтелей, и на подброшенныя тѣми же агентами вещественныя доказательства, и весь розыскъ его идетъ по ложнымъ путямъ, желательнымъ для преступной стороны, и вносящимъ страшную запутанность, затемнѣніе и сумбуръ въ слѣдственное производство судебнаго слѣдователя.

Таковъ былъ общій характеръ работы военно-уголовныхъ розысковъ перваго періода слѣдственнаго производства по дѣлу объ убійствѣ Царской Семьи, и отъ таковаго общаго характера не отличалась дѣятельность и Екатеринбургскаго военно-уголовнаго розыска.

Не ради критики приведена здѣсь общая характеристика дѣятельности органовъ военно-уголовнаго розыска; по тогдашнему времени лучшихъ все равно создать было не изъ чего, но ради того, чтобы ярче обрисовалась картина постановки слѣдствія, и условія, сопровождавшія его ходъ въ этотъ важнѣйшій періодъ работы. Съ момента совершенія убійства времени протекло немного; идя по свѣжимъ реальнымъ слѣдамъ преступленія, уголовный розыскъ имѣлъ возможность очень скоро привести слѣдствіе къ вполнѣ опредѣленнымъ даннымъ, если бы не страдалъ, какъ и дру-

гія подобныя ему организаціи, указанными выше общими недостатками сыска, черезчуръ большимъ самомнѣніемъ и легкимъ увлеченіемъ отрицательными вліяніями.

Къ этому необходимо добавить, что военно-уголовный розыскъ состоялъ въ подчиненіи военнымъ властямъ, почему имѣлъ возможность обособляться въ своей дѣятельности отъ прокурорскаго надзора, находя заступничество въ военномъ начальствѣ. А такъ какъ военное положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій подчиняло военному начальству и всѣ гражданскія учрежденія, къ которымъ, по политическимъ причинамъ революціоннаго періода, военныя власти относились вообще съ предубѣжденіемъ, то, сплошь да рядомъ, органы военно-уголовнаго розыска получали отъ своего начальства указанія дѣйствовать въ тайнѣ отъ прокурорскаго надзора.

Эти положенія и создали ту сложную и запутанную обстановку для слѣдственнаго производства по Царскому дѣлу, распутать которую оказалось возможнымъ только постановкой слѣдствія и разслѣдованія въ совершенно исключительныя условія, обусловливаемыя положеніемъ о сенаторскихъ разслѣдованіяхъ.

Въ первое время по взятіи Екатеринбурга работа Екатеринбургскаго военно-уголовнаго розыска протекала по совершенно нормальнымъ и естественнымъ путямъ, соотвѣтствовавшимъ вполнѣ всей совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ изъ осмотра дома Ипатьева и раіона шахтъ.

Въ одинъ изъ первыхъ же дней былъ задержанъ и допрошенъ докторъ Николай Арсеньевичъ Саковичъ, служившій при большевикахъ областнымъ комиссаромъ здравоохраненія и входившій въ составъ президіума областного совдепа. Не смотря на крайне поверхностный и краткій допросъ этого крупнаго представителя совѣтской власти, тѣмъ не менѣе, его разсказъ далъ весьма существенныя первоначальныя данныя, какъ исходныя для правильнаго выбора путей дальнѣйшаго направленія розыскного дѣла.

Саковичъ показалъ:

во 1-хъ, что еще при перевозкѣ Царской Семьи изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, членами президіума обсуждался вопросъ объ уничтоженіи Царской Семьи путемъ

устройства или крушенія поѣзда, или провокаціонной охраны поѣзда;

во 2-хъ, что по этому вопросу были указанія изъ центра, изъ Москвы;

въ 3-хъ, что наибольшимъ значеніемъ въ президіумѣ пользовались евреи Сафаровъ, Войковъ, Исаакъ Голощекинъ, Красновъ, Поляковъ, Хотимскій, латышъ Тупетулъ и русскіе Бѣлобородовъ и Сыромолотовъ.

въ 4-хъ, что Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій, будучи „циниками до мозга костей, могли, не считаясь ни съ чѣмъ, совершить любую гнустность“, и

въ 5-хъ, что „по отношенію къ бывшему Царю и Его Семьѣ, у большевиковъ-руководителей было замѣтно какое-то безпокойство“, характеръ котораго онъ не брался опредѣлить. Саковичъ полагалъ, что разстрѣлъ бывшаго Царя — ложь, „потому, что на объявленіяхъ объ убійствѣ бывшаго Государя была подпись Свердлова, а ее не могло быть потому, что сношеній съ Москвой до 16—17 іюля уже задолго не было“.

Но это послѣднее была уже двойная ложь самого Саковича, потому что въ рукахъ уголовнаго розыска находились эти самыя объявленія и подписаны они были вовсе не Янкелемъ Свердловымъ, а „Президіумомъ Обласовѣта“, и во-вторыхъ, въ помѣщеніи бывшаго совдепа и на телеграфѣ были захвачены телеграммы, даты на которыхъ указывали, что никакого перерыва связи съ Москвой ни въ эти дни, ни въ послѣдующіе дни не было.

Къ сожалѣнію, Саковичъ, какъ одинъ изъ участниковъ преступленія, ибо онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ президіума, рѣшавшаго вопросы о судьбѣ Царской Семьи, не былъ использованъ въ полной мѣрѣ, и уголовный розыскъ не поинтересовался выяснить, какія основанія понудили Саковича связать объявленія о разстрѣлѣ съ именемъ Янкеля Свердлова. Янкель Свердловъ—это крупная фигура центральной совѣтской власти — предсѣдатель президіума Ц. И. К., и Саковичъ, называя его, какъ бы опредѣленно свидѣтельствовалъ, что такое дѣло, какъ разстрѣлъ бывшаго Царя, не могло быть исполнено безъ участія центральной власти или, во всякомъ случаѣ, безъ участія всесильныхъ главарей этой власти въ Москвѣ. Промахъ военно-уголовнаго розыска очень серьезный, исправить который удалось только много времени спустя, подойдя къ разрѣ-

шенію его новыми изысканіями въ области документальныхъ данныхъ, ибо Саковичъ умеръ, не допрошенный слѣдователями.

Затѣмъ уголовному розыску удалось установить почти полностью списокъ лицъ, состоявшихъ въ охранѣ „дома особаго назначенія“, равно и данныя о томъ, изъ кого именно состояла охрана и какимъ порядкомъ она формировалась. Распоряженія по этой части исходили отъ Исаака Голощекина, Областного военнаго комиссара, а приводились въ исполненіе комиссарами Сергѣемъ Виталіевичемъ Мрачковскимъ и Александромъ Дмитріевичемъ Авдѣевымъ. Первый набиралъ добровольцевъ на Сысертскомъ заводѣ, а второй—на фабрикѣ Злоказова; оба эти завода считались наиболѣе большевистскими.

Выяснилось, что охрана раздѣлялась на внѣшнюю и внутреннюю: внутреннюю первоначально составляли 10 добровольцевъ съ Злоказовской фабрики, во главѣ съ помощникомъ коменданта дома, рабочимъ той же фабрики, Александромъ Мошкинымъ, но позже, числа 4—5 іюля, всю эту внутреннюю охрану уволили, а Мошкина даже арестовали, и замѣнили какими-то не Екатеринбургскими, а прибывшими изъ Петрограда или Москвы „латышами“. Мошкина и Злоказовскихъ рабочихъ уволили, будто-бы за кражу золотого крестика у Царской Семьи.

Тогда же и комендантъ дома, упомянутый выше Александръ Авдѣевъ, былъ замѣненъ комиссаромъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи Янкелемъ Хаимовичемъ Юровскимъ (по-сибирски—Юровскихъ).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, уголовному розыску въ первые же дни работы удалось розыскать и задержать цѣлый рядъ лицъ, имѣвшихъ родственныя или дружескія отношенія къ рабочимъ, служившимъ въ охранѣ. Была задержана Марія Медвѣдева, жена начальника охраны Павла Медвѣдева; Евдокія Старкова—мать Ивана Старкова, одного изъ охранниковъ; Анна Тимофеева—знакомая охранника Леонида Лабушева; Феликсъ Якубцовъ—пріятель охранника Ивана Колотова и, наконецъ, Михаилъ Летеминъ — охранникъ команды, пробывшій въ ея составѣ отъ начала ея сформированія до послѣдняго дня ея существованія, 22-го іюля, когда она была распущена Павломъ Медвѣдевымъ.

У всѣхъ этихъ лицъ и еще у родственниковъ охранниковъ Поповыхъ и Сафоновыхъ были произведены обыски

и найдены разныя вещи, принадлежавшія бывшему Государю и Членамъ Его Семьи. Большая часть вещей оказалась у Летемина и Медвѣдевой; перечень этихъ вещей былъ помѣщенъ выше, а затѣмъ: у Тимофеевой нашли брюки Государя Императора, военные, гвардейскаго стрѣлковаго полка, съ надписью рукой Царя внутри лѣваго кармана—„4 августа 1900 года, возоб. 8 октября 1916 года". Брюки эти были принесены Тимофеевой для сохраненія Леонидомъ Лабушевымъ. У Стрекотиныхъ нашлось пасхальное яйцо съ Императорскимъ гербомъ и золотое кольцо съ вынутымъ камнемъ; у Поповыхъ—бинокль хорошій; у Старковыхъ—деревянный полированный ящикъ, 3 вилки, 2 пасхальныхъ свѣчи, термометръ, полъ-флакона духовъ, 4 большихъ батистовыхъ носовыхъ платка, 1 чулокъ, овальный подпилокъ, 5 рамочекъ для фотографическихъ карточекъ, металлическій брелокъ и серебряный брелокъ-свистокъ.

Всѣ найденныя и отобранныя вещи были предъявлены уголовнымъ розыскомъ Чемадурову, который и призналъ:

Найденныя у Летемина—собачка принадлежала Наслѣднику Цесаревичу, ее звали „Джой", образъ и кресты-ковчежцы съ мощами Святителей—тоже принадлежали Наслѣднику Цесаревичу, у котораго они висѣли всегда въ головѣ кровати. Ему же принадлежали игрушки и стекла волшебнаго фонаря. Зонтикъ и фотографическій панорамный аппаратъ—принадлежали Государынѣ Императрицѣ, причемъ зонтикъ Ея Величество хранила, какъ подарокъ Ея матери еще въ юношескіе годы Государыни. Ей же и Великимъ Княжнамъ принадлежали собственноручной работы вязанныя скатерти и салфетки, а пуговки съ брилліантиками были Великихъ Княженъ.

Вещи, найденныя у Медвѣдевой, кромѣ серебряныхъ колечекъ, принадлежали доктору Боткину, а колечки—Великимъ Княжнамъ, хранившіяся какъ память о посѣщеніи Костромскихъ монастырей во время празднованія 300-лѣтія Дома Романовыхъ.

Отобранные у Старковыхъ носовые платки, съ вырѣзанными мѣтками, принадлежали Великимъ Княжнамъ, а всѣ прочія вещи—Наслѣднику Цесаревичу.

Относительно найденныхъ у Тимофеевой брюкъ, Чемадуровъ замѣтилъ, что въ отношеніи одежды Государь Императоръ отличался особой аккуратностью и бережливостью, носилъ вещи по-долгу и самъ отмѣчалъ гдѣ-либо

на подкладкѣ или внутри, когда предметы одежды обновлялись.

При разспросахъ упомянутыхъ лицъ, задержанныхъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, Поповы отозвались незнаніемъ чего-либо о судьбѣ Царской Семьи, а мать Ивана Старкова добавила, что, по словамъ ея сына, ихъ, охранниковъ изъ рабочихъ, въ ночь съ 16-го на 17-е іюля не пустили въ караулъ, но, что ночью ея сынъ видѣлъ, какъ изъ воротъ дома Ипатьева выѣхали два очень большихъ автомобиля и ушли куда-то по Вознесенскому проспекту въ сторону Главной улицы (это могло быть направленіе на д. Коптяки). Разсказы прочихъ задержанныхъ совпадали въ основномъ, что разстрѣляна вся Царская Семья и жившіе съ ней въ Ипатьевскомъ домѣ придворные и слуги, кромѣ мальчика Сѣднева. При этомъ Якубцевъ, со словъ своего пріятеля охранника Колотова, добавлялъ, что тѣла послѣ разстрѣла были зарыты тамъ же въ саду дома Ипатьева.

Но особой тождественностью описанія событій, происшедшихъ въ ночь съ 16-го на 17-е іюля, отличались показанія Маріи Медвѣдевой и Михаила Летемина. Первая разсказывала со словъ своего мужа, начальника охраны, просто, откровенно и ясно то, что онъ разсказалъ ей, когда 18-го іюля она пріѣхала къ нему въ домъ Попова, по его телефонному вызову, а Летеминъ, утверждавшій, что онъ жилъ съ женой на частной квартирѣ и пришелъ на службу только утромъ 17-го іюля, передавалъ о событіяхъ ночи со словъ охранника Андрея Стрекотина, стоявшаго въ ту ночь на посту у окна комнаты нижняго этажа, гдѣ былъ пулеметъ и откуда видѣлъ, что дѣлалось въ комнатѣ, гдѣ были обнаружены слѣды крови и пуль.

Вотъ что разсказала Марія Медвѣдева:

...„Оставшись наединѣ со мной, мужъ объяснилъ мнѣ, что нѣсколько дней тому назадъ Царь, Царица, Наслѣдникъ, всѣ Княжны и слуги Царской Семьи, всего 12 человѣкъ, убиты. Подробности убійства въ этотъ разъ мужъ мой не передавалъ. Вечеромъ мужъ мой отправилъ команду на вокзалъ, а на другой день мы съ нимъ уѣхали домой, такъ какъ начальство уволило его въ отпускъ на два дня, для раздачи денегъ семьямъ красногвардейцевъ.

Уже дома Павелъ Медвѣдевъ разсказалъ мнѣ нѣсколько подробнѣе о томъ, какъ было совершено убійство Царя и

Его Семьи. По словамъ Павла, ночью, часа въ два, ему велѣно было разбудить Государя, Государыню, всѣхъ Царскихъ дѣтей, приближенныхъ и слугъ; Павелъ послалъ для этого Константина Степановича Добрынина. Всѣ разбуженные встали, умылись, одѣлись и были сведены въ нижній этажъ, гдѣ ихъ помѣстили въ одну комнату; здѣсь вычитали имъ бумагу, въ которой было сказано, что „революція погибаетъ, должны погибнуть и вы“. Послѣ этого въ нихъ начали стрѣлять и всѣхъ до одного убили; стрѣлялъ и мой мужъ; онъ говорилъ, что изъ Сысертскихъ принималъ участіе въ разстрѣлѣ только онъ одинъ, остальные же были не „наши“, т.-е. не нашего завода, а русскіе или не русскіе этого мнѣ объяснено не было. Стрѣлявшихъ было тоже 12 человѣкъ; стрѣляли не изъ ружей, а изъ револьверовъ, такъ по крайней мѣрѣ объяснялъ мнѣ мужъ. Убитыхъ увезли далеко въ лѣсъ и бросили въ ямы какія-то, но въ какой мѣстности, ничего этого мужъ мнѣ не объяснилъ, а я не спросила“.

Такъ просто говорила Медвѣдева. Изъ тона, которымъ она разсказывала, было совершенно ясно, что она передаетъ только то, что ей счелъ нужнымъ разсказать мужъ; чего онъ ей не говорилъ, она не знаетъ и ни о чемъ сама его не спрашивала. Такъ же просто предъявила она и вещи, оставленныя ей мужемъ, когда онъ черезъ два дня уѣхалъ въ городъ и съ тѣхъ поръ о немъ никакихъ свѣдѣній не было. Она знала многихъ изъ Сысертскихъ рабочихъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ мужемъ въ охранѣ „дома особаго назначенія“, и всѣхъ, кого вспомнила, такъ же спокойно назвала. И дѣлала, и разсказывала все такъ откровенно и охотно не потому, что боялась за свою участь и выдачей другихъ хотѣла облегчить свое собственное положеніе; этого совершенно не чувствовалось. Говорила такъ—просто потому, что знала; совершенно такъ же она себя держала и впослѣдствіи, когда ее допрашивали слѣдственныя власти. Не потеряла она этого свойства и тогда, когда 7 мѣсяцевъ спустя, послѣ занятія Перми, былъ задержанъ и допрашиваемъ ея мужъ; она и тогда, ему въ глаза, подтвердила, что онъ самъ ей сказалъ, что тоже стрѣлялъ, а чего не говорилъ, того она и не знаетъ, и никогда сама не спрашиваетъ мужа „о служебныхъ дѣлахъ“.

Разсказъ Летемина, подтверждая общій характеръ совершившагося злодѣянія, даетъ нѣкоторыя детали, которыя могли имѣть мѣсто и въ дѣйствительности, но могли соз-

даться и въ разговорахъ о событіи охранниковъ между собой. Со словъ Андрея Стрекотина, смотрѣвшаго по словамъ Летемина въ окно, онъ, Стрекотинъ:

„Въ ту ночь находился на пулеметномъ посту въ большой комнатѣ нижняго этажа и видѣлъ, какъ въ его смѣну (а онъ долженъ былъ дежурить съ 12 часовъ ночи до 4 часовъ утра) сверху привели внизъ Царя, Царицу, всѣхъ Царскихъ дѣтей, доктора, двоихъ служителей и женщину, и всѣхъ ихъ доставили въ ту комнату, которая сообщается съ кладовой; дверь, ведущая изъ этой комнаты въ кладовую, всегда оставалась запечатанной, и охранѣ строго было приказано не открывать этой двери, такъ какъ въ ней хранились вещи, принадлежавшія домовладѣльцу Ипатьеву. Въ какомъ порядкѣ слѣдовали Царь, Его Семья, докторъ и слуги, какъ доставленъ былъ внизъ Наслѣдникъ—ничего этого я не знаю и никого объ этомъ не спрашивалъ. Стрекотинъ мнѣ только объяснилъ, что на его глазахъ комендантъ Юровскій вычиталъ бумагу и сказалъ: „жизнь Ваша покончена“; Царь не разслышалъ и переспросилъ Юровскаго, а Царица и одна изъ Дочерей перекрестились. Въ это время Юровскій выстрѣлилъ въ Царя и убилъ Его на мѣстѣ, а затѣмъ стали стрѣлять латыши и разводящій Павелъ Медвѣдевъ...“

„Выслушавъ разсказъ, я сказалъ: столько народу перестрѣляли, такъ вѣдь крови на полу должно быть много. На это мое замѣчаніе кто-то изъ товарищей (кто именно, не помню) объяснилъ, что къ нимъ въ команду присылали за людьми и вся кровь была смыта, трупы вынесли на грузовой автомобиль и слѣды засыпали пескомъ... Не довѣряя всему этому, я спросилъ шоффера грузовика Люханова, который мнѣ подтвердилъ, что трупы онъ вывозилъ въ лѣсъ и тамъ было застряли въ трясинѣ... Въ какую сторону были увезены убитые и куда дѣвали ихъ трупы—ничего этого Люхановъ не объяснилъ, а я самъ не спросилъ...“

По поводу найденныхъ у него Царскихъ вещей, Летеминъ показалъ:

„Въ теченіи 18, 19, 20 и 21 чиселъ іюля, какъ изъ помѣщеній, занимаемыхъ Царской Семьей, такъ и изъ кладовыхъ и амбаровъ, увозили на автомобиляхъ Царскія вещи. Увозомъ вещей распоряжались два молодыхъ человѣка, помощники Юровскаго; вещи увозили на вокзалъ, т. к. уже совѣтское начальство рѣшило покинуть Екатеринбургъ въ

виду приближенія чехо-словаковъ. Часть вещей, представлявшихъ небольшую цѣнность, просто валялась въ разныхъ мѣстахъ безъ всякаго призора на дворѣ, на полу въ комнатахъ и въ амбарѣ. Изъ вещей, найденныхъ у меня, часть мною подобрана, какъ брошенная, а часть мнѣ разрѣшилъ взять комиссаръ Жилинскій, пріѣхавшій въ домъ Ипатьева 23-го іюля (въ этотъ день домъ былъ возвращенъ владѣльцу), бѣлье мнѣ выдалъ изъ кладовой одинъ изъ помощниковъ коменданта... Собачку, принадлежавшую Царской Семьѣ, по кличкѣ „Джекъ", я взялъ къ себѣ, потому, что она уже ранѣе привыкла ко мнѣ и я просто пожалѣлъ ее, что она пропадетъ съ голода".

Летеминъ—это не простой охранникъ-рабочій; это бывшій каторжникъ, каторжникъ гнусный: въ 1911 году, приговоромъ Екатеринбургскаго Окружнаго Суда, былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ съ отдачей на 4 года въ исправительныя арестантскія отдѣленія, за покушеніе на растлѣніе. Отъ военной службы освобожденъ по болѣзни. Живетъ, послѣ отбытія наказанія, на родинѣ, на Сысертскомъ заводѣ.

Въ маѣ пріѣзжаетъ на заводъ комиссаръ Мрачковскій, для найма людей „на охрану бывшаго Царя". Летеминъ узнаетъ, что за эту службу будутъ платить 400 рублей въ мѣсяцъ жалованья. Онъ идетъ къ Мрачковскому и предлагаетъ ему свои услуги. „Мрачковскій тутъ же справился о моемъ поведеніи и зачислилъ меня на службу съ 20 мая 1918 года, вмѣстѣ съ 30-ю другими рабочими завода".

Летеминъ—характерный типъ сотрудниковъ, которые нужны были совѣтскимъ главарямъ, и которыми они пользовались не только для совершенія изувѣрскаго преступленія надъ бывшимъ Царемъ и Его Семьей, но и во всей остальной ихъ дѣятельности по водворенію въ Россіи якобы народной власти. Летеминъ — яркій представитель именно совѣтской народной власти. Собаку пожалѣть онъ можетъ, потому что по существу, по натурѣ онъ самъ звѣрь. И комиссаръ Мрачковскій, выбиравшій добровольцевъ, а не бравшій всѣхъ желавшихъ, тутъ же, наведя справку объ его поведеніи, которая, конечно, не дала о Летеминѣ положительныхъ моральныхъ качествъ, немедленно призналъ его такимъ, какіе нужны были совѣтской власти.

Летемина не интересуетъ ни какъ вели людей на убійство, ни какъ и кто совершалъ самое убійство, ни куда увезли

убитыхъ... Его интересуетъ кровь, много вѣрно было крови. Человѣческія понятія, человѣческія чувства въ немъ не находятъ себѣ мѣста. Не потому, что онъ тупъ, тупъ до предѣла тупости — собравъ у себя дома массу вещественныхъ уликъ и приведя туда еще и собаку, но потому, что случайно въ немъ сохранилось только физическое подобіе человѣка, тогда какъ въ юности это былъ уже только кровожадный звѣрь.

Если бы Летеминъ былъ немного лучше, вѣроятно, Мрачковскій не взялъ бы его въ охранную команду, ибо высшимъ начальникамъ ея, Исааку Голощекину и Янкелю Юровскому, способнымъ, по характеристикѣ Саковича, совершить какую угодно гнустность, нужны были именно Летемины—звѣри-охранники, а не охранники безопасности заключенной Царской Семьи. Семья охранялась не отъ попытокъ похищенія бѣлогвардейскими бандами, а дабы не избѣжать участи, предначертанной Ей еще при перевозкѣ изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, о чемъ повѣдалъ уголовному розыску тотъ же докторъ Саковичъ.

Летеминъ, со словъ Стрекотина и Люханова, указываетъ, что трупы были вывезены изъ Ипатьевскаго дома на автомобилѣ, а Старковъ разсказывалъ матери, что видѣлъ изъ дома Попова, какъ въ эту ночь вышли изъ воротъ два большихъ автомобиля и пошли куда-то по Вознесенскому проспекту. Такимъ образомъ военно-уголовный розыскъ уже отъ двухъ лицъ изъ состава охранной команды имѣлъ свѣдѣнія объ использованіи для вывоза тѣлъ автомобиля или автомобилей.

Охранная команда занимала въ домѣ Попова верхній этажъ, а въ нижнемъ продолжали жить частные жильцы. Усадьба Попова—угловая, и по Вознесенскому проспекту дежурилъ всегда ночной сторожъ Петръ Цецеговъ. Какъ этотъ сторожъ, такъ и одинъ изъ жителей нижняго этажа дома Попова, подтвердили уголовному розыску, что, дѣйствительно, въ эту ночь изъ дома Ипатьева проходилъ грузовой автомобиль, причемъ упомянутый житель, Викторъ Буйвидъ, разсказалъ, что въ эту ночь онъ не спалъ и, выйдя во дворъ послѣ 2-хъ часовъ, услышалъ изъ дома Ипатьева глухіе, рваные залпы, ихъ было около 15, а затѣмъ отдѣльныхъ 3 или 4 выстрѣла; стрѣляли по его мнѣнію

не изъ винтовокъ и какъ бы въ подвалѣ. Вотъ послѣ этихъ выстрѣловъ, минутъ 20 спустя, отворились ворота загородки Ипатьевскаго дома и тихо, мало шумя, ушелъ на улицу автомобиль, свернувъ на Вознесенскій проспектъ. Кромѣ того онъ показалъ, что дня за два до этого, изъ дома Ипатьева былъ выведенъ мальчикъ-поваренокъ; поселили его наверху у красноармейцевъ и онъ часто плакалъ.

Бывшій начальникъ совѣтскаго гаража въ Екатеринбургѣ, военный чиновникъ Петръ Алексѣевичъ Леоновъ, не ушелъ съ красной арміей, а продолжалъ служить у насъ. Онъ былъ розысканъ уголовнымъ розыскомъ, допрошенъ и разсказалъ, что 17-го іюля комиссаромъ снабженія фронта Горбуновымъ было вообще потребовано 5 грузовыхъ автомобилей, причемъ съ однимъ, большимъ, произошла такая исторія: автомобиль этотъ, по указанію Горбунова, былъ поданъ къ Американской гостинницѣ, гдѣ квартировала чрезвычайная слѣдственная комиссія. Тамъ шофера этого грузовика сняли и замѣнили его своимъ изъ чрезвычайки, а шоферу совѣтскаго гаража приказали идти домой. Гдѣ побывалъ этотъ грузовикъ въ ночь съ 16-го на 17-е—неизвѣстно, но 19-го іюля, около 6 часовъ утра, грузовикъ былъ возвращенъ обратно тѣмъ шоферомъ, что замѣнилъ возлѣ американской гостинницы совѣтскаго шофера. Грузовикъ этотъ былъ въ крови и грязи, но замѣтно было, что его мыли; полъ платформы грузовика былъ въ трехъ мѣстахъ пробитъ.

Эти данныя, конечно, не устанавливали еще окончательно факта, но давали опредѣленную, естественную мысль уголовному сыску, при нормальныхъ условіяхъ работы лицъ, призванныхъ къ нему, искать сопоставленія всѣхъ полученныхъ свѣдѣній, въ отношеніи использованія въ эту ночь совѣтскими дѣятелями автомобилей. Смѣна шофера, слѣды крови на автомобилѣ, поломка его—все это указанія на то, что какой-то автомобиль былъ использованъ для совершенно особыхъ и секретныхъ цѣлей, каковыми могли быть тайный вывозъ изъ дома Ипатьева тѣлъ убитыхъ Членовъ Царской Семьи.

Двѣ женщины отъ профессіональнаго строительнаго союза, Марія Стародумова и Васса Дрогина, 15-го іюля мыли полы и окна въ домѣ Ипатьева. Онѣ разсказывали уголовному розыску, что видѣли въ этотъ день въ столовой комнатѣ всю Царскую Семью. Наслѣдникъ Цесаревичъ

былъ боленъ, сидѣлъ въ креслѣ-каталкѣ и не ходилъ; съ Ними же въ столовой былъ и комендантъ Янкель Юровскій, который запретилъ женщинамъ разговаривать съ кѣмъ-либо изъ Царской Семьи. Люди внутренней охраны были какіе-то не русскіе и жили въ комнатахъ нижняго этажа, сообщавшагося съ верхнимъ этажемъ, гдѣ жила Семья, внутренней лѣстницей. Денегъ за работу въ этотъ день не заплатили, а когда онѣ пришли за платой въ субботу, 21-го іюля, то видѣли, какъ начальникъ охраны, Павелъ Медвѣдевъ, пріѣхалъ откуда-то на тройкѣ пьяный. Всѣ красноармейцы очень торопились, собирали вещи и отправлялись на Пермь. Медвѣдевъ хотѣлъ идти въ домъ къ Янкелю Юровскому за деньгами, но красноармейцы ему заявили, что домъ закупоренъ и тамъ никого нѣтъ. „А они?“ спросилъ Медвѣдевъ. „Они всѣ уѣхали въ Пермь“, отвѣтили охранники. Женщинамъ Медвѣдевъ сказалъ, что деньги получатъ, когда вернутся обратно.

Наконецъ уголовный розыскъ задержалъ бывшихъ сторожей совдепа Петра Лылова и Назара Новоселова и служившую тамъ же при буфетѣ Федосью Балмышеву. Эти предъявили набранныя ими при уходѣ изъ помѣщенія совдепа вещи, изъ числа принадлежавшихъ Гендриковой, Шнейдеръ, Татищеву и Долгорукову, и разсказали, что взять вещи имъ разрѣшили „самъ Бѣлобородовъ, товарищъ его еврей Сафаровъ, два брата Толмачевыхъ и секретарь прапорщикъ Мутныхъ“, которые сами выбрали изъ сундуковъ и ящиковъ все самое цѣнное, а въ опорожненные чемоданы напихали драгоцѣнности, принадлежавшія названнымъ придворнымъ, и деньги изъ своей кассы, и все это тоже увезли.

Таковы были данныя, добытыя уголовнымъ розыскомъ въ порядкѣ дознанія, обысковъ и выемокъ. Но, кромѣ того, уголовному розыску было извѣстно о находкахъ крестьянъ деревни Коптяковъ въ лѣсу, у шахты и въ кострищахъ, обгорѣлыхъ вещей, принадлежавшихъ Царской Семьѣ, и о находкахъ, сдѣланныхъ офицерами при посѣщеніи ими съ Наметкинымъ раіона „Ганиной ямы“; къ этому добавилось еще показаніе жены бывшаго казначея исполнительнаго комитета Екатеринбургскаго городского совѣта С. Р. Д., Евдокіи Тимофеевны Лобановой, въ которомъ она разсказала:

Числа 18-го іюля, вечеромъ, она хотѣла проѣхать изъ города къ себѣ на дачу въ деревню Коптяки. Едва мино-

вавъ желѣзнодорожную будку у переѣзда на горнозаводской линіи при въѣздѣ въ Коптяковскій лѣсъ, она была остановлена двумя красноармейцами, заявившими ей, что дальше ѣхать нельзя; хотя у ея кучера былъ совѣтскій пропускъ, но ее все же не пропустили. Тутъ же она замѣтила стоявшій большой грузовой автомобиль. Она вернулась къ будкѣ, гдѣ и осталась ожидать.

Ночью, со стороны города, проѣхалъ въ лѣсъ легковой автомобиль съ 6—7 мужчинами, изъ коихъ одинъ походилъ на еврея. Автомобиль, видимо, доѣзжалъ тоже только до красноармейской заставы, гдѣ его пассажиры слѣзли и ушли куда-то пѣшкомъ, а автомобиль съ двумя людьми вернулся къ будкѣ. Очень поздно ночью, съ той стороны, гдѣ была красноармейская застава, проѣхало 5—6 телѣгъ въ направленіи на городъ, и за ними шелъ грузовикъ, а вслѣдъ затѣмъ вернулись къ легковому автомобилю его пассажиры, но безъ того, который былъ похожъ на еврея. Уѣзжая, они сказали, что теперь путь на деревню Коптяки свободенъ.

Казалось, что всѣ эти перечисленные матеріалы, которые были добыты военно-уголовнымъ розыскомъ въ первыя двѣ недѣли его работы, давали достаточно ясное и опредѣленное указаніе на то, какихъ путей надлежало придерживаться розыску въ дальнѣйшей работѣ его, дабы всемѣрно помочь слѣдствію раскрыть истину. Возможно, что уголовный розыскъ и продолжалъ бы идти по уже намѣтившейся естественно дорогѣ, если бы, съ одной стороны, онъ не страдалъ указанными въ началѣ общими свойствами военно-уголовныхъ розысковъ, и во вторыхъ, если бы не имѣла мѣста неудача, постигшая офицеровъ въ раіонѣ „Ганиной ямы“. Если эта послѣдняя, въ отношеніи офицеровъ, сказалась, главнымъ образомъ, въ упадкѣ духа, то для уголовнаго розыска она открыла широкое поле развитію сыска во всѣхъ допустимыхъ и совершенно недопустимыхъ предположеніяхъ и просто фантазіяхъ.

Оставляя въ сторонѣ случайности благопріятнаго характера, которыя всегда могутъ имѣть мѣсто при стремленіи раскрыть любое преступленіе, нормальный путь выясненія истины розыскомъ или слѣдствіемъ требуетъ прежде всего установленія дознаніемъ фактовъ и логическихъ изъ нихъ выводовъ. Это создаетъ почву для первоначальныхъ, допустимыхъ фактами, предположеній о возможности наличія

тѣхъ или другихъ обстоятельствъ и условій, изъ которыхъ складывалось данное преступленіе, или вообще событіе.

Если бы военно-уголовный розыскъ слѣдовалъ этому нормальному пути розыскной работы, то изъ добытыхъ имъ въ краткій двухнедѣльный срокъ свѣдѣній онъ могъ бы придти къ слѣдующимъ выводамъ, какъ исходнымъ этапамъ для своей дальнѣйшей работы:

Деревенько, Чемадуровъ, Летеминъ, Стародумова и Дрогина дали точный перечень лицъ, содержавшихся въ домѣ Ипатьева, а послѣднія двѣ, кромѣ того, указали, что 15-го іюля всѣ Члены Царской Семьи, докторъ Боткинъ, дѣвушка Демидова и два служителя были на лицо въ домѣ. 17-го іюля, рано утромъ, Летеминъ уже не находитъ въ домѣ Ипатьева никого изъ перечисленныхъ выше лицъ. Слѣдовательно, первымъ логическимъ этапомъ для дальнѣйшаго розыска должно было бы послужить, во первыхъ, установленіе фактовъ, приводимыхъ Стародумовой, Дрогиной и Летеминымъ и, во вторыхъ, выясненіе того, что дѣлалось въ Ипатьевскомъ домѣ въ промежутокъ времени между днемъ 15-го и раннимъ утромъ 17-го іюля.

Далѣе Медвѣдева, Летеминъ и Якубцовъ говорятъ, что въ ночь съ 16-го на 17-ое іюля всѣ Члены Августѣйшей Семьи и состоявшіе при нихъ придворные и слуги были разстрѣляны, а, Буйвидъ, одинъ изъ окрестныхъ жителей дома Ипатьева, свидѣтельствуетъ, что онъ слышалъ глухіе залпы и отдѣльные выстрѣлы, происходившіе какъ бы изъ подвальнаго этажа этого дома. Это можетъ составить второй этапъ дальнѣйшей сыскной работы, но установленіе фактовъ требовало серьезнаго, настойчиваго подтвержденія ихъ путемъ опроса другихъ окрестныхъ жителей, которыхъ было не мало, ибо съ трехъ сторонъ Ипатьевскій домъ окруженъ частно-владѣльческими усадьбами.

Затѣмъ Летеминъ, Цецеговъ и Буйвидъ указываютъ на грузовой автомобиль, вышедшій этой ночью со двора дома Ипатьева; Старкова, со словъ сына, говоритъ, что было два автомобиля, а Леоновъ разсказываетъ исторію о долгомъ и таинственномъ отсутствіи одного изъ грузовыхъ автомобилей, потребованнаго къ чрезвычайкѣ, и возвращеніи его только утромъ 19-го іюля окровавленнымъ и поломаннымъ. Вотъ третья данная для дальнѣйшей разработки: автомобиль пошелъ на Вознесенскій проспектъ, его могли, если не видѣть, то слышать другіе жители этой улицы и улицъ

дальнѣйшаго пути слѣдованія грузовика. Уголовный розыскъ могъ получить не только установленіе факта выхода этой ночью грузовика изъ дома Ипатьева, но и путь его слѣдованія.

Медвѣдева, Летеминъ, Люхановъ говорятъ, что тѣла убитыхъ увезли на грузовикѣ куда-то въ лѣсъ; крестьяне деревни Коптяковъ отмѣчаютъ, что проѣздъ по дорогѣ въ городъ мимо „Ганиной ямы" и урочища „Четырехъ братьевъ" былъ закрытъ большевиками рано утромъ 17-го іюля. Позже эти же крестьяне находятъ въ кострищахъ въ раіонѣ „Ганиной ямы" пожженныя вещи, принадлежавшія лицамъ, можно даже сказать, тѣламъ Царской Семьи. Лобанова видитъ поздно ночью 19-го іюля грузовикъ, идущій изъ Коптяковскаго лѣса въ городъ, послѣ чего путь на Коптяки былъ объявленъ свободнымъ. Вотъ, наконецъ, четвертый, достаточно реальный этапъ для дальнѣйшаго розыскного дѣла, вытекавшій изъ первоначально собранныхъ матеріаловъ по дѣятельности Исаака Голощекина и Янкеля Юровскаго, въ связи съ исчезновеніемъ изъ дома Ипатьева всей Царской Семьи и состоявшихъ при Ней придворныхъ и слугъ.

Но уголовный розыскъ со второй половины августа, т. е. когда офицеры не нашли въ шахтѣ тѣлъ Царской Семьи, сталъ на совершенно обратный и исключительный путь работы. Въ разные періоды своей послѣдующей дѣятельности за основаніе работы онъ бралъ какую-нибудь изъ циркулировавшихъ и создававшихся версій и, затѣмъ, искалъ разными агентурными путями фактовъ, которые могли бы служить подтвержденіемъ данной версіи. Онъ отказался отъ фактовъ, уже намѣчавшихся матеріалами и жизненными событіями, и сталъ подыскивать матеріалы для предвзятыхъ, заранѣе оформленныхъ идей.

Такимъ путемъ, конечно, можно наткнуться на истину, но только случайно: это путь слишкомъ шаткій, не спеціальный, не техническій и не научный. Чаще всего на такомъ пути работающій попадаетъ въ сѣти, разставляемыя противной стороной для маскировки своего преступленія. Эта участь и постигла военно-уголовный розыскъ: онъ пошелъ по дорогѣ, подсказанной самой совѣтской властью—убитъ только бывшій Царь, а вся Его Семья жива.

Между тѣмъ, уже съ первыхъ шаговъ розыска стало извѣстно, что въ дѣлѣ охраны Царской Семьи, условіяхъ Ея содержанія и, наконецъ, въ таинственномъ исчезновеніи Ихъ

всѣхъ изъ дома Ипатьева—главная роль принадлежала Исааку Голощекину и Янкелю Юровскому, что одно уже должно было бы служить предупрежденіемъ уголовному розыску въ сомнительности такого заявленія совѣтской власти, тѣмъ болѣе, что въ самихъ оффиціальныхъ объявленіяхъ центральной власти въ Москвѣ и Уральскаго областвѣта въ Екатеринбургѣ имѣлись странныя несоотвѣтствія: Москва упоминаетъ объ отправленіи въ надежное мѣсто только „Жены и Сына", а Екатеринбургъ заявляетъ въ объявленіи, что въ интересахъ обезпеченія общественнаго спокойствія эвакуирована „Семья Романова", содержавшаяся вмѣстѣ съ Нимъ.

Кромѣ того, когда главарями какого-либо преступнаго дѣянія являются россійскіе, по натурѣ и профессіи, уголовники, въ родѣ Медвѣдева, Летемина, Лылова и т. п., или россійскіе лицедѣи, какъ Саковичи, то раскрыть ихъ работу, ихъ поступки, ихъ роль, установить даже ихъ цѣли и причины, руководившія ими въ совершенныхъ преступленіяхъ, не составляетъ особо сложнаго труда, и, зачастую, они сами помогаютъ интересующимся добраться скорѣе до истины. Одинъ не удержится и все повѣдуетъ своей глупой, ограниченной и слишкомъ простой подругѣ жизни и подкрѣпитъ еще оставленіемъ на память ни къ чему не нужныхъ вещественныхъ доказательствъ; другой—похвастается передъ своимъ пріятелемъ; третій, участвуя косвенно въ преступленіи своего „начальства", не скрываетъ награбленнаго у убитыхъ имущества, убѣжденный, что все, что отъ „начальства", то можно; четвертый—убьетъ, зарѣжетъ, задушитъ человѣка, это ему безразлично, все равно, что вшу раздавить, и уводитъ собаку своей жертвы къ себѣ же въ домъ, думая... да вѣрнѣе ничего не думая, ибо думать онъ вообще не способенъ; пятый—онъ въ одной компаніи съ главарями, онъ среди нихъ при обсужденіи плана преступленія, онъ не принимаетъ мѣръ къ предупрежденію преступленія, но потомъ разсказываетъ о немъ, въ предѣлахъ допустимаго для себя, лицедѣйно полагая, что онъ можетъ убѣдить другихъ въ своей непричастности, по спеціальности, къ творившемуся злодѣянію.

Но когда главарями являются изувѣры и исчадія еврейскаго племени, въ родѣ указанныхъ выше, или когда хотя бы одинъ изъ нихъ былъ причастенъ къ преступленію противъ христіанской вѣры, то истина не дается такъ легко

людямъ. Здѣсь будетъ пущено въ ходъ, для сокрытія слѣдовъ и участія изувѣра, все: и ложь, и правда, и золото, и ножъ, и искусство, и провокація, и честь націи, и фальшивый патріотизмъ. Все можно, все допустимо, все оправдывается міромъ... если надо скрыть истинное лицо и цѣли Янкеля Юровскаго, Исаака Голощекина, Янкеля Свердлова, евреевъ Сафарова и Войкова, Бронштейна-Троцкаго, Нахамкесъ-Стеклова, Розенфельдъ-Каменева, Апфельбаумъ-Зиновьева, Гиммеръ-Суханова, Цедербаумъ-Мартова, Крохмаль-Загорскаго, Гольдманъ-Горева, Сабельсонъ-Радека, Гельвантъ-Парвуса, Гольденбергъ-Мѣшковскаго, Лурье-Ларина, Лебензонъ-Харитонова, Блейхманъ-Солнцева, Щупакъ-Владиміровa, Тобельсонъ-Краснощекова и многихъ прочихъ вершителей совѣтской власти, исчадій несчастнаго Израильскаго племени, потомковъ виновниковъ распятія Христа на Голгофѣ. И тогда уже они—„собравшись со старѣйшинами и сдѣлавши совѣщаніе, довольно денегъ дали воинамъ и сказали: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали...“

Въ дѣлѣ убійства бывшаго Государя Императора и всей Его Семьи отъ современныхъ исчадій Израильскаго племени надо было ожидать такой же лжи.

Ухватившись за идею, подсказанную самими главарями совѣтской власти и преступленія, уголовный розыскъ настолько ею увлекся, что довольно скоро и легко отказался отъ живыхъ слѣдовъ, предоставлявшихся ему матеріалами первыхъ дней розыска. Его работа направилась исключительно на безплодную разработку различныхъ появлявшихся варіантовъ основной большевистской идеи и только запутывала и очень серьезно осложняла слѣдственное производство Екатеринбургскаго прокурорскаго надзора. Съ другой стороны, указанная въ общихъ положеніяхъ обособленность военно-уголовнаго розыска дала возможность, черезъ представителей военнаго начальства, проникнуть въ общество и даже въ высшія правительственныя сферы массѣ разнообразныхъ слуховъ, версій и предположеній, опиравшихся якобы на какія-то оффиціальныя розыскныя данныя, которыя поддерживали опредѣленно сомнѣнія въ самихъ фактахъ убійства въ Екатеринбургѣ Царской Семьи и въ Перми Великаго Князя Михаила Александровича, а порой

давали пищу для умышленнаго продолженія дискредитированія бывшаго Государя Императора, Государыни Императрицы и Ихъ Дѣтей въ германофильскихъ тенденціяхъ.

Оставленіе уголовнымъ розыскомъ безъ разработки слѣдовъ преступленія, устанавливавшихся первоначальными фактическими данными, повело за собой, ко времени принятія слѣдственнаго производства Соколовымъ, исчезновеніе отъ времени почти всѣхъ вещественныхъ слѣдовъ преступниковъ и особенно ихъ дѣятельности въ раіонѣ „Ганиной ямы.“ Съ другой стороны, слишкомъ сильное увлеченіе уголовнаго розыска различными версіями и слухами страшно увеличило работу слѣдователя Соколова, такъ какъ, для полноты и точности основного слѣдственнаго производства, ему приходилось считаться и разбираться со всѣмъ розыскнымъ матеріаломъ по этимъ версіямъ и слухамъ, дабы покончить съ ними, доводя ихъ или до стѣны, или до первоисточника появленія слуха или версіи, или до установленія полной абсурдности положенія, принимавшагося уголовнымъ розыскомъ за основаніе своей разработки. Въ большинствѣ случаевъ это вызывало совершенно непроизводительную трату времени.

Ставъ на новый путь работы, военно-уголовный розыскъ прежде всего ухватился за слухи, сильно циркулировавшіе тогда по всей Сибири и теперь еще многими не оставленные, что Царская Семья спасена Вильгельмомъ и вывезена куда-то за границу.

Уже 15-го августа въ уголовный розыскъ поступили откуда-то „агентурныя свѣдѣнія“, что Семья бывшаго Государя скрылась изъ Ипатьевскаго дома, переодѣвшись въ костюмы германскихъ авіаторовъ, пробравшись черезъ фронтъ по подложнымъ документамъ. (По поводу этой версіи любопытно вспомнить интервью американскаго корреспондента г. Аккермана съ фантастическимъ камердинеромъ Домнинымъ, гдѣ Домнинъ начинаетъ свой разсказъ съ аэропла́новъ, летавшихъ надъ Екатеринбургомъ. Въ дѣйствительности, въ то время ни у чеховъ, ни тѣмъ паче у сибиряковъ ни одного аэроплана не было).

Фантастичность именно такого похищенія не останавливаетъ уголовнаго розыска, и 17-го августа имъ разсылаются телеграфные запросы начальнику уголовнаго розыска

въ Самару и желѣзнодорожнымъ комендантамъ Самаро-Златоустовской дороги, въ цѣляхъ обслѣдованія вопроса о проѣздѣ германскихъ авіаторовъ. Конечно, долго такая фантастическая версія продержаться не могла, но достаточно сказать, что изучалась она, какъ предположеніе совершенно серьезное и, напримѣръ, нахожденіе въ Ипатьевскомъ домѣ волосъ Великихъ Княженъ принималось какъ фактъ, подтверждающій, что Ихъ Высочества срѣзали свои волосы при переодѣваніи въ мужскую форму германскихъ офицеровъ для побѣга. Въ дѣйствительности, Великія Княжны были вынуждены не только остричься, но даже обриться еще въ Царскомъ Селѣ послѣ болѣзни корью.

Версія эта была окончательно оставлена, когда съ паденіемъ германскаго могущества стало извѣстно, что Царской Семьи въ Германіи нѣтъ и не было.

Исчезла эта версія, вмѣсто нея, все въ той же основной идеѣ, уголовный розыскъ увлекся другой: Царская Семья спасена и вывезена самими большевиками. Эта версія была уже всецѣло указана совѣтской властью въ ея объявленіяхъ о разстрѣлѣ бывшаго Царя.

Въ одномъ изъ приведенныхъ выше разсказовъ, а именно, въ разсказѣ Стародумовой и Дрогиной, есть фраза: „А они“?—спросилъ Медвѣдевъ, „они всѣ уѣхали въ Пермь“, отвѣтили охранники. Уголовному розыску, принявшему въ основаніе своей работы: Царская Семья вывезена, — приведенной фразы было достаточно: „они“—это Царская Семья, и новая версія получила начало своего якобы свидѣтельскаго, документальнаго существованія. Весь положительный матеріалъ первоначальныхъ дней розыска былъ какъ бы отброшенъ, забытъ, подъ впечатлѣніемъ этого мѣстоименія „они“, въ томъ, конечно, значеніи, какое нужно для этой версіи. Уголовный розыскъ не обратилъ даже вниманія, что сами Стародумова и Дрогина ставятъ эти переговоры Медвѣдева съ охранниками въ связь съ уплатой денегъ. И Медвѣдевъ имъ говоритъ: „получите, когда вернутся изъ Перми“; слишкомъ ясно, что „они“ не могли быть Члены Царской Семьи, а касалось это Янкеля Юровскаго и другихъ совѣтскихъ дѣятелей, связанныхъ съ вопросомъ уплаты денегъ женщинамъ за мытье половъ.

Первоначально работа уголовнаго розыска при этой новой версіи направилась къ разработкѣ матеріаловъ двухъ варіантовъ: Царская Семья вывезена грунтовымъ

путемъ и, другой, Царская Семья вывезена по желѣзной дорогѣ.

Данными, освѣтившими версію въ направленіи перваго варіанта, послужили сообщенія „секретнаго работника", командированнаго въ расположеніе большевиковъ, который показалъ, что, во 1-хъ, пробравшись „въ тылъ и середину" большевиковъ и въ деревню Еловку, въ 40 верстахъ отъ Ирбита, въ сторонѣ между ст. Егоршино и Ирбитомъ, отъ караульнаго села Еловки Артемія Макарова онъ узналъ, что передъ уходомъ большевиковъ изъ Екатеринбурга ночью онъ видѣлъ какъ проѣзжали три крытыхъ автомобиля и двѣ тройки; Макаровъ прослѣдилъ ихъ до конной почтовой станціи и узналъ, что лошадей не мѣняли, и что въ автомобиляхъ увезли бывшаго Государя и Его Семью по направленію Верхотурья. Во 2-хъ, въ Ирбитѣ барахольщикъ Липатниковъ говорилъ, что ему извѣстно, что бывшій Государь и Его Семья увезены въ Верхотурье.

Свѣдѣнія „секретнаго сотрудника" были неудачны: прямой, большой трактъ изъ Екатеринбурга въ Верхотурье идетъ черезъ Кушву, а не Егоршино, и проходитъ въ 200 верстахъ въ сторонѣ отъ Ирбита. Кромѣ того, очень ужъ сомнительнымъ показалось, что везли Царскую Семью безъ охраны, и почему вдругъ барахольщикъ зналъ гдѣ Царская Семья, а никто другой въ Ирбитѣ ничего „секретному сотруднику" не говорилъ. Варіантъ вывоза Царской Семьи грунтовымъ путемъ оказался необоснованнымъ, и отъ него отказались.

Но за то варіантъ о вывозѣ по желѣзной дорогѣ увлекъ уголовный розыскъ въ полной мѣрѣ и приковалъ къ себѣ его работу до самаго конца существованія чиновъ этого розыска, т. е. до оставленія нами города Перми. Не считаясь ни съ чѣмъ, не смотря ни на какія фактическія обстоятельства убійства всей Царской Семьи въ Екатеринбургѣ, уголовный розыскъ оставался упорно и упрямо на своемъ пути, варьируя въ деталяхъ и духѣ, въ зависимости отъ устанавливавшихся слѣдствіемъ Соколова фактовъ, опровергавшихъ положеніе розыска, но сохраняя неизмѣнно въ основѣ ложь большевиковъ: Царская Семья была вывезена изъ Екатеринбурга самими совѣтскими властями.

Въ упорствѣ отстаивать эту версію уголовный розыскъ близко подошелъ къ упоминавшимся выше Соловьеву, Симонову, Вяземской, Маркову, Попову и всѣмъ русскимъ

элементамъ въ Германіи, съ той разницей, что всѣ тѣ—не полагали, что Царская Семья, покинувъ Екатеринбургъ, оставалась во власти господъ Исааковъ Голощекиныхъ и Янкелей Юровскихъ и при этомъ могли ограничиваться простыми голословными утвержденіями, такъ какъ доказательствъ отъ нихъ никто потребовать не могъ. Уголовный розыскъ былъ въ другомъ положеніи: ему необходимо было искать доказательствъ версіи вывоза Царской Семьи изъ Екатеринбурга, такъ какъ таковыя могли быть потребованы начальствомъ, и на розыскъ этихъ доказательствъ уголовный розыскъ затратилъ все свое время существованія и свой трудъ.

Первоначальными поводами, обратившими вниманіе уголовнаго розыска на возможность вывоза Царской Семьи по желѣзной дорогѣ, послужили опять-таки слухи, распространявшіеся по городу и въ сущности вытекавшіе все изъ того же оффиціальнаго объявленія совѣтскихъ властей объ эвакуаціи ими Семьи Романова. Со словъ различныхъ исчезнувшихъ красноармейцевъ и рабочихъ, передавались самыя разнообразныя детали этого вывоза: кто говорилъ, что бывшаго Царя и Царицу вывезли изъ Ипатьевскаго дома на вокзалъ „закованными въ кандалы и въ автомобилѣ краснаго креста"; другіе, наоборотъ, утверждали, что для перевозки въ Пермь Царя и Его Семьи былъ образованъ поѣздъ изъ роскошныхъ вагоновъ; третьи передавали, что одинъ изъ рабочихъ „видѣлъ своими глазами", какъ Государя, „бывшаго въ старой потрепанной шинели", грубо втолкнули при посадкѣ въ вагонъ, но самъ поѣздъ „былъ роскошный". При этомъ передававшіе высказывали догадку, „что Государя увезли въ Ригу на основаніи одного изъ пунктовъ Брестскаго договора". Четвертые видѣли предназначавшіеся для перевозки Царской Семьи вагоны, у которыхъ окна были замазаны чѣмъ-то чернымъ. Пятые слышали отъ своихъ знакомыхъ красноармейцевъ изъ бывшей охраны Царя, что Его „навѣрное отправятъ въ Германію, такъ какъ большевики за него взяли у нѣмецкаго короля много денегъ, и король взялъ его къ себѣ на поруки", а охранникъ Лавушевъ или Корякинъ, „кто-то изъ нихъ", говорилъ, что „Ему никто не можетъ ничего сдѣлать, потому что отъ германскаго царя строго приказано Ленину, чтобы ни одинъ волосъ не былъ тронутъ *у нашего* Царя".

Сколько въ этихъ слухахъ чисто русскаго, простонароднаго: и Царь, и Царица въ кандалахъ, и поѣздъ изъ рос-

кошныхъ вагоновъ, и окна, замазанныя чѣмъ-то чернымъ, и выкупъ, взятый за Царя, и это „строго приказано Ленину“, а рядомъ „*у нашего* Царя;“ такъ и сказалъ онъ „*у нашего* Царя“, хотя самъ служилъ у большевиковъ, и до этого, вѣроятно, самъ участвовалъ въ углубленіи революціи Керенскимъ и развалѣ арміи Гучковымъ. И все-таки остался въ твердомъ убѣжденіи „нашъ Царь“, а Ленинъ что?—ему, конечно, Вильгельмъ могъ приказать...

Но, съ другой стороны, сколько въ этихъ слухахъ чувствуется вліянія и теоретически привитаго въ сознаніи и воспитаніи убѣжденія, что нѣмецъ—все, нѣмецъ—сила, сила страшная, нѣмецъ каждому можетъ приказать, и не можетъ быть рѣчи—не повиноваться; нашъ Царь—это, прежде всего, братъ нѣмецкаго Царя; русскій народъ можно унизить, раздавить, истребить, а русскій Царь уѣдетъ къ нѣмцу...

Какой ужасъ, какой позоръ таятся въ сути всѣхъ этихъ вышеуказанныхъ слуховъ; какой позоръ для всѣхъ насъ, допускавшихъ и распространявшихъ такія низкія мысли... Какъ мы не знали духовной и національной мощи *нашего* Царя.

Принявшись за разработку версіи о вывозѣ Царской Семьи по желѣзной дорогѣ, кромѣ какъ на указанные слухи и разговоры, уголовный розыскъ наткнулся и на документальную данную о томъ, что 20-го іюля изъ Екатеринбурга въ Пермь подъ сильнымъ конвоемъ былъ отправленъ вагонъ съ какими-то важными преступниками. Въ то же время парикмахеръ со станціи Екатеринбургъ I-й Федоръ Ивановичъ Ивановъ показалъ уголовному розыску, что за день или два до того, какъ большевики объявили о разстрѣлѣ бывшаго Царя, комиссаръ станціи Гуляевъ сказалъ ему: „сегодня отправляемъ Николая“. Когда вечеромъ, не видя чтобы привозили Царя, онъ переспросилъ Гуляева, тотъ отвѣтилъ, что Царя увезли на Екатеринбургъ 2-й. Тѣ же свѣдѣнія объ увозѣ Царя подтвердилъ ему, Иванову, на слѣдующій день „комиссаръ 4-го штаба резерва красной арміи“ Кучеровъ, а когда, черезъ два дня, большевики объявили о разстрѣлѣ Николая II-го, онъ, встрѣтивъ обоихъ вмѣстѣ, Гуляева и Кучерова, спросилъ ихъ: „какъ же это такъ, что вѣрно?“ На что комиссары ему отвѣтили—„мало что пишутъ“.

Сопоставляя отправленный вагонъ съ какими-то важными преступниками со свѣдѣніями, данными парикмахе-

ромъ Ивановымъ, уголовный розыскъ утвердился окончательно въ своей версіи о вывозѣ Царской Семьи и не пытался больше устанавливать фактъ отправки изъ Екатеринбурга, принявъ то, что имѣлъ, какъ достаточное основаніе для всей работы только въ направленіи этой идеи...

Не менѣе 75% служащихъ Екатеринбургскаго желѣзнодорожнаго узла, возстановленные совѣтскимъ режимомъ, не пожелали уходить съ большевиками и остались у насъ на своихъ прежнихъ должностяхъ. Въ частности, остался на своей должности и начальникъ станціи Екатеринбургъ 2-й. Если бы уголовный розыскъ, въ отношеніи желѣзнодорожныхъ отправокъ, обратился къ желѣзнодорожнымъ служащимъ и, въ частности, къ начальнику станціи Екатеринбургъ 2-й, а не къ парикмахеру Иванову, то онъ узналъ бы отъ нихъ своевременно, что многіе изъ нихъ слѣдили именно за тѣмъ: отправятъ ли большевики Царскую Семью изъ города, или нѣтъ, и незамѣтно для нихъ такой отправки сдѣлать нельзя было. И такъ какъ отправки Царской Семьи не было, не было ее и съ промежуточныхъ станцій, то стоявшіе близко къ дѣлу отправки желѣзнодорожники не повѣрили совѣтскому объявленію о разстрѣлѣ только одного Царя.

Мало того, 30-го октября отъ спасшагося изъ Перми изъ подъ разстрѣла камердинера Алексѣя Андреевича Волкова уголовный розыскъ узналъ, что въ вагонѣ, подъ сильной охраной, 20-го іюля совѣтскія власти вывезли изъ Екатеринбурга въ Пермь содержавшихся все время въ тюрьмѣ графиню А. В. Гендрикову, Е. А. Шнейдеръ, его, камердинера Волкова, Княгиню Елену Петровну Сербскую и состоявшихъ при ней членовъ Сербской миссіи.

Тѣмъ не менѣе уголовный розыскъ продолжаетъ настойчиво отстаивать свою версію и, до взятія генераломъ Пепеляевымъ Перми (25 Декабря 1918 г.), продолжая свою розыскную работу въ этомъ направленіи, опираетъ ее исключительно на агентурныхъ свѣдѣніяхъ. Первыя полученныя этимъ путемъ свѣдѣнія приводили къ тому, что Царскую Семью повезли изъ Екатеринбурга на Пермь и далѣе черезъ Москву за границу. Но когда выяснилось, что въ Германіи Царской Семьи нѣтъ, то и въ агентурныхъ свѣдѣніяхъ измѣнился маршрутъ слѣдованія, и нѣкоторые указывали на направленіе Царской Семьи изъ Москвы на Казань, а другіе, не называя пунктовъ, говорили, что во-

обще вглубь Россіи. Искусственность этихъ агентурныхъ свѣдѣній не могла оставлять сомнѣній въ ихъ недоброкачественности, но въ свое время въ разныхъ кругахъ общества они оставляли нужное впечатлѣніе, и до сихъ поръ еще приходится слышать, сплошь да рядомъ, что нѣкоторыхъ Членовъ Семьи видѣли тамъ-то, а другихъ тамъ-то. Цѣль ихъ была опредѣленная—замѣтать слѣды правды, основываясь на томъ, что массы вообще охочи до всевозможныхъ слуховъ и сплетенъ.

Такъ какъ эти агентурныя свѣдѣнія не могли быть провѣрены и подтверждены фактами, то все же версія уголовнаго розыска не получала въ серьезныхъ кругахъ необходимой реальности и не выходила изъ области предположеній и гаданій. Кромѣ того, въ послѣднее время работы по этой версіи въ Екатеринбургѣ осложнились тѣмъ, что руководившій розыскомъ чиновникъ Кирста подвергся обвиненію въ нѣкоторыхъ проступкахъ по службѣ, не связанныхъ съ Царскимъ дѣломъ, былъ арестованъ начальникомъ гарнизона и отчисленъ отъ должности. Только послѣ ухода генерала Голицына на фронтъ, генералъ Гайда освободилъ Кирсту, и онъ снова занялся работой по розыскамъ. но, по приказанію генерала Гайды, тайно отъ судебныхъ властей Екатеринбурга.

25-го декабря была взята Пермь и, при сформированіи мѣстнаго военно-контрольнаго аппарата, многія должности въ немъ были замѣщены чинами изъ состава Екатеринбургскаго уголовнаго розыска. Ушелъ туда и Кирста, вмѣстѣ съ ближайшими своими сотрудниками по уголовному розыску. Тайное разслѣдованіе Царскаго дѣла продолжалось ими въ Перми, причемъ участіе въ немъ принялъ самостоятельно товарищъ прокурора пермскаго окружнаго суда Тихомировъ, котораго прокуроръ суда неоднократно предупреждалъ о необходимости осторожно относиться къ тому направленію работы, какое проводилось сыскомъ уголовнаго розыска.

Въ Перми работа бывшихъ чиновъ уголовнаго розыска получила быстрое развитіе, не выходя изъ рамокъ все той же основной версіи, что Царская Семья была вывезена изъ Екатеринбурга самими большевиками: появились свидѣтели, вещественныя доказательства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ связи со все болѣе устанавливавшимся слѣдственной властью въ Екатеринбургѣ фактомъ убійства всѣхъ Членовъ Царской Семьи, въ версіи уголовнаго розыска стали появляться

новые варіанты въ дальнѣйшей судьбѣ Членовъ Царской Семьи, послѣ вывоза ея изъ Екатеринбурга.

Въ общемъ, къ моменту воспрещенія уголовному розыску заниматься Царскимъ дѣломъ, версія, по даннымъ уголовнаго розыска, вылилась въ слѣдующую фабулу:

Нѣкоторое время Царская Семья будто бы проживала въ Перми, сначала въ бель-этажѣ одного дома, а затѣмъ— въ подвальномъ помѣщеніи другого дома. Въ розыскномъ дѣлѣ указывались свидѣтели, которые якобы видѣли Семью именно въ этомъ второмъ помѣщеніи, и въ качествѣ вещественнаго доказательства къ дѣлу была пріобщена салфетка Дворцоваго вѣдомства, поднятая будто бы въ комнатѣ, гдѣ свидѣтель видѣлъ Великихъ Княженъ. Затѣмъ Царская Семья была вывезена въ направленіи на Вятку и поселена въ одной деревнѣ, въ 12 верстахъ отъ Глазова.

Въ этотъ періодъ Великая Княжна Анастасія Николаевна съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ будто бы отдѣлились отъ Семьи и нѣкоторое время гдѣ-то скрывались. Но однажды, неподалеку отъ Перми, на правомъ берегу Камы, въ лѣсу, близъ желѣзной дороги на Глазовъ, Великая Княжна наткнулась на красноармейцевъ, которые, принявъ Ее за воровку, сильно избили и доставили въ Пермь въ помѣщеніе чрезвычайки. Здѣсь былъ вызванъ докторъ Уткинъ (еврей), который ее осматривалъ и прописалъ лѣкарства. Великая Княжна тайно сообщила ему, что Она дочь Государя—Анастасія. Въ своемъ показаніи докторъ подробно описалъ наружность видѣнной дѣвушки. На слѣдующій день, когда докторъ Уткинъ хотѣлъ снова навѣстить больную, ему было заявлено, что она умерла. Какой-то еврей показалъ товарищу прокурора Тихомирову могилу, въ которой будто бы большевики похоронили Великую Княжну.

По дѣлу имѣлся свидѣтель докторъ Уткинъ и, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, могила и рецепты на лѣкарства.

Вся эта исторія, скрывавшаяся отъ Екатеринбургскихъ слѣдственныхъ властей, разсказывалась съ детальными подробностями всѣмъ высокимъ лицамъ, пріѣзжавшимъ изъ тыла и Омска; разсказывалась, какъ фактъ установленный, опирающійся на живыхъ свидѣтелей и вещественныя доказательства. Благодаря этому, въ Омскѣ этой версіи, если не вѣрили въ полной мѣрѣ, то все же допу-

скали нѣкоторое вѣроятіе, тѣмъ болѣе, что данныя оффиціальнаго слѣдственнаго производства, которое велъ въ это время членъ екатеринбургскаго суда И. Сергѣевъ, по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, не доходили до кого нужно, а если и представлялись, то въ общихъ чертахъ, какъ предположенія.

Весной 1919 года могила, которую указалъ какой-то еврей Тихомирову, какъ мѣсто погребенія Великой Княжны Анастасіи Николаевны, была вскрыта: въ ней оказалось 7 мужскихъ труповъ и ни одного женскаго. Рецепты доктора Уткина оказались написанными на старыхъ использованныхъ бланкахъ доктора Иванова, съ требованіемъ объ отпускѣ спирта для комиссаровъ, почему на нихъ и были помѣтки комиссаровъ—отпустить немедленно подъ угрозой разстрѣла. Обыкновенная салфетка гофмаршальской части, по разслѣдованіи, оказалась происхожденіемъ изъ одной конспиративной большевистской квартиры въ Перми, которая подвергалась обыску уже при нашей власти въ Перми.

Свидѣтель по дѣлу, докторъ Уткинъ былъ допрошенъ судебнымъ слѣдователемъ Соколовымъ. Сильно нервничая, сбиваясь, онъ въ общемъ подтвердилъ свое первоначальное показаніе, имѣвшееся въ дѣлѣ уголовнаго розыска. Тогда ему были предъявлены для опознанія три самыхъ позднѣйшихъ фотографическихъ группы Великихъ Княженъ. На первой были сняты Великія Княжны Ольга, Марія и Анастасія Николаевны; онъ, всмотрѣвшись, указалъ на Ольгу Николаевну. Слѣдующая изображала Великихъ Княженъ Ольгу, Татьяну и Марію Николаевенъ,—онъ указалъ на Татьяну Николаевну. Наконецъ, послѣдняя фотографія Великихъ Княженъ Татьяны, Маріи и Анастасіи Николаевенъ,—онъ указалъ на Марію Николаевну.

Докторъ Уткинъ еврей и производилъ впечатлѣніе или дѣйствительно ненормальнаго человѣка, или, на всякій случай, симулировавшаго ненормальнаго человѣка.

На этомъ работа уголовнаго розыска была прервана. Ему было воспрещено заниматься розысками по Царскому дѣлу и все произведенное имъ разслѣдованіе по этому дѣлу было отобрано и поступило въ дѣло слѣдователя Соколова.

Начало слѣдствія.

Съ освобожденіемъ 25-го іюля войсками Войцеховскаго города Екатеринбурга, въ немъ создалось Правительство, принявшее названіе „Областного Уральскаго“. Во главѣ его сталъ почтенный, уважаемый уральскій сторожилъ и дѣлецъ, Павелъ Васильевичъ Ивановъ, бывшій Предсѣдатель биржевого комитета въ Екатеринбургѣ, человѣкъ умѣренно-демократическихъ принциповъ и глубоко честный. Но такихъ людей уже тогда оставалось немного и правительственные аппараты, какіе и создавались въ то время, волей или неволей, слагались изъ тѣхъ, которые или прошли черезъ развратъ разложенія страны Керенской эпохи, или были спеціальными продуктами ея воспитанія. Кромѣ того, сами условія нарожденія тогда власти не обезпечивали отъ проникновенія, даже въ ея центральные органы, лицъ совершенно низкихъ моральныхъ качествъ, но умѣвшихъ повсюду шумѣть и кричать своими, якобы высоко-гуманными, политическими лозунгами и популярными демократическими принципами. Въ частности, для Уральской правительственной власти положеніе серьезно осложнялось сильнымъ закулиснымъ вліяніемъ на исполнительную часть работы правительственныхъ органовъ, собравшихся въ Екатеринбургѣ, крайнихъ лѣвыхъ элементовъ, изъ бывшихъ членовъ Учредительнаго Собранія, съ Черновымъ, Миноромъ и Вольскимъ во главѣ, нашедшихъ себѣ покровительство и заступничество въ средѣ вліятельнаго тогда чехо-словацкаго національнаго совѣта въ Екатеринбургѣ.

При такихъ условіяхъ, воспринятый по наслѣдству отъ 1917 года общій характеръ правительственной организаціи отражался на дѣятельности и взглядахъ всѣхъ правительственныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и на возобновлявшемъ свою работу Екатеринбургскомъ Окружномъ судѣ. Прежде всего, въ каждомъ мало-мальски серьезномъ дѣлѣ обращалось вниманіе на политическую сторону вопроса: нѣтъ ли данныхъ для реакціонныхъ началъ? Не опасно ли для „завоеваній революціи?“ Не пища ли для монархическихъ заговоровъ? И почти всѣ, какъ въ несчастномъ 1917 году, больше всего боялись показаться ретроградами, реакціонерами и особенно монархистами. Это приводило ко взаим-

ному недовѣрію между служащими одного и того же учрежденія, подозрительности другъ къ другу, къ массѣ, къ былымъ корпораціямъ, какъ офицерскимъ, такъ и къ отдѣльнымъ лицамъ и дѣятелямъ. Одни—скрытностью и замкнутостью, другіе—ложной демократичностью, третьи—различными масками всѣхъ соціально-политическихъ платформъ, стремились прикрыть свое дѣйствительное лицо, свои взгляды, мнѣнія, убѣжденія и дѣятельность. Это можно отмѣтить, какъ въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ и служащихъ, такъ и въ отношеніи цѣлыхъ правительственныхъ учрежденій въ общемъ. Такъ глубоко въѣлся за годъ общественно-политическій развратъ керенщины, и такъ напуганы были руководившіе развратомъ интеллигентные круги общественности терроромъ черни въ 1917 году, по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, кого принимали за реакціонеровъ.

Безусловно и тогда у власти были отдѣльные люди, не раздѣлявшіе этого наслѣдія 1917-го года, и понимавшіе пагубность и узкую односторонность дѣятелей нашей соціальной революціи; уже и тогда вся плеяда нашихъ соціалистовъ достаточно ясно показала всю свою политическую несостоятельность и неспособность къ созидательной работѣ, а, главное, свое полное незнаніе, непониманіе и отчужденность отъ народной массы. Но общая болѣзнь была все еще сильна, и отдѣльные элементы, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ освобожденія отъ совѣтовъ, не въ силахъ были бороться съ общимъ разваломъ и болѣзнью интеллигентно-общественной мысли. Этимъ отдѣльнымъ правительственнымъ и общественнымъ лицамъ приходилось дѣйствовать очень осторожно и осмотрительно въ проведеніи какихъ-либо вопросовъ, дабы окончательно не провалить дѣла, если оно носило въ глазахъ правительственной и общественной интеллигенціи почему-либо признаки реакціонности, политической опасности.

Къ числу такихъ дѣлъ на Уралѣ было отнесено и дѣло объ убійствѣ большевиками бывшаго Государя Императора. Особая заинтересованность этимъ событіемъ военнаго начальства, съ непосредственнымъ горячимъ участіемъ въ розыскахъ офицерства, внушила Черновско-Минорскимъ кругамъ серьезныя опасенія возможности созданія, на почвѣ этого дѣла, поводовъ для укрѣпленія среди народныхъ массъ и въ рядахъ нарождавшейся молодой арміи монархическихъ принциповъ и тенденцій. Черезъ прямыхъ, скрыт-

ныхъ или ложныхъ адептовъ—этихъ печальныхъ для Россіи и народа политическихъ дѣятелей—взглядъ на значеніе Царскаго дѣла передался и въ нѣдры Екатеринбургскаго окружнаго суда. Первые исполнители его: слѣдователь Наметкинъ и членъ суда Сергѣевъ, независимо отъ ихъ личныхъ качествъ, характеровъ и политическихъ физіономій, въ своей слѣдственной дѣятельности безусловно были подъ вліяніемъ указаннаго выше больного политическаго теченія мысли тогдашней гражданской власти и вліявшихъ на нее политическихъ партій бывшихъ учредиловцевъ.

Временно исполнявшій должность прокурора Екатеринбургскаго окружного суда Кутузовъ, человѣкъ прежняго воспитанія и режима, не поддавшійся моральному и умственному разврату революціонныхъ принциповъ 1917 года, и не раздѣлявшій мнѣній большинства сослуживцевъ вновь создавшагося аппарата судебной власти на Уралѣ, посѣтилъ лично домъ Ипатьева, видѣлъ то состояніе, въ которомъ онъ былъ найденъ 25-го іюля и, какъ опытный, видавшій виды юристъ, сразу понялъ, что помѣщеніе, гдѣ содержалась Исаакомъ Голощекинымъ и Янкелемъ Юровскимъ Царская Семья, носило всѣ признаки преступленія, опредѣляемаго закономъ „разграбленіе послѣ совершеннаго шайкой убійства хозяевъ или жителей помѣщенія“. Во всякомъ случаѣ, для Кутузова не было сомнѣній, что событія въ Ипатьевскомъ домѣ протекли совершенно не такъ, какъ ихъ представили совѣтскія власти въ своемъ объявленіи о разстрѣлѣ бывшаго Царя.

Однако, при тогдашнемъ общемъ политическомъ направленіи Кутузовъ не имѣлъ еще достаточныхъ данныхъ, кромѣ личнаго впечатлѣнія, для самостоятельнаго возбужденія предварительнаго слѣдственнаго производства; надо было или ждать появленія болѣе реальныхъ поводовъ, или какимъ-нибудь путемъ помочь другимъ, не гражданско-правительственнымъ дѣятелямъ, скорѣе отыскать такіе поводы. Руководясь этимъ, Кутузовъ вошелъ въ контактъ съ Начальникомъ гарнизона генераломъ Голицынымъ и, узнавъ о предположеніи послѣдняго образовать для разслѣдованія спеціальную офицерскую комиссію Полковника Шереховскаго, предложилъ пригласить въ составъ комиссіи для технически-юридическаго руководства слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ Екатеринбургскаго окружнаго суда Наметкина. Послѣдняго Кутузовъ зналъ мало, и особенно какъ

дѣятеля при тогдашней, общей политической обстановкѣ, а выбралъ его, руководясь тѣмъ званіемъ слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, которое носилъ Наметкинъ. Во всякомъ случаѣ, Кутузовъ черезъ Наметкина могъ расчитывать быть всегда въ курсѣ событій по дѣлу, въ которомъ для него крылось несомнѣнно преступленіе.

Но Провидѣнію, видимо, Самому угодно было помочь людямъ начать приподымать завѣсу надъ мрачной тайной, скрывавшейся въ стѣнахъ дома Иппатьева. Уже 29-го іюля къ Кутузову явился добровольно житель города Екатеринбурга Федоръ Никитичъ Горшковъ, который, со словъ своего знакомаго, бывшаго слѣдователя, Михаила Владиміровича Томашевскаго, разсказалъ исторію, помѣщенную уже выше, о томъ, что въ Иппатьевскомъ домѣ былъ разстрѣлянъ вовсе не только бывшій Государь Императоръ, какъ объявили о семъ совѣтскія власти, а была уничтожена вся Царская Семья и содержавшіеся съ Ней докторъ Боткинъ и слуги. Это показаніе дало поводъ Кутузову на слѣдующій же день, 30-го іюля, предложить слѣдователю Наметкину приступить къ производству оффиціальнаго предварительнаго слѣдствія по дѣлу убійства бывшаго Государя Императора Николая II, по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 1453 ст. Уложенія о наказаніяхъ.

Но и такой осторожный и скромный шагъ прокурора Кутузова въ этомъ дѣлѣ, ограничившагося, дабы не повредить правосудію, возбужденіемъ дѣла только по 1453 статьѣ, т.-е. отнесеніемъ преступленія къ разряду подсудныхъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ, былъ встрѣченъ въ тогдашнихъ политическихъ группировкахъ и настроеніяхъ правительственныхъ учрежденій недоброжелательно, съ большимъ несочувствіемъ и подозрительностью къ слѣдственному дѣлу „тенденціознаго“ характера. Политическія группы не ограничились только выраженіемъ несочувственнаго отношенія, проявившагося въ томъ, что за все время существованія „Областного Уральскаго“ Правительства никто изъ его членовъ ни разу не поинтересовался этимъ дѣломъ, но и не замедлили оказать свое непосредственное вліяніе на самое производство предварительнаго слѣдствія, дабы, хотя этимъ путемъ, ограничить, по ихъ мнѣнію, вредное вліяніе, которое Царское дѣло могло оказать на настроеніе массъ и арміи. Это вмѣшательство проявилось по слѣдующему поводу.

Съ первыхъ дней работы слѣдователя Наметкина, Прокуроръ Кутузовъ увидѣлъ полную непригодность его для веденія такого сложнаго и отвѣтственнаго дѣла; Наметкинъ отличался не только лѣностью и небрежностью къ работѣ, но просто игнорировалъ своими прямыми обязанностями, какъ слѣдователь. Такъ какъ другихъ подходящихъ слѣдователей не было, то Кутузовъ возбудилъ вопросъ о возложеніи слѣдственнаго производства, согласно закону, на одного изъ членовъ суда, причемъ его выборъ останавливался на членахъ суда Михновичѣ, или Плюсковѣ. При предварительныхъ переговорахъ съ предсѣдателемъ суда Глассономъ, предполагалось окончательно назначить Михновича, опытнаго бывшаго слѣдователя, человѣка честнаго и стоявшаго внѣ тогда господствовавшихъ политическихъ теченій. Такъ какъ по положенію избраніе для слѣдствія члена суда производится „общимъ собраніемъ отдѣленій Окружнаго Суда“, то этимъ и воспользовались соотвѣтственныя политическія группы для проведенія болѣе благопріятнаго для нихъ—третьяго изъ кандидатовъ для слѣдствія, Ивана Сергѣева, тоже члена суда. 7-го августа, неожиданно для прокурора Кутузова и вопреки предварительнаго соглашенія съ предсѣдателемъ суда Глассономъ, И. А. Сергѣевъ получилъ наибольшее число голосовъ, и на него было возложено веденіе предварительнаго слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ бывшаго Царя.

Вскорѣ прибылъ въ Екатеринбургъ настоящій прокуроръ суда В. Іорданскій, котораго Кутузовъ только замѣщалъ, и слѣдственное производство гражданской власти совершенно отдѣлилось отъ работъ по изслѣдованію, ведшихся военными властями. Послѣднія отнеслись почти враждебно къ возложенію слѣдственнаго производства на И. А. Сергѣева, избраннаго подъ вліяніемъ опредѣленныхъ политическихъ теченій Черновскаго направленія, и относились съ большимъ предубѣжденіемъ вообще къ личности самого И. А. Сергѣева.

Хотя Сергѣевъ въ своемъ прошломъ проходилъ черезъ стажъ судебнаго слѣдователя, но, судя по тому, какъ онъ велъ порученное ему Царское дѣло, можно думать, что онъ никогда въ жизни къ этой спеціальной профессіи никакого отношенія не имѣлъ. Остается только предположить, что Сергѣевъ ставленникъ извѣстныхъ политическихъ теченій, противникъ вообще Царскому дѣлу, относился къ нему,

какъ къ простому исполненію канцелярской работы. Говорятъ, что теперь онъ разстрѣлянъ большевиками; если это вѣрно, то во всякомъ случаѣ онъ разстрѣлянъ не за участіе въ разслѣдованіи злодѣйства Исаака Голощекина, Янкеля Свердлова, Янкеля Юровскаго и многихъ иныхъ, перечисленныхъ выше еврейскихъ изувѣровъ по дѣлу убійства Царской Семьи.

Если Наметкинъ отличался лѣностью и апатичностью къ своимъ обязанностямъ, то Сергѣевъ въ произведенной работѣ выказалъ полное отсутствіе самаго скромнаго таланта слѣдователя и абсолютное непониманіе слѣдственной профессіональности. Его допросы свидѣтелей—это запись того, что хотѣлъ показать только самъ свидѣтель или преступникъ; попытки вести допросъ по опредѣленной идеѣ, опредѣленному плану, системѣ дополнительныхъ вопросовъ—у Сергѣева отсутствовали совершенно, или отмѣчаются въ протоколѣ только по столько, по сколько случайно самъ свидѣтель или преступникъ давали для этого матеріалъ въ своемъ показаніи. Онъ совершенно игнорируетъ методы установленія фактовъ путемъ изслѣдованія, тщательнаго изученія вещественныхъ доказательствъ, онъ просто коллекціонируетъ ихъ, и сами по себѣ у Сергѣева вещественныя доказательства не говорятъ ничего, не помогаютъ установленію фактовъ преступленія, не создаютъ путей для новыхъ слѣдственныхъ изысканій, а являются просто „приложеніями“ въ узкомъ пониманіи статьи закона.

Сергѣевъ могъ бы допрашивать самого Янкеля Юровскаго, и возможно, выслушавъ отъ него всю его біографію, не спросилъ бы его: а какое ваше отношеніе было къ Екатеринбургской чрезвычайкѣ, и откуда были люди, приведенные вами для внутренней охраны Царской Семьи? Сергѣевъ не ищетъ раскрыть преступленіе путемъ слѣдствія, а только создаетъ слѣдственное „дѣло“; онъ ждетъ, что преступленіе раскроется когда-нибудь, само по себѣ, изъ матеріаловъ, которые будутъ подшиваться къ слѣдственному „дѣлу“, узко придерживаясь буквы закона, и своеобразно толкуя обязанности и права слѣдователя по закону. Чтобы составить себѣ представленіе объ отношеніи Сергѣева къ возложенному на него слѣдствію, о степени стремленія Сергѣева раскрыть, установить какіе-либо факты преступленія, достаточно сравнить его работу, пользуясь хотя бы внѣшними ея данными, съ работой Соколова: допросъ камердинера Вол-

кова: у Сергѣева 2 печатныхъ на машинкѣ страницы, у Соколова—27 страницъ. Протоколъ осмотра черновика объявленій о разстрѣлѣ: у Сергѣева—32 строчки, у Соколова—болѣе 4-хъ страницъ и т. п.

Сергѣевъ—сынъ крещенаго еврея. Онъ не сочувствуетъ изувѣрской политикѣ и поступкамъ Бронштейна, Янкеля Свердлова, Исаака Голощекина, евреевъ Сафарова, Войкова и прочихъ ихъ единомышленниковъ. Сергѣевъ сторонникъ евреевъ Керенскихъ, болѣе умѣренныхъ въ способахъ достиженія цѣлей, не такихъ кровожадныхъ. Онъ выдвинулся въ Екатеринбургѣ, именно въ періодъ керенщины, когда уже не работоспособность, трудолюбіе и знанія имѣли значеніе въ судебномъ мірѣ, а слова, рѣчи, политика, митинги, демократическіе принципы и прочій ядъ развала минувшаго 1917 года. Сергѣевъ и теперь примкнулъ, повидимому, опять къ тому же лагерю, почему и оказался выбраннымъ для веденія историческаго, національнаго дѣла. Такъ характеренъ этотъ типъ людей нашей революціи, и такъ постоянны они въ способахъ проявленія демократическихъ принциповъ, что будучи назначенъ для веденія предварительнаго слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ бывшаго Государя Императора, Сергѣевъ и здѣсь не могъ отказаться отъ проявленія тѣхъ же способовъ; черезъ прокурора онъ объявилъ въ газетахъ, что веденіе Царскаго дѣла возложено на него—Сергѣева, и приглашалъ всѣхъ, знающихъ что-либо по этому дѣлу, идти къ нему для дачи показаній.

Шесть мѣсяцевъ спустя Сергѣевъ жаловался, что на его газетный вызовъ никто добровольно не пришелъ къ нему дать свои показанія. Онъ объяснилъ этимъ медленность слѣдственнаго производства и былъ того мнѣнія, что отсутствіе добровольныхъ свидѣтелей есть слѣдствіе общественной косности, съ одной стороны, и реакціонности военныхъ сферъ, съ другой. Но въ дѣйствительности причинами оказались не эти причины, какъ равно и цѣлью газетной публикаціи оказался вовсе не вызовъ добровольцевъ-свидѣтелей...

Совершенно вѣрно, что Сергѣевъ не сочувствовалъ тактикѣ политическихъ цѣлей Бронштейновъ, Апфельбаумовъ, Нахамкесовъ и прочей плеяды изувѣровъ еврейскаго племени исключительнаго направленія. Но Сергѣевъ, хотя и крещеный, а все же былъ еврей, еврей по крови, плоти и духу, а потому отказаться отъ своихъ соплеменниковъ ни-

какъ не могъ. Онъ отлично видѣлъ, что главарями совѣтской дѣятельности въ Екатеринбургѣ были евреи: Сафаровъ, Войковъ, Поляковъ, Хотимскій, Чуцкаевъ, Голощекинъ, Красновъ; онъ зналъ, что главарями Ипатьевской трагедіи являлись: Янкель Юровскій, Исаакъ Голощекинъ, Янкель Свердловъ, и цѣлью его газетнаго объявленія могло быть только одно—предупредить черезъ печать, слѣдствіе начато, хотя и онъ избранъ вести его, и въ его рукахъ оно будетъ, но все-таки оно начато, а потому принимайте мѣры... А дальше? Конечно, никто изъ свидѣтелей не пойдетъ добровольно показывать. Да и кто могли быть эти свидѣтели? Участники преступленія рабочіе-охранники скрылись, ихъ надо было разыскивать, а въ числѣ добровольцевъ они, конечно, не могли быть; Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій—въ вагонъ-салонѣ въ Москву и на нихъ, конечно, Сергѣевъ разсчитывать не могъ. Оставался одинъ какой-нибудь забитый, запуганный терроромъ большевиковъ случайный обыватель, почуявшій въ новой власти, и даже въ объявленіи Сергѣева, запахъ знакомой ему, возвратившейся керенщины. Естественно, никто изъ нихъ пойти не могъ и не пошелъ, еще чего добраго новое начальство за реакціонера приметъ.

А Сергѣеву только это и надо было—дѣятельность показана; если не идутъ—виноваты косные и реакціонеры; а пока не будемъ торопиться, затянемъ дѣло.

Конечно, это все мысли, а не матеріалы. Но мысли, вытекающія изъ всѣхъ бесѣдъ съ Сергѣевымъ, изъ всего его бездѣлія и преступнаго небреженія къ важному, порученному слѣдственному производству, которыми пропитано его слѣдственное „Дѣло“. Шесть мѣсяцевъ Сергѣевъ тянетъ слѣдствіе, почти не сдѣлавъ шагу впередъ противъ того, что ему далъ военно-уголовный розыскъ за первыя двѣ недѣли своей полезной работы. Все, что онъ сдѣлалъ отъ себя — это осмотрѣлъ только болѣе тщательно домъ Ипатьева, снялъ фотографіи съ комнатъ, вынулъ изъ стѣны и пола куски дерева со слѣдами пуль, допросилъ поверхностно штукъ шесть новыхъ, случайныхъ лицъ, получилъ кое-какіе документы съ телеграфа, и все. Онъ не углубляется въ слѣдствіе, не развиваетъ его, не изучаетъ. Вещественныя доказательства и вещи Царской Семьи, собранныя въ Ипатьевскомъ домѣ, въ раіонѣ шахты и отобранныя у разныхъ лицъ, остаются не разобранными,

не изслѣдованными и даже не описанными. Онъ не интересуется самъ съѣздить въ Коптяковскій лѣсъ, прослѣдить слѣды, посмотрѣть, что дѣлается у Ганиной ямы. Онъ не вызываетъ свидѣтелей, которые указываются матеріалами уголовнаго розыска, хотя они тутъ же въ городѣ. Онъ ждетъ и не торопится, главнымъ образомъ, не торопится. Это такъ ясно рѣжетъ глаза изъ всего его „Дѣла“.

И чтобы тянуть у него есть всегда уважительныя причины: никто не идетъ давать показанія; средствъ на организацію розыска нѣтъ, а высшее начальство индиферентно и никакихъ указаній о рамкахъ слѣдствія не даетъ. Такое отношеніе было при Областномъ Уральскомъ Правительствѣ, такое стало при Директоріи и такое же осталось при Омскомъ Правительствѣ.

22-го января 1919 года отъ Сергѣева былъ потребованъ отчетъ въ его работѣ. Онъ сильно заволновался и главнымъ образомъ потому, что, по существу собственной натуры, онъ прежде всего хотѣлъ себѣ уяснить, чѣмъ руководилась незнакомая ему новая власть, предъявляя это требованіе: монархическими ли тенденціями, или болѣе лѣвыми побужденіями? И какъ себя держать по отношенію къ ней. Маленькій, худой, съ продолговатымъ, нечистымъ лицомъ, торчащими ушами, бѣгающими блѣдно-сѣрыми глазами, онъ старался разсказать какъ можно больше о своихъ шагахъ, работѣ, затрудненіяхъ, мѣстныхъ треніяхъ и, торопясь, пытался отвѣтами предупредить возможные вопросы въ духѣ тѣхъ же политическихъ теченій, которыми, ему казалось, руководилась новая Омская власть. Онъ производилъ впечатлѣніе умнаго, но очень „себѣ на умѣ“ человѣка.

На основаніи имѣвшихся въ его распоряженіи слѣдственныхъ матеріаловъ, Сергѣевъ далъ совершенно опредѣленный отвѣтъ: убиты всѣ Члены Царской Семьи, а не только бывшій Государь Императоръ, какъ оповѣстили большевики. Въ этомъ у него никакого сомнѣнія не было и оставался только совершенно не выясненнымъ вопросъ, что сдѣлали убійцы съ тѣлами своихъ жертвъ, такъ какъ при произведенныхъ розыскахъ тѣла найдены не были. Онъ самъ указалъ на то, что главными руководителями преступленія считаетъ мѣстныхъ большевистскихъ дѣятелей, евреевъ Сафарова, Войкова, Голощекина и Юровскаго, причемъ въ отношеніи евреевъ Сафарова и Войкова добавилъ, что они изъ числа тѣхъ 30-ти большевистскихъ главарей, которые были привезены

въ Смольный институтъ въ запломбированномъ вагонѣ. Онъ категорически стоялъ только на томъ, что убійство Царской Семьи является дѣломъ исключительно Екатеринбургскимъ и Москва тутъ ни при чемъ: „смѣшно даже думать иначе,“ говорилъ онъ, улыбаясь, не подымая опущенныхъ глазъ.

Когда же Сергѣеву былъ заданъ вопросъ: почему же Омскія власти совершенно не имѣютъ такого твердаго убѣжденія въ фактѣ убійства всей Царской Семьи, какъ опредѣленно докладываетъ онъ, слѣдователь, на основаніи слѣдственныхъ данныхъ, Сергѣевъ заявилъ, что о причинахъ такого положенія онъ подастъ письменную докладную записку.

Присутствовавшій здѣсь же прокуроръ Екатеринбургскаго окружнаго суда В. Іорданскій, по уходѣ Сергѣева, пояснилъ, что онъ, прокуроръ, по этому дѣлу не видитъ сочувствія со стороны министра юстиціи, т. к. дважды обращался къ нему и ни одного отвѣта не получилъ.

Прокуроръ Омской судебной палаты, на основаніи подробныхъ представленій Іорданскаго, представилъ министру юстиціи Старынкевичу обстоятельный докладъ о результатахъ предварительнаго слѣдствія. Старынкевичъ, взглянувъ на докладъ, заявилъ, что онъ не имѣетъ времени прочесть такой обширный докладъ и просилъ составить ему что нибудь покороче, чтобы онъ могъ прочесть „передъ сномъ“.

Что же касается убійства Царской Семьи, то онъ, прокуроръ Іорданскій, вполнѣ раздѣляетъ взглядъ, что преступленіе было инспирировано по замыслу и руководимо въ исполненіи нерусскими членами совѣтской власти; что слишкомъ видима въ немъ посторонняя русскому человѣку рука, и особенно рука евреевъ. „Между тѣмъ, добавилъ Іорданскій, Сергѣевъ сынъ крещенаго еврея, вслѣдствіе чего, оставляя въ сторонѣ предъявленіе ему какихъ-либо обвиненій въ веденіи слѣдствія, я не могу не отмѣтить, что еврейское происхожденіе Сергѣева неблагопріятно въ смыслѣ отношенія къ нему значительной части Екатеринбургскаго общества“.

Это заключеніе прокурора Іорданскаго служитъ только подтвержденіемъ тѣхъ мыслей, которыя были высказаны въ отношеніи точки зрѣнія Сергѣева на его роль, какъ еврея, въ порученномъ ему слѣдственномъ производствѣ. Въ отношеніи продуктивности веденія слѣдствія прокуроръ Іорданскій, конечно, ничего не могъ предъявить Сергѣеву, такъ

какъ, какъ прокуроръ, онъ являлся самъ отвѣтственнымъ, что своевременно не проявилъ должнаго наблюденія за работой Сергѣева.

Вотъ что писалъ Сергѣевъ въ своей докладной запискѣ:

„Объ учиненномъ въ ночь съ 16-го на 17-е іюля 1918 года (нов. ст.) убійствѣ бывшаго Императора Николая II населеніе города Екатеринбурга было освѣдомлено словеснымъ заявленіемъ бывшаго военнаго комиссара Уральской области Голощекина, сдѣланнымъ въ помѣщеніи городского театра на устроенномъ для этой цѣли митингѣ.

„21-го іюля о томъ же событіи были расклеены по городу печатныя объявленія, извѣщавшія, что казнь бывшаго Императора совершена по постановленію бывшаго президіума областного совѣта, и что это постановленіе одобрено въ состоявшемся 18-го іюля засѣданіи президіума В. Ц. И. К.; въ томъ же объявленіи было сообщено, что Жена и Сынъ бывшаго Императора отправлены въ надежное мѣсто.

„Домъ Ипатьева, въ которомъ содержался бывшій Императоръ со Своей Семьей, былъ переданъ въ распоряженіе владѣльца лишь 22-го іюля; такимъ образомъ въ теченіи пяти дней послѣ совершенія злодѣянія домъ Ипатьева находился въ вѣдѣніи совѣтской власти и за этотъ періодъ времени ея агентами были приняты всѣ мѣры къ возможно полному уничтоженію и сокрытію слѣдовъ преступленія.

„25-го іюля 1918 года въ г. Екатеринбургъ вступили передовые отряды сибирскихъ, чехо-словацкихъ и казачьихъ войскъ, и на третій день послѣ занятія города, офицерами, состоявшими при штабѣ начальника гарнизона полковника Шереховскаго, было приступлено къ разслѣдованію дѣла объ убійствѣ бывшаго Императора. Вниманіе и трудъ г.г. офицеровъ были направлены на обслѣдованіе той мѣстности близь д. Коптяки, гдѣ случайно были обнаружены слѣды сожженныхъ костровъ и найдены въ пеплѣ драгоцѣнныя вещи и мелкія несгораемыя части отъ принадлежностей одежды и обуви (пуговицы, крючки, планшеты и т. д.).

„29-го іюля разслѣдованію былъ приданъ оффиціальный характеръ путемъ порученія слѣдствія судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ Наметкину, уже ранѣе приглашенному военными властями для содѣйствія при разслѣдованіи.

„Судебный слѣдователь, приступивъ къ слѣдствію, продолжалъ осмотръ и обслѣдованіе вышеупомянутой мѣстности,

допросивъ свидѣтелей, установившихъ нѣкоторыя обстоятельства, относящіяся къ разъясненію факта сожженія костровъ, и затѣмъ приступилъ къ осмотру дома Ипатьева.

„По опредѣленію общаго собранія отдѣленій окружнаго суда отъ 7-го августа дальнѣйшее производство слѣдствія было возложено на меня.

„Ознакомившись съ данными дѣла, я призналъ важнѣйшей очередной задачей выяснить, насколько возможно, дѣйствительно ли совершилось самое событіе преступленія, и въ этихъ цѣляхъ, продолжая черезъ особую экспедицію, подъ наблюденіемъ лицъ прокурорскаго надзора, обслѣдованіе мѣстности близь деревни Коптяки и откачиваніе шахты, находившейся тамъ же, приступилъ къ тщательному осмотру всѣхъ помѣщеній дома Ипатьева. Результаты осмотра во всей ихъ совокупности дали мнѣ основаніе признать событіе преступленія достаточно установленнымъ, и въ дальнѣйшемъ необходимо было принять всѣ доступныя мѣры къ обнаруженію тѣлъ убитыхъ, и уже затѣмъ къ выясненію обстоятельствъ совершенія преступленія, его вдохновителей и участниковъ.

„Въ виду исключительной сложности обстановки изслѣдуемаго преступленія, успѣхъ слѣдствія въ значительной мѣрѣ обусловленъ возможно наилучшей постановкой дознанія и розыска, ибо результаты работы органовъ дознанія являются основой предварительнаго слѣдствія. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства возлагаетъ на судебнаго слѣдователя собраніе доказательствъ событія преступленія, обстоятельствъ его совершенія и виновности или невиновности подозрѣваемыхъ въ немъ лицъ, причемъ это собраніе доказательствъ должно быть выполнено указанными въ законѣ пріемами и облечено въ предписанныя закономъ формы. Указанные въ законѣ пріемы и способы собранія доказательствъ сводятся къ слѣдующимъ дѣйствіямъ: осмотры, освидѣтельствованія черезъ свѣдущихъ лицъ, обыски, выемки, истребованіе письменныхъ свѣдѣній и документовъ и допросъ свидѣтелей и обвиняемыхъ. Каждое слѣдственное дѣйствіе должно быть составлено въ формѣ протокола, подписано участвующими при составленіи его лицами, каждое распоряженіе слѣдователя, затрагивающее права и интересы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, должно быть обосновано особымъ мотивированнымъ постановленіемъ. Вслѣдствіе указанной сложности формъ и пріемовъ, слѣдственная власть

не можетъ дѣйствовать съ такой быстротой и подвижностью, какъ органы дознанія и розыска, не связанные въ своей работѣ никакими формальностями.

„Помимо особой сложности и отвѣтственности задачъ, подлежащихъ выполненію органами дознанія и розыска, слѣдуетъ принять во вниманіе и высокое государственное и историческое значеніе работъ по изслѣдованію настоящаго дѣла, и поэтому, кромѣ опытности и знаній, къ агентамъ розыска должны быть предъявлены особыя требованія, необходимы люди безупречно честные, съ извѣстными принципами и нравственными устоями, способные работать не только „за страхъ, но и за совѣсть". Къ сожалѣнію, въ первые три мѣсяца работъ кругъ лицъ, коимъ можно было бы довѣрить дѣло розыска, былъ крайне ограниченъ; милиція находилась въ стадіи сформированія и по своему составу была совершенно неудовлетворительной; въ силу этого пришлось пользоваться услугами Екатеринбургскаго управленія уголовнаго розыска, во главѣ котораго стоялъ достаточно способный и образованный начальникъ А. Ф. Кирста, но, къ сожалѣнію, не обладавшій качествами, о которыхъ сказано выше. Еще до принятія мною дѣла къ своему производству, А. Ф. Кирстѣ отъ бывшаго начальника гарнизона генералъ-маіора Голицына были переданы на расходы по розыску 4.000 рублей, быстро и въ значительной мѣрѣ непроизводительно имъ израсходованные. Названный начальникъ розыска, увлекаясь своей ролью, пытался дѣйствовать независимо отъ судебной власти, что, конечно, отражалось на ходѣ и успѣшности работъ; составъ остальныхъ чиновъ розыска, хорошо мнѣ извѣстный по моей прежней службѣ въ прокурорскомъ надзорѣ, также былъ далеко не на высотѣ своихъ задачъ. Независимо отъ этого, чины уголовнаго розыска были обременены исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей по раскрытію общеуголовныхъ преступленій, а по отсутствію средствъ и силъ не представлялось возможнымъ освободить ихъ отъ несенія этихъ обязанностей. Трудность работы усугублялась еще рядомъ слѣдующихъ неблагопріятныхъ условій: отсутствіемъ денежныхъ средствъ, потребныхъ на расходы по розыску (только въ началѣ октября въ мое распоряженіе поступило отъ генерала Голицына 3.000 рублей и затѣмъ въ началѣ января сего года 6.000 руб.), ограниченностью территоріи, отсутствіемъ налаженныхъ аппаратовъ власти на мѣстахъ, затруднительностью сообщеній, близостью фронта и разрознен-

ностью дѣйствій отдѣльныхъ представителей власти (по преимуществу военной), имѣвшихъ то или иное отношеніе къ дѣлу. Мѣстная высшая гражданская власть въ лицѣ коаліціоннаго Уральскаго Областного Правительства стояла совершенно въ сторонѣ отъ дѣла, проявляя къ нему полное безразличіе. Бывали случаи, когда дѣйствіями представителей власти причинялся серьезный ущербъ интересамъ дѣла (истреблялись свидѣтели, отъ которыхъ можно было ожидать полезныхъ для дѣла свѣдѣній, захватывались вещи и документы, имѣвшіе для дѣла значеніе доказательствъ и тому подобное).

„Къ числу неблагопріятныхъ факторовъ надлежитъ отнести косность, запуганность не только широкихъ слоевъ населенія, но и его интеллигентныхъ круговъ, свойственное и ранѣе русскому народу чувство опасенія „попасть въ свидѣтели“ по судебному дѣлу проявилось въ данномъ случаѣ съ особой силой, обусловленное съ одной стороны—боязнью возвращенія большевиковъ, и съ другой—опасеніемъ отвѣтственности передъ новой властью.

„Показателемъ такого настроенія является слѣдующій фактъ: въ началѣ октября минувшаго года мною черезъ прокурора суда были произведены троекратныя публикаціи въ мѣстныхъ газетахъ, извѣщавшія населеніе о томъ, что на меня возложено производство слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ бывшаго Императора Николая II-го, и приглашавшія всѣхъ гражданъ, могущихъ сообщить относящіяся къ дѣлу свѣдѣнія, явиться ко мнѣ для дачи показанія, но до сего времени ни одинъ гражданинъ не явился ко мнѣ добровольно для дачи показаній. Вредно отражалось на ходѣ разслѣдованія также и то распространенное въ населеніи на основаніи различныхъ слуховъ убѣжденіе, что бывшій Императоръ и Его Семья живы и увезены изъ Екатеринбурга, и что всѣ опубликованныя совѣтской властью свѣдѣнія по этому поводу провокація и ложь; это убѣжденіе было усвоено и большей частью представителей военной власти, и подъ вліяніемъ этого создавалось отношеніе къ производимому слѣдствію, какъ къ дѣлу, въ лучшемъ случаѣ, безполезному.

„Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что работа по изслѣдованію преступленія осложняется необходимостью удѣлять массу времени и труда собиранію и осмотру такого матеріала (вещи, документы), который не имѣетъ значенія ве-

щественныхъ или письменныхъ доказательствъ въ законномъ смыслѣ этого понятія, но тѣмъ не менѣе требуетъ принятія цѣлаго ряда мѣръ въ интересахъ государственныхъ, историческихъ и культурныхъ. По этому поводу позволяю себѣ обратить вниманіе на то, что слѣдствіе ведется въ условіяхъ полной оторванности отъ центра и безъ руководящихъ указаній въ отношеніи его объема, задачъ и предѣловъ, тогда какъ по данному дѣлу, въ виду его исключительности и важности, эти границы должны бы быть строго и точно очерчены. 31 января 1919 года. Членъ Ек. окр. суда Ив. Сергѣевъ".

Докладная записка Сергѣева не дала отвѣта на основной, поставленный ему вопросъ: почему Омскъ не оріентированъ въ истинѣ совершеннаго въ Екатеринбургѣ преступленія? Въ письменномъ собственноручномъ документѣ онъ даже самъ не опредѣляетъ какое же именно преступленіе совершено въ Екатеринбургѣ—убійство всей Царской Семьи, или только бывшаго Царя. Своей докладной запиской Сергѣевъ просто старается оправдать свою бездѣятельность и слишкомъ сугубую „законность" въ веденіи порученнаго слѣдственнаго производства. Въ послѣднемъ отношеніи его ссылки на узость рамокъ, предоставляемыхъ закономъ для дѣятельности судебныхъ слѣдователей, натянуты и искусственно подобраны для объясненія своей пассивности, а толкованіе употребленнаго закономъ слова „собирать"— умышленно узкое, но для него, задавшагося цѣлью тянуть дѣло, необходимое. Программа, намѣченная Сергѣевымъ для своей работы, опредѣленно преднамѣчала затяжку дѣла до безконечности: сначала выяснить „дѣйствительно ли совершилось самое событіе преступленія", „въ дальнѣйшемъ принять всѣ доступныя мѣры къ обнаруженію тѣлъ убитыхъ", „и уже затѣмъ выяснить обстоятельства совершенія преступленія, его вдохновителей и участниковъ". А если тѣла убитыхъ не будутъ найдены, что и случилось въ дѣйствительности, послѣднее, важнѣйшее во всемъ дѣлѣ въ историческомъ и національномъ отношеніяхъ должно было бы до безконечности дожидаться своего освѣщенія передъ правосудіемъ и исторіей по программѣ работы Сергѣева. Онъ этими вопросами и не занимался, а тянулъ слѣдствіе, собирая всѣ тѣ матеріалы, которые случайно попадали къ нему по первымъ двумъ пунктамъ намѣченной программы. Только послѣ объявленія ему о передачѣ слѣдственнаго

производства для дальнѣйшаго веденія его слѣдователю Соколову, 20-го февраля 1919 года Сергѣевъ рѣшился впервые въ постановленіи о привлеченіи къ слѣдствію Павла Медвѣдева въ качествѣ обвиняемаго указать, что убита была вся Царская Семья, что преступленіе совершено „по предварительному уговору съ другими лицами" и выполнено по заранѣе выработанному плану. Однако и здѣсь Сергѣевъ въ числѣ „другихъ лицъ" упомянулъ только Янкеля Юровскаго, не касаясь совершенно „вдохновителей", о которыхъ онъ докладывалъ на словахъ.

Сергѣевъ говоритъ, что, по ознакомленіи съ данными дѣла Наметкина, онъ призналъ „важнѣйшей очередной задачей выяснить, насколько возможно, дѣйствительно ли совершилось самое событіе преступленія". Это онъ призналъ 8-го августа, а допрашиваетъ Летемина 18-го октября, а Марію Медвѣдеву—9-го ноября. Что же онъ дѣлаетъ за это время, дабы установить фактъ убійства? Осматриваетъ домъ Ипатьева, но устанавливаетъ и отмѣчаетъ въ протоколѣ все то, что отмѣчалъ въ свое время Наметкинъ, что дѣлали неопытные офицеры, что дѣлалъ уголовный розыскъ. Для установленія факта преступленія Сергѣевъ не замѣчаетъ ни окровавленныхъ салфетокъ и полотенецъ, ни обрызганной кровью стѣны, не разыскиваетъ окровавленныхъ опилокъ, которыми замывали полъ, не интересуется отъ какихъ револьверовъ пули, засѣвшія въ стѣнахъ и полу подвальной комнаты нижняго этажа дома. Онъ дополняетъ осмотръ лишь тѣмъ, что выпиливаетъ изъ стѣнъ и пола куски досокъ съ пулевыми слѣдами и снимаетъ фотографіи съ комнатъ. Однако съ комнаты, гдѣ былъ произведенъ разстрѣлъ, онъ снялъ фотографію не до вырѣзки кусковъ досокъ изъ стѣнъ и пола, а уже послѣ изъятія ихъ со слѣдами произведеннаго здѣсь преступленія. Такимъ образомъ если уничтожить эти вынутые куски досокъ, то никакихъ слѣдовъ совершеннаго въ этой комнатѣ дѣйствительнаго злодѣянія нигдѣ зафиксировано не останется.

Этотъ актъ слѣдственнаго производства Сергѣева, можетъ быть случайно сопоставляемый съ показаніями Летемина, данными 18-го октября Сергѣеву, опять-таки наводитъ на мысль объ умышленности нѣкоторыхъ дѣйствій Сергѣева. Летеминъ, который на допросѣ 7-го августа уголовнымъ розыскомъ проявилъ свой интересъ къ совершившемуся преступленію только вопросомъ: много ли было крови?, просидѣвъ, числясь

за уголовнымъ розыскомъ, два съ половиною мѣсяца въ тюрьмѣ, на допросѣ Сергѣева неожиданно оказывается значительно болѣе словоохотливымъ безъ понужденія со стороны Сергѣева, а главное значительно болѣе интересовавшимся деталями преступленія. Повторивъ въ общемъ все то, что онъ разсказывалъ уголовному розыску, Летеминъ въ концѣ вдругъ заявилъ: „Все то, что я узналъ объ убійствѣ Царя и Его Семьи меня очень заинтересовало и я рѣшилъ, насколько возможно, провѣрить полученныя мною свѣдѣнія. Съ этой цѣлью 18-го іюля я зашелъ въ ту комнату, гдѣ былъ произведенъ разстрѣлъ, и увидѣлъ, что полъ былъ чистъ, на стѣнахъ также никакихъ пятенъ я не обнаружилъ. Въ задней стѣнѣ, на лѣвой рукѣ отъ входа, я замѣтилъ три дырочки глубиной съ сантиметръ каждая; больше никакихъ слѣдовъ стрѣльбы я не видѣлъ. Вообще слѣдовъ крови я нигдѣ не обнаружилъ".

Правда, что Летеминъ оговаривался и пояснялъ, что осмотръ онъ производилъ уже вечеромъ и торопился, боясь, чтобы начальство не застало его за этимъ дѣломъ, но этого было достаточно, и въ Екатеринбургѣ заговорили—видите, уголовный розыскъ правъ, Семья вывезена; самое большее, что былъ разстрѣлянъ только бывшій Царь, какъ и говорили совѣтскія власти.—Позвольте, возражали другіе, вѣдь кровь, много пулевыхъ слѣдовъ видѣли Кутузовъ, Деревенько, Чемадуровъ, Наметкинъ, всѣ офицеры, масса народа, перебывавшая въ домѣ?—Ну, это все могло появиться и потомъ, провокація...

Выпилить доски со слѣдами пуль и крови Сергѣевъ, конечно, долженъ былъ, но надо было, во-первыхъ, снять фотографію со стѣнъ комнаты, гдѣ былъ произведенъ разстрѣлъ, раньше ихъ искаженія, а, во вторыхъ, надо было хранить выпиленные куски до экспертизы кровяныхъ слѣдовъ и пуль въ порядкѣ, установленномъ „закономъ", опечатанными и съ гарантіей, что они не пропадутъ. Между тѣмъ храненіе ихъ было такъ небрежно, что при сдачѣ вещественныхъ доказательствъ Сергѣевъ не могъ разыскать сразу одного изъ выпиленныхъ кусковъ изъ пола.

Сергѣевъ рѣзко отзывается въ своей докладной запискѣ о моральныхъ качествахъ чиновъ Екатеринбургскаго уголовнаго розыска. и указываетъ на то, что они не стояли на должной высотѣ. Сергѣевъ, оправдывая себя, отмѣчаетъ, что „успѣхъ слѣдствія въ значительной мѣрѣ обусловленъ

возможно наилучшей и широкой постановкой дознанія и розыска, ибо результаты работы органовъ дознанія являются основой предварительнаго слѣдствія". Послѣднее Сергѣевъ долженъ былъ добавить—при условіи, когда розыскъ руководится слѣдствіемъ и слѣдователемъ. При всемъ томъ дѣлалъ ли Сергѣевъ что-либо съ своей стороны, чтобы улучшить дѣло, ускорить его ходъ? Давались ли имъ какія-либо указанія чинамъ уголовнаго розыска? Использовалъ ли онъ хотя бы весь тотъ матеріалъ, который доставлялъ ему уголовный розыскъ, и наблюдалъ ли онъ за своевременностью поступленія къ нему матеріаловъ отъ розыска? Вотъ для примѣра сравнительная таблица посланныхъ 13-го октября 1918 года уголовнымъ розыскомъ оптомъ своихъ матеріаловъ слѣдователю съ отмѣтками, что и когда сдѣлано по нимъ Сергѣевымъ:

Фамиліи допрошенныхъ уголовнымъ розыскомъ.	Когда допрошены.		Что сдѣлано Сергѣевымъ.	Когда.
Тимофеева	7	августа		
Летеминъ	7	„	допрошенъ	18 октября.
Медвѣдева	7	„	допрошена	9 ноября.
Старкова	7	„		
Микушева	7	„		
Леоновъ	10	„		
Буйвидъ	10	„		
Якубцовъ	10	„		
Стародумова	17	„		
Дрогина	17	„		
Саковичъ	17	„		
Цецеговъ	22	„		
Елкинъ	5	сентября		
Лоскутовъ	5	„		
Ивановъ	13	„		
Елисѣева	13	„		
Елохина	13	„		
Чертополохова	13	„		
Демина	14	„		
Чертополоховъ	23	„		
Самойловъ	23	„	допрошенъ	26 ноября.
Котова	26	„	допрошена	21 ноября.
Бѣлозерова	28	„		
Межина	30	„		

Изъ 24 допрошенныхъ уголовнымъ розыскомъ къ январю 1919 года, Сергѣевымъ было передопрошено только 4 свидѣтеля. Всѣ прочія лица были оставлены Сергѣевымъ безъ вниманія, хотя показанія нѣкоторыхъ, при болѣе опыт-

номъ и детальномъ ихъ разспросѣ, могли бы дать, вѣроятно, чрезвычайно существенныя указанія. Особенно досадно это упущеніе Сергѣева своевременно допросить доктора Саковича, занимавшаго при большевикахъ должность областного комиссара здравоохраненія. По свидѣтельству бывшаго комиссара счетнаго отдѣла управленія С.-В. Уральской желѣзной дороги Николая Дубовика, Саковичъ вмѣстѣ съ городскимъ комиссаромъ здравоохраненія, евреемъ Красновымъ, были одними изъ активнѣйшихъ работниковъ въ областномъ совѣтѣ, а жена Краснова, Фани Янкелевна, состояла секретаремъ. Между тѣмъ Сергѣевъ, не поддерживавшій, повидимому, никакихъ сношеній съ другими лицами и организаціями, работавшими вообще по политическимъ розыскамъ, выпустилъ Саковича изъ своихъ рукъ и тотъ былъ отправленъ въ Омскъ. Значительно позже прокуроръ Іорданскій обращался въ Омскъ съ просьбой вернуть Саковича, указывая на его отношеніе къ Царскому дѣлу, но 25-го декабря 1918 года получилъ изъ Омска отъ слѣдственной комиссіи по разсмотрѣнію дѣлъ о лицахъ, арестованныхъ „въ дни настоящаго переворота", увѣдомленіе, что по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ Саковичъ и его дѣло переданы въ названную комиссію, и потому обратно въ Екатеринбургъ высланъ быть не можетъ. Саковичъ былъ настолько важнымъ свидѣтелемъ, если не преступникомъ, по Царскому дѣлу, что Сергѣевъ могъ самъ съѣздить въ Омскъ для его допроса, разъ что выпустилъ по своей винѣ изъ своихъ рукъ. Этого, конечно, Сергѣевъ не сдѣлалъ и причинилъ слѣдственному производству неисправимую ошибку.

Послѣ бывшихъ разговоровъ съ Сергѣевымъ 22-го января, онъ въ своей докладной запискѣ отмѣчаетъ неоднократно важность порученнаго ему слѣдственнаго производства по раскрытію убійства Царской Семьи въ государственномъ, историческомъ и культурномъ значеніяхъ. Жаль, что къ этому сознанію онъ, повидимому, пришелъ только подъ впечатлѣніемъ бывшихъ разговоровъ, но и то нѣсколько исказивъ ихъ, такъ какъ говорилось о значеніи этого дѣла, вещей, оставшихся послѣ убійства Царской Семьи, и вещественныхъ доказательствъ преступленія въ государственномъ, историческомъ и національномъ отношеніяхъ, а не въ культурномъ, каковымъ словомъ Сергѣевъ замѣнилъ опредѣленіе національнаго значенія. Въ теченіи

же своей работы онъ совершенно не подходитъ къ освѣщенію дѣла въ указанныхъ отношеніяхъ. 8-го октября онъ допрашиваетъ протоіерея Сторожева. Сторожевъ свидѣтель интеллигентный, образованный, свидѣтель важный, онъ 14-го іюля служилъ обѣдницу въ домѣ Ипатьева и видѣлъ тамъ всю Семью и всѣхъ состоявшихъ при Ней придворныхъ и слугъ. Это показаніе служитъ какъ бы подтвержденіемъ показаній Стародумовой и Дрогиной, видѣвшихъ Семью въ домѣ Ипатьева 15-го іюля. Слѣдовательно, теперь уже безусловно вѣрно, что до этого числа Она никуда не исчезала изъ дома.

Но Сторожевъ и не простой интеллигентный свидѣтель, онъ самъ бывшій товарищъ прокурора; понимаетъ насколько важна въ этомъ дѣлѣ каждая мелочь, деталь, не только съ юридической точки зрѣнія, но и въ указанныхъ выше отношеніяхъ. Онъ старается говорить какъ можетъ подробнѣе, длинно, старается припомнить все, что видѣлъ, старается дать показаніе всестороннее. Что же Сергѣевъ пользуется этимъ опытнымъ и серьезнымъ свидѣтелемъ въ цѣляхъ хотя бы юридическаго характера для своего слѣдствія, или даже въ цѣляхъ просто помочь Сторожеву въ его желаніи дать возможно исчерпывающее показаніе? Нисколько. Самъ Сторожевъ въ концѣ своего показанія какъ бы подсказываетъ Сергѣеву: „лично ничего болѣе сказать не могу“, но спроси. Но Сергѣевъ ни одного дополнительнаго вопроса Сторожеву не ставитъ; онъ предъявляетъ ему только три одинаковыхъ иконы, найденныя въ домѣ Ипатьева: „тѣ же ли это иконы, что стояли на столикѣ во время службы?..“ Я не могу утверждать, но почти убѣжденъ, что это была одна изъ тѣхъ двухъ одинаковаго размѣра иконъ Нерукотвореннаго Спаса, которыя вы мнѣ предъявляете“, отвѣчаетъ Сторожевъ. Такихъ иконъ изъ числа принадлежащихъ Царской Семьѣ въ домѣ Ипатьева было найдено 4; какъ же можно утверждать про одну изъ нихъ, что это была именно она. Почему же вмѣсто этого по меньшей мѣрѣ безцѣльнаго предъявленія иконы Сергѣевъ не предъявилъ Сторожеву серьги Государыни, найденныя въ шахтѣ, и которыя 14-го іюля могли быть въ ушахъ Ея Величества, пряжки отъ пояса Наслѣдника Цесаревича, найденной тамъ же, пряжечекъ отъ обуви Великихъ Княженъ, кусковъ матеріи отъ костюмовъ, юбокъ и платьевъ, найденныхъ въ кострищахъ? Сторожевъ, входя

въ домъ, видѣлъ у подъѣзда легковой автомобиль; почему Сергѣевъ не распросилъ его каковъ былъ этотъ автомобиль, какого цвѣта? Вѣдь онъ уже зналъ показаніе Евдокіи Лобановой объ автомобилѣ, на которомъ пріѣхали въ лѣсъ въ ночь съ 18-го на 19-е іюля какихъ-то 5 человѣкъ, изъ коихъ одинъ былъ похожъ на еврея. Отчего онъ не распросилъ Сторожева о наружности Янкеля Юровскаго, его помощника, который спалъ на постели, о наружности красноармейцевъ внутренней охраны? Отчего онъ не поинтересовался болѣе подробно меблировкой и вещами, бывшими тогда въ комнатѣ Янкеля Юровскаго, для сравненія съ тѣмъ видомъ комнаты, въ которомъ она оказалась 25-го іюля. Сторожевъ разсказывалъ, что 14-го іюля долженъ былъ служить о. Мелединъ, который передъ этимъ уже три раза служилъ въ домѣ Ипатьева, но Янкель Юровскій неожиданно ему отказалъ и срочно потребовалъ Сторожева. Почему Сергѣевъ не вызвалъ сейчасъ же о. Меледина и не попытался допросомъ его выяснить причины этой внезапной замѣны? Почему наконецъ онъ не допросилъ діакона Буймирова, который 5 разъ служилъ въ домѣ Ипатьева и съ о. Мелединымъ, и съ о. Сторожевымъ?

Сергѣевъ отпустилъ Сторожева, совершенно не использовавъ ни его самого, ни его показанія, ни тѣхъ лицъ, которыя могли существенно, помимо новыхъ данныхъ юридическаго характера, обрисовать дѣйствительную картину жизни и содержанія Царской Семьи въ домѣ Ипатьева.

5-го сентября былъ задержанъ Афанасій Елкинъ, содержавшійся при большевикахъ въ тюрьмѣ, но исполнявшій обязанности кучера при казенныхъ экипажахъ, обслуживавшихъ комиссаровъ. Онъ показалъ, что 17-го іюля онъ возилъ до середины дня Янкеля Юровскаго по городу: въ Американскую гостинницу, гдѣ была чрезвычайка, на частную квартиру Янкеля Юровскаго по 1-й Береговой улицѣ № 6, и днемъ привезъ его въ домъ Ипатьева, откуда былъ отпущенъ въ тюрьму. Черезъ день, т.-е. 19-го іюля, онъ снова былъ потребованъ утромъ къ дому Ипатьева и опять полдня возилъ Янкеля Юровскаго по городу, по разнымъ совѣтскимъ учрежденіямъ и частнымъ квартирамъ. Въ серединѣ дня вернулись къ дому Ипатьева и Янкель Юровскій, сказавъ, что вечеромъ ему нужно будетъ опять ѣхать, приказалъ Елкину переждать во дворѣ дома Попова, гдѣ жили охранники. Вечеромъ часовъ въ 11 Елкина по-

слали въ Американскую гостинницу, откуда онъ привезъ въ домъ Ипатьева какихъ-то двухъ молодыхъ людей, изъ коихъ одинъ былъ похожъ на еврея. Въ половинѣ 12 ночи Елкину велѣли подать къ самымъ воротамъ дома Ипатьева; ему положили въ экипажъ 7 мѣстъ багажа, изъ коихъ два были кожаные саквояжи, и вышелъ самъ Янкель Юровскій. Сидя въ экипажѣ, Янкель Юровскій отдалъ приказаніе молодымъ людямъ, привезеннымъ Елкинымъ изъ чрезвычайки, „привести все въ порядокъ, охраны оставить 12 человѣкъ, а остальныхъ отправить на вокзалъ“. Затѣмъ Елкинъ повезъ Янкеля Юровскаго съ вещами въ домъ главнаго начальника, гдѣ комиссары спѣшно собирались тоже въ путь, потомъ заѣхали въ чрезвычайку, на собственную квартиру Янкеля Юровскаго и къ кому-то въ Вознесенскій переулокъ, въ домъ рядомъ съ лабораторіей, а оттуда на вокзалъ, гдѣ Янкель Юровскій съ вещами ушелъ въ поѣздъ. Елкинъ въ эти дни обратилъ вниманіе, что въ домѣ Ипатьева какъ-то тихо и производило впечатлѣніе, что Царской Семьи тамъ уже нѣтъ.

Подобно показанію Сторожева, показаніе Елкина было тоже очень важнымъ для слѣдствія, такъ какъ давало косвенное подтвержденіе показаній Летемина. Во-первыхъ, Летеминъ 17-го іюля утромъ уже не нашелъ Царской Семьи въ домѣ Ипатьева, а Елкинъ съ утра 17-го іюля возилъ полдня по городу Янкеля Юровскаго, который долженъ былъ бы охранять Семью въ комендантской комнатѣ, если бы Она была еще въ домѣ. А во-вторыхъ, Летеминъ говорилъ, что уборкой и отправленіемъ Царскихъ вещей распоряжались два помощника Янкеля Юровскаго, а Елкинъ слышитъ, что Янкель Юровскій приказываетъ своимъ помощникамъ изъ чрезвычайки „привести все въ порядокъ“. Слѣдовательно, періодъ времени возможнаго исчезновенія Царской Семьи изъ дома Ипатьева—отъ вечера 15-го до утра 17-го іюля—для слѣдствія подтверждался и приближался къ характеру факта установленнаго. Но работа Сергѣева въ отношеніи планомѣрности, послѣдовательности ни въ чемъ не отличалась отъ работы уголовнаго розыска; онъ просто, опираясь на свое собственное толкованіе закона, собираетъ документы, не ищетъ изъ нихъ выводовъ, и не ищетъ раскрытія преступленія, а обыкновенно подшиваетъ ихъ къ дѣлу и ждетъ слѣдующаго документа. Онъ не поинтересовался даже узнать къ кому Янкель

Юровскій въ послѣднія минуты своего пребыванія въ Екатеринбургѣ заѣзжалъ на Вознесенскій переулокъ, въ непосредственной близости съ домомъ Ипатьева.

18-го октября Летеминъ, давая показаніе, еще болѣе облегчаетъ задачу Сергѣеву: „16-го іюля, говоритъ Летеминъ, я дежурилъ на посту № 3 съ 4-хъ часовъ дня до 8 часовъ вечера и помню, что, какъ только я вышелъ на дежурство, бывшій Царь и Его Семья возвращались съ прогулки". Слѣдовательно, для исчезновенія Семьи оставалась только ночь съ 16-го на 17-е іюля, т.-е. та самая ночь, въ теченіи которой, согласно объявленію совѣтскихъ властей, былъ разстрѣлянъ бывшій Государь Императоръ; та самая ночь, въ теченіи которой, по показаніямъ Медвѣдевой, Летемина и Якубцова, была разстрѣляна вся Царская Семья, а не только одинъ бывшій Царь; та самая ночь, въ теченіи которой Буйвидъ и Цецеговъ видятъ грузовой автомобиль, выѣзжающій изъ воротъ дома Ипатьева и направляющійся по Вознесенскому проспекту въ сторону, обратную отъ вокзала.

Что же увозятъ на автомобилѣ? Живыхъ или мертвыхъ?

Три года войны и особенно пережитая революція съ кровавыми Кронштадтскими, Выборгскими и Севастопольскими событіями сильно зачерствили сердца людей, нервы притупились и общество стало индиферентно ко всякаго рода ужасамъ и злодѣяніямъ, творившимся вокругъ него. Утвердилось мнѣніе, что все можетъ быть, все возможно. Поэтому и тогда, когда стало извѣстно, что въ Ипатьевскомъ домѣ въ ночь съ 16-го на 17-е іюля было безусловно совершено какое-то убійство, а вслѣдъ за нимъ изъ воротъ дома въ сторону Коптяковскаго лѣса ушелъ съ кѣмъ-то какой-то автомобиль, въ Екатеринбургскомъ обществѣ распространилась даже такая молва: разстрѣляны Царь, Боткинъ и прислуга, а Государыня съ Наслѣдникомъ и Дочерьми, симулировавъ въ домѣ убійство всей Семьи, были вывезены къ шахтѣ въ раіонъ Ганиной ямы. Тамъ на кострищахъ была подстроена новая симуляція, какъ бы сожженіе тѣлъ всей Царской Семьи, одежды и вещей, а въ дѣйствительности будто бы у Ганиной ямы Семья переодѣлась съ ногъ до головы и благополучно скрылась. Что это не случайная выдумка, не простой бредъ, тому подтвержденіемъ служитъ приведенная выше корреспонденція изъ газеты „Майничи Хроникль", появившаяся въ мартѣ 1919 года.

гдѣ прямо говорилось, что какой-то графъ предложилъ себя разстрѣлять вмѣсто Царя, что и было исполнено, а Царь, воспользовавшись моментомъ, скрылся. Развѣ это не изъ одного источника съ версіей о переодѣваніи въ раіонѣ Ганиной ямы?

Казалось бы, что уже 18-го октября 1918 года слѣдствіе располагало достаточными данными, чтобы донести властямъ въ Омскъ и оповѣстить міръ, что „въ ночь съ 16-го на 17-е іюля въ домѣ Ипатьева была разстрѣляна вся Царская Семья, со всѣми состоявшими при ней лицами, а не одинъ только бывшій Государь Императоръ, какъ сообщали въ своемъ объявленіи совѣтскія власти".

Но слѣдствіе было въ рукахъ соплеменника убійцъ — еврея.

Сергѣевъ въ разговорѣ категорически отрицалъ причастность къ убійству въ Екатеринбургѣ Царской Семьи центральной совѣтской власти въ Москвѣ и говорилъ, улыбаясь, что даже смѣшно объ этомъ думать. На митингахъ и передъ собраніемъ толпы, гдѣ, повидимому, Сергѣевъ привыкъ говорить во времена керенщины, такія голословныя заявленія съ улыбочками иногда оказываютъ желательное для оратора впечатлѣніе. Но въ судебномъ слѣдствіи думаютъ или на основаніи установленныхъ фактовъ, или опираясь на обстоятельства и положенія, выдвигаемыя жизнью и событіями. Сергѣевъ, какъ и уголовный розыскъ, на нѣкоторыя обстоятельства, выдвигавшіяся показаніями свидѣтелей, документами, попадавшими въ слѣдствіе, закрывалъ глаза и не считался съ ними. Уголовный розыскъ руководствовался стремленіемъ использовать только то, что согласовалось съ принимавшейся имъ въ основаніе работы версіей, а Сергѣевъ—стремленіемъ умалить значеніе совершившагося въ Ипатьевскомъ домѣ злодѣянія.

Между тѣмъ, данныя, которыя были подшиты у него въ дѣлѣ, совершенно не позволяли такъ убѣдительно отстранять руководительство центральной власти и во всякомъ случаѣ были далеки отъ того, чтобы можно было позволить себѣ улыбаться передъ этимъ вопросомъ.

Само объявленіе совѣтской власти о разстрѣлѣ бывшаго Царя гласило, что постановленіе Уральскаго областного совдепа было 18-го іюля утверждено президіумомъ Ц. И. К. Слѣдовательно, сама центральная власть причисляла себя

къ преступникамъ, „разстрѣлявшимъ Николая II-го“. Далѣе Саковичъ въ своемъ краткомъ показаніи говоритъ, что по вопросу перевозки Царской Семьи изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, когда дебатировался вопросъ какимъ способомъ покончить съ Семьей, были какія-то сношенія съ центромъ и указанія изъ центра. У Сергѣева была подшита къ „Дѣлу“ телеграмма Бѣлобородова отъ 4-го іюля въ Москву Исааку Голощекину: „Сыромолотов как раз поехал организовать дело согласно указаний центра“... Наконецъ, Сергѣеву былъ извѣстенъ отвѣтъ Пермской чрезвычайки Волкову, интересовавшемуся своей судьбой: „Мы запросимъ Москву“.

Все это данныя, которыя при желаніи должны были заставить Сергѣева очень задуматься надъ вопросомъ причастности центра къ преступленію, и если онъ не думалъ и не изучалъ этихъ матеріаловъ, то значитъ, не хотѣлъ. Конечно, они еще не есть доказательство участія въ преступленіи центральной власти, но ставятъ вопросъ въ плоскость возможнаго, и, значитъ, думать объ этомъ было не только не смѣшно, а не думать объ этомъ было преступленіемъ...

Сергѣевъ только 20-го февраля послѣ того, какъ надъ нимъ повисъ Дамокловъ мечъ отвѣтственности, впервые отмѣчаетъ, что убійство Царской Семьи было совершено по предварительно разработанному плану. Между тѣмъ опять-таки онъ располагалъ въ своемъ „Дѣлѣ“ матеріалами, которые давали ему полную возможность придти къ такому выводу, и даже въ болѣе широкомъ размѣрѣ, несравненно раньше.

Когда старикъ Чемадуровъ давалъ 16-го августа свои показанія, онъ былъ совершенно больной, утомленный, разслабленный, и Сергѣевъ предоставилъ ему разсказать только столько, сколько онъ хотѣлъ и что хотѣлъ, не утомляя его долгими распросами. Тѣмъ не менѣе выяснилось, что Царская Семья и состоявшіе при ней въ Тобольскѣ лица были перевезены въ Екатеринбургъ по частямъ: сначала 30-го апрѣля съ комиссаромъ Яковлевымъ пріѣхали въ Екатеринбургъ и были заключены въ Ипатьевскій домъ Государь, Государыня, Великая Княжна Марія Николаевна, профессоръ Боткинъ, онъ—Чемадуровъ, Сѣдневъ—дѣтскій лакей и комнатная дѣвушка Демидова. Ѣхавшій съ ними генералъ Долгоруковъ былъ по пріѣздѣ въ Екатеринбургъ отвезенъ

прямо съ вокзала въ тюрьму. 23-го мая комиссаромъ Родіоновымъ были привезены въ домъ Ипатьева Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великія Княжны Ольга, Татьяна и Анастасія Николаевны, поваръ Харитоновъ, лакей Труппъ и мальчикъ Сѣдневъ. Такъ какъ Чемадуровъ чувствовалъ себя совершенно больнымъ, то Государь разрѣшилъ ему ѣхать на родину, на что согласился и бывшій тогда комендантъ дома Ипатьева Авдѣевъ, но утромъ 24-го мая Чемадурова изъ дома Ипатьева доставили не на вокзалъ, а въ тюрьму, гдѣ онъ и просидѣлъ до 25-го іюля.

Приблизительно въ это же время бывшій воспитатель Наслѣдника Цесаревича швейцарецъ Петръ Жильяръ далъ Сергѣеву такія дополнительныя свѣдѣнія: послѣ того, какъ Родіоновъ увезъ съ вокзала Наслѣдника Цесаревича, трехъ Великихъ Княженъ, Харитонова, Труппа, Нагорнаго и мальчика Сѣднева, а вслѣдъ за ними другой какой-то комиссаръ увезъ гр. Гендрикову, Шнейдеръ, генерала Татищева и Волкова, всѣмъ остальнымъ, пріѣхавшимъ съ Царской Семьей изъ Тобольска, было объявлено: „вы намъ не нужны“, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказано оставить немедленно предѣлы Пермской губерніи. Такъ какъ поѣзда въ то время не ходили вслѣдствіе какихъ-то военныхъ перевозокъ, то всѣмъ оставшимся пришлось еще нѣсколько дней прожить въ вагонѣ на вокзалѣ. Докторъ Деревенько черезъ 2—3 дня нашелъ себѣ квартиру въ городѣ и переѣхалъ туда. Въ одинъ изъ этихъ дней ожиданія отправки онъ, Жильяръ, вмѣстѣ съ учителемъ англійскаго языка г. Гибсомъ и докторомъ Деревенько шли по Вознесенскому проспекту и въ то время, когда они проходили мимо дома Ипатьева, они увидѣли какъ изъ дома подъ конвоемъ вооруженныхъ красноармейцевъ вывели Нагорнаго и Сѣднева, усадили на двухъ извощиковъ и увезли по направленію къ тюрьмѣ. При этомъ Нагорный, садясь на извощика, обернулся, увидѣлъ ихъ, узналъ, долгимъ-долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нихъ, но ничѣмъ не выдавъ, что онъ ихъ знаетъ, сѣлъ, и экипажъ скрылся.

Наконецъ 20-го октября въ Екатеринбургъ прибылъ бѣжавшій изъ Перми изъ подъ разстрѣла камердинеръ Государыни Александръ Андреевичъ Волковъ и дополнилъ матеріалы Сергѣевскаго „Дѣла“ слѣдующимъ разсказомъ: по его словамъ, послѣ того какъ Родіоновъ увезъ съ вокзала Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Княженъ, часа черезъ

два, на вокзалъ прибылъ комиссаръ Мрачковскій и, вызвавъ И. Л. Татищева, А. В. Гендрикову, Е. А. Шнейдеръ и его Волкова, увезъ ихъ въ тюрьму, гдѣ ихъ продержали до 20-го іюля. Въ этотъ день Гендрикову, Шнейдеръ и Волкова посадили въ вагонъ съ 38-ю другими арестованными и перевезли въ Пермь, гдѣ опять-таки заключили въ тюрьму. 5-го сентября ночью Гендрикова, Шнейдеръ и Волковъ были доставлены въ арестный домъ и отсюда вмѣстѣ съ другими заключенными, всего въ числѣ 11 человѣкъ, были отведены за городъ въ лѣсъ для разстрѣла. Сообразивъ куда и на что ихъ ведутъ, Волковъ, улучивъ удобный моментъ, бросился въ сторону и побѣжалъ въ лѣсъ. По немъ было сдѣлано 3 выстрѣла, но неудачныхъ, и ему послѣ полуторамѣсячнаго скитанія удалось выйти на фронтъ нашихъ войскъ.

Эти три свидѣтеля своими показаніями вполнѣ точно устанавливаютъ кто къ 16-му іюля могъ находиться въ домѣ Ипатьева. Это были: бывшій Государь Императоръ, Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великія Княжны Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія Николаевны, профессоръ Евгеній Сергѣевичъ Боткинъ, комнатная дѣвушка Анна Степановна Демидова, камердинеръ Алексѣй Егоровичъ Труппъ, поваръ Иванъ Михаиловичъ Харитоновъ и мальчикъ Леонидъ Ивановичъ Сѣдневъ. Эти указанія вполнѣ совпадали съ данными показаній Летемина, Медвѣдевой, Сторожева, Стародумовой и Дрогиной и не могли вызвать сомнѣній. Мальчикъ Сѣдневъ 16-го іюля утромъ былъ переведенъ въ казарму охранниковъ дома Попова, гдѣ многіе его видѣли сидящимъ на окнѣ и плачущимъ. Охранники говорили, что его предполагали отправить на родину, но никто не могъ сказать, что съ нимъ сталось въ дѣйствительности.

Съ другой стороны, свѣдѣнія, данныя Чемадуровымъ, Жильяромъ и Волковымъ, уже тогда должны были дать слѣдствію вполнѣ опредѣленныя указанія на то, что самую перевозку Царской Семьи изъ Тобольска въ Екатеринбургъ совѣтскія власти проводятъ уже по какому-то плану, руководясь обдуманной заранѣе идеей. Въ то время эта идея выражается въ томъ, что всю Царскую Семью и нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ собираютъ въ Ипатьевскомъ домѣ, гдѣ и содержатъ подъ строгой охраной; часть другихъ приближенныхъ и слугъ заключаютъ въ тюрьму въ Екате-

ринбургѣ; остальной части приближенныхъ и слугъ объявляютъ: „вы намъ не нужны", и высылаютъ за предѣлы Пермской губерніи. Значитъ, тѣ заключенные и арестованные „нужны" для какой-то цѣли, по какой-то уже тогда обдуманной идеѣ.

Если же опять-таки вспомнить поверхностныя показанія Саковича о томъ, что, при обсужденіи вопроса о перевозкѣ Царской Семьи изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, въ президіумѣ областного совѣта былъ поднятъ разговоръ о способахъ уничтоженія Ея, и что были какія-то указанія центра, то нельзя не предположить, что выяснившееся распредѣленіе перевозившихся на „нужныхъ" и „не нужныхъ" могло быть въ связи, какъ съ дебатами Уральскаго президіума, такъ равно и съ указаніями центральной совѣтской власти въ Москвѣ. Это должно было бы навести Сергѣева на мысль, что преступленіе въ Ипатьевскомъ домѣ могло не быть результатомъ самочинства мѣстной совѣтской власти, какъ онъ старался представить его таковымъ, а явиться не только руководимымъ изъ центра, но и выполненнымъ по плану, заранѣе обдуманному и подготовленному, согласно указаніямъ изъ Москвы.

Но этими данными матеріаловъ слѣдственнаго „Дѣла" Сергѣева еще не исчерпываются указанія на вполнѣ возможную допустимость существованія планомѣрности въ преступленіяхъ, совершенныхъ совѣтскими властями въ отношеніи вообще Членовъ Дома Романовыхъ и приближенныхъ Имъ лицъ. Еще 5-го сентября Сергѣевъ получилъ найденныя въ бывшемъ помѣщеніи областного совѣта нѣкоторыя телеграммы, брошенныя тамъ бѣжавшими въ спѣхѣ комиссарами. Изъ этихъ телеграммъ одна говорила о будто бы совершившемся побѣгѣ 21-го іюня изъ Перми Великаго Князя Михаила Александровича, а другая—о нападеніи 18-го іюля въ Алапаевскѣ будто бы бѣлогвардейской банды и похищеніи ею содержавшихся тамъ подъ стражей Великой Княгини Елизаветы Федоровны, Великаго Князя Сергѣя Михайловича, Князей Іоанна, Игоря и Константина Константиновичей, графа В. Палея, Ф. Ремеза и сестры Варвары.

Между тѣмъ разслѣдованіемъ и дознаніемъ, произведенными распоряженіемъ военныхъ властей, было установлено, что всѣ перечисленныя Высочайшія Лица пали жертвами совѣтской власти, и въ ночь съ 17-го на 18-е іюля, т.-е. въ слѣдующую ночь послѣ убійства Царской Семьи въ Екате-

ринбургѣ, были живыми сброшены въ старую, глубокую шахту въ 12 верстахъ отъ Алапаевска. 10-го октября, послѣ недѣльной работы, тѣла перечисленныхъ Высочайшихъ Особъ и состоявшихъ при нихъ людей были извлечены изъ шахты, и дѣло было передано тому же Сергѣеву для начала предварительнаго слѣдствія. Раскрытіемъ этого преступленія, съ обнаруженіемъ тѣлъ мученически погибшихъ жертвъ совѣтской власти, ясно опредѣлилась вся лживость оффиціальныхъ совѣтскихъ сообщеній въ отношеніи фактовъ, касавшихся Членовъ Дома Романовыхъ вообще. Для Сергѣева, располагавшаго вышеприведенными матеріалами, обрисовывавшими планомѣрность въ звѣрскомъ убійствѣ тою же совѣтскою властью Царской Семьи въ Екатеринбургѣ, эта вторая Алапаевская ложь не могла не открыть глазъ, если бы онъ не имѣлъ предначертанной себѣ цѣли затягивать дѣло и не торопиться съ раскрытіемъ истинной картины, характера и смысла совершеннаго совѣтскими главарями преступленія.

Къ концу октября слѣдственное производство располагало вполнѣ достаточнымъ матеріаломъ для установленія не только факта убійства въ домѣ Ипатьева всей Царской Семьи, но и логически вытекавшаго изъ опредѣлившихся событій предположенія о существованіи въ замыслахъ совѣтской власти преднамѣреннаго, планомѣрнаго и идейнаго истребленія вообще Членовъ Дома Романовыхъ и близкихъ Ему лицъ. При этомъ выяснилось, что для приведенія въ исполненіе своего замысла совѣтскіе главари были вынуждены стать на путь совершенія убійствъ въ тайнѣ, не отказываясь отъ самыхъ изувѣрскихъ способовъ ихъ совершенія, но усиленно скрывая свои дѣйствія отъ народныхъ массъ, прибѣгая къ различнымъ симуляціямъ и провокаторскому распространенію завѣдомо ложныхъ свѣдѣній.

Такимъ образомъ уже съ конца того же октября разслѣдованіе и изученіе обстоятельствъ звѣрскаго уничтоженія Царской Семьи въ домѣ Ипатьева должно было, независимо отъ нахожденія или ненахожденія тѣлъ убитыхъ, естественно понудить Сергѣева приняться за разработку данныхъ слѣдственнаго производства по третьему пункту намѣченной имъ себѣ программы. А это ставило Сергѣева лицомъ къ лицу передъ совершенно новыми горизонтами значенія Царскаго дѣла. Если установленіе факта убійства въ домѣ Ипатьева всей Царской Семьи требовало дальнѣйшей тща-

тельной разработки его слѣдственнымъ производствомъ въ интересахъ юридической законченности разслѣдованія преступленія, то допустимость предположенія о наличіи у совѣтскихъ дѣятелей преднамѣренности, планомѣрности и идейности въ убійствѣ Царской Семьи, въ связи съ выяснившимися убійствами другихъ Членовъ Дома Романовыхъ, выдвигало на степень „важнѣйшей очередной задачи“ разработку данныхъ по установленію причинъ, которыми руководились Исаакъ Голощекинъ, Янкель Юровскій и прочіе руководители этого преступленія, цѣлей, которыя преслѣдовались этими злодѣяніями и наконецъ вдохновителей планомѣрнаго истребленія Членовъ Дома Романовыхъ. Уже съ этого времени веденіе „дѣла объ убійствѣ бывшаго Государя Императора Николая II“ сохраняло не столько интересъ юридическаго установленія факта преступленія, сколько опредѣленно пріобрѣтало исключительное историческое и національное значеніе. Дѣйствительно ли Сергѣевъ не замѣтилъ своевременно этихъ исключительныхъ обстоятельствъ въ порученномъ ему слѣдственномъ производствѣ, сказать трудно, но вся его дальнѣйшая работа продолжала сохранять все ту же узкую юридическую форму въ предѣлахъ толкованія имъ закона, о которой онъ говоритъ въ своей докладной запискѣ, оправдывая себя стѣснительностью закона. Это былъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобы не мочь самостоятельно постигнуть широкаго значенія развернувшейся передъ нимъ картины преступленія и роли въ немъ опредѣленныхъ совѣтскихъ дѣятелей, какъ центральной, такъ и мѣстной власти. Если же онъ сознавалъ, но ничѣмъ не проявилъ этого въ своей работѣ, то поведеніе Сергѣева можетъ быть опредѣлено только какъ преднамышленное игнорированіе, граничащее съ соучастіемъ въ преступленіи, близкое къ умышленному укрывательству.

Прокуроръ Іорданскій при обсужденіи докладывалъ, что онъ всегда сознавалъ исключительное значеніе дѣла объ убійствѣ бывшаго Императора и выяснившихся впослѣдствіи убійствъ: въ Алапаевскѣ—Великихъ Князей и Великой Княгини, и въ Перми—Великаго Князя Михаила Александровича. Руководясь этимъ сознаніемъ, дабы производившіяся слѣдствія и разслѣдованія согласовались въ исходныхъ данныхъ, протекали по правильнымъ путямъ и имѣли должную полноту, имъ были опредѣлены для наблю-

денія ко всѣмъ отдѣльно работавшимъ групамъ товарищи прокуроровъ. Но... ничто не помогало.

Можетъ быть дѣйствительно законъ въ этомъ отношеніи немного узокъ и воспрещаетъ оказывать, какъ общее положеніе, давленіе на слѣдователя въ томъ или другомъ направленіи его работы по духу и психологіи, разъ что имъ соблюдаются основныя указанія слѣдственнаго производства по закону, по формѣ. Прокуроръ можетъ посовѣтовать, указать, но не предписать, приказать. Даже само возложеніе производства предварительнаго слѣдствія опредѣляется закономъ словомъ „предложилъ“, а не „предписалъ“. Отсюда слѣдователь можетъ „принимать“ отъ прокурора указанія и совѣты по столько, по сколько это ему хочется и нужно, легко руководясь въ послѣднемъ случаѣ только принципомъ не испортить служебныхъ отношеній съ прокуроромъ. Поэтому Сергѣевъ продолжалъ свою дѣятельность въ разъ опредѣленномъ имъ себѣ направленіи—глубоко не вдаваться и главное не торопиться.

Еще въ самомъ началѣ августа въ поселкѣ Верхъ-Исетскаго завода жители и рабочіе опознали бѣжавшаго отъ красныхъ и теперь скрывавшагося жителя того же Верхъ-Исетскаго поселка Прокопія Кухтенкова, 51 года. Въ ноябрѣ 1917 года онъ былъ комиссаромъ въ Верхъ-Исетскѣ, затѣмъ пошелъ въ красную армію и воевалъ на Дутовскомъ фронтѣ, а затѣмъ, вернувшись въ Екатеринбургъ, былъ выбранъ на должность завѣдывающаго хозяйственною частью рабочаго коммунистическаго клуба, гдѣ и пробылъ до эвакуаціи Екатеринбурга. Когда большевики уходили изъ города, ушелъ и онъ вмѣстѣ съ ними, но выйдя какъ-то изъ поѣзда во время одной остановки, онъ уже не попалъ въ него, такъ какъ поѣздъ, въ виду приближенія нашихъ войскъ, внезапно ушелъ. Тогда Кухтенковъ пробрался черезъ наши линіи и вернулся въ Верхъ-Исетскъ. Здѣсь жители его узнали, страшно избили и за его прежнее отношеніе къ нимъ хотѣли убить. Полиція вырвала его изъ рукъ толпы и арестовала.

Кухтенковъ хитренькая и подленькая личность, дрожавшая за свою жизнь. Попавъ въ тюрьму, онъ сталъ выдавать всѣхъ извѣстныхъ ему большевистскихъ дѣятелей, скрывавшихся, какъ и онъ, въ городѣ и выкладывать все, что ему было извѣстно о былой работѣ ихъ въ Екатеринбургѣ. Очень скоро по городу распространился слухъ, что арестовано и

содержится въ тюрьмѣ лицо, знающее гдѣ большевики скрыли тѣла Членовъ Царской Семьи и чуть что не участвовавшее само въ этомъ убійствѣ. Разсказывали съ его словъ и разныя подробности совершившагося преступленія, называли участниковъ, исполнителей и руководителей.

Только 13-го ноября Сергѣевъ вызвалъ къ себѣ Прокопія Кухтенкова и предоставилъ ему разсказать себѣ то, что нашелъ нужнымъ показать самъ Кухтенковъ.

„Числа 18—19 іюля, разсказывалъ онъ, часа въ 4 утра въ клубъ пришли: предсѣдатель Верхъ-Исетскаго исполнительнаго комитета совѣта р. к. и красноарм. деп. Сергѣй Павловичъ Малышкинъ, военный комиссаръ Верхъ-Исетска Петръ Ермаковъ и видные члены партіи коммунистовъ: Александръ Егоровичъ Костоусовъ, Василій Ивановичъ Леватныхъ, Николай Сергѣевичъ Партинъ и Александръ Ивановичъ Кривцовъ. Всѣ они прошли въ такъ называемую партійную комнату; когда я зашелъ было къ нимъ въ комнату, чтобы погасить электрическія лампочки, кто-то изъ собравшейся компаніи сказалъ мнѣ: „товарищъ Кухтенковъ, уходи; у насъ дѣловой разговоръ“, и я вышелъ изъ комнаты, а затѣмъ вскорѣ уѣхалъ на рынокъ за покупками; вернувшись съ рынка, я уже никого изъ нихъ въ клубѣ не засталъ. Въ слѣдующую ночь, также часа въ 4, тѣ же самыя лица, за исключеніемъ Малышкина, пришли въ клубъ; видъ у нихъ, какъ и въ прошлый разъ, былъ „воинственный“. Любопытство мое было сильно затронуто и я рѣшилъ, насколько возможно, узнать о чемъ они совѣщаются. Было уже свѣтло, и я подошелъ къ партійной комнатѣ, чтобы погасить электричество. Дверь въ комнату была не притворена и, подходя, я услышалъ сказанную кѣмъ-то отрывочную фразу: „всѣхъ ихъ было 13 человѣкъ, тринадцатый—докторъ“. Сказалъ это не то Партинъ, не то Леватныхъ. Увидавъ меня, они сказали „уходи“, а потомъ одинъ изъ нихъ (кто именно не помню) сказалъ: „ну ладно, старикъ, прибирайся, мы въ садъ пойдемъ“; я сдѣлалъ видъ, что занимаюсь уборкой помѣщенія и унесъ въ ванную комнату драпировки, а затѣмъ вслѣдъ за ними потихонько пробрался въ курятникъ; изъ курятника я вышелъ къ огороду и черезъ огородную дверь въ огородъ, смежный съ клубнымъ садомъ. Въ огородѣ я подползъ къ земляничной грядкѣ и сталъ подслушивать разговоръ упомянутыхъ въ моемъ показаніи лицъ; они сидѣли на скамейкѣ въ разстояніи нѣ-

скольких саженъ отъ меня. Прежде всего я услышалъ слѣдующую сказанную Александромъ Костоусовымъ фразу: „второй день приходится возиться; вчера хоронили, а сегодня перехоранивали“... Возстановить полностью и въ связной формѣ весь происходившій въ саду разговоръ я не могу, такъ какъ до меня доходили только отдѣльныя фразы. Изъ всего мною слышаннаго я понялъ, что Леватныхъ, Партинъ и Костоусовъ принимали участіе въ погребеніи тѣлъ убитаго Государя и Членовъ Его Семьи и своими впечатлѣніями дѣлились съ Александромъ Кривцовымъ и комиссаромъ Ермаковымъ. Вопросы больше предлагалъ Кривцовъ, а объясненія давали и хвастались своими поступками Леватныхъ и Партинъ... Про Царя говорили „что пальтишко у него было некорыстное и самъ онъ обросъ бородой“. Про Наслѣдника также былъ разговоръ; кто-то изъ собесѣдниковъ сказалъ: „про Наслѣдника говорили, что Онъ умеръ въ Тобольскѣ, анъ и Онъ тутъ“... Кто-то изъ собесѣдниковъ началъ перечислять убитыхъ; до моего слуха дошли слѣдующія имена: „Никола, Сашка, Татьяна, Наслѣдникъ, Вырубова, докторъ“; называли еще другія имена, но я ихъ не слышалъ... Далѣе кто-то говорилъ, что въ одеждѣ были зашиты драгоцѣнные камни: „поясъ подобралъ—глядѣть не на что, а въ немъ тоже камни были зашиты“.

Сергѣевъ, оцѣнивая это показаніе, говорилъ, что онъ придалъ этимъ свѣдѣніямъ такое важное значеніе, что даже для провѣрки Кухтенкова ходилъ на огородъ и садился въ грядкахъ по указанію Кухтенкова, чтобы установить могъ ли онъ съ того мѣста слышать разговоръ людей, сидѣвшихъ на скамейкѣ, и убѣдился, что могъ.

Но далѣе этого разсказъ Кухтенкова развитія у Сергѣева не получилъ и былъ также, какъ и все остальное, подшитъ къ дѣлу. Пожалуй, что даже провѣрка Кухтенкова была приведена Сергѣевымъ ужъ такъ, въ разговорѣ, или, если онъ дѣйствительно и продѣлалъ ее, то уже какъ частный человѣкъ, а не какъ слѣдователь, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ по закону, на который все опирался Сергѣевъ, онъ долженъ былъ бы составить соотвѣтственный протоколъ, каковаго въ „Дѣлѣ“ не было.

А между тѣмъ показаніе Кухтенкова могло быть очень важнымъ; оно первое называло имена нѣкоторыхъ изъ тѣхъ работниковъ совѣтской власти, которые непосредственно участвовали въ актѣ сокрытія тѣлъ убитыхъ въ Ипатьев-

скомъ домѣ. Показаніе Кухтенкова снова вызывало къ жизни вопросъ о розыскахъ тѣлъ въ раіонѣ Ганиной ямы, совершенно заглохшій послѣ неудачи, постигшей офицеровъ. Особенно въ этомъ смыслѣ оно было важно для Сергѣева, который, согласно своей программѣ, ставилъ слѣдственное производство въ теснѣйшую связь съ нахожденіемъ тѣлъ.

Но Сергѣевъ ничего не сдѣлалъ.

Простымъ опросомъ жителей Верхъ-Исетска выяснилось бы, что представляютъ собой фигуры Ермакова, Костоусова, Партина и др.; каково ихъ прошлое и какова была ихъ дѣятельность при большевикахъ; были ли какія-нибудь связи между этой компаніей и Ганиной ямой; и немного труда стоило бы Сергѣеву узнать, что Ермаковъ и его помощникъ Вагановъ были „въ близкихъ отношеніяхъ“ съ Исаакомъ Голощекинымъ, который и поставилъ Ермакова военнымъ комиссаромъ Верхъ-Исетска и при помощи „особаго отряда“ Ермакова приводилъ въ исполненіе всѣ свои кровавыя дѣянія по искорененію контръ-революціи и упроченію совѣтской власти въ раіонѣ Верхъ-Исетскаго завода. Сергѣевъ хотя бы изъ простого любопытства поинтересовался-бы спросить Кухтенкова, что онъ понимаетъ подъ опредѣленіемъ вида совѣщавшихся дѣятелей — „воинственный“, хотя самъ въ протоколѣ поставилъ это слово въ ковычки. Значительно позже жена Леватнаго опредѣлила видъ своего мужа въ это утро, какъ и бывшихъ съ нимъ Ермакова, Костоусова и прочей компаніи, словомъ „грязный“ и пояснила, что они всѣ были перепачканы въ глинѣ и пыли. Вѣдь для Сергѣева ясное опредѣленіе вида людей, работавшихъ по сокрытію тѣлъ убитыхъ, имѣло большое значеніе. Но его ничего не интересовало.

Всѣ эти дефекты, упущенія, преступныя игнорированія фактами и свѣдѣніями, получавшимися слѣдственнымъ производствомъ, приходится отмѣчать теперь не ради придачи настоящимъ запискамъ критической тенденціи, а дабы подчеркнуть болѣе рельефно тѣ причины, которыя долго держали истинный характеръ всѣхъ Уральскихъ преступленій совѣтской власти противъ Членовъ Дома Романовыхъ подъ флеромъ тайны, и позволили развиваться въ обществѣ всевозможнымъ версіямъ и легендамъ, благопріятнымъ совѣтскимъ главарямъ и какимъ-то тайнымъ политическимъ, мрачнымъ дѣятелямъ за границей, преимуще-

ственно въ Германіи. Теперь, когда съ паденіемъ Омска исчезла серьезная угроза прочности совѣтскаго режима въ Россіи и ненаціональныя монархическія тенденціи германофильскихъ россійскихъ кружковъ отошли въ далекое будущее, работа агентовъ того и другсго лагерей вокругъ Царскаго дѣла почти совершенно затихла. Но въ то время, когда еще была надежда на возможность побѣды Омска, оба указанныхъ противника проявляли кипучую дѣятельность, каждый съ своей точки зрѣнія и въ своихъ интересахъ, въ цѣляхъ затемнить и исказить истину совершившихся злодѣяній, оказывая такое сильное вліяніе на мысль правительственныхъ и общественныхъ круговъ, что истина событій подвергалась опасности потеряться для будущей безпристрастной исторіи переживаемой эпохи.

Выше уже указывалось, какъ отразилась неудача въ поискахъ тѣлъ убитыхъ на офицерахъ и на уголовномъ розыскѣ. Въ слѣдственномъ производствѣ согласно программѣ, намѣченной себѣ Сергѣевымъ, неудача остановила его дѣятельность въ плоскости установленія факта—было ли совершено убійство въ дѣйствительности или нѣтъ? Августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь—слѣдственное производство стоитъ передъ этимъ вопросомъ, считая недостаточными всѣ тѣ данныя, которыя разбирались выше, но не предпринимая никакихъ самостоятельныхъ по своей иниціативѣ шаговъ для розыска новыхъ свидѣтелей, новыхъ данныхъ.

Еще первый свидѣтель Федоръ Никитичъ Горшковъ, разсказывавшій свою исторію прокурору 29-го іюля, указалъ и на источникъ его свѣдѣній, назвалъ лицъ, которыя знали детали ужаснаго звѣрства, совершеннаго въ домѣ Ипатьева. Эти лица живутъ тутъ же, въ городѣ Екатеринбургѣ; вызвать ихъ—дѣло минуты. Но только 6-го декабря этотъ первоисточникъ данныхъ, послужившихъ поводомъ для предварительнаго слѣдствія, допрашивается Сергѣевымъ. Это Капитолина Агафонова, сестра разводящаго охранной команды Анатолія Якимова, скрывшагося изъ города вмѣстѣ съ большевиками.

„По словамъ брата, присутствовавшаго при казни“, разсказываетъ Агафонова, „злодѣяніе было выполнено такимъ образомъ: часу въ третьемъ ночи всѣхъ заключенныхъ въ домѣ лицъ разбудили и попросили сойти внизъ. Здѣсь имъ сообщили, что скоро въ Екатеринбургъ придетъ врагъ,

и что поэтому они должны быть убиты. Вслѣдъ за этими словами послѣдовали залпы и Государь и Наслѣдникъ были убиты сразу, всѣ же остальные были только ранены, и потому ихъ пришлось пристрѣливать, прикалывать штыками и добивать прикладами. Особенно много возни было съ фрейлиной; она все бѣгала и защищалась подушками, на тѣлѣ ея оказалось 32 раны. Княжна Анастасія притворилась мертвой и ее также добили штыками и прикладами. Сцена разстрѣла была такъ ужасна, что братъ, по его словамъ, нѣсколько разъ выходилъ на улицу, чтобы освѣжиться. Кто именно участвовалъ въ разстрѣлѣ и сколько человѣкъ братъ не говорилъ, помню, что онъ упоминалъ о какихъ-то латышахъ и говорилъ, что стрѣляли не красноармейцы, а какіе-то главные, пріѣхавшіе изъ совѣта. Этихъ главныхъ было пять человѣкъ. Послѣ убійства тѣла убитыхъ перенесли въ автомобиль и увезли въ лѣсъ".

Послѣ этого описанія ужасной картины разстрѣла, казалось бы, не могло быть сомнѣній въ фактѣ совершившагося въ домѣ Ипатьева преступленія. Агафонова, подтвердивъ въ общемъ показанія Якубцова, Летемина, Старковой, Маріи Медвѣдевой, дала новыя существенныя для дѣла указанія, что въ разстрѣлѣ участвовали латыши и пять какихъ-то главныхъ, пріѣхавшихъ изъ совѣта. Данная эта была существенной не только въ юридическомъ отношеніи; она указывала, что для разстрѣла руководители преступленія почему-то не воспользовались людьми охраны, состоявшей, какъ извѣстно, изъ русскихъ рабочихъ, а прибѣгли къ „латышамъ" и какимъ-то „главнымъ" изъ совѣта. Тоже говорилъ и Старковъ своей матери, что ихъ, рабочихъ, въ эту ночь не пустили въ домъ; то же говорила и Марія Медвѣдева со словъ своего мужа, что кромѣ него никто изъ охранниковъ участія въ разстрѣлѣ не принималъ.

Если бы въ Екатеринбургѣ между военными властями, занимавшимися разслѣдованіемъ, съ одной стороны, уголовнымъ розыскомъ—съ другой, и гражданскимъ слѣдствіемъ—съ третьей, существовали нормальныя взаимоотношенія, сотрудничество и довѣріе въ достиженіи одной цѣли, то, вѣроятно, даже при наличіи разсмотрѣнныхъ выше матеріаловъ, дѣло о разстрѣлѣ бывшаго Государя Императора было бы уже значительно болѣе освѣщено и раскрыто, чѣмъ это оказалось въ дѣйствительности къ 22-му января. Много времени для раскрытія истины было потеряно; много слѣ-

довъ преступленія успѣло сгладиться и исчезнуть безвозвратно, а Исааки Голощекины, Янкели Свердловы—изъ одного лагеря, и Соловьевы и Марковы—изъ другого продолжали успѣшно творить свое дѣло, злое дѣло, на Руси и для Россіи.

Выше уже говорилось, что прокуроръ Іорданскій, по его словамъ, стремясь улучшить положеніе дѣла, опредѣлялъ для наблюденія къ отдѣльно работавшимъ организаціямъ товарищей прокурора, но указанныя уже причины внутренняго характера, а часто и личнаго свойства не помогали объединенію работы въ одномъ направленіи и дружномъ усиліи. Мало того, товарищъ прокурора Пермскаго окружного суда Тихоміровъ не только не содѣйствовалъ своему прокурору Шамарину въ дѣлѣ соотвѣтственнаго направленія работы уголовнаго розыска, но, обратно, въ тайнѣ, всецѣло, не смотря на предупрежденія прокурора, поддерживалъ ложность путей, избранныхъ уголовнымъ розыскомъ въ работахъ по Царскому дѣлу. Уже послѣ передачи дѣла слѣдователю Соколову и ликвидаціи дѣятельности военно-уголовнаго розыска, прокурору Шамарину было предъявлено на заключеніе дознаніе, изъятое отъ бывшихъ чиновъ уголовнаго розыска. Шамаринъ, ознакомившись съ нимъ и съ опредѣлявшейся въ немъ дѣятельностью Тихомірова, былъ вынужденъ высказать въ заключеніи: „я теперь ясно вижу, что моихъ совѣтовъ Тихоміровъ не послушался и свою дѣятельность, направленную на рекламированіе и восхваленіе дѣятельности Кирсты, отъ меня скрылъ“.

Могло ли что-нибудь подобное быть въ прежнее время, чтобы товарищъ прокурора тайно отъ своего патрона входилъ въ соглашеніе и поддерживалъ лицо уголовнаго розыска, съ дѣятельностью котораго не былъ согласенъ прокуроръ? Такое положеніе могло создаться только какъ результатъ разврата, внесеннаго керенскими судебными реформами и общей расшатанностью моральныхъ началъ, какъ наслѣдіе революціи 1917-го года. Можно ли было при такихъ условіяхъ ожидать, чтобы правда о злодѣяніи, совершенномъ Исаакомъ Голощекинымъ и Янкелемъ Юровскимъ въ Ипатьевскомъ домѣ, вышла бы когда-нибудь наружу?

Когда въ Омскѣ обсуждался вопросъ о рамкахъ, которыя должны быть опредѣлены для разслѣдованія и слѣдствія

по Царскому дѣлу, и Верховному Правителю было доложено о размѣрахъ и характерѣ злодѣянія, совершеннаго совѣтскими властями въ Ипатьевскомъ домѣ, то Адмиралъ Колчакъ возмущенно замѣтилъ: „какъ же мнѣ докладывалъ министръ Юстиціи, что Царская Семья была въ Перми и что даже Великой Княжнѣ Анастасіи Николаевнѣ удалось бѣжать?“

Очевидно и въ Омскѣ министру Юстиціи Старынкевичу версія, распущенная Кирстой и Тихоміровымъ, была почему-то болѣе по сердцу, чѣмъ данныя оффиціальнаго слѣдствія. Старынкевичъ—соціалистъ-революціонеръ; будучи при Царскомъ режимѣ присяжнымъ повѣреннымъ, за какія-то политическія провинности былъ сосланъ въ Сибирь. По воцареніи Керенскаго Старынкевичъ самовольно покинулъ мѣсто ссылки, прибылъ въ Иркутскъ и здѣсь, пользуясь различными революціонными путями и пріемами, самочинно сдѣлался прокуроромъ Иркутской судебной палаты, донеся, конечно, о семъ Керенскому. Керенскій, будучи въ то время Министромъ Юстиціи Временнаго Правительства, утвердилъ Старынкевича въ должности. При формированіи министерствъ въ Омскѣ, при общемъ недостаткѣ людей, Старынкевичъ явился кандидатомъ съ высокимъ цензомъ „бывшаго прокурора судебной палаты“ и былъ назначенъ Министромъ Юстиціи. Едва ли будетъ ошибкой предположить, что, вѣроятно, въ этихъ чертахъ краткой біографіи Старынкевича кроются основанія причинъ, почему прокуроръ Іорданскій не получалъ отвѣтовъ на свои запросы о руководящихъ указаніяхъ для слѣдственнаго производства по дѣлу объ убійствѣ бывшаго Государя Императора. Старынкевичъ интересовался истиной о злодѣяніи, совершенномъ совѣтскими властями въ Ипатьевскомъ домѣ по столько, по сколько ее могъ объять „кратенькій докладъ для прочтенія его передъ сномъ“.

Верховный Правитель, ознакомившись съ общими условіями производства слѣдствія и разслѣдованія по дѣлу объ убійствѣ бывшаго Государя Императора и Его Семьи и съ условіями взаимоотношеній между отдѣльными вѣдомствами въ Екатеринбургѣ, дабы поставить дѣло изслѣдованія на новыхъ началахъ, принялъ рѣшеніе безъ Министра Юстиціи, на свою личную отвѣтственность. Предписаніе объ изъятіи слѣдственнаго производства отъ члена суда Сергѣева и разслѣдованія отъ военныхъ властей Екатерин-

бурга и Перми, съ передачей всего матеріала, вещей и вещественныхъ доказательствъ по дѣлу, впредь до назначенія новаго слѣдователя, въ особую комиссію, было подписано Верховнымъ Правителемъ и скрѣплено подписью Правителя его собственной канцеляріи.

23-го января 1919-го года въ присутствіи прокурора Екатеринбургскаго окружного суда Іорданскаго предписаніе было предъявлено члену суда Сергѣеву, и приступлено къ составленію описей и пріему по нимъ всего слѣдственнаго производства, относящихся къ нему вещественныхъ доказательствъ и вещей, не причисленныхъ слѣдствіемъ къ категоріи вещественныхъ доказательствъ, но собранныхъ въ домѣ Ипатьева, отобранныхъ отъ разныхъ семей красноармейцевъ и у другихъ жителей города Екатеринбурга. Эта пріемка дѣлъ и вещей потребовала цѣлой недѣли времени, такъ какъ описей вещей раньше составлено не было. Вещей же въ общемъ было довольно много, почему Сергѣевъ былъ въ состояніи по данному ему времени составить лишь краткія описи, не разбирая сундуковъ и ящиковъ, а опечатывая ихъ печатями Екатеринбургскаго суда.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, до прибытія новаго судебнаго слѣдователя, Сергѣеву было разрѣшено продолжать слѣдственное производство, дабы перерывъ работы не отразился неблагопріятно на самомъ дѣлѣ. Почувствовавъ, что ему могутъ угрожать крупныя непріятности за его бездѣйствіе, и дабы избѣжать вполнѣ опредѣленныхъ обвиненій, Сергѣевъ неожиданно проявилъ чрезвычайную энергію и распорядительность, и въ теченіи дополнительнаго одного мѣсяца работы сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ за всѣ предыдущіе 7 мѣсяцевъ. Дѣло въ томъ, что въ его распоряженіи для розыскного дѣла состоялъ способнѣйшій и, пожалуй, единственный въ то время въ Сибири вполнѣ честный агентъ сыска С. Алексѣевъ, работавшій не изъ за средствъ, а по врожденной любви и ревности къ этому дѣлу. Бывшій исправникъ, онъ имѣлъ громадный опытъ сыщика и большое знаніе души преступника, и гдѣ даже старымъ прокурорамъ не удавалось добиваться правды, онъ легко бесѣдой подводилъ преступника или свидѣтеля почти къ полной откровенности.

Сергѣевъ теперь рѣшилъ использовать Алексѣева и двумя предписаніями отъ 28-го января и 6-го февраля далъ ему для обслѣдованія вполнѣ опредѣленныя указанія для

розыска по Царскому дѣлу. Результаты не замедлили сказаться:

30-го января Алексѣевъ находитъ машиниста паровоза Павла Логинова, который велъ эшелонъ съ комиссарами изъ Екатеринбурга и отъ нихъ много слышалъ про убійство Царской Семьи.

4-го февраля — задерживаетъ помощника шоффера автомобиля Іосифа Мельникова, возившаго 18-го іюля Исаака Голощекина въ Коптяковскій лѣсъ.

11-го февраля Алексѣевъ находитъ въ Перми и арестуетъ Павла Медвѣдева, начальника охранниковъ и участвовавшаго непосредственно въ разстрѣлѣ Царской Семьи.

21-го февраля — задерживаетъ охранника Филиппа Проскурякова, хорошо знавшаго всѣ подробности убійства.

16-го марта—находитъ Привалову и Ускова, свидѣтелей, видѣвшихъ проходъ грузовика съ тѣлами въ Коптяковскій лѣсъ и, наконецъ,

2-го апрѣля Алексѣевъ находитъ и арестуетъ разводящаго охранной команды Анатолія Якимова, брата Агафоновой, присутствовавшаго при разстрѣлѣ.

Если бы Сергѣевъ въ свое время проявилъ то же рвеніе къ дѣлу, какое показалъ теперь, то, вѣроятно, Алексѣевъ за минувшіе 7 мѣсяцевъ по свѣжимъ слѣдамъ доставилъ-бы ему богатѣйшій матеріалъ для дѣла и не выпустилъ-бы изъ своихъ рукъ такого свидѣтеля, каковымъ былъ Саковичъ. Но теперь и для Алексѣева работа сильно усложнилась, такъ какъ слишкомъ много времени было потеряно и многіе изъ исполнителей преступленія успѣли разсѣяться по всей Сибири, скрываясь въ глухихъ мѣстахъ.

Во всякомъ случаѣ Сергѣеву уже не пришлось пользоваться всѣми этими лицами, и они попали на изученіе къ новому слѣдователю.

По рекомендаціи бывшаго Пензенскаго губернатора князя Голицына, для дальнѣйшаго веденія слѣдствія былъ избранъ бывшій судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ при Пензенскомъ окружномъ судѣ Николай Алексѣевичъ Соколовъ, бѣжавшій изъ совѣтской Россіи и пѣшкомъ пришедшій къ намъ, пройдя черезъ линіи расположенія красныхъ войскъ. Назначеніе Соколова состоялось 7-го февраля 1919 года.

Выводы перваго періода разслѣдованія и слѣдствія.

На этомъ кончился первый періодъ попытокъ частныхъ лицъ, военныхъ организацій и оффиціальной судебной власти города Екатеринбурга раскрыть преступленіе, совершенное совѣтскими властями въ ночь съ 16-го на 17-е іюля 1918 г. въ Ипатьевскомъ домѣ, и пролить свѣтъ на дѣйствительную судьбу, постигшую Августѣйшую Семью.

Оставляя въ сторонѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ охотниковъ, пытавшихся самостоятельно вести поиски, но не оставившихъ по себѣ никакихъ документальныхъ слѣдовъ, можно заключить, что за этотъ періодъ работы по раскрытію преступленія велись одновременно, но мало объединенными тремя разнородными по характеру, духу и технической способности группами: офицерской, уголовнаго розыска и оффиціальной слѣдственной. Каждая изъ этихъ группъ избрала для своей работы какую-нибудь одну изъ областей изслѣдованія и, ведя свою дѣятельность почти безъ всякой связи съ данными, получавшимися другими группами, оставила по своимъ трудамъ въ „Дѣлѣ“ матеріалы, позволявшіе при послѣдовавшемъ изслѣдованіи судить, какъ о цѣляхъ, преслѣдовавшихся данной группой работниковъ, такъ равно и о томъ, что, въ какой мѣрѣ и въ какой степени цѣлесообразности было выполнено въ избранной области изслѣдованія этой группой.

Офицерская группа избрала своей дѣятельностью область отысканія тѣлъ убитыхъ Членовъ Царской Семьи. Оффиціальная слѣдственная группа—область установленія факта было ли совершено въ домѣ Ипатьева убійство всей Царской Семьи или нѣтъ. Уголовный розыскъ, стоя между этими двумя группами и критически относясь какъ къ дѣятельности одной, такъ и другой изъ указанныхъ группъ, избралъ для своихъ изысканій область установленія различныхъ версій вообще объ исчезновеніи Царской Семьи изъ дома Ипатьева.

Цѣль, характеръ и направленіе работъ первой группы, въ связи съ достигнутыми результатами, опредѣляются докладомъ товарища прокурора Н. Магницкаго отъ 20-го де-

кабря 1918 года, состоявшаго для наблюденія за работой офицеровъ по розыску тѣлъ въ раіонѣ Ганиной ямы:

„Къ моменту моего вступленія въ дѣло", говоритъ Магницкій, „уже было предположеніе, что трупы Царской Семьи и самого Государя Императора находятся въ 14 верстахъ отъ города Екатеринбурга въ лѣсу въ шахтахъ, расположенныхъ неподалеку отъ дороги на деревню Коптяки... На эту шахту и было обращено главное вниманіе... Еще до моего вступленія въ дѣло тамъ уже начаты были работы подъ наблюденіемъ штабсъ-капитана Андрея Андреевича Шереметьевскаго", который затѣмъ, вслѣдствіе ухода на фронтъ, былъ замѣненъ его братомъ, Александромъ Андреевичемъ Шереметьевскимъ. „Долженъ сказать, что въ то время въ городѣ, какъ со стороны должностныхъ, такъ и частныхъ лицъ сочувствія къ этому дѣлу не встрѣчалось, и только благодаря энергіи начальника гарнизона генерала Голицына, любезности Верхъ-Исетскаго заводоуправленія и труду добровольцевъ, я позволю себѣ такъ выразиться, удалось кое-что сдѣлать". Были получены сильныя водоотливныя средства, приняли участіе горные техники и спеціалисты и въ 6 дней шахта была освобождена отъ воды.

Тѣлъ въ шахтѣ не оказалось.

Магницкій отмѣчаетъ особенно дѣятельность Шереметьевскаго, „который, работая въ невозможныхъ условіяхъ, былъ единственнымъ человѣкомъ, относящимся къ дѣлу серьезно и съ любовью. Въ то время около 10 дней шли дожди. Ночевка въ лѣсу подъ дождемъ въ мѣстности, находящейся невдалекѣ отъ происходящихъ боевъ (верстъ 20), подчасъ совершенно безъ горячей пищи, не ослабляли энергіи этого человѣка, а я скажу—усиливали. Въ особенности это ярко бросалось въ глаза, когда человѣкъ, работающій безвозмездно, переноситъ лишенія и не ропщетъ, и съ другой стороны я приведу примѣръ: должностное лицо, нынѣ уже уволенный начальникъ уголовнаго розыска Кирста, которому спеціально поручено было это дѣло, которому отпускали средства на веденіе его, совершенно игнорировалъ эту часть дознанія, и лишь съ трудомъ пришлось привести его на мѣсто работъ, и онъ тутъ же въ разговорѣ съ штабсъ-капитаномъ Шереметьевскимъ позволилъ себѣ возмущаться добровольцами, работающими по этому дѣлу".

Изъ разговора съ Магницкимъ выяснилось, что тогда былъ осмотрѣнъ и промытъ илъ только со дна большого

колодца шахты, въ которомъ и были найдены: чей-то отрѣзанный палецъ, вставная челюсть доктора Боткина и прочіе предметы, упоминавшіеся раньше. Грунтъ малаго колодца шахты почему-то обслѣдованъ не былъ. „Итакъ, шахта новаго, кромѣ вышесказаннаго, ничего не дала. По всему же ходу дознанія видно, было, что именно тутъ же гдѣ-нибудь около шахты и закончилась та кровавая трагедія, разслѣдованіемъ которой мы занимались. Поэтому, посовѣтовавшись съ прокуроромъ, я рѣшилъ обслѣдовать всю близьлежащую мѣстность. Показаніями свидѣтелей удалось установить, что съ 17-го по 19-е іюля 1918 года такъ называемымъ „отрядомъ особаго назначенія“ охранялось какъ разъ то мѣсто, гдѣ находилась обслѣдуемая нами шахта, охранялась мѣстность эта на протяженіи около двухъ квадратныхъ верстъ. Никого туда не пропускали, ѣздили туда автомобили грузовики и красноармейцы, но что они тамъ дѣлали, не было извѣстно“.

„Границы охраняемаго мѣста удалось установить точно, а потому и было рѣшено обслѣдовать всю эту мѣстность, именуемую урочище „Четыре брата“. Въ этомъ урочищѣ когда-то, лѣтъ 10—12 тому назадъ, производилась добыча желѣзной руды при помощи шахтъ. Когда разработку бросили, то шахты отъ времени частью обвалились, частью сохранились, какъ напримѣръ та, которую мы обслѣдовали, а частью остались въ полуобрушенномъ состояніи. Всѣхъ старыхъ шахтъ въ этомъ урочищѣ имѣется до 60-ти. Благодаря дождямъ, которые были въ концѣ іюля и августѣ, всѣ слѣды, которые могли бы остаться, конечно, оказались замытыми, ибо всѣ шахты окружаетъ глина, легко расплывающаяся при дождливой погодѣ. Такимъ образомъ какихъ-либо слѣдовъ около шахтъ не было вѣроятія найти, могли лишь оказаться какіе-нибудь случайные, на которые мы главнымъ образомъ и разсчитывали. Изслѣдованіе такихъ полуразрушенныхъ шахтъ сопряжено съ большой опасностью, и поэтому для изслѣдованія пришлось организовать небольшой отрядъ, состоящій изъ спеціалистовъ горныхъ работъ— штейгеровъ и мѣстныхъ уроженцевъ Урала, по преимуществу охотниковъ, привыкшихъ ходить по такого рода мѣстамъ и сознающихъ опасность такого хожденія. Въ концѣ августа этотъ отрядъ обошелъ всѣ шахты, обслѣдывая ихъ по мѣрѣ силъ и возможности, но существенныхъ результатовъ достигнуто не было. Это объясняется тѣмъ, что обслѣ-

довать полузасыпанную шахту можно только при помощи крѣпей, а на таковыя у насъ не было ни силъ, ни средствъ. Отрядъ этотъ могъ только сказать по наружному виду, что ничего указывающаго на то, что въ эти шахты бросили трупы, не найдено, а есть ли внутри ихъ что-либо — сказать нельзя. Не надо упускать изъ вида дождей, которые, конечно, наружные-то слѣды и смыли. Предположеніе, что изъ шахты, если тамъ находятся трупы, будетъ запахъ — неосновательно, такъ какъ въ большинствѣ шахтъ все лѣто есть ледъ и разложеніе труповъ произойдетъ не скоро, а тѣмъ болѣе въ глинистой почвѣ.

„Признавая, что такъ или иначе мѣсто это все-таки обслѣдовать надо, я рѣшилъ сдѣлать еще попытку, прибѣгнувъ къ помощи имѣвшейся въ городѣ Екатеринбургѣ организаціи бой-скаутовъ и охотниковъ добровольцевъ. Тогда же, по приказанію генерала Голицына, въ мое распоряженіе было откомандировано 50 бой-скаутовъ подъ начальствомъ капитана Березовскаго. Въ помощь имъ пошелъ летучій отрядъ уголовнаго розыска и любители охотники. Пройдя цѣпью всю мѣстность, которая охранялась „отрядомъ особаго назначенія", удалось лишь найти одну винтовку и шинель. Въ этотъ день я повторилъ обслѣдованіе шахтъ и опять безрезультатно. Надо сказать, что всѣ производимыя нами обслѣдованія могли только при счастливой случайности дать хорошіе результаты, но мы не отчаявались и искали, ибо другого выхода не было. Какъ я уже излагалъ, средствъ у насъ не было, кругомъ инертность, а подчасъ даже и недовольство. При этихъ условіяхъ производить обслѣдованіе старыхъ шахтъ — это значитъ имѣть 3% на успѣхъ... Часто получались свѣдѣнія, что тамъ-то и тамъ-то должны находиться трупы Царя и Его Семьи. Всѣ эти свѣдѣнія провѣрялись опять-таки по мѣрѣ силъ и средствъ. И нигдѣ ничего найдено не было. Правда, въ старыхъ шахтахъ нашли пять труповъ, но всѣ они принадлежали австрійцамъ. Чистосердечно скажу, что обслѣдованная нами мѣстность не обслѣдована, ибо если мнѣ зададутъ вопросъ, гдѣ Царскіе трупы? — я прямо скажу: я ихъ не нашелъ, но они въ урочищѣ „Четыре брата". Что могли сдѣлать — сдѣлали. Вѣдь это мѣсто сплошь покрыто лѣсомъ и болотами съ топкой почвой; его надо обслѣдовать не черезъ мальчиковъ бой-скаутовъ, къ нимъ мы прибѣгли по нуждѣ, а людьми взрослыми, и подчасъ даже спеціалистами. Вѣдь

если сравнить картину убійства Великихъ Князей въ городѣ Алапаевскѣ съ убійствомъ Императора и Его Семьи, то, невольно надо сказать, картина совершенно тождественна. Такія же шахты, такіе же костры и такая же охрана мѣстности. А развѣ найденный отрубленный палецъ и челюсть доктора Боткина, который былъ убитъ вмѣстѣ съ Царской Семьей, не указываютъ на нахожденіе гдѣ-нибудь вблизи труповъ. А серьги Государыни, а зашитый у Нея въ корсетѣ бриллiантъ, а слѣды отъ сожженныхъ въ кострѣ корсетовъ и прочей одежды. Вотъ всѣ эти и еще масса другихъ данныхъ приводятъ меня къ выводу, что искали мы именно тамъ, гдѣ надо искать и, ничего не находя, все-таки работали, ибо надѣялись хотя бы на тѣ 3%".

Цѣль работъ, поставленная себѣ этой первой группой работниковъ по изслѣдованію, вполнѣ опредѣлена въ докладѣ Магницкаго: найти тѣла. Характеръ и результаты работъ въ этомъ направленіи также совершенно точно оцѣниваются самимъ Магницкимъ: „обслѣдованная нами мѣстность—не обслѣдована". Для послѣдующихъ изслѣдованій опредѣлялось совершенно ясно, что въ этой области изученія преступленія, совершеннаго совѣтской властью, работы надо начинать сначала. Это распространялось и на самую шахту, обслѣдованіе которой не было доведено до конца. Магницкій не правъ лишь въ томъ отношеніи, что ссылается на дожди, замывшіе слѣды преступниковъ; годъ спустя остатки былыхъ слѣдовъ преступниковъ на мѣстѣ еще были найдены, а въ періодъ работъ Магницкаго, вѣроятно, ихъ было гораздо больше и они могли бы дать Магницкому несравненно большіе результаты, чѣмъ обслѣдованіе бойскаутами примитивнымъ способомъ лѣсовъ и болотъ урочища „Четырехъ братьевъ".

Неправъ Магницкій и въ отношеніи сопоставленія обстановки сокрытія тѣлъ Великихъ Князей въ Алапаевскѣ съ обстановкой сокрытія тѣлъ Царской Семьи въ Екатеринбургѣ. Во-первыхъ, въ то время, когда производились розыски тѣлъ офицерами и Магницкимъ въ урочищѣ „Четырехъ братьевъ", еще ничего не было извѣстно о мѣстѣ нахожденія тѣлъ Высочайшихъ Алапаевскихъ Узниковъ, почему наличіе шахты въ раіонѣ Ганиной Ямы не могло вызывать въ мысляхъ аналогичности въ способахъ сокрытія тѣлъ. Во-вторыхъ, никакихъ костровъ и никакой охраны у Ново-Семичевской шахты, куда были брошены Великія Князья, не

существовало. А въ третьихъ, и что самое главное, Магницкій упустилъ изъ виду обстоятельства, ему извѣстныя, что въ Алапаевскѣ исполнителемъ распоряженія еврея Сафарова былъ хотя и звѣрь, но русскій рабочій Абрамовъ, а въ Екатеринбургѣ непосредственно руководилъ сокрытіемъ тѣлъ Исаакъ Голощекинъ.

Что касается матеріаловъ, оставленныхъ въ „Дѣлѣ“ уголовнымъ розыскомъ, то таковые скорѣе указывали на то, что цѣлью его работы было доказать, что никакого преступленія совѣтской властью совершено не было. Однако, съ другой стороны, матеріалы уголовнаго розыска не давали возможности опредѣленно заключить что же сдѣлали въ такомъ случаѣ совѣтскія власти съ Царской Семьей, такъ такъ они изобиловали разнообразными версіями и предположеніями, циркулировавшими въ то время въ различныхъ кругахъ нашего общества, не устанавливая ни одной маломальски основательными фактами.

Характеръ же и способъ руководительства розыскомъ по Царскому дѣлу обрисовываются въ достаточной мѣрѣ докладомъ прокурора Пермскаго окружного суда Шамарина отъ 3-го октября 1919 года, имѣвшаго общее наблюденіе за слѣдственными и уголовными розысками въ раіонѣ Перми.

„Въ особую комнату пришелъ ко мнѣ Кирста, котораго я раньше никогда не видалъ. Онъ принесъ съ собой дознаніе, которое я сейчасъ читалъ. Я ожидалъ услышать строго дѣловой докладъ, т. е. изложеніе установленныхъ дознаніемъ фактовъ и логическихъ изъ нихъ выводовъ. Оказалось совсѣмъ иное. Я, признаться, былъ изумленъ тѣмъ, что произошло. Кирста сталъ рисовать мнѣ круги, которые должны были графически изобразить логическій ходъ его мыслей при разслѣдованіи дѣла. Я внимательно, серьезно старался отнестись къ тому, что мнѣ говорилъ Кирста, желая понять какимъ путемъ онъ идетъ, отыскивая истину— путемъ анализа, или путемъ синтеза; отъ какихъ основныхъ положеній онъ исходитъ. Никакихъ указаній однако на что-либо подобное и въ поминѣ не было. Были однѣ общія фразы и общія идеи, какія существуютъ въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ. И вдругъ совершенно неожиданно для меня, безъ всякихъ ссылокъ на какіе-либо факты, Кирста мнѣ заявилъ: „такимъ образомъ Августѣйшая семья жива и надо Ее спасать“. Было что-то совершенно сумбурное.

„Послѣ такого вступленія Кирста перешелъ къ самовосхваленію и сталъ говорить, что есть только три знаменитыхъ сыщика въ Россіи, и одинъ изъ нихъ онъ, Кирста".

„Послѣ этого длиннаго и совершенно неумѣстнаго вступленія Кирста перешелъ къ докладу, т. е. къ изложенію фактовъ. Однако весь докладъ сводился къ тому, что онъ, Кирста, отыскалъ въ Перми какую-то Наталію Мутныхъ, которая ему откроетъ мѣстонахожденіе Августѣйшей Семьи, и онъ, Кирста, ее спасетъ. Онъ говорилъ при этомъ, что онъ самъ рискуетъ местью со стороны Мутныхъ и ея единомышленниковъ; что онъ получилъ отъ Мутныхъ письмо съ угрозами. При этомъ Кирста дѣлалъ жесты, какъ будто бы письмо было у него въ карманѣ, но онъ мнѣ его не показывалъ. Кончилъ онъ въ отношеніи этой Мутныхъ увѣреніемъ, что она все-таки въ его рукахъ. Затѣмъ онъ прочелъ мнѣ показанія Мутныхъ и Уткина.

„У меня, въ концѣ концовъ, получилось непріятное чувство отъ этого „доклада", и я, увидѣвъ Тихомірова, опять предупредилъ его, чтобы онъ былъ остороженъ".

Изъ всего этого вытекало, что послѣдующему изслѣдованію предстояло разобраться во всемъ матеріалѣ, собранномъ уголовнымъ розыскомъ, дабы выяснить, что въ немъ есть серьезнаго для раскрытія преступленія, а что относится только къ области слуховъ и фантазіи. Для дальнѣйшихъ работъ пользоваться настоящими агентами уголовнаго розыска не представлялось возможнымъ.

Что касается до работы третьей группы—слѣдственной, то ея матеріалы къ 20-му февраля 1919 года обрисовывали картину совершившихся событій въ Екатеринбургѣ, какъ то видно изъ постановленія члена суда Сергѣева, въ слѣдующемъ видѣ:

„21 іюля 1918 года расклеенными по городу печатными объявленіями населеніе города Екатеринбурга было извѣщено о состоявшейся въ ночь съ 16-го на 17-е іюля, по постановленію президіума областного совѣта, казни бывшаго Императора; въ тѣхъ же объявленіяхъ было сообщено, что Жена и Сынъ бывшаго Императора отправлены въ надежное мѣсто.

„На возникшемъ по этому поводу 29 іюля 1918 года, по освобожденіи города Екатеринбурга отъ совѣтской власти, предварительномъ слѣдствіи установлены между прочимъ слѣдующія данныя: 30-го апрѣля 1918 года по распоряженію

центральнаго исполнительнаго комитета совѣтовъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ доставлены были въ городъ Екатеринбургъ бывшій Императоръ Николай Александровичъ, супруга его Александра Федоровна и дочь Марія Николаевна.

„24 мая того же года были доставлены и остальные Члены бывшей Царской Семьи: Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ и Великія Княжны Ольга, Татьяна и Анастасія Николаевны. Для жительства Царской Семьи и состоявшихъ при Ней лицъ былъ отведенъ реквизированный для этой цѣли двухъ-этажный домъ Ипатьева, находящійся на углу Вознесенской улицы и Вознесенскаго переулка. Изъ семи комнатъ верхняго этажа (не считая кухни и проходныхъ комнатъ) шесть были предоставлены въ пользованіе Семьи, а одна была занята комендантомъ дома и его помощникомъ, назначенными Уральскимъ областнымъ совѣтомъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Коменданту была ввѣрена охрана Царской Семьи; ему же принадлежало завѣдываніе условіями Ея содержанія согласно указаніямъ областного совѣта.

„Первое время охрана дома Ипатьева выполнялась нарядами красноармейцевъ, а затѣмъ во второй половинѣ мая мѣсяца для несенія службы по охранѣ дома была сформирована особая команда изъ рабочихъ Сысертскаго завода Екатеринбургскаго уѣзда, въ числѣ 30 человѣкъ; составъ команды впослѣдствіи былъ дополненъ еще 15-ю рабочими Екатеринбургской фабрики Злоказовыхъ и 10-ю латышами.

„До конца іюня 1918 года комендантомъ дома Ипатьева состоялъ рабочій Злоказовской фабрики Александръ Авдѣевъ, а помощникомъ его рабочій той же фабрики Мошкинъ, а затѣмъ означенныя лица были уволены, и въ должность коменданта вступилъ одинъ изъ видныхъ агентовъ „совѣтской власти“ бывшій фельдшеръ мѣстнаго военнаго лазарета Яковъ Михайловичъ Юровскій. Ко времени вступленія Юровскаго въ должность коменданта въ домѣ находились: бывшій Императоръ, Императрица, Наслѣдникъ, Великія Княжны Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія, а изъ приближенныхъ и слугъ—лейбъ-медикъ Е. С. Боткинъ, комнатная дѣвушка Анна Демидова, поваръ Харитоновъ, лакей Труппъ и 14 лѣтній мальчикъ Сѣдневъ. Охранная команда изъ рабочихъ помѣщалась въ домѣ Попова, расположенномъ напротивъ дома Ипатьева, а отрядъ латышей помѣщался въ

нижнемъ этажѣ дома Ипатьева и несъ караульную службу на постахъ внутри дома. Всего было учреждено одиннадцать караульныхъ постовъ, изъ нихъ два пулеметныхъ. Одинъ изъ пулеметныхъ постовъ былъ установленъ въ нижнемъ этажѣ дома Ипатьева на окнѣ, выходящемъ въ садъ.

„Домъ Ипатьева охранялся до 21 іюля, а этого числа охрана была снята, и 22 іюля домъ былъ переданъ въ распоряженіе владѣльца.

„Произведеннымъ при слѣдствіи осмотромъ дома Ипатьева добыты слѣдующія данныя: въ помѣщеніяхъ, занимаемыхъ Царской Семьей, въ безпорядкѣ разбросаны остатки малоцѣнныхъ вещей, принадлежавшихъ Членамъ Семьи; въ топкахъ печей обнаружено присутствіе большого количества пепла и обгорѣлыхъ остатковъ отъ различныхъ сожженныхъ бумагъ, документовъ и вещей. Въ одной изъ комнатъ нижняго этажа, выходящей окномъ на Вознесенскій переулокъ, смежной съ кладовой, обнаружены въ стѣнѣ слѣды проникновенія пуль; такіе же слѣды выстрѣловъ обнаружены и въ толщѣ пола, съ явственными признаками крови, пропитавшей ткань дерева по ходу пулевыхъ каналовъ; найдены и застрявшія въ стѣнѣ, въ полу револьверныя пули. На полу комнаты и на стѣнѣ обнаружены явственные слѣды замывки.

„Все имущество, принадлежащее Царской Семьѣ, за исключеніемъ немногихъ оставшихся вещей, расхищено.

„При осмотрѣ мѣстности, расположенной верстахъ въ 15 отъ города, близь деревни Коптяковъ, найдены слѣды сожженныхъ костровъ и въ пеплѣ обнаружены: брилліантъ вѣсомъ около 12 каратовъ, признанный свидѣтелями за принадлежавшій бывшей Императрицѣ, осыпанный изумрудами крестъ, признанный за принадлежащій одной изъ дочерей Государя, и разные остатки отъ сожженныхъ принадлежностей обуви и одежды. Въ одной изъ находящихся въ той мѣстности шахтъ обнаружены осколки разорвавшейся бомбы, оторванный человѣческій палецъ, вставная челюсть, признанная за принадлежащую лейбъ-медику Боткину, и жемчужныя серьги, признанныя за принадлежащія бывшей Императрицѣ.

„Показаніями свидѣтелей Михаила Летемина и Маріи Медвѣдевой установлено, что старшимъ въ охранной командѣ (разводящимъ) былъ Павелъ Спиридоновичъ Медвѣдевъ, принимавшій непосредственное участіе въ разстрѣлѣ Царской Семьи.

„Тѣ же свидѣтели удостовѣрили, что наканунѣ убійства Царской Семьи мальчикъ Сѣдневъ былъ переведенъ въ помѣщеніе команды. Свидѣтель Владиміръ Кухтенковъ удостовѣрилъ подслушанный разговоръ В.-Исетскаго комиссара Петра Ермакова и дѣятелей партіи коммунистовъ-большевиковъ: Александра Костоусова, Алексѣя Партина и Василія Леватныхъ; содержаніе разговора сводится къ тому, что эти лица принимали участіе въ сокрытіи труповъ убитыхъ Царя, Царицы, Наслѣдника, Великихъ Княженъ, доктора Боткина и нѣкоторыхъ Царскихъ слугъ.

„Тѣла убитыхъ до сего времени обнаружить не удалось.

„Задержанный 11 февраля сего года въ городѣ Перми Павелъ Спиридоновичъ Медвѣдевъ объяснилъ при дознаніи, что въ ночь на 17-ое іюля дѣйствительно были разстрѣляны бывшій Императоръ, Его Супруга, Наслѣдникъ, четыре Царскихъ Дочери, докторъ, служанка, поваръ и лакей; разстрѣломъ руководилъ комендантъ Юровскій, а онъ, Медвѣдевъ, доставилъ для этой цѣли оружіе и распоряжался переноской труповъ убитыхъ на грузовой автомобиль и уничтоженіемъ слѣдовъ преступленія путемъ смыванія и стиранія крови какъ въ мѣстѣ разстрѣла, такъ и во дворѣ. Объясненіе Медвѣдева вполнѣ совпадаетъ съ установленными слѣдствіемъ объективными данными и показаніями свидѣтелей“.

На основаніи всего имѣвшагося матеріала Сергѣевъ приходилъ къ заключеніямъ:

„1) что, по собраннымъ слѣдствіемъ даннымъ, событіе преступленія представляется доказаннымъ;

2) что бывшій Императоръ Николай II, бывшая Императрица Александра Феодоровна, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великія Княжны Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія Николаевны убиты одновременно въ одномъ помѣщеніи многократными выстрѣлами изъ револьверовъ;

3) что тогда же и при тѣхъ же обстоятельствахъ убиты состоявшіе при Царской Семьѣ: лейбъ-медикъ Евгеній Сергѣевичъ Боткинъ, комнатная служанка Анна Демидова и слуги Харитоновъ и Труппъ;

4) что убійство задумано заранѣе и выполнено по выработанному плану, что сопровождалось оно такими дѣйствіями, которыя носили характеръ жестокости и особенныхъ мученій для жертвъ преступленія, причемъ убійцы завладѣли имуществомъ убитыхъ“.

Такимъ образомъ для послѣдующихъ изслѣдованій убійство всей Царской Семьи предварительнымъ слѣдствіемъ устанавливалось, какъ фактъ доказанный. Въ этомъ отношеніи дальнѣйшія работы должны были дать лишь дополнительныя данныя въ цѣляхъ достиженія полноты картины совершеннаго большевиками исключительнаго по звѣрству злодѣянія. Въ равной мѣрѣ при дальнѣйшей разработкѣ требовалось болѣе тщательное освѣщеніе и нѣкоторыхъ положеній Сергѣева, имъ установленныхъ, въ виду существованія разнорѣчія въ указаніяхъ матеріаловъ слѣдственнаго производства. Въ ряду таковыхъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія положенія, указанныя въ приведенномъ выше постановленіи Сергѣева:

1) Какъ было объявлено: „Жена и Сынъ" бывшаго Царя отправлены въ надежное мѣсто, или вся Семья?

2) Чѣмъ вызывалось распоряженіе Ц. И. К. о переводѣ Царской Семьи „на жительство", какъ говоритъ Сергѣевъ, въ Екатеринбургъ?

3) Почему Царская Семья перевозилась по частямъ и кто именно перевозилъ?

4) Чѣмъ была вызвана смѣна комендантовъ въ домѣ Ипатьева, и что это за „латыши", которые несли внутреннюю охрану?

5) Оторванъ ли былъ найденный въ шахтѣ палецъ, или отрѣзанъ?

6) Кѣмъ былъ Павелъ Медвѣдевъ: „разводящимъ", или начальникомъ охраны?

7) Кому и откуда было доставлено Медвѣдевымъ оружіе для совершенія разстрѣла?

8) Кѣмъ именно былъ произведенъ разстрѣлъ?

Совершенно неразрѣшенными, не освѣщенными и незатронутыми въ слѣдственной работѣ оставались два кардинальныхъ вопроса, вытекавшихъ изъ установленія факта совершеннаго преступленія:

1) что сдѣлали убійцы съ тѣлами своихъ жертвъ и

2) кто же были вдохновители, руководители и исполнители этого заранѣе обдуманнаго и подготовленнаго преступленія?

Изслѣдованіе этихъ вопросовъ должно было войти въ кругъ дѣятельности послѣдующихъ изысканій и дальнѣйшаго слѣдственнаго производства судебнаго слѣдователя Соколова.

ГЛАВА II.

Н. А. Соколовъ и планъ работы.

„1919 года, февраля 7 дня, судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ при Омскомъ окружномъ судѣ Н. А. Соколовъ, прибывъ лично къ бывшему Главнокомандующему Западнымъ фронтомъ генералъ-лейтенанту Дитерихсу, предъявилъ ему ордеръ г. Министра Юстиціи отъ 7 сего февраля за № 2437 и просилъ его выдать находящееся у него дѣло объ убійствѣ бывшаго Императора Николая Александровича и Членовъ Его Семьи. Генералъ-лейтенантъ Дитерихсъ предъявилъ подлинное слѣдственное производство члена Екатеринбургскаго окружного суда Сергѣева, озаглавленное: „Дѣло объ убійствѣ бывшаго Императора Николая II и Членовъ Его Семьи“. Въ дѣлѣ этомъ оказалось двѣсти шестьдесятъ шесть пронумерованныхъ, прошнурованныхъ, припечатанныхъ сургучной печатью Екатеринбургскаго окружного суда и скрѣпленныхъ подписомъ Сергѣева листовъ. Всѣ листы дѣла, шнуръ и печать оказались цѣлыми. Въ дѣлѣ кромѣ того оказалось вшитымъ и непронумерованнымъ отношеніе начальника Екатеринбургской почтово-телеграфной конторы отъ 20 января 1919 года за № 374 на имя Сергѣева.

„На нахожденіе у себя дѣла генералъ-лейтенантъ Дитерихсъ предъявилъ предписаніе Верховнаго Правителя отъ 17 января 1919 года за № 36.

Судебный слѣдователь Н. Соколовъ.

Этимъ актомъ вновь назначенный судебный слѣдователь Николай Алексѣевичъ Соколовъ вступилъ въ дѣло, составляющее эру въ исторіи Россіи и русскаго народа. Въ ту минуту по поблѣднѣвшему, серьезному выраженію его лица, по нервно дрожавшимъ рукамъ было видно, что онъ глубоко и убѣжденно сознавалъ отвѣтственность, принимавшуюся имъ на себя передъ своимъ народомъ и исторіей. Онъ понималъ, что впредь вся его дальнѣйшая жизнь должна быть посвящена исключительно работѣ по раскрытію этого кошмарнаго преступленія и оставленію будущей Россіи всесторонняго, обоснованнаго и, главное, правдиваго

матеріала для истиннаго пониманія русскимъ человѣкомъ исторіи трагической кончины прямой линіи Дома Романовыхъ и правильной оцѣнки національно чистыхъ и вѣрныхъ вѣрѣ своего народа Главы и Членовъ Августѣйшей Семьи.

Средняго роста, худощавый, даже просто худой, нѣсколько сутулый, съ нервно двигавшимися руками и нервнымъ, постояннымъ прикусываніемъ усовъ; рѣдкіе, темно-шатеновые волосы на головѣ, большой ротъ, черные, какъ уголь, глаза, большія губы, землистый цвѣтъ лица—вотъ внѣшній обликъ Соколова. Отличительной примѣтой его былъ вставной стеклянный глазъ и нѣкоторое кошеніе другого, что производило впечатлѣніе, что онъ всегда смотритъ нѣсколько въ сторону.

Первое впечатлѣніе непріятное.

Когда, бѣжавъ отъ большевиковъ изъ Пензы, онъ переодѣлся простымъ, бѣднымъ крестьяниномъ, изъ него создался характернѣйшій типъ бродяги, босяка, хитровца изъ повѣстей Максима Горькаго. Многіе въ то время, сталкиваясь съ нимъ, выносили по внѣшнему его облику сомнѣніе въ благонадежности передачи ему слѣдственнаго производства по Царскому дѣлу и высказывали это даже Верховному Правителю. А многіе, вообще недоброжелательно настроенные къ разслѣдованію этого дѣла, пользовались внѣшностью Соколова, чтобы въ глубокомъ тылу впередъ подрывать довѣріе къ работѣ Соколова и представлять постановку слѣдствія и разслѣдованія, какъ совершенно несерьезное предпріятіе нѣкоторыхъ досужихъ высшихъ чиновъ.

Соколова надо было знать, во-первыхъ, какъ слѣдователя, а во-вторыхъ, какъ человѣка, человѣка русскаго и національнаго патріота. Первое опредѣлится само собою изъ всего послѣдующаго разсказа. О второмъ необходимо сказать нѣсколько словъ теперь же, такъ какъ оно въ данномъ дѣлѣ имѣло тоже значеніе, какое въ художествѣ имѣетъ талантъ подбора красокъ для приближенія изображаемаго на полотнѣ предмета къ истинно природному виду по точности, цвѣту и яркости свѣтового впечатлѣнія.

Экспансивный, страстный, онъ отдавался всякому дѣлу всей душой, всѣмъ существомъ. Съ душой несравненно большей, чѣмъ его внѣшность, онъ былъ вѣчно ищущимъ,

жаждущимъ, жаждущимъ любви, тепла, идеальности. Какъ человѣкъ самолюбивый и фанатикъ своей профессіи, онъ нерѣдко проявлялъ вспыльчивость, горячность и подозрительность къ другимъ людямъ. Особенно это случалось на первыхъ порахъ, при первомъ знакомствѣ, когда онъ сталкивался съ людьми, близко стоявшими къ покойной Царской Семьѣ. Отдавшись этому дѣлу не только какъ профессіоналъ и глубоко русскій человѣкъ, но и по исключительной преданности къ погибшему Главѣ Царствовавшаго Дома и Его Семьѣ, онъ склоненъ былъ видѣть по своей экспансивности недоброжелательство со стороны этихъ свидѣтелей, если они не могли дать ему отвѣта на задававшіеся имъ вопросы.

Съ дѣтства природный охотникъ, привыкшій къ лишеніямъ бродячей охотничьей жизни, къ высиживанію по часамъ глухаря или тетерева на току, онъ развилъ въ себѣ до максимальнаго предѣла наблюдательность, угадываніе примѣтъ и безконечное терпѣніе въ достиженіи цѣли. Постоянное общеніе на охотѣ съ деревней, съ крестьяниномъ, родили въ немъ съ дѣтства привязанность къ простому народу, любовь къ своему русскому, патріархальному, и большое знаніе крестьянской души, достоинствъ и недостатковъ своего народа, своей среды.

Окончивъ университетъ, какъ молодой юристъ, онъ возвращается снова въ народъ и на этотъ разъ проникаетъ въ другую среду народа—среду преступную, уголовную, порой жестокую до звѣрства. Но она не отталкиваетъ его, не заставляетъ разлюбить свой народъ; наоборотъ, какъ развитой, образованный, начитанный и идейный человѣкъ, онъ и тутъ находитъ мѣсто любви, ибо видитъ всегда основныя причины, корень зла преступности въ большинствѣ обслѣдуемыхъ имъ объектахъ—темноту и некультурность—и привязывается къ народу еще больше по основному качеству русскаго человѣка—жалости. Онъ пріобрѣтаетъ особую способность разговаривать съ преступникомъ, добиваться отъ него правды, исповѣди, признанія; онъ бесѣдуетъ съ нимъ, гуляетъ, живетъ, пьетъ чай, куритъ, и еще наканунѣ упорствовавшій уголовникъ, на завтра начинаетъ говорить, разсказывать, увлекается, плачетъ даже иногда. Поразительно, что преступники, выводившіеся имъ на свѣтъ Божій, почти никогда не питали къ нему чувства злобы; чаще всего ихъ отношеніе къ нему выражалось

словами: „ловко онъ меня поймалъ“, съ тономъ удивленія, а не злобы.

Скрываясь во время своего бѣгства изъ Пензы отъ большевиковъ и направляясь къ нашимъ линіямъ, въ одной деревнѣ онъ наткнулся на мужика, который года за три до этого былъ изобличенъ имъ въ убійствѣ и ограбленіи своей жертвы. Мужикъ судился и былъ присужденъ къ большому наказанію. Революція дала ему возможность вернуться къ себѣ въ раззоренное за его отсутствіе гнѣздо. Онъ узналъ Соколова и Соколовъ узналъ его. Кругомъ были красноармейцы. Мужикъ могъ легко отомстить. Но онъ не сдѣлалъ этого, взялъ къ себѣ въ избу, накормилъ и далъ переночевать. А на утро, отправляя Соколова, принесъ ему старую, продранную шапку и подалъ со словами: „одѣнь эту, а то твоя хороша, догадаются“.

Какъ сынъ русской, простой и честной семьи, Соколовъ воспитывался, выросъ и созрѣлъ въ твердомъ, непоколебимомъ сознаніи, что Россія и русскій народъ „безъ Бога на Небѣ и Царя на землѣ“ не проживутъ. Образованіе и университетъ не только не поколебали въ немъ этой вѣры, но укрѣпили еще болѣе, а страстность натуры и любовь къ законности дѣлали его исключительно преданнымъ монархистомъ по убѣжденію. Керенскаго и все порожденное и оставшееся въ наслѣдство отъ керенщины онъ ненавидѣлъ до глубины души, а самого Керенскаго иначе какъ „Ааронкой“ не называлъ. Нелюбовь къ нему разжигалась у Соколова и чисто на профессіональной почвѣ юриста, такъ какъ Керенскій далъ доступъ присяжнымъ повѣреннымъ въ ряды прокуратуры, чѣмъ, по мнѣнію Соколова, подорвалъ въ корнѣ „святая святыхъ“ всего нашего судопроизводства.

Вотъ таковъ былъ краткій внутренній обликъ судебнаго слѣдователя Соколова.

Ознакомленіе съ матеріалами слѣдственнаго дѣла Сергѣева не оставило у Соколова ни малѣйшаго сомнѣнія въ фактѣ убійства въ домѣ Ипатьева въ ночь съ 16-го на 17-е іюля 1918 года всей Царской Семьи, а не одного бывшаго Государя Императора, какъ объявила совѣтская власть. Но само слѣдственное производство Сергѣева, по мнѣнію Соколова, даже въ юридическомъ отношеніи совершенно не отвѣчало своему назначенію, какъ по массѣ допущенныхъ

въ немъ упущеній чисто слѣдственной техники, такъ и по недостатку полноты освѣщенія устанавливавшихся слѣдственнымъ производствомъ фактовъ, сопровождавшихъ совершеніе преступленія.

Въ техническомъ отношеніи совершенно отсутствовали въ слѣдственномъ производствѣ постановленія, которыя опредѣляли бы, что предпринималось самимъ слѣдствіемъ для установленія того или другого факта для раскрытія преступленія; вещественныя доказательства, какъ предметы, такъ и документы были оставлены слѣдствіемъ безъ изученія, экспертизы, предъявленія свѣдущимъ лицамъ, и не использованы въ цѣляхъ изслѣдованія преступленія. Цѣлый рядъ свидѣтелей, выдвигавшихся матеріалами, не допрошенъ. Мѣста, такъ или иначе связанныя съ преступленіемъ, осмотрѣны поверхностно, слѣды совершенно не использованы и не зафиксированы. Участники преступленія не установлены и вообще дѣло носило скорѣе характеръ дознанія, а не слѣдственнаго производства.

Что же касается до данныхъ, устанавливавшихъ самый фактъ совершившагося преступленія, слѣдствіе Сергѣева совершенно оставляло открытымъ вопросъ—чье же это преступленіе: Медвѣдева, Янкеля Юровскаго, мѣстной ли областной власти, или центральной, или, наконецъ, какой-либо группы лицъ, группы дѣятелей? Въ такомъ состояніи, въ какомъ оказалось слѣдственное производство послѣ семи мѣсяцевъ работы, оно не только не могло послужить для начала судебнаго процесса, но трудно было дать вообще какое-либо болѣе или менѣе обоснованное заключеніе. Естественно, что каждый, кому скажутъ—въ Иппатьевскомъ домѣ убита вся Царская Семья, спроситъ: кѣмъ убита? Сергѣевское дѣло даетъ одинъ отвѣтъ: Янкелемъ Юровскимъ. Но вѣдь абсурдно допустить, что Янкель Юровскій, какимъ бы онъ ни былъ „вліятельнымъ“ совѣтскимъ дѣятелемъ, могъ самостоятельно совершить это преступленіе, не имѣя на то полномочій или указаній свыше? Этого вопроса Сергѣевъ совершенно изъ бывшихъ у него матеріаловъ не освѣтилъ и даже не затронулъ. Онъ въ этомъ отношеніи стоялъ на точкѣ зрѣнія оффиціальныхъ объявленій совѣтской власти.

Возлагая на Соколова продолженіе веденія слѣдственнаго производства, Верховный Правитель черезъ Министра Юстиціи приказалъ ему составить для Совѣта Министровъ краткую докладную записку объ убійствѣ Царской Семьи

для выработки Правительственнаго сообщенія объ учиненномъ въ Екатеринбургѣ злодѣяніи. Обстоятельства сложились такъ, что этого сообщенія не послѣдовало, но, составляя свою докладную записку, Соколовъ наткнулся на показаніе Саковича объ обсужденіи въ президіумѣ областного совѣта вопроса объ уничтоженіи Царской Семьи во время перевозки Ея изъ Тобольска въ Екатеринбургъ; на телеграмму Бѣлобородова въ Москву Исааку Голощекину объ организаціи какого-то дѣла, касавшагося Царской Семьи, согласно указанію центра; на указаніе Капитолины Агафоновой объ участіи въ разстрѣлѣ какихъ-то „пяти главныхъ", пріѣхавшихъ изъ совѣта, и на указаніе изъ Алапаевскаго дѣла, что распоряженіе объ уничтоженіи Великихъ Князей было сдѣлано изъ Екатеринбурга за подписью еврея Сафарова.

Принявъ во вниманіе, что, по показанію Павла Медвѣдева, разстрѣломъ въ Ипатьевскомъ домѣ руководилъ Янкель Юровскій, Соколову не могло не броситься въ глаза обиліе совѣтскихъ дѣятелей съ еврейскими фамиліями, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ вопросамъ, касавшимся судьбы Царской Семьи въ Екатеринбургѣ и Великихъ Князей въ Алапаевскѣ. Съ другой стороны, Соколовъ зналъ кто такіе евреи Сафаровъ и Войковъ, зналъ, что они вовсе не бывшіе уральскіе дѣятели, а пріѣхали въ Россію съ главарями центральной власти. Видѣлъ, что телеграммой Бѣлобородова устанавливается близость Исаака Голощекина къ Янкелю Свердлову, и такимъ образомъ, при существованіи опредѣленной связи части мѣстныхъ совѣтскихъ дѣятелей съ представителями центральной власти, являлось вполнѣ допустимымъ, что убійство Царской Семьи могло быть результатомъ указаній, исходившихъ изъ Москвы.

Эти новыя намѣчавшіяся матеріалами обстоятельства, бросавшееся въ глаза участіе евреевъ совѣтской власти въ судьбѣ Царской Семьи и допустимость причастности къ убійству центральной власти ставили передъ слѣдственнымъ производствомъ серьезную и трудную задачу: что это? — случайности, простыя совпаденія, или дѣйствительные факты. Если дѣйствительно убійство Царской Семьи и прочихъ Членовъ Дома Романовыхъ вдохновлялось главнымъ образомъ еврейскими дѣятелями совѣтской власти, то можно было заранѣе предвидѣть, что въ слѣдственномъ порядкѣ едва ли удастся добыть достаточно вещественныхъ

и документальныхъ данныхъ для установленія непреложности этого факта. Между тѣмъ вопросъ былъ черезчуръ серьезенъ: онъ рѣзко затрагивалъ всегда больной въ Россіи „еврейскій вопросъ“, почему игнорировать имъ ни въ коемъ случаѣ нельзя было и, чтобы освѣтить его возможно полнѣе, необходимо было, кромѣ изслѣдованія слѣдственнымъ порядкомъ, изучить его допустимыми средствами въ порядкѣ разслѣдованія.

Кромѣ того при подтвержденіи исключительнаго отношенія евреевъ совѣтской власти къ убійству Царской Семьи, совершенно особенно подчеркивалось національное значеніе этого трагическаго событія для Россіи. Съ этой точки зрѣнія нельзя было не учитывать, что дѣло это вообще не можетъ быть разсматриваемо, какъ достояніе исключительно Россіи текущаго момента. Оно будетъ принадлежать главнымъ образомъ Россіи будущаго времени, Россіи возрожденной, и пріобрѣтаетъ вслѣдствіе этого значеніе историческое особой важности и опредѣленно національнаго направленія. Отсюда задачами разслѣдованія и слѣдствія являлись розыски и сборы матеріаловъ, не только служащихъ къ раскрытію преступленія, его исполнителей, руководителей и вдохновителей, но и матеріаловъ, обрисовывающихъ въ національномъ отношеніи убитыхъ бывшаго Государя Императора, Государыни Императрицы и Августѣйшихъ Дѣтей.

Наконецъ, совершенно неразрѣшимымъ по текущему моменту являлся вопросъ, сможетъ ли дѣло объ убійствѣ Царской Семьи стать предметомъ судебнаго процесса и когда? Время для этого могло настать и очень скоро, но могло отойти и въ очень далекое будущее. Въ первомъ случаѣ необходимо было какъ можно скорѣе закончить слѣдственное производство въ такихъ предѣлахъ, чтобы оно безусловно позволяло начать самый судебный процессъ. Во второмъ случаѣ слѣдственное производство должно было имѣть исключительную полноту, тщательность и законченность въ каждой отдѣльной области своего изслѣдованія преступленія, дабы тѣ, кто будутъ имъ пользоваться въ будущемъ, имѣли насколько возможно исчерпывающій матеріалъ по установленію фактовъ и опредѣленные отвѣты на вопросы, которые могутъ возникнуть въ будущей возрожденной, христіанской и національной Россіи. При этомъ нельзя не учесть того, что, если это дѣло станетъ въ далекомъ буду-

щемъ предметомъ судебнаго процесса, то тогдашніе судьи уже не будутъ имѣть возможности видѣть на мѣстѣ многое изъ того, что яснѣе всякихъ словъ говорило о совершенномъ преступленіи, а должны будутъ судить только на основаніи оставленнаго имъ слѣдственнаго производства и матеріаловъ общаго разслѣдованія. Въ этомъ отношеніи слѣдственная работа теперь должна была осложниться и затянуться возможно болѣе полнымъ и точнымъ зафиксированіемъ, всѣми возможными способами, важнѣйшихъ вещественныхъ доказательствъ и документовъ, слѣдовъ преступленія, историческихъ мѣстъ, связанныхъ съ совершившимся преступленіемъ, произведенныхъ изысканій и т. п.

Исходя изъ изложенныхъ общихъ соображеній, для дальнѣйшаго слѣдственнаго производства и историческо-національнаго изслѣдованія былъ разработанъ перечень работъ, подлежавшихъ выполненію слѣдователемъ Соколовымъ и лицами, привлеченными къ разслѣдованію, для всесторонняго изученія событія, имѣвшаго мѣсто въ городѣ Екатеринбургѣ. Этотъ перечень работъ предусматривалъ:

1) Распредѣленіе всѣхъ собранныхъ по дѣлу вещей и документовъ на двѣ группы: вещи и документы, которые должны остаться при слѣдственномъ производствѣ въ качествѣ „вещественныхъ доказательствъ", и вещи и документы, имѣющіе не столько вышеуказанное значеніе, сколько представляющіе исторически-національную цѣнность, какъ предметы, принадлежавшіе Царской Семьѣ и убитымъ Членамъ Дома Романовыхъ.

2) Изслѣдованіе и изученіе вещественныхъ доказательствъ.

3) Изслѣдованіе и изученіе мѣстъ, связанныхъ съ убійствомъ въ Екатеринбургѣ бывшаго Государя Императора и Его Семьи.

4) Организація розыска преступниковъ и свидѣтелей по дѣлу и сборъ свѣдѣній о лицахъ, причастныхъ къ совершившемуся злодѣянію.

5) Допросы въ отношеніи выясненія дѣла съ юридической, исторической и національной точекъ зрѣнія и

6) Розыски тѣлъ мученически погибшихъ бывшаго Государя Императора, Членовъ Его Семьи и состоявшихъ при Нихъ придворныхъ и слугъ.

Совокупность всѣхъ этихъ работъ должна была составить „Дѣло объ убійствѣ въ городѣ Екатеринбургѣ въ ночь съ 16-го на 17-е іюля 1918 года бывшаго Государя

Императора и Его Семьи" и дать возможно полные матеріалы, изысканія, фотографіи и планы по вытекающимъ изъ дѣла вопросамъ юридическаго, историческаго и національнаго характеровъ, уложенные въ рамки установленныхъ закономъ формъ для слѣдственныхъ производствъ. Всѣ документы должны были воспроизводиться въ трехъ экземплярахъ: одинъ—подлинникъ, и двѣ копіи, скрѣпляемыхъ слѣдователемъ для храненія у опредѣленныхъ лицъ, установленныхъ по соглашенію съ Верховнымъ Правителемъ.

Совершенно ясно, что разслѣдованіе убійства Царской Семьи, принимая историческое и національное значеніе, становилось чрезвычайно обширной задачей, довести которую до конца въ полномъ объемѣ не могли разсчитывать тѣ работники, на которыхъ выпала обязанность начать ее. Особенно это касалось сбора матеріаловъ для всесторонняго историческаго и національнаго освѣщенія событія. Не касаясь большой конспиративности работы еврейскихъ совѣтскихъ дѣятелей и главарей совѣтской власти, недосягаемости главныхъ преступниковъ и свидѣтелей преступленія для слѣдствія и разбросанности лицъ, окружавшихъ Царскую Семью въ послѣдніе мѣсяцы Ея жизни, измѣнчивыя условія гражданской войны не давали возможности разсчитывать на достаточность времени даже для розыска и сбора исчерпывающаго матеріала непосредственно въ раіонѣ совершившагося преступленія. Владѣніе нами Ураломъ далеко нельзя было считать обезпеченнымъ, а возвращеніе на него большевиковъ угрожало безусловно новыми предпріятіями со стороны вдохновителей и руководителей преступленія для окончательнаго уничтоженія и тѣхъ немногихъ слѣдовъ ихъ роли и участія въ убійствѣ Царской Семьи, которые еще оставались въ раіонѣ Екатеринбурга.

Принявъ во вниманіе, что тѣмъ не менѣе въ будущемъ можетъ настать такое время, когда русскій народъ захочетъ довести начинавшееся изслѣдованіе и слѣдствіе до полнаго конца и установленія опредѣленной истины трагедіи Дома Романовыхъ, подлежавшія выполненію работы по продолженію слѣдствія и разслѣдованія намѣчалось вести по плану, предусматривавшему единовременное изученіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ совершеніе преступленія, по тремъ направленіямъ: юридическому, историческому и національному. При этомъ каждая отдѣльная работа въ области слѣдственнаго производства и области изслѣдова-

нія, изъ которыхъ въ будущемъ должно было создаться общее дѣло въ цѣломъ, подлежала изученію и запротоколированію, насколько возможно, въ вполнѣ законченномъ въ указанныхъ направленіяхъ видѣ. Такъ, если допрашивался свидѣтель, то допросъ не ограничивался только юридической стороной дѣла, а старался исчерпать даннаго свидѣтеля и въ цѣляхъ историческаго и національнаго освѣщенія вопроса, конечно, по столько, по сколько данный свидѣтель былъ способенъ дать данныя въ этомъ отношеніи; если изучались надписи на какой-нибудь стѣнѣ въ комнатахъ дома Ипатьева, то дѣйствіе не ограничивалось запротоколированіемъ данныхъ надписей, но зафиксировывало ихъ еще фотографическимъ путемъ, переводило черезъ спеціалистовъ на русскій языкъ, если онѣ были сдѣланы на иностранномъ, производило экспертизу почерковъ, стремилось установить авторовъ, время производства надписи и обстоятельства, ее сопровождавшія и т. д.

Такимъ положеніемъ имѣлось въ виду, съ одной стороны, использовать проходившихъ свидѣтелей и еще сохранившіеся на мѣстѣ слѣды преступленія, насколько возможно полнѣе, пока работы могли вестись еще въ Екатеринбургскомъ раіонѣ, и съ другой стороны, предоставить тѣмъ, кому будетъ суждено въ будущемъ, возможность пользоваться матеріалами предыдущихъ работъ, какъ вполнѣ исчерпывающими вопросъ во всѣхъ отношеніяхъ и, по возможности, освобожденными отъ сомнѣній въ ихъ существованіи въ данное время и отъ произвольнаго толкованія ихъ значенія въ истекшихъ событіяхъ.

Работы по разслѣдованію и слѣдствію производились всегда въ условіяхъ самаго тѣснаго сотрудничества всѣхъ лицъ, привлеченныхъ къ веденію таковыхъ, формально проявлявшагося въ жизни всей комиссіи въ одномъ помѣщеніи, въ одномъ вагонѣ, въ одномъ пунктѣ. Директивы по разслѣдованію вытекали изъ матеріаловъ и предположеній, устанавливавшихся слѣдственнымъ производствомъ, и въ сущности лица, работавшія по разслѣдованію, являлись лишь прямыми исполнителями заданій слѣдователя и выполняли работу тѣхъ агентовъ и помощниковъ слѣдователя, которыми въ прежнее время являлись чины полиціи и наряжавшіеся ею агенты и рабочіе для различныхъ работъ по требованію слѣдователя и прокурорскаго надзора. Это позволяло сосредоточивать всѣ силы и средства на разра-

боткѣ положеній и предположеній, строго обосновывавшихся серьезными данными слѣдственнаго производства, не разбрасываясь и не раскидываясь по отвлекавшимъ въ стороны соблазнамъ провокаціоннаго характера, которые не прекращались во все время, пока производилось слѣдствіе и разслѣдованіе.

Вещи и документы.

Въ Омскѣ къ вещамъ и документамъ, собраннымъ въ Екатеринбургѣ и относившимся къ дѣлу объ убійствѣ Царской Семьи, по повелѣнію Верховнаго Правителя, были присоединены и вещи, собранныя генералъ-маіоромъ Голицынымъ въ Алапаевскѣ и принадлежавшія убитымъ тамъ Великой Княгинѣ Елизаветѣ Федоровнѣ, Великому Князю Сергѣю Михаиловичу, Князьямъ Іоанну, Игорю и Константину Константиновичамъ и графу Владиміру Палею. Кромѣ того Адмиралъ Колчакъ передалъ въ комиссію полученную имъ еще ранѣе шкатулку съ нѣкоторыми болѣе цѣнными вещами упомянутыхъ Высочайшихъ Особъ. Въ общемъ вещей получилось довольно много. Онѣ были сложены по сундукамъ, чемоданамъ и ящикамъ безъ описей содержавшагося въ нихъ, а нѣкоторые вещи и документы, снятые съ тѣлъ Великой Княгини, Великаго Князя и Князей, не были въ свое время продезинфецированы, почему теперь часть ихъ совершенно испортилась подъ вліяніемъ остававшихся на нихъ отдѣленій разложенія. Шапки, пальто и обувь Великаго Князя и Князей, послѣ судебнаго осмотра ихъ и занесенія въ протокольныя постановленія, пришлось сжечь, за невозможностью пріобрѣсти въ Омскѣ герметическое хранилище достаточныхъ размѣровъ для дальнѣйшаго ихъ храненія. Обезвредить разложеніе дезинфекціоннымъ путемъ уже не представилось возможнымъ.

Изъ вещей, собранныхъ въ Екатеринбургѣ, прежде всего были отобраны тѣ вещи и документы, которые были найдены при осмотрахъ дома Ипатьева, дома Попова, помойной ямы во дворѣ дома Ипатьева, при изслѣдованіи и розыскахъ въ раіонѣ Ганиной ямы, въ комнатахъ бывшаго областного совѣта и въ почтово-телеграфной конторѣ. Всѣ эти вещи и документы по существу являлись веществен-

ными и документальными доказательствами по дѣлу, и потому всѣ они подверглись детальному обслѣдованію, изученію и описанію. Главнѣйшіе и необходимѣйшіе изъ нихъ по слѣдственному указанію подверглись кромѣ того экспертизѣ спеціалистовъ, научнымъ анализамъ, фотографированію и подробному протокольному описанію. По изслѣдованіи всѣхъ этихъ вещей въ слѣдственномъ отношеніи, большая часть ихъ, въ томъ числѣ представлявшія большую матеріальную цѣнность, была внесена въ новыя описи, вновь уложена, упакована, запечатана и передана по указанію Верховнаго Правителя на храненіе въ надежное мѣсто, такъ какъ сохранять при себѣ все это цѣнное въ историческомъ и національномъ отношеніяхъ имущество, представлявшее реликвіи погибшей Царской Семьи, комиссія не считала обезпеченнымъ.

Послѣ этого были разобраны вещи, отобранныя отъ бывшихъ охранниковъ и ихъ семей и знакомыхъ въ Екатеринбургѣ, Верхъ-Исетскомъ и Сысертскомъ заводахъ, а равно вещи и документы, оставшіеся въ каретникѣ дома Ипатьева и въ кладовой Волжско-Камскаго банка. Насколько позволило время, письма, дневники и книги, принадлежавшіе Членамъ Царской Семьи и погибшимъ съ Ними приближеннымъ, были просмотрѣны и использованы, какъ матеріалы историческаго и національнаго значенія, но въ общемъ бѣгло, оставляя эту область изслѣдованія на будущее время въ обстановкѣ болѣе благопріятной, чѣмъ та, въ которой велось слѣдственное производство. Этимъ вещамъ и документамъ были также составлены подробные описи и списки, послѣ чего ихъ снова уложили въ особые ящики, упаковали, запечатали и сдали на храненіе туда же, куда были переданы и вышеуказанныя вещи.

Разборка и изученіе вещей и документовъ, оставшихся послѣ убитыхъ Членовъ Царской Семьи, дали для слѣдствія нѣсколько очень цѣнныхъ и характерныхъ указаній:

1) Среди вещей Царской Семьи, найденныхъ какъ въ комнатахъ дома Ипатьева, такъ и въ каретникѣ при этомъ домѣ, не оказалось *ни одной вещи изъ носимаго бѣлья, одежды, платьевъ, обуви и верхней одежды.* Въ то время, какъ въ буфетѣ столовой нашлось 57 иконъ и образковъ, принадлежавшихъ Членамъ Царской Семьи, ни въ комнатахъ, гдѣ Они жили, ни въ кучахъ разбросанныхъ вещей и въ развороченныхъ ящикахъ въ каретномъ сараѣ не было

ни одного чулка, ни одной тѣльной рубашки, ни носового платка, ни башмака, ни шляпы, словомъ ничего изъ одежды и бѣлья. Всѣ эти вещи были вывезены Исаакомъ Голощекинымъ и Янкелемъ Юровскимъ начисто.

При изслѣдованіи этого обстоятельства удалось установить слѣдующіе факты: разводящій охранной команды Анатолій Якимовъ и охранникъ Филиппъ Проскуряковъ разсказали, что названные руководители преступленія, уѣзжая изъ Екатеринбурга въ Москву, кромѣ драгоцѣнностей, принадлежавшихъ Царской Семьѣ и снятыхъ съ Ея Членовъ послѣ убійства, главнымъ образомъ собирали, упаковывали и отправляли на вокзалъ бѣлье, обувь и одежду Августѣйшей Семьи. Далѣе изъ счетовъ комиссара, бывшаго Кронштадтскаго матроса Хохрякова, перевозившаго, вмѣстѣ съ комиссаромъ Родіоновымъ, Царскихъ Дѣтей изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, выясняется, что со вторымъ эшелономъ Царской Семьи было перевезено багажа 2.700 пудовъ. Нынѣ всѣ собранныя въ Екатеринбургѣ вещи составляли грузъ едва въ 150 пудовъ, или значитъ почти ничего изъ всего имущества Царской Семьи, привезеннаго изъ Тобольска. Что счетъ Хохрякова правиленъ, тому служатъ подтвержденіемъ расписки, приложенныя къ счету по упаковкѣ вещей, переноскѣ ихъ, перегрузкѣ въ Тюмени, перевозкѣ на пароходѣ, по желѣзной дорогѣ и на возчикахъ въ Екатеринбургѣ. Кромѣ того Филиппъ Проскуряковъ, со словъ бывшаго съ нимъ на вокзалѣ при отъѣздѣ изъ Екатеринбурга охранника Талапова, свидѣтельствуетъ, что вещами изъ дома Ипатьева комиссары наполнили три большихъ американскихъ товарныхъ вагона.

Небольшое количество бѣлья и обуви было найдено при обыскахъ у охранниковъ. Такъ, у Ивана Старкова оказались четыре носовыхъ платка, принадлежавшихъ Великимъ Княжнамъ, а у Михаила Летемина—простыня Государя Императора, подушка, простыня и наволочка съ подушки Государыни Императрицы, рубашка мужская съ вырѣзанной мѣткой, туфли коричневые, лайковые, повидимому, Великой Княжны Маріи Николаевны и мужскіе штиблеты съ резиной или доктора Боткина, или кого-либо изъ слугъ. Большую же часть безусловно увезли главари совѣтской власти, среди которыхъ Исаакъ Голощекинъ, вѣроятно, былъ однимъ изъ наибольшихъ грабителей, и по дорогѣ въ Москву раздавалъ вещи кое-кому изъ своихъ пріятелей

и знакомыхъ. Однако раздавалъ онъ вещи очень скупо, особо отличавшимся большевистскимъ дѣятелямъ, и то „по протекціи“, какъ выразилась про него видная Пермская большевистская дѣятельница, нѣкая Голубева, служившая казначейшей въ исполкомѣ. По ея словамъ, вещи Царской Семьи были привезены Исаакомъ Голощекинымъ изъ Екатеринбурга при ней, и она показывала Семену Логинову, о которомъ рѣчь будетъ еще впереди, во время ихъ совмѣстнаго путешествія въ Москву полученныя ею отъ Исаака Голощекина подушку пуховую Государыни Императрицы и женскіе ботинки на пуговицахъ очень хорошей мягкой кожи, принадлежавшіе кому-то изъ Царской Семьи, но кому именно, она не знала. Кромѣ того въ Екатеринбургѣ послѣ убійства Царской Семьи многіе видѣли на любовницѣ комиссара Дидковскаго сапожки, сшитые по мужскому образцу и принадлежавшіе одной изъ Великихъ Княженъ. Такіе сапожки имѣли всѣ Великія Княжны; въ нихъ Онѣ еще въ Царскомъ Селѣ, а затѣмъ и въ Тобольскѣ въ зимнее время работали съ Отцомъ въ снѣгу по расчисткѣ сада или двора.

А что одежды должно было быть у Царской Семьи много, можно судить хотя бы по тому, что при разборкѣ вещей было найдено 140 штукъ вѣшалокъ для платьевъ и верхней одежды.

2) Въ числѣ вещей, найденныхъ въ домѣ Ипатьева и въ каретникѣ, не оказалось *ни одной ювелирной вещицы,* изъ числа принадлежавшихъ Царской Семьѣ и даже самой незначительной цѣнности. Павелъ Медвѣдевъ говоритъ, что, когда онъ зашелъ утромъ послѣ убійства въ домъ, то въ комнатѣ коменданта онъ засталъ Исаака Голощекина и Янкеля Юровскаго, а на столахъ, на диванѣ лежали груды камней и золотыхъ вещей.

При разборкѣ документовъ, подобранныхъ при осмотрѣ комнаты коменданта, въ числѣ прочихъ оказался разорванный почтовый конвертъ, на которомъ сохранилась надпись: „золотыя вещи Анастасіи Николаевны“. Существовалъ ли этотъ конвертъ еще при жизни Великой Княжны, или происхожденіе его слѣдуетъ отнести ко времени разборки награбленныхъ драгоцѣнныхъ вещей Царской Семьи Исаакомъ Голощекинымъ и Янкелемъ Юровскимъ послѣ убійства и обобранія тѣлъ—остается вопросомъ открытымъ, но, судя по отсутствію въ надписи на конвертѣ титулованія, второе предположеніе имѣетъ болѣе основаній. Конвертъ

былъ предъявленъ комнатнымъ дѣвушкамъ Великихъ Княженъ, но онѣ не видѣли у Великой Княжны Анастасіи Николаевны такого конверта, хотя принимали участіе въ сокрытіи золотыхъ вещей при переѣздѣ Семьи изъ Тобольска въ Екатеринбургъ.

Павелъ Логиновъ, машинистъ поѣзда, увозившаго комиссаровъ изъ Екатеринбурга, встрѣтилъ въ Перми знакомаго ему съ дѣтства бывшаго товарища предсѣдателя Екатеринбургской чрезвычайной слѣдственной комиссіи Валентина Сахарова, у котораго на пальцѣ красовалось золотое кольцо съ бирюзой. На вопросъ Логинова о происхожденіи кольца, Валентинъ Сахаровъ отвѣтилъ, что оно вѣроятно англійской работы, такъ какъ снято съ руки Великой Княжны Анастасіи Николаевны.

Возможно, что Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій, обобравъ драгоцѣнныя вещи съ тѣлъ убитыхъ, разложили ихъ по принадлежности по пакетамъ, а затѣмъ принуждены были одѣлить своихъ сотрудниковъ по чрезвычайкѣ, зашедшихъ въ домъ Ипатьева позже, почему и пришлось вскрыть одинъ изъ запечатанныхъ уже пакетовъ.

3) Вещи, брошенныя и оставленныя совѣтскими преступниками въ каретникѣ дома Ипатьева, относились преимущественно къ предметамъ кухоннаго и столоваго обихода, *не имѣющимъ характера первой необходимости:* разрозненные наборы кастрюль, формъ и формочекъ; отдѣльныя крышки съ кастрюль; жестяныя шкатулки отъ продуктовъ; остатки отъ сервизовъ столовыхъ, чайныхъ; банки и склянки кухоннаго обихода и т. п.

Вещи же, или вѣрнѣе остатки вещей, собранныя въ комнатахъ, гдѣ жила Царская Семья, наоборотъ, принадлежали почти исключительно къ категоріи вещей и предметовъ *первой необходимости:* щетки зубныя и ногтевыя; гребешки, гребенки, шпильки; мыльницы и разныя стеклянныя и фарфоровыя коробочки для зубного порошка; иголки, нитки, булавки, пуговицы, кнопки и прочая мелочь работы и починки; флаконы туалетной воды; пузырьки съ лекарствами постояннаго употребленія Государыни Императрицы, страдавшей сердцемъ, и Наслѣдника Цесаревича, болѣвшаго наслѣдственной болѣзнью *гемофиліей.* Сюда же необходимо отнести и нѣкоторые мелкіе предметы религіознаго значенія, которые Члены Царской Семьи всегда возили съ собой и никогда не разставались съ ними, какъ-то: пузырьки со

Святой водой и мvромъ изъ разныхъ Святыхъ мѣстъ и монастырей, иконки надкроватныя и носимыя, образки и образа особо чтившихся Семьей Святыхъ, Евангелія и Священныя книги. При этомъ по крайней мѣрѣ 75% всѣхъ указанныхъ вещей первой необходимости оказались въ видѣ пепла, угля и обгорѣлыхъ остатковъ, которыми были заполнены топки въ печахъ какъ комнатъ, занимавшихся Царской Семьей, такъ и комнаты, гдѣ жилъ Янкель Юровскій, комнатъ нижняго этажа дома Ипатьева, гдѣ помѣщалась внутренняя охрана, и казарменнаго помѣщенія дома Попова, гдѣ была расквартирована команда внѣшней охраны.

Въ приложеніи 1-мъ (къ настоящему отдѣлу) помѣщены выписки изъ описей вещей и предметовъ, найденныхъ въ комнатахъ, гдѣ жила Царская Семья, и собранныхъ въ каретникѣ дома Ипатьева, какъ наиболѣе характерныя для подтвержденія высказаннаго взгляда на разность характера предметовъ, оказавшихся въ томъ и другомъ мѣстѣ. Куда дѣлись вещи Царской Семьи, разграбленныя убійцами, установить не удалось, но судя по тому, что Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій направились изъ Екатеринбурга прямо въ Москву, можно думать, что главная масса бѣлья, одежды и обуви Членовъ Царской Семьи стала въ Москвѣ достояніемъ дамъ новаго совѣтскаго свѣта.

4) Исключеніе составили оставленныя совѣтскими дѣятелями въ каретникѣ книги, принадлежавшія Членамъ Августѣйшей Семьи и часть игрушекъ Наслѣдника Цесаревича. Кромѣ того, какъ было уже сказано, въ домѣ Ипатьева оказались брошенными Евангелія и Священныя книги погибшей религіозной Семьи. Можетъ быть если бы власть большевиковъ продержалась въ Екатеринбургѣ дольше, то и эти книги и игрушки были бы растасканы причастными къ преступленію охранниками и посторонними людьми, но военныя событія шли слишкомъ быстрымъ темпомъ, и творцы злодѣянія были вынуждены покинуть домъ Ипатьева до совершенно полнаго расхищенія имущества.

Всѣ эти книги не принадлежали къ числу книгъ Царскосельской библіотеки; это были книги, лично принадлежавшія каждому изъ Членовъ Семьи, какъ подарки отъ родителей, или былыхъ близкихъ друзей и знакомыхъ. Поэтому почти на каждой книгѣ имѣются помѣтки: когда книга получена, кому она принадлежитъ и на большинствѣ отъ кого именно получена. Обращаетъ на себя особенное вниманіе, что эти

любимыя, дорогія для Дѣтей книги, исключительно русскія, англійскія или французскія. Ни одной нѣмецкой книги ни у кого изъ Нихъ не было и вообще нѣмецкихъ книгъ въ вещахъ Царской Семьи не оказалось. Единственно Е. А. Шнейдеръ имѣла Евангеліе на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ была лютеранкой.

Изъ этихъ найденныхъ книгъ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ принадлежали: 3 англійскихъ и 2 французскихъ книги; кромѣ того 2 французскихъ книжки принадлежали одновременно двумъ старшимъ Сестрамъ.

Великой Княжнѣ Татьянѣ Николаевнѣ принадлежали: 7 англійскихъ и 17 русскихъ книгъ, а именно: Молитвенное правило готовящимся къ Святому Причастію, Благодѣяніе Богоматери, Часословъ, Письма о христіанской жизни, О терпѣніи скорбей, Житіе и чудеса Св. Симеона Верхотурскаго, Житіе Преподобнаго Серафима Саровскаго, Акафистъ Богородицѣ, Двѣнадцать Евангелій, Моя жизнь во Христѣ, Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу, Сборникъ благоговѣйныхъ чтеній, Бесѣды о страданіяхъ Филарета, Канонъ Великаго Андрея Критскаго, Сборникъ службъ, молитвъ и пѣснопѣній; Чистякова, Исторія Петра Великаго; Чарской, Смѣлая жизнь.

Великой Княжнѣ Маріи Николаевнѣ – 2 англійскихъ и 4 русскихъ книги: Л. Толстого, Война и миръ; Попова, Отблески; Книжка нагляднаго обученія иностраннымъ языкамъ, Авенаріусъ, На Парижъ.

Великой Княжнѣ Анастасіи Николаевнѣ—4 книги сочиненія Лажечникова.

Наслѣднику Цесаревичу—Правила игры на балалайкѣ, Память о Тобольскѣ, Памятная книжка на 1917 годъ, Тетрадь для французскаго языка.

Государынѣ Императрицѣ—Нилуса, Великое въ маломъ; Аверченко, Синее съ золотомъ; Аверченко, Разсказы для выздоравливающихъ; Три тома сочиненій Чехова и 1 французская книжка.

Часть же книгъ, взятыхъ съ собой Царской Семьей въ Тобольскъ изъ библіотеки Царскаго Села, оказалась въ помѣщеніи Волжско-Камскаго банка, но въ очень ограниченномъ количествѣ и съ разрозненными томами сочиненій и недостающими нумерами журналовъ. Видимо, среди книгъ кто-то хозяйничалъ и большую часть похитилъ.

Но и среди этихъ книгъ также не оказалось ни одной нѣмецкой книги. Наоборотъ, обращалось вниманіе на наличіе книгъ анти-германскаго направленія: Брошюра, „Нѣмецкое зло“; Густава Лебона, „Основныя причины войны“; Крэмбъ, „Германія и Англія“ и т. п. Далѣе характерно было наличіе списка „фамилій и псевдонимовъ современныхъ совѣтскихъ дѣятелей“, брошюра „А. Ф. Керенскій“, и рядъ серьезныхъ книгъ соціально-политическаго направленія: Левъ Бернстедъ, „Какъ закрѣпить землю за народомъ“; Пѣшехоновъ, „Національзація земли“; Ядринцевъ, „Сперанскій и его реформы“; Семеновъ, „Демократія и Армія“; брошюра „Земля и Воля“; Мыловъ, „Политическія партіи“ и т. д.

Много оказалось книгъ по исторіи и географіи Россіи, книгъ философскихъ и духовнаго содержанія и разрозненныхъ журналовъ періодической печати: Историческаго Вѣстника и Вѣстника Европы. Беллетристическихъ книгъ осталось очень мало и среди нихъ на книгѣ Мельникова-Печерскаго „Въ лѣсахъ“ имѣлась отмѣтка: „Прочелъ въ Тобольскѣ, сентябрь 1917 г. Николай“, а на книгѣ Л. Толстого, „Анна Каренина“: „Читалъ въ Тобольскѣ, февраль 1918 года. Николай“.

Въ Екатеринбургѣ въ домѣ Ипатьева тюремщики лишили возможности Царскую Семью пользоваться книгами; зубной техникъ Исаакъ Голощекинъ и ротный фельдшеръ Янкель Юровскій, повидимому, не имѣли въ виду особенно скрывать отъ Царской Семьи для чего они держатъ Ее въ Ипатьевскомъ домѣ, и въ послѣдніе два съ половиною мѣсяца своей земной жизни Августѣйшіе Мученики имѣли въ своемъ распоряженіи захваченныя Государыней Ея неразлучныя спутницы: „Евангеліе“, „Лѣствица“, „О терпѣніи скорби“ и „Библію“. Филиппъ Проскуряковъ разсказывалъ, что обыкновенно читалъ Государь или Государыня, а всѣ остальные заключенные, собравшись вмѣстѣ въ столовой, слушали и занимались какимъ-либо рукодѣліемъ. Иногда въ перерывахъ Они пѣли. „Ихъ пѣніе я самъ не одинъ разъ слышалъ“, говоритъ Проскуряковъ, „пѣли Они исключительно однѣ духовныя пѣсни“.

Видно въ этомъ приближеніи къ Богу, въ твердомъ сознаніи скораго предстательства предъ Лицомъ Его, Царская Семья имѣла силу духа просить Его:

„И у преддверія могилы
Вдохни въ уста Твоихъ рабовъ—
Нечеловѣческія силы
Молиться кротко за враговъ“.

5) Ни дневниковъ Государыни и Августѣйшихъ Дѣтей, ни какихъ-либо вообще документовъ Его Величества среди собранныхъ въ Ипатьевскомъ домѣ бумагъ и вещей не оказалось. Документы государственнаго значенія и личная переписка Государя Императора были конфискованы еще Керенскимъ въ Царскомъ Селѣ, о чемъ будетъ разсказано во второй части этой книги. Но дневники оставались у Государя Императора и Онъ продолжалъ ихъ вести и въ Тобольскѣ. При переѣздѣ изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, по словамъ Чемадурова, дневники были уложены въ отдѣльный сундучокъ и отправлены со всѣмъ багажемъ. Такъ какъ Царская Семья своего багажа въ Екатеринбургѣ не получила, то возможно, что совѣтскіе дѣятели завладѣли дневниками уже при самой перевозкѣ багажа изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, а не только послѣ убійства. На такія по крайней мѣрѣ мысли наводятъ слова Янкеля Свердлова, когда въ засѣданіи президіума ц. и. к. 18-го іюля 1918 года онъ говоритъ своимъ коллегамъ, что документы о заговорѣ высланы изъ Екатеринбурга съ особымъ курьеромъ, а черезъ нѣсколько фразъ заявляетъ, что „в распоряжении ЦИК находятся *сейчасъ* чрезвычайно важные матеріалы и документы Николая Романова, его собственноручные дневники“ и т. д. Это вставленное слово *сейчасъ* заставляетъ думать, что дневники Государя Императора уже были въ Москвѣ до прибытія курьера, высланнаго послѣ убійства, тѣмъ болѣе, что Янкель Свердловъ перечисляетъ категоріи разныхъ документовъ и писемъ, что едва ли Екатеринбургъ могъ сообщить ему въ то время, полное сумятицы, такъ какъ для этого надо было болѣе или менѣе разобраться въ захваченныхъ въ Ипатьевскомъ домѣ документахъ къ моменту переговоровъ съ Москвой по прямому проводу, а, какъ разсказываетъ кучеръ Елкинъ, Янкель Юровскій всю первую половину дня 17-го іюля прокатался по городу.

Совершенно случайно сохранился и былъ отобранъ у Михаила Летемина собственноручный дневникъ Наслѣдника Цесаревича за 1917 годъ. Это небольшая книжка, въ твердомъ, обтянутомъ сиреневымъ муаромъ съ золотымъ тисне-

ніемъ переплетѣ. На оборотной сторонѣ перваго внутренняго бумажнаго обертнаго листа рукой Государыни Императрицы на верху страницы поставленъ крестъ и подъ нимъ написано: „Всея твари Содѣтелю времена и лѣта во Своей власти положивый, благослови вѣнецъ лѣта благости Твоея, Господи, сохраняя въ мирѣ Императора, молитвами Богородицы и спаси ны“. А на слѣдующемъ внутреннемъ такомъ же листѣ: „Дорогому моему Алексѣю отъ Мама. Царское Село“.

Трогательно, по дѣтски, заносилъ Цесаревичъ въ дневникъ свои наблюденія надъ трагически-жгучими событіями этого тяжелаго для Его Родителей и для всей Семьи года. Онъ болѣлъ, и болѣлъ серьезно, поэтому естественно доминирующими мотивами записи являются отмѣтки о состояніи здоровья и связанныя съ этимъ, разрѣшавшіяся Ему развлеченія дня. Но Онъ наблюдателенъ, отмѣчаетъ, конечно, по своему и событія внѣшней жизни, оставлявшія въ немъ то или другое впечатлѣніе: „Сегодня пріѣзжалъ Керенскій; я спрятался за дверь, и онъ, не замѣчая меня, прошелъ къ Папа“. „Когда мы ѣхали на вокзалъ, кругомъ насъ скакала кавалерія“, это при отправленіи въ Тобольскъ. „Мы ходили въ церковь; по всему пути стояли шпалерами солдаты“. „Сегодня насъ опять не пустили въ церковь. Дураки“. „Какъ тяжело и скучно“, одна изъ послѣднихъ записей въ Тобольскѣ. Въ Екатеринбургѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ не сдѣлалъ ни одной записи.

Какъ общій характеръ, въ началѣ записи въ дневникѣ идутъ почти ежедневно; духъ ихъ бодрый, веселый. Потомъ съ переѣздомъ въ Тобольскъ записи дѣлаются все рѣже и рѣже, а содержаніе ихъ становится все грустнѣе и грустнѣе, какъ будто предчувствіе закрадывалось въ Его юную душу и Ему не хотѣлось заносить этого состоянія въ дневникъ. Однажды Онъ выразился: „если будутъ убивать, то чтобы не долго мучили“. Павелъ Медвѣдевъ говоритъ, что послѣ первыхъ залповъ „Наслѣдникъ еще былъ живъ, стоналъ; къ Нему подошелъ Юровскій и два или три раза выстрѣлилъ въ Него въ упоръ. Наслѣдникъ затихъ“.

Изъ дневника Наслѣдника Цесаревича видно, что не смотря на попытки отдѣльныхъ личностей изъ охраны тѣмъ или другимъ задѣть, оскорбить Членовъ Семьи, большинство солдатъ, повидимому, еще долгое время въ Тобольскѣ продолжало сохранять къ бывшему Государю уваженіе,

почтеніе и любовь, именно какъ къ бывшему Царю, который даже въ положеніи арестованнаго продолжалъ проявлять къ нимъ постоянные знаки вниманія, хорошаго отношенія и заботы. Наслѣдникъ Цесаревичъ очень часто упоминаетъ фамиліи любимыхъ солдатъ, разговоры съ ними Его и Отца, и эта близкая связь, повидимому, сохранялась до смѣны солдатъ охраны латышами, привезенными Родіоновымъ и Хохряковымъ. Наслѣдникъ отмѣчаетъ, что въ Тобольскѣ Они съ Государемъ ходили въ помѣщеніе караула и тамъ засиживались въ бесѣдѣ съ солдатами. Извѣстно, что когда въ Тобольскъ былъ присланъ Керенскимъ новый комиссаръ Панкратовъ, со своимъ помощникомъ грубымъ Никольскимъ, то они начали вводить разныя строгости, во избѣжаніе побѣга или похищенія Царской Семьи. Велико было изумленіе Панкратова, который однажды, зайдя въ караульное помѣщеніе охраны, засталъ тамъ Государя Императора съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ за столомъ съ солдатами караула въ дружественной бесѣдѣ. Вѣроятно тогда этотъ революціонеръ Царскаго времени понялъ, что если между Правителемъ-Царемъ Россіи и народомъ произошелъ разрывъ, приведшій къ революціи и низверженію Царя руководящими классами, то не бывшій Государь Императоръ Николай Александровичъ былъ причиною этого разрыва, а всѣ тѣ, кто мнили себя стоящими ближе къ народу, мнили себя болѣе понимающими народъ и поставившіе себя между Царемъ и народомъ.

6) Ни въ домѣ, ни-въ каретникѣ не оказалось ни одного хорошаго сундука и чемодана, принадлежавшихъ Царской Семьѣ, и въ которыхъ перевозились ихъ вещи. Повидимому, ими воспользовались убійцы для вывоза награбленнаго имущества, причемъ съ нихъ были сорваны вензеля и иниціалы, которые находились какъ въ домѣ Ипатьева, такъ и въ домѣ Попова. Въ каретникѣ оставались только желѣзные кухонные сундуки, въ которыхъ обыкновенно хранятъ продукты и припасы, и нѣсколько разбитыхъ и разломанныхъ простыхъ укупорочныхъ ящиковъ. Среди оставленныхъ и разбросанныхъ вещей оказалось нѣсколько большихъ рамъ отъ фамильныхъ портретовъ, но самихъ портретовъ не сохранилось: ихъ вырвали, изорвали и сожгли. Такъ были уничтожены большіе портреты всѣхъ Царскихъ Дѣтей, за исключеніемъ портрета Великой Княжны Татьяны Николаевны, каковаго вообще не было. Портретъ Великой

Княжны былъ заказанъ передъ самой февральской революціей; въ виду большой стоимости портрета, Государь и Государыня были вынуждены послѣ своего ареста остановить этотъ заказъ и портретъ сдѣланъ не былъ.

Въ домѣ Ипатьева сохранились: соломенная кушетка и ширмы Государыни Императрицы, вывезенныя Ею изъ Царскосельскаго дворца; кресло-каталка Наслѣдника Цесаревича, въ которомъ Онъ провелъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, такъ какъ со времени переѣзда въ Екатеринбургъ болѣзнь не оставляла Его, и ходить Онъ совершенно не могъ. Отъ жителей города были получены: сани Наслѣдника Цесаревича, въ которыхъ Его возили на прогулки во время болѣзни зимой, и столикъ отъ волшебнаго фонаря. Самаго фонаря въ вещахъ не оказалось.

7) Но если изъ бѣлья, одежды и обуви ничего не осталось въ цѣломъ состояніи, то небольшое количество этихъ предметовъ, въ видѣ почти совершенно погорѣвшихъ остатковъ, оказалось въ пеплѣ печей комнатъ, занимавшихся Царской Семьей. Тутъ попадались обгорѣлыми: куски шелковыхъ чулокъ, колечки отъ корсетной шнуровки, пистончики отъ лифчиковъ, пуговицы, крючки и кнопки отъ бѣлья, пуговицы отъ одежды, пряжки и застежки отъ подвязокъ, кусочки разныхъ матерій и обуглившіеся остатки обуви. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ же пеплѣ въ обгорѣломъ, а иногда и въ расплавленномъ видѣ попадалось много остатковъ рамокъ и рамочекъ, образковъ и иконокъ, металлическихъ частей отъ сумочекъ, шкатулокъ и коробочекъ, причемъ на нѣкоторыхъ остаткахъ сохранились надписи, свидѣтельствовавшія, что это были вещицы, сохранявшіяся Членами Царской Семьи какъ память, воспоминанія о родныхъ мѣстахъ и близкихъ людяхъ.

8) Совершенно обратно тому, что отмѣчено выше относительно характера вещей, найденныхъ въ домѣ Ипатьева и въ каретникѣ, слѣдуетъ замѣтить въ отношеніи вещей и вещицъ, собранныхъ въ раіонѣ Ганиной ямы и въ шахтѣ, обслѣдовавшейся офицерами. Если въ первомъ случаѣ нахожденіе остатковъ бѣлья, одежды и обуви составляло какъ бы исключеніе, а изъ драгоцѣнностей ничего не оказалось, то во второмъ случаѣ, наоборотъ, всѣ найденные предметы относились только или къ частямъ одежды, бѣлья и обуви, или къ ювелирнымъ драгоцѣнностямъ и вещамъ,

которыя могли быть или въ карманахъ, или одѣтыми на Членахъ Царской Семьи.

Всѣ эти вещи и предметы были раздѣлены на двѣ группы: первая—вещи, найденныя при осмотрѣ кострищъ въ раіонѣ Ганиной ямы, и вторая—вещи, найденныя въ самой шахтѣ.

Въ первую группу вошли слѣдующіе предметы:

1) Брилліантъ Государыни Императрицы, вѣсомъ въ 12 каратовъ. Онъ оправленъ въ зеленое золото и платину и принадлежалъ къ большому драгоцѣнному украшенію. По опредѣленію экспертовъ, стоимость такого брилліанта въ до-революціонное время опредѣлялась въ 20.000 рублей.

2) Кульмскій изумрудный крестъ съ жемчужными подвѣсками; принадлежалъ одной изъ Великихъ Княженъ. Онъ сильно обгорѣлъ, особенно жемчужины, изъ коихъ только одна сохранила еще свой натуральный цвѣтъ.

3) Три топазовыхъ бусины Великихъ Княженъ отъ длинныхъ ожерелій.

4) Кусочекъ брилліантоваго украшенія. Онъ носилъ слѣды какого-то рубящаго оружія, которымъ былъ отдѣленъ, повидимому, отъ цѣлаго украшенія.

5) Двѣ маленькихъ пряжки съ алмазиками отъ туфель Великихъ Княженъ.

6) Семь тоненькихъ пружинокъ отъ запоровъ ювелирныхъ издѣлій.

7) Остатки *шести* корсетовъ, изъ коихъ 3—на взрослыя фигуры, 1—средняго размѣра и 2—на меньшія фигуры.

8) Восемь парныхъ и одна отдѣльная пряжекъ отъ женскихъ подвязокъ, которыми онѣ пристегиваются къ корсетамъ.

9) 16 пряжекъ и 4 крючка отъ женскихъ подвязокъ для пристегиванія къ чулкамъ.

10) Девять пистончиковъ отъ шнуровки корсетовъ или лифчиковъ.

11) 7 пряжекъ отъ мужскихъ помочей или отъ брючныхъ и жилетныхъ хлястиковъ.

12) Три крючка отъ мужскихъ костюмовъ.

13) Три части пряжекъ отъ женскихъ поясовъ.

14) Мѣдная пряжка съ гербомъ малаго размѣра и застежка къ ней отъ кожанаго пояса Наслѣдника Цесаревича.

15) 5 большихъ и одна малая, мѣдныхъ, съ гербами пуговицъ отъ шинели Государя или Наслѣдника Цесаревича.

16) 4 пуговицы отъ дамскихъ костюмовъ, 3 перламутровыхъ пуговицы отъ бѣлья; 6 металлическихъ заграничныхъ

пуговицъ отъ мужской одежды; 4 металлическихъ пуговицы фирмы Лидваля и 2 бѣлыя, полотнянныя отъ бѣлья.

17) Четыре заграничныхъ кнопки отъ женскихъ платьевъ.

18) Металлическая бляшка и американскій ключикъ отъ ручной сумочки, и металлическій ободокъ и застежка отъ той же сумочки или портмоне.

19) 28 обгорѣлыхъ кусковъ отъ хорошей карманной головной щетки.

Вторую группу составили слѣдующіе предметы:

1) Отрѣзанный женскій палецъ и два кусочка человѣческой кожи.

2) Жемчужная серьга съ брилліантомъ Государыни Императрицы.

3) Четыре части расколотаго жемчуга, возможно отъ парной, указанной выше серьги.

4) Застежка съ брилліантиками для подвѣса какого-то украшенія.

5) Двѣ разломанныя частицы отъ какого-то золотого украшенія.

6) Одна топазина и осколокъ отъ другой такой же, видимо, отъ длиннаго ожерелья.

7) Складная, карманная рамка Государя Императора, съ тремя кусочками разорванной фотографіи Государыни Императрицы, когда Она была еще невѣстой.

8) Три разломанныхъ и разбитыхъ образка, носившихся на шеѣ: одинъ Николая Чудотворца, другой Св. Гурія, Самона и Авива, и третій — нельзя разобрать. Съ ними 28 кусочковъ разрушенной эмали отъ этихъ образковъ.

9) Застежка для галстуха.

10) 35 пистончиковъ отъ шнуровки корсетовъ или лифчиковъ; 14 кнопокъ отъ женскихъ платьевъ; 14 петель и 18 крючковъ разной величины отъ мужской и дамской одежды; 2 пуговицы; 4 винтика и 2 гвоздика отъ хорошей обуви.

11) Пряжка отъ женскаго пояса.

12) Черная бархатная ленточка.

13) Вставная верхняя челюсть доктора Боткина.

14) Два осколка зеленаго хрусталя отъ флакона и пробка съ Императорской короной. Флаконъ принадлежалъ Государынѣ Императрицѣ.

15) Двѣ револьверныхъ пули автоматическаго револьвера.

16) Три осколочка ручной гранаты.

17) Малая шанцевая лопата, которой, видимо, работали убійцы.

Всѣ эти вещи были найдены сильно обгорѣлыми и поржавѣвшими. Всѣ онѣ подлежали экспертизѣ, изслѣдованію и предъявленію свѣдущимъ лицамъ, о чемъ и будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ этой главы. Пока обращало на себя вниманіе, что золотыя вещи находились съ явными слѣдами порубки; это не были изломы, совершенно ясно было, что ихъ рубили. Сильнымъ ударамъ подвергались, видимо, и топазины, на что указываетъ найденный осколокъ; если жемчужина могла расколоться просто когда на нее наступили ногой, то топазина отъ такого давленія не расколется; нуженъ былъ сильный ударъ по ней чѣмъ-нибудь твердымъ и тяжелымъ.

Нельзя не отмѣтить также найденныхъ шейныхъ образковъ; на одномъ изъ нихъ сохранился собственноручной работы Государыни мѣшечекъ, связанный изъ малиновыхъ нитокъ „Ириса“, со слѣдами, какіе остаются наниткахъ при долгой носкѣ издѣлія на тѣлѣ. Принадлежность этихъ образковъ Членамъ Царской Семьи устанавливается цѣлымъ рядомъ свидѣтелей изъ лицъ, состоявшихъ при Нихъ въ Тобольскѣ и ранѣе: Чемадуровъ, Тутельбергъ, Ивановъ, Тегелева, Эрсбергъ. Представляется, слѣдовательно, что тѣла убитыхъ, привезенныя къ шахтѣ въ раіонѣ Ганиной ямы, ранѣе окончательнаго сокрытія ихъ, раздѣвали почти до нага, такъ какъ иначе снять или сорвать натѣльные образки не представлялось возможнымъ.

Далѣе обращаетъ вниманіе тождественность предметовъ, найденныхъ въ самой шахтѣ, съ предметами, найденными внѣ шахты, на поверхности земли, но вблизи шахты, тамъ, гдѣ были костры. Такъ какъ за исключеніемъ натѣльныхъ образковъ почти всѣ предметы, оказавшіеся въ шахтѣ, носили явные слѣды предварительнаго нахожденія ихъ въ огнѣ, то ясно, что въ шахту они были брошены умышленно, какъ бы отъ разброски кострищъ, скрывая слѣды таковыхъ. Слѣдовательно, тѣ, кто сжигалъ вещи, одежду, обувь Членовъ Царской Семьи, вовсе не руководились какими-либо симулятивными цѣлями, какъ о томъ говорили въ городѣ, а, наоборотъ, хотѣли скрыть и свое дѣяніе, какъ скрывали и самый фактъ убійства всей Царской Семьи.

Наконецъ, наиболѣе ярко, и потому съ тѣмъ большимъ сознаніемъ ужаса, останавливалось вниманіе передъ най-

денными остатками сожженныхъ корсетовъ, и именно *шести* корсетовъ трехъ разныхъ размѣровъ. Число корсетовъ опредѣлялось точно шестью парами переднихъ застегивающихся планшетокъ; возрастный размѣръ корсетовъ вытекалъ изъ длины какъ этихъ планшетокъ, такъ и другихъ найденныхъ металлическихъ корсетныхъ костей. Шесть корсетовъ соотвѣтствовали шести женскимъ тѣламъ, которыя могли быть привезены сюда на грузовомъ автомобилѣ изъ Ипатьевскаго дома: Государыни Императрицы, Великихъ Княженъ Ольги, Татьяны, Маріи и Анастасіи Николаевенъ и Анны Демидовой.

9) Въ домѣ Ипатьева въ буфетѣ столовой были найдены всѣ тѣ, наиболѣе дорогія для Семьи иконы, которыя были вывезены Ею съ собой изъ Царскаго Села и частью полученныя въ Тобольскѣ отъ разныхъ лицъ. Въ числѣ этихъ 57 иконъ — три имѣли надписи, сдѣланныя Григоріемъ Распутинымъ. Вотъ эти надписи:

а) на иконѣ съ изображеніемъ лика Спаса Нерукотворнаго въ 1908 году Распутинъ написалъ: „Здѣсь получишь утѣшеніе";

б) на иконѣ Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы въ 1910 г. имъ написано: „Богъ радуетъ и утѣшаетъ (о чемъ) извѣщаетъ (какъ и объ этомъ) событіи (и въ) знакъ даетъ цвѣтъ";

в) на иконѣ съ изображеніемъ Божьей Матери „Достойно Есть" въ 1913 году Распутинымъ написано: „Благословеніе достойной Имянинницѣ Татьянѣ на большую любовь во христіанствѣ, а не въ формѣ".

Надписи приведены въ исправленномъ видѣ; Распутинъ же пишетъ страшно безграмотно, соединяя иногда два-три слова въ одно, а иногда, какъ это видно на второй иконѣ, пропускаетъ слова, отчего разобрать его рукописи довольно трудно.

Не касаясь совершенно въ настоящей части этой книги значенія Распутина, какъ оружія, выдвинутаго опредѣленными партіями и кругами общества для своихъ гнусныхъ политическихъ цѣлей, о чемъ будетъ рѣчь въ третьей, послѣдней части этой книги, здѣсь, исходя изъ приведенныхъ надписей Распутина, нельзя, вспоминая весь тотъ ужасъ грязи, которой общество заливало Царскую Семью въ Ея отношеніи къ Распутину, отказаться отъ желанія напомнить *честному русскому христіанину* слова Апостола

Павла къ Коринфянамъ: „Но боюсь, чтобы какъ змѣй хитростью своею прельстилъ Еву, такъ и ваши умы не повредились, *уклонившись отъ простоты во Христѣ*".

10) Вещи, собранныя въ помѣщеніи бывшаго областного совѣта, въ зданіи Волжско-Камскаго банка, оказались въ главной массѣ принадлежавшими графинѣ Гендриковой, Е. А. Шнейдеръ, генераламъ Татищеву и Долгорукову. Здѣсь разборкой и увозомъ вещей распоряжались предсѣдатель обласовѣта Бѣлобородовъ, его товарищъ еврей Сафаровъ, два дѣлопроизводителя братья Толмачевы и секретарь прапорщикъ Мутныхъ, а послѣ нихъ — два сторожа: Лыловъ и Новоселовъ, и буфетчица Балмышева.

Вещей осталось значительно больше, чѣмъ въ домѣ Ипатьева; осталось и немного предметовъ бѣлья, одежды, обуви и даже нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи, въ общемъ на сумму въ нѣсколько тысячъ рублей, если даже не больше. И что особенно цѣнно — остались всѣ дневники Анастасіи Васильевны Гендриковой, письма Государыни Императрицы и Великихъ Княженъ къ ней и много различныхъ замѣтокъ и вырѣзокъ изъ журналовъ и газетъ, сдѣланныхъ Анастасіей Васильевной и генераломъ Долгоруковымъ.

Лыловъ разсказывалъ, что разбиравшіеся въ сундукахъ и чемоданахъ вышеназванные чины совдепа очень торопились, спѣшили и интересовались не столько вещами, сколько самими сундуками, такъ какъ они, выбросивъ вещи на полъ, набивали ихъ драгоцѣнностями и деньгами изъ кладовой. Вещи же, повидимому, растащили уже потомъ разные бывшіе служащіе областного совѣта. Это характерно въ томъ отношеніи, что слишкомъ бросается въ глаза разница въ дѣйствіяхъ одной части руководителей совѣтской власти въ Ипатьевскомъ домѣ, отъ другой части такихъ же руководителей въ помѣщеніи Волжско-Камскаго банка. Тамъ въ каждомъ дѣйствіи Исаака Голощекина и Янкеля Юровскаго проглядываетъ идея, обдуманность, цѣль; здѣсь у Бѣлобородова, еврея Сафарова, братьевъ Толмачевыхъ, прапорщика Мутныхъ — простой грабежъ наиболѣе цѣннаго имущества, чужого добра. Тамъ тщательное уничтоженіе своихъ слѣдовъ, слѣдовъ своего дѣянія, здѣсь выставленіе на показъ характерной, общей большевистской черты—грубаго произвола. Тамъ кощунственное отношеніе ко всякой Святынѣ: поломанные образа, сожженныя иконы, разбитые флаконы со Святой водой, Святыни, выброшенныя въ помойку, здѣсь

всѣ священные предметы остались неприкосновенными, не тронутыми, неоскверненными руками исчадій еврейскаго народа.

Поверхностное и бѣглое изученіе письменныхъ матеріаловъ, оставшихся послѣ убитыхъ А. В. Гендриковой, Е. А. Шнейдеръ, И. Л. Татищева и В. А. Долгорукова, заняло около пяти недѣль времени и послужитъ данными для нѣкоторыхъ выводовъ въ третьей части настоящей книги. Въ дополненіе къ показаніямъ живыхъ свидѣтелей, прошедшихъ передъ слѣдственнымъ производствомъ, документы и замѣтки, сохранившіеся отъ людей, близко стоявшихъ къ интимной жизни Царской Семьи, даютъ много матеріала для освѣщенія послѣднихъ лѣтъ царствованія бывшаго Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны, какъ разъ съ точки зрѣнія народной идеологіи русскаго Царя, какъ „Помазанника Божья“.

Анастасія Васильевна Гендрикова вела свои дневники съ 1906 года, послѣдняя сдѣланная ею запись въ своихъ дневникахъ въ Тобольскѣ, подъ датою 4-го мая 1918 года, гласитъ: „Отрядъ замѣненъ красногвардейцами“. Въ этотъ день охранявшій ранѣе Царскую Семью отрядъ изъ солдатъ, пріѣхавшихъ съ Семьей изъ Царскаго Села, былъ замѣненъ отрядомъ латышей, привезенныхъ съ собой комиссаромъ Родіоновымъ. Дальше Анастасія Васильевна записей не вела; вѣроятно, замѣна охраны латышами слишкомъ ясно дала понять, что ихъ всѣхъ ждало.

Передъ самой Февральской революціей 1917 г. Анастасія Васильевна спѣшно выѣхала въ Ялту къ заболѣвшей сестрѣ. Не доѣхавъ до мѣста, въ Севастополѣ она узнала о переворотѣ; на другой же день, отказавшись отъ возможности повидать сестру, она немедленно садится въ поѣздъ и мчится обратно въ Царское Село. Во дворецъ она попадаетъ въ тотъ день, когда генералъ Корниловъ объявилъ Государынѣ объ Ея арестѣ и предупредилъ придворныхъ, что, кто хочетъ, можетъ остаться и раздѣлить участь Арестованной, но чтобы рѣшили сейчасъ же, такъ какъ потомъ во дворецъ никого не пустятъ.

„Слава Богу“, пишетъ въ этотъ день въ дневникѣ Анастасія Васильевна, „я успѣла пріѣхать во время, чтобы быть съ Ними“.

Она ведетъ свои записки въ дневникахъ почти ежедневно, совершенно объективно занося событія текущей придворной

жизни и не вдаваясь въ какія-либо обсужденія, сужденія и заключенія. Только въ періодъ, нѣсколько предшествовавшій и послѣдовавшій за убійствомъ Распутина, въ ея записяхъ чувствуется, что въ ней происходила какая-то борьба, драма на почвѣ какъ-будто и ее коснувшихся сомнѣній, а можетъ быть и не сомнѣній, а досады, боли. Распутина она, видимо, ненавидѣла и при всей ея сдержанности это чувство прорывается въ дневникѣ, чувство личнаго начала и, быть можетъ, въ минуту своего тяжелаго одиночества на землѣ, она усумнилась въ чистотѣ своей вѣры, уклонилась *отъ простоты во Христѣ* и заколебалась...

„Я ждала всю недѣлю, что Вы мнѣ напишете", пишетъ ей Государыня черезъ недѣлю послѣ убійства Распутина, „Мама Ваша такъ не сдѣлала бы".

„И думать, что такая же опасность можетъ угрожать и Ему?"

Вотъ тотъ ужасъ, которымъ было полно все существо Государыни Императрицы. Вотъ чего Она опасалась въ убійствѣ Распутина. Вотъ, что топталось въ грязь всѣми нами, мялось грязными руками, тянувшимися въ ослѣпленіи гордыни къ престолу земной власти. Она, Царица, была чище насъ всѣхъ. Она опасалась за жизнь Его, своего Царя, Царя русскаго народа, „Помазанника Божья", котораго мы, всѣ интеллигенты, въ гордынѣ своего ума забыли. Она опасалась за своего Мужа, за человѣка, котораго, какъ женщина, любила съ *пятнадцатилѣтняго* возраста, съ которымъ еще тогда обмѣнялась на всю семейную жизнь кольцами, не разставаясь съ ними: Она имѣла отъ Него рубиновое кольцо, которое носила на шейной цѣпочкѣ съ образками; Онъ имѣлъ отъ Нея сапфировое кольцо, которое носилъ на пальцѣ вмѣстѣ съ обручальнымъ кольцомъ. Остатки этихъ колецъ были найдены позже у шахты; Богъ не захотѣлъ, чтобы эти символы великой, святой любви на землѣ между Ними попали въ руки Исааку Голощекину.

11) Въ документахъ, собранныхъ Сергѣевымъ по Царскому дѣлу и касавшихся той или иной дѣятельности совѣтскихъ представителей, совершенно отсутствовали:

а) фотографіи различныхъ дѣятелей, причастныхъ къ преступленію;

б) біографическія свѣдѣнія объ этихъ дѣятеляхъ, ихъ характеристика, описаніе наружности, примѣты;

в) свѣдѣнія о составѣ главнѣйшихъ Екатеринбургскихъ совѣтскихъ органовъ власти;

г) частная переписка различныхъ дѣятелей и данныя о связяхъ, съ одной стороны, съ Москвой, съ другой стороны, съ жителями города.

Единственнымъ документомъ въ этомъ родѣ являлось письмо Янкеля Юровскаго къ доктору Архипову, найденное и отобранное чинами уголовнаго розыска. Содержаніе письма, съ сохраненіемъ орфографіи, слѣдующее:

„Кенсорин Сергеевич, вслучае моего отъезда на фронт я во имя наших с Вами отнош надеюсь не откажете моей старой маме в содействии в случае преследований ее только за то что она моя мать Вы конечно панимаете что о моем местопребывании она ничего знать не будетъ уж только по томучто и я этого не знаю, но и въ том случае еслиб я это знал то разумееться этого ей не сказал бы просто для чистоты ея совести наслучай еслиб ее допрашивали. Я обращаюсь к Вам еще и потому что Вы строгий въ своих принципах даже при условиях гражданской войны и при условии когда вы будете у власти. Я имею все основания полагать что Вы с Вашими принципами останетесь в одиночестве но всеж Вы съумете оказать влияние на то чтоб моя мать которая совершенно не разделяла моих взглядов виновная следовательно только въ том что родила меня, а также в том что любила меня. Я значить на случай падение власти советов в Екатер. дать ей приют на время возможнаго погрома или предупредить и самый разгром квартиры принимая внимание что я не продавал дела чтоб не остав. служ. без работы которые очень и очень далеки от большевизма. Это может быть предсмертное письмо надеюсь что не ошибусь обращ. къ вам. Я. М. Юровск...“.

Письмо характерное, какъ по содержанію, такъ и по грамотности, для одного изъ крупнѣйшихъ, мѣстныхъ дѣятелей совѣтской власти въ Екатеринбургѣ, и несомнѣнно было бы полезно имѣть такіе же документы другихъ главнѣйшихъ руководителей преступныхъ замысловъ и вершителей судебъ многострадальной Россіи. Служащіе комиссара Янкеля Юровскаго, даже не будучи большевиками, имѣютъ полное право заниматься не націонализированнымъ трудомъ, потому что работаютъ на благо комиссара; остальной же русскій народъ права на это не имѣетъ. Янкель Юровскій не имѣетъ сочувствія къ своимъ взглядамъ ни среди своихъ служащихъ, ни даже у своей матери; охранной командѣ, которой онъ начальствуетъ въ Ипатьевскомъ

домѣ, онъ, видимо, тоже по несочувствію во взглядахъ, не довѣряетъ; передъ всѣмъ обществомъ Урала лжетъ, боясь правды, тоже очевидно не разсчитывая на сочувствіе во взглядахъ. И тѣмъ не менѣе и самъ онъ себя считаетъ, и совѣтская власть именно его то и признаетъ выразителемъ воли народа, представителемъ народной власти. Въ 1917 году Лейба Бронштейнъ, свергнувъ власть Аарона Керенскаго, крикнулъ народу: „Мы опрокинули власть Керенскаго, мы повалили ее навзничь и, наступивъ ногой на грудь, крикнули всероссійскому рабочему и крестьянину: придите и возьмите ту власть, которая единственно принадлежитъ народу"... Какъ въ этотъ моментъ онъ, вѣроятно, дико и дьявольски хохоталъ въ душѣ надъ тѣми, кто его слушалъ.

При разборкѣ документовъ, въ бумагахъ графини Гендриковой пришлось наткнуться на ея показаніе, данное слѣдственнымъ властямъ по поводу пріѣзда въ Тобольскъ Маргариты Хитрово. Тутъ же хранилась и остроумная сатира Анастасіи Васильевны въ стихахъ по поводу того переполоха среди властей, который произвела эта молодая, но легкомысленная барышня своимъ пріѣздомъ и манерой держать себя, совершенно не желая этого, какъ заговорщица. При обслѣдованіи этихъ документовъ оказалось, что дѣйствительно пріѣздъ въ Тобольскъ Маргариты Хитрово испугалъ даже Керенскаго, который въ серединѣ августа прислалъ прокурору Тобольскаго суда слѣдующую телеграмму: „Изъ Петрограда. Внѣ очереди.

„Расшифруйте лично и если комиссаръ Макаровъ или членъ Думы Вершининъ Тобольскѣ, то ихъ присутствіи.

„Предписываю установить строгій надзоръ за всѣми пріѣзжающими на пароходѣ въ Тобольскъ, выясняя личность и мѣсто откуда выѣхали, равно какъ путь, которымъ пріѣхали, а также мѣсто остановки. Исключительное вниманіе обратите пріѣздъ Маргариты Сергѣевны Хитрово, молодой свѣтской дѣвушки, которую немедленно арестовать на пароходѣ, обыскать, отобрать всѣ письма, паспорты и печатныя произведенія, всѣ вещи, не составляющія личнаго дорожнаго багажа, деньги; обратите вниманіе на подушки; во-вторыхъ, имѣйте въ виду вѣроятный пріѣздъ десяти лицъ изъ Пятигорска, могущихъ впрочемъ прибыть и окольнымъ путемъ. Ихъ тоже арестовать, обыскать указаннымъ порядкомъ. Въ виду того, что указанныя лица могли уже прибыть Тобольскъ, произведите тщательное дознаніе и случаѣ

ихъ обнаруженія арестовать, обыскать тщательно, выяснить съ кѣмъ видѣлись. У всѣхъ, кого видѣли, произвести обыскъ и всѣхъ ихъ впредь до распоряженія изъ Тобольска не выпускать, имѣя бдительный надзоръ. Хитрово пріѣдетъ одна, остальные вѣроятно вмѣстѣ. Всѣхъ арестованныхъ немедленно подъ надежной охраной доставить Москву прокулату. Если они или кто либо изъ нихъ проживалъ уже Тобольскѣ произвести тотчасъ обыскъ домѣ, обитаемомъ бывшей Царской Семьей, тщательный обыскъ, отобравъ переписку, возбуждающую малѣйшее подозрѣніе, а также всѣ не привезенныя ранѣе вещи и всѣ лишнія деньги. Объ исполненіи предписанія, по мѣрѣ осуществленія указанныхъ дѣйствій, телеграфировать шифромъ мнѣ и прокулату Москву, приказанія котораго подлежатъ исполненію всѣми властями. Прошу Макарова или Вершинина телеграфировать, какой у нихъ шифръ. № 2992. Министръ Предсѣдатель Керенскій".

Во исполненіи этого предписанія 18 августа 1917 года прокурорскимъ надзоромъ и чинами милиціи произведены были обыски у Хитрово и другихъ лицъ, проживающихъ въ Тобольскѣ, и у которыхъ Хитрово успѣла побывать по своемъ пріѣздѣ въ городъ, не давшіе однако положительныхъ результатовъ, причемъ Хитрово была все-таки арестована и отправлена подъ надежной охраной въ Москву. Вся переписка по этому дѣлу заканчивается телеграммой прокурора Московской судебной палаты Стааля отъ 21 сентября 1917 года, изъ которой видно, что дѣло Хитрово прекращено и препятствій къ пріѣзду ея въ Тобольскъ не встрѣчается.

Можно думать, что весь переполохъ былъ вызванъ тѣмъ, что Хитрово, уѣзжая изъ Петрограда, вся закуталась въ пакеты и корреспонденцію, которую она набрала для всѣхъ Тобольскихъ узниковъ, а съ дороги посылала своимъ роднымъ открытки, въ которыхъ сообщала: „Я теперь похудѣла, такъ какъ переложила все въ подушку". Но интересъ приведенныхъ документовъ, конечно, не въ Маргаритѣ Хитрово, а въ „Министрѣ Предсѣдателѣ Керенскомъ", олицетворявшемъ собою русскую власть, даровавшую Россіи свободу и освобожденіе отъ полицейскаго режима и произвола Царизма. Пусть тѣ, кто страдалъ отъ полицейскаго режима Царизма, забывъ на минуту свои къ нему симпатіи или антипатіи, откровенно скажутъ—есть ли разница въ предпи-

саніи, данномъ Керенскимъ, съ предписаніями былого времени Плеве, Курлова и имъ подобныхъ лицъ? Надо сознаться— никакой, все то же: ни предъявленія вины, ни указанія на законъ, ни опредѣленія преступности, ни даже малѣйшаго, какого-нибудь примѣтнаго указанія, кого хватать изъ подлежащихъ пріѣзду изъ Пятигорска, ничего. Хватай, сначала арестуй, обыскивай и высылай арестантомъ въ Москву. Не все тотъ же ли это произволъ?

Разобранныя вещи въ достаточной мѣрѣ указывали на то, что живыми Члены Царской Семьи никуда изъ Екатеринбурга не уѣзжали. Они не могли по существу своихъ натуръ, ихъ религіозности сами уничтожить Свои Святыни, растоптать символы Православной Церкви, и скорѣе предпочли бы погибнуть, чѣмъ купить свою жизнь отдачей души діаволу.

За сохраненіе своихъ душъ Они и отдали свою земную жизнь.

„Они, Государь и Государыня, больше всего боялись, что Ихъ увезутъ куда-нибудь за границу. Этого Они боялись и не хотѣли".

„Народъ, говорилъ Государь, добрый, хорошій, мягкій. Его смутили худые люди въ этой революціи. Ея заправилами являются „жиды". Но это все временное, все пройдетъ. Народъ опомнится и снова будетъ порядокъ". Такъ передавала Ихъ слова Клавдія Битнеръ, учительница Дѣтей въ Тобольскѣ.

Вещественныя доказательства.

Въ основаніе работъ этой области слѣдственнаго производства Соколовъ положилъ чрезвычайно детальный, послѣдовательный и всесторонній методъ изученія и изслѣдованія физическаго состоянія и исторіи происхожденія каждой отдѣльной вещицы, обгорѣлаго кусочка, уголька, земли, документа, телеграммы, записки, всего, что такъ или иначе привлекало вниманіе слѣдствія и могло относиться къ совершившемуся въ Ипатьевскомъ домѣ преступленію.

Прежде всего Соколовъ точно устанавливалъ мѣсто, время и обстоятельства нахожденія предмета или его изъ-

ятія; затѣмъ путемъ экспертизы спеціалистовъ опредѣлялъ родъ, свойства, качество и назначеніе изслѣдуемаго вещественнаго доказательства, а если оно составляло только часть цѣлаго предмета, то путемъ той же экспертизы опредѣлялъ данныя этого цѣльнаго предмета. Далѣе если на предметѣ имѣлись поврежденія, то выяснялся характеръ и причины этихъ поврежденій, а путемъ допросовъ и предъявленія свѣдущимъ лицамъ устанавливалось кому принадлежалъ, или могъ принадлежать данный предметъ, или на комъ была замѣчена такая именно вещь. Такимъ образомъ опредѣлялся владѣлецъ вещи, или первоисточникъ ея происхожденія, или первоисточникъ ея нахожденія. Если имѣлось нѣсколько однородныхъ вещественныхъ доказательствъ, но найденныхъ или изъятыхъ въ разныхъ мѣстахъ, то путемъ новыхъ экспертизъ устанавливалась тождественность ихъ между собой, а путемъ допросовъ и логическихъ анализовъ обстоятельствъ выяснялись причины и слѣдствія нахожденія тождественныхъ вещественныхъ доказательствъ въ разныхъ мѣстахъ.

Такимъ методическимъ путемъ изслѣдованія и изученія, соотвѣтственно запротоколированныхъ, Соколовъ подходитъ къ логически вытекающимъ изъ нихъ фактамъ, обстоятельствамъ, сопровождавшимъ совершеніе преступленія. Такъ, какой-нибудь маленькій мѣдный винтикъ, найденный Сергѣевымъ въ пеплѣ печки въ комнатѣ Великихъ Княженъ въ домѣ Ипатьева, послѣ примѣненія къ нему Соколовымъ метода изслѣдованія, оказывался принадлежавшимъ къ очень хорошей дамской обуви заграничнаго происхожденія; что тѣхъ же качествъ и свойствъ винтикъ нашелся въ кострищѣ въ раіонѣ Ганиной ямы, гдѣ онъ подвергся сильному дѣйствію огня, и откуда такой же винтикъ, вмѣстѣ съ обуглившимися кусочками кожи самой обуви, угольками изъ этого кострища, глиной съ площадки, гдѣ было кострище, и лопаткой со слѣдами той же глины, попадалъ на дно шахты. И обратно, пуля автоматическаго заграничнаго револьвера, найденная на днѣ шахты, при промывкѣ Шереметьевскимъ ила, съ приплюснутымъ концомъ, какъ бываетъ отъ удара о человѣческую кость, оказывалось была раньше тоже въ кострищѣ, гдѣ подвергалась дѣйствію сильнаго огня, а сюда вѣроятно попала съ тѣломъ одного изъ убитыхъ Членовъ Царской Семьи изъ комнаты нижняго этажа Ипатьевскаго дома,

гдѣ въ полу оказалась застрявшей такая же точно пуля, прошедшая лишь черезъ мягкія части человѣческаго тѣла, но увлекшая за собой все-таки немного крови, впитавшейся въ дерево, и немного шерстинокъ матеріи защитнаго цвѣта, похожей на рубахи, какія носили Государь Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ. И вѣроятно эта пуля какъ разъ вошла бы въ автоматическій револьверъ системы Кольта, бывшій, по показаніямъ свидѣтелей, въ рукахъ Янкеля Юровскаго.

Логическіе окончательные выводы изъ приведенныхъ примѣровъ довольно ясны: въ первомъ случаѣ на кострищѣ у шахты сжигалась обувь Великихъ Княженъ, а во второмъ—пуля попала въ кострище, выпавъ изъ сжигавшагося тѣла.

Вещественныя доказательства при такомъ методѣ изученія какъ бы начинали говорить сами по себѣ, подтверждая своей исторіей показанія свидѣтелей, или уличая ихъ въ неправильности показаній, а иногда и совершенно опровергая. Съ другой стороны, разсказъ свидѣтеля или участника преступленія получалъ большую опредѣленность, выпуклость и яркость отъ иллюстрированія его такими изслѣдованными вещественными доказательствами. Всякое увлеченіе предвзятыми предположеніями отпадало, такъ какъ экспертиза, ставившаяся въ рамки научности, являлась опредѣленнымъ контролеромъ для всякой идеи. Такъ, предположеніе, что тѣла выносились изъ дома Ипатьева черезъ парадное крыльцо нижняго этажа на Вознесенскій переулокъ, а не во дворъ, не нашло себѣ подтвержденія въ экспертизѣ какихъ-то пятенъ, похожихъ на кровь, на порогѣ этого крыльца, такъ какъ не дала реакціи на кровь, что впослѣдствіи подтвердилось окончательно показаніями Павла Медвѣдева и Анатолія Якимова, участвовавшихъ въ выносѣ тѣлъ.

Если вопросъ касался изученія и изслѣдованія какого-нибудь совѣтскаго документа, то, не оставляя основныхъ принциповъ метода, работа дополнялась освѣщеніемъ документа путемъ сличенія съ черновиками, розысками на телеграфахъ, въ разныхъ учрежденіяхъ, конторахъ и т. п. мѣстахъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ данному документу. Такимъ путемъ удалось, напримѣръ, установить, что бывшій кронштадтскій матросъ Хохряковъ, участвовавшій въ перевозкѣ Царскихъ Дѣтей изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, былъ въ Тобольскѣ уже 14-го марта, т.-е. задолго до пріѣзда туда командированнаго оффиціально изъ

Москвы Яковлева, имѣлъ непосредственныя сношенія съ Москвой, Екатеринбургомъ, Тюменью, Ишимомъ, а объявился въ Тобольскѣ, какъ лицо, имѣющее отношеніе къ Царской Семьѣ только 26-го апрѣля, уже послѣ отъѣзда Яковлева. Кромѣ того онъ все время называлъ себя въ Тобольскѣ только предсѣдателемъ мѣстнаго совдепа, а оказался потомъ „уполномоченнымъ всероссійскими исполнительными комитетами совѣтовъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ“, т.-е. совершенно исключительнымъ лицомъ.

Или другой примѣръ: Екатеринбургскій областной совѣтъ объявляетъ оффиціально о разстрѣлѣ бывшаго Царя Николая Романова 21-го іюля. Между тѣмъ оказывается, что объявленіе это, съ пропускомъ въ черновикѣ его чиселъ мѣсяца, было составлено еще до убійства Царской Семьи въ видѣ телеграммы, которая была послана въ Москву Янкелю Свердлову, какъ проектъ объявленія, еще утромъ 16-го іюля, т.-е. часовъ за 18 до совершенія преступленія, а затѣмъ вторично оффиціальное увѣдомленіе о разстрѣлѣ посылалось въ Москву телеграммой 18-го іюля, т.-е. черезъ полтора сутокъ послѣ убійства. Это указываетъ, что, помимо существовавшаго оффиціальнаго отношенія органовъ центральной совѣтской власти къ совершившемуся въ Екатеринбургѣ преступленію, между отдѣльными членами совѣтской правительственной сѣти имѣли мѣсто еще и частныя общенія по вопросу объ убійствѣ Царской Семьи.

Этотъ вопросъ будетъ еще разбираться при изученіи новыхъ вещественныхъ доказательствъ, добытыхъ послѣдовавшимъ слѣдственнымъ производствомъ. Здѣсь же умѣстно сказать, что еврей Войковъ, одинъ изъ тѣхъ 30-ти большевистскихъ главарей, которые были привезены изъ Швейцаріи въ Петроградъ въ запломбированномъ вагонѣ, и занимавшій въ Екатеринбургѣ должность областного комиссара снабженія и члена президіума областного совѣта, на вопросъ нѣкоторыхъ дамъ, служившихъ у него въ комиссаріатѣ: „почему такъ усиленно скрываютъ подробности смерти Николая II-го“, отвѣтилъ: „міръ объ этомъ никогда не узнаетъ“. Если бы иниціатива и планъ убійства Царской Семьи исходили бы отъ исполкомовъ совѣтской власти, то едва ли еврей Войковъ имѣлъ бы основанія дать такой горделивый и убѣжденный отвѣтъ, такъ какъ при многолюдствѣ состава исполкомовъ нельзя было разсчитывать на безмолвіе со стороны всѣхъ членовъ этихъ голосистыхъ учрежденій. Еврей

Войковъ могъ дать такой отвѣтъ только зная, что идея преступленія составляетъ принадлежность очень ограниченнаго числа лицъ, входившихъ въ составъ органовъ совѣтской власти, и такихъ лицъ, которые не остановятся ни передъ какой провокаціей, если бы самъ фактъ уничтоженія всѣхъ Членовъ Царской Семьи выплылъ бы наружу, лишь бы укрыть истинныхъ вдохновителей этого анти-христіанскаго, сатанинскаго, кошмарнаго преступленія.

Войковъ выразился не вполнѣ точно; міръ никогда не увидитъ тѣлъ убитыхъ Членовъ Августѣйшей Семьи, но узнать, почему усиленно скрывались подробности преступленія—навѣрное узнаетъ; правда, если только захочетъ и сможетъ позволить себѣ признать правду...

Раньше чѣмъ продолжать слѣдственное производство, Соколову пришлось указаннымъ выше методомъ изучить всю ту массу вещественныхъ и документальныхъ доказательствъ, которая уже имѣлась при дѣлѣ, но не была использована Сергѣевымъ. Работа была очень большая, важная, но потребовавшая очень много времени: на нее ушли февраль и мартъ мѣсяцы, и то закончить въ полной мѣрѣ въ этотъ срокъ не удалось. Работа продолжалась все время потомъ, пополняясь все новыми и новыми данными, по мѣрѣ того, какъ развивалось изслѣдованіе во всемъ его объемѣ. Сводя нынѣ результаты всей работы по изученію преступленія, можно отмѣтить, что тѣ вещественныя доказательства, которыя были собраны еще Сергѣевымъ, дали для дѣла слѣдующія опредѣленныя указанія:

1) Въ концѣ іюня и началѣ іюля 1918 года Уральскій областной военный комиссаръ и членъ президіума областного совѣта, вліятельнѣйшій изъ совѣтскихъ дѣятелей Екатеринбурга, Исаакъ Голощекинъ находился въ Москвѣ. Жилъ онъ тамъ у своего соплеменника, предсѣдателя президіума центральнаго исполнительнаго комитета, Янкеля Свердлова, тоже виднѣйшаго дѣятеля совѣтской власти. Въ это время въ ц. и. к., въ связи съ общимъ положеніемъ на внѣшнихъ и внутреннихъ фронтахъ, обсуждался вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Августѣйшихъ Ипатьевскихъ Узниковъ, и, повидимому, оффиціальной центральной властью было дано въ Екатеринбургъ распоряженіе подготовить все необходимое для вывоза куда-то Царской Семьи изъ этого города.

Но Янкель Свердловъ и Исаакъ Голощекинъ были озабочены еще и въ другомъ отношеніи: они имѣли какія-то данныя опасаться, что судьба Царской Семьи въ Екатеринбургѣ можетъ разрѣшиться помимо ихъ намѣреній, ихъ воли, и съ этой точки зрѣнія ихъ очень заботила благонадежность охраны, существующей въ Ипатьевскомъ домѣ надъ Царской Семьей, о чемъ 3-го іюля Исаакъ Голощекинъ и счелъ нужнымъ запросить Екатеринбургъ.

2) Для организаціи дѣла, согласно указаній центра, въ Пермь командируется областной комиссаръ финансовъ, кажется, тоже еврей, пьянчуга, „никчемушній человѣкъ", но тоже знакомый Янкеля Свердлова. Онъ теперь занимаетъ въ Москвѣ большое мѣсто въ совнархозѣ. Въ Перми формируется какой-то особый поѣздъ; для несенія при немъ охранной службы посылаются люди изъ Екатеринбурга, особо надежные, изъ состава „особаго" отряда Исаака Голощекина. Поѣздъ долженъ былъ выдвинуться на какую-то станцію.

3) По поводу же безпокойства Янкеля Свердлова и Исаака Голощекина въ благонадежности охраны, 4-го іюля Бѣлобородовъ отвѣчаетъ Исааку Голощекину, что „опасенія напрасны", такъ какъ ими приняты уже соотвѣтственныя мѣры, произведены замѣны въ составѣ охраны. 4-го іюля внутренній караулъ, который несли охранники изъ рабочихъ Злоказовской фабрики, былъ замѣненъ 10-ю палачами изъ отряда, состоявшаго при Екатеринбургской чрезвычайной слѣдственной комиссіи, и которыхъ свидѣтели и охранники называли „латышами". Состоявшій комендантомъ Авдѣевъ и его помощникъ Мошкинъ, тоже бывшіе рабочіе Злоказовской фабрики, также были смѣнены, и взамѣнъ ихъ назначены: комендантомъ дома—Янкель Юровскій, занимавшій очень большое положеніе въ чрезвычайной слѣдственной комиссіи, по крайней мѣрѣ, когда Янкель Юровскій бывалъ на засѣданіяхъ комиссіи, то предсѣдательствовалъ онъ, а не Лукояновъ, числившійся оффиціально предсѣдателемъ ея, и помощникомъ Янкеля Юровскаго—Никулинъ, тоже изъ состава чрезвычайки, носившій тамъ кличку „пулеметчика" за массовые разстрѣлы, произведенные имъ.

4) Въ добытыхъ различныхъ документахъ не имѣется никакихъ слѣдовъ того, чтобы это первоначальное рѣшеніе оффиціальнаго совѣтскаго органа власти о вывозѣ Царской Семьи изъ Екатеринбурга было бы имъ же отмѣнено. Ме-

жду тѣмъ съ возвращеніемъ Исаака Голощекина отъ Янкеля Свердлова въ Екатеринбургъ, здѣсь начинаетъ чувствоваться измѣненіе идеи какъ разрѣшить судьбу Царской Семьи, и главное руководство этимъ вопросомъ принимаетъ на себя именно Исаакъ Голощекинъ. Эта новая идея держится Исаакомъ Голощекинымъ и его ближайшими сотрудниками, повидимому, въ большой тайнѣ, но тѣмъ не менѣе вліяніе ея все же проскальзываетъ въ оффиціальныхъ распоряженіяхъ Бѣлобородова, касающихся подготовки вышеупоминавшагося поѣзда. Такъ, 7-го іюля Сыромолотову была послана такая телеграмма: „Если поезд Матвеева еще не отправлен, то задержите, если отправлен, принять все меры к тому, чтобы он был задержан в пути и ни в коем случае не следовал месту, указанному нами. Случае ненадежности новаго места стоянки, поезд вернуть Пермь. Ждите шифрованную. Белобородов“.

Если содержаніе этой телеграммы еще давало основаніе думать, что на задержку поѣзда могли повліять обстоятельства чисто-внѣшняго характера—угроза тому мѣсту, куда долженъ былъ прибыть поѣздъ, со стороны противника, то слѣдующая телеграмма, посланная Сыромолотову же 8-го іюля, не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что этому поѣзду уже не придавалось значенія такой исключительной важности, какъ было раньше, когда для охраны его были посланы люди спеціальнаго отряда Исаака Голощекина: „Если можно заменить безусловно надежными людьми команду охраны поезда всю смените пошлите обратно Екатеринбург. Матвеев остается Комендантом поезда. Замене сговоритесь Трифоновым. Белобородов“. Очевидно, что для новой идеи и эти особые люди понадобились Исааку Голощекину въ Екатеринбургѣ.

5) Эти люди „отряда особаго назначенія“ при военномъ комиссарѣ Исаакѣ Голощекинѣ въ періодъ 17—19 іюля несли охрану раіона Ганиной ямы, гдѣ скрывались тѣла убитыхъ Членовъ Царской Семьи.

6) Въ концѣ апрѣля 1918 года, передъ перевозомъ Царской Семьи изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, состоялось особое засѣданіе президіума областного совѣта, на которомъ, какъ уже указывалось, дебатировался вопросъ объ уничтоженіи Царской Семьи. И тогда по поводу этой перевозки были сношенія съ центромъ, и отъ него были указанія. На этомъ совѣщаніи, по свидѣтельству Саковича, главная роль

принадлежала евреямъ Голощекину, Сафарову и Войкову, латышу Тупетулу и русскому рабочему Бѣлобородову.

Передъ совершенiемъ преступленiя было тоже особое секретное совѣщанiе, главная роль на которомъ принадлежала евреямъ Голощекину, Юровскому и Чуцкаеву и русскому Бѣлобородову, а присутствовали еще Петръ Ермаковъ и члены чрезвычайки: Лукояновъ, Сахаровъ и Горинъ. Это совѣщанiе происходило въ комнатѣ № 3 Американской гостинницы, гдѣ помѣщалась чрезвычайная слѣдственная комиссiя. Предсѣдательствовалъ на засѣданiи, обсуждавшемъ планъ убiйства, Янкель Юровскiй.

7) 16-го iюля днемъ Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскiй (возможно, что съ ними былъ и Бѣлобородовъ) ѣздили на легковомъ автомобилѣ въ Коптяковскiй лѣсъ. Тамъ у встрѣчныхъ мѣстныхъ жителей они распрашивали про состоянiе дорогъ и интересовались прóходимостью для автомобиля боковыхъ маленькихъ дорожекъ.

8) 16 го iюля подъ вечеръ Янкель Юровскiй отобралъ отъ всѣхъ охранниковъ-рабочихъ револьверы, хотя всѣ „латыши" имѣли свои револьверы. Распоряженiе было выполнено Павломъ Медвѣдевымъ, который всѣ отобранные револьверы принесъ въ комендантскую комнату и сдалъ Янкелю Юровскому.

9) 16-го iюля около 12 часовъ ночи въ домъ Ипатьева прiѣхали: Исаакъ Голощекинъ, Бѣлобородовъ, Петръ Ермаковъ, Александръ Костоусовъ и, повидимому, матросъ Хохряковъ. Къ этому времени изъ состава постоянной охраны въ домѣ находились: Янкель Юровскiй, его помощникъ Никулинъ, начальникъ охраннаго отряда Павелъ Медвѣдевъ, разводящiй Анатолiй Якимовъ и 10 „латышей" изъ чрезвычайки.

10) Послѣ смерти матроса Хохрякова, убитаго на фронтѣ, его револьверъ, системы Кольта, попалъ къ начальнику интернацiональнаго отряда въ Перми Оржеховскому, который дорожилъ имъ какъ „историческимъ", такъ какъ, по его словамъ, изъ него будто бы былъ убитъ бывшiй Государь Императоръ.

Къ таковымъ выводамъ приводило изученiе и изслѣдованiе документовъ, уже имѣвшихся при дѣлѣ и опредѣлявшихъ дѣятельность совѣтскихъ главарей въ перiодъ, предшествовавшiй совершенiю убiйства.

Далѣе путемъ такого же методическаго изученiя слѣдующей группы вещественныхъ доказательствъ, изъ числа

уже состоявшихъ при слѣдственномъ дѣлѣ, устанавливались слѣдующія данныя, относящіяся къ періоду совершенія самаго преступленія:

1) Найденные у шахты въ раіонѣ Ганиной ямы разбитый образокъ Николая Чудотворца, складная кожаная карманная рамочка и желѣзка—обручъ отъ туліи фуражки принадлежали бывшему Государю Императору. Изъ этихъ предметовъ—образокъ въ мѣшечкѣ, связанномъ Императрицей, Государь носилъ на шеѣ, а рамочку съ фотографіей Государыни-невѣстой—въ боковомъ карманѣ, и никогда съ ней не разлучался.

2) Обгорѣлый кусокъ лиловой матеріи былъ отъ юбки Государыни Императрицы; Ей же принадлежала жемчужная серьга и большой бриллiантъ, который былъ зашитъ въ пуговицѣ костюма одной изъ Великихъ Княженъ.

3) Разбитый образокъ Св. Гурія, Самона и Авива принадлежалъ Великой Княжнѣ Татьянѣ Николаевнѣ; Кульмскій изумрудный крестъ, топазовыя бусины и четыре большихъ пуговицы принадлежали Великимъ Княжнамъ, причемъ пуговицы были отъ Ихъ синихъ дорожныхъ костюмовъ.

4) Маленькая мѣдная пряжка съ гербомъ, гербовыя пуговицы и кусокъ обгорѣлаго сукна принадлежали Наслѣднику Цесаревичу; пуговицы и сукно были отъ Его шинели работы Петроградскаго портного Норденштрема, а пряжка отъ кожанаго пояса солдатскаго образца.

5) Вставная верхняя челюсть и кусокъ чернаго съ бѣлыми полосками сукна — доктора Боткина, причемъ сукно было отъ его пальто.

6) Простая запонка и застежка отъ галстуха—кого-нибудь изъ слугъ, состоявшихъ при Царской Семьѣ.

7) Части шести корсетовъ, найденныя въ кострищахъ въ раіонѣ Ганиной ямы, были совершенно тождественны съ частями таковыхъ же предметовъ, найденныхъ въ пеплѣ печей дома Ипатьева. Нѣкоторыя сохранившіяся клейма, узоры на желѣзкахъ и кусочки обуглившейся матеріи указывали, что корсеты были очень хорошей работы заграничнаго производства и пять изъ нихъ могли принадлежать только Членамъ Царской Семьи, а одинъ Демидовой.

8) Найденныя въ кострищахъ и въ шахтѣ пряжки и застежки отъ женскихъ подвязокъ, пряжки отъ мужскихъ помочей и хлястиковъ, крючки, петли, кнопки и пуговицы вполнѣ соотвѣтствовали по однородности таковымъ же

предметамъ, извлеченнымъ изъ пепла въ печахъ дома Ипатьева. При этомъ экспертиза распредѣляла эти предметы по качеству на предметы заграничнаго производства и на предметы болѣе простой русской мануфактуры.

9) При переѣздѣ изъ Тобольска въ Екатеринбургъ всѣ наиболѣе цѣнныя вещи были зашиты Великими Княжнами въ костюмахъ и лифчикахъ, находившихся на Нихъ. Экспертиза установила, что находившіеся въ раіонѣ шахты и въ шахтѣ кусочки драгоцѣнностей имѣли опредѣленные слѣды отдѣленія ихъ отъ цѣлаго какимъ-то рубящимъ оружіемъ. Остается допустить, что Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій для сокрытія тѣлъ разрубали ихъ на части.

10) Найденный въ шахтѣ человѣческій палецъ былъ отрѣзанъ, а не оторванъ. По заключенію экспертизы онъ принадлежалъ скорѣе всего женщинѣ среднихъ лѣтъ, привыкшей къ маникюру.

11) Куски веревки, валявшіеся у шахты, были отъ какой-то увязки; веревка была новая; ее не развязывали, а тоже перерубали или разрѣзывали.

12) Во время сокрытія тѣлъ въ раіонѣ Ганиной ямы всѣ работы выполнялись людьми особаго коннаго отряда Верхъ-Исетскаго военнаго комиссара Петра Ермакова. Эти же люди несли ближнюю охрану непосредственно раіона Ганиной ямы.

13) Сборъ и упаковку драгоцѣнныхъ вещей въ домѣ Ипатьева производили 17-го іюля Исаакъ Голощекинъ, Янкель Юровскій и Бѣлобородовъ, пользуясь помощью разводящаго Ивана Старкова и „латышей“. Разборкой и упаковкой вещей изъ каретнаго сарая въ теченіи 17, 18, 19, 20 и 21 іюля занимались Никулинъ и какой-то еврей, вызванный Янкелемъ Юровскимъ изъ чрезвычайки.

14) Послѣ совершенія преступленія, 19-го іюля вечеромъ, Исаакъ Голощекинъ поѣхалъ въ спеціальномъ вагонѣ-салонѣ въ Москву, причемъ везъ съ собой въ салонѣ три тяжелыхъ не по объему, простыхъ ящика, въ которыхъ, по его словамъ, были „образцы снарядовъ для Путиловскаго завода“. Останавливался онъ въ Москвѣ опять-таки у Янкеля Свердлова; пробылъ пять дней, и въ томъ же вагонѣ поѣхалъ въ Петроградъ, но ящиковъ съ нимъ уже не было.

Таковы были данныя изученія уже имѣвшихся вещественныхъ доказательствъ, относившихся къ періоду совер-

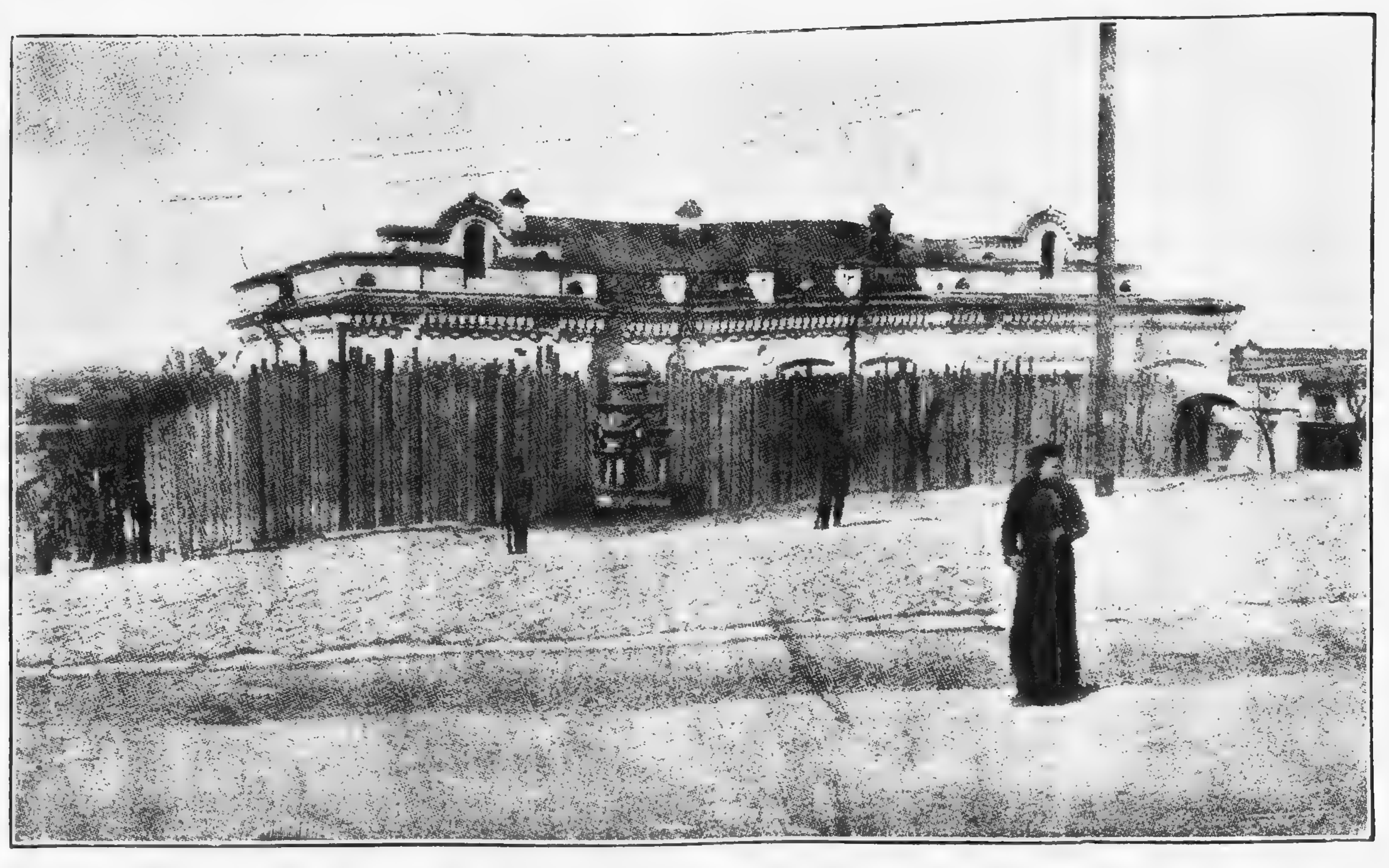
шенія преступленія. Дальнѣйшая сборка вещественныхъ доказательствъ и ихъ изслѣдованіе велись параллельно съ прочими работами слѣдственнаго производства, а потому о нихъ и будетъ говориться въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ. Наличный матеріалъ уже въ достаточной мѣрѣ намѣчалъ степень участія различныхъ совѣтскихъ дѣятелей въ убійствѣ Царской Семьи и тѣ связи, которыя въ этомъ отношеніи существовали между отдѣльными дѣятелями въ Екатеринбургѣ съ дѣятелями центральной власти въ Москвѣ. Изслѣдованіе въ мѣрѣ возможности постаралось собрать данныя для характеристики и оцѣнки этихъ дѣятелей, но, къ сожалѣнію, источники, которыми можно было располагать на мѣстѣ, были слишкомъ недостаточны, а личности слишкомъ темными, чтобы представить ихъ физіономіи въ исчерпывающемъ для исторіи видѣ. Параллельно изслѣдованіе постаралось выяснить и работниковъ исполнительнаго характера, которыми руководители злодѣянія пользовались для приведенія въ исполненіе своего гнуснаго и кроваваго замысла.

Историческія мѣста.

Когда идти по Вознесенскому проспекту отъ вокзала Екатеринбургъ 1-й, то, поднявшись въ гору, выходятъ на обширную прямоугольной формы Вознесенскую площадь, самую, пожалуй, высокую часть города Екатеринбурга.

Налѣво на углу этой площади высятся старинной архитектуры бѣлыя зданія съ колоннами Харитоньевскихъ палатъ, извѣстныхъ изъ историческаго романа „Приваловскіе милліоны“. Дальше, еще лѣвѣе, въ глубинѣ площади красуется величественный и стройный, весь бѣлый Вознесенскій Соборъ.

Направо отъ проспекта, на противоположномъ отъ Собора краѣ площади, тамъ, гдѣ пологая вершина горы уже начинаетъ понижаться, и гдѣ вливается въ проспектъ Вознесенскій переулокъ, на самомъ углу—хорошенькій, небольшой, барскій, бѣлый особнячекъ. Это нынѣ историческій домъ—домъ Ипатьева.

Домъ Ипатьева, огороженный заборами, въ то время когда въ немъ содержалась Царская Семья.

Въ январѣ 1919 года, ко времени перехода слѣдственнаго производства въ руки Н. А. Соколова, на крышѣ Ипатьевскаго дома развѣвался бѣло-зеленый флагъ: это генералъ Гайда, назначенный Командующимъ Сибирской арміей, приказалъ занять его подъ свой штабъ. Только по усиленнымъ представленіямъ прокурора окружного суда, три комнаты въ домѣ Ипатьева не занимались штабными столами и не посѣщались многочисленной, повсюду толпившейся штабной и посторонней публикой. Это были: угловая комната, служившая спальней бывшему Государю и Государынѣ; сосѣдняя съ ней, комната Великихъ Княженъ, и въ нижнемъ этажѣ—комната, гдѣ было совершено злодѣяніе, сохранявшая еще на стѣнахъ и полу кровяныя брызги великихъ мучениковъ Августѣйшей Семьи. Комнаты эти были заперты, а послѣдняя, кромѣ того, и запечатана печатью окружного суда.

Домъ Ипатьева имѣлъ неполныхъ два этажа; его лѣвый фасъ, выходящій въ Вознесенскій переулокъ, задній фасъ, обращенный къ садику, и часть праваго фаса, выходившаго на передній дворъ, были расположены по нисходившему склону возвышенности, почему нижній этажъ дома начинался отъ лѣваго угла домика низкимъ полукруглымъ оконцемъ и, постепенно увеличиваясь по высотѣ, огибалъ лѣвый фасъ дома, задній и часть праваго фаса. Поэтому передній фасъ имѣлъ одинъ этажъ съ большими окнами, высоко отстоявшими отъ земли, и подъ ними отдушины-окна подвала. Парадное крыльцо дома, выходившее на Вознесенскую площадь, имѣло лишь 3—5 наружныхъ ступенекъ и ступенекъ 8 уже за входной дверью внутри вестибюля и приводило прямо во второй этажъ дома, гдѣ была помѣщена Царская Семья. Парадное крыльцо нижняго этажа выходило въ Вознесенскій переулокъ изъ сѣней, въ которыя открывалась справа дверь комнаты, гдѣ произошелъ разстрѣлъ. Въ правомъ фасѣ дома на передній дворъ выходили двѣ рядомъ расположенныя двери черныхъ ходовъ изъ верхняго и нижняго этажей. Съ этого чернаго хода нижняго этажа выносили тѣла убитыхъ Членовъ Царской Семьи и складывали на грузовой автомобиль Люханова, стоявшій на переднемъ дворѣ у выѣздныхъ на площадь воротъ.

Къ заднему фасу дома для верхняго этажа примыкала небольшая терраса-балконъ на деревянныхъ столбахъ; съ нея лѣсенка спускалась въ садикъ—мѣсто прогулокъ заключенныхъ. За переднимъ дворомъ располагался заднiй дворъ съ каретникомъ, сараями и службами, а съ лѣвой стороны заборомъ онъ отдѣлялся отъ садика. Отъ стѣны дома, огораживая садикъ, по Вознесенскому переулку и позади садика шелъ высокiй, 2-хъ саженный, досчатый заборъ. Въ общемъ все владѣнiе Ипатьева представляло маленькую усадьбу, очень маленькую, въ центрѣ густо заселеннаго, окраиннаго квартала города Екатеринбурга.

„Здѣсь совершено убiйство и ограбленiе“, сказалъ исполнявшiй должность прокурора Екатеринбургскаго окружного суда Кутузовъ послѣ краткаго осмотра дома Ипатьева 28-го iюля 1918 года. Опытный взглядъ юриста, видавшаго на своемъ вѣку всякiе виды, не могъ не опредѣлить сразу *физическаго явленія* совершившагося въ стѣнахъ дома Ипатьева событiя.

„Валтасаръ былъ въ эту ночь убитъ своими подданными“, говорила надпись, начертанная на стѣнѣ комнаты разстрѣла и проливавшая свѣтъ на *духовное явленіе* происшедшей здѣсь въ ночь съ 16-го на 17-е iюля исторической трагедiи. Какъ смерть Халдейскаго царя опредѣлила собой одну изъ крупнѣйшихъ эръ исторiи — переходъ политическаго господства въ передней Азiи изъ рукъ семитовъ въ руки арiйцевъ, такъ смерть бывшаго Россiйскаго Царя намѣчаетъ другую грозную, историческую эру — переходъ духовнаго господства въ Великой Россiи изъ области духовныхъ догматовъ Православной вѣры въ область матерiализованныхъ догматовъ соцiалистической секты...

Все, что только было цѣннаго и что могло прельстить въ домѣ убiйцъ, все было разграблено; все же, что для нихъ было не цѣнно и лишне — разворочено, разбросано, поломано, порвано и сожжено. Безпорядокъ былъ виденъ во всѣхъ комнатахъ; всѣ печи завалены пепломъ, обгорѣлыми остатками. Въ нижнемъ этажѣ—грязь, мусоръ невѣроятные, свидѣтельствовавшiе, что эти комнаты давно уже не видѣли уборки.

И только неожиданно поражали своей чистотой и отсутствіемъ мусора парадныя сѣни нижняго этажа и выходившая въ нихъ маленькая, уже полуподвальная комнатка съ зарѣшетченнымъ окномъ. Здѣсь не было ни грязи, ни отбросовъ казарменнаго постоя, какъ въ другихъ комнатахъ нижняго этажа; не было ни тряпочки, ни кусочка бумаги, и полъ имѣлъ опредѣленный видъ недавно вымытаго и старательно отчищавшагося древесными опилками и отчасти пескомъ. Небольшіе слѣды замывокъ пола виднѣлись и по всей анфиладѣ комнатъ нижняго этажа, свидѣтельствовавшія, что этимъ путемъ выносились тѣла убитыхъ къ грузовому автомобилю на передній дворъ.

Въ промежуткѣ между дверями параднаго хода нижняго этажа и на деревянномъ помостѣ передъ крыльцомъ этого выхода, на небольшомъ слоѣ наноснаго песка, сохранились слѣды босыхъ ногъ со свертками по краямъ слѣдовъ песка, пропитаннаго кровью. У крыльца сбоку было набросано порядочно песка и въ немъ такіе же свертки, пропитанные также кровью. Ясно было, что люди, мывшіе полъ, ходили по немъ босыми ногами, пользовались для замывки, кромѣ опилокъ, пескомъ, ступая на него мокрыми, окровавленными ногами, и песокъ этотъ сворачивался и спадалъ съ ихъ ногъ при выходѣ на крыльцо, гдѣ и заметался въ уголъ.

Въ комнатѣ, занимавшейся Великими Княжнами, кроватей не было; Ихъ походныя кровати, привезенныя изъ Тобольска, были сложены со всѣмъ багажемъ въ каретникѣ. Но когда на внутреннюю охрану пришли палачи изъ чрезвычайки, то эти послѣдніе взяли изъ каретника походныя кровати и поставили ихъ себѣ въ средней большой комнатѣ нижняго этажа, гдѣ онѣ и оказались 28-го іюля. На одной изъ этихъ кроватей, ближней къ проходу, не было чехла на спинкѣ; онъ валялся на верху въ столовой съ кровавыми слѣдами обтертыхъ о него рукъ. Это кто-нибудь, или Янкель Юровскій, или Исаакъ Голощекинъ, или Бѣлобородовъ, осматривавшіе послѣ убійства трупы и снимавшіе со своихъ жертвъ кольца, часы, браслеты, уходя быстро на верхъ для грабежа и проходя мимо кроватей палачей, сорвалъ съ ближайшей чехолъ и, не останавливаясь, обтирая на ходу свои преступныя лапы, бросилъ чехолъ по пути въ столовой.

Таковыми, по свидѣтельству серьезныхъ людей, бывшихъ на осмотрѣ дома 28-го іюля, обрисовываются слѣды преступ-

ленія, оставленные убійцами въ домѣ Ипатьева, и не зафиксированные въ свое время Сергѣевымъ.

Угловая комната верхняго этажа съ двумя окнами, выходящими на Вознесенскую площадь, и двумя на Вознесенскій переулокъ, служила спальней бывшему Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и Наслѣднику Цесаревичу. Лѣвое окно, выходящее на площадь, имѣетъ снаружи частую желѣзную рѣшетку. На правомъ окнѣ на лѣвомъ его косякѣ рукой Государыни начерченъ египетскій знакъ благополучія и подъ нимъ поставлена дата: „17/30-го апрѣля 1918 г.“—день пріѣзда Ихъ Величествъ въ Ипатьевскій домъ. Кругомъ повсюду, на умывальникѣ, на полу, на подоконникахъ разбросаны вещицы туалетныхъ принадлежностей и повседневнаго обихода. Тутъ же книги духовнаго содержанія: Евангеліе, Библія, церковныя восковыя свѣчи, пузырьки со Святой водой; все, не смотря на разгромъ, причиненный чужими и чуждыми руками, свидѣтельствовало о глубоко-религіозныхъ душахъ бывшихъ обитателей этой комнаты — Государя Императора и Государыни Императрицы.

Въ смежную комнату по Вознесенскому переулку дверь безъ дверныхъ половинокъ; это комната Великихъ Княженъ. Она имѣетъ одно окно съ двойной заклеенной рамой безъ форточки и приходится какъ разъ надъ комнатой нижняго этажа, гдѣ было совершено убійство. Комната была почти безъ мебели: у стѣны стоячее зеркало, два кресла, столикъ, два стула—все это вещи Ипатьева. Но по всему полу, въ печахъ — былыя вещицы Великихъ Княженъ, Имъ дорогія памяти, памятки, подарки Родителей и близкихъ людей, свидѣтельствовавшіе о нѣжной дружбѣ, любви и заботахъ, царившихъ между Членами этой Семьи, и также цѣлый рядъ остатковъ отъ Священныхъ предметовъ и книгъ, служившихъ духовной поддержкой Сестрамъ въ послѣдніе мрачные дни Ихъ земной жизни.

Эти двѣ внутреннія комнаты—послѣдній земной пріютъ въ жизни Августѣйшей Семьи бывшаго Государя Императора Николая Александровича.

Рядомъ съ комнатой Великихъ Княженъ по Вознесенскому переулку, но безъ соединительной двери между ними, была угловая комната, въ которой помѣщалась Анна Демидова. Изъ ея комнаты и изъ комнаты Великихъ Княженъ—выходы въ столовую, изъ которой три двери выводили:

одна—въ залу, другая — въ буфетную, проходную комнату, гдѣ помѣщался докторъ Боткинъ, и третья — на террасу и въ садикъ. Зала выходила окнами на Вознесенскій проспектъ, а проходная комната доктора Боткина въ садикъ: изъ нея былъ ходъ въ кухню и дверь во внутреннія сѣни или площадку, гдѣ помѣщались уборная и ванная, и откуда внутренняя лѣстница спускалась въ нижній этажъ дома. Тамъ внизу лѣстница выводила въ черныя сѣни, изъ которыхъ черезъ двѣ комнаты нижняго этажа, расположенныя по заднему фасу дома, приходили въ парадныя сѣни нижняго этажа и въ. комнату, гдѣ совершилось убійство. Эта комната была самой глухой въ домѣ, такъ какъ помимо ея углубленнаго положенія въ землѣ, какъ полуподвальной, она была еще отгорожена отъ Вознесенскаго переулка двумя рядами высокихъ заборовъ, захватывавшихъ и парадное крыльцо нижняго этажа. Свѣтъ въ этой комнатѣ отъ зажженнаго электричества совершенно не былъ виденъ съ улицы. Переулокъ былъ тихій и въ то время мало кто изъ жителей рѣшался ходить по нему мимо домовъ Ипатьева и Попова. Полуподвальное положеніе комнаты въ значительной степени поглощало всякій шумъ, исходившій изъ этой комнаты, и должно было заглушать выстрѣлы во время разстрѣла.

Стѣны всѣхъ комнатъ нижняго этажа, гдѣ квартировали сначала охранники-рабочіе, а затѣмъ охранники-палачи, наружная стѣна дома на террасѣ, гдѣ дежурили часовые, будка дежурнаго часового на углу, образуемомъ заборами, были испещрены многочисленными, разнообразными, циничными и похабными надписями, порнографическими рисунками, безграмотными хулиганскими стихами и хитровскими изреченіями. Въ любомъ городскомъ саду, или мѣстѣ, отведенномъ для общественнаго гулянья, въ бесѣдкахъ, на скамейкахъ и различнаго рода балюстрадахъ, можно видѣть ту же, ни въ чемъ не отличающуюся, грязную литературу. Это отраженіе многихъ грустныхъ причинъ послѣднихъ десятилѣтій и главное—условій воспитательнаго характера, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ накладывали одинаковыя печати и на юношу привилегированныхъ классовъ, и на юношу обыкновеннаго обывателя, и на парня въ деревнѣ и на заводѣ, и на хулигана, выросшаго въ трущобахъ Вяземской лавры или Хитрова рынка.

Грустное, тяжело-грустное впечатлѣніе испытывается прежде всего при видѣ этихъ паспортовъ духовной немощи людей, собственноручно воспроизведенныхъ авторами въ порывѣ притупленія своего человѣческаго сознанія. Жаль дѣлается потомъ этихъ людей; до боли жаль ихъ, за ихъ слѣпоту передъ собственнымъ существомъ. Но еще болѣе жаль ихъ родителей, воспитателей, руководителей, среды, ихъ окружавшей, и общества, на нихъ вліявшаго, которые заботились о сбереженіи ихъ жизни, а души губившіе.

„Горе міру отъ соблазновъ, ибо надобно придти соблазнамъ; но горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ“.

О чемъ трактуютъ эти жалкіе авторы-охранники съ Сысертскаго завода и Злоказовской фабрики въ своихъ писаніяхъ и мараніяхъ?

Прежде всего они свидѣтельствуютъ о своей безпредѣльной темнотѣ; въ своей развращенности, въ своемъ цинизмѣ и въ полномъ отсутствіи мало-мальски сознательной мысли, они очевидно видятъ положительныя стороны преподававшихся имъ высоконравственныхъ лозунговъ свободы, равенства и братства, но, къ сожалѣнію, въ плоскости узкаго, матеріальнаго соціализма. Они упиваются своей плоской литературой; видно, какъ захлебываясь, соревнуя другъ съ другомъ, каждый старается загнуть, завернуть заковырестѣе другого. Видно, что все ихъ революціонное сознаніе сконцентрировалось только въ области этого безпредѣльнаго цинизма въ самыхъ широкихъ рамкахъ.

Что берется ими въ качествѣ темъ для своей площадной литературы повсюду, въ стихахъ, прозѣ, остротѣ, брани? Сплетни, гнусности, грязь, созданныя искусственною молвою, созданныя флюгерной печатью и агентами германскаго генеральнаго штаба и... ни *слова чего-либо своего, народнаго, бытового, соціальнаго, духовнаго; ни слова о какой-либо винѣ Царя передъ народомъ,* обвиненій въ гнетѣ, насиліяхъ, тяготахъ и жестокости. Ни слова о томъ, чѣмъ такъ старались искусственно и натянуто напичкать ихъ изъ области правительственныхъ погрѣшностей Царя передъ народомъ.

Ни слова...

Одна похабщина и цинизмъ...

Преступникъ, стремящійся скрыть свое участіе въ преступленіи, почти всегда оставляетъ о себѣ невольно вѣс-

точку тамъ, гдѣ и не думаетъ. То же для нѣкоторыхъ случилось и въ Ипатьевскомъ домѣ.

Кто стоялъ на посту на террасѣ 15-го іюля 1918 года?

„Вархатъ“, онъ собственноручно отмѣтилъ это самъ на косякѣ окна и подписался по-мадьярски.

Кто спалъ на одной изъ коекъ (походныхъ кроватяхъ) въ нижнемъ этажѣ?

„Рудольфъ Лашеръ“, расписавшійся въ этомъ на стѣнѣ по-нѣмецки.

Кто стоялъ за дверью въ правомъ углу комнатки нижняго этажа при разстрѣлѣ?

„Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій“, это говорятъ живые свидѣтели, но и безъ нихъ, надпись на стѣнѣ — „Валтасаръ былъ въ эту ночь убитъ своими подданными“, сдѣланная на нѣмецко-еврейскомъ жаргонѣ, сама по себѣ свидѣтельствовала объ авторахъ ея и преступленія.

Ипатьевскій домъ сохранилъ въ себѣ достаточно слѣдовъ убійцъ, чтобы сказать: въ его стѣнахъ въ комнаткѣ нижняго этажа были разстрѣляны всѣ Члены Царской Семьи и состоявшіе при Ней докторъ Боткинъ, Анна Демидова, Алексѣй Труппъ и Иванъ Харитоновъ. Еще въ мартѣ 1919 года на стѣнахъ и на полу этой комнаты сохранились слѣды брызгъ крови. Экспертиза этой крови, а равно крови, остававшейся въ пулевыхъ слѣдахъ въ кускахъ пола и стѣнъ, указала, что кровь эта—кровь человѣческая. Экспертиза направленія пулевыхъ ходовъ говоритъ, что жертвы не только разстрѣливались, но и пристрѣливались, когда уже лежали на полу. Слѣды порѣзовъ на обояхъ внизу, вблизи пола, указываютъ, что здѣсь не только разстрѣливали, но возможно и прикалывали штыками раненыхъ револьверными пулями. Большинство пулевыхъ слѣдовъ и самихъ пуль, застрявшихъ въ стѣнахъ и полу, принадлежатъ къ револьверамъ системы Нагана, но были также пули и отъ револьверовъ Кольта и Маузера. Разбросанность пулевыхъ слѣдовъ въ комнатѣ указываетъ не только на вѣроятно происходившую борьбу за жизнь со стороны обреченныхъ на разстрѣлъ, но и на нервозность и безпорядочность стрѣльбы со стороны преступниковъ. Пулевыхъ слѣдовъ въ комнатѣ имѣлось отъ 28 до 35, причемъ большая часть ихъ была отъ пуль, не проходившихъ черезъ

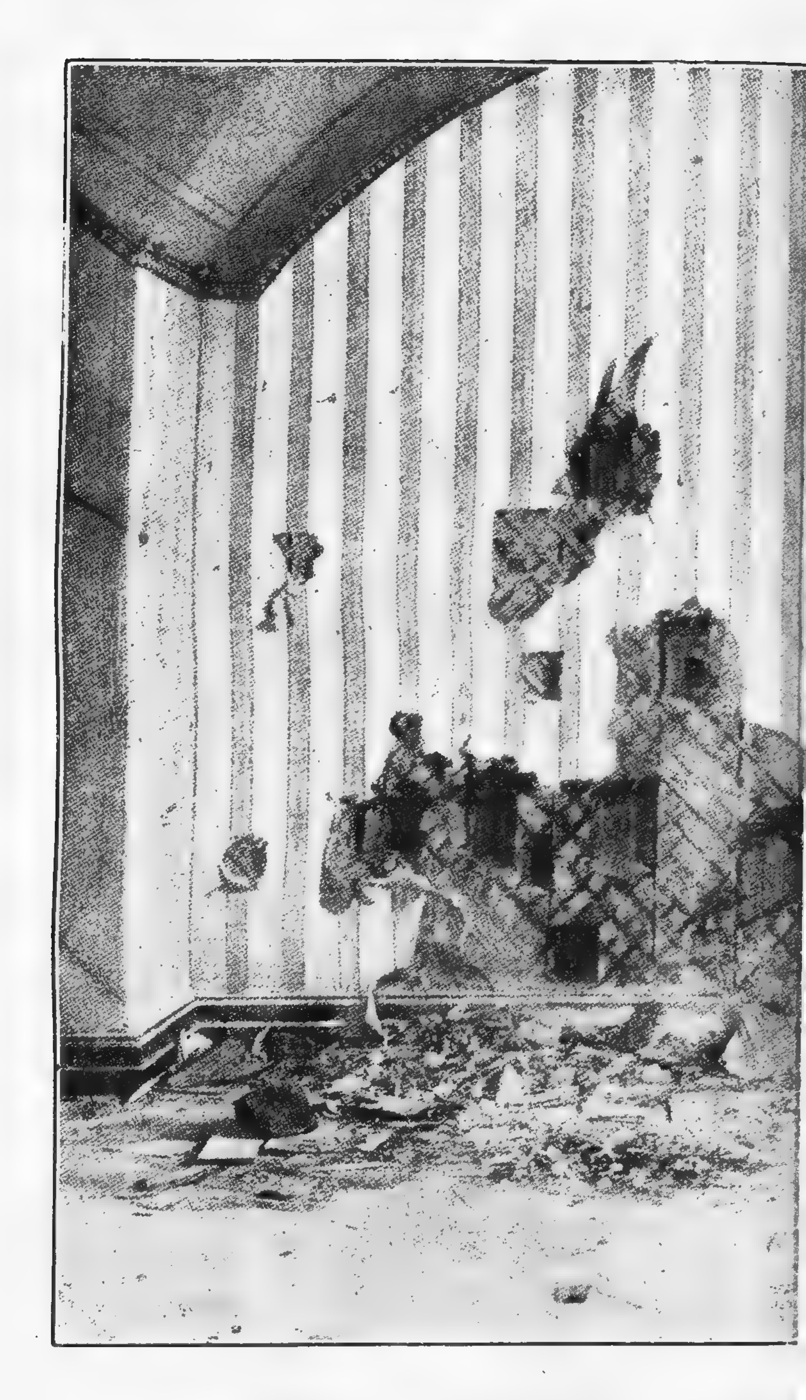
человѣческое тѣло, т.-е. указывавшихъ на большое число промаховъ, что могло произойти при разстрѣлѣ на такомъ близкомъ разстояніи отъ чрезвычайной нервности и растерянности со стороны стрѣлявшихъ.

Домъ Ипатьева былъ окончательно освобожденъ отъ постоя нашихъ штабовъ и управленій въ серединѣ марта 1919 года и арендованъ Омскимъ Правительствомъ у владѣльца Ипатьева. Намѣчалось пріобрѣсти его совершенно въ казну, но военныя событія, вызвавшія очищеніе нами Урала, оставили этотъ вопросъ не разрѣшеннымъ.

Отъ Ипатьевскаго дома дорога на деревню Коптяки идетъ черезъ городъ сначала по Вознесенскому проспекту, а затѣмъ поворачиваетъ направо по Главной улицѣ города и ею выходитъ у ипподрома изъ предѣловъ города. Далѣе, пройдя черезъ Верхъ-Исетскій заводъ, дорога направляется къ кордонамъ на Казанской и Пермской желѣзнодорожныхъ линіяхъ и, перейдя обѣ линіи, вступаетъ въ густой смѣшанный, заросшій лѣсъ, тянущійся до самой деревни Коптяки, въ общемъ на протяженіи 12—16 верстъ. Верстахъ въ 3-хъ къ сѣверу отъ кордона на Пермской желѣзнодорожной линіи Коптяковская дорога пересѣкаетъ еще у разъѣзда № 120 горно-заводскую желѣзнодорожную линію, но до этого, примѣрно на серединѣ разстоянія, она раздваивается и подходитъ къ горно-заводской линіи двумя вѣтками: сѣверной—къ переѣзду у будки № 184, сѣвернѣе разъѣзда № 120, и южной—къ переѣзду у будки № 185, южнѣе этого разъѣзда.

На сѣверной вѣткѣ, не доходя шаговъ 150 до желѣзнодорожной линіи, есть топкое, болотистое мѣсто; здѣсь рано утромъ 19-го іюля возвращавшійся изъ Коптяковскаго лѣса къ городу, въ сопровожденіи конныхъ красноармейцевъ Ермаковскаго отряда и 4—5 коробковъ, грузовой автомобиль Люханова застрялъ въ трясинѣ; люди съ автомобиля и красноармейцы ходили къ будкѣ № 184, взяли изъ сложеннаго у будки штабеля шпалы и сложили на трясинѣ помостъ, по которому и прошелъ грузовикъ. Этотъ помостъ оставался на мѣстѣ еще въ маѣ—іюнѣ 1919 года.

Южная вѣтка Коптяковской дороги, перейдя черезъ переѣздъ у будки № 185, поворачиваетъ налѣво вдоль полотна желѣзной дороги, и у будки № 184 соединяется

Комната въ домѣ Ипатьева, въ которой

совершилось убійство Царской Семьи.

опять съ сѣверной вѣткой. Дорога снова входитъ въ лѣсъ и примѣрно версты 3, до такъ называемаго „урочища Четырехъ Братьевъ“, идетъ, не раздѣляясь, однимъ путемъ. Урочище „Четыре Брата“ получило свое названіе отъ росшихъ нѣкогда при дорогѣ четырехъ могучихъ вѣковыхъ сосенъ, выходившихъ отъ одного корня; нынѣ отъ этихъ исполиновъ осталось только два разваливающихся пня. Какъ разъ пройдя мимо этихъ пней, Коптяковская дорога снова раздваивается на двѣ вѣтки: главная вѣтка уклоняется нѣсколько къ сѣверу и версты черезъ 3 проходитъ черезъ рядъ луговинъ, носящихъ общее названіе „Большой покосъ“. Этой именно вѣткой пользовались при поѣздкахъ изъ города въ деревню Коптяки и обратно, и она считалась частью Коптяковской дороги. Второстепенная вѣтка, отклоняясь у урочища „Четырехъ Братьевъ“ нѣсколько къ югу, имѣетъ характеръ зимней дороги и носитъ мѣстное названіе „дороги на плотинку“, такъ какъ на высотѣ „Большого покоса“ пересѣкаетъ по плотинкѣ очень топкое болото. Гать этой плотинки совершенно развалившаяся, не проѣзжая на колесахъ, почему, видимо, этой дорогой и пользовались только зимой, когда болото замерзало.

Верстахъ въ двухъ сѣвернѣе „Большого покоса“ и плотинки обѣ вѣтки соединялись и такимъ образомъ обхватывали въ лѣсу обширный раіонъ, который носитъ общее названіе—раіона „Ганиной ямы“. Слѣдовательно, вдоль Коптяковской дороги раіонъ этотъ имѣлъ протяженіе до 5 верстъ, а поперекъ въ наиболѣе удаленной части вѣтокъ другъ отъ друга было до 2-хъ верстъ. Примѣрно въ серединѣ этого раіона, ближе къ главной вѣткѣ и въ полутора верстахъ отъ „Четырехъ братьевъ“, имѣется маленькій прудокъ, собственно и называющіійся „Ганиной ямой“.

Отъ этого прудка въ направленіи къ „Четыремъ Братьямъ“, т. е. на юго-востокъ, тянутся старыя, заброшенныя рудничныя разработки, представляющія собою сѣть заваливщихся шахтъ, шурфовъ, обвалившихся большихъ и малыхъ котловановъ, обращающихъ всю эту мѣстность въ сильно изрытый, ископанный и изрѣзанный раіонъ. Однѣхъ старыхъ шахтъ здѣсь болѣе 30, а количество бывшихъ шурфовъ, котлованов трудно даже опредѣлить, такъ какъ всѣ они успѣли уже зарости травой, кустарниками и деревьями съ тѣхъ поръ, какъ бросили здѣсь добычу желѣзной руды.

Съ главной вѣтки Коптяковской дороги къ этимъ заброшеннымъ разработкамъ имѣется четыре свертки, по которымъ, видимо, прежде вывозилась добывавшаяся руда. Первая изъ указанныхъ свертокъ, начинаясь саженяхъ въ 150 отъ „Четырехъ Братьевъ", выходитъ къ серединѣ разработокъ и затѣмъ почти по краю ихъ направляется къ Ганиной ямѣ, гдѣ и заканчивается. Остальныя три свертки съ Коптяковской дороги выходятъ на эту первую свертку въ разныхъ ея мѣстахъ, почему эта первая свертка является какъ бы главной дорожкой, обслуживавшей разработки.

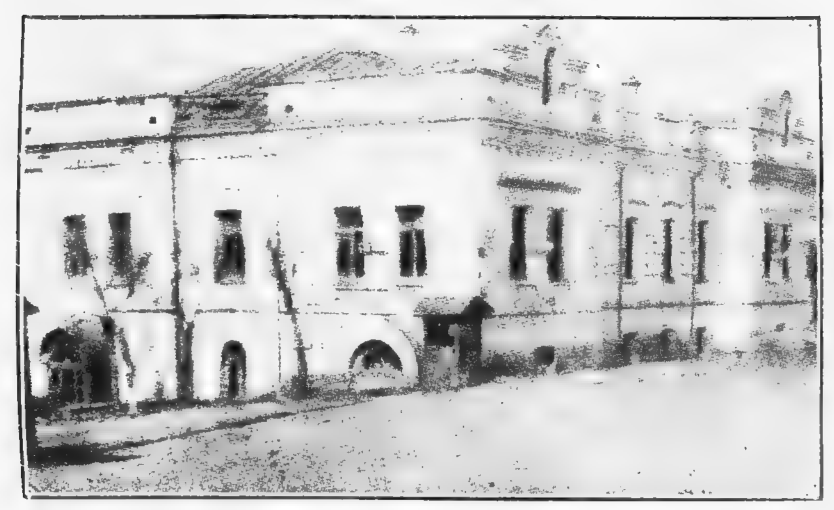
Въ общемъ весь раіонъ этихъ разработокъ очень глухой, совершенно въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги, закрытъ частымъ, заросшимъ лѣсомъ и представляется чрезвычайно удобнымъ для сокрытія здѣсь многихъ тѣлъ, не прибѣгая къ большимъ землянымъ работамъ. Такъ по крайней мѣрѣ кажется на первый взглядъ. Мѣсто это было хорошо извѣстно Петру Ермакову, такъ какъ у Ганиной ямы находился покосъ его пріятеля и сотрудника по разнаго рода разстрѣламъ и реквизиціямъ, Александра Болотова, тоже жителя Верхъ-Исетскаго завода.

Вотъ что представлялъ собою въ общихъ чертахъ путь и раіонъ, которые были избраны Исаакомъ Голощекинымъ и Янкелемъ Юровскимъ, какъ мѣсто *послѣдняго и вѣчнаго упокоенія* бывшаго Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи.

Методическое изслѣдованіе матеріаловъ въ связи съ детальнымъ осмотромъ мѣстности даютъ слѣдующую картину обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто въ дни 17—19-го іюля 1918 года въ предѣлахъ вышеописаннаго раіона.

Саженяхъ въ 100 отъ будки № 184 по дорогѣ на деревню Коптяки есть гать на просыхающемъ болотѣ; не доѣзжая этой гати—небольшой сухой пригорокъ. На этомъ пригоркѣ, закрытомъ лѣсомъ, утромъ 17-го іюля появилась застава красноармейцевъ „особаго отряда" Исаака Голощекина и не пропускала никого ѣхавшихъ изъ города въ Коптяки. Всѣхъ подъ угрозой немедленнаго разстрѣла возвращали обратно къ будкѣ № 184.

На другомъ концѣ Коптяковской дороги передъ „Большимъ покосомъ" расположилась тогда же другая такая же застава, не пропускавшая никого изъ деревни Коптяки въ городъ.

Домъ Ипатьева на Вознесенской площади въ Екатеринбургѣ, въ которомъ содержалась Царская Семья.

Первые два окна влѣво отъ угла дома—спальня покойныхъ Государя Императора и Государыни Императрицы. Слѣдующее окно—комната Великихъ Княженъ. Подъ нимъ окно со сводомъ—комната, гдѣ было совершено убійство всей Царской Семьи.

Мѣсто кострища у шахты № 7.

Очень поздно ночью съ 16-го на 17-е іюля, скорѣе даже на раннемъ разсвѣтѣ 17-го іюля, черезъ переѣздъ у будки № 185 прошелъ грузовой автомобиль Люханова, на половину загруженный тѣлами Августѣйшихъ Мучениковъ и покрытый какой-то сѣроватой матеріей или брезентомъ. Грузовикъ свернулъ налѣво, миновалъ будку № 184 и, пройдя отъ нея по Коптяковской дорогѣ сажень 50, только что въѣхавши въ лѣсъ, остановился. Шоферъ и его помощникъ слѣзли съ грузовика и приходили въ будку № 184 взять ведро воды, такъ какъ машина „согрѣлась". Жена сторожа разсердилась, что ночью пугаютъ, на что шоферъ ей отвѣтилъ:

„Вы тутъ, какъ господа, спите, а мы всю ночь маемся. На первый разъ простимъ, а въ другой разъ такъ не дѣлайте".

Черезъ нѣкоторое время автомобиль пошелъ дальше. У гати его встрѣтили нѣсколько конныхъ красноармейцевъ изъ отряда Петра Ермакова и повели дальше къ урочищу „Четырехъ Братьевъ". Дорога для грузовика была трудная: частые дожди сильно размочили грунтъ; въ низинахъ было топко, а на буграхъ изъ подъ почвы вылѣзли громадные корни придорожныхъ деревьевъ. Автомобиль шелъ съ большимъ трудомъ, часто останавливаясь, буксуя и оставляя позади въ грязи и въ топкихъ мѣстахъ глубокіе слѣды своихъ колесъ.

Дойдя до первой свертки къ разработкамъ, онъ свернулъ на нее. Дорожка была заросшая высокой травой и молодыми деревьями, колея—узкая. Тяжелый грузовикъ проложилъ по ней громадный слѣдъ: траву примялъ, поломалъ и повывернулъ много молодыхъ деревьевъ, а у старыхъ поободралъ кору и поцарапалъ стволы боками платформы, такъ что еще въ маѣ 1919 года эти послѣдніе слѣды были ясно видны. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ свертка выходитъ къ разработкѣ, одна изъ ямъ, служившая нѣкогда для выборки руды, слишкомъ прижала дорогу къ большимъ деревьямъ и грузовикъ, огибая ее съ правой стороны, не разсчиталъ поворота, сорвался въ яму лѣвымъ заднимъ колесомъ, проломалъ себѣ дно и застрялъ. Пришлось, видимо, чтобы вытащить автомобиль изъ ямы, разгружать его здѣсь.

До открытой шахты и глиняной площадки, гдѣ крестьянами и офицерами были обнаружены слѣды костровъ, оставалось шаговъ 200; изъ молодыхъ сосенъ и березокъ,

пеньки отъ которыхъ остались торчать, нарубленныхъ по близости отъ мѣста крушенія, надѣлали носилокъ, использовавъ вѣроятно для нихъ полотнища палатокъ или брезента, которыми былъ покрытъ автомобиль и одинъ кусочекъ коихъ былъ найденъ въ шахтѣ. Люди послѣзали съ лошадей, привязали ихъ къ деревьямъ, на которыхъ кони пообглодали кору и, для работы по разгрузкѣ и вытаскиванію машины, чтобы предохраниться отъ комаровъ, развели у самой дороги костеръ. Работали здѣсь Ермаковъ, Костоусовъ, Леватныхъ, Вагановъ и всѣ ближайшіе Ермакову пріятели, составлявшіе какъ бы его штабъ. Часть относила тѣла на площадку къ шахтѣ, гдѣ и бросили потомъ палки отъ носилокъ, другая часть несла службу ближняго охраненія, третья вытаскивала изъ ямы автомобиль.

Отъ ямы, куда завалился автомобиль, дальше по направленію къ Ганиной ямѣ, какъ говорилось выше, дорожка слѣдуетъ по краю большого, глубокаго котлована, который упирается въ открытую шахту, изслѣдовавшуюся въ августѣ 1918 года офицерами. Сейчасъ же дальше за шахтой, все по тому же направленію, лежитъ небольшой, плоскій бугоръ—площадка со слѣдами упоминавшагося кострища. Этотъ бугоръ изъ набросанной глины. Къ востоку отъ шахты и бугра полянка, а съ сѣверо-запада къ шахтѣ подходитъ полевая дорожка, по которой можно выйти на „дорогу къ плотинкѣ“.

Вся трава на полянкѣ, вокругъ шахты и глинянаго бугра была сильно помята людскими и конскими ногами; лошади, видимо, были привязаны къ окружавшимъ полянку деревьямъ, такъ какъ кора на деревьяхъ была обглодана, а на землѣ вокругъ деревьевъ валялся конскій калъ. По всей полянкѣ шелъ глубокій слѣдъ автомобиля, видимо, заворачивавшаго здѣсь обратно послѣ того, какъ его вытащили изъ ямы; виднѣлись и слѣды колесъ телѣгъ или экипажей, которые выѣзжали на полянку со стороны Ганиной ямы, куда выходила четвертая свертка съ главной вѣтки Коптяковской дороги. У шахты валялись перерубленные или разрѣзанные концы новой веревки отъ какой-то укупорки и палки, зачищенныя съ обоихъ концовъ, служившія для носилокъ.

Вокругъ шахты и особенно на скатахъ глинянаго бугра были разбросаны остатки кострища; особенно много ихъ

скопилось въ одной ямкѣ у края бугра. Здѣсь-то и находились тѣ обгорѣлые предметы одежды, обуви, бѣлья и платья, о которыхъ говорилось выше; при детальной разборкѣ всего здѣсь собраннаго среди пепла оказались и небольшіе куски чьихъ-то обгорѣлыхъ и раздробленныхъ костей, а слѣдователь Наметкинъ разсказалъ, что когда они были у шахты въ первый разъ, то на верху этого сваленнаго пепла лежало какъ бы перегорѣвшее ребро, которое, когда онъ хотѣлъ его взять, разсыпалось въ мельчайшій пепелъ. Въ общемъ впечатлѣніе первоначально здѣсь бывшихъ людей было таковымъ: около шахты на кострѣ жгли не только предметы одежды, бѣлья и обуви, но возможно сжигались тѣла самихъ убитыхъ, а потомъ остатки и пепелъ разбросали вокругъ въ траву, а само мѣсто кострища засыпали глиной. И дѣйствительно обгорѣлыя вещицы находились почти всюду вокругъ шахты и бугра и даже въ сосѣднихъ котлованахъ и ямахъ. Такіе же остатки были найдены и въ шахтѣ.

На дорожкѣ, подходившей къ шахтѣ съ сѣверо-запада, шагахъ въ 30 отъ шахты находился другой костеръ, въ которомъ тоже были найдены обгорѣлыя части предметовъ одежды, бѣлья, обуви и также обгорѣлые кусочки чьихъ-то костей. Слѣдственному производству удалось получить фотографію съ этого костра, снятую до того, что костеръ былъ развороченъ Коптяковскими крестьянами, а можетъ быть даже и тотчасъ послѣ того, какъ онъ потухъ. Судя по этой фотографіи, костеръ долженъ былъ имѣть не менѣе 3-хъ аршинъ въ длину, до 2-хъ въ ширину и аршинъ слишкомъ въ высоту. Внѣшнимъ видомъ и по размѣрамъ онъ напоминалъ холмъ свѣже-насыпанной могилы. Коптяковскіе крестьяне, наткнувшись въ остаткахъ кострища на глиняной площадкѣ сразу на драгоцѣнный изумрудный крестъ, увидя затѣмъ этотъ второй костеръ на дорожкѣ, сосредоточили все свое вниманіе на розыскѣ новыхъ драгоцѣнныхъ предметовъ. Они разметали его, смѣшали въ немъ пепелъ и невольно измельчили цѣнные осколки костей, такъ какъ послѣдніе отъ дѣйствія огня стали очень хрупкими. Все же общее заключеніе всѣхъ побывавшихъ здѣсь Коптяковскихъ крестьянъ тоже сводилось къ тому, что на кострахъ были сожжены сами тѣла убитыхъ Членовъ Царской Семьи.

Неподалеку отъ открытой шахты, между нею и ямой, куда завалился автомобиль, есть еще полянка, закрытая

отъ шахты нѣсколькими деревьями и кустами. На этой полянкѣ подъ деревьями пень отъ стараго, спиленнаго, большого дерева. Вокругъ пня валялась яичная скорлупа, обрывки совѣтской газеты и нѣсколько листковъ какого-то медицинскаго справочника. Повидимому, пока другіе работали надъ тѣлами, тамъ, у шахты и бугра, здѣсь—на пнѣ кто-то сидѣлъ, ѣлъ яйца и выронилъ нѣсколько листковъ изъ бывшаго съ нимъ для чего-то справочника. Это не было пособіе, которымъ бы могъ пользоваться, напримѣръ, фельдшеръ, каковымъ изъ извѣстныхъ участниковъ сокрытія тѣлъ былъ Янкель Юровскій; это было, по заключенію экспертовъ, врачебное пособіе, доступное только врачу. Небольшая подробность, которая наводитъ на вопросъ: для чего убійцамъ, при сокрытіи тѣлъ своихъ жертвъ, понадобилось на мѣстѣ присутствіе врача?

18-го іюля въ первой половинѣ дня въ Коптяковскій лѣсъ приходили два грузовыхъ автомобиля; одинъ привезъ запасъ бензина для того грузовика, который застрялъ у Ганиной ямы, и бочку, пудовъ въ 10—12, керосина; другой грузовикъ привезъ еще съ чѣмъ-то три бочки. Оба эти грузовика были задержаны на красноармейской заставѣ къ сѣверу отъ будки № 184 и грузъ съ нихъ дальше возили на Ермаковскихъ телѣгахъ или коробкахъ, какъ ихъ называютъ мѣстные жители. Во второй половинѣ дня того же 18-го іюля въ Коптяковскій лѣсъ пріѣхали Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій. Исаакъ Голощекинъ пріѣхалъ на легковомъ автомобилѣ еще съ двумя какими-то лицами изъ чрезвычайки, но автомобиль оставилъ у будки № 184, а дальше ушелъ со своими спутниками пѣшкомъ. Очень поздно вечеромъ эти спутники вернулись изъ лѣса назадъ къ будкѣ № 184 и уѣхали на легковомъ автомобилѣ въ городъ; за ними же ушелъ въ городъ и одинъ изъ грузовиковъ, пришедшихъ днемъ. Исаакъ Голощекинъ остался на ночь въ лѣсу. Уже передъ разсвѣтомъ 19 го іюля легковой автомобиль опять пришелъ въ Коптяковскій лѣсъ и на этотъ разъ ему дали углубиться по дорогѣ на Коптяки значительно дальше. Въ лѣсу со стороны шахты къ нему вышелъ Исаакъ Голощекинъ; онъ, видимо, не спалъ всю ночь и когда ѣхалъ черезъ Верхъ-Исетскъ, то дремалъ въ автомобилѣ и качался изъ стороны въ сторону. Съ нимъ одновременно прошелъ въ городъ второй изъ грузовиковъ, приходившихъ въ Коптяковскій лѣсъ днемъ 18-го іюля.

Рано утромъ 19-го іюля вернулись въ Верхъ-Исетскъ Ермаковъ, Костоусовъ, Леватныхъ и прочіе чины отряда Ермакова, а съ ними и красноармейцы, несшіе охрану на заставахъ. Ермаковскіе были верхами, а остальные ѣхали на телѣгахъ или въ коробкахъ, которыхъ было больше 20. На 4—5 коробкахъ везли какія-то бочки. Со всей этой командой прошелъ черезъ Верхъ-Исетскъ и грузовикъ Люханова, возившій въ Коптяковскій лѣсъ тѣла Членовъ Царской Семьи; его лѣвое заднее колесо было обмотано веревками. Всѣ вернувшіеся люди имѣли видъ утомленный, а нѣкоторые изъ Ермаковскихъ были сильно перепачканы глиной и землей. Своимъ женамъ, роднымъ и близкимъ никто изъ нихъ не рѣшился разсказать про то, что они дѣлали въ лѣсу, и только дня черезъ три, когда, уходя изъ Екатеринбурга, они, проходя черезъ Коптяки, заставили тамошнихъ крестьянъ везти ихъ на подводахъ на Тагилъ, отпуская подводчиковъ, будучи подъ сильнымъ хмѣлемъ, бахвалились передъ крестьянами: „Мы вашего Николку и всѣхъ тамъ пожгли“.

Видимо и на каторжанъ по натурѣ, не останавливавшихся ни передъ какимъ звѣрствомъ надъ живымъ человѣкомъ, то, что ихъ заставилъ продѣлать Исаакъ Голощекинъ уже надъ мертвыми тѣлами, произвело впечатлѣніе того исключительнаго ужаса, который сковалъ исполнителямъ уста и обезпечивалъ Исааку Голощекину, что они не проговорятся, развѣ только въ пьяномъ видѣ, когда всякій понимаетъ, что „мало ли чего пьяный не наболтаетъ“. Быть можетъ въ разсчетѣ именно на этотъ ужасъ исполнителей, еврей Войковъ такъ увѣренно заявилъ: „Міръ никогда объ этомъ не узнаетъ“.

Дѣйствительно, на основаніи послѣдовавшаго подробнаго обслѣдованія раіона шахты и глинянаго бугра и детальнаго изученія обгорѣлыхъ остатковъ, найденныхъ въ этомъ раіонѣ, можно составить себѣ только предположеніе о томъ, что Исаакъ Голощекинъ, Янкель Юровскій и подобные имъ изувѣры были способны продѣлать надъ тѣлами Августѣйшихъ Мучениковъ въ Коптяковскомъ лѣсу, почему куски костей находились раздробленными, драгоцѣнности разрубленными, и все тщательно сожжено, но разсчитывать услышать изъ ихъ устъ подробности этого послѣдняго акта страшной Екатеринбургской трагедіи едва ли кто можетъ.

Розыски тѣлъ.

Мѣсто въ Коптяковскомъ лѣсу для сокрытія тѣлъ Членовъ Царской Семьи выбирали Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій по указанію Петра Ермакова. Для этого Янкель Юровскій съ Ермаковымъ и Вагановымъ ѣздили верхами въ урочище „Четырехъ Братьевъ“ еще 14-го или 15-го іюля, гдѣ ихъ и видѣлъ горный техникъ Фесенко и нѣкоторые изъ проѣзжавшихъ по Коптяковской дорогѣ крестьянъ и дачниковъ. Утромъ же 16-го іюля Исаакъ Голощекинъ, Янкель Юровскій и возможно Бѣлобородовъ, собравшись въ Ипатьевскомъ домѣ, ѣздили оттуда въ лѣсъ на легковомъ автомобилѣ съ шоферомъ Люхановымъ и вернулись назадъ уже подъ вечеръ.

Если для сокрытія самаго факта убійства Царской Семьи совѣтскіе главари принимали исключительныя мѣры, вплоть до завѣдомо ложнаго объявленія о вывозѣ Ея въ надежное мѣсто, то въ отношеніи сокрытія тѣлъ убитыхъ, какъ въ смыслѣ мѣста, такъ и выбора способа сокрытія, Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій приняли совершенно исключительныя предосторожности, ограничивъ кругъ лицъ, участвовавшихъ въ сокрытіи, до минимума и тщательно произведя выборъ участниковъ изъ числа исключительныхъ русскихъ большевиковъ.

Никто изъ охранниковъ-рабочихъ Сысертскаго завода и Злоказовской фабрики, не исключая и Павла Медвѣдева, не былъ привлеченъ къ работѣ въ Коптяковскомъ лѣсу. Равнымъ образомъ Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій не считали возможнымъ использовать для этой цѣли и палачей, участвовавшихъ въ самомъ разстрѣлѣ, и даже членовъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи, входившихъ въ составъ засѣданія, обсуждавшаго планъ убійства бывшаго Царя и Августѣйшей Семьи. Идея Исаака Голощекина и Янкеля Юровскаго заключалась въ томъ, чтобы сокрытіе тѣлъ убитыхъ произвести при посредствѣ людей, не принимавшихъ участія ни въ охранѣ Царской Семьи, ни въ разстрѣлѣ Ея, и при этомъ такими людьми, которые по своей прошлой обще-большевистской дѣятельности ни въ коемъ случаѣ не могли оставаться въ раіонѣ Екатеринбурга при оставленіи его совѣтскими властями. Кромѣ того раз-

счетъ ихъ, при использованіи людей именно этой категоріи, опирался на томъ, что въ случаѣ если бы кто-нибудь изъ нихъ попалъ въ наши руки, то съ нимъ кончали бы на мѣстѣ безъ всякаго допроса, какъ вообще съ извѣстнымъ ярымъ большевистскимъ преступникомъ. Разсчетъ ихъ былъ діавольскій, но правильный, что и подтвердилось на Вагановѣ въ Екатеринбургѣ и на Абрамовѣ въ Алапаевскѣ. Дѣло въ томъ, что всякіе такіе господа попадаютъ прежде всего въ руки передовыхъ войскъ, а эти передовыя части въ большинствѣ случаевъ въ гражданской войнѣ образуются самостоятельно изъ тѣхъ же мѣстныхъ жителей, подымаются противъ большевиковъ и переходятъ къ активнымъ дѣйствіямъ еще до вступленія въ данный пунктъ нашихъ регулярныхъ войскъ и нашихъ властей.

Мѣсто, гдѣ Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій производили сокрытіе тѣлъ съ ночи на 17-е іюля до 6 часовъ утра 19-го іюля, тщательно охранялось двумя кольцами заставъ и постовъ. Наружное кольцо охраны, считая по Коптяковской дорогѣ, имѣло въ діаметрѣ 6 верстъ; эту охрану несли люди изъ состава „особаго отряда“ Исаака Голощекина и имѣли задачей никого не пропускать во внутрь оцѣпленнаго раіона ни со стороны города, ни изъ деревни Коптяковъ, ни съ лѣсной дорожки, проходившей черезъ хуторъ Зубрицкаго къ востоку отъ Коптяковской дороги. Для этого ея посты расположились: на сѣверѣ—у „Большого покоса“, на востокѣ—у хутора Зубрицкаго и на югѣ—у гати, шагахъ въ 200 къ сѣверу отъ переѣзда № 184, на Коптяковской дорогѣ. Съ западной стороны указанный оцѣпленный раіонъ примыкалъ къ полосѣ непроѣзжаго болота, тянувшагося вдоль горно-заводской желѣзной дороги до рѣки Исеть.

Южный постъ наружной охраны не пропускалъ на сѣверъ по Коптяковской дорогѣ никого, направляя имѣвшихъ надобность попасть въ деревню Коптяки или по желѣзнодорожному полотну на станцію Исеть, или по полевой дорогѣ черезъ мѣдный рудникъ—чрезвычайно окольная дорога на деревню Коптяки. Нѣкоторыхъ изъ дачниковъ, имѣвшихъ общіе пропуски отъ совѣтскихъ властей и пытавшихся уговорить постовыхъ пропустить ихъ, охранники предупреждали, что за ними имѣется другая линія охраненія, людямъ которой приказано стрѣлять по всѣмъ проходящимъ и неизвѣстнымъ имъ въ лицо.

У этого же поста 18-го іюля, кромѣ двухъ уже упоминавшихся грузовиковъ съ керосиномъ и тремя какими-то бочками, былъ задержанъ экипажъ съ кучеромъ и членомъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи, привезшій въ этотъ день въ лѣсъ лопаты и ящики съ кислотой.

Кольцо внутренней охраны, образованной изъ конныхъ постовъ людей отряда Ермакова, располагалось непосредственно отъ „Четырехъ Братьевъ" по обѣимъ вѣткамъ Коптяковской дороги, оцѣпляя раіонъ Ганиной ямы и шахтъ съ востока, юга и запада, а на сѣверѣ примыкая къ болотистой полосѣ, тянувшейся отъ „Большого покоса" къ гати, перпендикулярно къ обѣимъ вѣткамъ. Протяженіе внутренняго кольца охраны съ сѣверо-запада на юго-востокъ составляло 2 версты, а съ сѣверо-востока на юго-западъ—1 версту. Глиняный бугоръ, гдѣ были найдены остатки кострища, и открытая шахта находятся почти въ центрѣ этого внутренняго кольца охраны и закрыты отъ взоровъ съ упомянутыхъ вѣтокъ Коптяковской дороги густымъ смѣшаннымъ лѣсомъ.

Безусловно извѣстно, что непосредственно въ сокрытіи тѣлъ участвовали: Исаакъ Голощекинъ, Янкель Юровскій, Петръ Ермаковъ, Александръ Костоусовъ, Степанъ Вагановъ, Василій Леватныхъ, Партинъ и шоферъ автомобиля Люхановъ и можетъ быть еще 2 или 3 человѣка изъ особо близкихъ Ермакову лицъ его штаба, фамиліи коихъ остались не выясненными. Предположительно принялъ участіе какой-то докторъ, но во всякомъ случаѣ число работавшихъ было очень ограниченное. Ермаковъ, Костоусовъ, Вагановъ, Леватныхъ и Партинъ принадлежали какъ разъ къ тѣмъ извѣстнымъ мѣстнымъ большевистскимъ разбойникамъ, насильникамъ и грабителямъ, которые, попадись въ руки мѣстныхъ „бѣлыхъ", больше часа не прожили бы. Возможно, что на мѣсто сокрытія тѣлъ пріѣзжали Бѣлобородовъ, еврей Чуцкаевъ и Никулинъ, но установить это точно не удалось, въ виду перерыва слѣдственныхъ работъ, вызваннаго оставленіемъ нами 14-го іюля 1919 года раіона Екатеринбурга.

Произведенные въ августѣ 1918 года поиски и розыски въ раіонѣ Ганиной ямы и шахтъ безъ тщательнаго техническаго руководства и должнаго вниманія со стороны Сергѣева и Наметкина затерли лишь на мѣстѣ всѣ слѣды, которые могли бы облегчить выясненіе теперь, почти цѣлый годъ спустя, того, что сдѣлали Исаакъ Голощекинъ и Янкель

Юровскій съ тѣлами своихъ жертвъ, гдѣ точно на мѣстѣ они Ихъ сокрыли и наконецъ какой именно избрали способъ для сокрытія тѣлъ. Тѣ чрезвычайныя мѣры охраны, которыя были приняты евреями-изувѣрами для огражденія раіона шахтъ въ то время, когда они скрывали тамъ тѣла, равно какъ и ограниченность лицъ и спеціальный выборъ работниковъ, къ которымъ они прибѣгли для работъ въ этой области своего преступнаго замысла, указываютъ, что сокрытію тѣлъ они придавали исключительно важное значеніе, понимая хорошо, что разъ тѣла не будутъ найдены, всякія версіи о томъ или другомъ исчезновеніи Царской Семьи будутъ всегда имѣть маленькую долю правдоподобности и во всякомъ случаѣ могутъ быть предметомъ долгихъ споровъ, предположеній и заключеній, не являясь прямымъ и непреложнымъ обвиненіемъ ихъ въ убійствѣ всей Царской Семьи.

Путемъ чрезвычайно многочисленныхъ допросовъ, съ доставкой на мѣсто въ Коптяковскій лѣсъ мѣстныхъ жителей и окрестныхъ крестьянъ, прежде всего удалось вполнѣ точно установить линіи внѣшней и внутренней охраны, содержавшейся большевиками въ этомъ лѣсу, и такимъ образомъ опредѣлить тотъ раіонъ въ зонѣ внутренней охраны, куда Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій привезли на грузовомъ автомобилѣ Люханова тѣла убитыхъ въ домѣ Иппатьева Членовъ Августѣйшей Семьи. Далѣе опросомъ опять-таки на мѣстѣ лицъ, которые первыми попали въ раіонъ Ганиной ямы, вслѣдъ за оставленіемъ его Исаакомъ Голощекинымъ и его компаніей, была возстановлена та первоначальная картина всего раіона шахты, которая должна была запечатлѣться на мѣстѣ послѣ двухъ съ половиною суточной работы на ней сподвижниковъ Исаака Голощекина по сокрытію тѣлъ убитыхъ. Такихъ свидѣтелей все же оказалось не мало, и при этомъ не простыхъ крестьянъ деревни Коптяковъ и женщинъ Верхъ-Исетскаго завода, ходившихъ „по ягоды и грибы", а такихъ спеціалистовъ, какъ лѣсничіе и объѣздчики этой лѣсной дачи, проникшихъ въ раіонъ шахты къ счастью еще до наѣзда туда слѣдственныхъ властей и офицеровъ изъ Екатеринбурга.

Обрисовавшаяся этимъ путемъ первоначальная картина чрезвычайно существенна для возможныхъ окончательныхъ

выводовъ по вопросу, что сдѣлали Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій съ тѣлами своихъ жертвъ, а потому требуетъ подробнаго описанія.

Какъ уже говорилось выше, грузовой автомобиль, везшій тѣла Августѣйшихъ Мучениковъ, свернулъ съ Коптяковской дороги по первой сверткѣ къ разработкамъ, сорвался лѣвымъ заднимъ колесомъ въ яму у дорожки, шедшей вдоль котлована, застрялъ здѣсь на нѣкоторое время, а затѣмъ, выбравшись, доходилъ до самой открытой шахты у глиняной площадки. Здѣсь на полянкѣ онъ заворачивалъ назадъ и возвращался на Коптяковскую дорогу по своему первоначальному пути. Вся эта полянка передъ открытой шахтой и глиняной площадкой, поросшая высокой травой, была сильно натоптана людьми, лошадьми и многими колесными колеями, но всѣ колесные слѣды здѣсь на полянкѣ и кончались, приводя къ открытой шахтѣ и глиняной площадкѣ. Никуда въ стороны колесныхъ слѣдовъ не было; были только небольшіе куски пѣшеходныхъ слѣдовъ, отдалявшихся отъ полянки на небольшія разстоянія.

При выходѣ на полянку изъ лѣса со стороны Коптяковской дороги открывалась такая картина: полянка почти квадратная, протяженіемъ шаговъ 60, сильно умятая и затоптанная, упиралась въ голую безъ травы глиняную площадку несвѣжей насыпки. Съ лѣвой стороны послѣдней расположена открытая, сохранившаяся шахта изъ двухъ колодцевъ; съ правой стороны отъ площадки обширная, глубокая воронка завалившагося шурфа; сзади ихъ, нѣсколько подымаясь въ горку, снова начинается лѣсъ, почти по краю котораго тянется старая дорожка, и на ней противъ середины площадки прикрытая молодыми деревьями большая старая береза, подъ которой былъ второй костеръ. Влѣво отъ открытой шахты начинается длинный, глубокій котлованъ, служившій для наружной добычи желѣзной руды; вправо отъ воронки шурфа маленькіе перелѣски и среди нихъ старые обвалившіеся другіе шурфы и засыпанныя шахты.

Вся мѣстность, равно какъ и воронка шурфа и дно котлована были покрыты густой высокой травой. Рѣзкимъ пятномъ, оголеннымъ отъ растительности клочкомъ, бросалась въ глаза глиняная площадка и открытая шахта. Кругомъ ихъ мѣстность и трава особенно утоптаны, а примыкающія къ площадкѣ сзади и справа деревья обглоданы

и обтерты лошадьми, которыя, видимо, были здѣсь привязаны. Далеко отъ площадки въ стороны, повидимому, никто не ходилъ, или, если и ходили, то мало людей—рѣзкихъ протоптанностей не было видно. Слѣдовъ помятости травы въ воронкѣ шурфа и въ котлованѣ тоже не было видно. Вся дѣятельность, видимо, сосредоточивалась на полянкѣ, глиняной площадкѣ, у открытой шахты и у старой большой березы.

Глиняная площадка несвѣжей насыпи; она вѣрно образовалась тогда, когда рыли открытую шахту и выбрасывали изъ нея глину; она небольшая—шаговъ 15 въ длину, шаговъ 8 въ ширину; надъ общимъ уровнемъ полянки площадка подымается на одинъ — полтора аршина. Она неровная: два небольшихъ плоскихъ бугра составляютъ ея вершину, а по отлогимъ скатамъ—нѣсколько небольшихъ, стараго происхожденія, углубленій. На поверхности площадки мѣстами замѣтны свѣжіе слѣды лопаты, снимавшей кусками верхній слой площадки. Въ одномъ изъ углубленій площадки скопилось довольно много остатковъ отъ костра, что первоначально было даже принято за самый костеръ. Въ дѣйствительности же кострище было разложено позади открытой шахты, шагахъ въ 8 отъ нея, по направленію къ большой березѣ; размѣры этого костра были значительные, не менѣе 3-хъ аршинъ въ діаметрѣ. Когда костеръ прогорѣлъ, то его, видимо, раскидали, а мѣсто кострища, остававшіеся угольки и пепелъ присыпали свѣжей глиной съ площадки. На краю мѣста кострища Наметкинъ и увидѣлъ въ августѣ какъ бы перегорѣвшее совершенно ребро.

Другой костеръ былъ подальше, подъ старой березой; по размѣрамъ онъ, вѣроятно, былъ не менѣе перваго, а можетъ быть даже и больше. Но его Исаакъ Голощекинъ не разбрасывалъ, какъ первый костеръ; его нашли цѣльнымъ и разбросали уже крестьяне деревни Коптяковъ.

У края глиняной площадки, ближе къ открытой шахтѣ, лежали двѣ палки отъ носилокъ; тутъ же неподалеку нѣсколько обрубковъ совершенно новой упаковочной веревки и дощечки отъ какого-то ящика. „Веревка была толщиной въ мизинецъ“, говоритъ свидѣтель-лѣсничій, „совершенно новая и ясно совершенно было, что это именно упаковка отъ ящика: у нея сохранились характерные изгибы, какъ она проходила по угламъ ящика. Одинъ конецъ ея былъ съ петлей, какъ и бываетъ у увязки. Она была не развязана, а рѣзана или рублена, какъ это ясно видно по ней“.

Открытая шахта, выложенная срубами, представляла два смежныхъ колодца: одинъ два шага въ квадратѣ, другой полтора шага. Вокругъ валялись свѣжія сосновыя вѣтки, куски коры, обгорѣлыя головешки. Въ большомъ колодцѣ шахты, на глубинѣ 9 аршинъ отъ поверхности, виднѣлся ледяной покровъ, пробитый въ одномъ углу на полъ квадратныхъ аршина. На поверхности льда лежали тоже свѣжія сосновыя вѣтки, обгорѣлыя палки и лопата, замазанная глиной, такой же, какъ на площадкѣ. Тамъ же былъ найденъ написанный на листѣ бумаги на машинкѣ списокъ телефонныхъ нумеровъ различныхъ совѣтскихъ дѣятелей въ Екатеринбургѣ. Въ маломъ колодцѣ шахты была видна вода, но вообще на него мало обращали вниманія.

Нарисованная картина оставляла такое общее впечатлѣніе: тѣла всѣхъ Членовъ Царской Семьи были привезены сюда и здѣсь *на небольшомъ пространствѣ между большой старой березой, открытой шахтой, глиняной площадкой и глубокой воронкой завалившагося шурфа скрыты.* Никуда отсюда ихъ не вывозили. Ужасная кровавая трагедія закончилась именно здѣсь, и только здѣсь...

Но какъ?

Разсчитывать на то, что путемъ допросовъ удастся приблизиться къ истинѣ—не приходилось: число участвовавшихъ было слишкомъ невелико и захватить кого-либо изъ нихъ—шансовъ мало. По своимъ свойствамъ участники были слишкомъ конспиративны и молчаливы; всѣ они ушли въ совѣтскую Россію, и разговоры ихъ тамъ могли достигать слѣдствія лишь путемъ сбора ихъ агентурнымъ порядкомъ. Вообще эта отрасль изслѣдованія вопроса могла дать лишь намеки, канву, схему для непосредственныхъ розысковъ на мѣстѣ какъ путемъ согласованныхъ со слѣдственными данными раскопокъ, такъ и путемъ изысканія дополнительныхъ указаній на тотъ или другой способъ сокрытія тѣлъ Членовъ Августѣйшей Семьи.

Многочисленные распросы участниковъ убійства, прямыхъ и косвенныхъ свидѣтелей и различныхъ захватывавшихся большевистскихъ дѣятелей, имѣвшихъ соприкосновеніе съ руководителями преступленія въ совѣтской Россіи, въ общемъ дали чрезвычайно много разнообразныхъ версій о томъ, какъ и гдѣ были сокрыты Исаакомъ Голощекинымъ

тѣла его жертвъ. За исключеніемъ такихъ фантастическихъ, какъ переносъ тѣлъ на аэропланахъ куда-то за Верхотурье, всѣ остальныя, болѣе или менѣе реально согласовавшіяся съ остальными данными обстановки и разслѣдованія, были тщательно провѣрены на мѣстахъ путемъ развѣдокъ, тщательныхъ, обширныхъ раскопокъ и дополнительныхъ опросовъ новыхъ свидѣтелей и мѣстныхъ жителей. Подходить къ разрѣшенію вопроса надо было очень осторожно и послѣдовательно, такъ какъ разнородность указывавшихся способовъ сокрытія тѣлъ требовала и разнородности въ способахъ изысканій, и легко можно было, увлекшись въ одномъ направленіи, совершенно потерять возможность освѣтить въ должной мѣрѣ другое предположеніе; работы по одной версіи уничтожали слѣды для работъ по другой версіи.

Весь этотъ отдѣлъ слѣдственнаго производства и изслѣдованія—разборка и провѣрка всего поступавшаго матеріала, свѣдѣній и слуховъ—составилъ подготовительный періодъ для болѣе основательныхъ работъ по предположеніямъ, опредѣлявшимся наиболѣе реальными фактами, но этотъ періодъ подготовительныхъ работъ занялъ весь май мѣсяцъ. Въ концѣ концовъ установилось *три* наиболѣе основательныхъ положенія, какъ исходныя теоремы для главныхъ работъ слѣдствія и изслѣдованія по разрѣшенію этого темнаго вопроса—что сдѣлали Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій съ тѣлами убитыхъ ими Членовъ Августѣйшей Семьи. По совокупности всѣхъ данныхъ, опредѣлявшихъ степень вѣроятія и соотвѣтствія съ установленными уже другими обстоятельствами преступленія, эти три положенія стали въ слѣдующей послѣдовательности:

1-е положеніе: была вырыта яма, въ нее сложили тѣла, залили ихъ цементомъ, чтобы образовалась общая глыба, и затѣмъ засыпали землей, замаскировавъ мѣсто дерномъ.

Данныя для этого положенія заключались главнымъ образомъ въ показаніяхъ Павла Логинова, со словъ его собесѣдника на паровозѣ, въ лицѣ котораго можно было предполагать комиссара Тупетула, и въ показаніи Анатолія Якимова, слышавшаго о такой версіи отъ другихъ охранниковъ.

Но чтобы похоронить такимъ способомъ въ ямѣ 11 тѣлъ, надо было вырыть могилу не менѣе кубической сажени по объему, и то засыпка будетъ имѣть слой земли толщиною

всего въ полтора аршина. При этомъ большое количество земли должно было остаться выброшеннымъ наружу, что сразу бросалось бы въ глаза, какъ бросалась въ глаза въ описанной картинѣ глиняная площадка, и легко нащупалась бы при простомъ хожденіи по разницѣ въ плотности грунта, какъ бы ни маскировалась потомъ яма.

Кромѣ того естественно возникаетъ вопросъ, зачѣмъ было при этомъ способѣ сокрытія совершенно раздѣвать тѣла, вплоть до снятія чулокъ и подвязокъ, обгорѣлые остатки коихъ находились въ кострахъ.

2-е положеніе: тѣла были сброшены въ одну изъ шахтъ, которую затѣмъ обвалили взрывомъ ручныхъ гранатъ.

Источникомъ этого положенія служило главнымъ образомъ показаніе Павла Медвѣдева, который, встрѣтивъ въ Алапаевскѣ Петра Ермакова, будто бы спросилъ его, что они сдѣлали съ тѣлами, и тотъ далъ ему отвѣтъ въ указанномъ смыслѣ.

Такой способъ, конечно, былъ наиболѣе легкимъ и простымъ для быстраго и основательнаго сокрытія тѣлъ убитыхъ. Онъ не требовалъ сложныхъ и большихъ работъ, до которыхъ едва ли были охочи Ермаковъ и его сотрудники. Кромѣ того въ раіонѣ, избранномъ Исаакомъ Голощекинымъ, было 33 старыхъ заброшенныхъ шахты, и естественно работы по отысканію тѣлъ ставились въ очень трудныя условія. Однако нельзя не отмѣтить уже тутъ, что картина, описанная выше, опредѣленно указывала, что всѣ колесные слѣды сходились къ глиняной площадкѣ; слѣдовательно, тѣла были брошены или въ шурфъ справа отъ площадки, и шурфъ завалили, или въ открытую шахту слѣва отъ площадки (но шахта не была завалена, хотя и носила слѣды разрыва въ ней ручныхъ гранатъ), или наконецъ ихъ разносили на рукахъ. Тогда это не могло быть произведено въ очень удаленномъ раіонѣ, такъ какъ всѣ слѣды потопокъ травы ограничивались раіономъ, ближайшимъ къ полянкѣ, гдѣ была глиняная площадка. Кромѣ того и въ этомъ случаѣ, какъ и при первомъ положеніи, также возникаетъ вопросъ: зачѣмъ же раздѣвали тѣла до нага. Единственно, что можно предположить въ этомъ случаѣ—симуляцію способа и мѣста дѣйствительнаго сокрытія убитыхъ. Но и это допущеніе очень шатко, такъ какъ, во-первыхъ, костеръ, который былъ разложенъ убійцами на открытомъ мѣстѣ у шахты, былъ ими же разбросанъ, а само

мѣсто костра засыпано глиной, дабы не бросалось въ глаза; другой же костеръ, подъ березой, былъ укрытъ отъ взоровъ деревьями. Во-вторыхъ, обгорѣлые остатки вещей, принадлежавшихъ Членамъ Царской Семьи, были разбросаны по всему раіону глиняной площадки вмѣстѣ съ остатками костра и съ явнымъ намѣреніемъ скрыть ихъ въ высокой травѣ. Въ-третьихъ, едва ли Исаакъ Голощекинъ, Янкель Юровскій и особенно Ермаковъ съ своими товарищами рѣшились бы ради симуляціи пожертвовать бриллiантомъ, стоившимъ 20.000 рублей, жемчужными серьгами, изумруднымъ крестомъ и прочими драгоцѣнностями, остатки коихъ были найдены въ этомъ раіонѣ, или не замѣтили бы ихъ зашитыми въ лифчики Великихъ Княженъ, снимая эти лифчики съ Нихъ при раздѣваніи тѣлъ.

3-е положеніе: тѣла убитыхъ, послѣ наружнаго осмотра въ цѣляхъ розыска драгоцѣнностей, были изрублены на куски и сожжены на кострахъ.

На этомъ предположеніи стояли главнымъ образомъ крестьяне деревни Коптяковъ и тѣ изъ лѣсничихъ, которые первыми попали въ раіонъ шахты. Крестьяне, въ подтвержденіе своего впечатлѣнія отъ посѣщенія кострищъ, ссылались на разсказы самихъ красноармейцевъ, которые здѣсь работали подъ руководствомъ Исаака Голощекина, и потомъ, уѣзжая на Тагилъ, бахвалились своими подвигами въ пьяномъ состояніи.

Въ самомъ началѣ апрѣля 1919 года въ Екатеринбургѣ былъ задержанъ крупный членъ партіи большевиковъ-коммунистовъ, Антонъ Яковлевичъ Валекъ, пробиравшійся изъ Москвы въ Сибирь съ крупными деньгами для организаціи по всей Сибири ячеекъ „пятерокъ“. Во время сужденія его полевымъ судомъ выяснилось, что онъ былъ знакомъ и близокъ со многими совѣтскими главарями Урала, что дало основаніе слѣдователю Соколову допросить его по дѣлу объ убійствѣ бывшаго Государя Императора. Давая свое показаніе, Валекъ между прочимъ разсказалъ слѣдующее: „Въ послѣднихъ числахъ ноября прошлаго (1918) года, я по партійнымъ дѣламъ былъ въ Перми. Не могу точно припомнить, когда, гдѣ и съ кѣмъ изъ большевиковъ я разговаривалъ объ этомъ дѣлѣ. Совершенно этого не могу припомнить. Былъ у меня по этому поводу разговоръ и съ Бѣлобородовымъ. Могу вамъ сказать, что у меня въ результатѣ сложилось мнѣніе, что вся Семья убита и сожжена“.

Такимъ образомъ Валекъ, на основаніи разговоровъ среди главарей совѣтской власти на Уралѣ, вынесъ то же мнѣніе, которое создалось у крестьянъ деревни Коптяковъ изъ разговоровъ съ темными исполнителями замысловъ изувѣра Исаака Голощекина. Этому мнѣнію наиболѣе отвѣчала также вся обстановка, возстановленная разслѣдованіемъ и слѣдствіемъ въ раіонѣ глиняной площадки.

Руководясь слѣдственными матеріалами, подобранными по указаннымъ тремъ различнымъ способамъ, которые могли быть примѣнены Исаакомъ Голощекинымъ для сокрытія тѣлъ, въ 20-хъ числахъ мая было приступлено къ раскопкамъ и детальному изслѣдованію раіона шахтъ въ урочищахъ Четырехъ Братьевъ и Ганиной ямы. Первыя два предположенія требовали возможно болѣе широкихъ земляныхъ работъ, причемъ осторожность особой роли не играла. Третье предположеніе, наоборотъ, требовало чрезвычайно осторожнаго и детальнаго изученія и изслѣдованія небольшого раіона въ предѣлахъ старой березы, открытой шахты, глиняной площадки и воронки шурфа, дабы найти какія-либо вещественныя указанія на сожженіе самихъ тѣлъ въ этомъ мѣстѣ, принимая во вниманіе, что со времени трагедіи, имѣвшей здѣсь мѣсто, прошло 11 мѣсяцевъ и что здѣсь все уже было затоптано предыдущими поверхностными розысками.

Разнородность предположеній, выдвинутыхъ слѣдствіемъ, вызвала разновидность работъ въ цѣляхъ изслѣдованія раіона Коптяковскаго лѣса. Прежде всего изслѣдованіе занялось розыскомъ слѣдовъ ямъ, которыя могли послужить мѣстомъ погребенія Августѣйшихъ тѣлъ. Для этого, въ періодъ отъ 23-го мая по 9-е іюня, были произведены подробныя развѣдки всей зоны, опредѣлявшейся наружнымъ кольцомъ охраны; остановили на себѣ вниманіе 11 подозрительныхъ мѣстъ, какъ бы слѣдовъ бывшихъ ямъ. Всѣ они были вскрыты, но оказались старыми „щупами“, которыми техники нащупываютъ и опредѣляютъ направленіе залежи руды. Были найдены при этомъ сумка съ 3-хъ линейными патронами, видимо, забытая кѣмъ-либо изъ людей, несшихъ охрану, и нѣкоторые предметы, которые послѣ экспертизы должны были быть отнесены къ предметамъ, попавшимъ въ лѣсъ въ болѣе отдаленныя времена.

Нельзя забывать, что собственно сами работы по сокрытію убійцами тѣлъ не могли продолжаться болѣе 48 часовъ, причемъ изъ этого времени надо исключить еще не менѣе 8 часовъ перерывовъ, когда исполнители Ермаковъ, Костоусовъ, Леватныхъ и Партинъ пріѣзжали въ городъ въ рабочій клубъ, и обмѣнивались здѣсь общими впечатлѣніями о текущихъ событіяхъ и своемъ участіи въ убійствѣ Царской Семьи съ предсѣдателемъ Верхъ-Исетскаго исполкома Сергѣемъ Малышкинымъ и товарищемъ Александромъ Кривцовымъ. Такимъ образомъ Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій использовали для своей работы максимумъ 40 рабочихъ часовъ—промежутокъ времени слишкомъ недостаточный, чтобы особенно чисто выполнить большую земляную работу и такъ тщательно ее маскировать, чтобы не осталось никакихъ слѣдовъ.

Первое предположеніе, что тѣла были сложены въ выкопанную яму, залиты цементомъ и засыпаны землей, опредѣленно не находитъ себѣ никакихъ подтвержденій ни въ розыскахъ, ни въ дополнительныхъ допросахъ, ни въ раскопкахъ, произведенныхъ на мѣстѣ въ Коптяковскомъ лѣсу. Ни въ какомъ другомъ раіонѣ сокрытіе тѣлъ не могло имѣть мѣста, такъ какъ Исаака Голощекина, Янкеля Юровскаго, Ермакова, Ваганова, Костоусова, Леватныхъ, Партина и другихъ сотрудниковъ Ермакова въ дни 17—19 іюля видѣли именно пріѣзжавшими и уѣзжавшими изъ Коптяковскаго лѣса. Видѣли ихъ даже въ самомъ лѣсу, вблизи урочища Четырехъ Братьевъ. Видѣли ихъ родные и такіе изъ жителей, которые ошибиться не могли, такъ какъ Ермаковскіе опричники были слишкомъ хорошо извѣстны многимъ по тѣмъ грабежамъ, которые они творили среди окрестныхъ хуторянъ и жителей заимокъ. Да, наконецъ, рано утромъ 19-го іюля ихъ видѣли въ Верхъ-Исетскѣ, возвращавшимися всей гурьбой изъ Коптяковскаго лѣса.

Такимъ образомъ для обслѣдованія оставались еще два послѣднихъ положенія.

Сидя рано утромъ 19-го іюля въ саду коммунистическаго клуба, компанія Ермакова вела между собой бесѣду самаго откровеннаго характера; скрываться было не передъ кѣмъ и стѣсняться некого. Говорили обо всемъ, что дѣлали и что видѣли, пересыпали отвѣты циничными замѣчаніями и сопровождали чуть не каждое слово трехъ-этажной руганью.

Противно и тяжело выносить на свѣтъ грубыя и грязныя рѣчи этихъ людей-звѣрей, но дѣло, къ которому прикасаются руки Исааковъ Голощекиныхъ, обставляется такой исключительной тайной, что, желая хоть немного подойти къ истинѣ, приходится цѣпляться за каждую соломинку, откуда бы таковая ни протягивалась. Бесѣдовали друзья между собою о многомъ: перечисляли кто былъ среди убитыхъ; отмѣчали, что въ поясахъ костюмовъ были зашиты драгоцѣнности; высказывали мнѣніе, что „у мертвыхъ красоты не видать". Кто-то изъ спрашивавшихъ поинтересовался „какъ одѣты были?"—на что Партинъ отвѣтилъ: „они всѣ были въ штанахъ".

По приведеннымъ темамъ разговоровъ можно себѣ представить какимъ потокомъ цинизма разразился бы разговоръ этихъ павшихъ людей, если бы тамъ, на глиняной площадкѣ, они раздѣвали свои жертвы до нага. Относительно одежды говорили, что у Царя шинелька совсѣмъ „не кудашняя"; говорили про пояса; говорили про штаны у всѣхъ; говорили, что тѣла были еще теплыя. Но про наготу не было сказано ни слова, ни намека, и подслушивавшій ихъ разговоръ Кухтенко, передававшій ихъ подлинныя выраженія, не преминулъ бы разсказать к объ этомъ, если къ тому могъ быть какой-нибудь поводъ.

Не служитъ ли это яснымъ указаніемъ, что тѣлъ въ раіонѣ Ганиной ямы не раздѣвали, какъ это предполагалось съ самаго начала, и, что если въ кострахъ оказались остатки обгорѣлыхъ частей одежды, бѣлья, корсетовъ, чулокъ, подвязокъ и прочаго, то попали они въ костеръ не отдѣльно отъ тѣлъ, а *вмѣстѣ съ тѣлами.*

Костоусовъ, Ермаковъ, Леватныхъ, Партинъ, Вагановъ—все это люди, ушедшіе въ политику, революцію, большевизмъ, разбой, грабежъ *отъ работы:* лишь бы только не работать, а добывать средства къ существованію какимъ угодно другимъ способомъ, но болѣе легкимъ, тунеяднымъ. Здоровый, полезный, честный трудъ имъ чуждъ и отвратителенъ. Это люди въ прямомъ смыслѣ анти-работники, паразиты. Если бы совѣтская власть была дѣйствительнымъ выразителемъ власти рабочаго, крестьянина, власти труда, то первое съ кѣмъ она должна была бы бороться, первыхъ, кого должна была бы уничтожать, это этихъ паразитовъ, анти-работниковъ по натурѣ: Костоусовыхъ, Ермаковыхъ, Партиныхъ и т. д. Между тѣмъ въ дѣйствительности про-

исходитъ обратное: именно эти тунеядцы, паразиты являются наиболѣе нужными ей элементами; ихъ она приближаетъ къ себѣ; имъ предоставляетъ силу и власть; ихъ она выставляетъ какъ истинныхъ работниковъ, какъ трудовой пролетаріатъ. Не достаточная ли, не злая ли это насмѣшка надъ проповѣдуемымъ Ленинымъ и Бронштейномъ соціализмомъ.

Что же эти паразиты благодарны ли по крайней мѣрѣ совѣтской власти за дарованныя имъ привилегіи? Вѣрны ли они ей? Нѣтъ. Они легко покидаютъ ее, какъ скоро она имъ надоѣдаетъ. Никакой внутренне-прочной связи между властью и ея „народомъ" нѣтъ. Павлу Медвѣдеву показалось, что его мало оцѣнили за активное участіе въ Цареубійствѣ, и онъ ушелъ отъ нихъ; Ермакову не понравилось, что вздумали ставить преграды его неудержимому звѣрству, и онъ тоже ушелъ; Саковичъ, продавши свою душу, испугался того черта, съ которымъ совершилъ сдѣлку, и тоже захотѣлъ удрать. Исполнители и народъ признаютъ совѣтскую власть по столько, по сколько она предоставляетъ имъ *право*, въ значеніи физическихъ элементовъ этого закона, т.-е. оперируя почти исключительно на низменныхъ импульсахъ человѣческой натуры и массы.

И тотъ же Костоусовъ, бесѣдуя съ друзьями въ коммунистическомъ клубѣ, подтверждаетъ эту ограниченность власти совѣтскихъ главарей и вмѣстѣ съ тѣмъ оказываетъ слѣдствію неоцѣнимую услугу, протягивая одну изъ соломинокъ для достиженія истины въ темныхъ событіяхъ, совершенныхъ Исаакомъ Голощекинымъ въ раіонѣ Ганиной ямы.

„Второй день приходится возиться"—со злобой и площадной руганью замѣчаетъ онъ по адресу власти, заставившей его работать и налагавшей такимъ образомъ на него обязанности, тогда какъ онъ желаетъ пользоваться только физическимъ правомъ. И поясняетъ: „вчера хоронили, а сегодня перехоранивали".

Вчера—это 17-го іюля; сегодня—18-е іюля и ночь на 19-е іюля. Вчера эти паразиты дѣлали одно дѣло, а сегодня власть надъ ними, Исаакъ Голощекинъ заставилъ ихъ дѣлать другое дѣло. Ясно Костоусовъ недоволенъ уже этой властью, но слѣдствію это его недовольство говоритъ: вчера скрывали тѣла убитыхъ Членовъ Царской Семьи однимъ способомъ, а сегодня заставили скрывать другимъ способомъ.

Когда въ подготовительный періодъ къ розыскамъ тѣлъ слѣдствіе собирало матеріалы по различнымъ предполо-

женіямъ, то почти во всѣхъ разсказахъ фигурировало одно и то же положеніе: въ каждой версіи отмѣчалось всегда два дѣйствія по сокрытію тѣлъ—„сначала похоронили за Екатеринбургомъ 2-мъ, а потомъ перевезли къ станціи Богдановичи"; „сначала вырыли одну яму, фальшивую, для отвода глазъ, а рядомъ вырыли уже настоящую, въ которой и похоронили, заливъ всѣхъ цементомъ"; „сначала побросали всѣхъ въ одну яму, а затѣмъ развезли по разнымъ мѣстамъ"; „сначала побросали всѣхъ въ шахту, а потомъ вынули и потопили въ болотахъ", и т. п. Костоусовъ далъ довольно опредѣленную нить къ объясненію причины двойственности дѣйствій во всѣхъ этихъ разныхъ версіяхъ: очевидно, частности бесѣды друзей въ саду коммунистическаго клуба не могли тогда же остаться полной тайной и, передаваясь изъ устъ въ уста, разошлись по городу и его пригородамъ и послужили основаніемъ для возникновенія всѣхъ этихъ слуховъ и пересудовъ. Для слѣдствія же во всемъ этомъ имѣла особое значеніе довольно прочно устанавливавшаяся двойственность работъ, несомнѣнно произведенныхъ при сокрытіи тѣлъ, почему и Соколовъ обратилъ исключительное вниманіе на сборъ свѣдѣній, возможно подробнѣе освѣщавшихъ событія, имѣвшія мѣсто въ Коптяковскомъ лѣсу 17-го и 18-го іюля.

„Выѣхали мы съ сыномъ изъ деревни передъ разсвѣтомъ 17-го числа", разсказываетъ жительница Коптяковъ, „и только проѣхали Четырехъ Братьевъ, какъ со стороны города налетѣлъ на насъ коннымъ Вагановъ, Верхъ-Исетскій большевикъ; выхватилъ револьверъ, заругался и кричитъ — „поворачивай сейчасъ назадъ, не то застрѣлю". Я испугалась, а сынишка сталъ заворачивать и еще обернулся назадъ, такъ Вагановъ опять на него налетѣлъ. Потомъ уже сынъ сказывалъ, что по дорогѣ со стороны города на насъ ѣхали человѣкъ 6 конныхъ красноармейцевъ, а за ними шло что-то большое, грузное, но возъ ли, аль автомобиль, не разглядѣлъ, далеко еще было, да темновато".

Это Ермаковъ съ Костоусовымъ везли на грузовикѣ Люханова Царскія тѣла къ Ганиной ямѣ.

„На другой день ничего такого не было", говоритъ сынъ сторожа будки № 184. „Днемъ я не видалъ ничего особеннаго; я говорю про день (17-го іюля) послѣ этой ночи, когда черезъ переѣздъ грузовой автомобиль прошелъ, про который мать сказывала. Только видалъ я, что днемъ про-

ѣхали по дорогѣ изъ города къ Коптякамъ какіе-то двое верхами. Эти проѣхали и назадъ вернулись на городъ въ этотъ же день. Нѣсколько часовъ прошло пока они вернулись. Другихъ же никого въ этотъ день на Коптяки не пропускали".

Тихо было 17-го іюля въ раіонѣ Ганиной ямы. Слышали тоже повернутые обратно Коптяковскіе крестьяне 2—3 взрыва ручныхъ гранатъ, послѣ того какъ имъ объяснили красноармейцы, что „не приказано пускать потому, что стрѣльба будетъ", но больше никакой стрѣльбы не было. Ермаковъ, Костоусовъ и прочая компанія спокойно дѣлали свое дѣло, скрывая тѣла. Ни на автомобиляхъ, ни въ экипажахъ, повидимому, никто изъ главарей преступленія къ нимъ въ этотъ день не пріѣзжалъ. Поздно ночью на 18-е іюля, покончивъ съ своимъ дѣломъ, пришли они поболтать въ первый разъ въ коммунистическій клубъ.

Совершенно другую физіономію имѣлъ день 18-го іюля и ночь на 19-е. Такого оживленія, такого движенія автомобилей, экипажей, конныхъ, жители переѣздовъ и разъѣзда никогда у себя не видѣли. Около 9 часовъ утра мимо будки № 184 прошелъ въ Коптяковскій лѣсъ одинъ грузовой автомобиль съ запасомъ бензина и большой бочкой керосина, пудовъ на 10—12. Черезъ нѣсколько часовъ прошелъ другой грузовикъ туда же; на немъ были 2 или 3 желѣзныхъ бочки, но съ чѣмъ—неизвѣстно. Приблизительно въ это же время, туда же въ Коптяковскій лѣсъ пріѣхала пролетка, на которой Янкель Юровскій и Никулинъ привезли нѣсколько лопатъ и порядочное количество сѣрной кислоты: одинъ ящикъ въ 2 пуда 31 фунтъ и еще три балона. Эта кислота была получена секретаремъ еврея Войкова—Зиминымъ, повидимому, изъ магазина „Русское Общество", и доставлена на квартиру еврея Войкова. Отсюда какой-то мужчина съ черной бородкой, пріѣхавшій верхомъ, пересѣлъ въ коробокъ и, забравъ кислоту, поѣхалъ къ дому Ипатьева. Изъ послѣдняго вышли Янкель Юровскій и Никулинъ, сѣли въ коробокъ и отправились въ лѣсъ.

Во второй половинѣ дня на легковомъ автомобилѣ въ Коптяковскій лѣсъ пріѣхалъ Исаакъ Голощекинъ съ двумя спутниками. Автомобиль остался у будки № 184, а пассажиры ушли по Коптяковской дорогѣ пѣшкомъ. Часа черезъ три спутники Исаака Голощекина, оставивъ его самого въ лѣсу, вернулись къ автомобилю и уѣхали въ городъ

въ Американскую гостинницу, а рано утромъ 19-го іюля снова пріѣхали въ лѣсъ за Исаакомъ Голощекинымъ и окончательно вернулись въ городъ около 9 часовъ утра. Такимъ образомъ Исаакъ Голощекинъ оставался въ лѣсу приблизительно съ 5—6 часовъ дня 18-го іюля до 7—8 часовъ утра 19-го іюля. Утромъ же 19-го іюля изъ Коптяковскаго лѣса прошелъ въ городъ съ испорченнымъ лѣвымъ заднимъ колесомъ грузовикъ, на которомъ возились къ Ганиной ямѣ тѣла Членовъ Царской Семьи, а за нимъ шли 4—5 коробковъ, везшихъ какія-то бочки. На грузовикѣ было четыре человѣка и одинъ изъ нихъ—Петръ Ермаковъ.

Совокупность всѣхъ этихъ свѣдѣній указываетъ на то, что первоначально, въ періодъ времени отъ ранняго утра 17-го іюля до глубокой ночи на 18-е іюля, работы по сокрытію тѣлъ производились компаніей Ермакова и, какъ выразился Костоусовъ, они тогда „хоронили“. Но затѣмъ, по причинамъ, оставшимся не выясненными, Исаакъ Голощекинъ рѣшилъ „перехоронить“ тѣла, и въ періодъ времени между 6 часами вечера 18-го іюля и 5 часами утра 19-го іюля онъ самъ лично принялъ на себя руководство работами по новому сокрытію тѣлъ, причемъ для этихъ вторыхъ работъ по „перехораниванію“ было использовано пудовъ 10 керосина, пудовъ 9 сѣрной кислоты и какая-то жидкость въ трехъ желѣзныхъ бочкахъ, которыя увезли обратно въ городъ на коробкахъ.

Совершенно невольно эта картина сокрытія тѣлъ возвращаетъ назадъ, къ картинѣ самаго убійства Царской Семьи. Какъ здѣсь, такъ и тамъ отмѣчается по два періода разнородныхъ событій: въ исторіи убійства, сначала подготавливалась какая-то перевозка куда-то Царской Семьи, но затѣмъ, съ появленіемъ въ Екатеринбургѣ въ качествѣ руководителя пріѣхавшаго изъ Москвы Исаака Голощекина, всѣ предположенія были измѣнены и, взамѣнъ вывоза Августѣйшей Семьи, разразилась кровавая, изувѣрская драма. Здѣсь, первоначально россійскіе люди-звѣри производятъ какое-то, повидимому, простое сокрытіе тѣлъ, „погребеніе“, а затѣмъ, съ появленіемъ въ лѣсу того же изувѣра Исаака Голощекина, совершается исключительное дѣяніе по сокрытію тѣлъ, съ примѣненіемъ керосина, кислоты и еще чего-то, чего „міръ никогда не узнаетъ“. Совершенно логично было предполагать, что какъ изувѣрски Янкель Свердловъ и Исаакъ Голощекинъ разрѣшили вопросъ относительно во-

обще дальнѣйшей судьбы Царской Семьи, такое же изувѣрство должно было проявиться со стороны Исаака Голощекина и въ способѣ сокрытія тѣлъ Августѣйшихъ Мучениковъ. Въ основной идеѣ уничтоженія всей Царской Семьи и прочихъ Членовъ Дома Романовыхъ—предотвратить въ народныхъ массахъ возможность пробужденія духовныхъ началъ—сокрытіе тѣлъ, конечно, должно было быть настолько полнымъ, чтобы ни въ коемъ случаѣ ихъ нельзя было бы найти. А это достигалось только при уничтоженіи самихъ тѣлъ.

Все это были естественно предположенія и мысли, возникавшія при слѣдственномъ производствѣ, и подлежавшія провѣркѣ и изученію, какъ путемъ сбора новыхъ свѣдѣній, такъ и путемъ изслѣдованія и раскопокъ въ раіонѣ Ганиной ямы. Дабы освободить слѣдствіе отъ предвзятости, работы на мѣстѣ велись въ направленіи обоихъ положеній, т.-е. что тѣла не сжигались, и что тѣла были сожжены. Данныя, добытыя совокупностью всего изслѣдованія въ томъ и другомъ направленіи, предоставляютъ каждому, независимо отъ мнѣнія изслѣдовавшихъ, рѣшить самому, какой именно изъ способовъ былъ избранъ Исаакомъ Голощекинымъ, „циникомъ до мозга костей“, какъ отозвался о немъ его сотрудникъ и товарищъ по президіуму докторъ Саковичъ.

Изъ приведеннаго выше общаго описанія характера мѣстности въ раіонѣ Ганиной ямы, на первый взглядъ, казалось наиболѣе естественнымъ, натуральнымъ, простымъ и, главное, соотвѣтственнымъ нелюбви къ какой-нибудь работѣ товарищей Ермакова, похоронить тѣла, бросивъ ихъ въ одну изъ старыхъ шахтъ и заваливъ ее, или даже просто положивъ тѣла подъ одинъ изъ откосовъ многочисленныхъ въ этомъ раіонѣ глубокихъ котловановъ, и обваливъ затѣмъ немного края земли сверху, засыпать тѣла. Однако при такихъ простыхъ способахъ можно было, конечно, менѣе всего разсчитывать, что удастся скрыть мѣсто погребенія, а слѣдовательно, уберечь тѣла отъ возможности ихъ нахожденія рано или поздно заинтересованными въ этомъ людьми. Кромѣ того результаты подробнаго изслѣдованія этой мѣстности не подтвердили казавшейся на первый взглядъ простоты примѣненія такого способа сокрытія тѣлъ.

Въ избранномъ Исаакомъ Голощекинымъ, и огороженномъ наружнымъ кольцомъ охраны раіонѣ уже 12 лѣтъ не производилось никакихъ работъ; изъ 33-хъ слѣдовъ бывшихъ здѣсь шахтъ, только въ пяти случаяхъ шахты еще сохранили свой видъ правильныхъ, болѣе или менѣе открытыхъ колодцевъ со срубами, а 28 имѣли общій видъ обвалившихся воронокъ разной глубины, на днѣ коихъ иногда виднѣлись щели отъ продолжавшихся глубже былыхъ колодцевъ. Изъ пяти указанныхъ сохранившихся шахтъ только одна, именно открытая шахта съ лѣвой стороны глиняной площадки, получившая при разслѣдованіи названіе „шахта № 7“, носила вокругъ себя и на бревнахъ своихъ срубовъ слѣды недавно бывшихъ около нея людей: натоптанная вокругъ трава, небольшое количество набросанной на траву свѣжей глины, обтертыя мѣстами отъ плѣсени верхнія бревна срубовъ, свѣжія еловыя вѣтки вокругъ, и т. п. Къ остальнымъ четыремъ, очень удаленнымъ отъ глиняной площадки и вообще отъ Коптяковской дороги, ясно было видно, что уже давно никто не подходилъ, и такое дѣйствіе, какъ сброска въ шахту хотя бы одного трупа, безусловно оставило бы вокругъ хотя небольшіе, но все же замѣтные слѣды, какъ это было въ такъ называемыхъ „Старыхъ шахтахъ“, верстахъ въ 8-ми отъ раіона Ганиной ямы, гдѣ были найдены пять труповъ какихъ-то военно-плѣнныхъ, и куда вела изъ города совершенно другая дорога.

Изъ остальныхъ 28 слѣдовъ шахтъ—27 также не имѣли никакихъ признаковъ недавняго приближенія къ нимъ человѣка: земля на осыпяхъ воронокъ была старая, слежавшаяся; дно густо заросшее высокой травой, репейниками, чертополохами; кое-гдѣ выглядывавшіе на днѣ концы бревенъ были покрыты густой, многолѣтней, зеленой плѣсенью, а виднѣвшіяся старыя щели представлялись слишкомъ узкими и малыми, чтобы можно было пропихнуть въ нихъ человѣческое тѣло. Только одинъ слѣдъ былой шахты, опять же у глиняной площадки, упомянутая при общемъ описаніи раіона глубокая воронка отъ шурфа съ правой стороны площадки носила, какъ и открытая шахта № 7, слѣды недавняго пребыванія около нея людей. Кромѣ того откосъ воронки, примыкавшій къ площадкѣ, имѣлъ видъ осыпи какъ будто болѣе свѣжей земли, чѣмъ въ другихъ такихъ же воронкахъ, что могло произойти или отъ свѣжаго обвала края воронки, или отъ выброски туда части земли

съ глиняной площадки. Эта воронка при работахъ по изслѣдованію получила названіе „шахта № 3“.

Однако въ виду того, что при первоначальныхъ розыскахъ слѣдователя Наметкина, товарища прокурора Магницкаго и офицеровъ въ августѣ 1918 года, общее состояніе шахтъ и котлованов не было зафиксировано подробно соотвѣтственными протоколами и актами, а выяснилось только нынѣ, черезъ 11 мѣсяцевъ, путемъ допросовъ на мѣстѣ свидѣтелей и первыхъ работниковъ по розыскамъ, было рѣшено произвести раскопки и изслѣдованіе всѣхъ 33-хъ слѣдовъ шахтъ, наиболѣе подозрительныхъ котлованов и старыхъ ямъ. При этомъ работы должны были производиться въ извѣстной послѣдовательности, дабы при изысканіяхъ работами въ одномъ направленіи не нанести ущерба работамъ въ другомъ, болѣе сложномъ направленіи. Средства для этихъ работъ были достаточныя и успѣшность ихъ могла зависить только отъ времени, которое будетъ предоставлено внѣшними условіями гражданской борьбы на фронтахъ.

Работы по изслѣдованію, согласно требованіямъ, предъявленнымъ слѣдствіемъ, были организованы въ двухъ направленіяхъ: собственно отрывка старыхъ шахтъ, разработка котлованов и ямъ были поручены ближайшему наблюденію генералъ-маіора Сергѣя Алексѣевича Домантовича, а детальное изслѣдованіе небольшого раіона, ограниченнаго старой березой, шахтой № 7, глиняной площадкой и шахтой № 3, принялъ на себя непосредственно слѣдователь Соколовъ. Для земляныхъ работъ было нанято 48 спеціальныхъ горныхъ рабочихъ, подъ руководствомъ штейгера Верхъ-Исетскаго завода Ивана Ивановича Усольцева, а для общаго техническаго надзора былъ приглашенъ горный инженеръ Валеріанъ Сергѣевичъ Котеневъ, работавшій надъ откачкой шахты № 7 еще съ Магницкимъ. Топографическія работы были выполнены картографомъ В. Ярутинымъ, а фотографическія—В. И. Пжездецкимъ. Въ ночное время, при перерывахъ работъ, охрану несъ особый отрядъ поручика Ермохина.

Въ зонѣ кольца внутренней охраны, установленной Исакомъ Голощекинымъ, было всего 27 слѣдовъ шахтъ, одинъ большой котлованъ, шедшій на югъ отъ шахты № 7, Га-

ренностью, что въ перечисленныхъ въ таблицѣ шахтахъ и шурфахъ тѣлъ Членовъ Царской Семьи не было погребено и даже временно Они тамъ не бывали.

Разработка шахты № 3, находившейся справа отъ глиняной площадки, началась 12-го іюня. Это оказался тоже, повидимому, старый шурфъ, а не шахта; деревяннаго сруба онъ не имѣлъ и потому приходилось вести работу, закрѣпляя стѣны крѣпями. Общій видъ этого шурфа передъ началомъ работъ представлялъ слѣдующее: отъ поверхности земли вглубь шла воронка, имѣвшая видъ конуса съ болѣе крутымъ южнымъ склономъ, чѣмъ остальные, почему вершина конуса была приближена къ глиняной площадкѣ. Діаметръ основанія конуса 6—7 аршинъ; глубина 4—5 аршинъ; въ самой вершинѣ его едва намѣчалось дальнѣйшее продолженіе вглубь канала бывшаго шурфа. Западный, сѣверный и восточный склоны воронки, также какъ и дно воронки, обросли травой, а мѣстами росли уже кустики и молодыя деревца. Южный склонъ, ближайшій къ глиняной площадкѣ, былъ оголенъ и казалось образовывался болѣе свѣжей осыпью, имѣвшей протяженіе по верхнему краю воронки шаговъ восемь.

Работы начинались съ расчистки дна воронки и ея склоновъ для закладки колодца выгребки въ зависимости отъ тѣхъ горизонтальныхъ размѣровъ шурфа, которые онъ имѣлъ, когда служилъ для выработки руды. При этой работѣ, примѣрно на глубинѣ одного аршина, былъ найденъ простой, носовой платокъ, а нѣсколько глубже нашлись обрывки совѣтской газеты. Какъ попали сюда платокъ и обрывки газеты—сказать трудно: они могли принадлежать и тѣмъ, кто укрывалъ Царскія тѣла во время работъ на глиняной площадкѣ, и могли быть засыпаны позже, когда въ августѣ производились розыски, и часть глиняной площадки была сброшена въ воронку шурфа. Могли они принадлежать и кому-нибудь изъ работавшихъ по розыскамъ въ августѣ и ими же быть засыпаны. Во всякомъ случаѣ опредѣленно ничего сказать нельзя.

На глубинѣ 4-хъ аршинъ, въ стѣнѣ шурфа оказались: обвалъ, шедшій въ южномъ направленіи, т.-е. въ направленіи къ глиняной площадкѣ, и разсѣчка, шедшая на сѣверъ, а на глубинѣ 5-ти аршинъ показалась вода. Это вызвало пріостановку работъ въ шурфѣ, такъ какъ вода ушла только 25-го іюня, по окончаніи откачки воды изъ шахты

№ 7 и изъ Ганиной ямы. Послѣ этого засыпка шурфа продолжалась еще до общей его глубины въ 14 аршинъ, послѣ чего шла материковая земля.

Обвалъ былъ пройденъ на протяженіи 3-хъ аршинъ; въ немъ ничего не было найдено. Дальше онъ упирался въ какой-то срубъ, очень старый, обслѣдовать который не пришлось, такъ какъ работы, въ виду приближенія красныхъ, были прекращены. Дать окончательное, опредѣленное заключеніе о причинахъ нахожденія обвала и разсѣчки нельзя; въ виду близкаго нахожденія подъ ними воды, мѣнявшей свой уровень въ зависимости отъ уровня воды въ Ганиной ямѣ, они могли произойти отъ подмыва почвы снизу, или отъ неравномѣрной засыпки канала шурфа землей при естественныхъ осыпяхъ отъ весеннихъ водъ и таянія снѣговъ; могъ произойти обвалъ и отъ давленія сверху чего-нибудь тяжелаго, напримѣръ, временнаго нахожденія на склонѣ воронки 11 тѣлъ, засыпанныхъ обваленной землей, вслѣдствіе чего нижніе слои засыпки воронки раздались въ стороны и часть вывалилась въ сторону наименьшей плотности, въ каналъ шурфа. Но могли быть, конечно, и иныя геологическія причины происхожденія обвала и разсѣчки.

Во всякомъ случаѣ общій характеръ воронки и самаго канала шурфа № 3 были единственными среди всѣхъ изслѣдованныхъ шахтъ и шурфовъ, про которые нельзя сказать съ такой увѣренностью, что здѣсь Августѣйшихъ тѣлъ не было. Очень можетъ быть, что Ермаковъ съ товарищами первоначально именно сюда свалили тѣла и засыпали ихъ, просто обваливъ сверху немного земли, что и составило то, про что Костоусовъ выразился „вчера хоронили", и откуда не составило особаго труда вытащить тѣла опять на поверхность, для „перехораниванія" уже 18-го іюля, по указанію Исаака Голощекина.

Нахожденіе стараго сруба въ концѣ обвала особаго удивленія не вызываетъ. Дѣло въ томъ, что весь раіонъ рудныхъ разработокъ въ урочищахъ Ганиной ямы и Четырехъ Братьевъ представляетъ собой наслоеніе самыхъ разнообразныхъ работъ и способовъ добычи руды въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, а можетъ быть и сотни лѣтъ, безъ какого-нибудь опредѣленнаго, послѣдовательнаго плана. Ганина яма, лежащая въ высшей точкѣ полосы разработокъ, являлась тѣмъ бассейномъ, который перехватывалъ воды, шедшія съ лежавшихъ выше ея болотъ. Отсюда дабы

обезпечить разработки отъ произвольнаго затопленія ихъ подпочвенной водой, отъ Ганиной ямы былъ нѣкогда проложенъ на опредѣленной глубинѣ срубъ для стока воды, слѣды котораго сохранились мѣстами до сихъ поръ на протяженіи всей директрисы разработокъ, или въ видѣ кусковъ разваливающихся срубовъ, или въ видѣ только оставшихся разсѣлинъ и трещинъ. Какъ владѣльцы, такъ и рабочіе этого руднаго раіона мѣнялись; приходили новые добыватели руды и между бывшими уже работами начинались новыя разработки, новыми шурфами, шахтами, поперечными котлованами изрѣзывали прежнія работы, исковыривали мѣстность во всѣхъ направленіяхъ, ограничиваясь, какъ и предшествовавшіе работники, захватываніемъ изъ земли лишь болѣе поверхностныхъ залежей руды, лишь бы съ наименьшей затратой работы добыть достаточное для завода количество руды. Это-то такъ и исковеркало здѣсь мѣстность, но въ сущности правильной эксплоатаціи, правильной выборки залежей, правильной шахтенной работы здѣсь не было, почему не было и настоящихъ шахтъ, въ точномъ понятіи этого слова.

Эта краткая характеристика бывшихъ горныхъ работъ въ урочищѣ Ганиной ямы имѣетъ то значеніе, что вниманіе къ шахтамъ, въ смыслѣ использованія ихъ убійцами для сокрытія тѣлъ, было приковано и обострено главнымъ образомъ чисто психологическимъ вліяніемъ, а вовсе не вытекало изъ совокупности всѣхъ данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, детальнымъ изслѣдованіемъ раіона и, наконецъ, раскопками. Это мнѣніе еще болѣе усилилось, когда тѣла Великой Княгини Елизаветы Федоровны, Великаго Князя Сергѣя Михайловича и остальныхъ жертвъ, убитыхъ въ Алапаевскѣ, были найдены сброшенными въ шахту; по аналогіи всѣ убѣждали себя, что и тѣла Членовъ Царской Семьи тоже должны быть въ шахтахъ. Но оставляя пока въ сторонѣ главное, что сокрытіемъ тѣлъ Царской Семьи руководилъ непосредственно изувѣръ Исаакъ Голощекинъ, нельзя не указать, что Нижне-Семиченская шахта подъ Алапаевскомъ была дѣйствительно шахтой въ прямомъ значеніи этого слова и имѣла болѣе 28 саженъ глубины, тогда какъ въ раіонѣ Ганиной ямы въ сущности не было ни одной настоящей рабочей шахты. Были преимущественно шурфы, закрытые по окончаніи въ нихъ выработки, а изъ пяти колодцевъ, которые еще можно было назвать шахтами, самымъ

глубокимъ была шахта № 7, глубиной всего въ 5 сажень 7 вершковъ.

Кромѣ того завалить шахту при помощи ручныхъ гранатъ совершенно невозможно; это чистая фантазія, и наглядный примѣръ тому — Нижне-Семиченская шахта, гдѣ взрывали не только ручныя гранаты, но бросали большія артиллерійскія бомбы значительно большей разрушительной силы, и тѣмъ не менѣе завалить шахты не удалось, а были лишь выворочены отдѣльныя бревна изъ звеньевъ срубовъ. Въ этомъ отношеніи Ермаковъ безусловно совралъ Павлу Медвѣдеву и, надо полагать, что совралъ и въ отношеніи того, что тѣла бросили въ шахты. Совершенно ясно, что тѣ взрывы 2—3 ручныхъ гранатъ, которые слышали Коптяковскіе крестьяне рано утромъ 17-го іюля, были или симуляціей „учебной стрѣльбы“, о которой имъ говорили красноармейцы, прогнавшіе ихъ изъ лѣса, или быть можетъ дѣйствительно Ермаковъ испытывалъ дѣйствіе ручныхъ гранатъ на шахту, но положительныхъ результатовъ не получилъ. Осколки этихъ гранатъ были найдены главнымъ образомъ въ шахтѣ № 7, а нѣсколько осколковъ — на поверхности земли, на полянкѣ у глиняной площадки.

Ни въ августѣ 1918 года, ни въ іюнѣ 1919 года, во всемъ раіонѣ Ганиной ямы не было ни одного открытаго, цѣлаго шурфа. Если допустить все-таки, что ко времени работы Исаака Голощекина и Ермакова былъ такой шурфъ, или была еще другая шахта, то завалъ ихъ можно было произвести: или землей, добываемой откуда-нибудь со стороны, или путемъ обвала краевъ земли въ колодезь шурфа или шахты. Въ первомъ случаѣ, землю должны были подвозить откуда-нибудь издалека, такъ какъ по близости никакихъ слѣдовъ, чтобы брали землю, не было; во второмъ случаѣ, на поверхности земли должна была образоваться большая воронка, въ родѣ воронки шахты № 3. Чтобы затѣмъ маскировать воронку, надо было тоже подвозить землю со стороны, а сверху прикрыть ее дерномъ.

Хотя никакихъ слѣдовъ такой обширной работы на мѣстѣ не было, и едва ли Ермаковъ съ товарищами были къ ней способны, тѣмъ не менѣе раіонъ Ганиной ямы былъ изслѣдованъ и въ этомъ отношеніи. Для этого глиняная площадка и полянка передъ ней были пройдены продольными и поперечными траншеями. Такіе же разрѣзы были сдѣланы на „полянкѣ врачей“ и еще на нѣкоторыхъ полянкахъ,

возбуждавшихъ почему-либо подозрѣніе. Разрѣзамъ подверглись также котлованы и ямы, примыкавшіе къ шахтѣ № 7 и къ шурфу № 3. Во всѣхъ случаяхъ разрѣзы доводились до материковой земли, но ничего, относящагося къ дѣлу, найдено не было. Подъ восточнымъ краемъ глиняной площадки разрѣзъ обнаружилъ старую, засыпавшуюся совершенно шахту № 5, которая, какъ видно изъ приведенной таблицы, была обслѣдована, но тоже ничего не дала.

По разрѣзѣ глиняной площадки оказалось, что она насыпана на естественный грунтъ земли, покрытый травой, какъ и вся остальная полянка вблизи шахты № 7. Трава, находившаяся подъ площадкой, видимо, умерла очень давно и представлялось очевиднымъ, что эта площадка давняго происхожденія и насыпана, вѣроятно, при разработкѣ шахты № 7, трава же принадлежала грунту, выкидывавшемуся изъ колодцевъ и складывавшемуся вблизи на лужайку. Разрѣзы полянки въ восточной ея части установили, что въ этой части полянка, на высотѣ 8 вершковъ отъ материковой земли, носитъ характеръ искусственной насыпки давняго происхожденія, сдѣланной, видимо, во время постройки на этомъ мѣстѣ бараковъ для рабочихъ, слѣды коихъ, въ видѣ почти совершенно истлѣвшихъ бревенчатыхъ лежней, оказались въ этой насыпкѣ. Котлованъ, длиною до 70 сажень, тянувшійся влѣво отъ шахты № 7, принятый сначала за обвалившуюся подземную разработку руды изъ колодца шахты № 7, оказался не имѣющимъ никакой связи съ этой шахтой, а являлся самостоятельнымъ, глубокимъ разрѣзомъ для наружной добычи руды, безъ примѣненія шахтъ. По дну его нѣкогда, видимо, пролегалъ деревянный срубъ для стока воды, имѣвшій быть можетъ въ прежнее время общую связь съ таковыми же сооруженіями, шедшими отъ Ганиной ямы. Обвалившіеся бока котлована оказались естественными осыпями, вызываемыми вывѣтриваніемъ краевъ и весеннимъ таяніемъ снѣговъ. Ничего относящагося къ дѣлу въ немъ также не найдено.

19-го іюня были начаты работы по изслѣдованію самой Ганиной ямы, представлявшей по внѣшнему виду маленькое озерко, саженей 15 въ длину и саженей 10 въ ширину. При помощи паровой машины, доставленной съ Верхъ-Исетскаго завода, началась откачка изъ нея воды, закончив-

шаяся къ 23-му іюня. 24-го озеро совершенно обнажилось отъ воды и достаточно обсохло; глубина его оказалась полторы сажени. Оно является очень старой, заброшенной наружной разработкой руды, такой же, какъ и описанный выше котлованъ. Черезъ все дно озерка идетъ канава, обложенная срубомъ (шегень), имѣвшая прежде задачей спускъ воды въ особо прорытую яму (зундъ). Но такъ какъ яма завалилась, а шегень въ нижней части разрушился, то, по окончаніи выборки въ ней руды, она наполнилась водой, и по нижнимъ слоямъ грунта вода просачивалась дальше, по общему уклону мѣстности на югъ, заливая на опредѣленной высотѣ шурфы №№ 3, 5, 6 и 13 и шахту № 7. Откосы Ганиной ямы были прорѣзаны траншеями на глубину въ полторы сажени, но въ нихъ ничего не оказалось. При розыскахъ въ августѣ 1918 года, на днѣ Ганиной ямы была найдена одна неразорвавшаяся ручная граната того же типа, осколки каковыхъ другихъ находились въ шахтѣ № 7 и на полянкѣ около нея. Возможно, что Ермаковскіе друзья полагали, что въ озеркѣ есть рыба и хотѣли ее глушить.

Общій выводъ, который можно сдѣлать по второму предположенію, на основаніи произведенныхъ обслѣдованій и раскопокъ, заключается въ томъ, что при желаніи скрыть тѣла Членовъ Царской Семьи такъ, чтобы они никогда не могли быть найдены, едва ли Исаакъ Голощекинъ ограничился бы сброской ихъ въ цѣломъ состояніи въ какую-нибудь шахту, шурфъ или яму, которыхъ пока найти не удалось. Онъ не могъ не сознавать, что при такомъ способѣ сокрытія тѣлъ, если не удалось ихъ найти при настоящихъ обширныхъ раскопкахъ, то въ концѣ концовъ въ будущемъ будутъ предприняты еще болѣе серьезныя и длительныя работы, которыя рано или поздно могутъ привести къ открытію тѣлъ Августѣйшихъ Мучениковъ.

Самъ же размѣръ нынѣ произведенныхъ раскопокъ и изслѣдованій тѣмъ не менѣе позволяетъ думать, что тѣла бывшаго Государя Императора и Членовъ Его Семьи не остались похороненными въ землѣ, а скорѣе были скрыты Исаакомъ Голощекинымъ другимъ способомъ, изувѣрскимъ, какъ и онъ самъ.

„Мы вашего Николку и всѣхъ тамъ пожгли“, бахвалились пьяные Ермаковскіе красноармейцы передъ Коптяковскими крестьянами, удирая изъ Екатеринбурга на Тагилъ.

Приговоренный къ смертной казни Антонъ Валекъ за три часа до смерти показывалъ Соколову, что на основанiи разговоровъ съ бывшими главарями совѣтской власти въ Екатеринбургѣ, онъ вынесъ впечатлѣнiе, что „всѣхъ сожгли".

Николай Котечевъ, сидя въ тюрьмѣ, слышалъ будто бы разговоръ между двумя какими-то людьми, служившими охранниками у Исаака Голощекина, причемъ одинъ изъ нихъ сопровождалъ Исаака въ его поѣздкѣ въ Москву послѣ убiйства Царской Семьи, и подслушалъ какъ Исаакъ Голощекинъ разсказывалъ своимъ спутникамъ, что бывшаго Государя сожгли.

Когда въ концѣ iюня 1918 года Исаакъ Голощекинъ прiѣзжалъ къ Янкелю Свердлову, то въ Москвѣ, какъ говорилось выше, распространились упорные слухи, что гдѣ-то и кѣмъ-то убитъ бывшiй Государь Императоръ. Въ дѣйствительности же тогда погибъ Великiй Князь Михаилъ Александровичъ. Въ отношенiи же бывшаго Царя слухъ былъ нѣсколько преждевременнымъ. Когда теперь, послѣ убiйства всей Царской Семьи, Исаакъ Голощекинъ опять прiѣхалъ къ Янкелю Свердлову и привезъ какiе-то три тяжелыхъ ящика, то въ городѣ распространилась молва, что Исаакъ Голощекинъ привезъ въ бочкахъ заспиртованныя головы всѣхъ Членовъ Царской Семьи. Агентура передавала, что какой-то секретаришка изъ совнаркома, особенно настроенный къ скорѣйшему переселенiю за границу, потиралъ руки и весело заключалъ: „ну теперь жизнь обезпечена; поѣдемъ въ Америку и будемъ тамъ демонстрировать въ кинематографахъ головы Романовыхъ".

Что же было дѣйствительностью теперь?

Ясно, что Исаакъ Голощекинъ остался неудовлетвореннымъ работой 17-го iюля Ермакова и его компанiи, а можетъ быть получилъ соотвѣтственныя указанiя свыше, только 18-го iюля онъ ѣдетъ самъ въ Коптяковскiй лѣсъ руководить новымъ сокрытiемъ тѣлъ, и для этого способа привозятъ въ лѣсъ 10 пудовъ керосина, 9 пудовъ сѣрной кислоты и еще три желѣзныхъ съ чѣмъ-то бочки.

Послѣ того какъ Исаакъ Голощекинъ свершилъ свое таинственное сокрытiе тѣлъ, желѣзныя бочки увезли назадъ въ городъ на коробкахъ, а черезъ нѣсколько дней люди другого лагеря нашли въ раiонѣ Ганиной ямы кострищи, нашли нѣсколько порубленныхъ драгоцѣнныхъ вещей, принадлежавшихъ Царской Семьѣ, нашли часть Ихъ натѣль-

ныхъ образковъ, нашли остатки Ихъ обгорѣлой одежды, бѣлья и обуви, и нашли нѣсколько обгорѣвшихъ „осколковъ“ отъ чьихъ-то крупныхъ костей.

Вотъ краткій перечень матеріала, собраннаго слѣдственнымъ производствомъ по третьему предположенію, легшаго въ основаніе работъ по раскопкамъ и изслѣдованію въ раіонѣ Ганиной ямы, въ цѣляхъ освѣщенія вопроса, сжегъ ли Исаакъ Голощекинъ тѣла Членовъ Царской Семьи или нѣтъ?

Изученіе въ этомъ направленіи требовало очень постепенныхъ и осторожныхъ работъ: розысками въ августѣ 1918 года костры и пепелъ съ нихъ были раскиданы; небольшой, но важнѣйшій участокъ мѣстности между Старой березой, шахтой № 7, глиняной площадкой и шурфомъ № 3 притоптанъ, частью разрытъ, а мѣстами и срытъ. Сама шахта № 7 хотя и изслѣдовалась, но неосторожно, поверхностно, только въ цѣляхъ отысканія въ ней тѣлъ, причемъ малый колодезь шахты совершенно не былъ осмотрѣнъ. Если Исаакъ Голощекинъ сжигалъ тѣла, если пользовался при этомъ кероси̇номъ, кислотой, то въ раіонѣ Ганиной ямы легко могли остаться слѣды этихъ дѣйствій, сохранившіеся даже и теперь, но затоптанными, примятыми, розыскъ которыхъ требовалъ очень детальнаго изслѣдованія поверхности и осторожныхъ раскопокъ.

Вслѣдствіе этого работы были распредѣлены на три группы: обслѣдованіе всего раіона внутренняго кольца охраны; разработка и изслѣдованіе шахты № 7 и спеціальное изученіе и изслѣдованіе поверхности мѣстности въ предѣлахъ, примыкавшихъ къ глиняной площадкѣ. Работы эти начались 23-го мая, но къ началу откачки воды изъ шахты можно было приступить только съ 12-го іюня, такъ какъ изслѣдованіе поверхности не допускало присутствія вблизи шахты большого числа людей, почему разработка шахты и была начата позже.

Детальное изученіе всего раіона Ганиной ямы дало слѣдующія существенныя указанія:

А) У ямы, въ которую сорвался грузовикъ, везшій тѣла Членовъ Царской Семьи къ глиняной площадкѣ, какъ уже упоминалось, былъ небольшой костеръ. При изслѣдованіи его, въ немъ найдены остатки обгорѣлыхъ дощечекъ, какія употребляются для хорошихъ укупорочныхъ ящиковъ. Необгорѣвшіе концы этихъ дощечекъ и земля подъ ними носили странные слѣды ожоговъ, происходящихъ не отъ огня.

Эти дощечки и земля были посланы на экспертизу, которая опредѣлила вполнѣ положительно, что какъ дощечки, такъ и земля изъ подъ нихъ подвергались дѣйствію кислоты. Очевидно, что эти дощечки принадлежали тому ящику, въ которомъ была привезена въ лѣсъ сѣрная кислота; послѣдняя была, повидимому, въ плохомъ сосудѣ, пропускавшемъ кислоту, которая попала на доски ящика. Объ этомъ говорилъ еще сынишка садовника при домѣ еврея Войкова, что когда ящикъ былъ доставленъ во дворъ дома, то кучеръ пробовалъ переставить его на другой экипажъ, но кислотой обжегъ себѣ штаны. Во всякомъ случаѣ устанавливалось вполнѣ прочно, что кислота, которую 18-го іюля привезли въ Коптяковскій лѣсъ, была доставлена до мѣста сокрытія Исаакомъ Голощекинымъ тѣлъ.

Б) Въ подтвержденіе этого лѣсничіе, которымъ были предъявлены найденныя дощечки, показали, что такія же точно находились ими на глиняной площадкѣ, у шахты № 7, когда они здѣсь были еще въ іюлѣ 1918 года. Отсюда становилось вполнѣ понятнымъ какъ нахожденіе у шахты кусковъ новой укупорочной веревки, такъ и то, что она разрѣзалась или перерубалась: ящикъ съ кислотой привезли къ самой глиняной площадкѣ, гдѣ находились и тѣла, здѣсь, чтобы не перевертывать ящика при развязкѣ, веревку разрубили и ящикъ раскололи и, какъ сухимъ деревомъ, пользовались для растопки костровъ.

Слѣдовательно, использованіе Исаакомъ Голощекинымъ кислоты при сокрытіи тѣлъ можно считать почти вѣроятнымъ. Въ какихъ цѣляхъ она была использована пока остается неопредѣленнымъ, такъ какъ слѣдствіе не успѣло произвести необходимой медицинской экспертизы. Пусть господа врачи отвѣтятъ: способствуетъ ли сѣрная кислота уничтоженію тѣла при сжиганіи на огнѣ, или она могла имѣть другое примѣненіе?

В) Найденные на „полянкѣ врачей“ листки медицинскаго справочника, которымъ могъ пользоваться только врачъ, указываютъ, что операція сокрытія тѣлъ требовала присутствія врача. Помощь его могла быть нужна или при обращеніи работавшихъ съ кислотой, или при какихъ-нибудь особыхъ хирургическихъ манипуляціяхъ надъ тѣлами. Палецъ, найденный въ шахтѣ, былъ безусловно отдѣленъ хирургически, совершенно чисто, по фалангѣ второго сустава. Осколки обгорѣлыхъ костей, если таковыя принадле-

жали тѣламъ Августѣйшихъ Мучениковъ, имѣли опредѣленные слѣды порубки ихъ, какъ и нѣкоторые предметы драгоцѣнностей, которыя были зашиты въ костюмахъ и лифчикахъ Великихъ Княженъ. Вся эта дикая операція порубки тѣлъ для большаго удобства при сжиганіи, конечно, не требовала присутствія врача. Но, если предварительно дѣйствительно отдѣлялись головы у несчастныхъ жертвъ Исаака Голощекина, если въ таинственныхъ трехъ желѣзныхъ бочкахъ, увезенныхъ потомъ назадъ въ городъ на коробкахъ, былъ спиртъ для заливки отдѣленныхъ головъ, то для этой операціи нуженъ былъ именно врачъ.

Г) Внѣ раіона, непосредственно окружавшаго глиняную площадку, нигдѣ вещей или предметовъ, принадлежавшихъ Членамъ Царской Семьи, не находилось. Равно нигдѣ больше въ раіонѣ разработокъ не было какихъ-нибудь слѣдовъ-преступниковъ, какъ только въ предѣлахъ отъ ямы, куда завалился автомобиль, до Ганиной ямы включительно, причемъ всѣ слѣды концентрировались и сгущались къ полянкѣ и примыкавшимъ къ ней глиняной площадкѣ, шахтѣ № 7, костру у Старой березы и шурфу № 3. Дальше въ окрестностяхъ находились кое-какіе предметы и слѣды людей, но всѣ они, по изученіи ихъ, по опросѣ и предъявленіи разнымъ свидѣтелямъ и экспертамъ, никакого отношенія къ данному дѣлу не имѣли.

Вся работа Исаака Голощекина 18-го іюля сосредоточилась у глиняной площадки, и за предѣлы полянки не выходила. Особаго шума при этой работѣ не было; не было и такого движенія повозокъ, какое должно было бы быть, если напримѣръ подвозили бы землю. Въ лѣсу, недалеко отъ рудника, жили хуторяне; они ничего рѣзкаго, шумнаго не слыхали. Одинъ изъ нихъ, подъ вечеръ 18-го іюля, подползалъ саженей на 20 къ Коптяковской дорогѣ, такъ что первая свертка уже оставалась влѣво отъ него. Отъ него до рудника по прямой линіи было 200 саженей; на дорогѣ стоялъ часовой красноармеецъ съ винтовкой; было тихо и никакого шума со стороны рудника не доносилось. Былъ ли дымъ надъ лѣсомъ—онъ не замѣтилъ, уже темнѣло.

Д) Покончивъ свою работу, Исаакъ Голощекинъ приказалъ разбросать костеръ; разбросали только одинъ, тотъ самый, который былъ у шахты № 7. Костра у Старой березы не разбрасывали; онъ былъ разрушенъ розысками въ августѣ 1918 года. Повидимому, первому костру при-

давали больше значенія; можетъ потому, что онъ былъ на совершенно открытомъ мѣстѣ, а въ разсчеты Исаака Голощекина не входило обнаруживать свою работу на глиняной площадкѣ; можетъ быть и потому, что на этомъ кострѣ сжигались тѣла Тѣхъ, которыхъ даже пепла боялись Исаакъ Голощекинъ и Янкель Свердловъ.

Разбрасывая костеръ, работавшіе разбросали изъ него угли, обгорѣлые и необгорѣлые остатки разныхъ предметовъ по разнымъ направленіямъ вокругъ глиняной площадки, примѣрно на площади круга радіуса шаговъ въ 30 отъ центра глиняной площадки. Часть вещей и углей свалилась въ воронку шурфа № 3, часть въ котлованъ влѣво отъ шахты № 7, часть за глиняную площадку, въ имѣвшійся тамъ довольно густой кустарникъ. Въ воронкѣ шурфа № 3 нашлись головешки отъ костра; нѣкоторыя были до 2—3 вершковъ въ діаметрѣ. Слѣдовательно, огонь разводился сильный, продолжительнаго дѣйствія, такого свойства, который не понадобился бы, если сжигать хотѣли только одежду, бѣлье и обувь. Кромѣ того нахожденіе здѣсь остатковъ костра указывало, что если воронкой пользовались для сокрытія тѣлъ, то жгли костеръ и разбрасывали его уже послѣ того, какъ надобность въ воронкѣ миновала. Иначе говоря, если тѣла не жглись вмѣстѣ съ одеждой и бѣльемъ, то схоронены они должны были быть совершенно раздѣтыми, даже безъ чулокъ.

На откосѣ котлована, ближайшемъ къ шахтѣ № 7, нашелся вязанный Государыней Императрицей шнурокъ отъ мѣшечка, найденнаго раньше вмѣстѣ съ разбитой иконкой, на которомъ онъ носился на шеѣ. Шнурокъ былъ перерѣзанъ или перерубленъ, что могло произойти или при желаніи лишить тѣло всякихъ наружныхъ признаковъ опознанія при погребеніи въ землѣ, или при отдѣленіи головы отъ тѣла для сохраненія головы въ спирту.

Между корнями кустарника, росшаго позади глиняной площадки, нашлось еще три большихъ осколка обгорѣвшихъ крупныхъ костей; тамъ же съ ними оказались совершенно обуглившіеся, легко разсыпавшіеся куски сгорѣвшей обуви, двѣ желѣзныхъ планки отъ корсетовъ и желѣзный обручъ отъ фуражки. Экспертизы костей еще не было. Экспертъ врачъ выразился такъ: „Что же касается костей, то я не исключаю возможности принадлежности всѣхъ до единой изъ этихъ костей человѣку. Опредѣленный отвѣтъ на этотъ

вопросъ можетъ дать только профессоръ сравнительной анатоміи. Видъ же этихъ костей свидѣтельствуетъ, что онѣ рубились и подвергались дѣйствію какого-то адепта, но какого именно, сказать можетъ только научное изслѣдованіе". Въ то время произвести такое изслѣдованіе было невозможно, но какъ-то трудно предположить, чтобы посторонніе кости могли попасть въ костеръ вмѣстѣ съ предметами одежды, бѣлья и обуви Членовъ Царской Семьи.

Это общее изслѣдованіе всего раіона давало скорѣе больше данныхъ за то, что Исаакъ Голощекинъ скрылъ тѣла путемъ ихъ сожженія на кострахъ, чѣмъ обстоятельствъ, опровергавшихъ такое предположеніе. Всякій разъ, когда хочется отказаться отъ этой идеи, приходится давать фактамъ нѣсколько натянутыя толкованія въ родѣ того, что хоронили тѣла въ землѣ совершенно голыми. Какъ бы при этомъ ни были искажены тѣла, Исаакъ Голощекинъ отлично понималъ, что для русскаго христіанина имѣетъ значеніе не нахожденіе физическаго цѣльнаго тѣла, а самыхъ незначительныхъ остатковъ ихъ, какъ священныхъ реликвій Тѣхъ тѣлъ, душа которыхъ безсмертна, и не можетъ быть разрушена Исаакомъ Голощекинымъ, или другимъ подобнымъ ему изувѣромъ изъ еврейскаго народа.

Паровая машина Верхъ-Исетскаго завода оказалась не исправной, и пока ее чинили, откачка воды изъ шахты № 7 производилась при помощи двухъ сильныхъ ручныхъ насосовъ. Работы начались 12-го іюня и къ 25-му іюня вода была удалена. Изученіе шахты произвелъ самъ слѣдователь Соколовъ.

Срубъ большого колодца шахты старый, но вездѣ хорошо сохранившійся. Въ стѣнѣ сруба вбиты желѣзныя скобы, по которымъ въ прежнее время производился спускъ въ большой колодезь. Весь срубъ въ полной исправности, но на самихъ бревнахъ имѣется много наружныхъ, небольшихъ царапинъ и расщеповъ, возможно и отъ внѣдренія въ нихъ небольшихъ осколковъ ручныхъ гранатъ, которыя находились здѣсь при розыскахъ въ августѣ 1918 года. Глубина большого колодца до пола оказалась всего 5 сажень 7 вершковъ. Полъ сложенъ изъ горбылей, толщиною въ 3 вершка. Подъ поломъ материковая земля, грунтъ которой твердый, глинистый, съ примѣсью мелкаго камня. На деревянномъ

полу оказалось немного ила, который былъ весь собранъ и извлеченъ наверхъ для спеціальнаго изслѣдованія. Равнымъ образомъ былъ взятъ для изслѣдованія пластъ земли изъ подъ пола глубиною въ 4 вершка.

Срубъ малаго колодца шахты представился въ такомъ же видѣ, какъ и большого колодца. Никакихъ поврежденій и задѣлокъ на немъ не было видно. На днѣ малаго колодца лежала земля, причемъ поверхность ея оказалась выше пола большого колодца на 12 вершковъ. Ясно было видно, что эта насыпка недавняго происхожденія и вполнѣ походила на глину съ глиняной площадки. Вся эта масса земли была извлечена изъ малаго колодца и разложена для изслѣдованія на особый брезентъ. Подъ насыпкой оказался полъ изъ вершковаго теса, положеннаго прямо на материковый грунтъ. На уровнѣ пола по удаленіи насыпки обнаружился подземный ходъ въ восточномъ направленіи, имѣвшій въ длину 7 аршинъ, въ высоту одинъ и три четверти и въ ширину одинъ съ четвертью аршина. Корридоръ закрѣпленъ деревянными лежнями, стойками, огнивами и подхватами. Кончается онъ стѣнкой, также закрѣпленной при помощи горбылей и одной стойки. Стѣнка была разобрана, причемъ подъ ней ничего, чтобы привлекало вниманіе, не найдено. Весь корридоръ былъ вполнѣ въ исправномъ видѣ и носилъ слѣды неприкосновенности съ давняго времени.

Такимъ образомъ состояніе обоихъ колодцевъ шахты № 7 абсолютно исключаетъ всякую возможность нахожденія гдѣ-либо въ ней, или ея разработкѣ, труповъ Августѣйшей Семьи.

Это и надо было ожидать, такъ какъ ни размѣры шахты, ни участіе въ сокрытіи тѣлъ Исаака Голощекина не согласовались съ идеей надежнаго сокрытія слѣдовъ совершеннаго преступленія. Только предвзятость мысли могла создать такое напряженное вниманіе къ этой шахтѣ и отвлечь въ свое время вниманіе слѣдственныхъ властей и офицеровъ отъ детальнаго изученія ближайшаго раіона по свѣжимъ слѣдамъ преступниковъ.

При выборкѣ засыпки, оказавшейся въ маломъ колодцѣ шахты, на глубинѣ трехъ вершковъ отъ поверхности лежалъ трупъ маленькой собачки, принадлежавшей Великой Княжнѣ Анастасіи Николаевнѣ. Собачку эту подарилъ Великой Княжнѣ одинъ раненый офицеръ, лежавшій въ госпиталѣ имени Ея Высочества, причемъ она была такъ мала, что

Великая Княжна возила ее или въ рукавѣ костюма, или въ муфтѣ. Убійцы обнаружили собачку, вѣроятно, уже по привозѣ тѣлъ на глиняную площадку; это можетъ быть показателемъ того, что въ Ипатьевскомъ домѣ послѣ убійства тѣла не осматривались и не обшаривались или, если и осматривались, то очень поверхностно, что согласуется и съ показаніями Медвѣдева и Якимова. Съ другой стороны наличіе собачки при Великой Княжнѣ свидѣтельствуетъ, что Анастасія Николаевна и соотвѣтственно, вѣроятно, и Другіе, была одѣта по дорожному и, не разставаясь въ дорогѣ съ собачкой, взяла ее съ собой, сходя въ комнату убійства.

Затѣмъ вся засыпка изъ малаго колодца была осмотрѣна и промыта на рѣшетахъ, причемъ въ ней оказались слѣдующіе предметы:

1) 12 кусковъ какого-то бѣловатаго вещества, смѣшаннаго съ глиной. Вещество издаетъ сильный запахъ сала и легко крошится въ рукахъ. По внѣшнему виду очень похоже, что это растопленное, со сжигавшихся тѣлъ, сало, смѣшавшееся съ глиной изъ подъ костра. Однако установить природу вещества окончательно можно только очень сложной экспертизой въ спеціальной научной лабораторіи.

2) 5 кусочковъ расплавленнаго свинца, вылившагося подъ дѣйствіемъ огня изъ пулевыхъ оболочекъ.

3) Серебряный, вызолоченный значекъ Уланскаго Государыни Императрицы полка, съ датой 1803 $\frac{17}{V}$ 1903, поднесенный Ея Величеству полкомъ въ день столѣтняго юбилея полка. Государыня носила этотъ значекъ на шейной цѣпочкѣ.

4) Серебряная рамочка отъ маленькаго шейнаго образка одной изъ Великихъ Княженъ и кусочки цинковой пластинки со слѣдами краски, являющіеся остатками отъ самой иконки.

5) Осколокъ жемчужины прекраснаго качества.

6) Кусочекъ какого-то золотого украшенія, отрубленный рубящимъ оружіемъ.

7) Топазовая бусина отъ ожерелья Великихъ Княженъ.

8) Пистонъ отъ корсета, англійская кнопка, два мѣдныхъ винтика отъ дорогой обуви, три тонкихъ гвоздика отъ обуви, пять кусочковъ бѣлаго тонкаго стеклышка отъ медальона, хорошая англійская булавка. Всѣ эти предметы подвергались дѣйствію огня.

9) Пять кусочковъ синей матеріи, цвѣта и свойства матеріи дорожныхъ костюмовъ Великихъ Княженъ.

Одинъ кусокъ черной матеріи съ бѣлыми полосками, характера матеріи отъ пальто доктора Боткина.

Два куска черной матеріи, одинъ — свѣтло-желтой и одинъ—бѣлой съ розовыми полосками.

Всѣ куски матеріи также носили слѣды горѣнія.

10) Кусочекъ хорошей кожи отъ обуви со слѣдами ожога.

11) Осколокъ ручной гранаты.

12) 7 обуглившихся кусковъ дерева, изъ коихъ три представляютъ собой большія головешки, позволяющія заключить, что огонь на кострѣ разводился большой.

Такимъ же порядкомъ былъ изслѣдованъ илъ, взятый со дна большого колодца шахты, гдѣ въ августѣ 1918 года офицерами былъ найденъ отрѣзанный палецъ, повидимому женскій, и вставная челюсть доктора Боткина. Нынѣ, при промывкѣ ила, найдено еще:

1) Девять обгорѣлыхъ кусочковъ такой же синей матеріи, какая была найдена въ засыпкѣ малаго колодца.

2) Два осколка стекла отъ пузырька нюхательныхъ солей; три — зеленыхъ, отъ флакона Государыни Императрицы, и четыре бѣлыхъ осколка стекла, или отъ рамочки, или отъ медальона.

3) Три осколка ручной гранаты.

4) 20 кусковъ углей разной величины.

Всѣ перечисленные предметы попали въ шахту № 7 при разброскѣ убійцами кострища, бывшаго на глиняной площадкѣ. Это подтверждалось, какъ свойствомъ грунта, изъ котораго состояла засыпка малаго колодца шахты, такъ и слѣдами глины, сохранившейся на большинствѣ предметовъ; экспертиза ихъ установила полную тождественность съ грунтомъ глиняной площадки. Кромѣ того характеръ, свойства и качества предметовъ, найденныхъ въ шахтѣ, вполнѣ соотвѣтствовали предметамъ, найденнымъ при детальномъ изслѣдованіи поверхности земли въ раіонѣ Старой березы, шахты № 7 и глиняной площадки.

Это послѣднее было произведено съ большой осторожностью и детальностью. Прежде всего работая ножами, была пересмотрѣна почва всей площади на глубину притоптанности верхняго ея слоя. Затѣмъ были сняты верхніе слои земли изъ подъ кострищъ и съ глиняной площадки и просѣяны черезъ рѣшета и, наконецъ, какъ эта просѣянная земля, такъ и земля, снятая вокругъ шахты № 7, промывалась на системѣ рѣшетъ. Первыя двѣ работы были выпол-

нены полностью; послѣдняя же, т.-е. промывка, къ 10-му іюля, дню перерыва работъ, закончена не была; удалось успѣть промыть землю изъ подъ кострищъ и примѣрно четверть земли съ глиняной площадки.

Въ результатѣ произведеннаго изслѣдованія были найдены слѣдующіе предметы:

А) Въ землѣ изъ подъ кострищъ у Старой березы:

1) Свинецъ, выплавившійся изъ пулевыхъ оболочекъ.

2) Женскія: простая пряжка отъ подвязокъ, 3 простыхъ кнопки и 1 петля.

3) Мужскіе: большая пуговица, большіе крючекъ и петля, повидимому, отъ пальто, 2 пуговицы фирмы Лидваля отъ брюкъ и 1 большая кнопка.

4) Кусочки матеріи разнаго цвѣта и сорта, сильно прогорѣвшіе.

5) Этикетка съ надписью „Хим. Лаб. Стела“.

Б) Въ землѣ изъ подъ костра у шахты № 7, съ глиняной площадки и въ слоѣ, окружавшемъ шахту № 7.

1) 30 обгорѣлыхъ осколковъ отъ крупныхъ костей. Нѣкоторые куски имѣютъ совершенно ясные слѣды отдѣленія ихъ рубящимъ оружіемъ. Другіе образовались подъ дѣйствіемъ горѣнія въ огнѣ.

2) 18 кусочковъ свинца, вытекшаго изъ пулевыхъ оболочекъ.

3) Одна пустая, обожженная, никелевая оболочка отъ пули Нагана.

4) Двѣ пули Нагана, сильно деформированныя въ головныхъ концахъ, какъ бываетъ при ударѣ пули о кость.

5) Три частицы золотыхъ шейныхъ цѣпочекъ отъ образковъ.

6) Обгорѣлые металлическіе кусочки пластинокъ отъ маленькихъ шейныхъ образковъ.

7) 13 совершенно обуглившихся кусковъ какого-то вещества, сильно разсыпающагося при малѣйшемъ нажимѣ.

8) Осколокъ рубина „кабюшона“, наиболѣе вѣроятно отъ того кольца, которое было подарено Государемъ Императоромъ Государынѣ, когда Ей было еще 15 лѣтъ, и которое Она всю жизнь носила на шейной цѣпочкѣ съ образками.

9) Два осколка сапфира „кабюшона“, тоже вѣроятно отъ кольца Государя Императора, подареннаго Ему Государыней въ 1891 году, и съ которымъ покойный Императоръ никогда не разставался.

10) 13 цѣлыхъ жемчужинъ и 4 осколка жемчуга очень хорошаго качества. По свидѣтельству лицъ, близко стоявшихъ къ Царской Семьѣ, лучшіе жемчуга были зашиты въ Тобольскѣ въ мѣшечекъ, который надѣла Себѣ на шею Великая Княжна Ольга Николаевна.

11) 17 топазовыхъ бусъ и 2 осколка отъ такихъ же бусинъ. Топазовыя ожерелья имѣли всѣ Великія Княжны.

12) Два брилліанта очень хорошей воды, видимо, отъ какого-то украшенія.

13) Рубинъ граненый, прямоугольной формы, высокаго качества.

14) Осколокъ отъ крупнаго, темнаго аметиста.

15) 14 осколковъ отъ изумрудныхъ камней разной величины и хорошаго достоинства.

16) Шесть золотыхъ и платиновыхъ кусочковъ, отрубленныхъ отъ украшеній. Въ одномъ платиновомъ кусочкѣ сохранился брилліантъ хорошей воды.

17) Обрывокъ золотой цѣпочки отъ браслета Государыни Императрицы.

18) Золотая оправа отъ пенсне доктора Боткина.

19) Маленькій флакончикъ съ нюхательной солью, принадлежавшій Государю Императору или Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ.

20) Пять кусочковъ обгорѣлой лиловой матеріи, подобной той, изъ которой было платье у Государыни Императрицы.

21) Три кусочка обгорѣлой синей матеріи отъ дорожныхъ костюмовъ Великихъ Княженъ.

22) Три куска солдатскаго сукна отъ шинели. По качеству сукно похоже на то, изъ котораго была сдѣлана шинель Наслѣдника Цесаревича, которую ему шилъ портной Норденштремъ. Куски сильно разлѣзаются, какъ бы разъѣденные кислотой.

23) 8 разныхъ пуговицъ хорошаго качества; 4 металлическихъ петельки отъ одежды, изъ коихъ три—женскихъ, очень хорошаго качества. Всѣ предметы обгорѣлые.

24) Лента чернаго бархата, скорѣе всего отъ шляпы. Шнурокъ, сплетенный Государыней изъ нитокъ „Ириса". Нѣсколько кусочковъ разной матеріи, цвѣтъ и качество коей почти невозможно опредѣлить, такъ какъ часть ихъ сильно обгорѣла, а другая пропитана глиной.

25) 6 металлическихъ корсетныхъ костей, угольникъ отъ корсетной планшетки, части металла съ обгорѣвшихъ или

обожженныхъ кислотой корсетныхъ планшетокъ и 14 корсетныхъ пистоновъ.

26) Желѣзная лента, вкладываемая въ тулью военныхъ фуражекъ хорошей работы. Другая такая лента была найдена еще въ августѣ. Такія ленты были въ фуражкахъ Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича.

27) 13 остатковъ обгорѣлой обуви. Въ нѣкоторыхъ сохранились винтики и гвоздики, по качеству и характеру которыхъ эксперты заключаютъ, что обувь была лучшаго качества.

28) 57 осколковъ разныхъ стеколъ: отъ портретной рамочки Государя Императора, отъ медальоновъ или образковъ, отъ пенсне доктора Боткина, отъ разныхъ маленькихъ пузырьковъ и флакончиковъ. На одномъ изъ осколковъ зеленаго стекла сохранилось, оттиснутое по французски, слово „придворный“.

29) 6 осколковъ и кусковъ отъ разныхъ частей ручной гранаты. Использованная гильза отъ револьвера Кольта, такая же отъ Браунинга и такая же отъ Нагана.

30) Куски разорванной на части, писанной карандашемъ записки. По соединеніи кусковъ оказалось, что записка представляла собой телеграмму военнаго комиссара Анучина комиссару Мрачковскому о спѣшной высылкѣ въ Екатеринбургъ Костромского пѣхотнаго полка.

Что же сдѣлалъ изувѣръ Исаакъ Голощекинъ съ тѣлами своихъ жертвъ?

Пусть предлагаемый матеріалъ по розыску тѣлъ убитыхъ Членовъ Августѣйшей Семьи поможетъ каждому читающему составить себѣ окончательное заключеніе. Работавшая же комиссія, оцѣнивая совокупность всѣхъ данныхъ, опредѣлившихся слѣдственнымъ производствомъ, и опираясь на свойства, характеръ и сортъ найденныхъ при розыскахъ предметовъ и вещей, пришла къ слѣдующимъ выводамъ:

Петръ Ермаковъ и Александръ Костоусовъ, получивъ отъ Исаака Голощекина порученіе скрыть тѣла въ раіонѣ Ганиной Ямы, привезли ихъ на грузовикѣ Люханова къ глиняной площадкѣ, причемъ отъ ямы, куда завалился грузовикъ, до площадки тѣла пришлось переносить на устроенныхъ изъ подручнаго матеріала носилкахъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ оставшіеся пеньки отъ срѣзанныхъ моло-

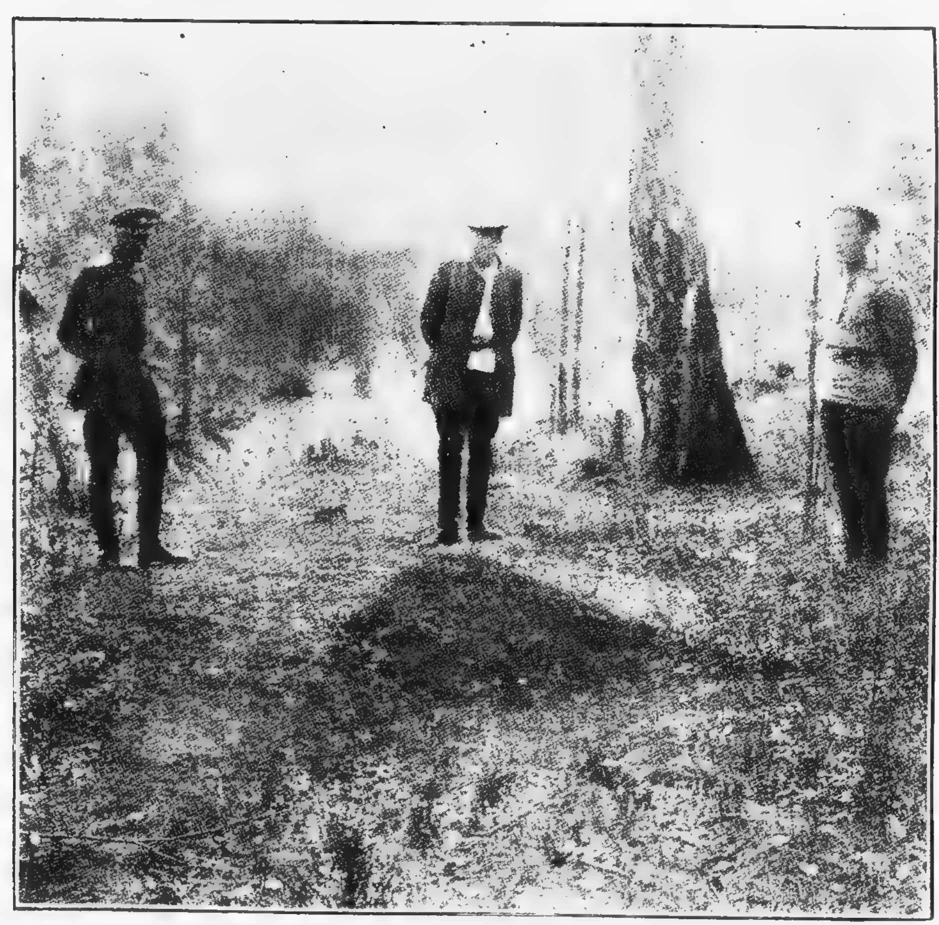
дыхъ березокъ и сосенокъ, оказавшихся вблизи ямы, палки съ зачищенными концами, валявшіяся у шахты № 7, и кусокъ полотнища палатки или брезента, найденный тамъ же, которымъ, вѣроятно, были прикрыты тѣла при перевозкѣ, и которымъ воспользовались для устройства временныхъ носилокъ.

На глиняной площадкѣ товарищи Ермакова обшарили карманы убитыхъ и поверхностно осмотрѣли одежду. Портмоне и кошельки, бывшія, возможно, въ карманахъ жертвъ, грабители, конечно, забрали себѣ; по крайней мѣрѣ слѣдовъ и остатковъ таковыхъ въ кострищахъ и въ раіонѣ не оказалось. Предметы же, которые для нихъ не представляли цѣнности (складная рамочка Государя Императора, флакончики съ солями, пенсне Боткина) они зашвырнули далеко отъ площадки, гдѣ осматривались тѣла, въ котлованъ влѣво отъ шахты № 7. Трудно сказать какія изъ драгоцѣнностей, зашитыя въ предметы одежды, были ими при этомъ осмотрѣ обнаружены и взяты. Можно думать, что товарищи замѣтили только цѣнности, скрытыя въ наружныхъ предметахъ костюмовъ и въ шляпкахъ: „поясокъ возьмешь, анъ глядь, и тамъ зашито"—подслушалъ Кухтенковъ фразу одного изъ нихъ.

Изъ опроса лицъ, близкихъ къ Царской Семьѣ по жизни въ Тобольскѣ, выяснилась слѣдующая исторія съ драгоцѣнностями, принадлежавшими лично Членамъ Семьи. Послѣ того какъ комиссаръ Яковлевъ увезъ въ Екатеринбургъ Государя Императора, Государыню Императрицу и Великую Княжну Марію Николаевну, въ Тобольскѣ было получено отъ Государыни письмо, въ которомъ Она въ условныхъ словахъ предупреждала Дѣтей, чтобы при предстоявшемъ Имъ переѣздѣ въ Екатеринбургъ Они были осторожны съ остававшимися у Нихъ драгоцѣнностями. Поэтому Дѣти рѣшили зашить наиболѣе цѣнныя вещи въ различные предметы одежды, носившіеся Ими въ дорогѣ. Такъ напримѣръ, крупные брилліанты были зашиты въ большія пуговицы синихъ дорожныхъ костюмовъ; нитки жемчуга— въ дорожныхъ шляпахъ; разныя болѣе мелкія вещицы—въ лифчики, которые Великія Княжны одѣвали поверхъ корсетовъ. Такъ какъ при убійствѣ всѣ Члены Царской Семьи были одѣты по дорожному, то очевидно все то, что было зашито Ими въ Тобольскѣ, должно было быть на Нихъ здѣсь, въ раіонѣ Ганиной Ямы. Убійцы не раздѣвали тѣлъ

Общій видъ полянки, глиняной площадки и шахты № 7
въ Коптяковскомъ лѣсу.
Мѣсто гдѣ сжигались тѣла обозначено лежащей колодой.

Мѣсто кострища у „Старой березы“.

своихъ жертвъ, иначе они обнаружили бы все, что было на Нихъ спрятано; они удовольствовались только внѣшнимъ осмотромъ.

Послѣ этого поверхностнаго обшариванія Ермаковъ съ товарищами сбросили тѣла въ воронку шурфа № 3 и засыпали ихъ землей, обваливъ для этого просто верхній гребень воронки, ближайшій къ глиняной площадкѣ. Такой способъ погребенія въ большинствѣ случаевъ примѣняли избѣгавшіе работы россійскіе сотрудники большевистскихъ руководителей-палачей. Ермаковскіе дѣятели считали свою работу исполненной, и въ ночь съ 17-го на 18-е іюля явились въ коммунистическій рабочій клубъ отдохнуть и поболтать.

Но или Исаакъ Голощекинъ самъ не удовлетворился Ермаковскимъ способомъ сокрытія тѣлъ, или, что пожалуй вѣрнѣе, онъ получилъ по этому поводу совершенно особыя и исключительныя указанія отъ изувѣрскихъ соплеменниковъ Москвы, во всякомъ случаѣ 18-го іюля Исаакъ Голощекинъ рѣшилъ произвести „перехораниваніе" тѣлъ подъ своимъ личнымъ руководствомъ и лично имъ надуманнымъ способомъ. Тѣла несчастныхъ мучениковъ снова вытащили на глиняную площадку; туда же доставили бочку керосина, 9—10 пудовъ кислоты и три бочки, повидимому, со спиртомъ.

Прежде всего Исаакъ Голощекинъ отдѣлилъ у всѣхъ головы. Выше уже упоминалось о тѣхъ слухахъ, которые распространились въ Москвѣ въ средѣ совѣтскихъ дѣятелей съ пріѣздомъ туда послѣ убійства Исаака Голощекина, и въ связи съ привозомъ имъ Янкелю Свердлову какихъ то тяжелыхъ, не по объему, трехъ ящиковъ. Что въ этомъ отношеніи говорятъ изслѣдованія на мѣстѣ? Прежде всего найденные кусочки шейныхъ шнурковъ и цѣпочекъ носятъ слѣды порѣзовъ ихъ, что могло произойти при отдѣленіи головъ отъ тѣлъ рѣжущимъ или рубящимъ оружіемъ. Далѣе при операціи отдѣленія головъ съ тѣлъ скатились порядочныя по величинѣ и вѣсу фарфоровыя иконки; ихъ швырнули далеко въ траву котлована, влѣво отъ шахты № 7, и въ кострѣ онѣ не были. Наконецъ зубы горятъ хуже всего; между тѣмъ при всей тщательности розысковъ нигдѣ, ни въ кострахъ, ни въ почвѣ, ни въ засыпкѣ шахты *ни одного зуба не найдено.*

По мнѣнію комиссіи, головы Членовъ Царской Семьи и убитыхъ вмѣстѣ съ Ними приближенныхъ были заспирто-

ваны въ трехъ доставленныхъ въ лѣсъ желѣзныхъ бочкахъ, упакованы въ деревянные ящики и отвезены Исаакомъ Голощекинымъ въ Москву Янкелю Свердлову, въ качествѣ безусловнаго подтвержденія, что указанія изувѣровъ центра въ точности выполнены изувѣрами на мѣстѣ.

По отдѣленіи головъ, для большаго удобства сжиганія, тѣла разрубались топорами на куски.

Тѣла рубились одѣтыми. Только такимъ изувѣрствомъ надъ тѣлами можно объяснить находку обожженныхъ костей и драгоцѣнностей со слѣдами порубки, а драгоцѣнные камни—раздробленными.

Послѣ этого тѣла обливались керосиномъ, а возможно и кислотой, и сжигались вмѣстѣ съ одеждой на двухъ кострахъ. Костеръ у шахты, по окончаніи операціи, былъ раскиданъ; костеръ же у Старой березы не трогали. При детальномъ изученіи вещей, найденныхъ въ раіонахъ того и другого костровъ, устанавливается слѣдующая подробность: въ раіонѣ костра Старой березы всѣ найденные предметы относятся лишь къ предметамъ одежды и при этомъ одежды болѣе простого, дешеваго качества. Всѣ же остатки драгоцѣнностей, вещей, принадлежавшихъ собственно Членамъ Царской Семьи и доктору Боткину, равно и остатки предметовъ одежды и бѣлья лучшаго и заграничнаго производства были найдены въ раіонѣ разбросаннаго Исаакомъ Голощекинымъ костра, у шахты № 7 и на глиняной площадкѣ. Отсюда можно сдѣлать предположительный выводъ, что тѣла Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича, Великихъ Княженъ Ольги, Татьяны, Маріи и Анастасіи Николаевенъ и доктора Боткина были сожжены на кострѣ у шахты, а на кострѣ у Старой березы сожгли тѣла Анны Демидовой, камердинера Труппа и повара Харитонова.

Исходя отсюда, осколки костей и остатки растопленнаго сала, найденные въ шахтѣ, въ раіонѣ костра у шахты и на глиняной площадкѣ, если экспертиза установитъ ихъ безусловную принадлежность человѣку, могутъ будутъ считаться единственными матеріальными реликвіями, оставшимися отъ мученически погибшихъ за грѣхи людей бывшаго Государя Императора Николая Александровича, бывшей Государыни Императрицы Александры Федоровны, бывшаго Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича и Великихъ Княженъ Ольги, Татьяны, Маріи и Анастасіи Николаевенъ.

Вѣрные долгу и вѣрѣ.

Выше уже указывалось, что руководители истребленіемъ Дома Романовыхъ придерживались какихъ-то особыхъ соображеній въ отношеніи судьбы тѣхъ или другихъ приближенныхъ къ Царской Семьѣ и слугъ, состоявшихъ при Ней въ Тобольскѣ.

Такимъ образомъ когда Августѣйшую Семью совѣтскіе главари перевезли въ Екатеринбургъ и заключили въ Ипатьевскомъ домѣ, то одновременно генерала Татищева, графиню А. В. Гендрикову, Е. А. Шнейдеръ и камердинера Волкова, комиссаръ Мрачковскій отобралъ изъ общаго состава свиты, пріѣхавшей въ Екатеринбургъ, и прямо съ вокзала безъ багажа и вещей отвезъ въ Екатеринбургскую губернскую тюрьму. Камердинеры Нагорный и Сѣдневъ, попавшіе сначала въ Ипатьевскій домъ, 25-го мая были взяты изъ дома и тоже доставлены въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ Чуцкаевъ отобралъ у Долгорукова и Татищева револьверы, а Дидковскій взялъ деньги (генералъ Долгоруковъ попалъ въ тюрьму раньше). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ актахъ, упомянутые совѣтскіе дѣятели выдали владѣльцамъ росписки. Арестованныхъ разъединили: Долгоруковъ, заключенный еще съ 30-го апрѣля, сидѣлъ одинъ въ такъ называвшемся „секретномъ отдѣленіи“. Туда же отвели Татищева и Волкова, но посадили въ камеру отдѣльно отъ Долгорукова. Гендрикова и Шнейдеръ были помѣщены въ женскомъ отдѣленіи въ камерѣ съ Княгиней Еленой Петровной Сербской, а Нагорнаго и Сѣднева заключили въ общей камерѣ тюрьмы, гдѣ содержались арестованные за чрезвычайной слѣдственной комиссіей, и откуда выводили только для разстрѣла. Заключенные были лишены вещей и денегъ; режимъ къ нимъ примѣнялся тотъ же, какъ и для всѣхъ другихъ арестантовъ, и единственное развлеченіе и времяпрепровожденіе заключалось въ бесѣдахъ и разговорахъ другъ съ другомъ и съ другими такими же несчастными заключенными бѣлогвардейцами и буржуями, ожидавшими своей участи.

Илья Леонидовичъ Татищевъ попалъ въ составъ свиты, предназначенной сопровождать Царскую Семью въ Тобольскъ, случайно. Онъ не принадлежалъ къ числу такъ называе-

мыхъ придворныхъ. Когда выяснилось, что вслѣдствіе болѣзни жены, Бенкендорфъ не сможетъ сопровождать Государя въ ссылку въ Тобольскъ, Керенскій предложилъ бывшему Царю выбрать одного изъ слѣдующихъ лицъ: Воейкова, или Нилова, или Нарышкина, или Татищева. Выборъ Государя остановился на Татищевѣ, о чемъ Керенскій послалъ увѣдомить послѣдняго помощника комиссара Министерства Двора Павла Михайловича Макарова. Макаровъ, пріѣхавъ къ Татищеву, объявилъ Ильѣ Леонидовичу, что онъ назначенъ сопровождать Государя въ Тобольскъ. На это заявленіе Татищевъ спросилъ: „Что это распоряженіе Правительства или приказъ Государя?“

„Желаніе Государя,“ отвѣтилъ Макаровъ.

„Разъ Государь желаетъ этого, мой долгъ исполнить волю моего Государя,“ сказалъ Татищевъ, и въ тотъ же день присоединился къ свитѣ, уже состоявшей при Царской Семьѣ.

Выборъ Государя былъ очень удачный. Глубоко благородный и идеально честный Илья Леонидовичъ, съ христіанской душой и кроткимъ характеромъ, сталъ вскорѣ общимъ любимцемъ въ средѣ заключенныхъ въ Тобольскѣ. Съ большимъ внутреннимъ запасомъ духовныхъ силъ, онъ умѣлъ быть всегда спокойнымъ, ровнымъ, внося бодрость въ окружающихъ, и стараясь различными разсказами и воспоминаніями сокращать долгіе досуги томительныхъ дней заключенія въ Тобольскѣ.

Попавъ въ тюрьму, Илья Леонидовичъ и здѣсь не измѣнилъ себѣ и старался подбадривать другихъ:

„Вотъ Алексѣй Андреевичъ,“ обратился Татищевъ къ Волкову, входя въ контору тюрьмы, „правду вѣдь говорятъ: отъ сумы да отъ тюрьмы никто не отказывайся“.

Кругомъ улыбнулись, и только Мрачковскій злобнымъ тономъ замѣтилъ:

„По милости Царизма, родился въ тюрьмѣ“.

Въ камерѣ, въ которую попалъ Татищевъ, содержалось нѣсколько офицеровъ, съ которыми Илья Леонидовичъ любилъ бесѣдовать, поддерживалъ въ нихъ бодрость и вѣру въ спасеніе Россіи и, не смотря на весь ужасъ окружавшей обстановки, на грязь, испытываемыя лишенія и нравственныя муки передъ невѣдомой личной судьбой, онъ остался вѣрнымъ своему Государю и своей присягѣ до конца. Разсказывая офицерамъ, какъ Государю Императору угодно

было предложить ему сопровождать Его Величество въ ссылку, Илья Леонидовичъ говорилъ:

„На такое Монаршее благоволеніе могла ли у кого-либо позволить совѣсть дерзнуть отказать Государю въ такую тяжелую минуту. Было бы не человѣчески черной неблагодарностью за всѣ благодѣянія идеально добраго Государя даже думать надъ такимъ предложеніемъ; нужно было считать его за счастье“.

10-го іюля Татищевъ и Долгоруковъ были вызваны въ тюремную контору. Здѣсь имъ вручили ордера за подписью Бѣлобородова и Дидковскаго, въ которыхъ имъ предписывалось въ 24 часа покинуть предѣлы Уральской области. Такая неожиданная милость совѣтскихъ властей очень удивила обоихъ; ни Татищевъ, ни Долгоруковъ никого не просили объ освобожденіи, и никто къ нимъ за время заключенія въ тюрьмѣ не пріѣзжалъ и за нихъ никто не хлопоталъ. Тѣмъ не менѣе имъ приказали сейчасъ же взять свои вещи и уходить. Двери тюрьмы передъ ними открылись...

Но у воротъ тюремной ограды ихъ встрѣтили вооруженные палачи изъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи, которые отвели Татищева и Долгорукова за Ивановское кладбище въ глухое мѣсто, гдѣ обычно, по выраженію дѣятелей чрезвычайки, „люди выводились въ расходъ“. Тамъ оба вѣрныхъ своему долгу и присягѣ генерала были пристрѣлены и трупы ихъ бросили, даже не зарывъ.

Тамъ же и такъ же кончили жизнь Нагорный и Сѣдневъ, но тѣла ихъ остались не розысканными. 28-мая, по совѣту какого-то тюремнаго адвоката, они подавали изъ тюрьмы прошеніе на имя Бѣлобородова, въ которомъ просили объяснить имъ причины ихъ заключенія въ тюрьму и выражали желаніе быть высланными на родину. Отвѣтомъ былъ разстрѣлъ.

Клементій Григорьевичъ Нагорный и Иванъ Дмитріевичъ Сѣдневъ оба бывшіе матросы съ яхты Штандартъ. Оба они уроженцы Ярославской губерніи; Сѣдневъ былъ женатъ; имѣлъ трехъ дѣтей, мать и сестру; вся семья была на его иждивеніи. Нагорный—холостой; его родители проживали на родинѣ. Нагорный былъ опредѣленъ къ Наслѣднику Цесаревичу, когда бывшій Его дядька, извѣстный боцманъ Деревенько, проворовался и былъ удаленъ отъ Двора.

20-го іюля графиня А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдеръ и камердинеръ Волковъ были отправлены подъ конвоемъ на вокзалъ и посажены въ арестантскій вагонъ. Сюда же была приведена Княгиня Елена Петровна Сербская съ состоявшими при ней членами Сербской миссіи и еще нѣсколько другихъ, содержавшихся въ тюрьмѣ офицеровъ и „контръ-революціонеровъ". Всего набралось 36 человѣкъ.

23-го іюля всѣхъ перечисленныхъ лицъ привезли въ Пермь. Здѣсь княгиню Елену Петровну съ Ея миссіей, графиню Гендрикову, Е. А. Шнейдеръ и Волкова, при отношеніи Пермскаго окружного чрезвычайнаго комитета по борьбѣ съ контръ-революціей, спекуляціей и саботажемъ, за № 2172, отвели въ Пермскую губернскую тюрьму, а остальныхъ—въ арестный домъ. Всѣ три женщины были помѣщены въ одной камерѣ въ женскомъ отдѣленіи, а членовъ миссіи и Волкова заключили въ камерахъ мужского отдѣленія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ перевода въ Пермь, Волковъ по совѣту какого-то адвоката, также сидѣвшаго въ тюрьмѣ, подалъ въ мѣстный совдепъ заявленіе, прося разъяснить ему, за что онъ арестованъ. Недѣли черезъ двѣ-три онъ былъ вызванъ куда-то на допросъ, гдѣ какой-то молодой человѣкъ сталъ допрашивать его объ убійствѣ бывшаго Царя въ Екатеринбургѣ и о побѣгѣ Государя изъ Тобольска. На вопросъ же Волкова о судьбѣ его прошенія, молодой человѣкъ отвѣтилъ, что „этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ въ Москвѣ".

Отвѣтъ этотъ характеренъ и существенъ для установленія отношенія Москвы вообще къ событіямъ, связаннымъ такъ или иначе съ судьбой Царской Семьи. Если мѣстныя власти не имѣли права разрѣшить сами даже вопроса о судьбѣ камердинера Волкова, какъ же можно допускать, что въ отношеніи судьбы Царской Семьи мѣстныя власти обходились безъ руководительства изъ центра.

Администрація тюрьмы, куда были заключены Княгиня Сербская, графиня Гендрикова и Е. А. Шнейдеръ, въ предѣлахъ возможнаго, старалась облегчить заключеннымъ женщинамъ ихъ положеніе: разрѣшала пріобрѣтать изрѣдка молоко и давала для чтенія получавшіяся въ тюрьмѣ газеты. Наибольшую бодрость въ тяжеломъ тюремномъ заключеніи проявила графиня Гендрикова, которая иногда даже пѣла, дабы развлечь тоску сильно грустившей по мужу Княгини

Елены Петровны. Большой недостатокъ ощущался въ бѣльѣ; приходилось носить мужское тюремное бѣлье, такъ какъ никакихъ своихъ вещей при заключенныхъ не было. Всѣ вещи Гендриковой и Шнейдеръ были отобраны совѣтскими главарями еще въ Екатеринбургѣ и хранились въ помѣщеніи областного совдепа, гдѣ, какъ упоминалось выше, вещи, при бѣгствѣ совѣтской власти изъ города, были раскрадены какъ самими главарями власти, такъ и различными маленькими служащими совдепа. Остается только непонятнымъ, почему совѣтскія власти, предрѣшивъ судьбу несчастныхъ своихъ жертвъ, такъ медлили съ окончательнымъ приведеніемъ въ исполненіе своихъ намѣреній и томили бѣдныхъ заключенныхъ, заставляя ихъ переживать моральныя пытки въ тысячу разъ болѣе изувѣрскія, чѣмъ пытки въ застѣнкахъ въ самыя темныя времена среднихъ вѣковъ.

Анастасія Васильевна Гендрикова, какъ глубоко религіозный человѣкъ, не боялась смерти и была готова къ ней. Оставленные ею дневники, письма свидѣтельствуютъ о полномъ смиреніи передъ волей Божьей и о готовности принять предназначенный Всевышнимъ Творцомъ вѣнецъ, какъ бы тяжелъ онъ ни былъ. Она убѣжденно вѣрила въ свѣтлую загробную жизнь и въ Воскресеніе въ послѣдній день, и въ этой силѣ вѣры черпала жизненную бодрость, спокойствіе духа и веселость нрава для другихъ.

Она любила Царскую Семью и была любима Ею почти какъ родная дочь и сестра. Послѣ смерти ея матери и особенно послѣ ареста въ Царскомъ Селѣ, единственною сердечною и глубокою привязанностью Анастасіи Васильевны на землѣ оставалась Государыня Императрица и Великія Княжны. Всѣ письма Государыни къ „Настенькѣ", какъ звала графиню Гендрикову Ея Величество, полны материнской нѣжностью и заботливостью. Необходимо отмѣтить, что мать Анастасіи Васильевны, графиня Софія Петровна Гендрикова, была наибольшимъ и любимѣйшимъ другомъ Государыни Императрицы Александры Федоровны въ теченіи всей ея жизни. Обѣихъ связывала глубокая религіозность и преданность ученію Православной Церкви о безпредѣльной любви къ ближнему и безконечномъ милосердіи и терпимости къ людямъ. Послѣдніе 3—4 года своей жизни графиня Софія Петровна страшно страдала физически, вслѣдствіе какой-то очень сложной болѣзни, и медленно, мучи-

тельно, долго умирала на рукахъ своей страстно любимой дочери. Поразительно, что единственное, что облегчало страданія умиравшей, было присутствіе Государыни Императрицы и молчаливая, сосредоточенная молитва послѣдней. Государыня, вѣря Сама въ силу молитвы, приходила къ графинѣ почти ежедневно; брала руки страшно страдавшей больной въ Свои руки и, закрывъ глаза, не произнося ни слова, уходила въ напряженное молитвенное состояніе. Больной постепенно становилось все легче, легче, боль затихала, и обѣ женщины, въ слезахъ и обнимаясь, горячо благодарили Бога за Его безконечную милость. Объ этихъ минутахъ молитвеннаго исцѣленія полны письма графини матери къ дочери и письма Государыни къ графинѣ Софіи Петровнѣ. О нихъ же часто упоминаетъ въ своемъ дневникѣ и Анастасія Васильевна.

Письма Великихъ Княженъ къ графинѣ Гендриковой, и особенно письма Великой Княжны Ольги Николаевны дышатъ довѣріемъ, любовью, простотой отношеній и непринужденной веселостью. Княжны дѣлились съ „Настенькой" всѣми своими впечатлѣніями, совѣтовались въ своихъ общественныхъ дѣлахъ и видѣли въ ней какъ бы свою старшую сестру. Царская Семья была очень сдержана въ осужденіи вообще людей и даже своихъ близкихъ. Очень рѣдко въ письмахъ проскальзываетъ какое-нибудь недоброжелательное чувство къ кому-нибудь. Чаще всего это выражается только въ какой-нибудь юмористической формѣ. Но болѣе рельефно выражаются Ихъ симпатіи. Такъ видно, что наибольшей симпатіей членовъ Императорской Фамиліи пользовался Великій Князь Дмитрій Павловичъ, отношенія къ которому были какъ къ любимому брату.

Анастасія Васильевна далеко не была человѣкомъ, которому были бы чужды земныя желанія, колебанія, сомнѣнія, раздраженія и иныя душевныя и духовныя побужденія, присущія существу мыслящему, живущему среди людей, ищущему у нихъ любви для себя, для своей жизни, ищущему отвѣтовъ на вопросы обыденной, окружающей обстановки, жизни. Она не чужда была слабостей, временныхъ разочарованій въ окружающихъ, временныхъ ошибокъ и искушеній. Въ своемъ дневникѣ, посвященномъ покойной матери, она пишетъ:

„Боже мой! Когда же кончится моя безцѣльная, одинокая жизнь? Она меня тяготитъ, и теперь постепенно блекнутъ

всѣ утѣшенія; больное, измученное, жаждущее любви сердце нигдѣ не находитъ отвѣта и тепла...“

„Пришлось спуститься съ высоты, гдѣ царятъ утѣшеніе и миръ, въ самую тину житейскую, въ самый центръ житейскихъ дрязгъ, суеты, заботъ; вникнуть и окунуться въ окружающую жизнь, полную сложностей, интриги, пошлости и лжи людской...“

„Мнѣ казалось, что я найду просвѣтъ единственно въ одномъ прежнемъ, сильномъ чувствѣ любви... но и здѣсь нашла только полное и окончательное разочарованіе...“

„Я чувствую, что я начинаю черствѣть, холодѣть и на меня находятъ апатія и равнодушіе ко всему, кромѣ душевной боли...“

Развѣ въ приведенныхъ словахъ дышетъ не сама жизнь земная? Развѣ это мысли и чувства не земного существа? А между тѣмъ многіе считали Анастасію Васильевну мистически больной, стоящей внѣ жизни, внѣ ея реальныхъ сторонъ, и объясняли это близостью Гендриковой къ Государынѣ, вліяніемъ Послѣдней въ религіозно-мистическомъ отношеніи и больной экзальтаціей. Совершенно вѣрно, что молодая Анастасія Васильевна была требовательна къ людямъ, что ее не удовлетворяли ни люди, ни жизнь ее окружавшая, такъ какъ блистали они только внѣшней мишурной оболочкой, а она искала души въ человѣкѣ, глубины и идеальности въ жизни. Люди, не способные понимать духовныхъ обликовъ Государыни Императрицы или Анастасіи Васильевны Гендриковой, обвиняли ихъ въ страданіи больной экзальтаціей мистицизма, формальномъ исповѣданіи религіи и чуть ли не въ кощунственномъ отношеніи къ духу вѣры, замѣняя его ученіями старцевъ, различныхъ кликушъ и истеричекъ и чуть что не окультическими экспериментами въ личной и государственной жизни.

Анастасія Васильевна, какъ и Государыня Императрица Александра Федоровна, была по вѣрѣ истинной Православной христіанкой, вѣрующей силою разума и чистотою сердца. Для нея вѣра въ Бога, въ догматы Православной Церкви были той дѣйствительной, естественной силой, которая одна только можетъ управлять въ высшемъ значеніи этого понятія міромъ, людьми, ихъ помыслами и чувствами, для приближенія всего живущаго къ высокому идеалу человѣческихъ взаимоотношеній на землѣ, зиждущихся на законѣ Христовой любви. Отсюда въ этой силѣ вѣры черпала она

отвѣты и рѣшенія возникавшимъ въ ней сомнѣніямъ и колебаніямъ; искала укрѣпленія и возвышенія своихъ духовныхъ силъ для правильнаго разрѣшенія житейскихъ проблемъ, требованій долга, совѣсти и морали. Въ ней же она удовлетворяла не утоленное на землѣ чувство сердца и горящей ищущей души.

Въ этой здоровой и сильной религіи Бога и вѣрѣ во Христа Анастасія Васильевна была наставлена съ юношескаго возраста двумя наиболѣе ей близкими женщинами. Это были: ея покойная мать и Государыня Императрица Александра Федоровна.

Анастасія Васильевна любила свою мать необычайно большой, глубокой, преданной и сильной любовью. Тянувшаяся нѣсколько лѣтъ тяжелая, мучительная болѣзнь Софіи Петровны и затѣмъ сама смерть создали въ жизни любящей дочери неизлѣчимое горе, неослабное страданіе. Но, съ другой стороны, самоотверженный уходъ дочери за больной матерью, требовавшій громадныхъ силъ и большого напряженія, воспитали въ Анастасіи Васильевнѣ великую способность жить для другого, жертвовать другому всѣмъ, и для облегченія состоянія любимой и любившей матери находить въ себѣ силы быть не только спокойной, но даже веселой, дабы не возбуждать въ матери сомнѣнія, что болѣзнь ея тяжела для дочери. Дочь находила истинное удовлетвореніе въ самоотреченіи для матери, и дѣйствительно не чувствовала тяжести ухода за больной, но она страдала невѣроятно за любимую мать и заставляла себя быть веселой, чтобы скрыть это страданіе отъ матери и не увеличивать еще болѣе ея мукъ.

Государыня, видя всю силу отчаянія и безпредѣльнаго горя, охватившихъ Анастасію Васильевну послѣ смерти Софіи Петровны, будучи исключительно чуткой въ пониманіи душевныхъ настроеній близкихъ людей и безконечно вѣрующей въ благость Промысла Божія, одной высказанной, глубокой мыслью пробудила въ Анастасіи Васильевнѣ сознаніе настоящаго смысла, цѣли и назначенія, предуказанныхъ ей Богомъ для всей ея дальнѣйшей жизни. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ моментѣ жизни и воспринятой идеѣ сама Анастасія Васильевна въ своемъ дневникѣ, посвященномъ матери:

„Во всемъ, Ангелъ мой, я чувствую дѣйствіе твоихъ молитвъ обо мнѣ. Я опять нашла свою прежнюю Царицу,

опять тѣмъ Ангеломъ Утѣшителемъ, которымъ Она была для тебя въ первые годы послѣ смерти папы. Ты тогда говорила, что папа послалъ Ее тебѣ въ утѣшеніе, а теперь ты мнѣ Ее опять вернула такой, какой Она была тогда, и это мнѣ такое утѣшеніе. Мнѣ въ душу запала мысль, которую Она мнѣ сегодня сказала: *чтобы тотъ опытъ страданія, который Господь мнѣ послалъ въ тебѣ и черезъ тебя, я бы употребила на радость и утѣшеніе другимъ*".

„Можетъ быть въ этомъ должна быть цѣль, назначенная мнѣ Богомъ".

Это было высказано государыней въ 1916 году. И дѣйствительно, вся послѣдующая жизнь Анастасіи Васильевны озарилась высокимъ свѣтомъ самоотверженной работы и дѣятельности для другихъ людей. Она пошла по пути мысли, заложенной въ ея духовномъ міросознаніи Государыней, не по чувству долга или обязанности, а потому, что уже иначе она не могла и мыслить. Все болѣе и болѣе въ ней стало крѣпнуть душевное спокойствіе, равновѣсіе чувствъ, ясность мысли и добровольная покорность передъ волей Божьей. Она стала на истинный путь служенія любви во Христѣ, который привелъ ее къ мученическому, но желанному ею вѣнцу за Тѣхъ, Кому она окончательно отдала свою душу на землѣ.

Разставаясь наканунѣ переѣзда изъ Царскаго Села въ Тобольскъ съ комнатой своей матери, и со всѣмъ, что было собрано въ ней, какъ память о матери, Анастасія Васильевна записала въ своемъ дневникѣ послѣднее обращеніе къ матери, воспитавшееся и развившееся въ ней изъ завѣта, даннаго Государыней и поддерживавшагося Ею въ „Настенькѣ" всею силою глубокаго духовнаго вліянія.

„Послѣдній разъ сижу я въ уютномъ уголкѣ, устроенномъ около твоей образницы, окруженная твоими книжками, образами, и все мнѣ говоритъ о тебѣ. Завтра уже опять (третій разъ послѣ твоей смерти) придется раззорить этотъ единственный уголокъ моего мира и опять все укладывать, и Богъ знаетъ, придется ли когда его собрать? Впереди невѣдомый далекій путь, а дальше полная неизвѣстность, но хотя сейчасъ мнѣ тяжело и грустно и такая безумная жажда твоей ласки незамѣнимой, такъ хочется положить голову къ тебѣ на плечо и отдохнуть (я такъ устала), но на душѣ все же спокойно; я чувствую, что ты со мной и слышишь меня, и я не могу не вылить душу тебѣ, не выра-

зить хоть отчасти все пережитое, хоть я и знаю, что ты видишь, понимаешь и знаешь каждое движеніе моей души, даже еще легче, еще яснѣе, чѣмъ раньше.

„Я не могу уѣхать отсюда не возблагодаривши вмѣстѣ съ тобой Бога за тотъ чудный миръ и силу, которую Онъ посылалъ мнѣ за всѣ эти почти 5 мѣсяцевъ ареста.

„И я знаю, что эти неземныя чувства слишкомъ хороши и высоки для меня. Не я ихъ заслужила, а ты мнѣ ихъ вымолила у Бога своими страданіями.

„Ты всю жизнь жаждала и стремилась къ миру душевному, какъ къ высшему лучшему Божьему дару, и когда ты наконецъ достигла его и наслаждаешься имъ въ полномъ блаженствѣ, ты дѣлишься имъ со мной (какъ мы дѣлили и страданія). Ты видишь, что я безъ этого не могла бы продолжать жизнь, и чѣмъ труднѣе и тяжелѣе дѣлается моя жизнь, тѣмъ больше дѣлается душевный миръ.

„Я поняла теперь, какъ и ты, что это лучшее, самое большое счастье, которое можетъ быть, что съ этимъ чувствомъ все можно перенести, и я благословляю Бога и тебя, Ангелъ мой, за это, потому что я увѣрена, что это мнѣ послано по твоимъ молитвамъ. Какое чудное спокойствіе на душѣ, когда можешь все и всѣхъ дорогихъ отдать всецѣло въ руки Божіи, съ полнымъ довѣріемъ, что Онъ лучше знаетъ, что кому и когда надо. Будущее больше не страшитъ, не безпокоитъ. Я такъ чувствую, и такъ довѣряюсь тому (и такъ это испытала на себѣ), что по мѣрѣ умноженія въ насъ „страданій Христовыхъ, умножается Христомъ и утѣшеніе наше...“

„Я знаю, что ты вездѣ будешь со мной, будешь вести меня по тому пути, по которому я должна идти, и я закрываю глаза, отдаюсь всецѣло, безъ сомнѣнія и вопросовъ, или ропота въ руки Божіи, съ довѣріемъ и любовью, и знаю, что ты умолишь Его поддержать меня и въ минуту смерти, или если мнѣ еще будутъ испытанія въ жизни“.

На этомъ кончается дневникъ Анастасіи Васильевны, посвященный метери.

4-го сентября 1918 года, отношеніемъ за № 2523, губернскій чрезвычайный комитетъ потребовалъ присылки въ арестный домъ графини А. Ф. Гендриковой, Е. А. Шнейдеръ и камердинера Волкова. Всѣхъ ихъ собрали въ конторѣ

тюрьмы и предложили имъ захватить съ собой вещи, какія у кого были. Это дало поводъ Анастасіи Васильевнѣ высказать предположеніе, что ихъ поведутъ на вокзалъ для перевозки въ другое мѣсто. Въ конторѣ тюрьмы ихъ передали подъ росписку конвоира отъ комитета, по фамиліи Кастрову.

Въ арестномъ домѣ, въ комнатѣ, въ которую ихъ ввели, было собрано еще восемь другихъ арестованныхъ (въ томъ числѣ жена полковника Знамеровскаго, молодая баронесса Менгденъ и неизвѣстныя Лебеткова и Егорова) и 32 вооруженныхъ красноармейца, во главѣ съ начальникомъ, одѣтымъ въ матросскую форму.

Была глухая ночь, лилъ дождь. Всю партію въ 11 человѣкъ (6 женщинъ и 5 мужчинъ) забралъ матросъ съ конвоемъ и повели куда-то, сначала по городу, а затѣмъ по шоссе Сибирскаго тракта. Всѣ арестованные несли сами свои вещи, но, пройдя по шоссе версты 4, конвоиры стали вдругъ любезно предлагать свои услуги—понести вещи: видимо, каждый старался заранѣе захватить добычу, чтобы потомъ не пришлось раздирать ее въ потьмахъ, въ сумятицѣ, и дѣлить съ другими.

Свернули съ шоссе и пошли по гатированной дорогѣ къ ассенизаціоннымъ полямъ. Тутъ Волковъ понялъ куда и на какое дѣло ихъ ведутъ, и, сдѣлавъ прыжокъ въ бокъ черезъ канаву, бросился бѣжать въ лѣсъ. По немъ дали два выстрѣла; Волковъ спотыкнулся и упалъ. Это паденіе красноармейцы сочли за удачу выстрѣловъ и прошли впередъ. Однако Волковъ не былъ задѣтъ, онъ вскочилъ и снова побѣжалъ; ему вслѣдъ дали еще выстрѣлъ, но въ темнотѣ опять не попали. Черезъ 43 дня скитанія по лѣсамъ, Волковъ вышелъ на наши линіи и благополучно избѣгъ ожидавшей его участи.

Всѣхъ остальныхъ привели къ валу, раздѣлявшему два обширныхъ поля съ нечистотами; несчастныя жертвы поставили спиной къ конвоирамъ и въ упоръ сзади дали залпъ. Стрѣляли не всѣ, берегли патроны; большая часть конвоировъ била просто прикладами по головамъ...

Съ убитыхъ сняли всю верхнюю одежду и въ одномъ бѣльѣ, раздѣливъ на двѣ группы, сложили тутъ же въ проточной канавѣ и присыпали тѣла немного землей, не болѣе какъ на четверть аршина.

7-го мая 1919 г., черезъ семь мѣсяцевъ послѣ убійства, тѣла Анастасіи Васильевны Гендриковой и Екатерины Адольфовны Шнейдеръ были розысканы, откопаны и перевезены на Ново-Смоленское кладбище въ Перми для погребенія. Передъ погребеніемъ тѣла были подвергнуты судебно-медицинскому осмотру.

Тѣло Е. А. Шнейдеръ находилось въ стадіи разложенія, но еще достаточно сохранившимся для осмотра; черты лица оставались легко узнаваемыми, и длинные ея волосы были цѣлы. На тѣлѣ обнаружена подъ лѣвой лопаткой пулевая рана въ области сердца; черепныя кости треснули отъ удара прикладомъ, но голова въ общемъ видѣ осталась не нарушенной.

Тѣло графини А. В. Гендриковой еще совершенно не подверглось разложенію: оно было крѣпкое, бѣлое, а ногти давали даже розоватый оттѣнокъ. Слѣдовъ пулевыхъ раненій на тѣлѣ не оказалось. Смерть послѣдовала отъ страшнаго удара прикладомъ въ лѣвую часть головы сзади: часть лобовой, височная, половина темянной костей были совершенно снесены и весь мозгъ изъ головы выпалъ. Но вся правая сторона головы и все лицо остались цѣлы и сохранили полную узнаваемость.

Тѣла Анастасіи Васильевны Гендриковой и Екатерины Адольфовны Шнейдеръ были переложены въ гробы и 16-го мая погребены въ общемъ деревянномъ склепѣ на Ново-Смоленскомъ кладбищѣ. По случайному совпаденію могила ихъ оказалась какъ разъ напротивъ окна камеры Пермской губернской тюрьмы, въ которой провели онѣ послѣдніе дни своей земной жизни.

ГЛАВА III.

Работники-исполнители.

До 26-го апрѣля совѣтскіе руководители въ Екатеринбургѣ не имѣли даже въ мысляхъ, что Царская Семья можетъ оказаться на жительствѣ въ столицѣ Краснаго Урала, и никакихъ мѣръ по подготовкѣ помѣщенія въ городѣ Екатеринбургѣ для пріема и содержанія Августѣйшихъ Тобольскихъ Узниковъ не предпринималось. Въ равной мѣрѣ никто изъ начальниковъ станцій Екатеринбургскаго же-

лѣзнодорожнаго узла не получалъ предупрежденій о предстоящемъ привозѣ со стороны Тюмени бывшаго Государя Императора, или Его Семьи. Поэтому, судя по всему послѣдовавшему послѣ этого дня, можно съ достаточной достовѣрностью сказать, что то секретное совѣщаніе президіума, о которомъ упоминаетъ въ своемъ разсказѣ комиссаръ Саковичъ, происходило именно или 25-го, или даже 26-го апрѣля 1918 года. Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ историческомъ совѣщаніи самъ Саковичъ:

„Я случайно былъ приглашенъ на совѣщаніе совѣта комиссаровъ передъ перевозомъ Царской фамиліи въ городъ Екатеринбургъ изъ Тобольска. Совѣщаніе происходило въ Волжско-Камскомъ банкѣ, въ маленькой комнатѣ, исправляю, что совѣщаніе было на Коробковской улицѣ въ бѣломъ двухъ-этажномъ домѣ на лѣвой сторонѣ, если идти отъ центра города, кажется, въ первомъ кварталѣ. Это было въ мартѣ, или апрѣлѣ. Такъ какъ дѣло не касалось здравоохраненія, я не принималъ участія въ разговорахъ и читалъ газету. Я лишь слышалъ, какъ говорили о необходимости перевоза, и о томъ, подвергнуть ли поѣздъ крушенію, или охранять его отъ провокаторскаго крушенія, что-то было въ этомъ родѣ. Когда стали голосовать, я отклонился отъ голосованія, и объяснилъ, что это къ здравоохраненію не относится. Въ этомъ собраніи были всѣ указанные выше комиссары, а можетъ быть кого-нибудь и не было, помню хорошо, что были Голощекинъ, Бѣлобородовъ, Сафаровъ, Тупетулъ и Войковъ. Всего было человѣкъ 7 или 8“. Давая черезъ нѣсколько дней показанія при другомъ допросѣ, Саковичъ внесъ нѣкоторые характерные оттѣнки въ свой первый разсказъ; „Явившись на собраніе, я протестовалъ противъ своего присутствія здѣсь, но это не помогло, и я остался, и былъ очевидцемъ отвратительныхъ сценъ; напримѣръ, былъ возбужденъ вопросъ, кѣмъ не упомню, о томъ, чтобы устроить при переѣздѣ Царя крушеніе. Вопросъ этотъ баллотировался и было рѣшено перевезти изъ Тобольска бывшаго Государя въ Екатеринбургъ; помню, я случайно узналъ, что по вопросу о перевозкѣ бывшаго Царя въ Екатеринбургъ была какая-то переписка съ центромъ большевистской власти, и отъ центра было ясно сказано, что за цѣлость бывшаго Государя Екатеринбургскіе комиссары отвѣчаютъ головой“.

Слѣдовательно, изъ этихъ показаній прежде всего вытекаетъ, что это совѣщаніе происходило не въ помѣщеніи областного совѣта, и не при полномъ оффиціальномъ составѣ президіума совѣта; участь Царской Семьи обсуждалась въ постороннемъ мѣстѣ и только опредѣленными главарями совѣтской власти. Такимъ образомъ рѣшеніе этой горсточки преступниковъ нельзя считать не только рѣшеніемъ областного совѣта, но даже и рѣшеніемъ президіума этого совѣта. Это было просто рѣшеніе кучки темныхъ заговорщиковъ, прикрывшихся потомъ, благодаря своему оффиціальному положенію и вліянію, именемъ цѣлыхъ оффиціальныхъ органовъ совѣтской власти.

Далѣе Саковичъ хорошо запомнилъ участіе въ этомъ совѣщаніи Голощекина, Сафарова, Войкова, Тупетула и Бѣлобородова: три еврея, одинъ латышъ и одинъ русскій. Запомнилъ онъ ихъ естественно потому, что иниціатива „отвратительныхъ“ вопросовъ, наибольшая дѣятельность исходили именно отъ этихъ лицъ. Кто же могъ стоять во главѣ вершителей участи Царской Семьи? Чьи голоса имѣли доминирующее значеніе? Самъ Саковичъ своимъ показаніемъ даетъ опредѣленный отвѣтъ: изувѣры-евреи—Исаакъ Голощекинъ, Сафаровъ, Войковъ.

Наконецъ изъ сопоставленія перваго и второго показаній Саковича можно вывести, что первоначально совѣщаніе было собрано вовсе не для обсужденія вопроса—перевозить Царскую Семью въ Екатеринбургъ или нѣтъ, а скорѣе, чтобы рѣшить способъ, какимъ бы можно было покончить съ Царской Семьей, и только при баллотировкѣ, въ силу какихъ-то особыхъ обстоятельствъ, совѣщаніе приняло рѣшеніе перевезти въ Екатеринбургъ. Эти обстоятельства впослѣдствіи станутъ вполнѣ ясны, но только вовсе не опасеніе лишиться головъ заставило тогда Исаака Голощекина и прочую компанію отказаться отъ своихъ первоначальныхъ замысловъ, ибо для этой публики такихъ угрозъ отъ центра и не было. Саковичъ вѣрно приплелъ здѣсь въ своемъ показаніи возможно существовавшія слова Ленина, адресованныя командовавшему арміей Берзину, о чемъ уже говорилось въ отдѣлѣ о заговорахъ.

Во всякомъ случаѣ ясно, что убійство Царской Семьи въ ночь съ 16-го на 17-ое іюля вовсе не было вызвано случайно сложившимися обстоятельствами, а было предрѣшено изувѣрами-евреями совѣтской власти еще въ апрѣлѣ 1918 г

И обратно, рѣшеніе поселить Царскую Семью на время въ Екатеринбургѣ было для этихъ дѣятелей совершенно случайнымъ, что и видно изъ всего послѣдующаго.

27-го апрѣля областной жилищный комиссаръ Жилинскій неожиданно прибылъ въ домъ Ипатьева, потребовалъ жившаго въ немъ съ семьей владѣльца и предъявилъ ему секретное предписаніе отъ 27-го же апрѣля за № 2778. Въ этомъ предписаніи Ипатьевъ ставился въ извѣстность, что, по постановленію областного совѣта, его домъ реквизировался для „особаго назначенія" и ему предписывалось, конечно, подъ соотвѣтственными угрозами разстрѣла, очистить домъ къ вечеру 28-го апрѣля. Въ назначенный срокъ Ипатьевъ естественно освободилъ помѣщеніе, и домъ былъ принятъ подъ росписку жилищнымъ комиссаромъ съ подробной описью оставленной въ немъ мебели, и переданъ для охраны красноармейцамъ, вызваннымъ изъ резерва 3-ей красной арміи.

На этихъ людей и выпала охрана въ первые дни привезенныхъ въ домъ рано утромъ 30-го апрѣля бывшаго Государя Императора, Государыни Императрицы и Великой Княжны Маріи Николаевны. Люди охраны мѣнялись изъ резерва каждый день, а потому установить, кто именно за эти первые дни перебывалъ въ охранѣ, не удалось. Повидимому еще 30-го апрѣля главари заговора смотрѣли на временное поселеніе Царской Семьи въ Ипатьевскомъ домѣ, какъ на очень кратковременное, и только послѣ обмѣна свѣдѣніями съ комиссаромъ Яковлевымъ, доставившимъ бывшаго Царя изъ Тобольска, выяснилось, что это пребываніе можетъ затянуться, что и вызвало новыя мѣропріятія по организаціи болѣе надежной и отвѣтственной, спеціальной охраны для „дома особаго назначенія".

Изъ всѣхъ заводовъ и фабрикъ, окружавшихъ Екатеринбургъ, по свидѣтельству самихъ рабочихъ и ихъ семей, наиболѣе большевистскими считались: Сысертскій заводъ, расположенный внѣ города, и Злоказовская фабрика — въ самомъ городѣ. 9-го мая на Сысертскій заводъ въ помѣщеніе мѣстнаго совдепа прибылъ, по порученію Исаака Голощекина, „комиссаръ ораторъ 1-й боевой Уральской дружины" Сергѣй Витальевичъ Мрачковскій и приказалъ собрать рабочихъ на митингъ. Комиссаръ Мрачковскій былъ хорошо извѣстенъ многимъ изъ рабочихъ Сысертскаго завода, такъ какъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ значительное число

ихъ ходило подъ его начальствомъ воевать на Дутовскій фронтъ. Въ числѣ послѣднихъ рабочихъ былъ и Павелъ Спиридоновичъ Медвѣдевъ, сошедшійся за время похода на близкую ногу съ Мрачковскимъ. На митингѣ въ патетической, льстившей рабочимъ рѣчи Мрачковскій объявилъ о перевозѣ совѣтскими властями бывшаго Царя и Его Семьи въ Екатеринбургъ, и о рѣшеніи власти предоставить Ихъ охрану самимъ рабочимъ. Поэтому въ заключеніе своей рѣчи онъ предложилъ рабочимъ записываться добровольцами въ команду охраны и сообщилъ, что жалованія будутъ платить 400 рублей въ мѣсяцъ. Послѣднее особенно прельстило многихъ, почему тутъ же началась запись добровольцевъ. Пріемъ записей Мрачковскій поручилъ вести Павлу Медвѣдеву, а самъ тщательно провѣрялъ „благонадежность" съ его точки зрѣнія желавшихъ попасть въ охрану, и принималъ далеко не всѣхъ. Изъ примѣра, уже приведеннаго выше, касавшагося Михаила Летемина, можно судить, чѣмъ руководствовался Мрачковскій, опредѣляя „благонадежность" рабочихъ для охраны несчастной Царской Семьи, попавшей въ лапы этихъ звѣрей.

Всего Мрачковскимъ въ этотъ разъ было принято съ Сысертскаго завода слѣдующихъ 33 рабочихъ:

Медвѣдевъ, Павелъ Спиридоновичъ.
Проскуряковъ, Филиппъ Полуэктовичъ.
Талаповъ, Иванъ Семеновичъ.
Летеминъ, Михаилъ Ивановичъ.
Луговой, Викторъ Константиновичъ.
Сафоновъ (Файка), Веніяминъ Яковлевичъ.
Никифоровъ, Алексѣй Никитичъ.
Столовъ, Егоръ Алексѣевичъ.
Котеговъ, Иванъ Павловичъ.
Дроздовъ, Егоръ Алексѣевичъ.
Емельяновъ, Федоръ Васильевичъ.
Вяткинъ, Степанъ Григорьевичъ.
Бѣломойновъ, Семенъ Николаевичъ.
Котеговъ, Александръ Алексѣевичъ.
Алексѣевъ, Александръ Кронидовичъ.
Подкорытовъ, Николай Ивановичъ.
Шевелевъ, Семенъ Степановичъ.
Садчиковъ, Николай Степановичъ.
Турыгинъ, Семенъ Михайловичъ.
Семеновъ, Василій Егоровичъ.

Стрекотинъ, Александръ Андреевичъ.
Стрекотинъ, Андрей Андреевичъ.
Котовъ, Михаилъ Павловичъ.
Русаковъ, Николай Михайловичъ.
Теткинъ, Романъ Ивановичъ.
Старковъ, Иванъ Андреевичъ.
Старковъ, Андрей Алексѣевичъ.
Орловъ, Александръ Григорьевичъ.
Чуркинъ, Алексѣй Ивановичъ.
Поповъ, Николай Ивановичъ.
Кесаревъ, Григорій Александровичъ.
Добрынинъ, Константинъ Степановичъ.
Зайцевъ, Николай Степановичъ.

Изъ этого числа рабочіе Медвѣдевъ, Летеминъ, Сафоновъ, Котеговъ Иванъ, Вяткинъ, Бѣломойновъ, Шевелевъ, Стрекотинъ Андрей, Котовъ, Старковъ Иванъ и Добрынинъ состояли членами партіи коммунистовъ.

19-го мая Мрачковскій привезъ сформированный изъ Сысертскихъ рабочихъ отрядъ въ Екатеринбургъ и поселилъ его сначала въ Новомъ Гостиномъ Дворѣ, гдѣ размѣщались красноармейцы резерва 3-ей арміи. Здѣсь Павелъ Медвѣдевъ былъ назначенъ начальникомъ этой команды, получившей названіе „охраннаго отряда дома особаго назначенія", а Семеновъ и Добрынинъ—разводящими, но такъ какъ Семеновъ вскорѣ уволился, то на его мѣсто разводящимъ былъ назначенъ Иванъ Старковъ. Изъ всей команды только Иванъ Старковъ и Добрынинъ были въ прежнее время солдатами, всѣ же остальные военной службы не несли, такъ какъ, работая на заводѣ, который во время войны работалъ на оборону, были освобождены отъ службы въ войскахъ. Слѣдовательно, тягости походной службы никто изъ нихъ не испыталъ и утомленія отъ 4-хъ лѣтней войны чувствовать не могъ.

22-го мая наканунѣ привоза въ Екатеринбургъ изъ Тобольска Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Княженъ Ольги, Татьяны и Анастасіи Николаевенъ, команду перевели въ домъ Ипатьева и поселили здѣсь въ комнатахъ нижняго этажа дома. Съ 24-го мая команда начала нести внутреннюю и внѣшнюю охрану дома; постовъ было всего 11: два внутреннихъ, три пулеметныхъ и шесть наружныхъ. Внутренніе посты: одинъ на парадномъ ходѣ у комнаты коменданта, а другой на площадкѣ внутреннихъ сѣней,

куда выходили двери изъ уборной и изъ ванной, и откуда шла лѣстница въ нижній этажъ дома. Пулеметные посты: одинъ на террасѣ, выходящей въ садикъ изъ столовой; одинъ въ окнѣ чердака и одинъ на окнѣ средней комнаты нижняго этажа. Наружные посты: одинъ у воротъ, близь параднаго крыльца; другой на углу, образовывавшемся фасами заборовъ по Вознесенскому проспекту и Вознесенскому переулку; третій между заборами, загораживавшими весь домъ, подъ окнами комнаты Царя и Царицы; четвертый на переднемъ дворѣ у дверей, выходившихъ изъ дома; пятый на заднемъ дворѣ, у калитки выхода изъ садика, и шестой въ саду. Часовые стояли на постахъ по 4 часа въ смѣну, а разводящіе дежурили по недѣлямъ. Повѣрку охраны производили пріѣзжавшіе часто въ домъ Исаакъ Голощекинъ, Бѣлобородовъ и Дидковскій. Эти господа проходили во внутреннія комнаты, занимавшіяся Царской Семьей, безъ предупрежденія, причемъ не снимали ни шапокъ, ни галошъ, ни пальто и, не разговаривая ни съ кѣмъ изъ заключенныхъ, молча заходили во всѣ рѣшительно комнаты.

Первоначально комендантомъ „дома особаго назначенія" былъ назначенъ Александръ Дмитріевичъ Авдѣевъ, машинистъ съ фабрики Злоказова, уроженецъ Осинскаго уѣзда Пермской губерніи. До поступленія на фабрику Злоказова онъ служилъ на пріискахъ въ раіонѣ Челябинска. Это былъ обыкновенный типъ испорченнаго фабричнаго рабочаго, побывавшій и въ Петроградѣ, гдѣ четыре раза сидѣлъ въ Крестахъ за пьяные дебоши и хулиганство и хвастался тѣмъ, что ни передъ чѣмъ не останавливался въ своей жизни, и всѣхъ, кто ему мѣшалъ, убиралъ съ своего пути. Былъ онъ всегда пьянъ, или сильно навеселѣ. Лѣтъ ему было 35—40, блондинъ, съ маленькими усами и бритой бородой; одѣвался въ рубаху защитнаго цвѣта, шаровары, высокіе сапоги и носилъ черезъ плечо казачью шашку.

Авдѣевъ въ домѣ не жилъ; онъ приходилъ ежедневно часовъ въ 9 утра и уходилъ часовъ въ 9 вечера. Постоянно въ домѣ въ комнатѣ коменданта жилъ помощникъ Авдѣева, тоже рабочій съ Злоказовской фабрики, Александръ Мошкинъ. Вся характеристика этого человѣка исчерпывается аттестаціей его же товарищей по фабрикѣ и подчиненныхъ по охранѣ: „пьянчуга, воришка, самый послѣдній рабочій". Авдѣева онъ боялся и въ его присутствіи велъ себя сдержанно, не позволяя себѣ шумѣть и сильно пить. Но когда

вечеромъ Авдѣевъ уходилъ, Мошкинъ собиралъ въ комендантскую комнату своихъ пріятелей изъ охраны, въ томъ числѣ и Медвѣдева, и тутъ у нихъ начиналась попойка, пьяный галдежъ и пьяныя пѣсни, продолжавшіяся до глубокой ночи. Орали обыкновенно на всѣ голоса модныя революціонныя пѣсни: „вы жертвою пали въ борьбѣ роковой", или „отречемся отъ стараго міра, отрясемъ его прахъ съ нашихъ ногъ", и т. п. Однако во внутреннія комнаты, гдѣ жила Царская Семья, Мошкинъ боялся ходить, какъ ни бывалъ пьянъ, и другихъ охранниковъ туда не пускалъ.

Такъ продежурили Сысертскіе охранники дня 4—5, но затѣмъ по непривычкѣ къ военной службѣ заявили, что наряды тяжелы и потребовали увеличить составъ команды. Тогда 30-го мая, по приказанію Исаака Голощекина, Авдѣевъ пошелъ на Злоказовскую фабрику и привелъ набранную тамъ дополнительную команду, подъ общимъ начальствомъ Анатолія Александровича Якимова, рабочаго той же фабрики. Всего на этотъ разъ съ Якимовымъ пришло 29 человѣкъ, а именно:

Соловьевъ, Александръ.
Гоншкевичъ, Василій.
Пермяковъ, Иванъ.
Шулинъ, Иванъ.
Петровъ, Василій.
Петровъ, Авксентій.
Сидоровъ, Алексѣй.
Логиновъ, Василій.
Логиновъ, Иванъ.
Смородяковъ, Михаилъ.
Путиловъ, Николай.
Корзухинъ, Александръ.
Лѣсниковъ, Григорій.
Клещеевъ, Иванъ.
Устиновъ, Александръ.
Смородяковъ, Александръ.
Варакушевъ, Александръ.
Хохряковъ, Степанъ.
Прохоровъ, Александръ.
Дерябинъ, Никита.
Лабышевъ,
Фоминъ.
Дмитріевъ, Семенъ.

Скороходовъ.
Пелеговъ, Василій.
Бруслянинъ, Леонидъ.
Осокинъ, Александръ.
Романовъ, Иванъ.
Вяткинъ, Павелъ.

Эти люди были распредѣлены такъ: первые десять изъ приведеннаго списка, бывшіе закадычными друзьями Мошкина, были поселены въ комнатахъ нижняго этажа дома Ипатьева и назначены для несенія службы исключительно на внутреннихъ постахъ, а всѣхъ остальныхъ присоединили къ Сысертскимъ рабочимъ и всю эту компанію убрали изъ нижняго этажа дома Ипатьева и перевели на жительство въ реквизированное помѣщеніе дома Попова, напротивъ Ипатьевскаго дома по Вознесенскому переулку. Всѣ охранники, поселенные въ домѣ Попова, впредь несли службу только на постахъ внѣшней охраны и при пулеметахъ. Начальникомъ всей объединенной команды все же остался Павелъ Медвѣдевъ, а Анатолій Якимовъ сталъ третьимъ разводящимъ въ командѣ.

Кромѣ перечисленныхъ людей, въ домѣ Ипатьева помѣщался еще какой-то военноплѣнный австріецъ, Адольфъ, прислуживавшій въ комендантской комнатѣ, ставившій Авдѣеву и Мошкину самовары и исполнявшій всякія мелкія порученія. Этотъ Адольфъ оставался прислуживающимъ и позже при Янкелѣ Юровскомъ и Никулинѣ. Кто онъ былъ и куда дѣлся послѣ убійства — неизвѣстно. Затѣмъ при домѣ состоялъ легковой автомобиль въ распоряженіи коменданта, шоферомъ на которомъ былъ рабочій также Злоказовской фабрики Люхановъ. Этотъ Люхановъ былъ тѣмъ самымъ шоферомъ, который смѣнилъ у Американской гостинницы на грузовикѣ совѣтскаго шофера изъ гаража, и который отвозилъ на этомъ грузовикѣ тѣла убитыхъ въ раіонъ Ганиной ямы.

Наконецъ по документамъ, при „домѣ особаго назначенія“ числился „завѣдывающій хозяйствомъ дома особаго назначенія“, каковую должность занималъ какой-то Михаилъ Чащинъ, но никто изъ охранниковъ, прошедшихъ черезъ слѣдственное производство, въ томъ числѣ и самъ Медвѣдевъ, никогда о немъ не слышали и не подозрѣвали существованія ни такой должности, ни такого лица. Кто онъ былъ и какова его роль—неизвѣстно.

Въ указанномъ составѣ охрана Царской Семьи изъ Сысертскихъ и Злоказовскихъ рабочихъ несла свою службу съ 30-го мая по 4-е іюля, т.-е. пять недѣль. Всѣ допрашивавшіеся свидѣтельствуютъ въ одинъ голосъ, что безусловно за время своей охраны эти рабочіе не позволили себѣ никакихъ хулиганскихъ или грубыхъ шаговъ по отношенію къ кому бы то ни было изъ Членовъ Царской Семьи. Рабочіе высказывали своимъ роднымъ и знакомымъ свое удивленіе по поводу простого обхожденія съ ними со стороны бывшаго Царя, который неоднократно во время прогулокъ въ садикѣ заговаривалъ съ ними, распрашивая о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, о семейныхъ дѣлахъ, и большинство рабочихъ не чуждались этихъ разговоровъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, если рабочіе шли въ охрану съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ противъ бывшаго Царя и Его Семьи, то, придя въ болѣе близкое соприкосновеніе съ Ними и наблюдая за Ихъ жизнью, они отказывались отъ этого предубѣжденія, и отношенія ихъ замѣтно измѣнялись въ благопріятную для Царской Семьи сторону. Такъ извѣстно, что Авдѣевъ и Мошкинъ, разрѣшивъ приносить Царской Семьѣ со стороны молоко, яйца, масло и прочіе продукты, потомъ не ограничились только этимъ, а стали передавать приносившимъ пищевые продукты женщинамъ порученія, исходившія отъ бывшаго Государя и Членовъ Его Семьи: принести Ему табаку, принести нитокъ и т. п.

Наиболѣе „сознательный" изъ рабочихъ охраны, Павелъ Медвѣдевъ, держалъ себя обособленно и не разговаривалъ ни съ кѣмъ изъ Царской Семьи. Уйдя къ намъ отъ красныхъ, онъ скрывался въ Перми, служа санитаромъ въ нашемъ 139 госпиталѣ. Однажды въ его присутствіи служащіе госпиталя читали газету, въ которой описывались условія содержанія Царской Семьи въ Ипатьевскомъ домѣ. Когда всѣ ушли и осталась одна сестра милосердія, Медвѣдевъ не сдержался и сказалъ ей: „это неправда, сестра, что пишутъ въ газетѣ, я очевидецъ, конвойнымъ былъ тутъ, что плохо Ихъ кормили и дурно обращались, это не правда, отношенія къ Нимъ, т. е. къ Царской Семьѣ охраны были хорошія, кормили Ихъ хорошо—подавали супъ и маленькія котлеты, а также четверть молока на день". А на допросѣ Сергѣевымъ Медвѣдевъ между прочимъ говоритъ: „Вопросомъ о томъ, кто распоряжался судьбой Царской Семьи и имѣлъ ли на то право, я не интересовался, я исполнялъ

лишь приказанія тѣхъ, кому служилъ... Повторяю, что непосредственнаго участія въ разстрѣлѣ я не принималъ". Жена Павла Медвѣдева жаловалась на мужа: „за послѣднее время онъ сталъ непослушнымъ, никого не признавалъ и какъ будто свою семью пересталъ жалѣть". Нельзя не согласиться съ заключеніемъ Маріи Медвѣдевой: Павелъ „никого не признавалъ". Онъ не признавалъ въ это время и Царя, да странно было бы иначе: онъ „сознательный", слѣдовательно, шедшій по путямъ соціальнаго развитія подъ вліяніемъ руководившихъ его мыслями и взглядами классовъ и круговъ общества, а не духовнаго, и ушелъ отъ духовной идеологіи своего народа, порвалъ съ нимъ, какъ порвалъ и со своей семьей: „семью пересталъ жалѣть". Для него, къ этому періоду его міровоззрѣнія, Царь могъ быть только Правителемъ. Руководившіе же имъ говорили ему: „Царь никуда не годится, онъ только душитъ и разстрѣливаетъ народъ", и свергли его. Что же осталось въ понятіяхъ Медвѣдева о бывшемъ Царѣ? Онъ сталъ человѣкомъ, какъ всякій другой, и какъ со всякимъ другимъ „Начальство" можетъ сдѣлать, что ему угодно съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ.

Медвѣдевъ, вѣроятно, не интересовался и тѣмъ, что у него стало за „Начальство"; когда оно перестало ему нравиться, онъ ушелъ отъ него потому, что „сталъ непослушнымъ". До революціи въ немъ былъ убитъ критерій духа; послѣ революціи, новое „Начальство" поколебало въ немъ и критерій матеріи: кормили хорошо, давали: „супъ, маленькія котлетки и четверть молока"—по одному съ четвертью стакана молока въ сутки на каждаго изъ заключенныхъ. Поэтому и сужденіе Медвѣдева о хорошемъ отношеніи команды къ Царской Семьѣ должно приниматься съ ограничительными условіями: „команда не позволяла себѣ ничего худого". Она состояла изъ тѣхъ же людей, что и Медвѣдевъ, съ той разницей, что какъ въ менѣе „сознательныхъ" рабочихъ, чѣмъ Медвѣдевъ, руководившіе ими до революціи и развращавшіе послѣ нея не успѣли убить въ нихъ окончательно, какъ въ Медвѣдевѣ, духа русскаго человѣка. Для большинства изъ нихъ бывшій Царь такъ и оставался бывшимъ Царемъ, и какъ между собою они ни старались убѣдить другъ друга, что Онъ такой же человѣкъ, какъ и каждый изъ нихъ, ни *одинъ* въ глаза, въ присутствіи Его, не позволилъ себѣ какой-нибудь непристойности и только за-глаза старались дѣлаться большими атеистами и убѣ-

ждали себя и другихъ въ этомъ площадной литературой на стѣнахъ дома и своихъ комнатъ.

Эволюціонированіе настроенія и отношеній массы рабочихъ-охранниковъ въ пользу Царской Семьи, видимо, наконецъ, вызвало опасенія среди главарей совѣтской власти и, предвидя скорую развязку событій, понудило ихъ принять срочныя, исключительныя мѣры.

4-го іюля комендантъ Авдѣевъ былъ отстраненъ отъ должности; его помощникъ Мошкинъ арестованъ; всѣ Злоказовскіе рабочіе, содержавшіе внутреннюю охрану, уволены изъ состава команды. Мошкину и рабочимъ было предъявлено обвиненіе въ кражѣ у Царской Семьи какого-то золотого крестика, и объ этомъ ихъ поведеніи было даже сообщено фабричному комитету. Интересно, что по поводу этой выдуманной совѣтскими главарями кражи, состоялось экстренное собраніе рабочихъ Злоказовской фабрики, которое вынесло постановленіе, что проворовавшіеся рабочіе „могутъ искупить свою вину только кровавыми ранами". Ихъ всѣхъ отправили на фронтъ, но вскорѣ они разбѣжались, и многіе спокойно вернулись къ себѣ на фабрику.

Вмѣсто Авдѣева комендантомъ „дома особаго назначенія" былъ назначенъ членъ президіума и предсѣдатель чрезвычайной слѣдственной комиссіи Янкель Юровскій, который на должность своего помощника взялъ изъ состава той же комиссіи Никулина и 10 палачей для внутренней охраны дома, которыхъ остальные охранники называли „латышами" Цифра 10—не вполнѣ опредѣленна: Проскуряковъ говоритъ „приблизительно 10"; Медвѣдевъ выражается „было ихъ человѣкъ 10", а Якимовъ, дающій наиболѣе подробныя и вѣрныя цифры подсчетовъ, говоритъ, что въ разстрѣлѣ участвовали „5 латышей и 5 русскихъ изъ внутренней охраны, въ томъ числѣ и Никулинъ". Происходитъ эта неточность потому, что свидѣтели болѣе запомнили число людей, участвовавшихъ въ разстрѣлѣ. А такъ какъ этихъ „палачей" видѣли всѣ мало, ибо Янкель Юровскій не пускалъ охранниковъ въ домъ, а прибывшихъ передъ разстрѣломъ Петра Ермакова и Александра Костоусова никто изъ охранниковъ не зналъ, то точной цифры приведенныхъ Янкелемъ Юровскимъ съ собой изъ чрезвычайки палачей никто опредѣлить не могъ. Кажется, болѣе точно, ихъ было всего 7—8 человѣкъ, изъ коихъ 5 было не русскихъ и 2 или 3 русскихъ. Изъ русскихъ палачей извѣстна фамилія только

одного—Кабановъ. Однажды Кабановъ дежурилъ на посту внутренней площадки; проходившій мимо Государь Императоръ, обладавшій богатѣйшей памятью на лица, всмотрѣвшись въ Кабанова, остановился и сказалъ ему: „Я васъ узнаю, вы служили въ Моемъ Конномъ полку“. Кабановъ отвѣтилъ утвердительно. Разсказывалъ объ этомъ эпизодѣ самъ Кабановъ Якимову, откуда послѣдній и зналъ его фамилію.

Изъ пяти палачей не русскихъ извѣстны фамиліи трехъ: латышъ Ляксъ, мадьяръ Вархатъ и Рудольфъ Лашеръ. Называли еще фамилію латыша Берзина, но утверждать, что таковой былъ въ составѣ внутренней охраны—нельзя. Всѣ они по-русски не говорили. Между ними былъ одинъ, повидимому еврей, который служилъ какъ бы переводчикомъ между Янкелемъ Юровскимъ и остальными, но фамилія его осталась также не выясненной.

Со времени вступленія въ должность Янкеля Юровскаго, русскіе охранники Сысертскаго завода и Злоказовской фабрики, жившіе въ домѣ Попова, несли службу только на наружныхъ постахъ и у пулеметовъ. Въ домъ, т.-е. въ верхній этажъ, гдѣ помѣщалась Царская Семья, кромѣ Павла Медвѣдева, никого изъ остальныхъ охранниковъ больше не пускали. Самъ Янкель Юровскій, также какъ и Авдѣевъ, не ночевалъ въ комендантской комнатѣ, а приходилъ въ домъ часовъ въ 8—9 утра и уходилъ вечеромъ. Никулинъ же жилъ въ домѣ постоянно, и къ нему по вечерамъ часто приходила дѣлопроизводительница чрезвычайной слѣдственной комиссіи Евдокія Максимовна Бахарева. Въ комендантской комнатѣ стояло пьянино и Никулинъ по вечерамъ музицировалъ и пѣлъ, повторяя преимущественно тотъ же репертуаръ, въ которомъ отличалась и Мошкинская компанія. Днемъ же они вмѣстѣ съ Янкелемъ Юровскимъ пьянствовали и тоже горланили пьяныя пѣсни.

Вообще по свидѣтельству охранниковъ при Янкелѣ Юровскомъ положеніе Царской Семьи страшно ухудшилось. Доставка разнообразныхъ продуктовъ была запрещена, Янкель разрѣшилъ приносить только четверть молока. Лазилъ онъ во внутреннія комнаты Царской Семьи безпрестанно и для наблюденія держалъ всѣ двери открытыми. Про отношенія палачей сказать что-либо опредѣленно нельзя; есть данныя, что за эти послѣдніе двѣнадцать дней Ихъ жизни, Царской Семьѣ пришлось много натерпѣться отъ

этихъ полу-людей, полу-звѣрей, что, вѣроятно, и отразилось на ихъ настроеніи и внѣшней подавленности, которыя были замѣчены діакономъ Буймировымъ, когда онъ 14-го іюля съ о. Сторожевымъ служили послѣднюю обѣдницу несчастнымъ Августѣйшимъ Узникамъ.

Кромѣ перечисленныхъ выше лицъ постоянной охраны, въ домѣ Ипатьева изъ совѣтскихъ дѣятелей бывали довольно часто, какъ уже указывалось, Исаакъ Голощекинъ, Бѣлобородовъ и Дидковскій. Одинъ разъ за все время Августѣйшихъ Заключенныхъ посѣтилъ, съ повѣрочной комиссіей, командующій 3-ей арміей Берзинъ, но больше, повидимому, никого изъ совѣтскихъ дѣятелей въ Ипатьевскій домъ не допускали.

Тѣмъ болѣе совершенно непонятнымъ исключеніемъ является фактъ посѣщенія Царской Семьи докторомъ Деревенько. Какъ было сказано уже выше, ему одному изъ всѣхъ придворныхъ оказалось возможнымъ остаться въ городѣ, гдѣ онъ поселился на частной квартирѣ и обзавелся обширной практикой исключительно въ средѣ еврейскаго населенія города. Въ началѣ, при Авдѣевѣ, докторъ Деревенько посѣщалъ Ипатьевскій домъ довольно часто; онъ же сговорился съ этимъ комендантомъ и относительно приноса Царской Семьѣ продуктовъ со стороны. Но какъ-то среди обывателей города, у которыхъ Деревенько бывалъ, ни въ коемъ случаѣ не принадлежавшимъ къ сторонникамъ большевиковъ, сохранилось очень мало воспоминаній о разсказахъ Деревенько про его свиданія въ этотъ исключительный періодъ жизни Царской Семьи съ Ипатьевскими узниками. Такъ, общія фразы, ничего не опредѣляющія.

Послѣ назначенія комендантомъ Янкеля Юровскаго, числа 5—8 іюля, этотъ послѣдній пригласилъ въ домъ доктора Деревенько и послѣ этого свиданія докторъ прекратилъ совершенно посѣщать Царскую Семью. Причины этого самъ Деревенько объяснилъ интересовавшимся знакомымъ такъ: когда онъ, по указанному приглашенію, прибылъ въ домъ, Янкель Юровскій повелъ его будто бы къ Наслѣднику Цесаревичу, лежавшему съ больной ногой, и спросилъ заключенія Деревенько о состояніи болѣзни Его Высочества. Деревенько отвѣтилъ, что онъ признаетъ состояніе ноги Наслѣдника Цесаревича очень серьезнымъ, которое ни въ

коемъ случаѣ не можетъ позволить Ему ходить. Тогда будто бы Янкель Юровскій взялъ самъ ногу Наслѣдника, сталъ ее грубо ощупывать и мять и утверждалъ, что она совершенно здорова. Такое грубое медицинское обращеніе Янкеля Юровскаго съ мучившимся Наслѣдникомъ Цесаревичемъ настолько якобы возмутило Деревенько, какъ врача, что онъ рѣшилъ больше совершенно не ходить въ домъ Ипатьева.

Извѣстно только, что вскорѣ послѣ этого случая докторъ Деревенько поступилъ на службу совѣтской власти въ мѣстный военный лазаретъ, а нынѣ остался среди большевиковъ въ городѣ Томскѣ. Допросить этого важнаго свидѣтеля слѣдствію не удалось, такъ какъ не было извѣстно, куда онъ уѣхалъ изъ Екатеринбурга, а потому отъ какихъ-либо заключеній объ этой личности приходится воздержаться.

Руководители.

Во главѣ управленія областью стоялъ „Уральскій областной совѣтъ рабочихъ, крестьянскихъ и армейскихъ депутатовъ", возглавлявшійся „президіумомъ", съ предсѣдателемъ рабочимъ Бѣлобородовымъ, и „исполнительный комитетъ" этого совѣта, подъ предсѣдательствомъ еврея Чуцкаева.

Бѣлобородовъ—рабочій, 30—40 лѣтъ, съ Лысвенскаго завода. Передъ этимъ онъ работалъ на Надеждинскомъ заводѣ, гдѣ въ 1906 году вмѣстѣ съ Исаакомъ Голощекинымъ былъ участникомъ какого-то политическаго движенія, закончившагося однако повидимому для Бѣлобородова безъ особыхъ послѣдствій. Производилъ онъ впечатлѣніе человѣка необразованнаго, даже малограмотнаго, но былъ самолюбивъ и очень большого о себѣ мнѣнія. Жестокій, крикливый, онъ выдвинулся въ опредѣленной средѣ рабочихъ еще при керенщинѣ, въ періодъ пресловутой работы политическихъ партій по „углубленію революціи". Среди слѣпой массы рабочихъ онъ пользовался большой популярностью, и ловкіе, хитрые и умные евреи Голощекинъ, Сафаровъ и Войковъ умѣло пользовались этой его популярностью, льстя

его грубому самолюбію и выдвигая его постоянно и всюду впередъ. Онъ былъ типичный большевикъ изъ среды русскаго пролетаріата, не столько по идеѣ, сколько по формѣ проявленія большевизма въ грубыхъ, звѣрскихъ насиліяхъ, не понимавшей предѣлы натуры, некультурнаго и не духовнаго существа.

Средняго роста, худощавый тѣломъ, но съ лицомъ скорѣе полнымъ, смуглымъ, свѣтло-русые волоса, расчесанные косымъ проборомъ, безъ усовъ и бороды, свѣтло-каріе глаза, прямой, но толстый носъ—таковъ былъ внѣшній обликъ этого революціей выброшеннаго на верхи человѣка-орудія въ рукахъ истинныхъ заправилъ совѣтской власти—евреевъ.

Одинъ изъ крупныхъ большевистскихъ дѣятелей Антонъ Валекъ, встрѣтясь съ Бѣлобородовымъ послѣ убійства Царской Семьи въ Перми, поинтересовался у него о судьбѣ Семьи бывшаго Императора: „всѣхъ прикончили", отвѣтилъ Бѣлобородовъ крайне неохотно и, видимо, отмахиваясь отъ подобной темы разговора. А на вопросъ: принималъ ли онъ самъ участіе въ убійствѣ?—Бѣлобородовъ сказалъ, что онъ въ это время спалъ.

Это была ложь: свидѣтели-охранники удостовѣряютъ, что Бѣлобородовъ присутствовалъ при убійствѣ Царской Семьи и пріѣхалъ въ Ипатьевскій домъ 16-го іюля около 12 часовъ ночи вмѣстѣ съ Исаакомъ Голощекинымъ, Петромъ Ермаковымъ и Александромъ Костоусовымъ. Онъ же участвовалъ и въ грабежѣ Царскихъ вещей 17-го іюля и въ грабежѣ вещей, принадлежавшихъ генераламъ Татищеву, Долгорукову, фрейлинѣ Гендриковой и Е. А. Шнейдеръ, въ помѣщеніи Волжско Камскаго банка.

Чуцкаевъ—еврей; откуда родомъ, каково его прошлое—неизвѣстно. Женатъ онъ тоже на еврейкѣ, урожденной Поляковой. Человѣкъ характера типичнаго конспиратора; пользовался большимъ вліяніемъ; участвовалъ во всѣхъ секретныхъ засѣданіяхъ по Царскому дѣлу, но самъ активнымъ дѣятелемъ не выступилъ. Были нѣкоторыя данныя, указывавшія, что онъ будто тоже былъ замѣшанъ вмѣстѣ съ Исаакомъ Голощекинымъ и Бѣлобородовымъ въ политическомъ движеніи 1906 года, откуда будто бы и создалась связь между этими тремя мрачными личностями. Однако положительныхъ свѣдѣній о Чуцкаевѣ, ко времени оставленія нами Екатеринбурга, собрать не удалось.

Въ президіумъ областного совѣта входили: евреи—Голощекинъ, Сафаровъ, Войковъ, Хотимскій, Чуцкаевъ, Красновъ, Поляковъ, Юровскій, Сыромолотовъ (кажется еврей); латышъ—Тупетулъ или Тундулъ; русскіе—Саковичъ, Анучинъ, Уфимцевъ, и неизвѣстной національности — Дидковскій.

Голощекинъ—Исаакъ, еврей; его партійная кличка была „Филиппъ". Ему было около 40 лѣтъ, роста—выше средняго, коренастый, полный, съ порядочнымъ животомъ, „брюхатый", какъ опредѣляютъ его свидѣтели; волоса русые, съ рыжеватымъ отливомъ, вьющіеся, расчесанные косымъ рядомъ, глаза темные, носъ длинный, тонкій, усы очень маленькіе, подстриженные, борода бритая, оставлявшая синеву на щекахъ; лобъ большой, открытый. Онъ имѣлъ привычку все время ходить, и говорилъ, что эту привычку пріобрѣлъ въ тюрьмѣ. Въ 1906 году онъ, кажется, былъ зубнымъ техникомъ на Надеждинскомъ заводѣ; участвовалъ съ Бѣлобородовымъ въ политическомъ движеніи, былъ судимъ и сосланъ въ Сибирь.

Исаакъ Голощекинъ имѣлъ вліяніе и въ Москвѣ; тамъ онъ былъ близокъ съ Янкелемъ Свердловымъ и съ Нахамкесомъ-Стекловымъ, а въ Петроградѣ—съ Гершъ Радомысльскимъ Апфельбаумомъ-Зиновьевымъ.

Въ Екатеринбургѣ Исаакъ Голощекинъ занималъ должность областного военнаго комиссара и имѣлъ въ своемъ непосредственномъ распоряженіи отрядъ, носившій названіе „особаго отряда при Уральскомъ военномъ комиссаріатѣ". Когда организовывалась „перевозка" Царской Семьи изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, то „для сопровожденія" Ея, въ распоряженіе комиссара Родіонова, былъ выдѣленъ изъ указаннаго, Исаака Голощекина, отряда особый „Екатеринбургскій отрядъ", подъ непосредственной командой какого-то Шиндера (а можетъ быть и Шнейдера; онъ подписывался очень неясно. Но такъ какъ онъ же состоялъ и начальникомъ отряда палачей при чрезвычайкѣ, то въ Американской гостинницѣ его знали и называли Шиндеръ).

Вотъ поименный составъ этого „Екатеринбургскаго отряда", который до извѣстной степени даетъ основаніе судить, что въ дѣйствительности представляли собою силы совѣтскихъ Исааковъ Голощекиныхъ, при помощи коихъ они, и ему подобные главари совѣтской власти, вершили судьбу русскаго народа:

1-й взводъ.	2-й взводъ.	3-й взводъ.	Пулем. команда
Зенъ.	Плуме.	Дубульдъ.	Гусоченко.
Кокорушъ.	Грике.	Аунинъ.	Орловъ.
Дрерве.	Транучкисъ.	Берзинъ.	Берзинъ.
Неброчникъ.	Бильскамъ.	Сирсникъ.	Зильбертъ.
Иковыекъ.	Цекулитъ.	Табакъ.	Цалищъ.
Виксна.	Маконъ.	Штеллеръ.	Табакъ.
Гравитъ.	Якубовскій.	Есалнѣкъ.	Перланцекъ.
Страздань.	Альшкинъ.	Сея.	Лицитъ.
Таркунъ.	Барановъ.	Рейнгольдъ.	Гаусманъ.
Пуринъ.	Рольманъ.	Байликъ.	
Освѣйчикъ.	Крайновъ.	Гарцъ.	
Прусъ.	Ояверъ.	Зифертъ.	
Аленкуцъ.	Киршянскій.	Таркянинъ.	
Брандъ.	Фруль.	Діевъ.	
Гредзенъ.	Блуме.	Задинъ.	
Лѣпинъ.	Мельне.	Лигбардъ.	
Эгель.	Яунземъ.	Пумпуръ.	
Герунасъ.	Тиманъ.	Гейде.	
Озолинъ.	Дзиркалъ.	Волковъ.	
	Карсакъ.	Кейре.	
	Ларищевъ.		
	Штернбергъ.		
	Гинтаръ.		

Ближайшими сотрудниками Исаака Голощекина по задуманному убійству всей Царской Семьи кромѣ, конечно, Янкеля Юровскаго были: окружный военный комиссаръ и членъ президіума Сергѣй Андреевичъ Анучинъ и Верхъ-Исетскій военный комиссаръ Петръ Захаровичъ Ермаковъ.

Анучинъ, Сергѣй Андреевичъ, въ мирное время былъ прапорщикомъ запаса. При мобилизаціи въ 1914 году былъ призванъ на военную службу и назначенъ младшимъ офицеромъ въ 108-й пѣхотный запасный батальонъ, квартировавшій въ Екатеринбургѣ. Въ теченіи всей германской войны Анучинъ, пользуясь разными средствами и путями, уклонялся отъ посылки на фронтъ просто изъ-за трусости; однако угожденіями начальству попалъ въ концѣ концовъ въ адъютанты этого полка, развернувшагося изъ первоначальнаго батальона. Презрѣніе и озлобленіе солдатъ противъ Анучина за трусость его были настолько велики, что когда уже при Керенскомъ власть въ частяхъ перешла къ солдатскимъ комитетамъ, то однимъ изъ первыхъ поста-

новленій комитета этого полка было отправить Анучина подъ конвоемъ на фронтъ. Но въ это время на фронтѣ уже не воевали, а политиканствовали. Анучинъ очень скоро попадаетъ въ предсѣдатели дивизіоннаго комитета; также быстро продвигается дальше вверхъ по тогдашней особенной іерархической лѣстницѣ, и Брестскій миръ застаетъ его уже на должности командующаго 3-ей арміей. Оттуда все же онъ постарался уйти, вернулся въ Екатеринбургъ и здѣсь устроился окружнымъ военнымъ комиссаромъ.

Ермаковъ, Петръ Захаровичъ, личность несравненно сильнѣе Анучина и такая русская отрицательная сила, которая именно только и нужна была Исааку Голощекину. Поэтому непосредственнаго участія Анучина въ убійствѣ Царской Семьи не видно, исключая присутствія въ совѣщаніяхъ президіума; имя же Петра Ермакова Исаакомъ Голощекинымъ выдвинуто опредѣленно и преднамѣренно, а въ актѣ самаго убійства и въ сокрытіи слѣдовъ убійства Ермаковъ является уже лѣвой рукой Исаака Голощекина, вмѣсто Бѣлобородова—другого, проявившаго себя въ этомъ преступленіи русскаго дѣятеля (правой же рукой все-таки все время остается Янкель Юровскій).

Ермаковъ—коренной житель Верхъ-Исетскаго завода—этого центра большевистскаго пролетаріата Екатеринбургскаго раіона; черезъ него Исаакъ Голощекинъ располагаетъ силой всей распущенной части заводской черни, готовой всегда на любое злодѣяніе, на гнуснѣйшее преступленіе, особенно если можно безнаказанно и безъ опасности поживиться чужимъ добромъ. Мальчикомъ Ермаковъ былъ писаремъ въ заводской конторѣ. 1905 годъ выводитъ его на арену „политическаго" дѣятеля, что онъ проявляетъ сообразно своей совершенно испорченной натурѣ—выходитъ на большія дороги и начинаетъ грабить, рѣзать, душить, съ хладнокровіемъ и звѣрствомъ, которыя впослѣдствіи поражали даже истыхъ совѣтскихъ дѣятелей, не останавливавшихся ни передъ чѣмъ. Этой дѣятельностью Ермаковъ составляетъ себѣ крупное состояніе, но въ 1911 году попадается, и февральская революція застаетъ его на каторгѣ.

Амнистіи, дарованныя Керенскимъ, освобождаютъ Ермакова отъ каторги, а дальше онъ уже самостоятельно покидаетъ мѣсто ссылки и возвращается къ себѣ на Верхъ-Исетскій заводъ. Здѣсь онъ вступаетъ въ ряды въ то время еще тайныхъ агентовъ будущей совѣтской власти, куда-то

часто уѣзжаетъ, получаетъ откуда-то крупныя деньги и усиленно занимается скупкой оружія. Быть можетъ именно въ этотъ періодъ возникаютъ его дружескія отношенія съ Исаакомъ Голощекинымъ, по крайней мѣрѣ когда послѣ Октябрьскаго переворота и обоснованія совѣтской власти въ Екатеринбургѣ Исаакъ Голощекинъ занялъ постъ областного военнаго комиссара, онъ сейчасъ же провелъ въ военные комиссары Верхъ-Исетска Петра Ермакова.

Ермаковъ выявилъ свою дѣятельность рядомъ невѣроятныхъ звѣрствъ надъ своими же поселковыми и заводскими жителями. Онъ окружилъ себя подобными себѣ убійцами по натурѣ и сталъ грозой для всѣхъ окрестныхъ жителей Верхъ-Исетскаго завода. Худой, съ застывшимъ лицомъ, мертвыми, висѣвшими прямыми, длинными нитями, волосами какъ-бы плохого парика, онъ былъ, какъ говорили несчастные обитатели окрестныхъ хуторовъ и заимокъ, „сама смерть“.

Правой рукой Ермакова состоялъ бывшій Кронштадтскій матросъ Степанъ Вагановъ—такой же звѣрь, грабитель и хулиганъ, какъ и самъ Ермаковъ. При нихъ состоялъ какъ бы штабъ изъ ближайшихъ друзей Ермакова и изъ тѣхъ же подонковъ Верхъ-Исетскаго завода, откуда вышли и сами главари. Штабъ этотъ составляли:

Болотовъ, Александръ.
Леватныхъ, Василій.
Костоусовъ, Александръ и
Грудинъ, Алексѣй,

а для приведенія въ исполненіе своихъ мѣропріятій Ермаковъ образовалъ свою „конную дружину“ подъ начальствомъ Александра Рыбникова.

Когда Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій разрабатывали планъ убійства Царской Семьи, Ермаковъ былъ привлеченъ ими въ число ближайшихъ непосредственныхъ участниковъ. Ермаковъ же, видимо, указалъ имъ на раіонъ Ганиной ямы, какъ мѣсто глухое и удобное для легкаго сокрытія тѣлъ. Зналъ же онъ это мѣсто потому, что Ганина яма входила въ сѣнокосный участокъ его пріятеля и ближайшаго сотрудника Александра Болотова. Поэтому Исаакъ Голощекинъ воспользовался и „конной дружиной“ Ермакова для работъ по сокрытію тѣлъ, а людей своего отряда использовалъ для внѣшней охраны всего раіона.

Конную дружину Ермакова, кромѣ перечисленныхъ выше его ближайшихъ сотрудниковъ, составляли слѣдующіе жители Верхъ-Исетскаго завода:

Скорынинъ, Егоръ.
Шадринъ, Михаилъ.
Ярославцевъ, Петръ.
Куриловъ, Василій.
Куриловъ, Михаилъ.
Пузановъ, Петръ.
Пузановъ, Сергѣй.
Казанцевъ, Николай.
Сорокинъ, Михаилъ.
Перинъ, Илья.
Десятовъ, Григорій.
Просвирнинъ, Иванъ.
Вагановъ, Викторъ.
Шалинъ, Егоръ.
Третьяковъ, Поликарпъ.
Медвѣдевъ, Александръ.
Заушицинъ, Иванъ.
Орѣшкинъ, Капитонъ.
Гускинъ и
Камаевъ.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ отрядовъ и лицъ, сотрудничество съ Исаакомъ Голощекинымъ въ дѣлѣ убійства Царской Семьи принимала непосредственно ему подчиненная Екатеринбургская чрезвычайная слѣдственная комиссія. Предсѣдателемъ ея считался оффиціально Федоръ Николаевичъ Лукояновъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда на засѣданіяхъ присутствовалъ Янкель Юровскій, предсѣдательствованіе принималъ послѣдній, а Лукояновъ занималъ мѣсто члена комиссіи. Комиссію составляли:

Товарищъ предсѣдателя Сахаровъ, Валентинъ Аркадьевичъ.

Члены: Горинъ, Рудзинскій и Кайгородовъ.

Казначей Никулинъ, Прокопій Александровичъ, онъ же былъ и помощникомъ коменданта дома Ипатьева.

Секретарь Яворскій.

Дѣлопроизводитель Бахарева, Евдокія Максимовна, урожденная Сивелева.

Начальникъ „отряда палачей“—Шиндеръ.

Чрезвычайная комиссія занимала помѣщеніе Американской гостинницы, гдѣ жилъ и весь ея личный составъ, и гдѣ имѣли также постоянныя комнаты Исаакъ Голощекинъ и Янкель Юровскій, хотя и не жили тамъ. Лукояновъ, Горинъ и Родзинскій были студентами изъ Перми, а Кайгородовъ—рабочій Мотовилихинскаго завода подъ Пермью. Откуда происходилъ Никулинъ и каково его прошлое—неизвѣстно; извѣстно только, что онъ сильно звѣрствовалъ и разстрѣливалъ вмѣстѣ съ Бахаревой въ Камышевѣ, за что и получилъ кличку „Пулеметчика“.

Сахаровъ, Валентинъ Аркадьевичъ, былъ уроженецъ Перми, гдѣ его отецъ служилъ въ лѣсопромышленныхъ предпріятіяхъ. Когда Валентинъ былъ въ 4-мъ классѣ реальнаго училища, отецъ его умеръ. Валентинъ бросилъ училище и устроился на службу писцомъ въ желѣзнодорожномъ депо. Тутъ онъ учинилъ подлоги и мошенничество и былъ смѣщенъ на должность табельщика, но намошенничалъ и здѣсь, и былъ вовсе уволенъ отъ службы. По слезнымъ просьбамъ матери, Валентина устроили поденно—рабочимъ при ремонтѣ паровозовъ. Въ 1915 году Сахаровъ поступилъ на службу на Невьянскій снарядный заводъ, но не удержался и на этомъ мѣстѣ, и нѣсколько разъ переходилъ съ одного завода на другой, уклоняясь этимъ отъ военной службы. Все время старался онъ держаться ближе къ городу, проводя время больше по различнымъ притонамъ, чѣмъ работая на мѣстахъ. Съ воцареніемъ большевиковъ онъ записался въ ихъ ряды, ходилъ съ комиссаромъ Мрачковскимъ на Дутовскій фронтъ, но особенно отличился въ тылу звѣрскими разстрѣлами интеллигентовъ и буржуевъ въ Кушвѣ, Тагилѣ и Бисертѣ. Ему было лѣтъ 25—26, высокаго роста, худощавый, болѣзненнаго вида, блондинъ, безъ усовъ и бороды. Въ общемъ—характерный продуктъ, воспитавшійся въ средѣ городскихъ подонковъ.

Сахаровъ, какъ товарищъ предсѣдателя чрезвычайной слѣдственной комиссіи, участвовалъ въ секретномъ засѣданіи въ Американской гостинницѣ, обсуждавшемъ планъ убійства Царской Семьи. Онъ подтверждалъ, что убійство было совершено именно такъ, какъ обрисовывалось изъ разсказовъ Михаила Летемина, Павла Медвѣдева, Анатолія

Якимова и Филиппа Проскурякова. Сахаровъ носилъ въ Перми на пальцѣ золотое кольцо съ бирюзой и говорилъ, что это кольцо Великой Княжны Анастасіи Николаевны, но при какихъ обстоятельствахъ и когда оно попало къ нему, выяснить не удалось.

Таковы были свѣдѣнія, собранныя изслѣдованіемъ о главномъ руководителѣ преступленіемъ въ Екатеринбургѣ, Исаакѣ Голощекинѣ, и о тѣхъ людяхъ и организаціяхъ, которыми онъ воспользовался для приведенія въ исполненіе какъ самаго убійства, такъ и мѣропріятій по сокрытію убійства и тѣлъ своихъ жертвъ. При послѣдующихъ работахъ эти свѣдѣнія въ отношеніи нѣкоторыхъ лицъ и организацій дополнялись новыми данными, что и будетъ отмѣчаться въ дальнѣйшемъ изложеніи матеріаловъ, поступившихъ позже въ слѣдственное производство. Къ сожалѣнію, недостатокъ источниковъ, литературы и свѣдущихъ лицъ въ раіонѣ, гдѣ протекали работы по изслѣдованію событія, не дали возможности освѣтить фигуры Московскихъ вдохновителей убійства Царской Семьи, но дѣятельность ихъ настолько извѣстна всей Россіи, что едва ли установленіе прошлаго этихъ настоящихъ властелиновъ царства пятиконечной звѣзды можетъ внести благопріятные элементы для сужденія объ ихъ нравственныхъ и моральныхъ принципахъ.

Въ заключеніе объ Исаакѣ Голощекинѣ нельзя не отмѣтить, что хотя 3-я армія, оперировавшая въ раіонѣ Екатеринбурга, подчинялась не ему, а главнокомандующему Каменеву, но, какъ областной военный комиссаръ, Исаакъ Голощекинъ не могъ не имѣть съ ней близкихъ отношеній. Выше былъ приведенъ составъ „особаго отряда" военнаго комиссаріата, при посредствѣ котораго совѣтскія власти поддерживали свое „народное" представительство въ вопросахъ борьбы съ *внутренней* крамолой. Перечисленіе высшаго команднаго состава 3-й арміи даетъ представленіе о томъ, кѣмъ пользовалась совѣтская власть для отстаиванія того же представительства въ вопросахъ *внѣшней* борьбы.

Во главѣ арміи стоялъ *латышъ* Берзинъ.

Его помощникомъ былъ *еврей* Бѣлицкій (псевдонимъ).

Членъ военнаго совѣта арміи—*латышъ* Смигло.

Уполномоченнымъ членомъ высшаго военнаго совѣта при арміи—*еврей* Лашевичъ, который замѣщалъ Берзина при отъѣздахъ послѣдняго изъ раіона арміи.

Теперь о другихъ членахъ президіума областного совѣта.

Сафаровъ, еврей, лѣтъ 27—30, средняго роста, тощій, лицо маленькое, веснушчатое. Родомъ онъ былъ изъ Кіева, гдѣ, кажется, у его отца на Фундуклеевской улицѣ былъ собственный домъ. Какъ и многіе изъ сыновъ горестнаго для Россіи племени, уклоняясь отъ выполненія передъ своей родиной гражданскаго долга, воинской повинности, Сафаровъ во время былъ отправленъ родителями въ Швейцарію, гдѣ и получилъ свое образованіе. Тамъ же онъ вступилъ въ компанію Бронштейна, Апфельбаума, Нахамкеса и прочихъ специфическихъ дѣятелей Ленинской группы большевиковъ и пользовался среди нихъ большимъ значеніемъ и вліяніемъ. Въ Россію Сафаровъ прибылъ въ запломбированномъ вагонѣ въ числѣ тѣхъ 30-ти главарей совѣтской власти, которыхъ германцы наняли и привезли для проведенія своего гнуснаго, политическаго замысла легкомысленныхъ генераловъ и еврействующихъ банкировъ.

Сафаровъ, иногда ставившій на своихъ подписяхъ передъ фамиліей букву Г., какъ начальную его неизвѣстнаго имени, занималъ въ Екатеринбургѣ должность товарища предсѣдателя президіума областного совѣта, т.-е. товарища Бѣлобородова. Видимо, онъ и былъ душой, мыслью и вдохновителемъ совѣтскихъ мѣропріятій въ Екатеринбургѣ, искуссно прикрываясь всегда именемъ предсѣдателя изъ русскихъ рабочихъ, и выдвигая его, какъ оффиціальную главу власти, отвѣтственнымъ за все творившееся президіумомъ въ области политики, развала и звѣрства, каковыми ознаменовалась дѣятельность власти въ періодъ лѣта 1918 года на Уралѣ. Съ другой стороны несомнѣнно, что въ рядахъ совѣтской власти на Уралѣ онъ являлся представителемъ и проводникомъ идей той центральной, специфической группы большевистскихъ главарей, которая работала въ Москвѣ, прикрываясь именемъ Ленина и якобы демократическими лозунгами, для укрѣпленія исключительно своей деспотической, самодержавной и анти-христіанской власти.

Онъ имѣлъ право непосредственныхъ сношеній съ главарями власти въ Москвѣ и, можно думать, что Бѣлобородовъ иногда и не зналъ о распоряженіяхъ, исходившихъ отъ имени президіума и даже за его, Бѣлобородова, подписью, а потомъ представлявшихся ему въ той окраскѣ и толкованіи, какія были будто бы желательны пролетарской

массѣ, какъ акты и дѣянія, необходимые съ точки зрѣнія демократичности совѣтской народной власти. Такъ между прочимъ въ документахъ, брошенныхъ въ телеграфной конторѣ, была найдена подлинная телеграмма, адресованная въ Москву Янкелю Свердлову, слѣдующаго содержанія: „Ваша 574. Приехавшие сюда майор Минисч и управляющий делами Елены Петровны Смирнов имеющие документы подписанные Сполайковичем нами арестованы обвинение введение заблуждение советские организации. Куда их направить. 4650. Обласовет. Белобородов". Вся эта телеграмма была писана отъ руки, которой воспроизведена и подпись Бѣлобородова, но это была рука не Бѣлобородова. Арестованные были направлены въ тюрьму, гдѣ уже содержалась Княгиня Елена Петровна Сербская, а затѣмъ 20-го іюля вмѣстѣ съ графиней Гендриковой и прочими заключенными переведены въ Пермскую тюрьму, изъ которой были освобождены только 30-го октября 1918 года и отправлены въ Москву.

При изслѣдованіи дѣла объ Алапаевскомъ убійствѣ выясняется, что предсѣдатель Алапаевскаго исполкома Абрамовъ получилъ распоряженіе объ уничтоженіи содержавшихся тамъ Великой Княгини, Великаго Князя и Князей телеграммой изъ Екатеринбурга за подписью Сафарова. Есть основаніе думать, что Бѣлобородовъ не подозрѣвалъ о существованіи и такого распоряженія своего товарища, о чемъ будетъ говориться дальше, и только позже узналъ истину объ исчезновеніи Алапаевскихъ Узниковъ и Ихъ дѣйствительной судьбѣ.

Весьма характерно обрисовывается Сафаровъ въ его собственной статьѣ по поводу разстрѣла бывшаго Государя Императора, напечатанной въ газетѣ „Уральскій Рабочій" одновременно съ оффиціальнымъ объявленіемъ властей о казни. Приводить ее цѣликомъ—нѣтъ охоты: это обычный наборъ лжи, ругани и демагогическихъ, фейерверочныхъ фразъ, грубыхъ и пошлыхъ выкриковъ, спеціально подбираемыхъ и выбрасываемыхъ для легкаго воспріятія ихъ низменными инстинктами черни и развращенной толпы. Но въ заключительныхъ словахъ этой статьи, въ наглой и пошлой внѣшней формѣ якобы побѣднаго гимна, невольно прорвался у Сафарова истинный смыслъ совершеннаго этими исчадіями еврейскаго народа ужаснаго злодѣянія:

„Нет больше Николая Кровавого, и рабочие и крестьяне с полным правом могут сказать своим врагам: вы поставили ставку на императорскую корону? Она бита. Получите сдачи одну пустую коронованную голову...“

Вдохновителей и руководителей убійства Царской Семьи вело на совершеніе этого исключительнаго злодѣянія вовсе не „народный приговоръ“—„уничтожить коронованнаго палача, героя разстрѣла 9-го января 1905 года и Ленской бойни 1912 года“. Это сильно бьющіе, но лживые выкрики еврея Сафарова для ограниченнаго Бѣлобородова, для черни. Исчадіямъ же еврейскаго народа, вдохновителямъ и руководителямъ нужно было этимъ убійствомъ создать дѣйствительно какую-то пустоту, пропасть въ сердцѣ, въ основѣ идеологіи русскаго народа, которая могла бы обезпечить этимъ временнымъ властелинамъ народной физической массы полную побѣду въ будущемъ. Вся статья еврея Сафарова наполнена перечисленіемъ тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей, которыя создались въ то время для совѣтской власти; онъ самъ указываетъ, что вопросъ существованія этой власти сталъ въ положеніе: быть или не быть. И видитъ въ возможности возрожденія идеологіи „Божьей Милостью“ главную опасность, хотя бы она прикрывала „коронованную голову палача“. Въ понятіи изувѣра еврейскаго племени убійство имъ было совершено не надъ бывшимъ Россійскимъ Правителемъ, а надъ религіозной идеологіей русскаго народа, видѣвшаго въ своихъ Правителяхъ Царя „Божьей Милостью“.

Еврей Сафаровъ нынѣ находится въ Москвѣ и играетъ видную роль въ центральномъ комитетѣ партіи коммунистовъ.

Войковъ, еврей, лѣтъ 28—30; высокаго роста, тощій; лицо длинное, веснушчатое, бороду и усы брилъ; глаза голубые, носъ большой и не тонкій; уши торчащія; волосы свѣтлые, волнистые. По-русски называлъ себя Петромъ Лазаревичемъ. Отецъ его былъ фельдшеромъ на Надеждинскомъ заводѣ, но сынка еще мальчишкой отправилъ въ Женеву, гдѣ тотъ и получилъ образованіе. Въ Швейцаріи, подобно еврею Сафарову, еврей Войковъ вошелъ въ кругъ Бронштейна, Нахамкеса и прочихъ, и съ ними же прибылъ въ Россію въ запломбированномъ вагонѣ. Въ Екатеринбургѣ еврей Войковъ занималъ должность областного комиссара снабженія и члена президіума.

Жилъ еврей Войковъ не только богато, но прямо-таки роскошно. Занималъ онъ лучшій въ городѣ особнякъ, домъ „Главнаго Начальника“; имѣлъ автомобили, роскошные выѣзды, а жена его, тоже еврейка, тратила безумныя деньги на туалеты, обстановку, пріемы и старалась поддерживать аристократическій тонъ въ обществѣ.

Въ совѣтѣ еврей Войковъ пользовался также большимъ вліяніемъ и шелъ всегда и во всемъ рука объ руку съ евреемъ Сафаровымъ. Безусловно онъ былъ посвященъ во всѣ детали убійства Царской Семьи и, если не принималъ въ немъ активнаго участія, какъ Исаакъ Голощекинъ, то косвенное отношеніе, какъ увидимъ впослѣдствіи, имѣлъ большое. Его фраза по поводу тайны, покрывающей подробности убійства бывшаго Государя Императора: „міръ никогда не узнаетъ объ этомъ“—стала исторической для Царскаго дѣла и помогаетъ объяснить многое, что иначе оставалось бы неяснымъ и не объяснимымъ,

Сыромолотовъ. Многіе утверждаютъ, что онъ еврей. Родомъ происходилъ откуда-то изъ Троицка, или изъ подъ Челябинска, но точно неизвѣстно. Учился въ Екатеринбургѣ въ Уральскомъ горномъ училищѣ, по окончаніи котораго опредѣлился въ горные техники. Здѣсь онъ пустился во всякаго рода грязныя аферы, спекуляціи, на которыхъ нажилъ до 2.000.000 состоянія, но изъ Горнаго Управленія его выгнали. Тогда онъ устроился въ Управленіе Верхъ-Исетскаго завода, но и оттуда за темныя дѣла былъ удаленъ. Былъ онъ не только пьяница, но форменный алкоголикъ.

При совѣтской власти Сыромолотовъ занялъ должность областного комиссара финансовъ. Носилъ онъ имя Федора Федоровича.

Сыромолотовъ не принималъ участія въ убійствѣ Царской Семьи, кромѣ участія въ засѣданіяхъ президіума, членомъ котораго онъ состоялъ по должности. Въ дни 16—17 іюля его даже не было въ Екатеринбургѣ, такъ какъ онъ не возвращался изъ Перми, куда былъ посланъ, какъ уже упоминалось, для организаціи дѣла согласно указаніямъ центра, отъ котораго потомъ, видимо, отказались.

Это былъ уже зрѣлый человѣкъ, лѣтъ 40 съ лишнимъ; средняго роста, полный, лицо кругловатое, полное, смуглое; усы темно-рыжіе, подстриженные, бороду брилъ; волоса на головѣ темно-русые, коротко-стриженные.

Поляковъ, Хотимскій и Крыловъ, три еврея, дополнявшіе кворумъ областного президіума, и обезпечивавшіе всегда еврею Сафарову большинство голосовъ.

Первый занималъ должность тоже какого-то комиссара финансовъ и состоялъ въ родствѣ съ евреемъ Чуцкаевымъ, предсѣдателемъ исполкома.

Второй былъ областнымъ комиссаромъ земледѣлія, имѣлъ лѣтъ 30, высокаго роста, съ черными волосами, носъ длинный, съ горбинкой, уши большія и торчащія. Въ Екатеринбургѣ носилъ усы и бороду, но послѣ бѣгства въ Пермь сбрилъ ихъ.

Третій занималъ всего только должность городского комиссара здравоохраненія, но ничего общáго съ медициной не имѣлъ. Извѣстно, что вмѣстѣ со своей женой Фани Янкелевной, служившей въ совѣтѣ секретаршей, онъ отличился звѣрствами и разстрѣлами въ Камышловѣ. Въ президіумѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ, а въ городѣ его считали однимъ изъ активнѣйшихъ дѣятелей совѣтской власти.

Біографическія свѣдѣнія о *Саковичъ* были даны въ первой главѣ настоящей книги и къ этой личности придется вернуться еще въ будущемъ. Теперь же необходимо коснуться второй, послѣ Исаака Голощекина, личности, игравшей исключительную роль въ дѣлѣ убійства Царской Семьи.

Юровскій, Янкель Хаимовичъ. Родился въ Томскѣ въ 1878 году, гдѣ родители его, Хаимъ Ицковичъ Юровскій и мать Энта Моисеевна, занимались торговлею желѣзомъ, старьемъ и другимъ хламомъ. Семью составляли 7 сыновей и 1 дочь: двое сыновей и дочь жили въ Америкѣ, два сына были въ плѣну въ Германіи; одинъ сынъ, служившій въ Петроградѣ на оружейномъ заводѣ, по роспускѣ арміи поселился въ Харбинѣ, и одинъ сынъ, часовой мастеръ, въ Томскѣ.

Янкель Юровскій, младшій изъ сыновей, тоже долгое время пробылъ въ Америкѣ и передъ возвращеніемъ въ Россію принялъ лютеранство. Въ Томскѣ, по возвращеніи изъ-за границы лѣтъ 20 тому назадъ, онъ женился на Манѣ Янкелевнѣ и поселился окончательно въ Екатеринбургѣ, гдѣ обзавелся фотографіей и часовымъ магазиномъ. Къ 1918 году у него было трое дѣтей: Рима 18 лѣтъ, Александръ 13 и Женя 9 лѣтъ; въ 1916 году къ нему переселилась изъ Томска овдовѣвшая мать, старуха 70 лѣтъ.

Въ 1914 году по мобилизаціи Янкель былъ призванъ на военную службу и зачисленъ въ 108 запасный батальонъ. Здѣсь ему удалось попасть въ фельдшерскіе ученики и онъ опредѣлился въ школу фельдшеровъ при мѣстномъ военномъ лазаретѣ. Въ школѣ Янкель встрѣтился съ преподававшимъ тамъ докторомъ Архиповымъ и на почвѣ политическихъ собесѣдованій и споровъ сошелся съ нимъ и пользовался его особымъ покровительствомъ. Дисциплина въ школѣ была вообще строгая; всѣ ученики, напримѣръ, должны были обязательно жить въ казармѣ. Но Янкеля Юровскаго Архиповъ почему-то выдѣлилъ изъ всѣхъ прочихъ, держался съ нимъ на „близкой ногѣ" и даже разрѣшилъ жить на частной квартирѣ. По окончаніи школы Янкель Юровскій, съ правами ротнаго фельдшера, былъ оставленъ Архиповымъ при мѣстномъ лазаретѣ, что избавило Янкеля отъ службы на фронтѣ.

Вообще лично Янкель Юровскій не испыталъ на себѣ никакого особаго гнета существовавшей въ Россіи Царской власти и, наоборотъ, судьба дѣлала для него сплошь да рядомъ исключенія, ставившія его въ привилегированное положеніе по сравненію съ какимъ-нибудь обыкновеннымъ обывателемъ и тѣмъ паче съ крестьяниномъ, терпѣвшимъ и нужду въ своей домашней жизни, и тяготу военныхъ походовъ рядовымъ бойцомъ.

Но вотъ когда произошла Февральская революція Янкель Юровскій оказался первымъ въ рядахъ недовольныхъ всѣмъ и всѣми. Развязный въ словахъ и рѣчи, нахватавшійся за границей поверхностныхъ понятій о соціализмѣ, не смущавшійся ложью, наглой, но популярной въ то время клеветой, онъ сразу всплылъ на поверхность взбаломученной революціей темной массы и былъ избранъ командой лазарета делегатомъ въ составъ образовавшагося въ Екатеринбургѣ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Отсюда началась его работа, какъ политическаго дѣятеля. Прежде всего она направилась противъ администраціи того же мѣстнаго военнаго лазарета: то были выпады на скверную пищу, тухлое якобы мясо; то на буржуйность русскихъ врачей лазарета; то на бездѣятельность и нерадѣніе администраціи и т. п. Однако назначавшіеся совѣтомъ ревизіи, повѣрки, осмотры не подтвердили наглыхъ и явно ложныхъ наговоровъ Янкеля Юровскаго. Онъ остался недоволенъ самимъ совѣтомъ, взялъ двухмѣсячный отпускъ

и исчезъ. Куда? Гдѣ онъ былъ въ это время? Неизвѣстно.

Незадолго до большевистскаго переворота Янкель Юровскій появился снова въ городѣ. Онъ сталъ въ ряды самыхъ крайнихъ лѣвыхъ и рѣзко осуждалъ всѣ политическія теченія правѣе его; онъ вернулся еще болѣе озлобленнымъ и, видимо, чего-то ждалъ. Свершился Октябрьскій переворотъ; власть перешла къ совѣтамъ; Янкель попалъ въ заправилы большевистскаго режима и всталъ въ ряды главарей совѣтской власти въ Екатеринбургѣ, въ ряды ея вдохновителей—изувѣровъ евреевъ.

Онъ занималъ всякія должности: и члена президіума, и комиссара юстиціи, и коменданта Ипатьевскаго дома, и при всемъ томъ сохранялъ постоянно первенствующее значеніе въ чрезвычайной слѣдственной комиссіи, которая при немъ и начала образовываться. Тамъ онъ предсѣдательствовалъ даже въ присутствіи Бѣлобородова, Голощекина, Сафарова, Чуцкаева; въ нѣдрахъ этой мрачной, могущественной всероссійской совѣтской организаціи Янкель Юровскій занималъ исключительное положеніе. Говорятъ, что онъ былъ въ Екатеринбургѣ представителемъ какого-то центральнаго органа чрезвычайной комиссіи, къ которой принадлежалъ и Исаакъ Голощекинъ.

Если заглянуть въ домашнюю жизнь Янкеля Юровскаго, то становится совершенно яснымъ, что онъ не имѣлъ по своему существу ничего общаго съ тѣми соціалистическими и коммунистическими принципами, съ которыми выступалъ онъ и остальные ему подобные главари евреи въ рядахъ совѣтской власти и въ оффиціальныхъ органахъ ихъ управленія. Патріархальный образъ жизни древне-еврейскаго характера, со всѣми завѣтами и преданіями старцевъ, унаслѣдованныхъ съ ученіемъ фарисейской секты Израиля—на сколько слѣдовалъ этому порядку самъ Янкель—сказать трудно, но во всякомъ случаѣ онъ его терпѣлъ; принятое имъ за границей лютеранство было лишь необходимой политической формой для своего времени и, повидимому, давно имъ забылось. Буржуй по существу, онъ велъ свое хозяйство, какъ велъ его 20 лѣтъ передъ этимъ, съ опредѣленной тенденціей къ наживѣ капитала. Онъ имѣлъ небольшое дѣло, но самъ съ того момента, когда сталъ совѣтскимъ дѣятелемъ, пересталъ въ немъ работать, а спокойно нанималъ частныхъ рабочихъ и вполнѣ легко ужи-

вался съ ними, хотя, по его собственному выраженію, они „очень и очень были далеки отъ большевизма“. Янкель у себя дома не только не большевикъ, но онъ даже не марксистъ и вообще никакой соціалистъ.

Въ своей совѣтской политической дѣятельности онъ тоже далеко непостояненъ въ строгости проведенія проповѣдуемыхъ принциповъ уничтоженія всего, что стоитъ на пути къ власти пролетаріата: уничтожая поголовно всю Царскую Семью и всѣхъ даже слугъ, состоявшихъ при ней, онъ, полномочный властелинъ чрезвычайки, не трогаетъ доктора Деревенько, явно скомпрометированнаго въ какомъ-то дѣлѣ, за которое слетѣлъ съ своего мѣста даже комендантъ Авдѣевъ, а Мошкина упрятали въ тюрьму. Опредѣленный же буржуй Деревенько остался неприкосновеннымъ. Янкель Юровскій не такой глупый человѣкъ, чтобы не видѣть, кто такой комиссаръ Саковичъ, что онъ представляетъ собой по существу своей подлой натуры? Бывшій „бѣлоподкладочникъ“, сегодня пролетарій, завтра бѣлогвардеецъ, въ зависимости отъ того, что выгодно по сезону. Но Янкель Юровскій, искореняющій контръ-революцію, саботажъ и спекуляцію, передъ Саковичемъ закрываетъ глаза и видитъ въ немъ представителя пролетарской власти. Янкель Юровскій знаетъ отлично, что если бы его дочь Рима встрѣтилась въ глухомъ лѣсу съ Петромъ Ермаковымъ, то она безусловно познала бы „свободу личности“ этого каторжника и прелесть воспѣваемой ея отцомъ пролетарской власти; но онъ не гнушается тѣмъ не менѣе Петромъ Ермаковымъ, они становятся братьями по оружію въ кровавой драмѣ Ипатьевскаго дома.

Янкель Юровскій не христіанинъ, не мудрый сынъ религіи своего народа, не пролетарій, не соціалистъ, не буржуй, не народоволецъ, не монархистъ. Кто же онъ?

Еврейскій изувѣръ.

Въ матеріалахъ слѣдственнаго производства Сергѣева фигурируетъ еще фамилія Дидковскаго, который, по словамъ Чемадурова, часто посѣщалъ домъ Ипатьева, контролируя содержаніе и охрану Августѣйшихъ Узниковъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ выяснилось: *Дидковскій,* Борисъ Владиміровичъ, уроженецъ Волынской губерніи, воспитывался въ Женевѣ. На Уралъ онъ прибылъ въ качествѣ

коллекціонера при профессорѣ геологіи Дюпаркѣ и былъ оставленъ имъ для работъ въ Николо-Павдинскомъ горномъ округѣ. Когда произошелъ большевистскій переворотъ, Дидковскій былъ избранъ отъ этого округа въ депутаты областного совдепа въ Екатеринбургъ и занялъ здѣсь вліятельное положеніе. Во всѣхъ случаяхъ отсутствія Бѣлобородова, Дидковскій замѣщалъ его въ областномъ совѣтѣ депутатовъ, но, видимо, не принадлежалъ къ партіи коммунистовъ, а скорѣе былъ соціалъ-революціонеромъ. Подъ конецъ власти совѣтовъ въ Екатеринбургѣ замѣчалось расхожденіе Дидковскаго съ Бѣлобородовымъ и въ совѣтѣ образовались двѣ партіи, взаимно враждовавшія. Однако президіумъ стоялъ на сторонѣ Бѣлобородова и партія Дидковскаго не получила значительнаго развитія.

Несмотря на заграничное воспитаніе и внѣшній видъ интеллигента, Дидковскій все же остался человѣкомъ некультурнымъ, грубымъ и хамоватымъ. Въ интимныя совѣщанія президіума онъ не приглашался и, повидимому, не былъ посвященъ въ предположенія совѣтскихъ главарей относительно убійства Царской Семьи, такъ какъ ни въ какихъ матеріалахъ, относящихся къ подготовкѣ и къ совершенію убійства, фамилія Дидковскаго не встрѣчается. Куда онъ дѣлся послѣ эвакуаціи Екатеринбурга—неизвѣстно.

Вдохновители по Лжи.

Преступленія вдохновляются идеями, побужденіями, или разсчетами, носителями которыхъ являются или отдѣльныя лица, или сообщества людей, руководящихся опредѣленными цѣлями. Историческо-національныя преступленія кромѣ того вдохновляются зачастую цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ историческихъ и національныхъ положеній, элементовъ и факторовъ политическаго характера, логически приводящихъ къ неизбѣжности заключительной катастрофы.

Было бы большимъ заблужденіемъ разсчитывать исчерпать въ настоящихъ матеріалахъ и мысляхъ обширность и глубину всѣхъ историческихъ обстоятельствъ и причинъ, приведшихъ Царствовавшій Домъ Россіи къ трагедіи въ Ипатьевскомъ домѣ, и задача текущей работы изслѣдованія преступленія ограничилась лишь попыткой установить

ближайшія вліянія и современныхъ дѣятелей, вдохновившихъ конецъ послѣдняго акта исторической драмы, постепенно слагавшейся вокругъ Августѣйшей Семьи Дома Романовыхъ.

Естественно, что изслѣдованіе совершившагося преступленія и изученіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ это исключительное по изувѣрству событіе, не могли ограничиться только простымъ установленіемъ данныхъ: кто изъ совѣтскихъ дѣятелей и адептовъ ея власти принималъ фактическое участіе въ уничтоженіи, въ ночь съ 16-го на 17-е іюля 1918 года, Членовъ Царской Семьи въ городѣ Екатеринбургѣ; кто въ ночь съ 18-го на 19-е іюля того же года сбросилъ въ Нижне-Семиченскую шахту подъ Алапаевскомъ Великую Княгиню, Великаго Князя и Князей Дома Романовыхъ, содержавшихся совѣтской властью въ этомъ городѣ, и кто, наконецъ, увелъ въ ночь съ 21-го на 22-е іюня того же года изъ гостинницы въ Перми Великаго Князя Михаила Александровича и разстрѣлялъ Его въ лѣсу за Мотовилихинскимъ заводомъ?

Уже данныя предварительнаго слѣдствія Сергѣева давали основаніе усматривать существованіе во всѣхъ этихъ преступленіяхъ общей идеи, общаго плана ихъ выполненія и общаго руководства изъ одного какого-то центра. Сергѣевъ полагалъ, что въ отношеніи всѣхъ перечисленныхъ преступленій такимъ вдохновляющимъ центромъ являлся исключительно Уральскій областной совѣтъ, или его президіумъ. По его мнѣнію, эти убійства нельзя было разсматривать иначе, какъ самочинные акты мѣстныхъ совѣтскихъ представителей, дѣйствовавшихъ вполнѣ самостоятельно, за свою личную отвѣтственность, и совершенно отрицалъ причастность къ идеѣ, плану и руководству этими событіями центральной власти въ Москвѣ. Характерно, что такое же именно положеніе проводилось и представителями какъ центральной, такъ и мѣстной совѣтской власти. Это видно изъ ихъ оффиціальныхъ извѣщеній о разстрѣлѣ бывшаго Царя, въ коихъ говорилось, что разстрѣлъ былъ произведенъ „по постановленію президіума областного совѣта Р. К. и К. Д. Урала“, а затѣмъ позднѣе и изъ инсценированнаго ими въ Москвѣ процесса по поводу убійства всей Царской Семьи, на которомъ вся иниціатива преступленія была приписана фантастическому члену Екатеринбургскаго совѣта и предсѣдателю чрезвычайной комиссіи эс-эру Яхон-

тову, котораго и разстрѣляли за это будто бы совершенное имъ въ цѣляхъ дискредитированія совѣтской власти самочинное преступленіе.

Казалось бы, что сама жизнь уже достаточно указала, что никакимъ оффиціальнымъ извѣщеніямъ и заявленіямъ совѣтскихъ властей вѣрить нельзя. Ложь профессіональная и ложь профессіоналовъ — иначе невозможно охарактеризовать способы и пріемы правленія и дѣятельности совѣтскихъ представителей большевистскаго режима. Той же ложью были наполнены и ихъ оффиціальныя извѣщенія о разстрѣлѣ бывшаго Царя, во-первыхъ потому, что никакого приговора президіума о разстрѣлѣ „Николая Романова“ постановлено не было, хотя бы по той причинѣ, что разстрѣлянъ былъ вовсе не одинъ бывшій Царь, а вся Царская Семья, а во-вторыхъ и потому, что убійства Членовъ Дома Романовыхъ имѣли мѣсто не только на Уралѣ, но и въ другихъ пунктахъ Европейской Россіи, и все въ тотъ же періодъ лѣта 1918-го года. Слѣдовательно, вдохновлявшій эти преступленія центръ долженъ былъ быть не на Уралѣ, а въ другомъ мѣстѣ Россіи или міра, откуда идеи и планы центра приводились точно въ исполненіе на мѣстахъ послушными не только по формѣ, но и по духу агентами главарей этого центра. На Уралѣ могли быть лишь руководители и исполнители преступленій.

Эти соображенія понудили Соколова направить работу слѣдствія по болѣе широкимъ путямъ, въ цѣляхъ освѣтить степень причастности къ кошмарному, изувѣрскому убійству бывшаго Государя Императора и Его Семьи, представителей центральной совѣтской власти въ Москвѣ. Съ этой цѣлью были предприняты новые розыски различныхъ документовъ въ бывшихъ совѣтскихъ учрежденіяхъ и на покинутыхъ ими квартирахъ, въ телеграфныхъ и почтовыхъ учрежденіяхъ Екатеринбурга, Перми, Тобольска и Тюмени. Были приняты мѣры къ выясненію дѣятельности главарей преступленія послѣ бѣгства ихъ изъ Екатеринбурга и предприняты шаги въ цѣляхъ розыска и поимки чиновъ охраны „дома особаго назначенія“, часть коихъ послѣ взятія нами Перми бѣжала отъ совѣтской власти и скрывалась среди населенія въ Сибири. Особое вниманіе Соколовъ удѣлилъ допросамъ цѣлаго ряда лицъ изъ числа состоявшихъ при Царской Семьѣ въ Тобольскѣ и близко знавшихъ Ея личную жизнь, и съ другой стороны, допросамъ тѣхъ изъ

мѣстныхъ жителей, которые за время нахожденія совѣтской власти въ Екатеринбургѣ имѣли какое-либо отношеніе къ отдѣльнымъ ея представителямъ и могли случайно слышать отъ нихъ сужденія и мнѣнія, какъ по вопросу, непосредственно касавшемуся преступленія, такъ и по характеристикѣ вообще общаго положенія совѣтской власти того времени въ Россіи. Наконецъ, для болѣе широкаго освѣщенія вопроса и изслѣдованія идей, вдохновившихъ преступленіе, были собраны различные матеріалы, литературные труды, брошюры и замѣтки періодической печати, излагавшіе и оцѣнивавшіе событія послѣдняго времени и позволившіе нѣсколько изучить вопросы историческаго и національнаго характеровъ, имѣвшіе отношеніе къ переживаемымъ Россіей событіямъ.

Результаты изслѣдованія дали много матеріала; матеріала быть можетъ недостаточнаго для окончательнаго установленія фактическихъ вдохновителей, идей, вдохновлявшихъ преступленіе, но достаточнаго, чтобы утверждать, что вдохновители трагическихъ событій были не на Уралѣ. Вопросъ изслѣдованія преступленія въ этой области не конченъ и не могъ быть законченъ въ тотъ краткій срокъ, который имѣлся въ распоряженіи слѣдствія и разслѣдованія. Въ окончательныхъ выводахъ это по существу вопросъ будущихъ историковъ и будущей Россіи. Настоящее же изслѣдованіе во всемъ послѣдующемъ повѣствованіи этой книги даетъ только сырой матеріалъ и нѣкоторыя мысли, вытекающія: 1) изъ общаго характера большевистскаго движенія въ Россіи, 2) изъ основныхъ свойствъ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ совѣтскихъ дѣятелей и 3) какъ слѣдствіе нѣкоторыхъ историческихъ событій, предшествовавшихъ современной катастрофѣ въ Россіи и разыгравшейся трагедіи въ Ипатьевскомъ домѣ.

Среди народовъ Россіи, какъ и среди всѣхъ прочихъ народовъ міра, живетъ государственно разсѣяннымъ, но тѣсно сплоченнымъ въ племенномъ отношеніи, еврейскій народъ. Отличительными чертами всей четырехъ-тысячнолѣтней исторіи этого народа являются: невѣроятная слабость государственныхъ устоевъ націи и исключительная сила племенного начала семитической рассы. За весь долгій срокъ своего мірового существованія, самостоятельнымъ

національнымъ государствомъ еврейскій народъ продержался всего около 515 лѣтъ (отъ Іисуса Навина до раздѣленія на Іудею и Самарію), но даже и въ теченіи этого короткаго государственнаго періода жизни еврейство, по причинамъ внутреннихъ раздоровъ, восемь разъ теряло свою самостоятельность, подпадая на разные сроки подъ рабство другимъ народамъ, такъ что чисто самостоятельнымъ народомъ Израиль пробылъ всего около 330 лѣтъ (т.-е. менѣе десятой части своего историческаго существованія).

Исторія Израиля, а позднѣе еврейскаго народа, это исторія почти сплошныхъ, непрерывныхъ, духовныхъ и соціальныхъ революцій. Ни какой другой народъ не выдержалъ бы тѣхъ революціонныхъ потрясеній съ ихъ послѣдствіями, которыя выдержало еврейское племя, и, вѣроятно, или совершенно исчезъ бы съ арены мірового существованія, или, если бы и сохранился, то въ существенно видоизмѣнившемся племенномъ состояніи и внѣ какого-либо значенія въ политической и духовной жизни другихъ народовъ міра.

Но еврейскій народъ не исчезъ, не ассимилировался и не потерялъ мірового значенія. Евреи, говорятъ, страшная міровая сила. Ихъ рассовыя энергія, выносливость, живучесть и стойкость побѣждали и побѣждаютъ всѣ тѣ невѣроятныя гоненія, притѣсненія и истребленія, которыми наполнена исторія этого народа со временъ Египетскаго плѣна и до нашихъ дней. Нынѣшнему еврейскому народу приписываютъ сосредоточеніе въ своихъ рукахъ колоссальныхъ матеріальныхъ богатствъ во всемъ мірѣ. Ему придаютъ исключительное вліяніе на политическіе и особенно соціальные міровые вопросы. Еврейскаго народа и связываемаго съ нимъ еврейскаго вопроса боятся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ненавидятъ и презираютъ, какъ боятся и презираютъ скверную, грязную болѣзнь.

Въ древней исторіи міра Израилю было дано больше, чѣмъ какому-либо другому народу: Израиль былъ народомъ избраннымъ, тѣмъ народомъ, который изъ своей среды далъ міру Великихъ Пророковъ религіи Единаго Бога; далъ позже Святую Дѣву—Матерь Божью; Мессію—Христа и величайшихъ проповѣдниковъ ученія любви — Апостоловъ Павла, Іоанна и Петра. Еврейскій народъ въ своей мистической и знаменательной исторіи послужилъ тѣмъ остовомъ дерева, къ которому привились вѣтви христіанскаго ученія всего міра.

И вмѣстѣ съ тѣмъ евреи, говорятъ, есть источникъ почти всѣхъ соціальныхъ катастрофъ, періодически посѣщающихъ міръ. Еврейскій народъ создалъ нынѣшнихъ Бронштейновъ, Апфельбаумовъ, Голощекиныхъ и Юровскихъ и далъ опору Ленинымъ, Красинымъ, Бѣлобородовымъ и Ермаковымъ для совмѣстныхъ съ ними соціалистическихъ экспериментовъ надъ несчастнымъ Россійскимъ народомъ. Еврейскій народъ, говорятъ, ненавидитъ всѣ христіанскіе народы, какъ вѣчный укоръ ему въ преступленіи предковъ, и какъ своихъ естественныхъ религіозныхъ противниковъ. Еврейскій народъ есть то зло, тотъ народъ „сыновъ Лжи", который стремится водворить на землѣ *свое царство,* царство анти-христіанское и покорить ему Христіанскій міръ...

Такъ ли это?

Еврейскій ли народъ зло?—народъ „сыновъ Лжи?" Еврейскому ли народу далъ Великій Учитель это опредѣленіе?

„Ибо не всѣ тѣ Израильтяне, которые отъ Израиля, и не всѣ дѣти Авраама, которые отъ сѣмени его", говоритъ Апостолъ Павелъ.

Пожалуй никогда „еврейскому вопросу" въ Россіи не угрожало принять такія болѣзненныя и острыя формы, какія могутъ создаться въ случаѣ крушенія совѣтской власти. Уманьская рѣзня, Запорожскіе погромы XVI столѣтія могутъ оказаться ничтожными по сравненію съ тѣмъ взрывомъ народной ненависти къ евреямъ, съ той дикой и слѣпой злобой, которыя нынѣ накапливаются во всѣхъ уголкахъ Европейской и Азіатской Россіи, среди всѣхъ коренныхъ народовъ раззоренной Россіи, подъ вліяніемъ особыхъ условій, вытекающихъ изъ сущности большевистскаго ученія.

Носителями идей, проповѣдуемыхъ большевиками, являются индивидуумы самыхъ разнообразныхъ націй всего свѣта. Но нельзя отрицать того факта, что въ Россіи евреи составили слишкомъ большой относительный процентъ въ средѣ главнѣйшихъ совѣтскихъ руководителей, и это обстоятельство создаетъ въ массахъ твердое убѣжденіе, что все зло, постигшее Россію, исходитъ отъ евреевъ.

Большевики проповѣдуютъ принципы интернаціонализма. Въ глазахъ массы этотъ послѣдній выгоденъ и желателенъ только евреямъ, разсѣяннымъ по всему свѣту. За 2500 лѣтъ своего интернаціональнаго положенія они приспособились

къ таковому, захватили почти во всѣхъ странахъ въ свои руки финансы, торговлю и печать, что при торжествѣ интернаціонала предоставитъ имъ и политическую міровую власть. Отсюда среди національныхъ народныхъ массъ сложилось мнѣніе, что еврейство пользуется крайними соціалистическими идеями и формами, лишь какъ средствами для достиженія ихъ личной, самодержавной, міровой гегемоніи.

Большевизмъ теоретически отвергъ всѣ религіи, но практически притѣсненіямъ подверглись въ Россіи только христіанскія церкви, христіанскія религіи. Совѣтская власть не трогала ни раввиновъ, ни синагогъ, ни еврейской религіи. Это особенно рѣзко подчеркнуло специфическій духъ совѣтской власти, хотя безусловно ея главари изъ еврейскаго племени сами отверглись и отъ своей религіи. Тѣмъ не менѣе въ русской народной массѣ глубоко вкоренилось заключеніе, что анти-христіанство большевистскаго ученія создано и проводится евреями.

Массовое засиліе евреями высшихъ административныхъ и политическихъ должностей совѣтскихъ органовъ управленія, особыя привилегіи, которыми пользуются эти лица, служатъ только подтвержденіемъ народной молвѣ о роли евреевъ въ современныхъ событіяхъ въ Россіи. Провозглашенные русско-еврейскими главарями большевистскаго ученія принципы народовластія, проповѣдуемые ими высокіе лозунги всемірнаго равенства, братства и свободы, не только не разрѣшили въ Россіи историческаго, больного и мрачнаго „еврейскаго вопроса", а, наоборотъ, усугубили его, и едва ли можно сомнѣваться въ неизбѣжности въ недалекомъ будущемъ невѣроятныхъ, массовыхъ, кровавыхъ еврейскихъ погромовъ. Десятки тысячъ Ицекъ, Мовшей, Срулей, Саръ, Ривокъ и прочихъ бывшихъ гражданъ Израиля, а нынѣ жителей различныхъ грязныхъ мѣстечекъ Теофиполей, Бѣлгородокъ, Чарторій и Межибужій, заплатятъ разгромами, раззореніемъ, имуществомъ и жизнью за соціальные, кровавые и изувѣрскіе эксперименты своихъ единоплеменниковъ Бронштейновъ, Цедербаумовъ, Тобельсоновъ, Голощекиныхъ и Юровскихъ, и едва ли кто-либо способенъ предотвратить эти новые потоки крови, грядущій ужасъ насилій надъ еврейской голытьбой со стороны обманутой и изнасилованной толпы народовъ Россіи.

Еврейскіе главари совѣтской власти на крови христіанской интеллигенціи взростили и закалили россійскій про-

летаріатъ для завершенія кровавой большевистской эпопеи кровавыми еврейскими погромами.

Разрѣшала ли когда-нибудь кровь „еврейскій вопросъ?“

Никогда.

„Еврейскій вопросъ“ въ глубокомъ значеніи, это вопросъ идейный. Преслѣдованія, насилія, избіенія не разрѣшаютъ идей, а утверждаютъ ихъ послѣдователей и создаютъ имъ ореолъ мучениковъ, жертвъ. Такъ въ первые три вѣка ужасныхъ гоненій, изувѣрскихъ истребленій послѣдователей идей Христа, христіанство укрѣпилось, разрослось и побѣдило окончательно міръ.

Въ борьбѣ идей побѣждаетъ не сила. Напрасно пренебрегать этимъ закономъ.

И тѣмъ не менѣе какъ въ періодъ древнѣйшей исторіи, когда Израиль былъ окруженъ языческими народами, такъ и въ новѣйшей исторіи, среди христіанскаго міра, и власти, и общественные круги, и цѣлые народы шли постоянно по ложному пути разрѣшенія „еврейскаго вопроса“ черезъ кровь, насиліе, избіеніе, не останавливаясь даже въ своихъ побужденіяхъ желаніемъ поголовно стереть еврейскій народъ съ лица земли и тѣмъ покончить будто бы съ его вопросомъ.

„Какъ скоро будетъ получено это письмо“, писалъ Птоломей Филипаторъ приказъ обитателямъ Египта и мѣстнымъ военачальникамъ и воинамъ, „тотчасъ упомянутыхъ нами людей съ ихъ женами и дѣтьми выслать къ намъ на смертную казнь, безпощадную и позорную, достойную такихъ злоумышленниковъ. Если они въ одинъ разъ будутъ наказаны, то мы надѣемся, что на будущее время наши государственныя дѣла придутъ въ совершенное благоустройство и наилучшій порядокъ. Если же кто укроетъ кого изъ Іудеевъ, отъ старика до ребенка, не исключая грудныхъ младенцевъ, долженъ быть истребленъ со всѣмъ его домомъ жесточайшимъ образомъ. А кто откроетъ кого-либо, тотъ получитъ имѣніе виновнаго и еще двѣ тысячи драхмъ изъ царской казны, получитъ свободу и будетъ почтенъ. Всякое мѣсто, гдѣ будетъ пойманъ укрывающійся Іудей, должно быть опустошено и выжжено такъ, чтобы никому изъ смертныхъ ни на что не было годно на вѣчныя времена“.

Такъ мыслилъ язычникъ за два вѣка до Рождества Христова и о томъ же мечтаютъ нынѣ многіе, дерзающіе считать себя христіанами.

Не въ состоянiи были, видимо, перевоспитать взгляды массы на „еврейскiй вопросъ“ и соцiальныя теорiи братства, проповѣдывавшiяся въ совѣтской Россiи Ленинымъ, Бронштейномъ и ихъ единомышленниками интернацiональной политической вѣры. Судя по доходящимъ свѣдѣнiямъ, въ совѣтской Россiи уже сейчасъ вспыхиваютъ мѣстами еврейскiе погромы, истребляются комиссары-евреи, и тысячи еврейскихъ семей бѣгутъ куда попало, бросая свое имущество и достоянiе. „Еврейскiй вопросъ“ совѣтскимъ режимомъ углубленъ, расширенъ и возведенъ на степень вопроса религiознаго и нацiональнаго.

Совѣтская власть въ Россiи отождествляется съ властью еврейской. Ленинъ, Красинъ, Бухаринъ, Парскiй, Бѣлобородовъ, Медвѣдевъ, Ермаковъ и прочая плеяда россiйскихъ большевистскихъ руководителей и исполнителей, для психологiи народа, массы, сохраняютъ значенiе личныхъ дѣятелей, именъ собственныхъ. Бронштейнъ, Цедербаумъ, Нахамкесъ, Голощекинъ, Сафаровъ, Юровскiй—въ той же психологiи—принимаются какъ коллективы, имена нарицательныя—это еврейскiй народъ. Такова историческая психологiя массъ въ отношенiи какихъ-либо событiй, гдѣ участвуетъ хотя бы одинъ еврей. Она воспиталась исторiей „еврейскаго вопроса“, по существу положенiй, изъ которыхъ онъ исторически слагался, и по винѣ различныхъ представителей самаго еврейскаго народа.

Когда совершается какое-нибудь событiе, въ которомъ участвуютъ евреи, или хотя бы одинъ еврей, то психологiя народныхъ массъ всегда обобщаетъ ихъ участiе и относитъ событiе къ разряду совершенныхъ будто бы всѣмъ еврейскимъ народомъ. Въ поступкахъ и дѣянiяхъ одного еврея виновнымъ считается весь еврейскiй народъ. Народныя массы не способны пока проводить грани между Янкелемъ, старьевщикомъ въ Теофиполѣ, и Янкелемъ Свердловымъ, предсѣдателемъ цика въ Москвѣ; между Исаакомъ Юровскимъ, часовщикомъ въ Харбинѣ, и Янкелемъ Юровскимъ, руководителемъ идейнаго преступленiя въ Ипатьевскомъ домѣ; между Рубинштейномъ, генiемъ музыкальнаго мiра, и Бронштейномъ, генiемъ кровавыхъ соцiалистическихъ операцiй. Для толпы, да и для значительной части интеллигентной общественной массы, всякое зло, творимое при участiи того

или другого Янкеля или Лейбы, исчерпывается нарицательнымъ опредѣленіемъ — *еврей.* Лейба Бронштейнъ—еврей; Исаакъ Голощекинъ—еврей; Янкель Теофипольскій—еврей; Сруль Чарторійскій—еврей. Слѣдовательно, преступленія Бронштейна, Голощекина, Янкеля, Сруля суть преступленія евреевъ, еврейскаго народа. Еврей одинъ—никогда не дѣйствуетъ; за однимъ, кто бы онъ ни былъ, всегда стоятъ *всѣ* другіе евреи, весь народъ.

Такова психологія массъ.

Это первая роковая историческая ошибка, осложняющая соотвѣтственное разрѣшеніе „еврейскаго вопроса".

Изъ среды русскаго народа вышелъ Ленинъ, но никто не скажетъ, что весь русскій народъ состоитъ изъ Лениныхъ, или исповѣдуетъ Ленинскіе принципы. Въ Англіи въ свое время появился знаменитый Джекъ—потрошитель животовъ, но никто не дѣлалъ за него отвѣтственнымъ весь англійскій народъ. Но довольно, чтобы изъ среды еврейскаго племени появился одинъ Бронштейнъ, или какой-нибудь еврей, обвиняемый въ ритуальномъ убійствѣ, или въ какомъ-либо другомъ преступленіи противъ общества, и весь еврейскій народъ будетъ считаться солидарнымъ съ Бронштейномъ, или другимъ преступникомъ, и отвѣтственнымъ, какъ отвѣтственны передъ обществомъ эти преступники.

Въ существованіи такого исключительнаго явленія для еврейскаго народа повинны больше всего сами представители этого племени.

Нынѣшній еврейскій народъ такой же народъ, какъ и всякій другой, и нѣтъ никакихъ причинъ быть ему лучше, чѣмъ другіе народы. Скорѣе обратное, разсѣянность его по всему свѣту, среди самыхъ разнообразныхъ племенъ, соприкосновеніе съ элементами различныхъ моральныхъ и нравственныхъ качествъ и свойствъ, можетъ лишь умножать количество отрицательныхъ сыновъ еврейскаго племени, способствовать созданію въ его средѣ исключительныхъ уголовныхъ и политическихъ преступниковъ, появленію темныхъ и уродливыхъ сектъ, ученій и различныхъ изувѣрскихъ увлеченій. Тѣмъ не менѣе разнообразные еврейскіе представители—административные, религіозные и общественные не желали считаться съ общими условіями, существующими для всѣхъ другихъ народовъ, и при каждомъ обвиненіи въ чемъ-либо еврея считали нужнымъ выступать на защиту его,

обыкновенно еще до судебныхъ разборовъ, отъ имени всего еврейскаго народа. Достаточно вспомнить дѣло Дрейфуса, или хотя бы болѣе знакомое для Россіи дѣло Бейлиса, обвинявшагося въ 1911 году въ ритуальномъ убійствѣ мальчика Ющинскаго.

По поводу ритуальныхъ убійствъ существуетъ обширная литература, берущая свое начало едва ли не со II вѣка, когда еще сами евреи обвиняли первыхъ христіанъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ. Бывали ли такія уродливыя секты? Существуютъ ли онѣ теперь? Это вопросъ особаго изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ давность этого вопроса не позволяетъ судить о немъ поверхностно, и чѣмъ больше гласнаго свѣта проливалось бы на него, тѣмъ скорѣе истина стала бы извѣстна міру. Вмѣсто этого представители и защитники еврейскаго народа, при каждомъ возникновеніи обвиненія кого-либо изъ евреевъ въ ритуальномъ преступленіи, подымаютъ по этому поводу такой міровой шумъ, который, съ одной стороны, разжигаетъ лишь страсти спорящихъ сторонъ и не способствуетъ этимъ установленію истины, а, съ другой стороны, сами втягиваютъ зачѣмъ-то въ борьбу страстей имя всего еврейскаго народа. Такъ напримѣръ едва возникло дѣло Бейлиса, какъ 813 раввиновъ сочли нужнымъ выступить съ голословнымъ протестомъ въ возводимомъ на Бейлиса обвиненіи:

„Мы, раввины, посвятившіе свою жизнь всестороннему изученію еврейской вѣры, ея письменности и устныхъ преданій, протестуемъ съ глубокимъ возмущеніемъ и негодованіемъ противъ кощунственнаго обвиненія, и пріемлемъ священный долгъ предъ лицомъ Всемогущаго Бога, Бога Израиля, и передъ всѣмъ міромъ торжественно заявить:

„Нигдѣ, ни въ Священномъ Писаніи, ни въ Талмудѣ, ни въ комментаріяхъ къ нимъ, ни въ Зогарѣ, ни въ Каббалѣ, ни въ какихъ-либо изъ произведеній, имѣющихъ хотя бы самое отдаленное отношеніе къ еврейскому вѣроученію, ни даже въ устныхъ народныхъ преданіяхъ, нигдѣ не содержится ни малѣйшаго намека, который давалъ бы поводъ къ подобному обвиненію“.

Могутъ ли такія голословныя заявленія разувѣрить когонибудь послѣ того, какъ болѣе 1500 лѣтъ тому назадъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, создалось убѣжденіе, что ритуальныя убійства существуютъ. Даже по существу протестъ раввиновъ слишкомъ слабъ, такъ какъ при желаніи

сама Библія даетъ много поводовъ усматривать существованіе въ древнемъ Израилѣ убійствъ, очень приближающихся по свойствамъ къ характеру ритуальныхъ убійствъ (напримѣръ, эпизодъ съ убійствомъ царемъ Давидомъ дѣтей Рицпы: „и отдалъ ихъ въ руки Гаваонитянъ, и они повѣсили ихъ на горѣ предъ Господомъ. И погибли всѣ семь; они умерщвлены въ первые дни жатвы, въ началѣ жатвы ячменя“. Это была искупительная жертва за посланный Богомъ голодъ). Разубѣдить словомъ тысяче-лѣтнюю молву нельзя, а между тѣмъ событіе, касающееся одного еврея, оспаривается религіей цѣлаго племени, именемъ цѣлаго народа и его Бога. Такъ какъ судебные процессы этого св йства крайне сложны и темны, не проливаютъ полнаго свѣта на истину, благодаря страстности, вносимой обѣими сторонами, то въ народной массѣ протесты, подобные приведенному, производятъ обратное впечатлѣніе — виновенъ не только Бейлисъ, но весь народъ, который выступилъ на его защиту, и опредѣленно и ясно ничего не доказалъ.

Защитники другого еврейскаго лагеря, противники раввиновъ, впадаютъ въ противоположную крайность; ими руководитъ основное отрицательное свойство еврейской націи, погубившее ее въ соціальныхъ экспериментахъ, колоссальное самомнѣніе.

„Нравимся мы или не нравимся, пишетъ по поводу заявленія раввиновъ одинъ изъ такихъ представителей, это намъ въ концѣ концовъ совершенно безразлично. Ритуальнаго убійства у насъ нѣтъ и никогда не было; но если они хотятъ непремѣнно вѣрить, что „есть такая секта“, пожалуйста, пусть вѣрятъ, сколько влѣзетъ. Какое намъ дѣло; съ какой стати намъ стѣсняться? Краснѣютъ развѣ наши сосѣди за то, что христіане въ Кишиневѣ вбивали гвозди въ глаза еврейскимъ младенцамъ? Нисколько; ходятъ, поднявъ голову, смотрятъ всѣмъ прямо въ лицо, и совершенно правы, ибо такъ и надо, ибо особа народа царственна, не подлежитъ отвѣтственности и не обязана оправдываться, даже тогда, когда есть въ чемъ оправдываться. Съ какой же радости лѣзть на скамью подсудимыхъ намъ, которые давнымъ давно слышали всю эту клевету, когда нынѣшнихъ культурныхъ народовъ еще не было на свѣтѣ, и знаемъ цѣну ей, себѣ, имъ? Никому мы не обязаны отчетомъ, ни передъ кѣмъ не держимъ экзамена, и никто не доросъ звать насъ къ отвѣту. Раньше ихъ мы пришли и позже

уйдемъ. Мы такіе, какъ есть, *для себя хороши, иными не будемъ и быть не хотимъ*".

Такого рода выступленія представителей еврейскаго народа дѣйствуютъ на массу еще хуже, чѣмъ протесты вышеприведеннаго характера раввиновъ. „Иными не будемъ и быть не хотимъ"—звучитъ вызовомъ, и при общей неприязни и ненависти къ евреямъ, служитъ не убѣжденіемъ, а масломъ, подливаемымъ въ огонь. Самъ писавшій эти строки останется въ сторонѣ; его слова, его бравада принимается массой, какъ голосъ изъ еврейскаго народа, и какъ свиснувшій надъ толпою бичъ, подхлестнетъ ее на эксцесы противъ бѣднаго еврейскаго люда, ни въ чемъ не повиннаго.

Но приведенныя слова защитника еврейскаго народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противника примирительной тактики раввиновъ, говорятъ еще и о другомъ:

„Иными не будемъ и быть не хотимъ". Это приговоръ еврея историческому дѣятелю изъ Израиля. Это не случайно вырвавшееся заключеніе, въ этихъ семи словахъ выражена вся сущность натуры древняго Израильтянина, но сохранившаяся неизмѣнной съ ветхозавѣтныхъ временъ до нашихъ дней, и приведшая его по историческому пути отъ великаго—въ прошломъ, къ ничтожеству—въ настоящемъ; страстность съ горячностью, съ одной стороны, и колоссальное самомнѣніе съ ложной гордостью—съ другой.

„Иными не будемъ и быть не хотимъ"—не создаетъ „царственности особы народа", какъ быть можетъ полагаетъ высказавшій это положеніе еврей, а служитъ лишь къ униженію его, такъ какъ всѣ остальные народы, культурно прогрессируя, вѣчно стремятся впередъ, къ усовершенствованію, къ достиженію высшей гармоніи между природнымъ *духомъ* народной массы и *формой* своего государственнаго строительства.

„Иными не будемъ и быть не хотимъ"—вѣроятно, съ такимъ же самомнѣніемъ, страстно горѣло въ умахъ и сердцахъ и тѣхъ старѣйшинъ и книжниковъ Израильскаго народа, которые оттолкнули протянутый имъ Христомъ хлѣбъ жизни. Но они не только оттолкнули Его; они съумѣли сдѣлать соучастниками своего преступленія весь нынѣшній еврейскій народъ. Въ 33-мъ году по Р. Х. небольшая кучка Іудейскихъ руководителей совершила преступленіе и, отвергнувъ ученіе Христа, не признавъ Его Мессіей, создала анти-христіанство. Приблизительно уже черезъ 500 лѣтъ

разсѣянный по всему міру еврейскій народъ былъ весь анти-христіанскимъ.

Первые христіане были всѣ изъ еврейскаго народа. Куда же исчезли ихъ потомки?...

Вѣдь только благодаря исключительной духовной силѣ этихъ евреевъ, разнесшихъ свѣтъ Христова ученія въ мірѣ, христіанство смогло въ теченіи первыхъ 300 лѣтъ своего существованія выдержать невѣроятныя гоненія, насилія и истребленія, и не только не погибнуть, но побѣдить міръ силою высшей любви и непоколебимой вѣры въ истину Сына Божьяго. Куда же исчезли потомки этихъ безконечно могучихъ по духу евреевъ?...

Совершилась непостижимая мистерія, евреи-христіане исчезли съ лица земли. Въ наше время народныя массы убѣждены въ томъ, что Христа отвергъ еврейскій народъ. Такъ за преступленіе горсти евреевъ страдать можетъ весь еврейскій народъ.

И такъ—во всемъ, всегда.

Что это? Промыселъ Божій, или мрачная тайна сектантства?

Вѣрующій въ начало всего отъ Единаго Бога имѣетъ отвѣтъ въ словахъ Ангела Уріела: „ты и того, что твое и съ тобою отъ юности, не можешь познать; какъ же сосудъ твой могъ бы вмѣстить въ себѣ путь Всевышняго“.

„Еврейскій вопросъ“ и большевистское ученіе въ существѣ своего происхожденія имѣютъ одинаковое основаніе, исходятъ отъ одного корня—*религіи Лжи.*

Это не та будничная, дешевенькая ложь, которая питаетъ „еврейскій вопросъ“ ритуальными преступленіями, извращенными толкованіями положеній Талмуда, Каббалы и Зогары; это не та демагогическая ложь, которой полна дѣятельность совѣтскихъ главарей и которой насыщаются ихъ рѣчи, законы, книги, газеты, дабы прикрыть несостоятельность бездушнаго большевистскаго ученія. Это та міровая, матеріалистическая, историческая ложь, которая съ древнѣйшихъ временъ существованія человѣка вовлекла его въ борьбу съ Божественностью всякаго начала на землѣ. Это та ложь, которая въ большевизмѣ сплетаетъ въ одно ученіе идей коммунизма съ насиліемъ, звѣрствомъ и безпредѣльной кровавой местью, а въ „еврейскомъ вопросѣ“—христіанскую заповѣдь любви съ израильскимъ завѣтомъ—„око за око и

зубъ за зубъ“. Это та *Ложь,* о которой Христосъ предупреждалъ своихъ учениковъ: „ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ, и будутъ говорить, что это Я и многихъ прельстятъ“.

Это *Ложь,* претворяющая на землѣ Божественныя и Христовы начала соціальныхъ человѣческихъ взаимоотношеній въ политическія формы матеріализованнаго соціалистическаго ученія. Это *Ложь,* которую гордыня человѣческаго ума стремится поставить *Правдой* на землѣ.

Напрасно полагать, что „еврейскій вопросъ“ присущъ исключительно еврейскому народу. Высшей *Ложью* страдаютъ всѣ мыслящіе народы міра и еврейскому народу принадлежитъ только историческое первородство въ этомъ вопросѣ, предопредѣленное его Божественнымъ избранничествомъ. Давность этой ужасной болѣзни въ еврейскомъ народѣ, и соотвѣтственная ей быть можетъ большая воспріимчивость ея еврейскими индивидуумами, дали ей наименованіе „еврейскаго вопроса“, и въ представленіи массъ, не разбирающихся въ существѣ его, онъ пріобрѣлъ специфическое значеніе, присущее только всему еврейскому народу. При этомъ вопросъ колоссальнаго мірового значенія, вопросъ бытія человѣчества подъ вліяніемъ низменныхъ человѣческихъ чувствъ, подъ вліяніемъ некультурности массъ, низведенъ въ область сектантскихъ и бытовыхъ обособленностей еврейскаго племени, съ загроможденіемъ ихъ порой къ тому же многочисленными навѣтами и сказками, создаваемыми молвой, темнотой массъ и далеко не христіанскими принципами.

Создавшаяся съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ внѣшняя оболочка, какъ бы кора, окутавшая весь еврейскій народъ, скрыла истинную сущность „еврейскаго вопроса“, и не позволяетъ христіанскимъ народнымъ массамъ подойти къ правильному разрѣшенію его. Съ другой стороны, огульныя презрѣніе и непріязнь ко всему еврейскому народу не позволяютъ пробудиться справедливому сознанію, что Бронштейны, Апфельбаумы, Тобельсоны, Сафаровы, Голощекины, Юровскіе не представляютъ собой всего еврейскаго народа, а являются въ дѣйствительности такими же исчадіями его, исключительными изувѣрами, *сынами Лжи,* какъ и россійскіе Ленины, Красины, Парскіе, Черновы, Керенскіе, Бѣлобородовы, Ермаковы, въ отношеніи русскаго народа.

Большой вредъ приносятъ тѣ россіяне, которые затемняютъ истинное ужасное зло, скрывающееся въ міровомъ „еврейскомъ вопросѣ" подъ оболочкой навязываемыхъ всему еврейскому народу ритуальныхъ преступленій, фантастическихъ сіонскихъ протоколовъ и различныхъ ученій сектантскихъ изувѣровъ. Это вызываетъ въ христіанскихъ народахъ только огульное и искусственное озлобленіе, а озлобленіе родитъ преступную слѣпоту и предоставляетъ *сынамъ Лжи* скрываться за спиной всего народа Израиля, безпрепятственно продолжая сѣять зло и умножая тѣмъ своихъ сторонниковъ въ другихъ народахъ міра.

Опасное міровое зло „еврейскаго вопроса" не въ еврейскомъ народѣ, а въ тѣхъ лежащихъ въ его основаніи принципахъ соціалистическихъ ученій, которые исторически выдвигались различными представителями еврейской мысли, мечтавшими съ древнѣйшихъ временъ въ гордынѣ своего ума и самомнѣнія стать творцами земного бытія, внѣ воли и законовъ единственнаго истиннаго начала всего вселенскаго творенія—Единаго Бога. Явилось это, какъ слѣдствіе борьбы въ мірѣ, съ началомъ его существованія, двухъ основныхъ тенденцій человѣческой мысли: матеріалистической и идеалистической. Чрезмѣрная гордость и больное самомнѣніе, развивавшіяся въ средѣ отдѣльныхъ мыслителей, затмили ихъ мудрость и уклонили ихъ отъ воспринятія дѣйствительной религіи бытія, съ началомъ всего въ Духѣ-Богѣ. Въ противовѣсъ религіи Духа, они выдвинули религію соціализма, а Божественность начала всего въ Духѣ замѣнили кумиромъ самостоятельно существующей матеріи.

Эта высшая *Ложь*, замѣна въ законахъ бытія идеологіи матеріей, послужила основаніемъ возникновенія съ древнѣйшихъ временъ міровогo „еврейскаго вопроса", какъ объ этомъ особо ярко свидѣтельствуетъ хотя бы приведенный выше приказъ Птоломея Филипатора. Вызванная этимъ вопросомъ въ самомъ Израилѣ борьба тенденцій человѣческой мысли поучительна и знаменательна для другихъ народовъ міра, повторяющихъ нынѣ тѣ же ошибки въ духовной и политической жизни, черезъ которыя прошелъ еврейскій народъ въ теченіи своей древней, государственной, національной и самостоятельной жизни. Сильные въ религіи Духа христіанскіе народы должны не чуждаться еврейскаго народа, а умѣть уважать въ исторіи его зеркало, отражающее въ себѣ повторяемые современными народами

соціальные эксперименты отщепенцевъ былыхъ временъ Израиля.

Не Бебели, Марксы, Лассали и Сенъ-Симоны являются создателями современныхъ матеріализованныхъ соціалистическихъ ученій; корни ихъ принциповъ, основы ложныхъ положеній лежатъ въ далекихъ, ветхозавѣтныхъ исканіяхъ мысли представителей Израильскаго племени. Бронштейны, Тобельсоны, Ленины, Черновы, Зензиновы и прочіе современные проповѣдники нынѣшнихъ разнообразныхъ соціалистическихъ платформъ и программъ имѣютъ своихъ предшественниковъ еще въ допотопномъ періодѣ человѣческаго существованія. Объ этихъ *сынахъ Лжи* библейское сказаніе упоминаетъ еще въ словахъ Еноха, „седьмого человѣка по Адамѣ": „се идетъ Господь со тьмами святыхъ Ангеловъ Своихъ, сотворить судъ надъ всѣми и обличить всѣхъ между ними нечестивыхъ во всѣхъ дѣлахъ, которыя произвело ихъ нечестіе, и во всѣхъ жестокихъ словахъ, которыя произносили на Него нечестивые грѣшники". „Это—ропотники", добавляетъ Апостолъ Іуда, „ничѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ (нечестиво и беззаконно); уста ихъ произносятъ надутыя слова; они оказываютъ лицепріятіе для корысти".

Ученія современныхъ соціалистическихъ мудрецовъ міра, оперирующихъ въ матеріалистическихъ тенденціяхъ мысли, не создаютъ чего-либо новаго, совершеннаго, а толкутся жалко на одномъ и томъ же мѣстѣ человѣческаго самомнѣнія, на которомъ толклись и ихъ предшественники соціалистическихъ теорій, формъ и экспериментовъ изъ древней исторіи Израильскаго народа. Ааронъ, Корей, Валаамъ, Офни, Финесъ, Илій, даже отчасти такіе, какъ Соломонъ, Ездра, Рабби Акиба и сотни другихъ лицъ—это прародители современныхъ учителей и послѣдователей соціализма, революціонеры противъ религіи Духа и идеологическихъ тенденцій человѣческой мысли. Въ области созданія человѣчеству свѣтлой жизни и бытія на принципахъ матеріализованнаго соціализма мудрость людская не сдѣлала ни шага впередъ по сравненію съ тѣмъ, что разсказываетъ древняя исторія Израиля, и какъ въ до-христіанскій періодъ существованія Израиля, соціальные эксперименты руководившихъ лицъ и сословій создавали лишь катастрофы для народныхъ массъ, такъ и нынѣ міръ подвергаетъ себя тѣмъ же искушеніямъ раззоренія, рабства, гибели, слѣдуя слѣпо за про-

роками ложныхъ идей, какія пережилъ въ свое время еврейскій народъ.

Эти пророки ложныхъ соціальныхъ идей и являются дѣйствительными творцами мірового историческаго вопроса, носящаго названіе „еврейскаго вопроса“. Имя это стало появляться въ исторіи со временъ Вавилонскаго плѣненія Израиля и начала его мірового разсѣянія и сохранилось до настоящихъ дней. Истинный смыслъ его, какъ революціоннаго соціалистическаго ученія, затмился съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ указанныхъ выше причинъ и его стали считать вопросомъ, присущимъ всему еврейскому народу.

Это другая изъ крупнѣйшихъ, роковыхъ, историческихъ ошибокъ, забронировавшая разрѣшеніе „еврейскаго вопроса“. Борьба съ нимъ—это борьба съ *Ложью* соціалистическихъ ученій, но такъ какъ, съ другой стороны, „еврейскій вопросъ“ ошибочно считается вопросомъ еврейскаго народа, то всякія попытки активной, коренной борьбы съ его основаніемъ встрѣчаются въ мірѣ, какъ акты проявленія группами христіанскихъ вѣроисповѣданій нетерпимости къ еврейскому народу и его анти-христіанской религіи. Религіозная же нетерпимость недопустима по самому духу ученія Христа.

Страстная, ищущая работа мысли древняго Израиля не могла не привлекать вниманія мудрецовъ другихъ народовъ міра. Характерно, что величайшіе умы древней Греціи: Солонъ, Пифагоръ, Платонъ, Сократъ, входя при своихъ посѣщеніяхъ Египта и Сиріи въ соприкосновеніе съ евреями, были болѣе расположены къ воспріятію идеалистическихъ тенденцій мыслителей Израиля, вылившихся въ религіи Единаго Бога, чѣмъ матеріалистическихъ, положившихъ основаніе религіи соціализма. Но когда съ началомъ разсѣянія Израиля, съ еврейскими отщепенцами отъ религіи Духа пришли въ соприкосновеніе массы иноземныхъ народовъ, мыслители низшаго порядка, то, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ и условій земного бытія, *Ложь* матеріализованнаго соціалистическаго ученія—религія соціализма получила возможность постепенно распространиться среди другихъ племенъ и заразить умы многихъ работниковъ мысли народовъ міра, а еще больше тѣхъ людей, которые искали пріобрѣсти черезъ это ученіе личныя земныя блага, земную славу и земную власть. Ученіе, полу-

чившее начало въ Израилѣ, какъ и религія Единаго Бога, стало міровымъ и своевременно было бы теперь „еврейскій вопросъ“ называть его настоящимъ именемъ—„міровымъ соціалистическимъ вопросомъ“, отдѣливъ его совершенно отъ имени еврейскаго народа и освободивъ отъ объединяемаго съ нимъ анти-христіанства еврейскаго племени.

Борьба съ *Ложью* матеріализованныхъ соціалистическихъ ученій, это борьба со всѣмъ, что противно понятію *о единомъ началѣ всего отъ Единаго Бога*; это борьба съ безбожьемъ въ религіозномъ отношеніи; борьба за идеологію человѣческаго бытія на землѣ. Это борьба за идеи высшаго порядка, за весь смыслъ человѣческаго существованія. Побѣда въ этой борьбѣ достигается не силою оружія, не физическимъ насиліемъ, а силою *духовныхъ* принциповъ, выдвигаемыхъ въ противовѣсъ силѣ положеній *Лжи*. Христосъ на кровлѣ храма побѣдилъ силу искушенія *Лжи*—силою *вѣры* въ Свое предопредѣленіе, а созданному Имъ новому христіанскому обществу заповѣдалъ, въ качествѣ оружія побѣды надъ *Ложью*, новое идеалистическое начало соціальнаго взаимоотношенія между людьми: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга; по тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“.

Ветхозавѣтный принципъ—„любите другъ друга, какъ самихъ себя“—Христосъ развилъ въ идею: чтобы жить вмѣстѣ, нельзя не любить другъ друга, какъ не могъ не возлюбить Самъ Проповѣдникъ любви, Христосъ, отдавшій добровольно жизнь за ближнихъ. Любовь есть основаніе всѣхъ взаимоотношеній между послѣдователями Христа. Для побѣды надъ *Ложью* надо любить другихъ больше, чѣмъ самихъ себя, создавая силу христіанскому обществу постояннымъ стремленіемъ достигнуть высшей любви, въ готовности отдать жизнь другъ за друга.

„Еврейскій вопросъ“ и современныя соціалистическія ученія—одной религіи, религіи соціализма, религіи *Лжи*. Бронштейны, Цедербаумы, Нахамкесы, Тобельсоны, Голощекины, Юровскіе—это сыны еврейскаго народа по племени, но не по духу, не по религіи. Они такіе же революціонеры

еврейскаго народа, какъ и всякаго христіанскаго народа. Борьба съ еврейскимъ вопросомъ – это борьба съ соціализмомъ, съ отрицаніемъ Бога по духу и съ многобожіемъ по формѣ, такъ какъ каждое соціалистическое ученіе имѣетъ своего созданнаго имъ бога, служитъ только своему богу и не признаетъ созданныхъ боговъ другого соціалистическаго ученія.

Керенскіе, Черновы, Ленины, Авксентьевы и сонмы другихъ россійскихъ и міровыхъ соціалистовъ разныхъ толковъ и направленій, это родные братья Бронштейновъ и Голощекиныхъ по духу, но могутъ быть и врагами, по создаваемымъ себѣ богамъ *Лжи.*

Но для истинныхъ послѣдователей Христа, религіи Единаго Бога, они всегда были, есть и будутъ только *сынами Лжи.*

Это вдохновители по Лжи историческихъ, политическихъ и религіозныхъ преступленій. Это *вдохновители по Лжи* изувѣрскаго убійства Царской Семьи въ городѣ Екатеринбургѣ.

Вдохновители по слѣпотѣ.

„Шовинизмъ, хвастливость и безграничное довѣріе къ своимъ силамъ сдѣлали нѣмцевъ легкомысленными, и этой чрезмѣрной самоувѣренностью страдаетъ каждый лавочникъ и сапожникъ, какъ и профессора, ученые и министры“. Такъ писалъ Достоевскій еще въ 1876 году.

„Народъ, пережившій Іену и создавшій Седанъ и Мецъ, по выраженію Ницше, отъ побѣдъ поглупѣлъ“.

Что эти заявленія не голословны, могутъ показать хотя бы слѣдующіе примѣры:

Нѣмецкій писатель Реймеръ доказываетъ, что Іисусъ Христосъ былъ Германецъ, такъ какъ никто, кромѣ германца, не могъ создать такое великое ученіе.

Другой писатель, Людвигъ Вольтманъ, утверждаетъ, что Микель Анджело, Леонардо да-Винчи, Рафаель были также нѣмцами.

Нѣмецкихъ дѣтей учебникъ Даніеля учитъ въ школахъ, что „Франція въ началѣ была небольшимъ королевствомъ; она расширилась за счетъ Германіи. Въ средніе вѣка Ліонъ и Марсель были германскими городами“.

„Мы лучшіе въ мірѣ колонисты, лучшіе моряки, лучшіе коммерсанты. Мы самый даровитый народъ, далѣе всѣхъ ушедшій въ наукахъ и искусствахъ. Мы внѣ сомнѣнія наиболѣе воинственная нація въ мірѣ. Мы имъ покажемъ, что значитъ затронуть Германію“. Таковъ общій смыслъ рѣчей Императора Вильгельма за послѣдніе годы.

Одинъ изъ нѣмецкихъ пангерманистовъ заявляетъ: „Всемірная Германія явится мыслимой только тогда, когда Россія будетъ разорвана на куски и окончательно низвергнута. Мы не поколеблемся отрѣзать широкія полосы земли отъ Франціи и Россіи“.

А въ статьѣ „Демократическій панславизмъ“ Карлъ Марксъ, въ стремленіи къ той же міровой, но революціонной гегемоніи, повторяетъ почти то же, что вышеприведенный пангерманистъ: „Ненависть къ русскимъ была и остается у нѣмцевъ основной революціонной страстью“. „Только въ союзѣ съ поляками и мадьярами и съ помощью самаго рѣшительнаго терроризма противъ славянскихъ народовъ мы будемъ въ состояніи обезпечить прочность революціи“.

И поглупѣвъ до слѣпоты отъ такихъ воспитательныхъ тенденцій, не видя кому служитъ—пангерманизму или соціализму Маркса, нѣмецкій полковникъ, взятый въ плѣнъ, захлебываясь въ своемъ легкомысліи, яростно исповѣдывалъ: „Мы нѣмцы бьемъ желѣзнымъ кулакомъ, чтобы искры летѣли, чтобы подъ нашимъ ударомъ все дробилось въ мелкіе куски, прахомъ разсыпалось. Мы воюемъ такъ, чтобы у васъ на цѣлое столѣтіе изъ рода въ родъ осталось страшное воспоминаніе объ этой войнѣ. Чтобы у васъ внуки и правнуки боялись нѣмцевъ. Чтобы у васъ дѣтей въ колыбеляхъ пугали нѣмцами. Чтобы у васъ отъ края и до края дрожали отъ мысли о возможности новой такой войны. Нашею войной мы хотимъ сдѣлать васъ миролюбивыми. Поэтому мы и воюемъ не съ полками лишь, окопами вашими и пушками, мы еще безпощаднѣе громимъ ваши фабрики, заводы, мельницы и города, топчемъ ваши поля, уничтожаемъ ваши лѣса... Мы обезпложиваемъ, кастрируемъ враждебныя намъ страны“.

И только „пожавъ, что посѣяли“, руководитель военнополитическаго натиска на Россію легкомысленный и слѣпой нѣмецкій генералъ Гофманъ, какъ высѣченный младенецъ, признался: „Германская Имперія вывезла Ленина въ запломбированномъ вагонѣ изъ Швейцаріи въ Россію съ тѣмъ,

чтобы онъ и его товарищи дезорганизовали русскую армію... *Мы не сознавали* той опасности для всего человѣчества, которая создалась этимъ пріѣздомъ большевиковъ въ Россію".

Достоевскій и Ницше, два человѣка противоположныхъ вѣроученій, оказались пророками для нѣмецкаго народа. Высокая работа мысли и культуры XVIII и первой половины XIX вѣковъ, выдвинувшая Германію на степень міровой, прогрессирующей націи, преломились въ безграничное самомнѣніе, преступное легкомысліе и политическую слѣпоту. Міровой ужасъ послѣдствій этой эволюціи заключается въ томъ, что умственное и моральное паденіе постигло дѣйствительно великій и сильный народъ, сильный исключительнымъ націонализмомъ, объединяющимъ въ средѣ націи всѣ классы и сословія, всѣ партіи и ученія.

Побѣды 66-го и 70-хъ годовъ превратили здоровый патріотизмъ въ каррикатурное юнкерство и общій шовинизмъ. Шовинизмъ не только милитаристическій, но во всемъ: въ культурѣ, литературѣ, мысли, экономикѣ, торговлѣ, домашнемъ быту и общественной жизни. Лавочникъ, портной, гимназистъ, бюргеръ, рабочій, фабрикантъ, мыслитель, экономистъ, солдатъ, Императоръ—всѣ стали юнкерами; все подчинилось движенію силы физической и даже религію замкнули въ рамки „Германія прежде и выше всего". Военная слава, самовлюбленность и самонадѣянная увѣренность въ міровомъ господствѣ въ недалекомъ будущемъ затмили умъ и сердце, какъ-будто какой-то злой духъ вселился въ германскій народъ съ конца второй половины XIX вѣка. Германіи Гете и Шиллера, Германіи Гегеля и Канта, Германіи чистыхъ идей и высокихъ побужденій, Германіи романтической и сантиментальной, добродѣтельной и честной—больше не существуетъ.

Экономическая, политическая и умственная жизнь „Новой Германіи", въ мечтахъ нѣмецкаго шовиниста, не укладывается уже въ рамкахъ географическихъ границъ „Старой Германіи" и ея многочисленныхъ колоній. Импульсъ шовинистическаго начала, глубоко проникшаго въ нѣмецкія массы, уноситъ помыслы тевтона далеко за предѣлы тщеславныхъ плановъ Александра Македонскаго и Наполеона: „Истинная исторія человѣчества начнется съ того времени, когда германецъ приступитъ къ собиранію подъ свою могу-

щественную руку наслѣдія древности". Этимъ наслѣдіемъ современный юнкеръ-германецъ считаетъ всѣ народы Европы, въ томъ числѣ и русскихъ, которые по мнѣнію выразителя вожделѣній Новой Германіи Чемберлена были когда-то всѣ подъ властью тевтоновъ.

Такъ мыслила самоувѣренная Германія передъ всемірной войной. Сотни тысячъ жертвъ, колоссальность народнаго напряженія и экономическаго истощенія страны не отрезвили нѣмцевъ отъ легкомысленнаго увлеченія своей силой и фантастическихъ стремленій власти. Военный полууспѣхъ первыхъ трехъ лѣтъ войны, выразившійся въ удержаніи обоихъ фронтовъ, вскружилъ нѣмцамъ головы еще болѣе и заставилъ ихъ быть совершенно слѣпыми ко всему остальному, что совершалось и подготовлялось вокругъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ аппетитъ къ міровой гегемоніи разросся, но, встрѣтивъ непреодолимую техническую преграду на западѣ, на сушѣ и на морѣ въ задачѣ „собиранія наслѣдія древности", безумный шовинизмъ бросилъ Германію по еще болѣе легкомысленнымъ путямъ политическо-экономической авантюры на *востокъ*.

При этой перемѣнѣ фронта основная цѣль оставалась все той же—міровая гегемонія нѣмцевъ. Средствами для достиженія ея намѣчалось: ослабленіе Россіи, экономическое завоеваніе Сибири и Азіи и борьба съ Англіей и Америкой по всей периферіи Евразійскаго материка.

Въ отношеніи Россіи честолюбивые планы Германіи мирнаго времени ограничивались только ея Европейской частью. Не смотря на все свое самомнѣніе въ матеріально-техническомъ могуществѣ, Германія, не потерпѣвъ военнаго пораженія на западномъ фронтѣ, поняла, что экономическое превосходство находится на сторонѣ коалиціи Англіи, Америки и Франціи, изъ коихъ первая къ тому же была непобѣдимой на морѣ, неуязвимой на территоріи метрополіи и полной распорядительницей судьбой колоній. Если бы Германія оставалась „Старой Германіей", то, вѣроятно, былая ея мудрость подсказала бы ей въ свое время ни въ коемъ случаѣ не ввязываться въ войну съ Россіей, а искать разрѣшенія вопроса экономическаго соперничества съ Англіей въ добровольномъ и обоюдно-выгодномъ соглашательствѣ *съ сильной Россіей*. Но „Новой Германіи" пути разсудка, логики и справедливости были чужды. Ей было понятно разрѣшеніе вопросовъ своего интереса только пу-

темъ насилій надъ другими народами, не останавливаясь въ средствахъ, которыми можно было бы утолить эту жажду насилій. Мораль Германіи, сильно поколебавшаяся еще до войны, въ теченіи войны такъ пала, что въ ея поступкахъ и мысляхъ путаются понятія о цѣляхъ и средствахъ, и порой кажется, что не путемъ насилій Германія стремилась къ власти, а желала власти, чтобы творить насилія.

Основная идея и цѣли новаго пути къ достиженію міровой гегемоніи выражены между прочимъ въ обширномъ трудѣ германскаго политическаго экономиста Вернера-Дайя, изданномъ въ 1917 году подъ названіемъ: „Наступленіе на Востокъ. Азіатская Россія, какъ Германская мирная экономическая цѣль". Книга обширная; въ политическомъ отношеніи—знаменательная, а въ статистическомъ интересная. Она вышла изъ печати какъ разъ въ періодъ Брестъ-Литовскихъ переговоровъ въ первую ихъ фазу.

„Самымъ знаменательнымъ въ ходѣ мирныхъ переговоровъ между Германіей и Россіей является то, что они велись не столько съ цѣлью закончить войну (ибо оружіе было давно уже сложено), сколько для того, чтобы создать миръ для начала эпохи нашего всеміpно-политическаго развитія и нашей всеміpно-политической мысли". Такъ начинаетъ авторъ книги свое вступленіе. Учитывая съ кѣмъ велись переговоры, это начало сразу отражаетъ, съ одной стороны, Германію Императора Вильгельма, а съ другой Германію Ницше.

Далѣе авторъ усиленно доказываетъ, что великая война представляетъ собою ни что иное, какъ пробу силъ экономическаго напряженія со стороны наиболѣе экономически сильныхъ и передовыхъ государствъ Европы—Англіи и Германіи, непримиримыхъ враговъ съ точки зрѣнія конкуренціи во всеміpномъ экономическомъ владычествѣ. Учитывая невозможность добиться положительныхъ результатовъ на западѣ и на морѣ, нѣмецкая торговля „должна считаться съ дѣйствительностью и, когда дѣло идетъ о расширеніи и упроченіи международнаго положенія нашего государства, обратиться въ сторону наименьшаго сопротивленія и наибольшей пользы", и для этого Германія должна утвердиться на всемъ востокѣ Евразійскаго континента. „Этимъ путемъ она получитъ возможность сопротивляться своей противницѣ на всѣхъ точкахъ соприкосновенія периферіи, но не на морѣ, а на сушѣ. Конечные пункты этого сухопутнаго

пути лежатъ черезъ ближайшія политическія станціи: съ одной стороны, черезъ Балканы и Турцію, и съ другой, черезъ Европейскую Россію—въ Сѣверной, Средней и Внутренней Азіи, т.-е. въ Сибири, Туркестанѣ, Монголіи, Сѣверной Персіи, Авганистанѣ и Западномъ Китаѣ".

Авторъ полагаетъ, что этихъ *конечныхъ пунктовъ* Германія должна достигнуть „путемъ прочнаго союза съ Россіей", доказывая, что между Россіей и Германіей нѣтъ никакихъ основаній къ существованію враждебныхъ чувствъ: „Мы воевали съ Россіей по необходимости, вслѣдствіе временнаго политическаго конфликта, тогда какъ съ Великобританіей мы воевали по необходимости и по убѣжденію". Онъ удѣляетъ много труда и мѣста въ своемъ трудѣ, чтобы доказать русскимъ отсутствіе причинъ для соперничества между Германіей и Россіей, конечно, касаясь только вопросовъ экономическихъ, и, наоборотъ, убѣждаетъ, что эти двѣ страны дополняютъ другъ друга въ промышленномъ отношеніи, а потому совмѣстная работа можетъ быть только на обоюдную пользу обѣимъ странамъ. Однако выводъ его изъ всѣхъ этихъ *экономическихъ* доводовъ нѣсколько неожиданный и охлаждающій отъ увлеченія соблазномъ: „Русское государство получаетъ громадное преимущество тѣмъ, что пріобрѣтаетъ возможность *простѣйшимъ и кратчайшимъ путемъ выйти изъ многочисленныхъ затрудненій и внутренней политики настоящаго положенія* (созданнаго при особомъ участіи нѣмцевъ). Германія извлекаетъ менѣе значительную пользу, такъ какъ она пріобрѣтаетъ возможность установить прочную торгово-политическую станцію, *посредствомъ аннексированія русскаго рынка* на твердой почвѣ національнаго хозяйства".

Проповѣдуя обоюдовыгодность союза между Россіей и Германіей, авторъ однако мыслитъ, что съ точки зрѣнія германскаго положенія въ Россіи, „намъ въ основѣ безразлично, будемъ ли мы имѣть дѣло съ максималистическимъ, кадетскимъ или царскимъ правительствомъ. Будетъ ли вести переговоры за Россію Ленинъ или Кривошеинъ, это ничего не измѣнитъ въ требованіяхъ, которыя мы предъявимъ Россіи. Эти требованія такъ опредѣленно вытекаютъ изъ потребностей *нашего развитія*, что даже контръ-революція, съ которой придется считаться, не ослабитъ ихъ силы до тѣхъ поръ, пока выгодное военное положеніе создастъ почву для возможности вообще требовать чего-либо отъ Россіи".

Переговоры имѣется въ виду вести именно съ совѣтской Россіей, „когда мы надѣемся, что все готово для мирныхъ переговоровъ въ настоящемъ и для соглашенія въ будущемъ“. Дипломатіи ставится выработать „такія внѣшнія формы условій союза, которыя не были бы ни унизительны, ни оскорбительны“.

Не смотря на постоянное повтореніе въ трактатѣ, что „Россія для Русскихъ“, что никакое русское правительство, какихъ бы политическихъ убѣжденій оно ни было, не въ состояніи отдать страну въ жертву безграничной иностранной эксплоатаціи, тѣмъ не менѣе духъ положеній, проводимыхъ вожделѣніями автора, проникнутъ всецѣло принципомъ—„Германія прежде и выше всего“, что совершенно исключаетъ необходимость въ добровольномъ согласіи Россіи на союзъ и на договоръ. „Пусть мѣняется мѣсто мирныхъ переговоровъ, пусть смѣняются господствующія партіи вражеской страны, основной пунктъ мирныхъ переговоровъ германской политики будетъ состоять все въ той же цѣли—континентально-политическаго захвата Востока. Общій ходъ германской политики не зависитъ ни отъ современнаго для данной минуты русскаго правительства, ни отъ условій соціальной жизни въ Россіи. Германская политика нуждается въ систематическомъ континентальномъ развитіи; рѣшеніе русской проблемы является для нея рѣшеніемъ совмѣстной проблемы; ей необходимо обезпечить за собою неприступную торгово-политическую позицію на Евразійскомъ континентѣ и для этого захватить важнѣйшіе промышленные пункты. Поэтому она не должна обращать вниманія съ какой Россіей связуютъ ее основныя положенія ея восточной политики. Въ чужой странѣ она больше не знаетъ партій, а есть только партія сама въ себѣ. Поэтому она съ одинаковой опредѣленностью ставитъ свои требованія—сегодня большевистской, завтра соціалъ-революціонной, послѣ завтра кадетско-Романовской Россіи. Мы выскажемъ свои взгляды относительно необходимыхъ условій для заключенія мира, и будемъ считать личнымъ дѣломъ русскаго правительства того времени, съ какимъ чувствомъ оно восприметъ наши условія и доведетъ мирные переговоры до ихъ завершенія“.

Будетъ ли и какимъ способомъ будетъ бороться Россія противъ стремленія Германіи „стать твердой ногой въ Азіатской Россіи и взять въ свои руки экономическое раз-

витіе этой мощной и нетронутой страны вмѣстѣ съ Дальнимъ Востокомъ и его окраиной, нисколько насъ не касается, ибо это не наше дѣло. Согласіе на заключеніе мира означаетъ въ то же время соглашеніе на основаніяхъ существующаго военнаго положенія. Въ данномъ случаѣ мы занимаемъ выгодное, а русскіе невыгодное положеніе". Къ такому нѣмецкому логическому выводу должно по мнѣнію автора „привыкнуть" каждое русское правительство, какъ то, которое заключитъ миръ, такъ и то, которое ему наслѣдуетъ. „Если встрѣтятся препятствія, которыя затруднятъ пріобрѣтеніе данной привычки, то наше военное положеніе даетъ возможность *оказать нѣжное давленіе,* достаточное для того, чтобы отбросить ихъ въ сторону".

Въ мирное время нѣмцамъ, оказывается, было затруднительно „дѣйствовать болѣе интенсивно въ торгово-политическомъ отношеніи" въ Европейской Россіи, такъ какъ „автократическій строй русскаго правительства" оказывалъ имъ въ этомъ постоянное препятствіе. Но теперь, съ уничтоженіемъ прежняго „царизма", „даже при возвращеніи царизма, хотя бы и въ либеральной одеждѣ и, по всей вѣроятности, въ образѣ Великаго Князя Николая Николаевича", нѣмцы увѣрены, что ни одно русское правительство не сможетъ не пожелать открыть имъ братскія объятія и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти „капиталъ, индустрію и организацію отъ Германіи", которая будетъ такимъ образомъ вознаграждена „соотвѣтственно ея военному положенію и военному давленію". При этомъ авторъ обѣщаетъ, что по заключеніи договора Германія будетъ себя держать по отношенію къ Россіи „съ большимъ тактомъ и уваженіемъ".

Въ заключеніи идеи и плана „континентальнаго похода" Германіи на Востокъ, ослѣпленный, съ одной стороны, нѣмецкимъ шовинизмомъ и легкомысліемъ, а съ другой, тщательно и подробно изученными богатствами Сибири, авторъ видитъ уже въ будущемъ „естественное политическое соединеніе" изъ Германіи и Японіи съ Россіей, окружающее Старый Свѣтъ „широкимъ желѣзнымъ поясомъ, который не разорветъ никакая сила, и съ твердыхъ краевъ котораго соскользнутъ всякія попытки охватить его". При этомъ типичный современный тевтонъ забываетъ высказанное передъ этимъ свое предупрежденіе Сибири—не рвать съ Европейской Россіей, дабы не лишать себя помощи, „чтобы задержать возможныя шовинистическія намѣренія Японіи". Но

къ чему нельзя допустить Японію, то, конечно, составляетъ право Германіи Вильгельма.

„Будущность Сибири исполнена жизни, силы, бодрости и, по своей внутренней энергіи, способна осуществить всѣ надежды; она находится въ напряженной готовности наброситься на всѣ образующіяся предпріятія настоящаго времени и принять въ нихъ дѣятельное участіе. Какъ только будутъ удалены внѣшніе административные тормазы, Сибирь отважится на этотъ шагъ, надо только чтобы нашелся руководитель, который направилъ бы на вѣрный путь ея разрозненныя силы“.

„Это и есть задача Германіи“.

Такимъ самонадѣяннымъ восклицаніемъ резюмируется идея политическо-экономическаго плана завоеванія нѣмцами Россіи въ промышленномъ отношеніи. Отъ начала до конца въ этомъ планѣ нѣтъ ни одной идеологической мысли, что является характернымъ знаменіемъ всѣхъ политическихъ и національныхъ тенденцій Германіи послѣдняго времени; все строится на матеріальныхъ разсчетахъ, матеріальныхъ выгодахъ, матеріальной власти, матеріализованной душѣ. Это и составляетъ мысль и духъ современнаго юнкерскаго тевтона, юнкерской Германіи въ цѣломъ. Если въ религіи соціализма, въ религіи *Лжи,* отвлеченная идея о духѣ замѣнена теоретической идеей о матеріи, то въ религіи юнкерства даже эта теоретическая идея замѣнена матеріалистическими разсчетами, а понятіе о Вселенскомъ Духѣ почти воплощено въ тезисѣ—„Германія прежде и выше всего“.

Это религія безграничной слѣпоты.

Путемъ насилія крайняя религія соціализма Бронштейна, Ленина, Тобельсона стремится *по идеѣ* достигнуть основной цѣли—всемірной власти интернаціонала. Путемъ такого же насилія религія слѣпоты юнкеровъ Германіи стремится достигнуть всемірной власти нѣмецкаго націонализма черезъ *матеріалистическіе* разсчеты. Если Бронштейнъ, Ленинъ, Луначарскій, Голощекинъ, Бѣлобородовъ, Юровскій—*большевики слѣва,* то Людендорфъ, Вильгельмъ, Гофманъ, Вернеръ-Дайя, фонъ Кюльманъ—*большевики справа.* Сродство побужденій, характеровъ, темпераментовъ и принциповъ религій этихъ двухъ большевистскихъ полюсовъ на столько велико, что сотрудничество ихъ другъ съ другомъ почти нормально и почти естественно: однихъ—*по Лжи,* другихъ—*по слѣпотѣ.* Такъ Красины, Клембовскіе, Шнеуры, Гуторы,

Саковичи, Ермаковы, работая въ лѣвомъ большевистскомъ лагерѣ *не по идеѣ,* а по матеріальнымъ причинамъ, являются по существу германскими юнкерами, рабами религіи слѣпоты. Германскіе соціалъ-демократы, работающіе по національному шовинизму въ лагерѣ большевиковъ справа, остаются въ основѣ послѣдователями религіи *Лжи.*

Красины, Клембовскіе, Гуторы, Саковичи, Гофманы, Вильгельмы, Кюльманы—это вдохновители *по слѣпотѣ* историческихъ, политическихъ и религіозныхъ преступленій послѣдняго времени въ Россіи. Это вдохновители *по слѣпотѣ* изувѣрскаго убійства Царской Семьи въ городѣ Екатеринбургѣ.

Сродство полюсовъ большевизма сказалось особенно ярко въ проявленіяхъ ихъ звѣрскаго и изувѣрскаго инстинктовъ: большевизмъ слѣва признаетъ необходимымъ проявленіе грубыхъ и вредныхъ дѣйствій для возбужденія въ массахъ революціоннаго энтузіазма, а большевизмъ справа—для утвержденія въ массахъ безропотнаго преклоненія передъ физическимъ правомъ. Въ области достиженія этихъ цѣлей послѣдователи религіи *Лжи* и религіи *слѣпоты* не знаютъ предѣловъ. Изувѣрскій терроризмъ большевизма слѣва слишкомъ свѣжъ въ памяти всѣхъ, чтобы нуждался въ отдѣльныхъ примѣрахъ. Терроризмъ большевизма справа уже, повидимому, нѣсколько забылся, но стоитъ вспомнить ужасы хотя бы Ченстоховскаго изувѣрства, совершеннаго германскими войсками, чтобы убѣдиться въ отсутствіи предѣловъ звѣрства и для этого полюса большевизма. Въ томъ же звѣрскомъ инстинктѣ объединяются и мысли руководителей большевистскихъ полюсовъ: выше приводились слова Карла Маркса, руководителя большевизма слѣва, а вотъ слова руководителя большевизма справа, Императора Вильгельма, проповѣдовавшаго въ 1900 году съ высоты своего престола солдатамъ, отправлявшимся въ Китай: „Не берите плѣнныхъ... пусть тѣ, кто попадетъ въ ваши руки, погибнутъ. Какъ тысячу лѣтъ назадъ гунны при своемъ царѣ Аттилѣ пріобрѣли себѣ имя, которое еще и теперь въ преданіи напоминаетъ объ ихъ могуществѣ, такъ имя германцевъ черезъ тысячу лѣтъ должно вспоминаться такъ, чтобы никогда больше (китаецъ) не смѣлъ косо взглянуть на нѣмца...“

Оба руководителя большевистскихъ полюсовъ подгото-

вляютъ своихъ послѣдователей къ достиженію въ будущемъ одной и той же цѣли—міровой власти черезъ ту кровавую и безумную эпопею звѣрства и насилія, которой ознаменовалось, сначала, участіе нѣмцевъ во всемірной войнѣ, а затѣмъ, дружественная работа объединившихся большевиковъ справа съ большевиками слѣва по насильственному утвержденію въ Россіи совѣтской власти. Человѣческая психологія часто непослѣдовательна въ реагированіи на переживаемыя историческія событія. Кто не помнитъ того возмущенія, которымъ было охвачено русское общество при извѣстіяхъ о звѣрствахъ и насиліяхъ нѣмцевъ надъ русскими, застигнутыми войной въ Германіи, и надъ Сербами въ захваченныхъ австрійцами и германцами ихъ городахъ и селахъ? Можно ли забыть предательскіе, изувѣрскіе и жестокіе способы веденія войны Германіей? Ужели забыты нѣмецкіе руководители на Балтійскомъ побережьѣ, натаскивавшіе матросню на кровавые подвиги, или нѣмецкіе инструктора въ Смольномъ институтѣ, вдохновлявшіе совѣтскихъ главарей на соціальныя операціи надъ русской интеллигенціей?

Повидимому, многіе забыли; многіе поддались гипнозу „нѣжнаго давленія“; многіе въ тайникахъ души мнятъ потомъ перехитрить нѣмца. Десятки тысячъ россіянъ укрылись въ Германіи; тысячи ихъ мечтаютъ совмѣстно съ нѣмцами свергнуть большевиковъ слѣва и учредить царство большевизма справа. Тысячи другихъ такихъ же россіянъ творили подпольно эту же работу за спиной Колчака, Деникина, Юденича, и помогали большевикамъ слѣва отвращать отъ этихъ вождей народныя массы.

И обратно. Кто подготовлялъ *въ ближайшіе годы* революцію кромѣ послѣдователей религіи *Лжи*? „Жидовствующіе“ (не еврействующіе) россіяне. Ихъ было много—отъ лѣвыхъ кадетовъ до лѣвыхъ соціалистовъ включительно, да еще много среди безпартійной бюрократіи. Кто совершалъ революцію? Русская интеллигенція и „жидовствующіе“. Кто углубилъ революцію, создавъ путь большевикамъ обоихъ полюсовъ? Та же интеллигенція съ „жидовствующими“.

А теперь? Творцы изъ интеллигенціи и творцы изъ „жидовствующихъ“ какъ бы исчезли, а на ихъ мѣсто народная масса выбросила имя *еврея, еврейскаго народа*. Евреи создали революцію. Евреи раззорили Россію. Евреи залили кровью нашихъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ и дѣтей го-

рода и села, горы и долы Матушки Россіи. Евреи изувѣрски уничтожили Царскую Семью. Евреи виновники всѣхъ золъ, постигшихъ Россію. *Еврейскій народъ* долженъ за это отвѣтить.

Такова злая человѣческая психологія; о нѣмцахъ забыла, а на евреевъ взвалила. Если Россіи есть какому народу предъявлять въ будущемъ за все совершенное нынѣ зло вексель къ уплатѣ, то во всякомъ случаѣ къ германскимъ народамъ, а не къ еврейскому народу.

Въ Германіи родился большевизмъ справа, и Германія же бросила въ Россію большевизмъ слѣва. Если по существу борьба съ послѣднимъ, т.-е. борьба съ религіей *Лжи* есть идейная борьба, то борьба съ большевизмомъ справа, борьба съ религіей *слѣпоты* есть борьба съ матеріалистическими разсчетами, борьба съ торгашами въ основаніи.

Въ маѣ 1917-го года въ Вѣнѣ состоялось совѣщаніе представителей германскаго и австрійскаго Генеральныхъ Штабовъ, на которомъ въ цѣляхъ прорыва русскаго фронта и внесенія разложенія въ ряды русской арміи было рѣшено использовать революціонное движеніе въ Россіи и прибѣгнуть къ политическому оружію борьбы. Къ такого рода борьбѣ германскіе и австрійскіе офицеры Генеральнаго Штаба подготавливались спеціально еще въ мирное время, и небольшой опытъ испытанія силы этого оружія былъ проведенъ нѣмцами еще въ 1905 году, въ войну Россіи съ Японіей. Къ использованію теперь именно политическаго оружія борьбы нѣмцевъ побуждали двѣ причины: первая, необходимость сосредоточить максимумъ вооруженныхъ силъ на Западномъ фронтѣ для попытки нанести Антантѣ рѣшительный и послѣдній ударъ, и вторая, вырвать изъ рукъ Англіи ея политическій успѣхъ въ Россіи.

Германскій Генеральный Штабъ считалъ, что Февральская революція и сверженіе династіи Романовыхъ въ Россіи были произведены русскими революціонными элементами при значительномъ моральномъ содѣйствіи и денежной помощи со стороны Англіи. Эта причастность послѣдней должна была укрѣпить въ новой Россіи вліяніе экономической соперницы Германіи, почему захватъ политическаго руководства въ свои руки казался нѣмцамъ очень заманчивымъ и увлекательнымъ, въ цѣляхъ развитія въ дальнѣй-

шемъ своего новаго политическо-экономическаго плана „Наступленія на Востокъ“.

Моментъ для наложенія на Россію своего политическаго кулака представлялся Германіи очень своевременнымъ (необходимо имѣть въ виду, что Германія слѣпо вѣрила въ свои силы, какъ физическія, такъ равно и политическія): опредѣлившееся слабовластіе политическаго центра Россіи, при сильномъ недовольствѣ создавшимся положеніемъ крайнихъ фланговъ, и при полной политической незрѣлости массы населенія, предоставляли казалось Германіи возможность вести двойную игру, дѣйствуя на низменные инстинкты темнаго населенія городовъ и деревень. Первой задачей основного плана нѣмцевъ являлось ослабленіе интеллигентныхъ и вооруженныхъ силъ Россіи и приведеніе ихъ къ тому состоянію, при которомъ Германія могла бы приступить къ мирнымъ переговорамъ и предъявить свои экономическо-политическія требованія. Этого положенія намѣчалось достигнуть, съ одной стороны, установленіемъ жестокаго террора противъ интеллигенціи, а съ другой, путемъ овладѣнія темной массой, дѣйствуя подъ видомъ проведенія принциповъ крайняго соціалистическаго народовластія на ея низменные инстинкты. Въ дальнѣйшемъ руководившіе исполненіемъ этого плана нѣмецкіе большевики справа разсчитывали, соединившись съ россійскими большевиками справа, устранить насильственно соціалистическихъ вождей революціи и водворить въ Россіи юнкерско-полицейскій режимъ, родственный и дружественный по духу Германіи Вильгельма.

Устраненіе съ россійскаго престола бывшаго Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны вполнѣ отвѣчало политическимъ планамъ Германіи и согласовалось съ личными несимпатіями Вильгельма къ покойному Главѣ Дома Романовыхъ и Его Супругѣ. Въ политическомъ отношеніи бывшій Царь по личнымъ воззрѣніямъ и качествамъ былъ твердой преградой для Германскихъ вожделѣній, непреклонно отстаивая національные интересы Россіи и не допуская нѣмцевъ къ самостоятельному хозяйничанію. Николай II унаслѣдовалъ отъ Отца въ полной мѣрѣ тезисъ „Россія для русскихъ“, и если германофильствующіе русскіе круги и германофильски настроенные нѣкоторые Члены Дома Романовыхъ, часть министровъ и придворныхъ, стояв-

шихъ „у власти“, создали Ему въ отечествѣ репутацію пособника Вильгельма, то будущая безстрастная и справедливая исторія сумѣетъ разобраться въ исторической интригѣ, создавшей трагедію послѣдняго царствованія, объективно, отнеся успѣхъ этой интриги къ слабости воли покойнаго Государя Императора и его слишкомъ большому (тоже чисто русской чертѣ) довѣрію къ людямъ, при неумѣніи ихъ выбирать, но не къ Его личному германофильству, каковаго въ Немъ не было и не могло быть.

Еще въ 1899 году извѣстный германофобъ профессоръ Золотаревъ при громадномъ стеченіи публики высшаго Петроградскаго свѣта прочелъ свою знаменитую лекцію, громившую предшественниковъ Императора Александра III за ихъ послабленія, допущенныя въ отношеніи нѣмцевъ въ Россіи, и за слишкомъ большое увлеченіе колонизаціей нѣмцами южныхъ губерній, и восхвалявшую Александра III, положившаго предѣлъ грозному, но мирному завоеванію Россіи нѣмцами. Присутствовавшій на лекціи Государь Императоръ Николай II по окончаніи ея подошелъ къ лектору и, въ присутствіи всей обширной аудиторіи, обнялъ профессора Золотарева и поцѣловалъ его, благодаря за здравость и смѣлость исторической справедливой критики. Вильгельмъ не могъ забыть этого поцѣлуя Николая II, который къ тому же не поддавался ни на какіе шовинистическіе и честолюбивые планы Императора-актера. Такъ между прочимъ Николай II отклонилъ въ 1905 году предложеніе Вильгельма ввести въ Варшаву Германскія войска и отказался отъ участія въ фантастическомъ планѣ раздѣла міра „союзомъ трехъ Императоровъ“: Россіи, Германіи и Турціи.

Нелюбовь и недовѣріе Государя Императора къ Вильгельму опирались на опредѣленномъ пониманіи политическаго зла и корысти, сосредоточенныхъ въ этомъ германцѣ-юнкерѣ по отношенію къ Россіи. Императрица Александра Федоровна не только не любила, Она ненавидѣла Германію и Императора Вильгельма и не могла говорить объ этомъ безъ сильнаго волненія и злобы. Ея ненависть вытекала изъ того зла, которое Германія причинила Гессенскому герцогству: „если бы Вы знали, сколько они сдѣлали зла моей родинѣ!“ говорила Она близкимъ людямъ. Это чувство ненависти было такъ остро въ Ней быть можетъ и потому, что лишившись маленькой дѣвочкой матери, Она все время

воспитывалась въ Англіи у бабушки Королевы Викторіи, вслѣдствіе чего и для Германіи и Вильгельма Императрица Александра Федоровна являлась опредѣленной англофилкой. Вильгельма Она характеризовала какъ „актеръ, отличный комедіантъ, фальшивый человѣкъ". Въ Тобольскѣ Государыня высказывала про него: „Я знаю его мелкую натуру, но Я никогда не ожидала, что онъ можетъ унизиться до общенія съ большевиками. Какой позоръ". Только общей болѣзнью *слѣпоты*, обуявшей русское общество въ послѣдніе годы, можно объяснить возникновеніе клеветы противъ Императрицы Александры Федоровны, обвинявшей Ее въ германофильствѣ и любви къ Императору Вильгельму. Оба, и Государь и Государыня, *больше всего боялись* во время ареста въ Тобольскѣ и Екатеринбургѣ, *чтобы Ихъ насильно не увезли въ Германію,* что вполнѣ могли продѣлать шовинистскіе Германскіе руководители для своихъ политическихъ цѣлей.

Во исполненіе задачи, поставленной политикой, Германскимъ Генеральнымъ Штабомъ, во главѣ съ генералами Людендорфомъ и Гофманомъ, былъ разработанъ подробный планъ „военно-политическаго наступленія" противъ Россіи, детально предусматривавшій рядъ послѣдовательныхъ политическихъ этаповъ во внутреннемъ развитіи русской революціи, въ связи съ тѣми чисто военными мѣропріятіями, которыя одновременно намѣчалось проводить военными силами Германіи. Общее руководство исполненіемъ плана было возложено на генерала Гофмана, а для непосредственнаго руководства политической атакой германскимъ Генеральнымъ Штабомъ была нанята ему извѣстная группа членовъ циммервальдовской интернаціональной конференціи, во главѣ съ Ленинымъ и Бронштейномъ, съ которыми еще раньше у нѣмецкаго военно-политическаго шпіонажа были связи. Шайка этихъ главарей была вывезена нѣмцами изъ Швейцаріи, провезена черезъ Германію и Финляндію въ запломбированномъ вагонѣ и доставлена въ Смольный институтъ въ Петроградѣ, гдѣ помѣщался совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Здѣсь же обосновался и секретный штабъ изъ нѣмецкихъ офицеровъ, ближайше управлявшій послѣдовавшими внутренно-политическими операціями, терроромъ и пропагандой.

Въ началѣ сентября 1917-го года объ этомъ нѣмецкомъ планѣ во всѣхъ его подробностяхъ стало извѣстно въ Мо-

гилевѣ, въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго. Документы были получены изъ вполнѣ вѣрнаго источника, почему тогдашній Начальникъ Штаба Генералъ Духонинъ докладывалъ о замыслахъ Германіи Предсѣдателю Совѣта Министровъ и Верховному Главнокомандующему Керенскому и предупреждалъ о серьезности надвигающейся опасности. Керенскій отнесся къ предупрежденію, повидимому, съ недовѣріемъ и, кажется, не сообщилъ даже своимъ коллегамъ по Правительству о полученныхъ въ Ставкѣ агентурнымъ путемъ свѣдѣніяхъ.

Между тѣмъ событія октября и ноября мѣсяцевъ стали развиваться съ поразительной точностью, во всемъ согласно съ программой, намѣченной планомъ германскаго Генеральнаго Штаба. Ставка, имѣя въ стѣнахъ Смольнаго института свою агентуру, была вполнѣ освѣдомлена о присутствіи тамъ нѣмецкихъ офицеровъ генеральнаго штаба, объ ихъ руководствѣ различными террористическими актами и борьбой на внутреннихъ фронтахъ и о предстоящемъ переворотѣ въ Петроградѣ. Къ этому же времени приблизительно необходимо отнести присоединеніе къ нѣмцамъ россійскихъ большевиковъ справа. Увѣренные въ силѣ власти Германцевъ надъ главарями циммервальдовской шайки, и убѣжденные, что въ нужный и желательный моментъ эти главари будутъ убраны со сцены и власть перейдетъ въ ихъ руки, россійскіе ревнители юнкерской германской религіи слѣпоты—свѣтское офицерство военнаго времени, нѣкоторые жандармскіе и полицейскіе чины и къ стыду значительное количество высшаго генералитета арміи стали тайно примыкать къ нароставшему пролетарскому большевистскому движенію слѣва. Изъ числа такихъ генераловъ въ Ставкѣ появились генералы Гуторъ и Бончъ-Бруевичъ, которые стали пытаться убѣдить генерала Духонина въ томъ, что сохраненіе вѣрности союзникамъ ошибочно, что внутренне-политическій моментъ требуетъ учесть значеніе новаго движенія, какъ безусловно всенароднаго, и категорически опровергали данныя агентурныхъ свѣдѣній о причастности къ этому движенію германскаго Генеральнаго Штаба.

Генералъ Духонинъ остался вѣренъ русскому національному началу и, какъ честный солдатъ, палъ на своемъ посту, не уступивъ его добровольно ни сынамъ *Лжи*, ни германскимъ юнкерамъ, ни россійскимъ предателямъ, соблазнявшимъ его, генераламъ Гуторамъ, Бончъ Бруевичамъ

и Одинцовымъ. Необходимо отмѣтить, что во главѣ палачей, ворвавшихся утромъ 20-го ноября въ кабинетъ генерала Духонина, были—переодѣтый германскій офицеръ и переодѣтый русскій жандармскій офицеръ Родіоновъ, который еще въ мирное время состоялъ на службѣ у германскаго Генеральнаго Штаба, и который позднѣе былъ командированъ съ латышами въ Тобольскъ для перевоза Царской Семьи въ Екатеринбургъ.

Германцы честно выполнили принятыя на себя, по уговору съ Ленинымъ и Бронштейномъ, обязательства: организовали матросню и чернь для Выборгской кровавой бойни, перебили тѣми же „народными войсками“ юнкеровъ въ Петроградѣ и свергли правительство Керенскаго, помогли ликвидировать Царскосельскую авантюру Главковерха Керенскаго, разложили фронты и развратили солдатъ, растерзали Духонина, овладѣли Ставкой и, наконецъ, изгнали изъ Кіева непослушныхъ Петлюровцевъ, помогши совѣтскому воеводѣ, бывшему подполковнику Муравьеву, овладѣть Украиной.

10-го февраля нѣмцы предъявили утвержденной ими въ Россіи власти Ленина и Бронштейна къ уплатѣ первый вексель—подписать актъ о прекращеніи войны съ Германіей, Австріей и Болгаріей.

„Надо бы было, мы бы вамъ и чуму привили“.

Такимъ откровеннымъ заявленіемъ привѣтствовали нѣмецкіе офицеры въ Берлинѣ русскихъ офицеровъ, привезенныхъ туда послѣ пораженія гетмана Скоропадскаго на Украинѣ.

Трагическій, постыдный конецъ германской украинской авантюры еще не открылъ глазъ нѣмецкимъ юнкерамъ и не привелъ ихъ къ сознанію, что пока въ стремленіи къ власти надъ міромъ юнкеръ религіи *Лжи* побѣдилъ юнкера религіи *слѣпоты*.

Ленинъ и Бронштейнъ, по ихъ собственному мнѣнію, борцы за міровую власть пролетаріата и истребители капитализма; по мнѣнію же заключившихъ съ ними сдѣлку германцевъ—наемные начальники политическаго авангарда

Германіи въ борьбѣ за міровую власть нѣмецкаго капитала. Германская армія капитала всей могучей силой своего національнаго націонализма поддерживаетъ авангардъ, уничтожающій капиталъ. Колоссальный абсурдъ, только и могшій родиться въ головѣ юнкерской Германіи, „поглупѣвшей отъ побѣдъ“.

Результаты постройки нѣмцами этой новой Вавилонской башни не замедлили сказаться—совершенно неожиданно для генерала Гофмана и всей безумствовавшей юнкерской Германіи, ихъ щедро оплоченный агентъ Лейба Бронштейнъ, онъ же Левъ Троцкій, комиссаръ совнаркома, отказался поставить свою подпись на первомъ же договорномъ актѣ съ Германіей. Лейба Бронштейнъ вовсе не раздѣлялъ трусливой покорности и раболѣпнаго преклоненія передъ нѣмецкимъ шовинизмомъ, подобно генераламъ Гуторамъ, Бончъ-Бруевичамъ, Клембовскимъ, Балтійскимъ, Одинцовымъ и прочей плеядѣ россійскихъ Іудъ и природныхъ большевиковъ справа.

Германія вынуждена была объявить войну своимъ союзникамъ по постройкѣ Вавилонской башни.

Тяжелое время настало тогда для совѣтской власти. Зашаталась пятиконечная звѣзда, прочно было утвердившаяся надъ святыми соборами и стѣнами Кремля Бѣлокаменной Матушки Москвы. Нѣмцы заняли Украину, соединились съ примкнувшимъ къ нимъ Донскимъ казакомъ генераломъ Красновымъ, лишили своихъ ставленниковъ въ Москвѣ хлѣба, надвинулись къ Пскову и Петрограду, закрыли пути подвоза съ моря, сдавили воронье гнѣздо совнаркома со всѣхъ сторонъ и въ самое гнѣздо посадили своего сатрапа Мирбаха, какъ эмблему нѣмецкой власти надъ созданнымъ ими совѣтскимъ режимомъ въ Москвѣ.

Желѣзный кулакъ самонадѣянныхъ и слѣпыхъ тевтонскихъ юнкеровъ-генераловъ стянулъ петлю на шеяхъ Ленина и Бронштейна, и съ ними вмѣстѣ грозилъ задушить въ ужасныхъ мукахъ голодной смерти 100 милліоновъ подданныхъ совѣтской державы. Застоналъ народъ; вопли голодныхъ людей, плачъ распухшихъ съ голода дѣтей, проклятья обезумѣвшей отъ произвола власти толпы, леденящіе ужасомъ крики и стоны безчисленныхъ жертвъ разгулявшейся черни и разнузданной, полупьяной совѣтской опричнины наполнили Русь отъ края и до края и, казалось, нѣтъ той силы, нѣтъ той воли, которыя могли бы разжать эти

хищно сжавшіеся надъ Россіей когти одураченныхъ и обманутыхъ германскихъ дикарей.

На Ленина и Бронштейна надвигалась гроза и съ другой стороны—молодыя Сибирскія войска и добровольцы со всей Россіи, сорганизовавшись подъ покровомъ чехо-словацкаго возстанія, быстро надвигались изъ нѣдръ Сибири къ берегамъ Волги и лѣсамъ Урала. Съ сѣвера отъ Архангельска и Мурмана стремились протянуть сибирякамъ руку связи и помощи англичане, и кольцо внѣшнихъ враговъ готовилось замкнуться вокругъ царства большевистской державы. Искры подымавшихся на окраинахъ Совроссіи противъ поработителей народа и узурпаторовъ власти пожаровъ внутреннихъ возстаній разлетались все дальше и дальше, и уже загорались города по среднему и верхнему теченіямъ Волги, угрожая перекинуться въ самое сердце Россіи.

Ужасъ голодныхъ бунтовъ, съ одной стороны, произволъ наглой, иноземной, наемной опричнины – съ другой, угроза поголовнаго народнаго возстанія—съ третьей стороны, и все это стягиваемое и сжимаемое внѣшними, россійскими и иностранными силами враговъ и бывшихъ союзниковъ, вотъ та обстановка, среди которой оказались къ лѣту 1918-го года нанятые и привезенные изъ Швейцаріи *сыны Лжи*, непосредственные выполнители политической авантюры легкомысленныхъ и ослѣпленныхъ германскихъ шовинистовъ. Въ созданномъ ими центральномъ аппаратѣ этой политической авантюры, носившемъ сокращенное названіе „совнаркома“, „царилъ страшный хаосъ, растерянность и полная неразбериха“, говоритъ одинъ изъ идейныхъ россійскихъ коммунистовъ, попавшій въ это время изъ провинціи въ Москву для полученія руководящихъ указаній, но вернувшійся ни съ чѣмъ назадъ, за невозможностью добиться чего-либо отъ главы циммервальдовской шайки товарища Ленина.

Владиміръ Ильичъ Ульяновъ, по кличкѣ Ленинъ, поставленный нѣмцами во главѣ ихъ политическаго плана наступленія на Россію, типъ вполнѣ опредѣленный и ясный: „правая бровь у него выше лѣвой, правая ноздря ниже лѣвой; ассиметрія въ лицѣ, указывающая на дегенеративность, вырожденіе. Такіе люди страдаютъ маніей величія, они упорны въ своихъ мнѣніяхъ“, таково заключеніе врача о Ленинѣ, а выявленная имъ дѣятельность добавляетъ— дегенератъ физическій, дегенератъ умственный и моральный.

Проповѣдникъ соціалистическихъ свободы и равенства и садическій преступникъ, наслаждавшійся въ стѣнахъ своего кабинета ежедневно подававшимися ему списками разстрѣлянныхъ, утопленныхъ, удушенныхъ и замученныхъ жертвъ реформъ всемірнаго братства и любви. Лидеръ раскола соціалъ-демократической партіи, руководившійся не столько идеями, сколько стремленіемъ захватить капиталы партіи, и продажный главарь циммервальдовской шайки, спрятавшійся отъ своихъ хозяевъ и народа въ стѣнахъ русскаго Кремля, охраняемаго наемными звѣрями интернаціональной гвардіи изъ подонковъ Венгріи, Германіи, Латвіи и Китая.

Ленинъ готовъ былъ снова продаться передъ лицомъ создавшейся обстановки: онъ заговорилъ о необходимости сотрудничества съ буржуазными классами, о допустимости свободнаго волеизъявленія въ окраинныхъ областяхъ бывшей Россіи, о неизбѣжности всевозможныхъ уступокъ народнымъ массамъ. Онъ признавался въ неудачности произведенныхъ опытовъ и въ тайныхъ засѣданіяхъ съ своими клевретами откровенно считалъ дѣло проиграннымъ, высказывая мысль, что пора уходить.

А Лейба Бронштейнъ?

Создавшаяся обстановка нисколько его не потрясла; этотъ адъ на землѣ Совроссіи былъ именно той атмосферой, въ которой ярче всего проявлялись сила воли, энергія, хитроумность и вся отрицательная геніальность этого человѣка-демона. Пока Ленинъ сидѣлъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ и изыскивалъ способы наиболѣе благополучной и обезпеченной новой купли-продажи совѣсти и... жизни, Бронштейнъ, какъ злой духъ, метался по всѣмъ угламъ своего стонавшаго, но оффиціально облагодѣтельствованнаго имъ царства. Гдѣ онъ ни появлялся съ своими опричниками, потоки крови, заревы пожаровъ, неописуемыя пытки и звѣрства затмѣвали и заливали кровь, пролитую возстававшими, искру протеста, брошенную изстрадавшимся народомъ. Не око за око и зубъ за зубъ, а сотни, тысячи человѣческихъ жизней расплачивались за одну жизнь совѣтскаго дѣятеля, за одну мысль противодѣйствія ему—Лейбѣ Бронштейну. „Нѣтъ ничего лучшаго, какъ вспыхнувшее возстаніе", говорилъ Лейба,-„это какъ нарывъ, вышедшій наружу; одинъ сильный и ловкій ударъ ланцета и—все кончено". „Никакихъ уступокъ, никакихъ послабленій; разстрѣлъ, огонь, пытка, терроръ—вотъ единственный отвѣтъ на всякія

угрозы“. Онъ прилеталъ на минуту въ Москву, чтобы здѣсь опредѣленно гдѣ-либо на митингѣ разгромить колебанія Ленина, внести отъ себя тайныя поправки въ Ленинскія распоряженія, и мчался снова по Россіи, неся съ собою кровь, кровь и кровь безъ конца.

Въ этотъ періодъ существованія вновь созданнаго царства послѣдователей религіи *Лжи*, между главарями большевизма слѣва произошелъ безусловно расколъ; болѣе сильными, исторически закаленными, изувѣрскими, идейными борцами оказались сыны *Лжи* изъ еврейскаго племени, во главѣ съ Лейбой Бронштейномъ, Нахамкесъ-Стекловымъ и Янкелемъ Свердловымъ. Ихъ клевреты, въ большинствѣ сыны *Лжи* ихъ же племени, были разсыпаны всюду и вкраплены во всѣ оффиціальныя совѣтскія организаціи на мѣстахъ и въ центрѣ. Много распоряженій, исходившихъ отъ оффиціальной совѣтской власти, незамѣтно для нея самой видоизмѣнялось и проводилось на мѣстахъ такъ, какъ это было надо и желательно восторжествовавшей въ то время партіи Лейбы Бронштейна. Онъ былъ въ то трудное время вершителемъ судебъ Россіи и тайною главою большевистской власти, а не Ленинъ, за которымъ оставалось оффиціальное положеніе главы. Онъ былъ главнымъ вдохновителемъ и организаторомъ знаменитой чрезвычайки, всесильнаго и жестокаго органа, сосредоточившаго въ сущности въ своихъ рукахъ почти полностью государственную власть совѣтской Россіи. Этотъ органъ сталъ въ дѣйствительности тѣмъ административнымъ органомъ, который управлялъ страной, а не совѣты, президіумы и исполкомы, остававшіеся оффиціальными органами власти и создававшіе внѣшнюю форму народовластія совѣтскому режиму.

Эта система организаціи совѣтской власти должна обратить на себя особое вниманіе изучающихъ различныя событія, совершившіяся за періодъ лѣта 1918 года, такъ какъ только эта установившаяся двойственность въ управленіи страной разъясняетъ многія обстоятельства, почти совершенно неуловимыя, если пользоваться только одними оффиціальными документами дѣятельности главарей большевистскаго режима. Коренная *ложь*, лежащая въ основѣ большевистскаго ученія, не могла не повлечь за собой *лжи* и въ попыткѣ практическаго примѣненія ученія въ жизни. *Ложь* должна была быть всюду: и въ проповѣдывавшейся идеологіи, и въ формулировавшихъ ее законахъ, распоряженіяхъ и

приказахъ, и въ путяхъ проведенія ихъ въ жизнь, и въ самихъ свойствахъ этихъ путей, составляющихъ систему административной правительственной сѣти управленія страной. Въ каждомъ органѣ, въ каждомъ управленіи, въ каждомъ учрежденіи совѣтской власти должна была быть непремѣнно *ложь*. Вѣдь только черезъ вѣчную, безконечную и постоянную *ложь*, во всѣхъ проявленіяхъ вновь строившейся жизни людей, можно было привести ихъ къ конечной цѣли, къ религіи *Лжи*.

Уловить при изученіи эту колоссальную *ложь* всегда и во всемъ нельзя, такъ какъ эта *ложь* создается не столько формой, сколько самимъ духомъ большевистскаго ученія. Когда въ эту *ложь* втягиваются безсознательные и тупые русскіе люди (Медвѣдевъ, Ермаковъ, Якимовъ—въ Екатеринбургѣ; весь составъ исполкома—въ Алапаевскѣ; Мотовилихинскіе рабочіе—въ Перми), или русскіе люди, примкнувшіе къ большевизму слѣва не по идеѣ религіи *Лжи*, а по разсчету, по слѣпотѣ, по большевизму справа (Саковичи, Бѣлобородовы, Гуторы, Бончъ-Бруевичи, Муравьевы, Родіоновы), то *ложь* почти сама всплываетъ на поверхности гнусныхъ дѣяній этихъ предателей вѣры и родины. Но когда творцами *лжи* являются непосредственно искушенные, закаленные, идейные и исторически воспитанные послѣдователи религіи *Лжи* изъ рядовъ Израильскаго племени (Бронштейнъ, Янкель Свердловъ, Исаакъ Голощекинъ, Сафаровъ), то уловить *ложь* почти невозможно; она чувствуется сердцемъ, нащупывается логикой, но не фиксируется документами, не вырисовывается какъ фактъ. Истина почти всегда остается покрытой туманомъ искусной *лжи*.

Лейбу Бронштейна не смутили угрозы нѣмцевъ. Со своими клевретами онъ не остановился ни передъ голодными бунтами, ни передъ опасностью переворота, ни передъ стягивавшимся кольцомъ военныхъ силъ внѣшнихъ противниковъ; не смутили его и заколебавшіеся коллеги съ Ленинымъ во главѣ.

Бронштейнъ и его сподвижники—это прямые потомки революціонеровъ древняго Израиля; революціонеровъ прежде всего противъ Бога, а затѣмъ противъ всѣхъ народовъ, исповѣдующихъ Единаго Бога, въ томъ числѣ и противъ своего еврейскаго народа. Ихъ революціонный фанатизмъ не остановился въ древности передъ разрушеніемъ ради борьбы съ Богомъ своего народа, передъ его разсѣяніемъ

по всему міру, передъ навлеченіемъ на него проклятія другихъ народовъ міра. И теперь Бронштейнъ выгналъ отъ себя пришедшихъ къ нему представителей еврейскаго народа, пытавшихся уговорить его прекратить злое дѣло, навлекающее бѣды на весь народъ. Онъ отрекся отъ своего народа, отъ религіи своего народа, отъ анти-христіанства современнаго еврейскаго племени.

Бронштейнъ и его сподвижники—евреи по племени, израильскіе революціонеры—по идеѣ, и послѣдователи религіи діавола—по духу. Эта историческая преемственность дѣлаетъ ихъ совершенно исключительными дѣятелями въ ряду всѣхъ прочихъ совѣтскихъ работниковъ. Они интернаціоналисты не по идеѣ, а по существу; они противники существующихъ государственныхъ формъ не по духу, а по мистической, исторической наслѣдственности отъ революціонеровъ Израиля; они безбожники не по отрицанію Бога, а по преемственности отъ предковъ древне-исторической борьбы съ Богомъ. Поэтому въ ихъ дѣятельности прежде всего всегда и во всемъ движущимъ импульсомъ является борьба съ Богомъ, борьба съ Его религіей и всякой идеологіей, носящей начало Божественности. Созиданіе новой жизни, ея новыхъ соціальныхъ формъ для нихъ задача второстепенная, быть можетъ послѣдующая, но пока совершенно отбрасываемая, какъ это было и въ теченіи всей ихъ безконечной революціонной дѣятельности въ исторіи Ветхаго Завѣта.

И теперь, когда внѣшніе и внутренніе противники сдавили совѣтскую власть со всѣхъ сторонъ, когда соціалистическіе эксперименты Ленина грозили довести массы до изступленія, вся энергія, предпріимчивость, дьявольская жестокость и безумное изувѣрство Бронштейна и его послѣдователей сосредоточились не на сопротивленіи надвигавшейся политической и соціальной опасности, а главнымъ образомъ на борьбѣ съ Богомъ, съ Богомъ русскаго народа, съ его вѣрой, со всѣмъ тѣмъ, что въ исторически воспитавшемся представленіи русскаго народа было связано съ его идеологическимъ міровоззрѣніемъ—Божественностью происхожденія, или Божественностью освященія: Помазанникъ Божій, Православная вѣра, Богохранимая Держава и Патріархальная семья.

Уничтоженіе Царской Семьи и близкихъ Ей по духу Членовъ Дома Романовыхъ и приближенныхъ, надруганіе надъ

вѣрой и гоненія на ея служителей, безграничное уничтоженіе народныхъ массъ, интернаціонализація арміи и націонализація женщинъ и дѣтей въ семьѣ—вотъ ближайшія задачи, поставленныя себѣ изувѣрами израильскаго племени большевистскаго режима.

Подготовка преступленія Центромъ.

Съ момента Октябрьскаго переворота 1917 года, Царская Семья, проживавшая подъ охраной въ Тобольскѣ, оказалась всецѣло во власти главарей большевистскаго движенія. Къ тому времени охрана Ея уже успѣла въ большей массѣ достаточно распуститься и развратиться, и любой „комиссаръ-ораторъ" могъ бы легко подвинуть товарищей на совершеніе какого-угодно насилія и гнусности..

Однако прошли ноябрь, декабрь, январь—большевики Ея не трогаютъ, не интересуются, но и не заботятся о Ней. По позднѣйшему заявленію еврея Сафарова, пролетарская власть не видѣла въ Ней опасности и не боялась Ея.

За этотъ періодъ въ совѣтской власти еще не проявился расколъ и партія израильскихъ Богоборцевъ не выявилась въ своей спеціальной дѣятельности.

Но вотъ наступилъ февраль, мѣсяцъ, съ котораго для главарей совѣтской власти начали сгущаться тучи надъ ихъ головами. Февраль, мартъ, апрѣль—это періодъ постепеннаго наростанія событій, все болѣе и болѣе охватывавшихъ правительство взбунтовавшихся наемниковъ нѣмецкими желѣзными тисками, контръ-революціонными внѣшними русскими силами и многочисленными возстаніями своихъ насилуемыхъ властью подданныхъ. Обстановка потребовала для спасенія положенія максимальнаго напряженія энергіи, рѣшительныхъ дѣйствій власти и, главное, разгрома и уничтоженія наиболѣе опасныхъ для духа религіи *Лжи* очаговъ реакціи и „предразсудковъ" народной идеологіи.

Въ этотъ именно періодъ, потребовавшій полнаго выявленія дѣятельности, сорганизовалась по своей спеціальности партія Бронштейна, выбросила всюду своихъ активныхъ работниковъ, окутала Россію паутиной организацій

чрезвычайной слѣдственной комиссіи и приступила къ своей исторической миссіи Бого-борству.

Могла ли быть ими оставлена въ сторонѣ Царская Семья въ Тобольскѣ?

Конечно нѣтъ. Сверженіе Царя, развращеніе народа матеріализованными соціалистическими ученіями низвергнуть идеологіи народа, исторически воспитанной и вытекающей изъ духа самаго русскаго народа, не могутъ. Не такъ легко откажется русскій народъ отъ „Помазанничества Богомъ“ своихъ Верховныхъ Государственныхъ Правителей.

Современный большевикъ Бронштейнъ, какъ потомокъ революціонеровъ Израиля, вѣроятно, лучше зналъ и понималъ устойчивость этой идеологіи, чѣмъ современный русскій большевикъ Ленинъ. Въ немъ это сознаніе было укрѣплено всей исторіей революціоннаго движенія въ древнемъ Израилѣ, которое въ концѣ концовъ привело къ сектантству въ религіи: Христосъ-Мессія, Онъ же будетъ и земной Царь; но не къ отказу народа отъ своей идеологіи.

Нити паутины Бронштейна протянулись и къ Тобольску.

Изучая исторію періода, предшествовавшаго убійству Царской Семьи, создается впечатлѣніе, что уже въ это время судьба бывшаго Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи была предрѣшена, и главари задуманнаго преступленія стали опутывать намѣченныя будущія жертвы какъ бы паутиной, дабы не выпустить Ихъ изъ своихъ рукъ и покончить съ Ними, когда моментъ будетъ благопріятный, или когда по какимъ-либо обстоятельствамъ создастся положеніе, угрожающее вырвать Ихъ изъ рукъ Бронштейновскихъ изувѣровъ.

Эти мысли логически вытекаютъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: какъ уже извѣстно, составъ Екатеринбургскаго президіума областного совѣта былъ совершенно исключительнымъ: изъ 12 членовъ—восемь были евреи (Сафаровъ, Войковъ, Исаакъ Голощекинъ, Чуцкаевъ, Янкель Юровскій, Поляковъ, Хотимскій, Красновъ), при этомъ Сафаровъ и Войковъ были связаны непосредственно съ Бронштейномъ, Нахамкесомъ и Янкелемъ Свердловымъ еще по Швейцаріи, а Исаакъ Голощекинъ личными отношеніями съ Янкелемъ Свердловымъ и Апфельбаумомъ-Зиновьевымъ. Въ Тобольскій мѣстный совдепъ были включены евреи: Дуцманъ, Пейсель, Дислеръ и Заславскій, причемъ исключительно эти четверо вошли въ президіумъ совѣта и про-

явили особый интересъ къ Августѣйшимъ Узникамъ. Всѣ послѣдовавшія событія, связанныя съ судьбой Царской Семьи въ Тобольскѣ, обсуждались и разрѣшались именно этими членами совдепа. Изъ нихъ еврей Заславскій, игравшій главнѣйшую роль, былъ присланъ въ Тобольскъ изъ Москвы и вмѣстѣ съ нимъ былъ командированъ въ Тобольскъ матросъ Хохряковъ, кронштадтскій звѣрь-человѣкъ, участникъ всѣхъ бывшихъ крупнѣйшихъ террористическихъ актовъ противъ офицеровъ и буржуевъ. При Хохряковѣ въ тайнѣ состоялъ особый Екатеринбургскій отрядъ изъ латышей, мадьяръ и нѣмцевъ, выдѣленный, какъ уже говорилось выше, изъ особаго Голощекинскаго отряда.

Еврей Заславскій и матросъ Хохряковъ пріѣхали въ Тобольскъ 14-го марта. Хохряковъ имѣлъ право непосредственныхъ сношеній съ Москвой и Екатеринбургомъ, и дѣйствительное назначеніе его въ Тобольскѣ прикрывается назначеніемъ его предсѣдателемъ мѣстнаго совдепа. Въ губернаторскомъ домѣ, гдѣ содержалась Царская Семья, Хохряковъ не показывался вплоть до окончанія инцидента съ Яковлевымъ, о чемъ будетъ сказано дальше. Послѣ же отъѣзда Яковлева Хохряковъ объявилъ себя распорядителемъ судьбой оставшихся въ Тобольскѣ Царскихъ Дѣтей и предъявилъ мандатъ „уполномоченнаго всероссійскими исполнительными комитетами совѣтовъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ и областнымъ совѣтомъ Урала по перевозкѣ Семьи бывшаго Царя“.

Еврей Заславскій по прибытіи въ Тобольскъ зачислился въ члены президіума мѣстнаго совдепа, но изрѣдка навѣдывался въ губернаторскій домъ и велъ большевистскую пропаганду среди солдатъ охраны.

Такимъ путемъ главари въ Москвѣ имѣли возможность тщательно наблюдать за Царской Семьей въ Тобольскѣ и въ любой моментъ черезъ Заславскаго, Хохрякова и особый Екатеринбургскій отрядъ покончить съ Членами Царской Семьи. Есть полное основаніе допустить, что еврей Заславскій и матросъ Хохряковъ были командированы именно для того, чтобы покончить, не откладывая, съ Царской Семьей. Но дѣйствовать въ открытую изувѣры боялись: во-первыхъ, охраны, бывшей при Царской Семьѣ, во-вторыхъ, благопріятно настроеннаго къ Царской Семьѣ населенія Тобольска, и, въ третьихъ, опасеніемъ открытымъ убійствомъ вызвать въ народныхъ христіанскихъ массахъ движенія на идеоло-

гическихъ началахъ. Безъ *лжи* въ такомъ преступленіи главари обойтись не могли; они должны были, или дѣйствовать въ тайнѣ, или совершить убійство, прикрывшись какой-либо провокаціей. Такъ по крайней мѣрѣ можно предполагать изъ послѣдовавшей дѣятельности еврея Заславскаго.

Заславскій, пріѣхавъ въ Тобольскъ, повидимому, намѣтилъ прежде всего отдѣлить охрану отъ Царской Семьи, изолировать послѣднюю и поставить Ее въ обстановку болѣе скрытой жизни, чѣмъ въ губернаторскомъ домѣ, на виду у всего города. Для этого онъ сталъ распускать среди членовъ мѣстнаго совдепа и между чинами охраны Семьи всевозможные провокаціонные слухи: что Царской Семьѣ угрожаетъ опасность нападенія какихъ-то шаекъ, рѣшившихся будто бы покончить съ бывшимъ Царемъ и его Семьей; что подъ губернаторскій домъ ведется подкопъ, съ цѣлью взорвать его вмѣстѣ со всѣми живущими въ немъ, и тому подобныя ложныя и фантастическія свѣдѣнія, которыя однако легче всего воспринимаются темной народной массой и совѣтскими дѣятелями изъ ея среды. Въ результатѣ мѣстный совдепъ, по предложенію евреевъ Дуцмана, Пейселя и Дислера, поддержанному предсѣдателемъ Хохряковымъ, постановилъ: перевести Царскую Семью „на гору", какъ называлась въ Тобольскѣ тюрьма, расположенная на горѣ за городомъ. Такъ какъ безъ согласія охраны еврей Заславскій не рисковалъ приступить къ перемѣщенію, то, для убѣжденія солдатъ въ необходимости такого мѣропріятія, 10-го апрѣля въ совдепъ были приглашены депутаты отъ каждой роты охраннаго отряда. Предчувствуя недобрые замыслы, съ депутатами пошелъ, незваннымъ, комендантъ охраны полковникъ Кобылинскій.

Въ мѣстномъ совдепѣ делегація была принята президіумомъ въ составѣ только что упомянутыхъ выше трехъ евреевъ: Дуцмана, Пейселя и Дислера, къ которымъ присоединился Заславскій, подъ предсѣдательствомъ Хохрякова. Пришедшимъ было объявлено рѣшеніе совдепа—перевести всю Царскую Семью „на гору". Попытка полковника Кобылинскаго опровергнуть рѣшеніе заявленіемъ, что охрана Царской Семьи подчиняется не мѣстному совдепу, а центральной власти—не помогла. Тогда полковникъ Кобылинскій повернулъ вопросъ такъ, что для охраны Царской Семьи отъ готовящихся, по разсказамъ еврея Заславскаго, покушеній, въ тюрьму должна быть переведена и вся охрана, безъ ко-

торой обойтись нельзя. Тутъ естественно делегаты товарищи-охранники загалдѣли, зашумѣли, стали угрожать президіуму, и совѣтъ евреевъ принужденъ былъ отступить, сославшись на то, что собственно говоря окончательнаго рѣшенія совдепъ по этому вопросу еще не выносилъ, а только высказывается принципіально.

Во всякомъ случаѣ замыселъ главарей на этотъ разъ сорвался и предупредилъ ихъ на будущее время быть еще болѣе осмотрительными и искуссными. Можно думать, что въ замыслахъ еврея Заславскаго скрывалась первая попытка революціонеровъ Израиля покончить съ Царской Семьей, такъ какъ о постигшей неудачѣ Заславскій поспѣшилъ донести въ Москву, приписывая ее опасному настроенію солдатъ существующей при Царской Семьѣ охраны.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ намѣчается вторая попытка сподвижниковъ Бронштейна по племени и духу покончить съ Тобольскими Августѣйшими Узниками.

12-го апрѣля въ Тобольскѣ было получено распоряженіе, подписанное Янкелемъ Свердловымъ: „Долгорукова, Татищева, Гендрикову и Шнейдеръ считать также арестованными“. До этихъ поръ упомянутые чины свиты, добровольно послѣдовавшіе за Царской Семьей въ ссылку, проживали напротивъ губернаторскаго дома въ домѣ Корнилова и пользовались относительной свободой, т. е. могли ходить по городу въ сопровожденіи солдатъ охраны. Послѣ распоряженія Янкеля Свердлова ихъ перемѣстили въ губернаторскій домъ и судьба ихъ, слѣдовательно, должна была быть тождественной съ судьбою всей Царской Семьи. Чѣмъ руководился Янкель Свердловъ при выборѣ придворныхъ? Почему были указаны именно эти четыре лица? Отчего исключили состоявшихъ въ одинаковомъ положеніи баронессу Буксгевденъ и доктора Деревенько? Вопросы, которые останутся безъ опредѣленныхъ отвѣтовъ, и только въ отношеніи доктора Деревенько, судя по его дальнѣйшему образу дѣйствій, можно съ достаточнымъ вѣроятіемъ заключить—не подходилъ по духу къ обреченной Царской Семьѣ.

Повидимому, въ это же время въ Москвѣ создались обстоятельства, понудившія совѣтскую власть принять мѣры къ перевозкѣ Царской Семьи изъ Тобольска въ Москву. Каковы были причины, побудившія Москву предпринять

эту перевозку, можно судить лишь предположительно по совокупности всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ это рѣшеніе.

Можно опредѣленно сказать, что въ данномъ случаѣ никакое давленіе нѣмецкихъ группъ или германофильствовавшихъ монархическихъ русскихъ партій здѣсь не имѣло мѣста. Въ этотъ періодъ нѣмцы въ Россіи, занявъ Украину, Псковъ, угрожая Петрограду, чувствовали себя полными хозяевами положенія и вполнѣ увѣрены были въ достиженіи желаемой экономической побѣды. Бывшій Царь имъ былъ совершенно не нуженъ; въ разыгравшемся до апогея самомнѣніи, они, совмѣстно съ примыкавшими къ нимъ русскими элементами, лелѣяли совершенно иной планъ реставраціи монархической Россіи. Ихъ взоры были обращены туда, на югъ, въ Крымъ, гдѣ скромно и тихо проживалъ популярнѣйшій изъ Великихъ Князей Николай Николаевичъ, къ которому всей душой тянулись доблестные остатки былой могучей русской арміи во главѣ съ генералами Алексѣевымъ и Деникинымъ. Имъ было вовсе не до несчастной Царской Семьи.

Рѣшеніе оффиціальной совѣтской власти перевезти Царскую Семью могло быть вызвано двумя причинами: или, опасаясь повсемѣстныхъ возстаній, совѣтская власть боялась самосуда или похищенія, или же перевозка была инспирирована оффиціальной совѣтской власти партіей Бронштейна, которая могла использовать перевозку для выполненія своихъ темныхъ замысловъ. Послѣднее, судя по послѣдовавшимъ событіямъ, представляется болѣе вѣроятнымъ.

Для выполненія перевозки Царской Семьи совѣтская власть командировала въ Тобольскъ Василія Васильевича Яковлева, снабдивъ его мандатомъ: „чрезвычайнаго комиссара всероссійскаго центральнаго исполнительнаго комитета рабочихъ, солдатскихъ, крестьянскихъ и казачьихъ депутатовъ“. Полномочія и предписанія были выданы Яковлеву отъ президіума Ц. И. К., за подписью Янкеля Свердлова и скрѣпою Аванесова. Этими документами Яковлевъ уполномочивался вывезти изъ Тобольска всю Царскую Семью, причемъ всѣ лица охраны Царской Семьи обязывались исполнять всѣ его требованія и приказанія подъ угрозой „разстрѣла на мѣстѣ“ въ случаѣ неповиновенія.

Яковлевъ пріѣхалъ въ Тобольскъ 22-го апрѣля вечеромъ. Онъ не принадлежалъ ни къ изувѣрамъ партіи Бронштейна,

ни къ коммунистамъ Ленина. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ состоялъ въ партіи эсъ-эровъ и еще при Царскомъ режимѣ, какъ одинъ изъ активнѣйшихъ дѣятелей партіи, былъ за что-то приговоренъ къ смертной казни, но удачно бѣжалъ и скрывался за границей, въ Германіи и Швейцаріи.

Яковлевъ былъ типичнымъ россійскимъ идейнымъ политическимъ дѣятелемъ крайнихъ соціалистическихъ направленій, но совершенно былъ чуждъ темной дѣятельности закулисныхъ сторонниковъ Бронштейна и, конечно, не предполагалъ даже о существованіи таковыхъ въ центральныхъ и мѣстныхъ органахъ власти и о степени могущества и вліянія этой изувѣрской организаціи. Получивъ отъ оффиціальной центральной власти полномочія на перевозку Царской Семьи, онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ, чтобы честно выполнить принятое на себя обязательство.

Неудача миссіи еврея Заславскаго была представлена сторонниками Бронштейна оффиціальной совѣтской власти въ Москвѣ, какъ актъ неповиновенія охраны мѣстной совѣтской власти, вытекавшій изъ контръ-революціонности солдатъ охраны, сформированной еще при прежнемъ правительствѣ. Совершенно ясно, что Яковлевъ былъ инструктированъ въ Москвѣ именно въ такой окраскѣ происшедшаго инцидента, почему въ Тобольскѣ онъ прежде всего постарался заручиться расположеніемъ солдатъ охраны.

23-го апрѣля Яковлевъ собралъ весь отрядъ и обратился къ товарищамъ съ длинной рѣчью, дѣйствуя главнымъ образомъ на ихъ слабыя струнки. Говорилъ онъ хорошо, просто, ясно и увлекательно; было видно, что онъ прекрасно понимаетъ психологію толпы и умѣетъ ею пользоваться. Съ первыхъ же словъ онъ заявилъ солдатамъ, что вотъ ихъ представитель Лунинъ пріѣзжалъ въ Москву и хлопоталъ о суточныхъ деньгахъ; деньги онъ, Яковлевъ, привезъ и каждому будетъ выдано не по 50 копѣекъ суточныхъ, какъ было при временномъ правительствѣ, а по 3 рубля на человѣка въ сутки. Затѣмъ онъ предъявилъ солдатамъ свое удостовѣреніе. Солдаты стали осматривать его, стали особо подробно разбирать печать на немъ, видимо, питая нѣкоторое сомнѣніе въ личности Яковлева. Онъ это сразу же понялъ и снова началъ говорить солдатамъ о суточныхъ, о томъ, что вотъ теперь они всѣ будутъ отпущены и станутъ свободными ѣхать по домамъ, къ своимъ семьямъ и т. п.

Въ концѣ онъ упомянулъ, что вотъ-де между отрядомъ и мѣстнымъ совѣтомъ произошли недоразумѣнія изъ-за вопроса о переводѣ Царской Семьи въ тюрьму, что онъ эти недоразумѣнія выяснитъ.

Какъ ни были уже развращены солдаты, но инстинктивно почувствовали, что Яковлевъ пріѣхалъ съ чистой задачей по отношенію къ Царской Семьѣ и приняли его сторону. Конечно, большую роль сыграли и привезенныя Яковлевымъ деньги, розданныя солдатамъ на слѣдующій же день. Однако все это не спасло въ будущемъ положенія.

Странная обстановка создалась въ Тобольскѣ съ пріѣздомъ туда Яковлева; совершенно необъяснимая, если не учитывать той двойственности и лжи, которыя выявились во всей системѣ большевистскаго управленія и режимѣ, обрушившихся вообще на несчастную Россію. Яковлевъ вполнѣ убѣжденно считалъ себя единственнымъ и высшимъ представителемъ всероссійской центральной власти въ Тобольскѣ, и въ то время ни минуты не сомнѣвался въ честности и добросовѣстности этой командировавшей его центральной власти, возглавлявшейся евреемъ Янкелемъ Свердловымъ. Онъ вѣрилъ въ силу этой власти, въ ея единомысліе и единодушіе въ достиженіи цѣлей перестроенія Россіи въ новыя соціальныя формы, и не могъ предполагать, что въ совѣтской Россіи можетъ параллельно существовать другая власть, другая болѣе значительная сила, руководимая въ достиженіи цѣли своими побужденіями, своими идеями, не „дебатируемыми“ открыто въ оффиціальныхъ органахъ совѣтской власти, и не довѣряемая каждому честному работнику оффиціальной власти, хотя бы „чрезвычайному уполномоченному“.

Въ Тобольскѣ одновременно съ Яковлевымъ находились евреи Заславскій и палачъ Хохряковъ, командированные также по распоряженію Москвы и располагавшіе къ тому же силами особаго отряда интернаціональныхъ палачей. Хохряковъ пользовался безусловно большимъ довѣріемъ не только центральной власти, но и промежуточной мѣстной, Екатеринбургской; онъ былъ уполномоченнымъ отъ ЦИКА, какъ и Яковлевъ, но съ добавленіемъ „и Уральскаго областного совѣта“. Къ Яковлеву же при его проѣздѣ черезъ Екатеринбургъ Исаакъ Голощекинъ приставилъ Авдѣева „для оказанія содѣйствія“, но въ дѣйствительности для наблюденія за поведеніемъ и каждымъ шагомъ Яковлева. Авдѣевъ

неотступно былъ все время при Яковлевѣ, всюду совалъ свой носъ, высказывалъ свои соображенія, съ которыми Яковлеву приходилось считаться и порой вести борьбу. Онъ не содѣйствовалъ Яковлеву, а мѣшалъ, тормозилъ и усложнялъ его задачу.

Заславскій съ Хохряковымъ, дѣйствуя отъ центральной власти, стараются запрятать Царскую Семью въ тюрьму. Яковлевъ, дѣйствуя отъ той же власти, имѣетъ опредѣленное приказаніе—вывезти въ Москву. Не чувствуется ли во всемъ этомъ дѣйствіе двухъ разныхъ силъ центральной власти, не однородныхъ въ путяхъ достиженія цѣлей, не единомышленныхъ въ руководящихъ ими идеяхъ? Одна изъ силъ, болѣе лживая, темная, злобная и фанатичная, какъ бы прячется за другой силой, дѣйствующей явно, пользуясь для проведенія своихъ плановъ не органами управленія второй силы, а лишь спеціальными своими агентами, вкрапленными во всѣ органы.

Вечеромъ въ день пріѣзда Яковлевъ видѣлся съ евреемъ Заславскимъ, Хохряковымъ и прочими, упоминавшимися выше главарями мѣстнаго совдепа, и, казалось, не усмотрѣлъ въ нихъ людей другого лагеря и какой-либо опасности для выполненія своей задачи. Но на другой день положеніе совершенно измѣнилось. Дѣло въ томъ, что послѣ бесѣды съ солдатами охраны Яковлевъ отправился въ губернаторскій домъ и здѣсь узналъ, что Наслѣдникъ Цесаревичъ боленъ настолько серьезно, что нельзя было думать о перевозкѣ его въ Москву, особенно принявъ во вниманіе необходимость тяжелаго пути въ распутицу на лошадяхъ до Тюмени. Было ясно, что вывезти всю Царскую Семью, какъ это было поручено Яковлеву, онъ не сможетъ, что создавало опять неблагопріятную обстановку для замысловъ еврейскихъ изувѣровъ центра. Когда вечеромъ Яковлевъ сообщилъ объ этомъ главарямъ мѣстнаго совдепа и заявилъ, что онъ намѣренъ вывезти хотя бы часть Семьи, то Заславскій и Хохряковъ, поддержанные евреями Дуцманомъ, Пейселемъ и Дислеромъ, рѣзко стали въ оппозицію Яковлеву, грозили ему силой не допустить выполненія такого замысла и создали настолько острую форму преній, что Яковлевъ почувствовалъ серьезную опасность, угрожавшую ему и Царской Семьѣ со стороны упомянутыхъ лицъ.

Яковлевъ сильно заволновался; привезенной съ собой охраны у него было слишкомъ мало, чтобы противопоста-

вить ее мѣстнымъ силамъ Заславскаго и Хохрякова, особенно если имъ удалось бы перетянуть на свою сторону и охрану, состоявшую при Царской Семьѣ, для чего теперь обстановка складывалась благопріятно въ пользу Заславскаго. Не подозрѣвая, что послѣдній могъ дѣйствовать по тайнымъ указаніямъ изъ центра, Яковлевъ рѣшилъ прежде всего получить подтвержденіе отъ центральной власти своего намѣренія везти часть Семьи, а затѣмъ, насколько возможно, обезвредить вліяніе Заславскаго въ охранѣ и обезпечить себѣ этимъ возможность выѣзда изъ Тобольска. На Заславскаго и Хохрякова онъ смотрѣлъ лишь какъ на мѣстныхъ дѣятелей и считалъ ихъ поведеніе проявленіемъ самоуправства мѣстныхъ совдепистовъ, пользующихся физической силой, находящейся въ ихъ распоряженіи, и нежелающихъ считаться съ распоряженіями центральной власти.

Яковлевъ бросился на прямой проводъ съ Москвой, изложилъ сложившуюся обстановку, тренія съ мѣстнымъ совдепомъ, опасенія насилія со стороны мѣстныхъ красноармейцевъ и противодѣйствія охраны и получилъ отвѣтъ... везти хотя бы одного бывшаго Царя, а съ нимъ можетъ ѣхать кто угодно.

Яковлевъ, какъ ему казалось, добился перваго успѣха; тѣмъ не менѣе заторопилъ съ отъѣздомъ, потребовавъ, чтобы онъ состоялся въ слѣдующую же ночь, но нервность его не покидала и опасеніе возможныхъ насилій не оставляло. Поэтому день 24-го апрѣля онъ посвятилъ задачамъ по обезвреживанію Заславскаго.

Какъ человѣкъ интеллигентный, умный и наблюдательный, Яковлевъ замѣтилъ, что въ мѣстномъ Тобольскомъ совдепѣ существовало два боровшихся направленія: Омскъ считалъ Тобольскъ принадлежащимъ къ сферѣ вліянія Западной Сибири, а Екатеринбургъ, причислявшій себя къ Центральной Россіи и центральной власти Европейской Россіи, оспаривалъ и считалъ Тобольскъ Уральскимъ городомъ. Представителемъ Омска въ совдепѣ былъ студентъ Дегтяревъ, а представителемъ интересовъ Центральной Россіи и Екатеринбурга тотъ же еврей Заславскій. Яковлевъ рѣшилъ использовать это соперничество между Дегтяревымъ и Заславскимъ и дискредитировать послѣдняго въ глазахъ солдатъ охраны. Для этого 24-го апрѣля днемъ Яковлевъ снова собралъ весь отрядъ на митингъ и

привелъ туда Дегтярева и Заславскаго, который не подозрѣвалъ хитрости Яковлева. На митингѣ Дегтяревъ выступилъ съ рѣчью къ охранникамъ, все содержаніе которой сводилось къ обвиненію Заславскаго въ томъ, что онъ искусственно нервировалъ солдатъ охраны, создавая ложные слухи объ опасности, угрожавшей Царской Семьѣ, о подкопахъ, ведущихся подъ домъ и т. п. Заславскій пытался защищаться, но тщетно. Его ошикали, освистали и въ результатѣ онъ вынужденъ былъ покинуть собраніе.

Потерпѣвъ снова неудачу въ глазахъ охранниковъ, Заславскій спѣшно бросился въ Екатеринбургъ, выѣхавъ изъ Тобольска часовъ на шесть раньше Яковлева.

Все это столкновеніе съ Заславскимъ и Хохряковымъ можетъ быть, конечно, всегда истолковано какъ инцидентъ, возникшій на почвѣ самоуправства мѣстныхъ большевистскихъ дѣятелей. Но въ связи съ общимъ ходомъ послѣдовавшихъ событій, безусловно чувствуется, что всѣ эти отдѣльныя событія находились во внутренней связи между собою и вытекали изъ какого-то особаго плана, совершенно отличнаго отъ плана доставки Царской Семьи куда-либо въ другой пунктъ, и руководящій центръ котораго былъ въ Москвѣ, въ средѣ центральной совѣтской власти.

Освободившись отъ Заславскаго, Яковлевъ все же не успокоился; предчувствіе недобраго его не покидало, но онъ не сознавалъ откуда надо ждать опасности. Ему все же продолжала представляться угроза со стороны мѣстныхъ Тобольскихъ силъ, мѣстныхъ вліяній. Только поздно вечеромъ 24-го, когда все уже было подготовлено къ отъѣзду, онъ снова собралъ охрану и тутъ объявилъ, что увозитъ изъ Тобольска бывшаго Государя и сопровождающихъ Его Государыню Императрицу, Великую Княжну Марію Николаевну и доктора Боткина, причемъ просилъ солдатъ сохранить это въ секретѣ. Послѣднее нѣсколько смутило солдатъ, но примирились они на томъ, что выбрали изъ своей среды товарищей: Матвѣева, Карсавина, Шикунова, Лупина, Лебедева и Набокова, которые должны были сопровождать Государя до мѣста новаго назначенія.

Отъѣздъ состоялся въ 4 часа утра 25-го апрѣля. Яковлевъ никому не объявлялъ пункта, куда онъ долженъ доставить бывшаго Царя, но не переставалъ торопить и въ дорогѣ, какъ бы допуская возможность погони. Нигдѣ не останавливались, перепрягали на станціяхъ лошадей и мча-

24

лись дальше; даже чай пили не выходя изъ повозокъ. Дорога была ужасная, такъ какъ распутица испортила путь, а разлившіяся рѣчки имѣли глубокіе броды. Тѣмъ не менѣе къ вечеру 25-го Яковлевъ привезъ арестованныхъ въ Тюмень и здѣсь, перейдя въ приготовленный классный вагонъ, въ тотъ же вечеръ двинулись на Екатеринбургъ.

Яковлевъ вздохнулъ свободнѣе, но... тутъ-то его и поджидала опасность, совершенно для него неожиданная.

Ночью на 25-е апрѣля въ Камышловѣ онъ узналъ, что Екатеринбургскіе главари рѣшили его не пропускать на Москву и задержать. Выбитый совершенно изъ колеи своихъ „чрезвычайныхъ полномочій“ еще Тобольскими инцидентами, ничего не понимая въ происходящемъ, Яковлевъ повернулъ назадъ на Омскъ, дабы оттуда взять направленіе на Москву черезъ Челябинскъ, Уфу и Самару. Однако въ Куломзинѣ передъ самымъ Омскомъ поѣздъ опять задержали и мѣстные желѣзнодорожные служащіе объявили ему, что изъ Омска приказано никуда поѣздъ не выпускать впредь до полученія указаній. Яковлевъ пошелъ къ аппарату съ Омскомъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло, и оказалось слѣдующее: Екатеринбургъ, предупрежденный будто бы Заславскимъ и телеграммой Хохрякова, сообщилъ Омску, что Яковлевъ объявляется внѣ закона, такъ какъ намѣревался вывезти бывшаго Государя Императора въ Японію. Тогда Яковлеву ничего не оставалось дѣлать, какъ отцѣпивъ паровозъ, ѣхать самому въ Омскъ и переговорить по прямому проводу съ Москвой. Онъ вызвалъ центральный исполнительный комитетъ, который уполномачивалъ его на перевозку Царской Семьи въ Москву и получилъ отъ Янкеля Свердлова приказъ... везти бывшаго Государя въ Екатеринбургъ...

Пока Яковлевъ хлопоталъ въ Тобольскѣ честно выполнить возложенное на него порученіе оффиціальной совѣтской власти, въ Екатеринбургѣ, въ этомъ сильномъ промежуточномъ этапѣ распорядительной сѣти Бронштейновской партіи и чрезвычайной слѣдственной комиссіи, происходило слѣдующее: какъ уже высказывалось раньше до 25-го апрѣля среди областныхъ главарей совѣтской власти, повидимому, совершенно не существовало предположеній о размѣщеніи Царской Семьи въ городѣ Екатеринбургѣ. Изъ весьма ограниченныхъ свѣдѣній, данныхъ членомъ областного президіума Саковичемъ, можно допустить, что среди заправилъ

этого органа совѣтской власти обсуждались совершенно иныя предположенія въ отношеніи судьбы Царской Семьи, которую Яковлевъ долженъ былъ провезти черезъ Екатеринбургъ. Саковичъ хорошо помнилъ, что на засѣданіи президіума, происходившемъ не въ оффиціальномъ мѣстѣ засѣданій и не при полномъ числѣ его членовъ, обсуждался вопросъ—какъ будетъ лучше покончить со всей Царской Семьей при этой перевозкѣ: устроить ли крушеніе поѣзда и такимъ образомъ раздавить всѣхъ, или организовать охрану отъ провокаторскаго покушенія на крушеніе поѣзда, т.-е. перестрѣлять въ пути всѣхъ, представивъ дѣло гибели Членовъ Царской Семьи, какъ случайное слѣдствіе происшедшаго боя съ мнимой бандой злоумышленниковъ. Саковичъ запомнилъ, что участвовали въ этомъ засѣданіи евреи Войковъ, Сафаровъ, Исаакъ Голощекинъ, латышъ Тупетулъ и рабочій Бѣлобородовъ; возможно, что участвовали и нѣкоторые другіе комиссары, но хорошо запомнилъ именно этихъ, очевидно потому, что ими было наиболѣе проявлено активности въ этомъ гнусномъ заговорѣ.

Саковичъ также помнилъ, что по вопросу о перевозкѣ Царской Семьи тогда же были сношенія съ Москвой, т.-е. съ центральной властью, отъ которой были получены по этому поводу указанія. Судя по тѣмъ образцамъ сношеній между Екатеринбургскими главарями и представителями центральной власти, которые попали въ руки слѣдствія, можно опредѣленно заключить, что Екатеринбургъ всегда и во всемъ проявлялъ полную подчиненность главарямъ центра и постоянно инструктировался Москвой. Поэтому совершенно нельзя допустить, что задержка Царской Семьи въ Екатеринбургѣ могла явиться самочиннымъ актомъ мѣстной совѣтской власти, и что Янкель Свердловъ былъ вынужденъ дать Яковлеву приказаніе везти бывшаго Царя въ Екатеринбургъ подъ давленіемъ неизбѣжности положенія. Наоборотъ, можно думать, что когда изувѣры евреи центра узнали отъ Яковлева о болѣзни Наслѣдника Цесаревича, то, не отказываясь отъ своего умысла, но видя необходимость снова отложить его выполненіе, рѣшили использовать создавшуюся обстановку и перевезти Семью по частямъ въ Екатеринбургъ, дабы освободиться отъ вѣчно осложнявшей ихъ планъ охраны при Царской Семьѣ. Соотвѣтственно сему, адепты Бронштейновской партіи въ Екатеринбургѣ, Сафаровъ, Войковъ и Голощекинъ, вѣроятно, и получили

указаніе задержать Яковлева. Такимъ предположеніемъ логичнѣе объясняется приказаніе, полученное Яковлевымъ въ Омскѣ отъ Янкеля Свердлова.

Въ Екатеринбургъ Яковлевъ пріѣхалъ въ ночь съ 29-го на 30-е апрѣля. Здѣсь къ нему отнеслись враждебно и солдаты, взятые имъ въ Тобольскѣ изъ охраны, были обезоружены и арестованы. Ихъ продержали нѣсколько дней, но затѣмъ, дабы не раздражать охраны, остававшейся въ Тобольскѣ при Дѣтяхъ, отпустили обратно въ Тобольскъ. Яковлевъ, выдержавъ бурное объясненіе въ президіумѣ, помчался въ Москву докладывать о результатахъ своей командировки и, какъ онъ говорилъ, жаловаться на обращеніе съ нимъ областного совѣта. Въ пріемѣ же отъ него арестованныхъ ему была выдана слѣдующая росписка:

Рабочее и Крестьянское
Правительство
Российской Федеративной
Республики Советов.
Уральский Областной Совет
Рабочих
Крестьянских и Солдатских
Депутатов.
ПРЕЗИДИУМ
№ 1.

Екатеринбург. 30 апреля 1918 г.

РАСПИСКА.

1918 года апреля 30 дня, я нижеподписавшийся Председатель Уральского Областного Совета Раб., кр. и солд. Депутатов Александр Георгиевич Белобородов получил от комиссара Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Василия Васильевича Яковлева доставленных им из г. Тобольска: 1) бывшего царя Николая Александровича Романова, 2) бывшую царицу Александру Федоровну Романову и 3) бывш. вел. княгиню Марию Николаевну Романову, для содержания их под стражей в г. Екатеринбурге.

А. Белобородов.

Член Обл. Исполн. Комитета *Б. Дидковский.*

Былъ ли выслушанъ кѣмъ-либо въ Москвѣ Яковлевъ— неизвѣстно. По прибытіи его въ Москву, Лейба Бронштейнъ, въ воздаяніе особыхъ заслугъ, оказанныхъ совѣтской власти Яковлевымъ, поспѣшилъ дать ему въ командованіе армію на Самарскомъ фронтѣ и отправить его изъ Москвы. Только теперь, вѣроятно, Яковлевъ понялъ *ложь*, царившую въ совѣтской власти и ея системѣ управленія и проведенія въ

жизнь принциповъ соціальныхъ формъ новаго строительства. Совѣсть его, какъ стараго честнаго соціалиста, не могла примириться съ *ложью,* и въ октябрѣ 1918-го года онъ дезертировалъ изъ рядовъ совѣтской арміи и сдался бѣлогвардейскимъ Сибирскимъ войскамъ.

Центральная власть и преступленіе.

Въ упоминавшейся выше книгѣ нѣмецкаго экономиста Вернеръ-Дайя помѣщены между прочимъ слѣдующія характерныя для момента мысли:

„Несмотря на проявленную жизненную страстность, русскій человѣкъ въ корнѣ все-таки слишкомъ трезвъ и—по существу явленій—слишкомъ проученъ, чтобы въ концѣ концовъ не взвѣсить и не оцѣнить политическихъ событій соотвѣтственно ихъ выгодѣ. Поэтому кадеты смогутъ признать (что, вѣроятно, стало имъ уже ясно по примѣру германскаго веденія войны), что экономическая жизнеспособность и прочность Германіи въ состояніи выдержать соревнованіе съ англійскими“.

„Можно уже теперь предсказать, что большевистское правительство быть можетъ послѣ нѣсколькихъ промежуточныхъ градацій будетъ снова уничтожено буржуазно-кадетской контръ-революціей, во главѣ которой тогда, по всей вѣроятности, станетъ Великій Князь Николай Николаевичъ“.

Во второй половинѣ 1917-го года и первой половинѣ 1918-го политика Германіи почти всецѣло сосредоточилась въ рукахъ „Верховнаго командованія“. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ порой совершенно не было извѣстно о тѣхъ политическихъ задачахъ, которыя задумывались и проводились въ жизнь „командованіемъ“. Читая Вернера-Дайя, иногда представляется, что не былъ ли онъ однимъ изъ политическихъ вдохновителей „командованія“, или быть можетъ стоялъ слишкомъ близко къ нему, по крайней мѣрѣ мысли, высказанныя имъ въ его трудѣ „Наступленіе на Востокъ“, во многомъ являлись руководящимъ импульсомъ въ политическихъ комбинаціяхъ, воспламенявшихъ шовинистическихъ генераловъ военнаго командованія.

Подтвержденіемъ тому, какъ примѣромъ особо яркимъ, служитъ приведенная выше выдержка. Апрѣль, май и начало іюня 1918-го года были періодомъ, когда германское

„военное командованіе“ въ Россіи, усумнившись въ возможности работать съ большевиками, увлеклось новой политической фантазіей. Занявъ Украину, утвердивъ въ ней гетмана Скоропадскаго, нѣмцы на Дону вошли въ соприкосновеніе съ военными организаціями, объединившимися вокругъ генерала Краснова, который принялъ отъ нѣмецкаго командованія руку помощи и получалъ отъ него снаряды, оружіе, патроны. Зная объ очень тяжеломъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніи добровольческихъ группъ генерала Алексѣева, нѣмцы задумали черезъ генерала Краснова сговориться съ генералами Алексѣевымъ и Деникинымъ и, увлекаясь своей слѣпой самовлюбленностью, возмечтали при помощи этихъ генераловъ выдвинуть и провести на россійскій престолъ популярнаго въ народныхъ массахъ и въ военныхъ сферахъ Великаго Князя Николая Николаевича, проживавшаго въ то время въ Крыму.

Конечно, нѣмцы проиграли задуманную ими новую политическую комбинацію, какъ рѣшительно была проиграна ими ставка на большевиковъ. Генералы Алексѣевъ и Деникинъ категорически отказались отъ какихъ-либо разговоровъ съ ними, а въ отношеніи Великаго Князя Николая Николаевича само собою сомнѣваться нельзя было; все это были слишкомъ національные русскіе люди и слишкомъ понимавшіе въ комъ крылся корень зла, постигшаго Россію, чтобы пойти на какіе-либо компромисы съ нѣмцами и продать имъ свою родину.

Что было дѣлать дальше ограниченнымъ и слѣпымъ германскимъ генераламъ-политикамъ, признававшимъ въ своемъ самомнѣніи единственными способами достиженія цѣлей или насиліе, или провокацію, или подлость. Вотъ теперь-то, примѣрно въ началѣ іюня, возможно, у нихъ возникла мысль достигнуть своихъ экономическо-политическихъ цѣлей новымъ насиліемъ, новой подлостью, и на этотъ разъ надъ измученнымъ физически и морально, провокаторски обезчещеннымъ ими же еще въ мирное время, и нынѣ всецѣло, какъ они могли воображать, находившимся въ ихъ власти и воли, несчастнымъ, сверженнымъ и всѣми забытомъ, бывшимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ. Безвыходность положенія—съ одной стороны, туманившій голову шовинизмъ—съ другой, и вожделѣнія власти со стороны подстрекавшихъ, предавшихся всецѣло нѣмцамъ и перекочевавшихъ въ Берлинъ россійскихъ лже-

націоналистовъ и лже-патріотовъ, могли понудить нѣмецкое командованіе на подлый планъ: *использовать имя бывшаго Царя, какъ угрозу совѣтской власти,* и понудить ее этимъ на полное подчиненіе себѣ и своимъ требованіямъ.

Конечно, если только такой планъ существовалъ, то онъ исходилъ исключительно изъ нѣдръ различныхъ политиканствовавшихъ бюро германскаго „военнаго командованія“ и ни въ коемъ случаѣ не могъ быть продуктомъ творчества Берлинскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Однако пока изученіе и изслѣдованіе исторіи уничтоженія Царской Семьи располагаетъ слишкомъ недостаточными матеріалами, чтобы утверждать безусловность существованія такого плана, и окончательное разъясненіе этого темнаго вопроса принадлежитъ будущимъ историческимъ работамъ. Настоящее же изслѣдованіе вынуждено не обходить вопроса молчаніемъ только потому, что при попыткѣ освѣтить роль центральной совѣтской власти въ преступленіи, совершенномъ въ Ипатьевскомъ домѣ, оно наткнулось на рядъ обстоятельствъ, связанныхъ въ значительной степени въ томъ или другомъ видѣ съ именемъ нѣмецкаго командованія въ Россіи.

Обстоятельства эти слѣдующія:

Съ начала іюня 1918-го года различные совѣтскіе дѣятели стали усиленно распространять свѣдѣнія, что нѣмецкое командованіе въ Москвѣ потребовало отъ совѣтской власти выдачи бывшаго Государя Императора и Его Семьи и перевозки Ихъ въ Германію. Объ этомъ говорили всюду: и въ оффиціальныхъ совѣтскихъ органахъ, и въ салонахъ совѣтскихъ свѣтскихъ дамъ, и въ подпольныхъ бѣлогвардейскихъ организаціяхъ Москвы, и въ широкихъ массахъ населенія Москвы и Екатеринбурга, и даже за границей. А въ рядахъ охранниковъ Августѣйшихъ Узниковъ Ипатьевскаго дома говорилось опредѣленно, что Царская Семья будетъ вывезена въ Германію, и что Императоръ Вильгельмъ пригрозилъ товарищу Ленину, „чтобы ни одинъ волосъ не упалъ съ головы Царя“. Свѣдѣнія эти держались очень упорно и настойчиво, оставляя впечатлѣніе, что быть можетъ такого опредѣленнаго и категорическаго требованія и не существовало, но что-то все-таки похожее было.

Не одни только свѣдѣнія заставляютъ такъ думать, были и косвенныя документальныя указанія на возможность въ этомъ направленіи „нѣжнаго давленія“ со стороны нѣмецкаго командованія на оффиціальную совѣтскую власть.

Въ серединѣ іюня со стороны Одессы пріѣхалъ въ Екатеринбургъ уже упоминавшійся раньше нѣкто, назвавшійся Иваномъ Ивановичемъ Сидоровымъ. „Какъ же вы черезъ фронтъ пробрались?"—спросили его. „Фронта никакого нѣтъ, отвѣтилъ онъ, былъ нѣмецкій кордонъ, и нѣмцы меня пропустили, а дальше никакихъ „товарищей" не видѣлъ".

Повѣрить такому заявленію рѣшительно нельзя. Сидоровъ—это слишкомъ опредѣленный контръ-революціонеръ для совѣтской власти: бывшій флигель-адъютантъ, офицеръ дѣйствительной службы, выѣхавшій изъ непріятельскаго для совѣтской власти раіона, могъ проѣхать въ довольно краткій срокъ отъ Одессы до Екатеринбурга только при исключительномъ покровительствѣ обстоятельствъ, выражавшемся въ то время въ сотрудничествѣ съ нѣмцами и въ вынуждаемомъ ими согласіи совѣтскихъ властей. Къ тому же изъ словъ самого Сидорова вытекало, что у него были, повидимому, достаточно легальные документы для путешествія въ то время по Россіи.

Между тѣмъ Иванъ Ивановичъ пріѣхалъ въ Екатеринбургъ съ опредѣленной цѣлью—для переговоровъ съ заключеннымъ въ Ипатьевскомъ домѣ бывшимъ Царемъ, и не стѣснялся особенно говорить объ этомъ со многими, совершенно не зная своихъ собесѣдниковъ. Онъ говорилъ, что необходимо спасти Царскую Семью, что для этого надо сплотить офицерство, что надо все сдѣлать для предотвращенія опасности, которая угрожаетъ Семьѣ. Сидоровъ высказывалъ, что необходимо, чтобы Государь Николай Александровичъ былъ опять Царемъ, а не Великій Князь Михаилъ Александровичъ, у котораго „не такой характеръ". Что подъ этимъ подразумѣвалъ Сидоровъ—неизвѣстно, но о наличіи опасности для Царской Семьи онъ заявлялъ опредѣленно. Сидоровъ посѣщалъ въ Екатеринбургѣ нѣкоторыхъ лицъ не одинъ; съ нимъ появлялся иногда, какъ онъ его называлъ, „адъютантъ", но съ которымъ онъ говорилъ не по русски, а на какомъ-то иностранномъ языкѣ.

Въ Екатеринбургѣ Иванъ Ивановичъ сошелся съ докторомъ Деревенько, который бывалъ въ домѣ Ипатьева и навѣщалъ больного Наслѣдника Цесаревича. Черезъ Деревенько ему удалось установить доставку заключеннымъ молока, яицъ, масла, хлѣба, сливокъ и т. п.; доставка продуктовъ производилась ежедневно, начиная съ 18-го іюня. Бывшій комендантомъ „дома особаго назначенія" комиссаръ

Авдѣевъ относился въ общемъ благосклонно къ этой доставкѣ продуктовъ Царской Семьѣ и пошелъ даже дальше, передавая приносившимъ продукты женщинамъ разныя мелкія просьбы заключенныхъ—принести нитокъ, иголокъ и т. п., а однажды его помощникъ Мошкинъ передалъ, что „Императору нуженъ табакъ“, причемъ именно сказалъ „Императоръ“.

Такимъ образомъ Сидоровъ для сношенія съ бывшимъ Царемъ имѣлъ два пути: словесный и письменный—черезъ доктора Деревенько, и только письменный—черезъ доставляемые продукты. Оба эти пути связи просуществовали три недѣли, до 5—8 іюля, когда новый комендантъ дома Янкель Юровскій прекратилъ посѣщенія доктора Деревеньки и ограничилъ доставку продуктовъ только молокомъ. Слѣдовательно, Иванъ Ивановичъ располагалъ вполнѣ достаточнымъ временемъ для необходимыхъ переговоровъ съ заключенными.

Но въ концѣ іюня Сидоровъ уѣхалъ изъ Екатеринбурга также благополучно, какъ и пріѣхалъ, заявивъ передъ отъѣздомъ, что онъ „не сошелся во взглядахъ“ съ офицерами находившейся въ Екатеринбургѣ Академіи Генеральнаго Штаба. Привезенныхъ съ собой писемъ для Царской Семьи: отъ Толстыхъ, Хитрово и Иванова Луцевина, и иконы въ футлярѣ по назначенію онъ не передалъ и они попали въ слѣдственное производство. Онъ уѣхалъ, сознательно оставивъ Царскую Семью передъ той опасностью, которая, по его же словамъ, Ей угрожала.

Была ли связь между миссіей Сидорова и политическими планами, увлекавшими нѣмецкое командованіе, опредѣленно ничего сказать нельзя, но одно, что можно заключить, что предложенія, привезенныя Сидоровымъ бывшему Царю, оказались непріемлемыми для послѣдняго, не смотря на весь ужасъ состоянія съ Дѣтьми во власти большевистскихъ изувѣровъ руководителей и подъ охраной гнусныхъ каторжниковъ Летеминыхъ. Нельзя допустить, что Сидоровъ не смогъ передать цѣли своей миссіи бывшему Царю черезъ посредство доставлявшихся продуктовъ, или проще на словахъ черезъ доктора Деревенько. Не могъ же быть докторъ Деревенько такимъ низкимъ человѣкомъ, чтобы отказать въ передачѣ, не подвергая себя при этомъ никакой опасности? Слѣдовательно, само по себѣ предложеніе Сидорова было таковымъ, которому Государь предпочелъ смерть со всей Своей

Семьей, чѣмъ принять отъ Ивана Ивановича протянутую съ условной милостыней руку. А таковымъ непріемлемымъ предложеніемъ для бывшаго Государя Императора могла быть прежде всего какая-нибудь компромиссная сдѣлка съ нѣмецкой оріентаціей.

Съ отъѣздомъ Сидорова изъ Екатеринбурга совпадаютъ тѣ слухи объ убійствѣ бывшаго Царя, которые усиленно распространились по Москвѣ и о которыхъ уже говорилось выше. Замѣтно, что оффиціальная совѣтская власть была безусловно обезпокоена возможностью такого убійства, что едва ли вытекало изъ какихъ-либо гуманныхъ тенденцій этой власти, такъ какъ по своему существу гуманность не соотвѣтствовала духу большевистскихъ принциповъ. Между тѣмъ извѣстно, что повѣрка слуховъ была экстренно возложена Ленинымъ на командующаго арміей Берзина, что послѣдній очень серьезно отнесся къ этому порученію и производилъ повѣрку цѣлой комиссіей и, судя по словамъ Саковича, отвѣтственность за цѣлость Царя была возложена Ленинымъ на самого Берзина. Для совѣтской власти забота о сохраненіи Царской Семьи могла быть слѣдствіемъ какихъ-либо политическихъ разсчетовъ, своихъ или нѣмецкихъ, но ни въ коемъ случаѣ не гуманитарнаго начала. Еврей Сафаровъ, изъ партіи израильскихъ революціонеровъ Бронштейна, изувѣръ анти-оффиціальной совѣтской власти и противникъ ея готовности идти на уступки и соглашательства, въ своей статьѣ „казнь Николая Кроваваго“, настойчиво утверждаетъ, что въ имперіалистическихъ и бѣлогвардейскихъ лагеряхъ существовали въ это время стремленія возстановить при помощи нѣмцевъ въ Россіи монархическій строй во главѣ съ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ. При всей невозможности серьезно считаться съ матеріалами Сафаровскаго изготовленія, нельзя не отмѣтить, что и онъ, подобно Вернеру-Дайя, ставитъ во главѣ движенія кадетъ и, соотвѣтственно нѣмецкимъ фантазерамъ изъ генераловъ, усматриваетъ въ генералѣ Алексѣевѣ средство для достиженія бѣлогвардейцами цѣли.

Нѣтъ дыма безъ огня, говоритъ пословица, и во всѣхъ разговорахъ, безпокойствахъ и обстоятельствахъ не могло не быть какого-то, пока не выясненнаго основанія. Въ Москвѣ въ это время проживалъ Великій Князь Павелъ Александровичъ съ супругой—графиней Палей. Сынъ ихъ, графъ Владиміръ Палей, находился въ Алапаевскѣ, гдѣ онъ со-

держался съ заключенными тамъ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ и Князьями Іоанномъ, Игоремъ и Константиномъ Константиновичами. Съ ними же Владиміръ Палей погибъ въ Нижне-Семиченской шахтѣ. Въ одномъ изъ писемъ отъ близкаго человѣка, адресованномъ Владиміру Палею изъ Москвы въ іюнѣ мѣсяцѣ, имѣется тоже упоминаніе о разговорахъ того времени: „здѣсь всѣ говорятъ, что по требованію нѣмцевъ Царскую Семью перевезутъ въ Германію“. Дѣйствительно, въ концѣ іюня оффиціальныя совѣтскія власти въ Москвѣ отдали приказаніе Екатеринбургу подготовить въ Перми поѣздъ для вывоза куда-то Августѣйшей Семьи. Было ли это результатомъ „нѣжнаго давленія“ нѣмецкаго командованія, дѣйствительно ли таковое имѣло искреннее намѣреніе вывезти Царя насильственно къ себѣ на родину, или только пользовалось такимъ требованіемъ, какъ угрозой совѣтской власти?... вопросы неразрѣшенные, но поѣздъ готовился Екатеринбургской совѣтской властью и готовился безусловно для Царской Семьи.

Характерно, что разводящій охранной команды Анатолій Якимовъ, присутствовавшій при разстрѣлѣ въ Ипатьевскомъ домѣ, говоритъ, что послѣ того какъ Царская Семья собралась въ нижней комнатѣ и палачи заняли свои мѣста, Янкель Юровскій, обратясь къ Государю, сказалъ: „Николай Александровичъ. Васъ родственники хотѣли спасти, но этого имъ не пришлось и мы должны Васъ сами разстрѣлять“. Охранникъ Проскуряковъ, слышавшій объ обстоятельствахъ разстрѣла отъ другихъ очевидцевъ, стоявшихъ поодаль, передаетъ слова Янкеля Юровскаго въ такой редакціи: „Ваши родственники не велятъ Вамъ больше жить“. Та ли или другая была сказана фраза, суть не измѣняется — Янкель Юровскій опредѣленно указалъ на какія-то поползновенія „родственниковъ“. Подъ „родственниками“ для полуграмотнаго Янкеля Юровскаго были опредѣленно нѣмцы, Вильгельмъ. Если бы не было въ дѣйствительности какихъ-то поползновеній, давленій нѣмцевъ, то зачѣмъ было бы Янкелю Юровскому упоминать о нихъ Государю передъ убійствомъ? Янкель Юровскій изувѣръ изъ партіи Бронштейна; онъ отлично освѣдомленъ о всѣхъ оффиціальныхъ и тайныхъ дѣяніяхъ главарей совѣтской власти. Ему не было никакихъ основаній выдумывать исторію о „родственникахъ“ передъ совершеніемъ преступленія.

Трудно допустить, чтобы наврали Якимовъ и Проскуряковъ; эти слова Янкеля Юровскаго были приведены ими въ ихъ первыхъ показаніяхъ, данныхъ въ разныхъ пунктахъ разнымъ допрашивавшимъ судебнымъ лицамъ и въ разное время. Сговора между ними не могло быть, такъ какъ послѣ совершившагося убійства пути ихъ разошлись.

Таковы обстоятельства, съ которыми встрѣтилось изученіе Ипатьевскаго кошмарнаго преступленія, и съ которыми нельзя не считаться. Оффиціальная совѣтская власть въ Москвѣ *могла быть* подъ тѣмъ или другимъ давленіемъ нѣмецкаго командованія въ этотъ именно періодъ своего существованія.

Но пока нѣмцы въ Россіи витали въ области различныхъ фантастическихъ комбинацій и купались въ морѣ своей самонадѣянной слѣпоты, партія энергичнаго, фанатичнаго Бронштейна подготовлялась къ нанесенію рѣшительныхъ ударовъ: одного—по главному внѣшнему противнику текущаго момента—по нѣмцамъ, и другого – по главному внутреннему, духовно-политическому противнику—по носителямъ идеологическихъ началъ русскаго народа. Діавольское счастье, организаціонные и, главное, агитаціонные таланты были на сторонѣ изувѣровъ израильскаго племени, и не слѣпымъ, политически бездарнымъ большевикамъ справа было бороться съ этими исторически искусившимися во *лжи,* хитрости и политической ловкости революціонерами міровой славы.

Въ одной изъ своихъ рѣчей Лейба Бронштейнъ говоритъ: „кровавый кейзеръ и его генералы не изъ чувства глубокой симпатіи вступили съ нами въ переговоры. Если бы ихъ предоставить собственной волѣ, то Германія еще неоднократно попыталась бы схватить за горло революціонную Россію, и, если бы это удалось ей, то Россія погибла бы подъ аплодисменты буржуазіи и нашихъ всѣхъ союзниковъ“. Въ этихъ словахъ въ Лейбѣ Бронштейнѣ какъ будто дышетъ жаръ русскаго націоналиста. Но слово „Россія“ употреблено имъ лишь по моменту. Въ дѣйствительности же онъ ратуетъ не за Россію, а за революціонный Израиль; Россію онъ самъ погубилъ подъ аплодисменты нѣмецкихъ генераловъ и своихъ революціонеровъ Израиля, а теперь уже революціонному Израилю угрожала опасность,

и надъ его защитой и обезпеченіемъ ему побѣды работалъ Лейба Бронштейнъ съ своими сподвижниками по духу и по разсчету. Если въ мирное время агитаціонная работа Бронштейновъ сумѣла загипнотизировать міръ, овладѣть его волей и воспрепятствовать кому бы то ни было подымать противъ нихъ голосъ, подъ угрозой яростныхъ обвиненій въ черносотенствѣ, ретроградствѣ, косности и безнравственности принциповъ, то въ періодъ напряженнѣйшей борьбы за революціонную власть различныхъ соціалистическихъ теченій, на фонѣ общей ненависти другъ къ другу всѣхъ партій въ одномъ народѣ и всѣхъ народовъ между собой, Бронштейнамъ немного труда надо было, чтобы одержать побѣду, даже въ той критической обстановкѣ, которая сложилась для совѣтской Россіи въ то время.

Изувѣры евреи, имѣя всюду свою агентуру, были отлично освѣдомлены о внутреннемъ положеніи въ Германіи. Они знали, что нѣмецкіе легкомысленные генералы, насадивъ большевизмъ въ Россіи, успѣли заразить той же болѣзнью и свой народъ. Они понимали, что при такомъ настроеніи нѣмецкихъ массъ, генералы уже не въ состояніи выступить открыто противъ совѣтской власти. Въ ихъ силахъ оставалось дѣйствовать только тайно, за-кулисно, а потому и революціонеры Израиля рѣшили прибѣгнуть къ тому же способу дѣйствія, признавая моментъ благопріятнымъ для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ.

6-го іюля послѣдовалъ первый громовой ударъ противъ нѣмцевъ. Удачно спровоцированные элементы лѣвыхъ эс-эровъ убили въ Москвѣ представителя Германіи Мирбаха и подняли слабое возстаніе противъ совѣтской власти. Возстаніе было быстро и кроваво подавлено. Атака была удачной; нѣмцы, ошеломленные дерзостью удара и поколебленные общимъ для нихъ положеніемъ до потери способности противостать ими же созданной совѣтской власти, отказались отъ активной борьбы съ ней. Поле внѣшней битвы осталось за партіей Бронштейна. Оставалось нанести столь же искуссно второй, внутренній ударъ.

Началось съ гоненій на церкви, агитаціи противъ религій, съ исключенія преподаванія Закона Божія, установленія налоговъ на иконы, національизаціи по отдѣльнымъ областямъ женщинъ, дѣтей, преслѣдованія родителей за обученіе дѣтей молитвамъ и съ колоссальнаго истребленія лицъ духовнаго званія. Послѣднее на Уралѣ вылилось въ такія

громадныя цифры убитыхъ, замученныхъ, задушенныхъ пастырей церкви и служителей церковныхъ причтовъ, монаховъ и монашекъ, что не могло оставлять никакого сомнѣнія въ истинномъ смыслѣ и дѣйствительной цѣли проводимыхъ мѣропріятій. Самъ характеръ истребленія принялъ формы какого-то исключительнаго изувѣрства, свойственнаго только фанатикамъ древнѣйшихъ дикихъ, темныхъ сектъ, вѣрованій и религій. Для всякаго христіанина, не отуманеннаго дымомъ предшествовавшихъ революціонныхъ соціалистическихъ экспериментовъ 1917 года, не могло не бросаться въ глаза, что вдохновителями всѣхъ этихъ разнообразныхъ видовъ изувѣрскихъ мученій и истязаній лицъ духовнаго званія должны были быть люди не русскаго происхожденія, хотя въ оффиціальныхъ матеріалахъ, касающихся всѣхъ этихъ совершенныхъ „казней" контръ-революціонеровъ и упоминающихъ объ исполнителяхъ казни, фигурируютъ исключительно имена русскаго племени.

Революціонеры Израиля центральной совѣтской власти приближались къ конечной цѣли. Уже два раза ихъ попытки наложить руку на „Помазанника Божія" оканчивались неудачей: въ первый разъ по неосторожности еврея Заславскаго, и во второй разъ по честности соціалиста Яковлева. Въ обоихъ случаяхъ значительнымъ препятствіемъ явились русскіе люди изъ народа—охрана изъ русскихъ людей. Теперь паразиты Израиля рѣшили все это учесть.

Въ концѣ іюня въ Москву былъ вызванъ изъ Екатеринбурга областной военный комиссаръ и членъ президіума Исаакъ Голощекинъ. Остановился онъ у Янкеля Свердлова. Съ его пріѣздомъ въ ЦИКѣ было приступлено къ обсужденію вопроса о дальнѣйшей судьбѣ Царской Семьи, причемъ оффиціально, повидимому, рѣшили вывезти Ее изъ Екатеринбурга. Однако одновременно, вѣроятно именно въ это же время, вдохновителями изувѣрами было предрѣшено уничтожить Царскую Семью и другихъ Членовъ Дома Романовыхъ, проживавшихъ на Уралѣ. Къ уничтоженію Царской Семьи, какъ къ совершенію акта исключительной революціонной идеи, израильскіе главари безусловно подходили съ опаской и страхомъ, вызвавшими нервность и возбужденность, отмѣченныя даже Саковичемъ. Причинъ къ этому было двѣ: одна—глубокаго внутренняго чувства, другая—внѣшняго, сознательнаго характера. Для вдохновителей и руководителей преступленіемъ уничтоженіе „Помазанника Божія" и

Его Семьи было опредѣленнымъ актомъ борьбы съ Богомъ, основнымъ, историческимъ импульсомъ всего ихъ революціоннаго чувства. Въ этомъ отношеніи какими бы они ни были изувѣрами, въ нихъ не могъ не родиться тотъ же страхъ, который охватилъ воиновъ, пришедшихъ отъ начальниковъ и первосвященниковъ взять Іисуса Христа; когда Онъ имъ сказалъ: „это Я", они отступили назадъ и пали на землю. Какъ историческіе преемники революціонеровъ Израиля, они не могли не чувствовать страха *послѣдствій* преступленія: „мы вспомнили, что обманщикъ тотъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней воскресну". И въ этихъ цѣляхъ они думали не только объ убійствѣ Царской Семьи, но именно объ *уничтоженіи*, полагая по своей религіи *Лжи*, что физическое, матеріальное уничтоженіе можетъ предотвратить *воскресеніе* духовное.

И на этотъ разъ первоначально намѣчалось использовать для уничтоженія Царской Семьи предполагавшуюся оффиціальную Ея перевозку изъ Екатеринбурга. Когда при второй попыткѣ обсуждался способъ уничтоженія въ аналогичной перевозкѣ, то разсматривалось два плана: или устроить крушеніе поѣзда, или организовать провокаціонную защиту отъ мнимаго покушенія злоумышленниковъ. Повидимому, теперь остановились сначала на второмъ планѣ, и для „охраны" поѣзда былъ выдѣленъ, какъ и при попыткахъ въ Тобольскѣ, особый отрядъ латышей, мадьяръ и нѣмцевъ изъ состава того же интернаціональнаго Голощекинскаго „особаго отряда". Для организаціи же „дѣла, согласно указаніямъ центра", въ Пермь былъ командированъ изъ Екатеринбурга пьяница и распутникъ комиссаръ Сыромолотовъ.

Съ другой стороны вдохновители и руководители преступленія приняли на этотъ разъ мѣры для огражденія задуманнаго злодѣянія со стороны вліянія людей охраны, составленной изъ простыхъ людей, хотя бы таковыми являлись самые типичные „товарищи" и даже „сознательные рабочіе". Русскій человѣкъ, русскій народъ—были второй причиной ихъ страха передъ лицомъ подготовляемаго ими идейнаго преступленія. Они были совершенно лишены возможности совершить убійство открыто, явно, на глазахъ массы, не боясь ея, какъ совершали они тысячи своихъ другихъ убійствъ по политически-гражданскимъ и „демократическимъ" мотивамъ. Этимъ обстоятельствомъ рѣзче

всего подчеркивается, кто въ дѣйствительности только и могли быть вдохновителями и руководителями этого анти-идеологическаго преступленія противъ русскаго народа. Это могли быть только тѣ, для которыхъ Богоискательство духовной натуры русскаго народа въ массѣ было важнѣйшей преградой въ достиженіи конечной цѣли религіи *Лжи* и главнѣйшимъ объектомъ для борьбы. Это могли быть только тѣ сотрудники совѣтской власти, которые въ своей плоти и крови носили историческій революціонный ядъ борьбы съ тѣмъ же началомъ въ глубокой древности въ своемъ собственномъ народѣ.

Такимъ выдѣленіемъ личностей вдохновителей и руководителей преступленія вовсе не устраняется участіе оффиціальной совѣтской власти въ уничтоженіи Царской Семьи и полная ея отвѣтственность передъ русскимъ народомъ въ этомъ злодѣяніи. Оффиціальная совѣтская власть добровольно и охотно во всей своей массѣ санкціонировала планы и факты преступленія и съ полной безпринципностью и безнравственностью пошла по путямъ *лжи* въ дальнѣйшей исторіи сокрытія преступленія отъ своего народа и истиннаго свѣта. Но оффиціальная совѣтская власть руководилась при проведеніи преступленій этого рода общими низменными, *тактическими принципами* гражданско-политическаго характера, тогда какъ вдохновителями въ ея средѣ должны были быть изувѣры, руководившіеся сильными отрицательными *идейными* началами. Это отдѣляетъ въ совѣтской власти вдохновителей отъ вдохновляемыхъ. Въ этомъ отношеніи вдохновители идейнаго изувѣрскаго убійства Царской Семьи выдѣляются изъ оффиціальной совѣтской власти.

Трудно установить, опасались ли вдохновители преступленія охраны изъ русскихъ рабочихъ, состоявшей при Царской Семьѣ въ Ипатьевскомъ домѣ только потому, что не довѣряли вообще русскому человѣку изъ обыкновенныхъ крестьянъ или рабочихъ, или же, кромѣ этого опасенія, существовала еще боязнь, вытекавшая изъ возможнаго нѣмецкаго давленія. Въ послѣднемъ случаѣ могла повториться снова исторія Тобольскихъ неудачъ, т.-е. въ критическую минуту охрана оказалась бы на сторонѣ Царской Семьи и тѣхъ, кто Ее вывозилъ бы по оффиціальному распоряженію совѣтской власти. Тогда приведеніе въ исполненіе задуманнаго преступленія сильно осложнилось бы, такъ какъ злоумышленникамъ едва ли удалось бы обмануть охрану.

Какъ бы то ни было въ дѣйствительности, но составъ и настроеніе внутренней охраны дома Ипатьева сильно безпокоили въ Москвѣ Янкеля Свердлова и Исаака Голощекина, и по этому поводу, вѣроятно, были секретные переговоры съ руководителями въ Екатеринбургѣ, что опредѣленно вытекаетъ изъ отвѣта Бѣлобородова Исааку Голощекину отъ 4-го іюля, попавшаго въ матеріалы слѣдственнаго производства, въ которомъ онъ сообщалъ о произведенныхъ замѣнахъ въ составѣ внутренней охраны (полный текстъ документа приведенъ въ 1-й главѣ настоящей книги). Это безпокойство и вызванная имъ переписка свидѣтельствуютъ также, что задуманный вдохновителями въ Москвѣ рѣшительный ударъ такъ нервировалъ ихъ, такъ подрывалъ ихъ спокойствіе, что они начинали уже какъ бы не довѣрять своимъ агентамъ (Сафарову, Войкову, Юровскому) въ Екатеринбургѣ и считали нужнымъ вдаваться чрезмѣрно въ детали дѣла, опасаясь новой неудачи, подобной Тобольскимъ.

Но вотъ обстановка измѣнилась и сложилась благопріятно для изувѣровъ—рѣшительная побѣда надъ нѣмцами 5—6 іюля освобождаетъ вдохновителей отъ необходимости прибѣгать къ сложному плану уничтоженія Царской Семьи при перевозкѣ. Частными распоряженіями перевозка откладывается, интернаціональная охрана поѣзда отзывается, и въ Екатеринбургъ помчался самъ Исаакъ Голощекинъ приводить въ исполненіе новый планъ уничтоженія Августѣйшихъ Узниковъ простѣйшимъ, болѣе вѣрнымъ, но и исключительнымъ по изувѣрству способомъ. Окончательныя детали какъ самаго убійства, такъ и способовъ уничтоженія тѣлъ убитыхъ, были, конечно, разработаны уже на мѣстѣ ближайшими руководителями и исполнителями злодѣянія, которые однако, повидимому, въ силу существовавшей сугубой субординаціи въ Бронштейновской организаціи, представляли каждый свой шагъ, ранѣе его исполненія, на утвержденіе въ Москву. Это можно судить, напримѣръ, потому, что даже проэктъ извѣщенія Екатеринбургскаго президіума о разстрѣлѣ бывшаго Царя передавался, еще до совершенія убійства, утромъ 16-го іюля, на цензуру Янкелю Свердлову, и только по утвержденіи центральной властью, извѣщеніе было опубликовано въ Екатеринбургѣ.

Въ одномъ изъ ящиковъ канцелярскаго стола въ помѣщеніи бывшаго Екатеринбургскаго президіума нашелся цѣнный для исторіи преступленія документъ, характери-

зующій роль главарей-изувѣровъ центра въ совершившемся въ Ипатьевскомъ домѣ злодѣяніи и ихъ причастность къ трагедіи въ Алапаевскѣ и Перми. Это запись разговора по прямому проводу Янкеля Свердлова, повидимому, съ Бѣлобородовымъ, который вообще посвящался въ тайные планы вдохновителей лишь по столько, по сколько это нужно было для проведенія вопросовъ черезъ мѣстные оффиціальные органы власти, почему, напримѣръ, онъ не зналъ, что убійство въ Алапаевскѣ было совершено по телеграфному приказу, подписанному его товарищемъ евреемъ Сафаровымъ.

Вотъ этотъ документъ:

„Свердловъ.—Прежде всего сообщи работа Алапаехп дело рук КОМИСЛ (слѣдственной комиссіи исполнительнаго комитета) или нет?

„Отвѣтъ.—Сейчас об этом ничего не известно. Производится разследование.

„Свердловъ.—Необходимо немедленно запросить Мотовилиху и Пермь. Примите меры скорейшему оповещению нас. Что у васъ слышно?

„Отвѣтъ.—Положение на фронте несколько лучше чем казалось вчера. Выясняется, что противник оголил все фронты и бросил все силы на Екатеринбург; удержим ли долго Екатеринбург трудно сказать. Принимаем все меры к удержанию. Все лишнее из Екатеринбурга эвакуировано.

„Вчера выехал к вам курьер с интересующими вас документами; сообщи решение ЦИК и можем ли мы оповестить население известным вам текстом?

„Свердловъ.—В заседании президиума ЦИК от 18-го постановлено признать решение Ур. обл. совдепа правильным. Можете публиковать свой текст; у нас вчера во всех газетах было помещено соответствующее сообщение; сейчас послал за точным текстом и передам его тебе. Пока же сообщаю следующее: 1) держитесь во чтобы то ни стало, посылаем подкрепления во все районы; отправляем значительные отряды; надеемся при их посредстве сломить Чехов. 2) посылаем на все фронты несколько сот надежных партийной публики из Питерских и Московских рабочих специальной работы среди армии, так и среди населения. 3) еще раз напоминаю необходимости обезпечить тыл. 4) сообщу о немцах. После убийства Мирбаха немцы потребовали ввода баталиона в Москву. Мы категорически отка-

зали; были на волосок от войны. Немцы теперь отказались от этого требования. Повидимому войны сейчас не будет.

„Больше пока ничего сообщить нечего.

„Сейчас передам точно текст нашей публикации".

Дальше идетъ дословный текстъ объявленія центральной совѣтской власти о „казни Николая Романова", помѣщеннаго выше и перепечатаннаго изъ № 144 газеты „Уральскій Рабочій".

Необходимо имѣть въ виду, что разговоръ по прямому проводу происходилъ въ присутствіи постороннихъ лицъ— телеграфистовъ и чиновниковъ, почему оба разговаривавшіе сдержанны въ выраженіяхъ и словахъ. Такъ Свердловъ, знавшій уже раньше о предстоящемъ убійствѣ Царской Семьи, совершенно не касается существа этого преступленія, а Бѣлобородовъ иносказательно сообщаетъ ему о высылкѣ съ курьеромъ интересующихъ центральную власть документовъ: это Исаакъ Голощекинъ, везущій въ Москву три таинственныхъ тяжелыхъ ящика, въ которыхъ, можно предполагать, были головы несчастныхъ жертвъ.

Характеренъ вопросъ Янкеля Свердлова о КОМИСЛ: это органъ, изъ котораго затѣмъ развернулись чрезвычайныя слѣдственныя комиссіи и который въ то время былъ спеціальнымъ органомъ партіи Бронштейна по выполненію на мѣстахъ всѣхъ необходимыхъ ей террористическихъ актовъ. Сѣть этихъ органовъ управлялась непосредственно изъ центральнаго органа въ Москвѣ, сплошь да рядомъ минуя исполнительные органы оффиціальной совѣтской власти на мѣстахъ. Организуя такую сѣть для Уральской области, Москва избрала мѣстнымъ ея центромъ Мотовилихинскій заводъ и Пермь, а не Екатеринбургъ, почему распоряженія слѣдственной комиссіи могли легко не быть извѣстными въ административныхъ органахъ края. Членами именно Мотовилихинской слѣдственной комиссіи, Алексѣемъ Плѣшковымъ, Иваномъ Бересневымъ и Жужговымъ, было совершено похищеніе и убійство Великаго Князя Михаила Александровича. Поэтому-то знавшій объ этомъ Янкель Свердловъ и указываетъ Бѣлобородову кого надо запросить по Алапаевскому убійству, т.-е. кто помимо Екатеринбургскихъ дѣятелей могъ совершить преступленіе. Быть можетъ Бѣлобородовъ и зналъ всѣ обстоятельства, но передъ телеграфистами никакого другого отвѣта Янкелю Свердлову дать не могъ, такъ какъ оффиціально онъ доносилъ въ

Москву, что Великіе Князья въ Алапаевскѣ похищены бѣлогвардейской бандой.

Приведенный документъ лишній разъ подтверждаетъ, что вдохновительнымъ центромъ убійства Царской Семьи и другихъ Членовъ Дома Романовыхъ не могла не быть Москва. „Можете публиковать свой текстъ", снисходительно и почти пренебрежительно отвѣчаетъ Янкель Свердловъ предсѣдателю Екатеринбургскаго областного совѣта Бѣлобородову; мы свое уже опубликовали и вамъ сейчасъ его сообщу, а ваше, если хотите, публикуйте... вотъ кажется смыслъ тона вдохновителя Янкеля Свердлова; тонъ снисходительнаго, но сознающаго свою власть начальника къ провинціальному подчиненному.

Они вдохновители послѣ удачно совершеннаго преступленія почувствовали свои силы совершенно окрѣпшими въ Россіи. Шайка циммервальдовскихъ революціонеровъ Израиля почувствовала себя полными, свободными и всесильными хозяевами водворенія въ Россіи царства религіи *Лжи*, опыта, неудавшагося ихъ племеннымъ предкамъ въ Израилѣ. Начался тотъ неудержимый разгромъ жизни былой могучей и сильной духомъ страны, который повергъ ее въ современное притупленное, придушенное состояніе. Началась та безконечная Вальпургіева ночь, пляска дикихъ и сатанинскихъ соціалистическихъ экспериментовъ, которая бросила обезумѣвшихъ и изголодавшихся людей въ погонѣ за кускомъ земного хлѣба въ кровавую Антихристову борьбу: брата на брата, отца на сына, сына на мать и матери на дочь. И въ тріумфѣ своей побѣды, упиваясь успѣхомъ, вдохновители изувѣры готовы крикнуть Россіи: „Мы распяли вашу Россію, мы распяли вашу идеологію..."

„Если ты Христосъ—сойди съ креста..."

„Истинно, истинно говорю вамъ, звучатъ свѣтлыя и благостныя, далекія, но вѣчныя слова Іисуса Христа, если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода".

Послѣ преступленія.

Недолго продержалась „столица краснаго Урала“ Екатеринбургъ въ совѣтской власти послѣ совершившагося въ ея стѣнахъ кроваваго, кошмарнаго преступленія. Приближеніе войскъ Войцеховскаго вынудило главарей областного совѣта бѣжать на Пермь. Съ ними же скрылись изъ города чины чрезвычайной слѣдственной комиссіи, большая часть охранниковъ отряда особаго назначенія и всѣ люди особаго отряда Петра Ермакова. Всѣ они, совершивъ изувѣрское злодѣяніе въ Ипатьевскомъ домѣ, умчались продолжать свою преступную дѣятельность въ Перми и ея окрестностяхъ и разсыпались по разнымъ направленіямъ.

Большая часть областныхъ комиссаровъ покинула городъ 24-го іюля, всего часовъ за 6 до вступленія передовыхъ Сибирскихъ и Чешскихъ частей, и направилась въ подготовленномъ поѣздѣ на Пермь черезъ Богдановичи и Алапаевскъ, такъ какъ Кунгурское направленіе было уже перехвачено бѣлогвардейскими войсками. Комиссарскій поѣздъ, обезпечивая себѣ по совѣту Янкеля Свердлова тылъ, хитроумно прикрывался отъ возможныхъ случайностей двигавшимся передъ нимъ эшелономъ офицеровъ Академіи Генеральнаго Штаба во главѣ съ генераломъ Андогскимъ; „пусть разстрѣляютъ ученыхъ офицеровъ, а мы успѣемъ скрыться“, говорили комиссары, достойные творцы новой совѣтской Россіи. Они ѣхали отдыхая, въ веселомъ настроеніи и сильно пьянствуя. Одинъ изъ нихъ, судя по описанію комиссаръ Тупетулъ, членъ областного президіума и участникъ совѣщаній, обсуждавшихъ „перевозку“ Царской Семьи въ Екатеринбургъ, сильно подвыпивши, часто бѣгалъ на паровозъ и отводилъ душу въ бесѣдѣ съ паровознымъ машинистомъ. Разсказывалъ онъ ему о себѣ, дѣлился впечатлѣніями о пережитыхъ послѣднихъ дняхъ въ Екатеринбургѣ, повѣдалъ и объ убійствѣ Царской Семьи. Разсказывалъ, какъ подвыпившій некультурный человѣкъ, съ подробностями, деталями, упоминалъ и о дѣятеляхъ этого преступленія, главаряхъ и исполнителяхъ, такъ что у машиниста, до того стоявшаго совершенно въ сторонѣ отъ событій въ городѣ и дѣятельности совѣтскихъ представителей, составилось опредѣленное и прочное мнѣ-

ніе: „главарь преступленія въ Ипатьевскомъ домѣ—это Исаакъ Голощекинъ, все отъ него исходило“.

Исаакъ Голощекинъ выѣхалъ изъ Екатеринбурга въ отдѣльномъ вагонъ-салонѣ поздно вечеромъ 19-го іюля и направился прямо въ Москву. Онъ ѣхалъ тѣмъ спеціальнымъ курьеромъ, о которомъ Бѣлобородовъ сообщалъ Янкелю Свердлову въ разговорѣ по прямому проводу, и который везъ „документы“, интересовавшіе Янкеля Свердлова. Онъ везъ съ собой въ салонѣ три очень тяжелыхъ не по объему ящика. Это не были сундуки или чемоданы изъ числа тѣхъ Царскихъ, въ которые Янкель Юровскій съ Никулинымъ послѣ совершенія убійства упаковали разграбленныя и похищенныя ими изъ дома Ипатьева вещи Царской Семьи. Это были самые обыкновенные, досчатые, укупорочные ящики, забитые гвоздями и увязанные веревками, которымъ, не касаясь содержимаго въ нихъ, совсѣмъ было не мѣсто въ салонѣ. Здѣсь же, конечно, они бросались въ глаза и не могли не привлечь къ себѣ вниманія спутниковъ Исаака Голощекина, сопровождавшихъ чиновъ охраны и поѣздной прислуги. Исаакъ Голощекинъ замѣтилъ это и интересовавшимся поспѣшилъ пояснить, что онъ везетъ въ этихъ ящикахъ образцы артиллерійскихъ снарядовъ для Путиловскаго завода.

Въ Москвѣ Исаакъ Голощекинъ, забравъ ящики, уѣхалъ къ Янкелю Свердлову и пять дней жилъ у него, не возвращаясь въ вагонъ. Съ его пребываніемъ въ Москвѣ среди мелкихъ служащихъ совнаркома, преимущественно изъ числа тѣхъ американскихъ эмигрантовъ, съ которыми такъ хорошо была знакома русская военная статистика, распространился слухъ, что Исаакъ Голощекинъ привезъ въ спирту головы бывшаго Царя и Членовъ его Семьи, а одинъ болѣе пессимистически смотрѣвшій на прочность совѣтской власти въ Россіи, потирая руки, говорилъ: „ну теперь во всякомъ случаѣ жизнь обезпечена; поѣдемъ въ Америку и будемъ демонстрировать въ кинематографахъ головы Романовыхъ“.

Конечно, такой взглядъ на обезпеченную будущность могъ быть слѣдствіемъ только слуховъ и досужей молвы, но, какъ выразился сподвижникъ и сотрудникъ Исаака Голощекина и Янкеля Юровскаго, докторъ Саковичъ: „я не вѣрю въ разстрѣлъ бывшаго Государя, но, сталкиваясь съ Голощекинымъ и Юровскимъ, я могу допустить, что не

считаясь ни съ чѣмъ, они—циники до мозга костей—*могли совершить любую гнусность*". Отчего бы эти „циники" не могли совершить и другой гнусности, какъ совершили первую, и привезти въ ящикахъ Исаака Голощекина головы христіанскихъ мучениковъ Царской Семьи, какъ неоспоримое доказательство для центральныхъ изувѣровъ Израиля факта совершеннаго убійства. Какіе документы, въ прямомъ значеніи слова, и съ какой цѣлью могли бы интересовать Янкеля Свердлова, Нахамкеса и Бронштейна? Документы о заговорѣ? Но ихъ какъ извѣстно не было, какъ не было и заговора. Дневники Государя? Но совѣтская власть могла располагать ими и безъ убійства. Бѣлобородовъ же въ разговорѣ говоритъ иносказательно объ интересующихъ документахъ, ставя ихъ въ тѣсную связь съ совершеннымъ преступленіемъ. Какіе же это могли быть „документы" въ дѣйствительности, и были ли это „документы" въ прямомъ смыслѣ слова?

Исаакъ Голощекинъ провелъ въ Москвѣ пять безпокойныхъ дней; вдохновителямъ и вдохновляемымъ главарямъ совѣтской власти надо было обдумать и рѣшить, что дѣлать, если преступленіе случайно обнаружится и подымется шумъ, а особенно за-границей, такъ какъ теперь совѣтская власть уже начинала интересоваться вопросомъ, „что скажутъ за-границей", ибо мечтала раздвигать рамки исповѣдуемаго интернаціонала. Но для сыновъ религіи *Лжи* нѣтъ той внѣшней, или внутренней политической дилеммы, которой они не могли бы разрѣшить. То же было и теперь. Было рѣшено, что при надобности все преступленіе будетъ приписано своимъ политическимъ сотрудникамъ и врагамъ—лѣвымъ эс-эрамъ, которые будто бы совершили убійство Царской Семьи въ цѣляхъ дискредитировать совѣтскую власть коммунистовъ.

Черезъ пять дней Исаакъ Голощекинъ съ четырьмя новыми спутниками вернулся въ вагонъ-салонъ и поѣхалъ съ ними въ Петроградъ. Ящиковъ при немъ уже не было. Въ пути были разговоры и о Царской Семьѣ, причемъ Исаакъ Голощекинъ говорилъ спутникамъ, что „теперь дѣло съ Царицей улажено", но особенно по этому поводу не распространялся, такъ что подслушивавшему удалось еще только услыхать, что тѣло бывшаго Царя было сожжено.

Изъ Петрограда Исаакъ Голощекинъ вернулся въ Пермь, гдѣ Уральскій областной совѣтъ снова открылъ свои дѣй-

ствія, а Исаакъ Голощекинъ занялъ въ немъ опять должность военнаго комиссара. Но и въ дальнѣйшемъ Исаакъ Голощекинъ продолжалъ часто ѣздить въ Москву, гдѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ партіи Бронштейна. Въ послѣдній разъ онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Пермь 24-го декабря 1918 года, какъ разъ въ день потери большевиками этого города.

Извѣстно, что за время его дѣятельности въ Перми имя его было постоянно связано съ различными звѣрствами, учиненными совѣтскими властями въ отношеніи духовенства Пермской Епархіи. Онъ причастенъ къ убійству Епископа Гермогена, онъ же фигурировалъ и въ убійствѣ Епископа Андроника. Это былъ по всему одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ партіи Бронштейна, имѣя повсемѣстно исключительное значеніе въ чрезвычайныхъ слѣдственныхъ комиссіяхъ, не входя однако въ ихъ оффиціальный составъ. Это былъ одинъ изъ наиболѣе яркихъ и ярыхъ мѣстныхъ революціонеровъ Израиля, опредѣленно работавшій на поприщѣ идейно-религіозной борьбы партіи Бронштейна.

Правой рукой Исаака Голощекина какъ въ самомъ преступленіи, такъ и въ сокрытіи тѣлъ убитыхъ Членовъ Царской Семьи, былъ Янкель Юровскій. Послѣ совершенія преступленія онъ совмѣстно съ Исаакомъ Голощекинымъ поѣхалъ въ Москву, но что стало съ нимъ дальше пока установить не удалось [1]).

Въ 1920 году въ заграничной печати появились записки и воспоминанія одного англичанина, попавшаго послѣ оставленія Екатеринбурга Сибирскими войсками въ плѣнъ къ большевикамъ и встрѣтившагося тамъ съ Янкелемъ Юровскимъ. По словамъ англичанина, Янкель Юровскій производилъ впечатлѣніе человѣка, если не сумасшедшаго, то сильно нервно потрясеннаго. Онъ выказывалъ признаки страданія маніей преслѣдованія, сильно палъ духомъ, опустился и въ общемъ являлся очень яркимъ типомъ че-

[1]) По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ Янкель Юровскій былъ назначенъ политическимъ комиссаромъ въ 27 совѣтскую дивизію товарища Айзина (еврей изъ Челябинска). Въ концѣ 1919 года эта дивизія была переброшена на Врангелевскій фронтъ, гдѣ Айзинъ съ Юровскимъ и со всѣмъ штабомъ были захвачены бѣлогвардейцами въ плѣнъ и по приговору полевого суда—разстрѣляны.

ловѣка съ нечистой совѣстью, совершившаго преступленіе и теперь ожидающаго ежеминутно расплаты и наказанія за содѣянное зло.

14-го іюля 1918 года въ день, когда для Янкеля Юровскаго уже было извѣстно, что черезъ два дня ему предстоитъ стать палачемъ окарауливаемыхъ имъ Августѣйшихъ Узниковъ, онъ присутствовалъ на послѣднемъ богослуженіи, совершенномъ въ Ипатьевскомъ домѣ для Царской Семьи. Служба прошла въ исключительно тѣсномъ духовномъ общеніи между служившимъ обѣдницу протоіереемъ Сторожевымъ и молившимися Членами Августѣйшей Семьи. Это было именно то рѣдкое, но полное высокой благости настроеніе, которое невольно охватываетъ всѣхъ присутствующихъ и заставляетъ даже невѣрующихъ становиться серьезными, устраняя какія-либо наклонности къ шуткѣ, насмѣшкѣ, издѣвательству или критикѣ.

Когда послѣ окончанія службы отецъ Сторожевъ вошелъ въ комендантскую комнату для того, чтобы переодѣться, онъ услышалъ сзади себя сказанныя серьезнымъ тономъ слова:

„Ну вотъ помолились и отъ сердца отлегло“. Это говорилъ Янкель Юровскій.

Отецъ Сторожевъ ему отвѣтилъ: „Знаете, кто вѣритъ въ Бога, тотъ дѣйствительно получаетъ въ молитвѣ укрѣпленіе силъ“. Тогда Янкель Юровскій, продолжая быть серьезнымъ, сказалъ:

„Я никогда не отрицалъ вліянія религіи и говорю это совершенно откровенно“.

Не слишкомъ ли много Янкель Юровскій взялъ на себя, рѣшившись стать убійцей „Помазанника Божія“ и Его Семьи? Соотвѣтствовали ли его силы силамъ идейнаго послѣдователя Бронштейна, силамъ Богоборца? Не почувствовалъ ли онъ уже послѣ совершенія преступленія, что онъ перешелъ ту грань, за которой человѣкъ не можетъ не только исповѣдывать, но даже говорить о какой либо религіи Духа? Сознательно ли онъ вступилъ на поприще религіозной борьбы, или безсознательно, какъ слишкомъ обыденный и ограниченный еврей, и сталъ оружіемъ въ рукахъ сильнаго и безжалостнаго борца за религію *Лжи* Исаака Голощекина?

Если правду писалъ англичанинъ, то въ безсознательности принятой на себя непосильной миссіи и непосильнаго преступленія становится вполнѣ естественнымъ и неизбѣж-

нымъ то состоянiе, въ которомъ нашелъ Янкеля Юровскаго иностранный корреспондентъ.

То не людской судъ, то Божiй судъ начинался надъ Янкелемъ Юровскимъ.

17-го iюля утромъ, выспавшись послѣ совершеннаго ночью злодѣянiя, Павелъ Медвѣдевъ пришелъ въ домъ Ипатьева и засталъ тамъ полную картину открытаго, хамскаго грабежа. Въ комнатахъ, гдѣ проживала покойная Августѣйшая Семья, былъ полный безпорядокъ. Царскiя вещи были перерыты, выворочены и разбросаны повсюду. Драгоцѣнныя вещи, камни, золото, серебро лежали кучками на столѣ и диванѣ въ комендантской комнатѣ. Въ этой комнатѣ теперь находились Исаакъ Голощекинъ, Янкель Юровскiй, Никулинъ „и латыши"; они разбирали драгоцѣнности и укладывали ихъ въ Царскiе же чемоданы.

При видѣ этой картины злоба и зависть закрались въ душу Медвѣдева: „ишь грабители, разбойники; все себѣ забираютъ". Онъ нашелъ на столѣ какую-то книгу Священнаго писанiя; приподнялъ ее... подъ ней лежали 60 рублей кредитными билетами десятирублеваго достоинства. Эти деньги онъ потихоньку взялъ себѣ. На полу поднялъ три серебряныхъ колечка съ записями на нихъ какихъ-то молитвъ и нѣсколько носовыхъ платковъ, и тоже взялъ и то, и другое себѣ. Больше ничего самъ не бралъ изъ Царскихъ вещей, кромѣ одной пары мужскихъ носковъ и одной женской рубашки, еще раньше полученныхъ имъ отъ Мошкина. Потомъ Янкель Юровскiй позволилъ ему взять маленькую кожаную сумочку доктора Боткина и въ ней нѣсколько пустяшныхъ вещицъ доктора. Все это онъ передалъ 18-го iюля своей женѣ, прiѣхавшей къ нему по его вызову. Въ этотъ же день онъ получилъ отъ Янкеля Юровскаго 8.000 рублей для раздачи ихъ семьямъ охранниковъ въ Сысертѣ, куда онъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ женой.

Вернулся Павелъ Медвѣдевъ въ Екатеринбургъ 21-го iюля и въ этотъ день, снявъ охрану съ дома, распустилъ ее; кого домой, а кто записался въ красную армiю—на вокзалъ. Самъ до 24-го iюля проболтался и пропьянствовалъ въ городѣ, а вечеромъ вмѣстѣ со старымъ своимъ прiятелемъ комиссаромъ Мрачковскимъ уѣхалъ въ Нижнiй Тагилъ. Тамъ комиссаръ Сысертскаго завода Алексѣй Яковлевичъ Сафо-

новъ взялъ его къ себѣ въ помощники по выпечкѣ хлѣба для арміи и онъ находился при немъ до октября.

Въ октябрѣ его послали „на формировку" въ Пермь, но Павелъ Медвѣдевъ былъ уже недоволенъ властями и служить, какъ другіе, въ красной арміи онъ не желалъ. Онъ считалъ себя обиженнымъ, не оцѣненнымъ. Онъ причислялъ себя къ сознательнымъ работникамъ новаго режима, не къ грабителямъ, а его, какъ всякаго хулигана, хотѣли насильно послать въ солдаты. У него были большія заручки; онъ обратился къ военному комиссару Исааку Голощекину и тотъ помогъ Медвѣдеву, давъ ему какую-то записку въ отдѣлъ формированія. Тамъ комиссаръ еврей Гольдбергъ, сдѣлавъ какую-то приписку на запискѣ Исаака Голощекина, послалъ его въ опредѣленный вагонъ на станцію Пермь 2-я. Въ вагонѣ Медвѣдевъ нашелъ нѣсколько неизвѣстныхъ ему лицъ; они повели Павла Медвѣдева къ Камскому желѣзнодорожному мосту, показали ему приспособленія для взрыва этого моста на случай надобности, и приказали ему находиться на правомъ берегу Камы въ особой избушкѣ и охранять приспособленія для взрыва моста. Медвѣдевъ подъ фамиліей Бобылева поселился въ этой избушкѣ и жилъ тамъ вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ рабочимъ Сысертскаго завода Петромъ Васильевичемъ Алексѣевымъ. Спеціальной же охраной моста вѣдалъ особый комиссаръ по фамиліи Колеговъ, при которомъ состояла команда мадьяръ.

23-го декабря наканунѣ занятія Перми войсками генерала Пепеляева Медвѣдевъ получилъ письменное приказаніе взорвать мостъ и ему были переданы принадлежности для взрыва. Затѣмъ къ нему пришелъ комиссаръ 5-го участка службы пути Яковлевъ и подъ росписку вручилъ еще одно предписаніе взорвать мостъ. Мостъ уже былъ подъ ружейнымъ огнемъ наступавшихъ Сибиряковъ. Колеговъ, Яковлевъ и Алексѣевъ, равно какъ и мадьяры, убѣжали. Медвѣдевъ никогда не имѣлъ дѣла съ подрывными средствами и, вѣроятно, взорвалъ бы раньше самого себя, чѣмъ мостъ. Кромѣ того Сибиряки были уже сзади него и если бы ему и удалось взорвать мостъ, то вслѣдъ за симъ его разстрѣляли бы на мѣстѣ бѣлогвардейцы. Павелъ понялъ, что совѣтскія власти его бросили между двухъ огней, не жалѣя его.

Тогда Медвѣдевъ рѣшилъ моста не взрывать и добровольно сдаться подходившимъ Сибирякамъ. Его обыскали,

нашли револьверъ Нагана, нашли принадлежности для взрыва моста. Но никто его не допросилъ и не спросилъ даже фамиліи. Вмѣстѣ съ другими добровольно сдавшимися красноармейцами онъ былъ сначала помѣщенъ въ такъ называемыя красныя казармы, а потомъ его командировали на должность санитара въ 139-й эвакуаціонный госпиталь, гдѣ 11-го февраля 1919 года его розыскалъ агентъ слѣдователя Соколова Алексѣевъ, арестовалъ и 16-го февраля привезъ въ Екатеринбургскую губернскую тюрьму.

Здѣсь Павла Медвѣдева допросили слѣдственныя власти. Онъ представлялся человѣкомъ, достаточно развитымъ для его положенія, какъ рабочаго. Это типичный русскій большевикъ изъ фабричной среды. Онъ не былъ ни особенно угнетенъ, ни подавленъ. Чувствовалась въ немъ нѣкоторая растерянность, конечно, понятная въ его теперешнемъ положеніи. Но она не отражалась на его душевномъ состояніи. Онъ владѣлъ собой и оставлялъ своимъ разсказомъ впечатлѣніе человѣка „себѣ на умѣ“. Объясненія его сами по себѣ представлялись совершенно достовѣрными. Онъ разсказывалъ о фактахъ, какъ обыкновенно о нихъ говоритъ человѣкъ, когда онъ говоритъ правдиво; въ главныхъ чертахъ не было ничего такого, что заключало бы въ себѣ внутреннія противорѣчія и оставляло бы впечатлѣніе лживости, выдуманности объясненій.

Только въ одномъ отношеніи онъ привиралъ—когда обрисовывалъ свою собственную роль, свое собственное участіе въ дѣлѣ. Ясно совершенно было, что свое участіе онъ всемѣрно старался затушевать и свалить часть своей вины на другихъ. Въ конечномъ выводѣ его объясненіе—это типичное сознаніе убійцы въ убійствѣ, учиненномъ многими лицами съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и по предварительному уговору; каждый изъ многихъ убійцъ, признавая основной фактъ преступленія и свою юридическую виновность, всячески старается отпихнуться за счетъ другихъ отъ своей фактической вины, затушевывая свою роль, замалчивая или отрицая факты, имъ самимъ учиненные. Поэтому Медвѣдевъ упорно отрицалъ, что онъ участвовалъ въ разстрѣлѣ, и даже тогда, когда ему была сдѣлана очная ставка съ его женой. Онъ говорилъ, что въ моментъ самаго разстрѣла Янкель Юровскій послалъ его на улицу послушать, будутъ ли слышны выстрѣлы. Но показанія Летемина, Проскурякова, Якимова и жены Медвѣдева опредѣленно

устанавливаютъ, что Медвѣдевъ никуда въ это время не выходилъ и былъ единственнымъ изъ охранниковъ, который участвовалъ фактически въ разстрѣлѣ.

Недолго пришлось Павлу Медвѣдеву просидѣть въ Екатеринбургской тюрьмѣ; 25-го марта того же года онъ умеръ отъ сыпного тифа и 27-го того же мѣсяца погребенъ. Событіе это записано въ метрическихъ книгахъ Градо-Екатеринбургской Михайло-Архангельской церкви за 1919 годъ въ ст. № 50 и подписано священникомъ А. Глубоковскимъ.

Такъ совершился Божій судъ надъ однимъ изъ восьми русскихъ палачей, участвовавшихъ въ непосредственномъ разстрѣлѣ бывшаго Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи.

О судьбѣ слѣдующаго палача, звѣря-матроса Хохрякова извѣстно слѣдующее:

Хохряковъ ушелъ съ красной арміей на Тагилъ, а затѣмъ, состоя начальникомъ особаго карательнаго отряда, отличался въ Перми многочисленными кровавыми, звѣрскими подвигами по искорененію контръ-революціи и имперіалистовъ-буржуевъ. По мѣстнымъ разсказамъ, Хохрякову приписывается и начальствованіе командой, покончившей съ графиней А. В. Гендриковой, Е. А. Шнейдеръ и другими.

Во время одного неудачнаго для него столкновенія съ бѣлогвардейской командой подъ Тагиломъ Хохряковъ былъ убитъ; тѣло его доставили въ Пермь, гдѣ состоялось торжественное погребеніе на театральной площади въ центрѣ города. Какъ народному герою совѣтскаго царства, ему былъ воздвигнутъ особый памятникъ, изображавшій, по разсказамъ, громадный кулакъ съ зажатымъ въ пальцахъ краснымъ знаменемъ. Когда войска генерала Пепеляева заняли Пермь, тѣло Хохрякова было вырыто изъ могилы и выброшено въ ассенизаціонныя поля, а памятникъ снесенъ и земля на площади выровнена.

Изъ документовъ, оставшихся послѣ Хохрякова, и писанныхъ имъ собственноручно, выясняется, что „за время командировки втобольск с особым поручением" имъ было израсходовано 130.242 рубля 15 копѣекъ, и сверхъ того выдано „т. Родионову начальнику Уральских отрядов находящихся в г. тобольске и коминданту охраны семьи бывшаго царя" 10.000 рублей, а всего 140.242 рубля 15 копѣекъ.

Изъ числа оправдательныхъ документовъ, приложенныхъ къ отчету Хохрякова, характерны для исторіи минувшихъ событій слѣдующія его помѣтки:

„на параходе Русь товарищам комисарам было отпущено 20 ложек, 20 вилок, 20 ножей, 20 тарелок, 5 порций телятины, 2 порции бефстроганов, 3 порции курицы, 1 отбивная, 1 сельтерской“.

„напокупку сестных припасов как себя так и для прибывающих куреров из Екатеринбурга“

„встреча латышских стрелков“

„выдано т. Родионову для расплаты сломовыми извощиками заперевозку сост. Екат. 1 богажа бывшаго царя“

„Екатеринбургскому отряду находящемуся в Тобольске с особым поручением“

Расписка еврея Заславскаго въ полученіи 500 рублей „для личных расходов и расплаты по некоторым домам“

„квитанции от телеграм посылаемых в Обласовет и Москву“. Ихъ было послано: въ Екатеринбургъ—29, въ Москву—4, въ Тюмень—1 и въ Ишимъ—1.

Для будущей Россіи Хохряковъ оставилъ по себѣ память, какъ объ одномъ изъ тѣхъ кошмарныхъ злодѣевъ, вышедшихъ изъ Кронштадта, которыхъ едва ли въ состояніи забыть русскій христіанинъ, переживщій ужасы погромовъ и рѣзни въ Кронштадтѣ, Выборгѣ и Севастополѣ и мрачную эпопею соціалистическаго возрожденія Россіи, эпохи Гучковъ—Керенскій—Бронштейнъ.

Слѣдующіе два изувѣра-палача, Петръ Ермаковъ и Александръ Костоусовъ, съ ихъ сподвижниками: Вагановымъ, Леватныхъ, Партинымъ, бросились изъ Екатеринбурга сначала на Тагилъ.

Вагановъ былъ вскорѣ настигнутъ недалеко отъ Екатеринбурга своими земляками изъ Верхъ-Исетска и растерзанъ. Прочимъ удалось уйти и присоединиться къ частямъ красной арміи въ Верхотурьѣ. Отсюда Ермаковъ съ Леватнымъ перешли въ Пермь, а Костоусовъ съ Партинымъ въ Кунгуръ.

Дальнѣйшія свѣдѣнія объ Ермаковѣ и Леватномъ чрезвычайно разнорѣчивы: одни говорятъ, что Ермаковъ своей жестокостью и безумной дикостью возстановилъ противъ себя даже заядлыхъ большевиковъ и былъ ими гдѣ-то при-

конченъ; другіе разсказываютъ, что Ермаковъ и Леватныхъ, разсорившись изъ-за чего-то съ большевиками, ушли отъ нихъ вглубь Сибири, продолжая свою дѣятельность на большихъ дорогахъ. Какъ бы то ни было, но фактъ безусловный, что эти природные каторжники, которые выставлялись совѣтской властью, какъ сознательные ея сотрудники изъ народа, не нашли себѣ отечества даже на территоріи большевистскаго царства, превосходя своимъ злодѣйствомъ все, что только можно себѣ представить.

Костоусовъ и Партинъ въ Кунгурѣ поступили въ большевистскую развѣдку и контръ-развѣдку и продолжали въ нихъ свою кровавую дѣятельность надъ мѣстнымъ обывателемъ и интеллигентомъ. При отступленіи красной арміи Костоусовъ ушелъ съ ней на Пермь, а затѣмъ далѣе на Вятку, а Партинъ попалъ въ плѣнъ и по приговору военно-полевого суда былъ разстрѣлянъ по обвиненію въ работѣ въ качествѣ тайнаго агента и палача въ контръ-развѣдкѣ противника. Какъ участникъ сокрытія тѣлъ Членовъ Царской Семьи, онъ не былъ допрошенъ.

Изъ числа рабочихъ Сысертскаго завода и фабрики Злоказова, служившихъ въ охранѣ „дома особаго назначенія", кромѣ Павла Медвѣдева позднѣе были задержаны въ разныхъ мѣстахъ: разводящій Якимовъ и охранники—Проскуряковъ, Семеновъ, Чуркинъ, Соловьевъ, Луговой, два брата Болотовыхъ и Сивковъ. Всѣ они самостоятельно уходили изъ рядовъ красной арміи и изъ подъ власти большевиковъ, пробираясь къ себѣ на родину и стремились зажить честнымъ заработкомъ, будучи по существу вовсе не большевиками.

Что же это были за люди? Что ихъ толкало дѣлаться добровольно красноармейцами, преступниками, братоубійцами, измѣнниками вѣрѣ и слугами изувѣровъ религіи *Лжи*? Вѣдь такихъ было много, очень много, такъ много, что здоровые элементы народной массы не смогли взять преобладанія надъ ними, и они повели всю Россію за вожаками изъ интеллигенціи, „жидовствующими" и соціалистами, по пути революціи, ея углубленія, ея расширенія—до пропасти, созданной безумствовавшими революціонерами Израиля и ихъ сотрудниками изъ россійскихъ и интернаціональныхъ утопистовъ большевизма.

Викторъ Проскуряковъ, этотъ охранникъ-мальчишка 17-ти лѣтъ, активный дѣятель всѣхъ стадій охватившей

Россію революціи и развала, въ своей исповѣди-показаніи говоритъ: „Я вполнѣ самъ сознаю, что напрасно *не послушался отца и матери* и пошелъ въ охрану. Я самъ теперь сознаю, что нехорошо это сдѣлали, что побили Царскую Семью, и я понимаю, что и я не хорошо поступилъ, что кровь убитыхъ уничтожалъ. Я совсѣмъ не большевикъ и никогда имъ не былъ. *Сдѣлалъ я это по глупости и по молодости.* Если бы я теперь могъ чѣмъ помочь, чтобы всѣхъ тѣхъ, кто убивалъ, переловить, я бы все для этого сдѣлалъ". Проскуряковъ, давая показаніе, плакалъ и убивался, но въ искренность его раскаянія вѣрить особенно не приходилось, такъ какъ онъ не добровольно пришелъ покаяться, и не сразу призналcя въ своемъ грѣхѣ, а лишь послѣ того, какъ ему стало ясно, что объ его службѣ въ охранѣ слѣдствію уже все извѣстно.

Но въ его словахъ какъ бы есть одинъ изъ отвѣтовъ на поставленные выше вопросы--это ссылка на молодость и глупость, какъ на причины, заставившія его стать слѣпымъ оружіемъ другихъ людей, людей злой воли.

Если такъ, то въ созданіи изъ Викторовъ Проскуряковыхъ преступниковъ, помимо всѣхъ прочихъ возможныхъ причинъ, прежде всего повинными являются тѣ, кто его ростилъ, воспитывалъ, та среда, среди которой протекало его дѣтство, и которые не дали ему достаточно прочныхъ устоевъ морали, нравственности и главное Духа вѣры, могшихъ удержать его отъ соблазновъ и ложныхъ жизненныхъ шаговъ, когда таковые встрѣтились на его пути. Родители удерживали Виктора Проскурякова, но не смогли удержать. Слѣдовательно, въ его 17-ти лѣтнихъ глазахъ, во всемъ внутреннемъ его содержаніи, родители не обладали той моральной силой авторитета, которая прежде всѣхъ другихъ вліяній должна была и могла остановить его на краю пропасти.

Если эта природная сила *уже* отсутствовала по тѣмъ или другимъ причинамъ, то можетъ ли общество, государство опираться на какія-либо другія вліянія, моральныя силы, дабы сохранить какую бы то ни было форму своего строя? Если подорваны нравственные устои общества, семьи, своего очага—этой неизбѣжной и исходной ячейки здороваго государственнаго организма, то революція можетъ привести только къ анархіи и насилію соціалистическаго коммунизма.

Виновны ли?

Охранникъ изъ команды „дома особаго назначенія“ Иванъ Николаевичъ Клещеевъ послѣ убійства Царской Семьи ушелъ изъ Екатеринбурга съ красной арміей въ Пермь. Тамъ онъ еще съ другими 7-ю охранниками былъ сначала назначенъ для охраны комиссара снабженія Горбунова, а затѣмъ получилъ должность вахтернаго въ интендантскихъ складахъ на станціи Левшино. Въ первую же недѣлю своей новой службы Иванъ Клещеевъ укралъ со склада сукно и, пытаясь продать его, попался. Его арестовали, судили и послали на принудительныя работы срокомъ на 6 мѣсяцевъ.

Иванъ Клещеевъ родился въ 1897 году въ городѣ Шадринскѣ и почти до Февральской революціи 1917 года проживалъ при своихъ родителяхъ на Крестовоздвиженской суконной фабрикѣ Ушкова близь села Камышинскаго Екатеринбургскаго уѣзда. Отецъ его, Николай Ивановичъ Клещеевъ, 52 лѣтъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ прослужилъ механикомъ на этой фабрикѣ. Былъ онъ человѣкъ не пьяный, и не трезвый, а такъ, какъ всѣ; работалъ исправно, аккуратно, добросовѣстно, а въ семейномъ быту былъ слабый, безвольный, подъ башмакомъ у своей жены Татьяны Васильевны, женщины властной, грубой, заносчивой, но души нечаявшей въ своемъ первенцѣ Ваничкѣ. Кромѣ Ивана было у нихъ еще два сына и двѣ дочери, но баловнемъ матери оставался Иванъ, которому съ дѣтства она ни въ чемъ не отказывала, прикрывала его проступки и потакала всякимъ наклонностямъ и капризамъ. Любила она его слѣпо, до сумасшествія.

Съ дѣтскаго возраста Иванъ пріобрѣлъ дурныя наклонности и, будучи еще совсѣмъ мальчишкой, началъ заниматься кражами. Мать оберегала его отъ наказаній отца, принимала часто его вину на себя и за него лгала, измышляя оправданія для ненагляднаго Ванюшки. Учился онъ лѣниво и плохо, также плохо велъ себя и въ школѣ, такъ что учителя жаловались на его поведеніе, но родители къ исправленію никакихъ мѣръ не принимали. Въ концѣ концовъ Ивана, какъ неисправимаго по поведенію и лѣниваго ученика, исключили изъ сельскаго училища, гдѣ онъ обучался.

Тогда отецъ взялъ его въ обученіе къ себѣ и пріучалъ къ слесарному дѣлу при фабрикѣ Ушкова, гдѣ Иванъ и проработалъ до совершеннолѣтняго возраста. Взрослымъ онъ не оставлялъ своего порока—красть, но кралъ ловко, хитро, не попадался и судимъ не былъ. Незадолго до Февральской революціи онъ ушелъ, подъ предлогомъ искать работы, на сторону отъ своихъ родителей; нѣсколько времени пропадалъ въ безвѣстной отлучкѣ отъ отца и матери и затѣмъ объявился въ Тюмени въ компаніи босяковъ, и ставши самъ таковымъ. Розыскала его мать, совершенно обезумѣвшая и потерявшая спокойствіе со дня его исчезновенія; гдѣ она только ни перебывала, куда ни бросалась розыскивать его, всюду изъѣздила и исходила и наконецъ нашла въ какой-то Тюменской трущобѣ, притонѣ всякихъ темныхъ личностей. Нашла, все забыла отъ радости и, въ материнской гордости, привезла домой, на фабрику Ушкова.

Проживъ нѣкоторое время при своихъ родителяхъ, Иванъ опять ушелъ отъ нихъ и поступилъ на металлическую фабрику Злоказова въ Екатеринбургѣ. Здѣсь его засталъ большевистскій переворотъ. Новое направленіе было по немъ; онъ охотно примкнулъ къ партіи большевиковъ и вскорѣ, сдѣлавшись ярымъ красноармейцемъ, явился предводителемъ шайки совѣтскихъ грабителей по отобранію и реквизиціи имущества у частныхъ владѣльцевъ. Въ февралѣ 1918 года, во главѣ такой партіи хулигановъ и грабителей, Иванъ явился въ домъ къ своему бывшему хозяину Ушкову и, ворвавшись ночью, угрожая разстрѣломъ, потребовалъ отъ хозяина выдачи оружія, денегъ, имущества. Затѣмъ, подстрекнувъ рабочихъ, предъявилъ Ушкову требованіе передать и всю его суконную фабрику. Отецъ Ивана, какъ человѣкъ порядочный, долгое время не склонялся на сторону большевиковъ, настаивавшихъ на отобраніи у Ушкова фабрики, но потомъ, подъ убѣжденіями своего сына и примкнувшей къ нему матери, Татьяны Васильевны, во всемъ сочувствовавшей большевику-сыну, перешелъ на ихъ сторону и примкнулъ къ группѣ рабочихъ, отбиравшей отъ Ушкова фабрику. Въ рукахъ новыхъ владѣльцевъ фабрика прекратила работать и всѣ жившіе ею остались безъ заработка.

Когда комиссаръ Авдѣевъ пришелъ на фабрику Злоказова нанимать рабочихъ на охрану Царской Семьи, Клещеевъ добровольно записался на службу въ отрядъ. Состоя въ этой

охранѣ, онъ пріѣзжалъ неоднократно домой къ своимъ родителямъ, и привозилъ имъ разныя цѣнныя мелкія вещицы, видимо, украденныя въ Ипатьевскомъ домѣ у Царской Семьи. Въ это время его распущенность и разнузданность достигли крайняго предѣла: онъ хвалился среди рабочихъ фабрики Ушкова и передъ своими родителями, что женится на одной изъ дочерей Николая II и, что если она не пойдетъ за него добровольно, то онъ силою возьметъ ее. Никто его не сдерживалъ и не противорѣчилъ ему; мать его, имѣвшая большое вліяніе на мужа, во всемъ ему потакала, поощряла и даже какъ бы гордилась лихостью и безстыдствомъ своего любимаго первенца.

Когда большевики, разбитые подъ Екатеринбургомъ, бѣжали на Пермь и Иванъ Клещеевъ былъ вынужденъ также бѣжать съ ними, его мать передъ новой политической властью старалась безконечной ложью всячески оградить любимое дитя; распускала свѣдѣнія, что Ивана красноармейцы увели силой, что онъ бѣжалъ отъ большевиковъ, что поступилъ въ ряды бѣлогвардейскихъ войскъ. Она не знала, что посторонніе люди знали объ ея сынѣ больше, чѣмъ она, ослѣпленная своей материнской къ нему любовью и, не считаясь ни съ чѣмъ, пыталась только оправдать и спасти его. Сама же, не находя себѣ мѣста, въ жаждѣ утолить безумную тоску металась по всей Западной Сибири, по всѣмъ роднымъ и знакомымъ, по канцеляріямъ и штабамъ, въ надеждѣ, что быть можетъ ложь ея можетъ стать правдой, и ея Ваня, какой бы онъ ни былъ, окажется здѣсь. Вѣдь всю жизнь она *только* любила своего первенца, всю душу отдала ему, „любила *по совѣсти*", какъ она ее понимала.

Вотъ краткій біографическій очеркъ одного изъ многочисленныхъ, безсознательныхъ дѣятелей русской революціи и участника преступленія въ Ипатьевскомъ домѣ. По условіямъ воспитанія и среды онъ не составляетъ исключенія изъ ряда большей части таковыхъ же дѣятелей и преступниковъ. Это люди, вышедшіе не изъ категоріи дѣтей улицы, оставшихся съ малолѣтняго возраста безъ семьи, безъ родителей, безъ возможности призора, и внѣ нормальныхъ условій матеріальной жизни. Это люди не изъ числа полуголодныхъ, полунищенствующихъ, „соціально" угнетенныхъ обитателей Хитровокъ, Вяземскихъ лавръ и трущобъ столичныхъ окраинъ. Это дѣти маленькихъ, обезпеченныхъ честной работой буржуевъ, имѣющихъ и собственные до-

мики, и свое хозяйство, и постоянный, обезпеченный доходъ, и отложенную на черный день копѣйку. Это люди матеріально обезпеченные, не озлобленные нуждой, не гонимые тяжелыми условіями жизни и не преслѣдуемые неудачной или несправедливой судьбой.

Почему же Иванъ Клещеевъ сталъ съ дѣтства красть и, съ развитіемъ возраста, порокъ этотъ не исчезъ, а, наоборотъ, страсть къ нему развилась? Почему своему балованному положенію въ семьѣ предпочелъ стать босякомъ? Почему безсознательнымъ революціонеромъ пошелъ разрушать жизнь своихъ родителей? Почему сознательно пошелъ на преступленіе? Почему сначала пошелъ съ Гучковымъ, потомъ съ Керенскимъ, потомъ съ Исаакомъ Голощекинымъ?

Если бы Иванъ Клещеевъ былъ одинъ такой преступникъ, пошедшій по революціонному пути разрушенія семьи, общества, государства, святыхъ и свѣтлыхъ идеологическихъ началъ своего народа, и создавшійся въ семьѣ, казалось бы, обезпечивавшей общество и государство отъ воспитанія вора, хулигана, грязнаго негодяя и гнуснаго убійцы, можно было бы тогда искать причинъ въ предопредѣленіи, въ исключеніи, „нѣтъ семьи безъ урода", въ случайности и т. п. Но Иванъ Клещеевъ не одинъ; такихъ, какъ онъ, русскихъ людей, вышедшихъ изъ не преступныхъ семей, и съ увлеченіемъ и охотой пошедшихъ по революціонному пути разрушенія Россіи, сверженія Царя, насилій и преступленій, оказалось много, десятки, сотни тысячъ. Они оказались во всѣхъ слояхъ населенія, во всѣхъ классахъ, кругахъ и партіяхъ—отъ высшихъ руководителей революціи до ея красы и гордости—кронштадтской матросни.

Будущая Россія, будущіе историки эры жизни русскаго народа—сверженія династіи Романовыхъ и трагической гибели Царствовавшей Семьи—будутъ въ правѣ искать отвѣта на этотъ вопросъ *почему*, такъ какъ только справедливое и сознательное разрѣшеніе его русскимъ обществомъ можетъ дать народу *духовный, жизненный и творческій* импульсы къ своему возрожденію изъ бездны, куда его повергли массы россійскихъ (хочется вѣрить—временнаго лица) Ивановъ Клещеевыхъ.

Тогда только объективная и безстрастная исторія вынесетъ справедливый приговоръ: кто виновенъ въ разрушеніи Россіи? Кто виновенъ въ подрывѣ народной идеологіи? Кто

виновенъ въ отклоненіи православнаго русскаго народа отъ Христовой вѣры?

Матрена Ивановна Леватныхъ, 19 лѣтъ, православная, добровольно дала показаніе на своего мужа:

„Я жена виднаго у насъ въ Верхъ-Исетскѣ большевика Василія Ивановича Леватныхъ. Вышла я замужъ за Леватныхъ въ 1917 году. Женился онъ на мнѣ вдовымъ. Я вышла за него „убѣгомъ“, потому что меня родители за него не отдавали, а тетка уговорила. Вѣнчались мы съ нимъ въ церкви, но въ единовѣрческой, а не въ Православной. Потому такъ было, что не пожелалъ онъ вѣнчаться въ Православной церкви — не любилъ Православныхъ священниковъ.

„Нравъ у него былъ строгій и разговаривать съ нимъ было нельзя. Царя онъ не хотѣлъ. Когда мы съ нимъ женились и моя мать, бывало, скажетъ что-нибудь про Царя „вотъ теперь Царя у насъ нѣтъ“, онъ начнетъ ее ругать за то, что она хотѣла Царя.

„Ничего я не знаю про участіе мужа въ убійствѣ Царской Семьи, но *по совѣсти* могу сказать, что такой звѣрь, какъ мужъ, могъ пойти на такое дѣло. Я съ нимъ не пожелала уходить, когда онъ убѣгалъ передъ взятіемъ Екатеринбурга, а теперь, когда красные взяли опять Екатеринбургъ, я ушла изъ Верхъ-Исетска“.

Матрена Леватныхъ—жена ребенокъ, но тѣмъ не менѣе не проживя и года съ мужемъ, почувствовала его давленіе, почувствовала его гнетъ, сознала, что Василій Леватныхъ звѣрь, съ которымъ жить дальше невозможно и.... порвала съ нимъ, ушла отъ него.

Но за годъ передъ этимъ она такъ же порвала и съ родителями, когда захотѣла выполнить *свое* желаніе и не подчиниться уговорамъ родителей, убѣждавшихъ ее не выходить за Василія, какъ за дурного человѣка. Мало того Матрена порвала и съ Православной Церковью, лишь бы оградить *свои* взгляды—„вѣнчаться“—и вѣнчалась, но въ единовѣрческой, потому что Василій не любилъ Православныхъ священниковъ. Что же родители ея были тоже звѣри, какъ Василій, что заставило ее рвать съ ними? Повидимому нѣтъ; мать простила дочери „убѣгъ“ и продолжала ее знать. Значитъ сердце у родителей было, и лишь, какъ болѣе

опытные, они хотѣли предупредить несчастіе дочери въ ея *личныхъ* неопытныхъ порывахъ.

Что же было въ Матренѣ Леватныхъ такое сильное, что такъ легко давало ей поводы рвать съ родителями, рвать съ вѣрой, рвать съ мужемъ, рвать по существу съ тѣмъ, что составляетъ коренные устои семьи, общественной жизни? Что въ существѣ Матрены Леватныхъ давало ей право видѣть въ мужѣ „по совѣсти" звѣря, съ которымъ жить нельзя, а себя очевидно считать безгрѣшной и свободной поступать и „не по совѣсти"?

Не тоже ли самое, что толкало Ивана Клещеева и всѣхъ другихъ стать преступниками, а матерей Клещеевыхъ, среду, общество—создателями этихъ преступниковъ, воспитателями начала преступности—ложнаго „Я", „ложной совѣсти"?

Когда Павелъ Медвѣдевъ поступилъ въ 139 й эвакуаціонный госпиталь, то здѣсь вскорѣ онъ разсказалъ сестрѣ милосердія Лидіи Семеновнѣ Гусевой, какъ онъ состоялъ въ домѣ Ипатьева въ охранной командѣ, какъ содержалась тамъ Царская Семья, какъ относилась къ ней охрана, и какъ Она была разстрѣляна. Объ этой своей бесѣдѣ съ Гусевой онъ заявилъ потомъ на допросѣ прокурору Пермскаго окружнаго суда Шамарину и агенту Алексѣеву. Послѣдніе, желая провѣрить показанія Медвѣдева и выяснить почему Гусева о такой бесѣдѣ съ преступникомъ не сообщила въ свое время властямъ, отправились въ Надеждинскую Общину Краснаго Креста, гдѣ состояла и проживала Гусева.

Ихъ приняла Начальница Общины Александра Михайловна Урусова, которой прокуроръ Шаринъ объяснилъ цѣль своего прихода и просилъ дать ему возможность видѣть Гусеву. На это Урусова заявила Шамарину, что видѣть Гусеву онъ не можетъ, такъ какъ она больна. Тогда Шаринъ отвѣтилъ, что онъ вынужденъ будетъ прибѣгнуть къ помощи закона, пригласить врача и освидѣтельствовать состояніе здоровья Гусевой для установленія—дѣйствительно ли болѣзненное состояніе не позволяетъ ей дать показаніе. Только послѣ такого рѣшительнаго заявленія Урусова послала за Гусевой, оказавшейся здоровой.

Лидія Гусева заявила прокурору, что Павла Медвѣдева она дѣйствительно знаетъ, но разговариваетъ съ нимъ

рѣдко и лишь по дѣламъ службы. Никакихъ разговоровъ о судьбѣ бывшаго Императора Николая II и Его Семьи она съ нимъ не вела, и Медвѣдевъ ей по этому поводу ничего не разсказывалъ.

Этотъ опросъ происходилъ 13-го февраля. Гусевой было объявлено, что она будетъ предъявлена Медвѣдеву для опознанія имъ—та ли она сестра, которой онъ разсказывалъ, или это была другая.

14-го февраля на очной ставкѣ съ Гусевой Павелъ Медвѣдевъ подтвердилъ, что разсказывалъ онъ именно ей. Тогда Гусева покаялась въ своей лжи, объяснивъ ее тѣмъ, что она была сильно взволнована приходомъ прокурора и агента и кромѣ того была утомлена дежурствомъ на пунктѣ. Не заявляла же объ извѣстномъ ей преступленіи и причастности къ нему Медвѣдева властямъ, или вообще комунибудь другому... сама не знаетъ по какой причинѣ, но думала, что объ этомъ разговорѣ Медвѣдева въ госпиталѣ знаютъ и другіе.

Лидія Гусева ушла отъ родителей изъ дома въ сестры милосердія когда ей было 16 лѣтъ; теперь ей 30. Четырнадцать лѣтъ она живетъ самостоятельной трудовой жизнью сестры милосердія, побывавъ за это время на службѣ и въ земствѣ, и въ городахъ, и на фронтѣ въ германскую войну. Это уже не ребенокъ, не юношескаго возраста; это человѣкъ зрѣлый, опытный, сознательный, не могущій не вѣдать, что творитъ. А между тѣмъ лжетъ. Лжетъ до созданія себя преступницей, укрывая убійцу, скрывая извѣстное ей преступленіе. Съ ней же лжетъ и ея Начальница Урусова и, какъ маленькая школьница, лжетъ такъ неудачно, что сейчасъ же изобличается. Обѣ онѣ не большевички; онѣ сторонницы новой власти, новыхъ политическихъ теченій. Страха здѣсь быть не можетъ.

Что же здѣсь?

Откуда беретъ начало эта ненужная, вредная и опасная ложь?

Привычка. Условія обывательской жизни, среда, общество притупили сознаніе въ необходимости жить „по чистой совѣсти“ и утвердили въ натурѣ извращенное понятіе о соотвѣтствіи жизни „по ложной совѣсти“. Вся жизнь въ совокупности воспитала въ сердцѣ начало преступности, подрывая моральныя основы государственности и пріобщая общество къ преступленію.

18-го іюля 1918 года въ Екатеринбургѣ въ театральномъ залѣ Исаакъ Голощекинъ устроилъ митингъ и на немъ объявилъ, что по постановленію областного совѣта бывшій Царь „Николай Кровавый“ разстрѣлянъ, а Семья Его вывезена въ надежное мѣсто. Въ отвѣтъ изъ рядовъ собравшейся громадной толпы раздались голоса:

„Покажите тѣло“.

Это требованіе сильно смутило присутствовавшихъ на митингѣ Сафарова, Войкова, Бѣлобородова, Исаака Голощекина и прочихъ главарей совѣтской власти. Съ одной стороны, показать тѣло они не могли; съ другой, толпа, состоявшая изъ людей ими воспитанныхъ, ими руководимыхъ, ими созданныхъ, толпа, служившая ихъ силой въ революціонномъ движеніи, имъ не вѣрила и требовала реальнаго подтвержденія голословному заявленію одного изъ главнѣйшихъ своихъ вождей.

За два года революціи толпа привыкла ко лжи власти, ко лжи вождей революціи. Она шла за разными вождями революціи не потому, что вѣрила имъ, вѣрила ихъ обѣщаніямъ, а потому, что каждый атомъ толпы хотѣлъ того же, чего хотѣлъ и каждый вождь—власти для себя, права, какъ своеволія. И чтобы достигнуть этой власти каждый атомъ лгалъ другъ передъ другомъ, лгала толпа передъ вождями, лгали вожди передъ толпой. И всѣ выливали ложь въ трескучихъ словахъ и громкихъ обѣщаніяхъ. Максимумъ этой власти для массы въ свое время пообѣщали Ленинъ и Бронштейнъ—все твое—бери. И потому толпа послѣдовательно пошла за ними. Когда перестало существовать то, что можно было брать, а это настало очень скоро, толпа перестала вѣрить и этимъ вождямъ.

Въ этихъ возгласахъ изъ толпы—„покажите тѣло“—характерно и то, что они были единственными въ отвѣтъ по существу на совершившееся событіе. Громко ничего другого толпа не высказала; никакимъ другимъ возгласомъ не реагировала. Но позже, когда толпа расходилась, почти вся масса, обмѣниваясь между собою впечатлѣніями, высказывала одну и ту же мысль: „что-то неясное, туманное, недоговоренное есть въ заявленіи президіума“.

Однако громко никто этой мысли не высказалъ.

Это была бы правда.

Но правды толпа не сказала бы громко и изъ страха, и по необходимости въ обстановкѣ общественной жизни лгать другъ передъ другомъ по „ложной совѣсти".

Областной комиссаръ здравоохраненія Николай Арсеньевичъ Саковичъ, 36 лѣтъ, и завѣдывавшій конторой оффиціальнаго органа Омскаго совдепа—„Извѣстія"—Семенъ Георгіевичъ Логиновъ, 34 лѣтъ. Оба—активные совѣтскіе дѣятели.

Ихъ прошлое, до-революціонное:

Саковичъ—членъ союза Русскаго народа; причислялъ себя къ крайнимъ правымъ монархистамъ.

Логиновъ—членъ партіи соціалъ-демократовъ, меньшевиковъ-интернаціоналистовъ.

Оба семейные; имѣютъ опредѣленное общественное и социальное положеніе, и въ лицѣ своихъ дѣтей воспитываютъ и готовятъ будущихъ гражданъ общества.

Революція посадила ихъ на одну скамью подсудимыхъ. Вотъ что между прочимъ разсказалъ каждый изъ нихъ о себѣ:

Саковичъ.—„Я ни къ какой партіи не принадлежалъ и не принадлежу, но былъ записанъ какъ сочувствующій въ партію соціалистовъ революціонеровъ. Записался я въ серединѣ декабря 1917 года. Въ то время раздѣленія партіи не было; я по крайней мѣрѣ не видѣлъ и не зналъ этого раздѣленія.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1918 года я по предложенію партіи пошелъ на съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ съ цѣлью познакомиться съ разницей программъ правыхъ и лѣвыхъ соціалистовъ, такъ какъ на этомъ съѣздѣ должна была разбираться программа партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

На этомъ съѣздѣ мнѣ предложили мѣсто завѣдывающаго отдѣломъ здравоохраненія (областного). Я зналъ, что 195 госпиталь будетъ закрытъ въ близкомъ будущемъ и я останусь безъ мѣста, кромѣ того мнѣ было ясно, что если я не займу этой должности, то она будетъ занята кѣмъ-либо изъ рабочихъ, и здравоохраненіе будетъ въ неопытныхъ рукахъ не специалиста. Поэтому-то я рѣшилъ занять эту должность, но не хотѣлъ разрѣшать вопросъ самостоятельно, намѣреваясь спросить мнѣніе врачей; поэтому я и далъ условное согласіе.

Я не обращался къ профессiональному союзу врачей, такъ какъ принадлежалъ къ союзу военныхъ врачей, гдѣ былъ передъ этимъ 3 мѣсяца предсѣдателемъ совѣта, хотя былъ членомъ профессiональнаго союза. Я обратился на ближайшемъ собранiи союза военныхъ врачей, на которомъ мнѣ было заявлено, что мое условное согласiе на занятiе этой должности не подлежитъ обсужденiю въ данномъ собранiи. Что означалъ этотъ отвѣтъ, для меня является неяснымъ и до сего времени.

Спустя около недѣли, меня пригласили на совѣтъ комиссаровъ и предложили мнѣ объявить программу моихъ предстоящихъ работъ по здравоохраненiю. Я тогда заявилъ, что пока я не знаю буду ли я служить, новаго ничего создавать не буду, а лишь буду стремиться поддержать то, что есть и расширить сѣть больницъ и амбулаторiй. Такимъ образомъ я приступилъ къ фактическому исполненiю своихъ обязанностей. Мнѣ тогда же было предложено подыскать себѣ помощника, обязательно партiйнаго, или лѣваго-соцiалъ-революцiонера, или большевика, причемъ назвали этого помощника товарищемъ комиссара. Я тогда же заявилъ, что я не хочу и не понимаю названiя комиссара здравоохраненiя и считаю себя областнымъ санитарнымъ врачемъ, а не областнымъ комиссаромъ здравоохраненiя, хотя у меня и была присланная печать изъ областного исполнительнаго комитета—печать областного комиссара здравоохраненiя.

6-го марта 1918 года былъ назначенъ областной съѣздъ врачей, но онъ не состоялся за неприбытiемъ врачей. На 15-е мая былъ назначенъ новый съѣздъ, причемъ кромѣ врачей на съѣздъ прiѣхали комиссары здравоохраненiя и представители отъ совѣтовъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Наканунѣ я собралъ совѣщанiе комиссаровъ здравоохраненiя городского и уѣзднаго и страховыхъ кассъ Екатеринбургской и городской. На этомъ совѣщанiи я просилъ выяснить вопросъ о томъ, будетъ ли съѣздъ „аполитическимъ“ или „политическимъ“, и предложилъ создать отдѣлы здравоохраненiя такъ, чтобы они могли продолжать свою работу при всякихъ политическихъ переворотахъ. Меня на этомъ совѣщанiи упрекали въ томъ, что я иду противъ совѣтской власти, и вынесли постановленiе, что съѣздъ долженъ быть политическимъ и, что если падетъ большевистская власть, то нечего заботиться о дальнѣйшей судьбѣ здравоохраненiя. Мнѣ пришлось подчиниться.

На съѣздъ собралось около 80 человѣкъ. Около 20 представителей большевиковъ и около 5 лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ составили фракціонное собраніе, на которомъ было постановлено—до рѣшенія мандатной комиссіей рѣшающій голосъ предоставить тѣмъ, кто явился на съѣздъ по группѣ „обязательнаго" присутствія на съѣздѣ, это были комиссары здравоохраненія (въ большинствѣ не врачи) и представители отъ совѣтовъ (не врачи).

Дня черезъ два собралось членовъ съѣзда уже человѣкъ 135—140. Тогда фракціонное собраніе постановило, чтобы мандатная комиссія предоставила право рѣшающаго голоса лишь тѣмъ, кто стоитъ на платформѣ совѣтской власти. Этого требованія по мнѣнію собранія мандатная комиссія не выполнила; былъ объявленъ перерывъ засѣданія, назначено было фракціонное собраніе, и на фракціонномъ собраніи послѣ долгихъ споровъ было постановлено—мнѣ, какъ комиссару, произвести поправку ошибки, допущенной съѣздомъ и заключавшейся въ томъ, что съѣздъ безъ обсужденія призналъ дѣйствія мандатной комиссіи правильными. Я по постановленію фракціоннаго собранія вошелъ въ общее собраніе и опросилъ нѣкоторыхъ членовъ, признаютъ ли они совѣтскую власть, и признававшимъ было дано право рѣшающаго голоса, а не признававшимъ право совѣщательнаго голоса. Тогда группа врачей удалилась съ совѣщанія".

Логиновъ.—„Мой отецъ жилъ въ городѣ Бійскѣ и имѣлъ маслодѣлательные заводы. Я жилъ при немъ и учился въ Бійскомъ городскомъ четырехъ-классномъ училищѣ, гдѣ кончилъ курсъ. Послѣ окончанія училища я поступилъ въ Бійскій казенный винный складъ. Здѣсь я прослужилъ приблизительно полгода и уѣхалъ въ Иркутскъ. Отсюда я уѣхалъ заграницу и поступилъ въ Цюрихѣ въ политехникумъ. Здѣсь меня захватила Русско-Японская война.

Я возвратился въ Россію и поступилъ добровольцемъ въ 12-й Иркутскій запасный батальонъ. Въ этой войнѣ я былъ раненъ. Послѣ окончанія войны я возвратился къ отцу; жилъ у него, но въ 1908 году приблизительно уѣхалъ въ городъ Троицкъ Оренбургской губерніи, съ цѣлью пріисканія заработка, такъ какъ съ отцомъ у меня установились натянутыя отношенія; онъ пилъ, мучилъ семью; изъ-за этого у насъ и пошли съ нимъ нелады. Въ Троицкъ же именно я попалъ потому, что прочиталъ въ газетахъ какое-то объявленіе, предлагающее заработокъ. Здѣсь я былъ хронике-

ромъ одной газеты, завѣдывалъ типографіей. Въ Троицкѣ и его предѣлахъ я прослужилъ до 1915 года.

Въ этомъ году я поступилъ добровольцемъ въ армію въ 19-й Сибирскій стрѣлковый полкъ, и сразу же былъ зачисленъ въ команду кандидатовъ школы прапорщиковъ. Участвовалъ я въ бояхъ и два раза былъ раненъ, отравленъ былъ газами. Въ 1917 году я былъ въ стѣнахъ школы прапорщиковъ въ городѣ Омскѣ, гдѣ меня захватила революція. 24-го іюня я получилъ производство въ чинъ прапорщика.

Въ то время Омскій совдепъ издавалъ свою оффиціальную газету „Извѣстія", въ которой я съ цѣлью заработка и работалъ въ качествѣ сотрудника. Послѣ большевистскаго переворота я сталъ завѣдывать конторой этой газеты. Предсѣдатель Омскаго совдепа Косаревъ, зная, что я по убѣжденіямъ не большевикъ, а раздѣлялъ убѣжденія соціалъ-демократовъ меньшевиковъ интернаціоналистовъ, потребовалъ отъ меня, чтобы я, завѣдуя конторой, не саботажничалъ, а работалъ въ контактѣ съ большевистской властью, на что я изъявилъ согласіе.

Общая разруха жизни меня нѣсколько затянула; я сталъ играть въ карты, проигрался, еще болѣе затянулся и продолжалъ служить у большевиковъ въ надеждѣ поправить свои матеріальныя дѣла, такъ какъ я уже къ этому времени обзавелся семьей—имѣлъ жену и ребенка, помогая также и матери, которую бросилъ отецъ. Такъ продолжалось до бѣгства большевиковъ изъ Омска. Вмѣстѣ съ другими дѣятелями принужденъ былъ эвакуироваться изъ Омска и я. Дней за 6 до паденія совѣтской власти въ Омскѣ я, какъ офицеръ, былъ назначенъ для выполненія нѣкоторыхъ чисто техническихъ функцій по охранѣ города, причемъ въ моемъ подчиненіи была и милиція. Вотъ это-то обстоятельство и заставило меня главнымъ образомъ уѣзжать изъ Омска вмѣстѣ съ большевиками, такъ какъ я опасался мести, особенно въ первые дни по очищеніи города отъ большевиковъ.

Пріѣхалъ я въ Тюмень приблизительно числа 10-го іюня, и числа 12-го іюня я уѣхалъ въ Екатеринбургъ. Здѣсь мнѣ было предложено, какъ офицеру спеціалисту, выѣхать на фронтъ. Я уѣхалъ въ Тюмень, гдѣ предсѣдатель оперативнаго штаба Усіевичъ категорически потребовалъ отъ меня, чтобы я отправился на фронтъ. Всячески стараясь уклониться отъ выполненія этого требованія, я въ концѣ концовъ получилъ назначеніе казначея полевого штаба. Все время я

находился послѣ этого при штабѣ 1-й Сибирской арміи, отступавшей на Камышловъ и затѣмъ къ Ирбитскому заводу. Здѣсь приблизительно числа 30-го іюля мнѣ было предписано сдать всѣ денежныя суммы начальнику хозяйственной части восточной дивизіи Антонову, находившемуся въ Алапаевскѣ, что мною и было выполнено приблизительно 1-го августа. Послѣ этого я выѣхалъ въ Пермь. Отобраны отъ меня суммы были потому, что большевики заподозрили меня въ неблагонадежности и въ попыткѣ бѣжать отъ нихъ. Поэтому когда я прибылъ въ Пермь меня арестовала чрезвычайная слѣдственная комиссія. Не имѣя однако никакихъ доказательствъ моей вины, она меня освободила.

Пробывъ нѣкоторое время въ Перми, я рѣшилъ уѣхать въ Сибирь. Мнѣ удалось уѣхать изъ Перми, и 3-го сентября я пріѣхалъ въ Курганъ (пройдя черезъ два фронта). Въ Сибирь я потому выѣхалъ, что въ Омскѣ, когда меня эвакуировали большевики, осталась моя семья. Изъ Кургана я отправился въ Иркутскъ, думая купить здѣсь товаровъ для торговли. Но здѣсь я сильно проигрался въ карты. Я вернулся опять въ Курганъ. Послѣ этого я рѣшилъ ѣхать опять въ совѣтскую Россію, думая получить какое-либо дѣло у большевиковъ, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи опять денежныя средства. 29-го октября я выѣхалъ въ Уфу, куда прибылъ 1-го ноября. Отсюда я отправился черезъ Пермь въ Москву (снова пройдя черезъ два фронта), гдѣ мнѣ и удалось получить довольно значительную сумму. Съ деньгами я снова пробрался въ Сибирь, и 18-го февраля приблизительно я прибылъ въ Екатеринбургъ (третій переходъ черезъ два фронта), гдѣ и былъ арестованъ военнымъ контролемъ“.

Приведенныя выдержки изъ разсказовъ, могущія служить матеріаломъ для характеристики большевистскихъ дѣятелей изъ русской народности, выбраны изъ массы другихъ аналогичныхъ по сути разсказовъ только потому, что одинъ изъ авторовъ приведенныхъ повѣстей Саковичъ въ до-революціонное время причислялъ себя къ монархистамъ, а другой Логиновъ къ противоположному лагерю—соціалистамъ. Въ революціонное время оба оказались въ первыхъ рядахъ активныхъ дѣятелей, причемъ Саковичъ, соотвѣтственно общей структурѣ революціонныхъ эволюцій, въ январѣ 1917 года былъ монархистомъ, въ мартѣ того же года объявилъ себя соціалъ-демократомъ, въ концѣ этого же

года—соціалъ-революціонеромъ, въ январѣ 1918 года—сталъ большевистскимъ комиссаромъ, а въ августѣ этого года—оказался внѣ партійнымъ. Логиновъ же изъ соціалъ-демократическихъ хроникеровъ Троицкой газетки перешелъ сначала въ сотрудники оффиціальнаго большевистскаго органа въ Омскѣ, а затѣмъ въ тайнаго политическаго агента Исаака Голощекина въ Екатеринбургѣ и Янкеля Свердлова въ Москвѣ по поддержанію связи съ главой ихъ тайной организаціи въ Сибири латышемъ Ильмеромъ. По существу же ихъ характеристикъ такихъ типовъ въ періодъ революціи и позже въ средѣ совѣтскихъ дѣятелей было безконечное число, и во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ сознательныхъ и идейныхъ послѣдователей главарей циммервальдовской шайки, привезенныхъ въ Смольный институтъ въ запломбированномъ вагонѣ, прибывшихъ съ опредѣленной программой разрушить Россію экономически, низложить ея православный міръ и воздвигнуть царство религіи *Лжи*.

Оба выведенныхъ представителя совѣтской дѣятельности—дѣятели не маленькіе, не рядовые работники, а принадлежатъ къ категоріи активныхъ агентовъ власти, руководителей большевистскаго движенія, проводниковъ идей, мыслей, формъ. Оба они теперь, какъ говорится, „пойманы на мѣстѣ преступленія“. Оба знаютъ хорошо, что улики противъ нихъ такъ серьезны, что ихъ показанія ничего измѣнить не могутъ въ ихъ судьбѣ и смертная казнь обоимъ обезпечена. Ихъ разсказы—это послѣднее слово, исповѣдь передъ смертью. Въ подобныхъ случаяхъ люди идеи или отказываются говорить, или, если и рѣшаются на слово, то это слово гордо исповѣдуемой идеи, ихъ свѣточа жизни, ради котораго они боролись на жизнь и смерть, не щадя другихъ, и сами гордо и смѣло идя на эшафотъ.

А здѣсь? Слово этихъ людей?—представителей сотенъ и тысячъ другихъ такихъ же творцовъ революціи и сотрудниковъ совѣтской власти?

Прежде всего *ложь*: ложью пропитанная жизнь, ложью пропитанная дѣятельность, ложью пропитанное послѣднее слово. Ложь неискусcная, грубая, натянутая; ложью обставлена почти каждая фраза, каждое положеніе. Ложь маленькихъ, скверныхъ мальчишекъ, гадко напаливишихъ, и ищущихъ ложью обмануть старшихъ. Гнусное, досадное до боли за Русь, за русское имя чувство вызываетъ эта ложь

Саковича и Логинова. Одинъ лжетъ, какъ характерно лжетъ преступникъ гнуснаго, но коллективно содѣяннаго преступленія; другой лжетъ, какъ мелкій уличный воришка, стремящійся доказать, что онъ не укралъ, а только взялъ. И оба въ своей лжи совершенно не сознательно открываютъ истинныя побужденія, руководившія ими въ революціонной и большевистской дѣятельности, въ раззореніи Россіи и насиліи надъ своими братьями, въ крови и ужасахъ совѣтскаго режима. Побужденія, одинаковыя у обоихъ — мы участвовали въ преступленіяхъ надъ другими, чтобы самимъ властвовать, жить и ѣсть. При этомъ оба въ своей революціонной дѣятельности увлекаются на борьбу не идеями и принципами соціалистическихъ ученій, а самыми алчными матеріалистическими разсчетами „ловить рыбу въ мутной водѣ“.

Въ періодъ, предшествовавшій Великой войнѣ, русская литература пестрила жалобами на упадокъ въ обществѣ идейности, захватывающихъ мыслей, порывовъ и вдохновенія. На причины такого явленія взгляды раздѣлились: одни считали, что новое оживленіе мысли находится въ прямой зависимости отъ самой жизни страны; другіе, признавая, что по существу это дѣло внутренняго идейнаго воспитанія, тѣмъ не менѣе полагали, что въ извѣстной мѣрѣ развитіе общественнаго сознанія будетъ зависить также отъ успѣховъ политической жизни.

Начало Великой войны, казалось, всколыхнуло общественную мысль; самые разнообразные слои населенія, самыя противоположныя политическія партіи объединились въ одномъ горячемъ порывѣ, въ одномъ великомъ вдохновеніи.

Но не надолго.

Первыя же испытанія, первыя неудачи 1915 года разобщили снова всѣ общественныя силы, остановили работу живой, идейной мысли; „порывы“ свелись исключительно къ безпринципной жаждѣ власти, а „вдохновенія“ сконцентрировались для лжи, которой прикрывалась жажда власти. Потребовался кровавый, безумный періодъ революціи и разрушенія Россіи, чтобы вскрыть истину и дѣйствительное лицо Саковичей и Логиновыхъ, Керенскихъ и Гучковыхъ, Ленинныхъ и Бронштейновъ, Бѣлобородовыхъ и Ермаковыхъ, Леватныхъ и Клещеевыхъ...

Эта притупленность мысли, эти „порывы“ къ власти, это „вдохновеніе“ во лжи—это признаки духовнаго раз-

ложенія, духовнаго паденія. Оно естественно привело людей, общество къ преступности, къ преступленію. Ни Саковичъ, ни Логиновъ, ни другіе сподвижники не чувствуютъ въ своихъ поступкахъ моральной стороны; она притуплена такъ-же, какъ и мысль. Для кого они работаютъ?—это безразлично. Во имя какихъ идей работаютъ? — тоже безразлично. По какимъ путямъ идутъ?—безразлично. Изъ ихъ разсказовъ не видно даже, чтобы ихъ принуждали работать и служить съ большевистской властью силой. Напротивъ, они работаютъ и служатъ, сознавая хорошо, кто такіе сидящіе рядомъ съ ними, и тоже какъ и они не останавливающіеся ни передъ какими преступленіями, ради тѣхъ началъ, которыми руководятся Саковичи и Логиновы: *все для себя.*

Саковичъ и Логиновъ изъ той толпы, которая присутствовала на митингѣ Исаака Голощекина въ театральномъ залѣ. По своей интеллигентности они раньше другихъ атомовъ толпы успѣли обезпечить за собой власть для себя, чтобы жить и ѣсть, и, благодаря этому, теперь ихъ положеніе въ совѣтской Россіи обезпечено. Саковичъ совершенно просто разсказываетъ, какъ онъ достигъ этой власти, хотя на пути къ ней совершилъ рядъ преступленій самостоятельно, или участвовалъ въ преступленіяхъ съ другими.

Онъ измѣнялъ политическимъ принципамъ соотвѣтственно тому, которые изъ нихъ открывали ему доступъ къ власти; онъ измѣнилъ офицерской средѣ, онъ измѣнилъ средѣ своихъ коллегъ врачей и, ради упроченія своей власти на съѣздѣ, предалъ нѣсколькихъ врачей въ руки большевиковъ. Онъ до циничности просто разсказывалъ, что въ началѣ іюля 1918 года совѣтскія власти отправляли на рытье окоповъ лицъ состоятельныхъ классовъ. Комендантъ Некрасовъ посылалъ къ нему этихъ лицъ для дачи заключенія — годны или нѣтъ присылаемые къ физическому труду. Въ одинъ изъ дней, когда онъ далъ освобожденіе тремъ лицамъ подрядъ, Некрасовъ ему пригрозилъ, что если онъ будетъ такъ широко освобождать, то будетъ самъ посланъ въ окопы. Тогда Саковичъ, „чтобы оградить *себя*", совершенно пересталъ давать освобожденія.

Также легко, какъ и противъ общества, для огражденія себя, своей власти, онъ совершилъ преступленіе противъ

Царской Семьи, участвуя въ совѣщаніи, обсуждавшемъ какимъ способомъ покончить съ Ней и, конечно, какъ и другіе комиссары, участвовалъ въ голосованіи.

Саковичъ интеллигентъ, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ и привилегированнаго классоваго положенія. Поэтому ложь своего разсказа онъ прикрываетъ или умалчиваніями въ нужныхъ мѣстахъ, или туманностью оборота рѣчи, или демагогической риторикой. Но по циничной простотѣ и безпринципности его сужденія ничѣмъ не отличаются отъ точки зрѣнія, напримѣръ, хулигана Проскурякова, когда послѣдній разсказывалъ о своей причастности къ убійству Царской Семьи.

„На другой день послѣ получки жалованья, значитъ, во вторникъ 16-го іюля до 10 часовъ утра я стоялъ на посту у будки около Вознесенскаго проспекта и Вознесенскаго проулка. Егоръ Столовъ, съ которымъ я вмѣстѣ жилъ въ одной комнатѣ, стоялъ тогда въ эти же часы на посту въ нижнихъ комнатахъ дома. Кончивъ дежурство, мы со Столовымъ пошли попьянствовать на Водочную улицу, къ миліціонеру 2-й части по имени Адольфу, потому что, какъ мы это знали отъ него самого, у него былъ денатуратъ. Напились мы со Столовымъ денатурату и подъ вечеръ пришли домой, такъ какъ намъ предстояло дежурить съ 5 часовъ. Медвѣдевъ увидѣлъ, что мы пьяны, и посадилъ насъ подъ арестъ въ баню, находившуюся во дворѣ дома Попова. Мы тамъ и уснули.

„Спали мы до 3-хъ часовъ ночи. Въ 3 часа ночи къ намъ пришелъ Медвѣдевъ, разбудилъ насъ и сказалъ намъ: „вставайте, пойдемте“. Мы спросили его: куда? Онъ намъ отвѣтилъ: „зовутъ, идите“. Я потому говорю, что было это въ 3 часа, что у Столова были при себѣ часы, и онъ тогда смотрѣлъ на нихъ. Было именно 3 часа.

„Мы встали, пошли за Медвѣдевымъ. Привелъ онъ насъ въ нижнія комнаты дома Ипатьева. Тамъ были всѣ рабочіе-охранники, кромѣ стоявшихъ тогда на постахъ. Въ комнатахъ стоялъ какъ бы туманъ отъ порохового дыма и пахло порохомъ. Въ задней комнатѣ съ рѣшеткой въ окнѣ, которая рядомъ съ кладовой, въ стѣнахъ и въ полу были удары пуль. Пуль особенно было много въ той стѣнѣ, что напротивъ входной двери, но были слѣды пуль и въ другихъ стѣнахъ. Тамъ, гдѣ въ стѣнахъ и полу были пулевыя отверстія, вокругъ нихъ была кровь; на стѣнахъ она была

брызгами и пятнами; на полу—маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови и во всѣхъ другихъ комнатахъ, черезъ которыя нужно было проходить во дворъ дома Ипатьева изъ этой комнаты, гдѣ были слѣды отъ пуль. Были такіе же слѣды крови и во дворѣ къ воротамъ на камняхъ. Ясное дѣло, въ этой именно комнатѣ съ рѣшеткой не задолго до нашего со Столовымъ прихода разстрѣляли много людей. Увидѣвъ все это, я сталъ спрашивать Медвѣдева и Александра Стрекотина, что произошло? Они мнѣ сказали, что только что разстрѣляли всю Царскую Семью и всѣхъ бывшихъ съ Нею лицъ, кромѣ мальчика.

„Медвѣдевъ приказалъ намъ со Столовымъ убирать комнаты. Стали мы всѣ мыть полы, чтобы уничтожить слѣды крови. Въ одной изъ комнатъ было уже штуки 4—5 метелъ. Кто именно ихъ принесъ, я не знаю. Думаю, принесли ихъ со двора, гдѣ я ихъ раньше видѣлъ. По приказанію Медвѣдева, Кронидовъ принесъ изъ подъ сарая со двора опилокъ. Всѣ мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стѣнахъ, гдѣ былъ разстрѣлъ, мы смывали мокрыми тряпками. Въ этой уборкѣ принимали участіе всѣ рабочіе, кромѣ постовыхъ. И въ той именно комнатѣ, гдѣ была побита Царская Семья, уборку производили многіе. Помню я, что работали тутъ человѣка два „латышей“, самъ Медвѣдевъ, отецъ и сынъ Смордяковы, Столовъ. Убиралъ въ этой комнатѣ и я. Но были еще и другіе, которыхъ я забылъ. Такимъ же образомъ, т.-е. водой мы смывали кровь во дворѣ и съ камней.

„Послѣ уборки комнатъ мы со Столовымъ пошли было въ наше помѣщеніе въ домѣ Попова, но насъ Медвѣдевъ посадилъ опять въ баню досиживать арестъ. Пошли мы въ баню и проспали тамъ часовъ до 10 утра. Это значитъ было уже въ среду. Въ 12 часовъ я сталъ на постъ снаружи у будки на углу Вознесенскаго проспекта и Вознесенскаго проулка. Простоялъ я два часа. Тутъ мы со Столовымъ пошли въ городъ и прошатались до вечера. Знакомыхъ мы никого не видѣли и никому про убійство не говорили. Вечеромъ мы пришли въ казарму, поѣли и легли спать“.

Интеллигентъ Саковичъ не отпирался, что онъ служилъ у совѣтской власти, но въ своемъ разсказѣ лгалъ отъ начала до конца. 17-ти лѣтній хулиганъ Проскуряковъ разсказалъ голую правду, но лгалъ передъ этимъ: сначала упорно отпирался, что служилъ совѣтской власти, потомъ признался,

что служилъ, но ничего не знаетъ, и только послѣ долгихъ бесѣдъ съ Соколовымъ, наконецъ, разсказалъ, и разсказалъ правду. Въ этомъ разница индивидуальностей совѣтскихъ дѣятелей изъ интеллигенціи и изъ пролетаріата, но ложь такъ или иначе является непремѣннымъ аксессуаромъ этихъ дѣятелей. Затѣмъ характерная имъ всѣмъ общая черта— повѣствуетъ ли интеллигентъ или хулиганъ, разсказываютъ ли ложь или правду, обязательно выдадутъ всѣхъ, кого только могутъ, лишь бы оградить себя. Забота о себѣ ни на минуту не покидаетъ совѣтскаго дѣятеля, какъ не покидала она и дѣятеля революціи съ перваго ея момента, и всякаго политическаго дѣятеля послѣднихъ годовъ, предшествовавшихъ революціи.

Проскуряковъ, сначала солгавши, потомъ заговорилъ правдиво. Заговоривши правдиво, онъ каялся въ своей преступной дѣятельности, сознавалъ свои ошибки, свою подлость и, хотя быть можетъ дѣлалъ это не безъ умысла смягчить сердце судей и облегчить свою участь, но во всякомъ случаѣ созналъ свою низость и глупость вполнѣ искренно, убѣжденно. Саковичъ, тотъ своей мерзости не признаетъ и не желаетъ признавать. Онъ и лжетъ въ разсказѣ такъ, чтобы доказать, что то, что онъ дѣлалъ, вполнѣ хорошо и иначе не могло быть. Онъ ни минуты не высказываетъ раскаянія ни въ какомъ видѣ, и считаетъ, что каяться ему и не въ чѣмъ, такъ какъ вся его безпринципная дѣятельность есть именно та, которая и должна быть.

Еще Достоевскій со свойственной ему глубиной психологическаго анализа отмѣтилъ характерную черту русскаго человѣка, отличающую его отъ представителя любой другой европейской націи: „нѣтъ такого подлеца и мерзавца въ русскомъ народѣ, который бы не зналъ, что онъ подлъ и мерзокъ, тогда какъ у другихъ бываетъ такъ, что дѣлаетъ мерзость, да еще самъ себя за нее похваливаетъ, въ принципъ свою мерзость возводитъ, утверждаетъ, что въ ней-то и заключается правило и свѣтъ цивилизаціи, и несчастный кончаетъ тѣмъ, что вѣритъ тому искренно, слѣпо и даже честно...“

Проскуряковъ и Саковичъ какъ разъ два, примѣнимыхъ къ этому анализу, типа: въ Проскуряковѣ, каковъ бы онъ ни былъ негодяй, все же сказывается природное русскому человѣку свойство, что его и оставляетъ въ рядахъ русскаго народа, способнаго вмѣстѣ съ тѣмъ, по заключенію

того же Достоевскаго, глубоко вѣрившаго и понимавшаго свой народъ, „самому свѣтить и всѣмъ намъ путь освѣщать“, такъ какъ говоритъ Достоевскій, „судите нашъ народъ не по тому, что онъ есть, а по тому, чѣмъ желалъ бы стать. *А идеалы его сильны и святы, и они-то спасали его въ вѣка мученій...*“ Интеллигентъ же Саковичъ утерялъ уже основное свойство, присущее русскому человѣку—самопознаніе по совѣсти, и пересталъ быть русскимъ. Въ немъ стерлись черты русскаго человѣка, и въ своемъ руководительствѣ революціоннымъ движеніемъ и позднѣе совѣтскими порядками онъ пошелъ по какому-угодно пути, но не по русскому.

Не въ этомъ ли расхожденіи интеллигента Саковича съ основными чертами русскаго народа кроятся причины и сущность той пропасти, о которой столько трактовалось въ обществѣ, литературѣ и политическихъ теченіяхъ до-революціоннаго періода, и которую всѣ склонны были находить между Проскуряковыми и Царемъ, а не видѣть ее между собой и народомъ? И правильно ли искать корень этихъ причинъ въ условіяхъ бывшей *русской* политической жизни, въ *русскомъ* народѣ, въ *русскомъ* Царѣ и въ *русскомъ* міровоззрѣніи? Не беретъ ли эта создавшаяся пропасть начало въ томъ одностороннемъ увлеченіи Европеизмомъ, такъ сильно прививавшемся въ широкихъ кругахъ нашей интеллигенціи, подъ ложнымъ стыдомъ прослыть иначе на міровомъ рынкѣ отсталыми „варварами“, и повлекшимъ, съ одной стороны, къ ложному познанію своего народа, а съ другой, къ игнорированію идеологіей своего народа въ увлеченіи европейскими тенденціями соціалистическихъ теорій?

Въ числѣ документовъ, найденныхъ въ комнатахъ, занимавшихся Царской Семьей въ домѣ Ипатьева, оказался между прочимъ маленькій, разорванный на кусочки листокъ разграфленной синими линіями бумаги, какъ бы вырванный изъ тетради, на которомъ имѣется запись черными чернилами и карандашемъ. Почеркъ, коимъ сдѣлана запись, какъ будто напоминаетъ почеркъ покойнаго бывшаго Государя Императора Николая Александровича. Содержаніе записи, представившееся возможнымъ разобрать, слѣдующее:

„...расхищаютъ казну и иноплеменники господствуютъ.— Въ бѣдахъ отчизны они думаютъ о себѣ . . . . . Чтобы

скоро водворилась тишина и благоденствіе . . . . . насильственное постриженіе, тяжелую смерть . . . . . Вотъ, что называется „нѣтъ ни праведному вѣнца, ни грѣшному конца“. Что за времена: всякій творитъ что хочетъ. Вотъ картина настоящаго. Въ народѣ развратъ, Царскій Престолъ колеблется и своимъ паденіемъ грозитъ сокрушить надолго, можетъ быть навсегда могущество и славу русскихъ. На стеклахъ не легкіе узоры, а цѣлыя льдины...“

Размѣръ пропуска между словами „благоденствіе“ и „насильственное“ могъ бы позволить вставить слова: „въ Россіи (или отчизнѣ), Я готовъ принять“. Если въ записи были именно эти слова, или соотвѣтственныя имъ, то, принявъ во вниманіе сходство почерка, можно было бы сказать съ увѣренностью, что запись сдѣлана бывшимъ Царемъ. Но кому бы она ни принадлежала, авторъ ея, вполнѣ соотвѣтственно текущему моменту, опредѣляетъ сущность импульсовъ, руководившихъ людьми, и съ большой прозорливостью предуказываетъ послѣдствія господства „иноплеменниковъ“ и сосредоточенія помысловъ только „о себѣ“.

Запись, судя по отрывочному содержанію, сдѣлана скорѣе въ періодъ непосредственно предшествовавшій революціи, т.-е. въ періодъ послѣдней напряженной борьбы между общественнымъ политическимъ настроеніемъ, руководимымъ въ то время, какъ казалось, Государственной Думой и Царскимъ Селомъ.

Изученіе документовъ, оставшихся послѣ звѣрски уничтоженной Царской Семьи, многочисленные допросы и опросы лицъ, какъ принадлежавшихъ къ составу придворныхъ чиновъ, оставшихся до послѣдняго момента при Августѣйшей Семьѣ, такъ и лицъ, случайно или по служебнымъ причинамъ приблизившихся къ Ея интимной жизни уже въ періодъ самой революціи, безусловно устанавливаютъ, что погибшіе Государь Императоръ и Государыня Императрица опредѣленно любили Россію для Россіи, а не для „Себя“, не для Своей власти, въ политическомъ значеніи слова. Въ своемъ „Помазанничествѣ Божьемъ“ Они слишкомъ глубоко и убѣжденно сознавали Свою духовную, идеологическую связь съ христіанскимъ міропониманіемъ народа, и борьба Ихъ была борьбою не за гражданско-политическую власть, а за огражденіе идеологическаго міровоззрѣнія народа, его религіозной святыни, воспитавшейся въ немъ исторически, и глубоко проникшей въ корень его существа.

Когда по началу революціи казалось, что въ развившемся движеніи противъ Главы Государства принялъ участіе весь народъ, этотъ единственный моральный судія соотвѣтствія своего Правителя духовной идеологіи массы, Царь съ болью, но сознательно отрекся отъ власти и передалъ ее Тому, на кого указали Ему руководители движеніемъ, какъ Избраннику народа. Оба Они, Царь и Царица, отнеслись къ постигшей Ихъ тяжелой участи съ полнымъ спокойствіемъ, вытекавшимъ изъ Ихъ горячей и искренней вѣры въ Божественность Промысловъ въ Ихъ жизни на землѣ. Но когда оказалось, что ни руководители сверженія Царя, ни общественныя силы, казалось, шедшія съ ними, не имѣли за собой въ дѣйствительности ни воли, ни силы народной массы, и не смогли удержать въ своихъ рукахъ своихъ „завоеваній", то моральныя страданія Царя за будущую судьбу родины стали невѣроятными. Однако до Брестскаго договора Государь и Государыня все же продолжали вѣрить въ скорое будущее благополучіе Россіи. Своего возвращенія на Престолъ Они категорически и искренно не хотѣли, выражая очень часто эту мысль окружающимъ, и мечтали только о спокойной Семейной жизни, но обязательно въ предѣлахъ Россіи. Они совершенно не допускали мысли ни при какихъ обстоятельствахъ уѣхать куда-либо за границу.

Послѣ же Брестскаго договора Государь и Государыня, видимо, потеряли вѣру въ скорое, свѣтлое будущее. Въ это время Государь сталъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отзываться о Керенскомъ и Гучковѣ, считая ихъ одними изъ главныхъ виновниковъ развала арміи. Обвиняя ихъ въ этомъ, Онъ говорилъ, что тѣмъ самымъ безсознательно для самихъ себя они дали нѣмцамъ возможность разложить Россію. На Брестскій договоръ Государь смотрѣлъ, какъ на позоръ передъ міромъ, какъ на измѣну Россіи союзникамъ. Онъ заключалъ свои мысли приблизительно такъ: „и они смѣли подозрѣвать Ея Величество въ измѣнѣ? Кто же на самомъ дѣлѣ измѣнникъ?"

На главарей большевистскаго движенія Ленина и Бронштейна-Троцкаго Государь опредѣленно смотрѣлъ, какъ на нѣмецкихъ агентовъ, продавшихъ Россію нѣмцамъ за большія деньги и преслѣдующихъ кромѣ того свои спеціальныя, темныя цѣли религіозно-соціалистическаго характера міровой опасности. Когда въ Тобольскъ пріѣхалъ совѣтскій комиссаръ Яковлевъ, чтобы вывезти Царскую Семью, и изъ его

полусловъ стало ясно, что Государя имѣютъ въ виду доставить для чего-то въ Москву, то бывшій Царь, не колеблясь, сказалъ: „Ну, это они хотятъ, чтобы Я подписался подъ Брестскимъ договоромъ. Но Я лучше дамъ отсѣчь Себѣ руку, чѣмъ сдѣлаю это". А присутствовавшая при этомъ Государыня, сильно волнуясь, такъ какъ Ея любимый Сынъ былъ въ это время въ очень опасномъ болѣзненномъ состояніи, добавила: „Я тоже ѣду съ Тобой".

Павелъ Медвѣдевъ, касаясь условій содержанія Царской Семьи въ Ипатьевскомъ домѣ, говорилъ про Нихъ:

„Всѣ Члены Августѣйшей Семьи, кромѣ Наслѣдника, были здоровы. По внѣшнему виду Государыня была старѣе Государя; у Нея въ волосахъ замѣтна была сѣдина. За все время мнѣ пришлось имѣть лишь два короткихъ разговора съ Государемъ. Разъ Государь спросилъ меня, какъ идетъ война, куда отправляются войска? Я объяснилъ Ему, что теперь идетъ война внутренняя; дерутся русскіе съ русскими. Во второй разъ, увидя меня въ саду рвущимъ лопухи, Государь спросилъ, для чего они мнѣ? Я отвѣтилъ, что они нужны на табакъ. Никакимъ оскорбленіямъ и издѣвательствамъ Царская Семья со стороны охранниковъ не подвергалась".

Медвѣдевъ при допросѣ особенно подчеркивалъ разницу въ отношеніяхъ къ Царской Семьѣ русскихъ охранниковъ-рабочихъ отъ отношеній Юровскаго и „латышей". Онъ говорилъ, что не довѣряя русскимъ, Янкель Юровскій и латыши слѣдили за самими русскими охранниками и не позволяли имѣть общеній съ Царской Семьей, напримѣръ, разговаривать съ Ней. Именно этимъ онъ объяснялъ, что ему не удалось бесѣдовать болѣе или менѣе обстоятельно съ Царемъ.

Въ свою очередь разсказываетъ про Царскую Семью и Филиппъ Проскуряковъ:

„Жизнь свою Они проводили такъ: вставали Они утромъ часовъ въ 8—9. У Нихъ была общая молитва. Они всѣ собирались въ одну комнату и пѣли тамъ молитвы. Обѣдъ у Нихъ былъ въ 3 часа дня. Всѣ Они обѣдали вмѣстѣ въ одной комнатѣ, т.-е. я хочу сказать, что вмѣстѣ съ Ними обѣдала и вся прислуга, которая была при Нихъ. Въ 9 часовъ вечера у Нихъ былъ ужинъ, чай, а потомъ Они ложились спать. Днемъ Государь читалъ, Государыня также читала, или вмѣстѣ съ Дочерьми вышивала что-нибудь или

вязала. Наслѣдникъ, если могъ, дѣлалъ изъ проволоки цѣпочки для своихъ игрушекъ-корабликовъ. Гуляли Они въ день часа полтора.

„Про отношенія къ Государю и къ Его Семейству со стороны охраны я могу по сущей совѣсти объяснить слѣдующее: Авдѣевъ былъ простой рабочій, мало развитой. Бывалъ онъ и пьяненькій иногда. Но ни онъ самъ, ни охранники при немъ ничѣмъ какъ есть Царской Семьи не обижали и не утѣсняли. Юровскій съ Никулинымъ держали себя самихъ совсѣмъ по другому. При нихъ Царской Семьѣ было хуже. Ну и охранники при Юровскомъ стали себя вести много хуже. О разныхъ безобразіяхъ Сафонова, Стрекотина и Подкорытова Юровскому было извѣстно. О томъ, какъ однажды Подкорытовъ выстрѣлилъ въ выглянувшую въ окно Анастасію Николаевну, ему Юровскому я знаю докладывалъ Медвѣдевъ“.

По поводу отобранія Юровскимъ отъ охранниковъ передъ разстрѣломъ Царской Семьи револьверовъ, Проскуряковъ характерно замѣчаетъ:

„Вотъ этого я толкомъ понять не могу. Правда это была или нѣтъ, я этого доподлинно не знаю, потому что никого изъ рабочихъ объ этомъ я спросить не догадался, отбиралъ ли на самомъ дѣлѣ у нихъ Медвѣдевъ револьверы. Для чего это нужно было, я самъ не понимаю; по словамъ Медвѣдева, разстрѣливали Царскую Семью латыши, а они всѣ имѣли Наганы. Я тогда еще не зналъ, что Юровскій еврей. Можетъ быть онъ, руководитель этого дѣла, и латышей для этого нагналъ, не надѣясь на насъ, на русскихъ. Можетъ быть онъ для этого и захотѣлъ постовыхъ русскихъ рабочихъ обезоружить“.

Два показанія рабочихъ-охранниковъ, Медвѣдева и Проскурякова, одинаково свидѣтельствуютъ, что въ отношеніяхъ во всякомъ случаѣ большей части русскихъ охранниковъ къ бывшему Царю и къ Царской Семьѣ народной вражды не было. Тоже подтверждали и другіе охранники, да и надписи на стѣнахъ дома, оставленныя по себѣ охранниками, говорили о томъ же. Повидимому это обстоятельство такъ ярко проявлялось, что руководители преступленіемъ, Исааки Голощекины, Янкели Юровскіе, Саковичи, Бѣлобородовы, Дидковскіе, или такъ сказать израильская и россійская

революціонная совѣтская интеллигенція испугались настроенія русскихъ рабочихъ къ сверженному Царю, и вынуждены были обезпечить выполненіе своего злого умысла обезоруженіемъ охранниковъ и удаленіемъ ихъ отъ непосредственнаго соприкосновенія съ обреченными жертвами. Въ данномъ случаѣ это произошло при большевистской власти. Но не тотъ же ли страхъ, вѣроятно, долженъ былъ существовать въ тайникахъ душъ дѣятелей и революціонеровъ предшествовавшаго періода революціи, когда русской землей пытались завладѣть Львовы, Керенскіе, Гучковы и прочіе главари „народныхъ движеній“ *безъ народа,* взявшіе на себя право сверженія Царя именемъ народа, а совершившіе въ дѣйствительности преступный актъ личнаго произвола, такъ какъ народа за ними не оказалось.

Сверженный, заключенный, всецѣло находившійся во власти большевистскихъ изувѣровъ бывшій Царь предпочитаетъ, чтобы ему отрѣзали руку, чѣмъ пойти на какое-либо дѣло, которое могло бы принести вредъ національной чести и свободѣ Россіи и поставить ее въ экономическо-политическую зависимость отъ нѣмцевъ. Онъ истинно русскій для такой сдѣлки человѣкъ; Онъ вѣрный и честный Сынъ Своего народа, и это проявляется даже въ Его отношеніи къ Своимъ тюремщикамъ изъ русскаго народа. Онъ и въ нихъ продолжаетъ видѣть русскаго христіанина, дѣтей русскаго народа, къ которому принадлежитъ и самъ, и котораго любитъ не на „митинговыхъ и трибунныхъ“ словахъ, а на дѣлѣ, таковымъ, какъ его создали исторія и жизнь. Онъ и въ Медвѣдевѣ видитъ прежде всего своего соплеменника, заговариваетъ съ нимъ, и увѣренъ, что изъ 1000 такихъ русскихъ рабочихъ, какъ Медвѣдевъ, можетъ быть только 10—20 не отзовутся просто на слово русскаго человѣка, котораго они всѣ по неволѣ чувствуютъ въ Немъ.

Совершенно вѣрно, что для политически развращенныхъ различными соціалистическими и иными лицедѣями слова воспитателями рабочихъ Онъ больше не Царь-Правитель. Онъ только человѣкъ. Но не увидѣть въ Немъ истиннаго русскаго человѣка они не могли, такъ какъ близкое соприкосновеніе съ Нимъ въ охранѣ, съ Его Семьей, съ Ихъ жизненнымъ бытомъ и главное съ Ихъ высокоправославной религіозностью открывало глаза простыхъ людей на сущность натуры бывшаго Царя, и устанавливало между ними невольно внутреннюю связь по сродству основныхъ, корен-

ныхъ чертъ народнаго характера. Этой внутренней связи съ русскимъ народомъ не могли имѣть ни Саковичи, ни Логиновы, ни Ленины, ни Гучковы, ни Керенскіе, ни Львовы, ни никто изъ ихъ сподвижниковъ, активныхъ и пассивныхъ, всего революціоннаго періода 1917 года и предшествовавшихъ ему подготовительныхъ смутныхъ годовъ.

Сколько должно было быть у бывшаго Царя любви къ своему русскому народу, сколько великой русской жалости къ темнотѣ его, чтобы даже въ Екатеринбургѣ не разувѣриться въ дѣйствительныхъ свойствахъ его натуры и не отвернуться отъ него, а всегда и при всѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ стремиться стать ближе къ нему, приласкать его, отъ чистаго сердца протянуть ему руку. И въ большинствѣ случаевъ Онъ не ошибался; простой русскій человѣкъ Его понималъ, и кто бы онъ ни былъ по испорченности натуры, такъ или иначе откликался. Онъ говорилъ: „русскій человѣкъ—это мягкій, хорошій, душевный человѣкъ; онъ многаго не понимаетъ и этимъ пользуются злые люди. Но на него можно воздѣйствовать добромъ". Какъ разъ именно такую натуру русскаго человѣка Онъ Самъ и вмѣщалъ въ Себѣ, а злые люди пользовались этимъ и... воспользовались окончательно въ стремленіи къ власти, въ заботѣ лишь о своемъ эгоистическомъ „Я", и въ ослѣпленіи своими *не русскими* политическими принципами. Въ послѣднемъ отношеніи характеренъ эпизодъ, случившійся съ комиссаромъ Панкратовымъ, какъ рельефно отражающій сущность политиканствовавшихъ людей того времени, воображавшихъ, что въ своемъ, пріобрѣтенномъ съ запада, соціалистическомъ міровоззрѣніи, они лучше знаютъ и ближе стоятъ къ русскому простому народу, чѣмъ русскій Царь.

Панкратовъ былъ присланъ въ Тобольскъ Керенскимъ вмѣсто комиссара Макарова. По существу это былъ человѣкъ не злой, мягкій и безвольный, но къ несчастію узкій, партійный, идейный соціалистъ. Его главная мысль по пріѣздѣ въ Тобольскъ заключалась въ томъ, что надо развить и „воспитать" солдатъ, чтобы Царской Семьѣ было хорошо среди нихъ. Для этого онъ сталъ *по своему* развивать солдатъ охраны, но результаты получились для него совершенно неожиданно чрезвычайно непріятные: вмѣсто просвѣщенія—солдаты начали развращаться; появилась партійность и злоба; солдаты стали хулиганничать, и Панкратовъ, испугавшись, отступилъ. Каково же было его удивле-

ніе, когда, спустя нѣкоторое время, вновь зайдя въ помѣщеніе солдатъ, онъ засталъ тамъ Государя съ Наслѣдникомъ, игравшихъ съ солдатами въ шашки и мирно бесѣдовавшихъ съ ними. При входѣ его, Государь добродушно предложилъ Панкратову присоединиться къ ихъ компаніи, но смущенный революціонеръ-воспитатель, сконфузившись, поспѣшилъ уйти.

Старикъ Чемадуровъ, 10 лѣтъ пробывшій при Государѣ Императорѣ въ должности камердинера, незадолго до своей смерти въ простомъ разсказѣ вѣрнаго слуги такъ исторически цѣнно обрисовалъ покойнаго бывшаго Царя:

„Камердинеровъ при бывшемъ Государѣ было трое: я, Петръ Федоровичъ Котовъ и Никита Кузьмичъ Тетеревятниковъ; каждый изъ насъ дежурилъ при бывшемъ Государѣ по-недѣльно. Въ кругъ обязанностей дежурнаго камердинера кромѣ обычныхъ входили: исполненіе всѣхъ личныхъ приказаній Государя и докладъ о всѣхъ особахъ, имѣвшихъ къ Нему личный доступъ. Безъ доклада камердинера никто, кромѣ Супруги Государя и Его Дѣтей, не имѣлъ права входить въ кабинетъ Государя.

„За время моей почти 10-ти лѣтней службы при Государѣ я хорошо изучилъ Его привычки и наклонности въ домашнемъ обиходѣ и по совѣсти могу сказать, что бывшій Царь былъ прекраснымъ семьяниномъ. Обычный порядокъ дня былъ таковъ: въ 8 часовъ утра Государь вставалъ и быстро совершалъ свой утренній туалетъ; въ $8^1/_2$ пилъ у себя чай, а затѣмъ до 11 часовъ занимался дѣлами; прочитывалъ представленные доклады и собственноручно налагалъ на нихъ резолюціи. Работалъ Государь одинъ, и ни секретарей, ни докладчиковъ у него не было. Отъ 11 до 1 часу, а иногда и долѣе, Государь выходилъ на пріемъ, а послѣ часу завтракалъ въ кругу Своей Семьи. Если пріемъ представлявшихся Государю лицъ занималъ болѣе положеннаго времени, то Семья ожидала Государя и завтракать безъ Него не садилась. Послѣ завтрака Государь работалъ и гулялъ въ паркѣ, причемъ непремѣнно занимался какимъ-либо физическимъ трудомъ, работая лопатой, пилой или топоромъ. Послѣ работы и прогулки въ паркѣ—полуденный чай. Отъ 6 до 8 часовъ вечера Государь снова занимался у Себя въ кабинетѣ дѣлами. Въ 8 часовъ вечера Государь

обѣдалъ, затѣмъ опять садился за работу до вечерняго чая въ 11 часовъ вечера. Если доклады были обширны и многочисленны, Государь работалъ далеко за полночь и уходилъ въ спальню только по окончанiи всей работы. Бумаги наиболѣе важныя Государь Самъ лично вкладывалъ въ конверты и задѣлывалъ; для отсылки бумагъ по принадлежности Государь приглашалъ дежурнаго камердинера. Передъ отходомъ ко сну Государь принималъ ванну. Кромѣ того Государь аккуратно велъ дневникъ и писалъ иногда до глубокой ночи. Тетради дневниковъ тщательно сохранялись и такихъ тетрадей накопилось очень много.

„Въ семейномъ быту Государь не допускалъ никакой роскоши, и въ столѣ, одеждѣ и домашнемъ обиходѣ Государь и вся Его Семья придерживались скромныхъ и простыхъ привычекъ. Отличительной чертой всей Царской Семьи была глубокая религiозность: Никто изъ Членовъ Семьи не садился за столъ безъ молитвы; посѣщенiе Церкви было для Нихъ не только христiанскимъ долгомъ, но и радостью. Отношенiя между Членами Семьи были самыя сердечныя и простыя, какъ между Государемъ и Государыней, такъ и между родителями и дѣтьми“.

Нравственные облики покойныхъ Государя и Государыни обрисовываются болѣе полно въ разсказахъ лицъ, случайно ставшихъ близко къ интимной жизни Царской Семьи уже въ революцiонный перiодъ, т.-е. лицъ, какъ бы наблюдавшихъ за жизнью Семьи со стороны и не принадлежавшихъ раньше къ придворной средѣ.

По отзывамъ всѣхъ этихъ лицъ Государь былъ человѣкъ умный, образованный и весьма начитанный. Онъ обладалъ громадной памятью, особенно на имена, и являлся чрезвычайно интереснымъ собесѣдникомъ. Онъ хорошо зналъ исторiю и любилъ серьезныя историческiя книги. Любилъ Онъ физическiй трудъ и жить безъ него не могъ, въ этомъ Онъ былъ воспитанъ съ дѣтства.

Доброта и простота чувствовались въ Немъ при Его обращенiи съ людьми; ни малѣйшей надменности или заносчивости въ Немъ не было. Онъ былъ замѣчательно предупредителенъ и внимателенъ къ другимъ. Госпожа Битнеръ, случайная учительница въ Тобольскѣ, преподававшая русскiй языкъ Наслѣднику, говоритъ: „Если я иногда по нездоровью пропускала урокъ, не было случая, чтобы Онъ, проходя утромъ черезъ нашу комнату, не распросилъ меня

о моемъ здоровьѣ. Съ Нимъ я всегда чувствовала себя совсѣмъ просто, какъ будто вѣкъ Его знала".

Въ своихъ потребностяхъ Государь былъ очень скроменъ: берегъ одежду, не позволялъ себѣ въ этомъ лишней траты и сплошь да рядомъ можно было видѣть на немъ потертые, но исправно починенные и вычищенные штаны и износившіеся сапоги. Вина Онъ почти не пилъ: за обѣдомъ Ему подавался портвейнъ или мадера и Онъ выпивалъ не больше рюмки. Онъ любилъ простыя русскія блюда: борщъ, щи, кашу. Былъ онъ весьма религіозенъ; ни ханжества, ни суевѣрныхъ предразсудковъ въ Немъ не было; Онъ былъ истинный русскій христіанинъ по вѣрѣ и строгій исповѣдникъ догматовъ Православной Церкви.

Не любилъ Онъ евреевъ. Не любилъ и даже больше—не переваривалъ нѣмцевъ.

Отличительной чертой въ Его натурѣ, наиболѣе Его характеризовавшей, было свойство доброты, душевной мягкости. Это былъ человѣкъ замѣчательно добрый. Если бы это зависѣло лично отъ Него, какъ человѣка, Онъ бы не способенъ былъ совершенно никому причинить какое-либо страданіе. Вотъ это Его свойство и производило сильное впечатлѣніе на окружающихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ былъ замѣчательно выдержанный, спокойный и безхитростный человѣкъ. Эти основныя, отличительныя Его черты чрезвычайно хорошо воспринимались людьми, съ которыми Онъ приходилъ въ соприкосновеніе. Конечно, людьми не испорченными душой и мыслями. „Онъ вызывалъ у меня чувство, что хочется сдѣлать Ему что-нибудь пріятное", говоритъ одинъ изъ такихъ свидѣтелей. „Сколько лѣтъ я жилъ около Него и ни одного раза я не видѣлъ Его въ гнѣвѣ", говоритъ другой свидѣтель.

Искусствъ Государь не зналъ. Онъ любилъ сильно природу и охоту. Безъ этого Онъ томился и по охотѣ скучалъ. Охоту Онъ оставилъ съ началомъ Великой войны.

Про отношеніе и чувства Государя къ Россіи, нельзя ихъ выразить словами, что Онъ любилъ Россію. Россія для Него была почти тѣмъ же, чѣмъ была христіанская вѣра; какъ не могъ Онъ отречься отъ христіанской вѣры, такъ не могъ оторваться отъ Россіи. Чувства Государя и Государыни къ Россіи опредѣленнѣе всего выражаются въ словахъ Государыни: когда послѣ отреченія Государь вернулся къ Семьѣ, то приближенные въ порывѣ любви къ Ихъ

Величествамъ хотѣли выразить сочувствіе Ихъ страданію. Тогда Государыня, указавъ на распятіе Христа, сказала: „Наши страданія—ничто. Смотрите на страданія Спасителя, какъ Онъ страдалъ за насъ. *Если только это нужно для Россіи, Мы готовы жертвовать и жизнью, и всѣмъ*".

Государь былъ слишкомъ довѣрчивъ къ людямъ, считая почти всѣхъ лучше, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Недобропорядочные элементы пользовались Его сердечной добротой и снискивали расположеніе Царя къ себѣ путемъ возбужденія Его жалости. Та же черта была и въ характерѣ Государыни. Вслѣдствіе этого многіе, представляясь гонимыми, укрѣпляли къ себѣ Ихъ расположеніе и пользовались Ихъ заступничествомъ и покровительствомъ. Къ числу таковыхъ относился и Распутинъ, который умѣло выставлялъ себя жертвой всевозможныхъ интригъ и злой зависти.

Въ семейномъ быту Государь всецѣло подчинялся волѣ Государыни; Онъ хотѣлъ, чтобы хозяйкой въ Семьѣ всѣ считали Ее. Если къ Нему обращались съ какимъ-либо семейнымъ или хозяйственнымъ вопросомъ, Онъ обыкновенно отвѣчалъ: „какъ Жена, я Ее спрошу".

„Государыня, какъ была Царицей раньше, такъ и осталась ею. Самая настоящая Царица: красивая, властная, величественная".—Это было общее впечатлѣніе и заключеніе, какъ людей, состоявшихъ при Царской Семьѣ, такъ и рабочихъ-охранниковъ изъ Ипатьевскаго дома.

Самымъ характернымъ отличіемъ въ Государынѣ была именно Ея величественность—такое впечатлѣніе Она производила на всѣхъ. „Идетъ бывало Государь", разсказываютъ придворные, охранники, всѣ окружавшіе Ихъ посторонніе люди, „нисколько не мѣняешься; идетъ Она, какъ-то невольно обязательно одернешься и подтянешься". Всегда въ Ея присутствіи чувствовалась въ Ней Царица. Она была умная, съ большимъ характеромъ и весьма выдержанная женщина. Благодаря силѣ воли, Она вполнѣ отвѣчала первенствующему положенію въ Семьѣ. Но это не былъ гнетъ; Она была той надежной крышей, подъ защитой которой жила Семья; Она Ихъ всѣхъ „опекала". Но за то конечно, Она сильнѣе и страдала; у всѣхъ на глазахъ Она сильно старѣла.

Однако Государыня вовсе не была горда въ дурномъ смыслѣ этого слова; этого и не могло быть въ Ней, потому что отъ природы Она была умная, въ душѣ смиренная,

добрая женщина. Черты Ея натуры, которыя заставляли видѣть и чувствовать въ Ней Царицу, вовсе не были отрицательными чертами, это не являлось результатомъ надменности, самомнѣнія, жестокой властности, эти качества совершенно въ Ней отсутствовали. Она была именно величественна, какъ Царица, *величественна въ своихъ чувствахъ, взглядахъ и особенно въ духовныхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ.*

Государыня была безконечно добра и безконечно жалостлива. Именно эти свойства Ея натуры были побудительными причинами въ явленіяхъ, давшихъ основаніе людямъ интриговавшимъ, людямъ безъ совѣсти и сердца, людямъ, ослѣпленнымъ жаждой власти, объединиться между собою и использовать эти явленія въ глазахъ темныхъ массъ и жадной до сенсацій праздной и самовлюбленной части интеллигенціи, для дискредитированія Царской Семьи въ своихъ темныхъ и эгоистическихъ цѣляхъ. Государыня привязывалась всей душой къ людямъ дѣйствительно страдавшимъ, или искуссно разыгрывавшимъ передъ Ней свои страданія. Она Сама слишкомъ много перестрадала въ жизни, и какъ сознательный человѣкъ—за свою угнетенную Германіей родину, и какъ Мать—за страстно и безконечно любимаго Сына. Поэтому Она не могла не относиться слишкомъ слѣпо къ другимъ, приближавшимся къ Ней людямъ, тоже страдавшимъ, или представлявшимся страдающими.

Она сильно и глубоко любила Государя. Любила Она Его, какъ женщина, полюбившая Его съ 15-ти лѣтняго возраста нѣжной и сильной дѣвичьей душой; какъ женщина, которая имѣла отъ Него Дѣтей и много лѣтъ жила съ Нимъ хорошей, согласной жизнью. Съ Мужемъ у Нея были прекрасныя, простыя отношенія. Они Оба любили другъ друга, и хотя для всѣхъ ясно чувствовалось, что главой въ домѣ была Она, но не было ни одного вопроса, о которомъ бы Она раньше не посовѣтывалась съ Мужемъ.

Все свободное время, остававшееся отъ пріемовъ и благотворительной дѣятельности, Государыня отдавала Семьѣ; постороннимъ видно было, какъ сильно Она любила Свой очагъ, Своихъ Дѣтей, а изъ Нихъ больше всѣхъ Алексѣя Николаевича. Однако любила Она Дѣтей не слѣпо и эгоистично, но удѣляя массу чувства, ласки и добра всѣмъ окружавшимъ Ее постороннимъ людямъ. Письма Ея къ матери графини Гендриковой, къ самой Анастасіи Ва-

сильевнѣ, къ баронессѣ Буксгевденъ, къ комнатнымъ дѣвушкамъ Великихъ Княженъ, къ массѣ раненыхъ и больныхъ солдатъ и офицеровъ переполнены материнской нѣжностью, лаской, желаніемъ каждому помочь, подбодрить, утѣшить.

Битнеръ разсказываетъ, что однажды у Нея съ Государыней произошелъ сильный споръ, вызванный несходствомъ оцѣнки побужденій, дѣлавшихъ простого русскаго человѣка безпринципнымъ и безжалостнымъ красноармейцемъ. Государыня, увидя изъ окна пришедшій изъ Омска какой-то отрядъ красноармейцевъ, сказала: „вотъ, говорятъ, они нехорошіе. Они хорошіе. Посмотрите на нихъ, они вотъ смотрятъ, улыбаются. Они хорошіе“. Битнеръ стала Ей возражать, доказывая, что многаго Она не видитъ и о многомъ Ей не разсказывали, скрывая отъ Нея. Въ результатѣ горячаго спора обѣ женщины расплакались. У Битнеръ разболѣлась голова и она не смогла придти вечеромъ въ этотъ день къ Царской Семьѣ. Государыня прислала къ ней камердинера, звала ее и написала письмо, прося Битнеръ не сердиться на Нее. „Въ этомъ случаѣ, говоритъ Битнеръ, Она по моему вылилась вся, какая Она была“.

„Въ другой разъ, разсказываетъ еще Битнеръ, Она однажды спросила Сама, посылаю ли я деньги моей матери. Какъ разъ было такое время, когда мнѣ матери послать было нечего. Тогда Она настояла, чтобы я взяла у Нея денегъ и послала бы моей матери“, хотя въ это время денежныя дѣла самой Семьи были очень тяжелы.

Государыня безусловно искренно и сильно любила Россію, совершенно такъ же, какъ любилъ ее и Государь. Такъ же, какъ Государь, смотрѣла Она и на русскій народъ: хорошій, простой, добрый народъ. Это не были слова. Это было глубокое убѣжденіе, проявлявшееся у Нея и на дѣлѣ. Уже будучи арестованной въ Царскомъ Селѣ, Государыня бывало выйдетъ гулять въ паркъ. Ей растелятъ коврикъ, Она присядетъ на него, и сейчасъ же вокругъ собирались солдаты охраны, подсаживались къ Ней и начинались разговоры. Государыня разговаривала съ ними и улыбалась; разговаривала безъ принужденія Себя, и никто ни разу не слышалъ, чтобы кто-либо изъ солдатъ осмѣлился бы Ее обидѣть во время такихъ бесѣдъ. Въ Тобольскѣ многіе изъ хорошихъ солдатъ передъ увольненіемъ приходили къ Ней и къ Государю прощаться, и Она обыкновенно благословляла ихъ образками.

Окружавшіе удивлялись силѣ Ея ненависти къ Германіи и Вильгельму. Всегда сдержанная и владѣющая собой, Она не могла касаться этого предмета разговора безъ сильнаго волненія и злобы. Когда Она говорила про революцію, еще тогда, когда не было никакихъ большевиковъ, Она съ полнымъ убѣжденіемъ предсказывала, что такая же судьба постигнетъ и Германію. Мысль Ея при этомъ была опредѣленная: революція въ Россіи—это не безъ вліянія Германіи, но за это она поплатится сама тѣмъ же, что она сдѣлала и съ Россіей.

„Меня считали нѣмкой", говорила Она, „если бы знали, какъ я ненавижу Германію и Вильгельма за все то зло, которое они сдѣлали Моей родинѣ".

Никто отъ Нея никогда не слышалъ слова, сказаннаго на нѣмецкомъ языкѣ. Она говорила хорошо по русски, пользовалась французскимъ и чаще англійскимъ языкомъ. Дѣти же даже просто плохо владѣли нѣмецкимъ языкомъ и нелюбовь Матери къ Германіи и Вильгельму всецѣло передалась и Дѣтямъ, которыя выказывали ее даже въ мелочахъ. Такъ, подарки, полученные Ими однажды отъ Вильгельма, Они роздали прислугѣ.

Государыня была сильно религіозной натурой. *У такого человѣка, какъ Она, это не могло быть ни лживымъ, ни болѣзненнымъ.*

Ея вѣра въ Бога была искренняя и глубокая. Какъ человѣкъ, не терпѣвшій по природѣ какой-либо лжи, Она, принявъ Православіе, приняла вѣру не по формѣ, не по необходимости, а всѣмъ сердцемъ, всѣмъ разумомъ, всей волей. Иной Она не могла быть. Ея вѣра, Ея набожность были искренни, глубоки и чисты. Никакого „ханжества" въ Ней не было и по натурѣ не могло быть. По основѣ христіанскаго ученія Она вѣрила всѣмъ сердцемъ въ силу молитвы, *вѣрила до конца.*

Чрезвычайно характерное явленіе обрисовывается различными показаніями свидѣтелей въ свойствахъ религіозности Государыни. Мужчины считали Государыню истеричной и полагали, что на этой почвѣ въ Ней развилась религіозная экзальтація. Женщины категорически отрицаютъ наличіе у Государыни истеричности и совершенно отвергаютъ возможность болѣзненнаго проявленія у Нея религіознаго чувства.

Подробное изученіе натуры, характера и психологіи покойной Государыни по многочисленнымъ Ея письмамъ при-

водитъ къ заключенію, что сужденіе женщинъ въ отношеніи религіозности Государыни безусловно соотвѣтствуетъ истинѣ. Вѣроятно дѣйствительно женщины болѣе способны воспринимать вѣру и религію до конечной глубины, чѣмъ мужчины. Ни въ одномъ письмѣ Государыни къ кому бы то ни было *совершенно не проявляется* истеричности. Чистая, глубокая вѣра въ Бога, сопровождаемая всегда безхитростнымъ, спокойнымъ, здравымъ сужденіемъ разсудка—вотъ, чѣмъ отличаются бесѣды Государыни съ близкими Ей по сердцу и духу людьми въ многочисленной перепискѣ. Никакой экзальтаціи, никакой искусственности, никакой фальши не чувствуется въ ея словахъ. И только натуры очень хорошія, въ свою очередь религіозныя, но не способныя воспринимать вѣры до конца, могли видѣть въ Государынѣ религіозную экзальтацію и приписывать Ей истеричность, болѣзненное явленіе, до сихъ поръ не объятое и не исчерпанное наукой.

Настанетъ время, когда воскресшая Россія и возрожденный искреннимъ раскаяніемъ русскій человѣкъ скажутъ свое послѣднее и окончательное слово о трагически погибшихъ бывшихъ Государѣ Императорѣ и Государынѣ Императрицѣ. Но русскій человѣкъ до-революціоннаго періода сказать этого слова не можетъ: онъ жилъ и зналъ Царя и Царицу не тѣми, какими Они были въ дѣйствительности, а тѣми, которыми Ихъ представляли ему кошмарная интрига, гнусная, продажная печать и грязные слои общества и своя извращенная и притупленная мысль. Общество Россіи питалось свѣдѣніями о Царской Семьѣ не отъ тѣхъ, кто зналъ, или могъ знать правду о Нихъ, а отъ тѣхъ, кто умышленно не хотѣлъ знать правды и умышленно искажалъ ее, если и зналъ. Не характерно ли то, что когда теперь устанавливается лицо непосредственныхъ вдохновителей и руководителей кошмарнаго преступленія въ домѣ Ипатьева, почвой для особаго распространенія лжи о Царской Семьѣ была избрана именно Ея религіозность.

Здѣсь въ этой области ложь была доведена до чудовищно-грязныхъ размѣровъ и совершенно непостижимо воспринята громадной массой общества, увѣровавшей, или во всякомъ случаѣ не противодѣйствовавшей утвержденію лжи въ темныхъ слояхъ толпы, и это уже есть преступленіе чисто *русскаго* общества, кто бы ни являлся его вдохновителями и руководителями. Пока въ руководящей русской интелли-

генціи не появится искреннее сознаніе этой своей вины, до тѣхъ поръ пропасть между нею и простымъ народомъ не исчезнетъ, а, слѣдовательно, и истиннаго, свѣтлаго воскресенія Россіи не начнется, такъ какъ оружіе побѣдившей *Лжи* остается въ прежнихъ рукахъ.

Чтобы сознать вину, надо знать правду и повѣрить въ нее. Надо повѣрить тѣмъ окружавшимъ Царскую Семью людямъ, которые *знали Ее* непосредственно и любили, какъ людей исключительнаго христіанскаго начала. Эти люди съ полной готовностью разсказали все, что они знали, и какъ и чѣмъ объясняли себѣ явленія, которыхъ были свидѣтелями. Изслѣдованіе считало необходимымъ записать для будущей исторіи ихъ слова полностью.

„Вотъ теперь я могу сказать“, говоритъ полковникъ Кобылинскій, комендантъ при Царской Семьѣ, поставленный на эту должность Керенскимъ и Корниловымъ, „что настанетъ время, когда русское общество узнаетъ какимъ невѣроятнымъ мукамъ подвергалась эта Семья, когда разные газетные писаки, съ первыхъ и до послѣднихъ дней революціи, надѣляли Ихъ интимную жизнь разными своими измышленіями. Возьмите хоть всю эту грязь съ Распутинымъ. Мнѣ много приходилось бесѣдовать по этому вопросу съ Боткинымъ. Государыня болѣла истеріей. Болѣзнь привела Ее къ религіозному экстазу. Кромѣ того такъ долго жданный и единственный Сынъ боленъ и нѣтъ силъ помочь Ему. Ея муки, какъ Матери, на почвѣ этого религіознаго экстаза и создали Распутина. Распутинъ былъ для Нея святой. Вотъ когда живешь и имѣешь постоянное общеніе съ этой Семьей, тогда бывало понимаешь, какъ пошло и подло обливали эту Семью грязью. Можно себѣ представить, что Они всѣ переживали и чувствовали, когда читали въ Царскомъ всѣ милыя русскія газеты.

„Такой удивительно дружной, любящей Семьи я никогда въ жизни не встрѣчалъ и, думаю, въ своей жизни уже больше никогда не увижу“.

„Я никакъ не могу уложить себѣ въ голову“, говоритъ Битнеръ, „всего того, что писалось въ революцію про эту Семью. Всякій, кто только видѣлъ и зналъ Государыню, Ея отношенія къ Семьѣ и Мужу, Ея взгляды, вообще зналъ Ее всю, тотъ могъ бы только или смѣяться, или страдать. Когда у меня былъ споръ съ Государыней и я стала Ей говорить, что Ей не говорятъ всего, Она между прочимъ сказала мнѣ:

„Мало ли, что говорятъ. Мало ли какихъ гадостей не говорили про Меня“.

„Ясно тогда было въ связи съ другими Ея словами и мыслями, что Она намекала на Распутина. Я говорила на эту же тему съ Волковымъ, съ Николаевой, съ которой была очень близка Гендрикова, вотъ именно это и говорили они всѣ — Она вѣрила въ силу молитвы Распутина“.

„Все это злоба и клевета“, разсказываетъ камердинеръ Волковъ, „что писали нехорошаго про Государя и Государыню. Въ Распутина Государыня вѣрила, какъ въ святого. Кого хотите спросите изъ близкихъ къ Нимъ, и всѣ вамъ скажутъ одно.

„Распутина я за все время видѣлъ во дворцѣ самъ два раза. Его принимали Государь и Государыня вмѣстѣ. Онъ былъ у Нихъ минутъ 20 и въ первый, и во второй разъ. Я ни разу не видѣлъ, чтобы онъ даже чай у Нихъ пилъ. Государыня относилась къ нему, какъ къ святому, потому что Она вѣрила въ святость нѣкоторыхъ людей. Она его навѣрное уважала. Только однажды Она говорила со мной про Распутина и слова Ея были маловажныя. Мы ѣхали на пароходѣ въ Тобольскъ и, когда проѣзжали мимо села Покровскаго, Она, глядя въ окно, сказала мнѣ: „вотъ здѣсь Григорій Ефимовичъ жилъ. Въ этой рѣкѣ онъ рыбу ловилъ и Намъ иногда въ Царское привозилъ“.

„Послѣ убійства Распутина Она была разстроена и не принимала никого. Но ни малѣйшаго даже намека Она ничѣмъ не обнаружила на то, что это былъ человѣкъ, про котораго можно было бы подумать что-нибудь грязное“.

Преподаватель французскаго языка въ должности Помощника Воспитателя Наслѣдника Цесаревича швейцарецъ Петръ Жильяръ разсказалъ слѣдующее:

„Относительно роли Распутина въ жизни Царской Семьи я могу показать слѣдующее. Распутинъ появился у Нихъ должно быть въ 1906 году. Мои многолѣтнія наблюденія и попытки объяснить причину его значенія у Нихъ довели меня до полнаго убѣжденія, которое мнѣ кажется истиной, или очень близкимъ къ истинѣ, что его присутствіе во Дворцѣ тѣсно связано съ болѣзнью Алексѣя Николаевича. Узнавъ Его болѣзнь, я понялъ тогда силу этого человѣка.

„Когда Мать поняла, что Ея единственный, Ея любимый Сынъ страдаетъ такой страшной болѣзнью (гемофилія), которую передала Ему Она, отъ которой умерли Ея Дядя,

Ея Братъ и Ея два племянника, зная, что не будетъ Ему помощи отъ человѣка, отъ науки, Она обратилась къ Богу. Она отлично знала, что смерть можетъ наступить отъ этой болѣзни каждую минуту, при малѣйшей неосторожности Алексѣя Николаевича, которая даромъ пройдетъ каждому другому. Если Онъ подходилъ къ Ней 20 разъ въ день, то не было случая, чтобы Она Его не цѣловала, когда Онъ, подойдя къ Ней, уходилъ отъ Нея. Я понималъ, что Она каждый разъ, прощаясь съ Нимъ, боялась не увидѣть Его болѣе...

„Мнѣ кажется, что религія Ея не дала Ей того, что Она искала; кризисы съ Нимъ продолжались, грозя Ему смертью. Чуда, котораго Она такъ ждала, все еще не было. Тогда-то, когда Ее познакомили съ Распутинымъ, Она была убѣждена имъ, что, если Она обратится къ нему во время болѣзни Алексѣя Николаевича, онъ будетъ „*самъ*“ молиться и Богъ услышитъ его молитву. Она должна вѣрить въ его молитву, и пока онъ Распутинъ будетъ живъ, будетъ живъ и Сынъ.

Алексѣю Николаевичу послѣ этого какъ будто стало лучше. Называйте это какъ хотите—совпаденіемъ, но факты обращенія къ Распутину и случаи облегченія болѣзни у Алексѣя Николаевича совпадали.

„Она повѣрила“.

„Ей и не оставалось ничего болѣе. Въ этомъ она нашла самой Себѣ успокоеніе. Она была убѣждена, что Распутинъ является посредникомъ между Нею и Богомъ, потому что молитва Ея одной не дала Ей облегченія. Они смотрѣли на Распутина, какъ на полусвятого. Я могу отмѣтить такой фактъ. Я съ Ними жилъ 4 года. Они меня любили. И никогда, ни одного раза Они не сказали со мной ни одного слова про Распутина. Я ясно понималъ: Они боялись, я, какъ кальвинистъ, не пойму Ихъ отношенія къ Распутину“.

Наконецъ камеръ-юнгфера Государыни Марія Густавовна Тутельбергъ, прослужившая при Александрѣ Федоровнѣ съ года Ея замужества и до Екатеринбургскаго заключенія, оставила слѣдующій исторически цѣнный разсказъ:

„...Потомъ былъ убитъ Распутинъ. Я помню, что по поводу его убійства я говорила съ Ея Величествомъ и прямо сказала Ей, что убійство Распутина это первый выстрѣлъ революціи. Ея Величество сказала мнѣ, что революція под-

готовляется уже давно; что уже съ Русско-Японской войны идетъ подготовка недовольства въ народѣ.

„Это было возмутительной неправдой, что тогда говорили и что писали потомъ въ русскихъ газетахъ про Августѣйшую Семью. Они получали всѣ газеты въ Царскомъ, какія тогда выходили. Я однажды сказала объ этомъ Государынѣ. Ея Величество мнѣ отвѣтила:

„*У кого совѣсть чиста передъ Богомъ, того не можетъ это запачкать*".

Распутинъ попалъ къ Царской Семьѣ впервые, какъ мнѣ помнится, въ Спалѣ. Тогда вся Царская Семья жила тамъ и съ Алексѣемъ Николаевичемъ произошло несчастье. Онъ рѣзвился въ бассейнѣ и ушибся. У него отнялась тогда одна нога и Ему было очень худо. Его тогда лѣчили профессоръ Федоровъ, докторъ Острогорскій, докторъ Боткинъ и докторъ Деревенько. Ему было настолько худо, что у Него очень плохо работало сердце и былъ плохой пульсъ. Всѣ опасались за Его жизнь и Алексѣй Николаевичъ страдалъ ужасно; сильно кричалъ.

„Тогда супруга Великаго Князя Николая Николаевича Анастасія Николаевна указала Ея Величеству на Распутина, какъ на человѣка, имѣющаго особую силу—его молитва исцѣляетъ. Ея Величество, какъ человѣкъ глубоко вѣрующій, какъ Мать, страшно любившая Сына, пожелала тогда видѣть Распутина [1]).

„Онъ былъ у насъ, молился о выздоровленіи Алексѣя Николаевича, и Алексѣю Николаевичу тогда же стало легче. Послѣ этого Распутинъ бывалъ у насъ во Дворцѣ неоднократно, но вовсе не такъ часто, какъ это говорили. Онъ бывалъ у насъ тогда, когда бывалъ боленъ Алексѣй Николаевичъ. Сама я видѣла его за все время только одинъ разъ мелькомъ. Я проходила по корридору и видѣла, что корридоромъ шелъ (это было въ Царскомъ) простой мужикъ, въ

---

[1]) Для исторической точности это мѣсто показанія Тутельбергъ необходимо дополнить поясненіемъ другихъ приближенныхъ. Первымъ бракомъ Великая Княгиня Анастасія Николаевна была замужемъ за Герцогомъ Лейхтенбергскимъ; была очень несчастлива въ супружествѣ, сильно страдала. Ища облегченія въ глубокой вѣрѣ, Анастасія Николаевна приблизилась къ Государынѣ, которая Ее очень полюбила и всячески старалась утѣшить и приласкать. Распутина Анастасія Николаевна совершенно не знала. Объ его религіозномъ значеніи и вообще на него Ей указала Милица Николаевна, не пользовавшаяся расположеніемъ Государыни.

простыхъ сапогахъ и русской рубашкѣ. Лица его я не помню. Помню только, что у него были темные, блестящіе глаза.

„Государыня Императрица была глубоко религіозная женщина. Она вѣрила въ силу молитвы и вѣрила глубоко, что Распутинъ надѣленъ даромъ молитвы; что отъ его молитвы легче дѣлается Алексѣю Николаевичу. Вотъ такъ Ея Величество и относилась къ Распутину. Когда онъ былъ убитъ, Ея Величество была сильно огорчена. Тогда и Его Величество былъ, вѣроятно, обезпокоенъ этимъ. Онъ въ моментъ убійства Распутина былъ въ Ставкѣ. Опасаясь за здоровье Ея Величества, Государь тогда экстренно прибылъ изъ Ставки.

„Помню, что однажды я высказала Ея Величеству свое нѣкоторое сомнѣніе въ личности Распутина. Я сказала Ея Величеству, что Распутинъ простой, необразованный мужикъ. На это Ея Величество мнѣ сказала:

„Спаситель выбиралъ Себѣ учениковъ не изъ ученыхъ и теологовъ, а изъ простыхъ рыбаковъ и плотниковъ. Въ Евангеліи сказано, что вѣра можетъ двигать горами“, и, показывая на картину исцѣленія Спасителемъ женщины, Ея Величество сказала:

„Этотъ Богъ и теперь живъ“.

„Я вѣрю, что Мой Сынъ воскреснетъ. Я знаю, что Меня считаютъ за Мою вѣру сумасшедшей. Но вѣдь всѣ вѣровавшіе были мучениками“.

„Этотъ Богъ и теперь живъ“—это религія православнаго честнаго русскаго человѣка, религія и „Божьихъ Помазанниковъ“ русскаго народа.

Тутельбергъ, Жильяръ, Волковъ, Чемадуровъ, Битнеръ, Кобылинскій, люди, близко стоявшіе и видѣвшіе жизнь и правду этихъ „Помазанниковъ Божьихъ“, всѣ въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ—это были люди сильные христіанской вѣрой, вѣрой своего народа. Они не боялись клеветы и грязи, потому что совѣсть Ихъ была чиста передъ Богомъ. Они не переставали въ простотѣ Христовой вѣрить въ этого Бога и готовы были стать мучениками за вѣру своего стараго русскаго народа.

Они и стали для Православной Церкви мучениками отдавъ жизнь за воскресеніе народа.

А богъ тѣхъ, кто всталъ противъ Нихъ? тѣхъ, кто не хотѣлъ видѣть въ Ихъ вѣрѣ Бога русскаго народа?

Ихъ богомъ стало—„Я“.

Для служенія своему „Я“ Клещеевъ рветъ съ любовью матери, Матрена Леватныхъ—съ вѣрою отцовъ, Лидія Гусева—съ совѣстью, Саковичъ—съ моралью, Логиновъ—съ честью, Проскуряковъ—съ родителями, Медвѣдевъ—съ честнымъ трудомъ, Ермаковъ—съ человѣкоподобіемъ, и всѣ вмѣстѣ, толпа—съ правдой и любовью къ ближнему. И вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они находятъ отвѣтъ, удовлетвореніе и объединеніе въ условіяхъ революціонной жизни и ея крайняго предѣла—въ совѣтскомъ режимѣ. Не соціалистическіе принципы, не идеи интернаціонала, не теоріи коммунизма Ленина и Бронштейна объединяютъ ихъ всѣхъ вокругъ большевиковъ и утоляютъ побуждающій импульсъ ихъ современной мысли...

Это только служеніе личному „Я“, и только ему.

Ихъ интернаціонализмъ—это колоссальное, личное „Я“; ихъ коммунизмъ—огражденіе „себя“; ихъ соціализмъ—служеніе „себѣ“.

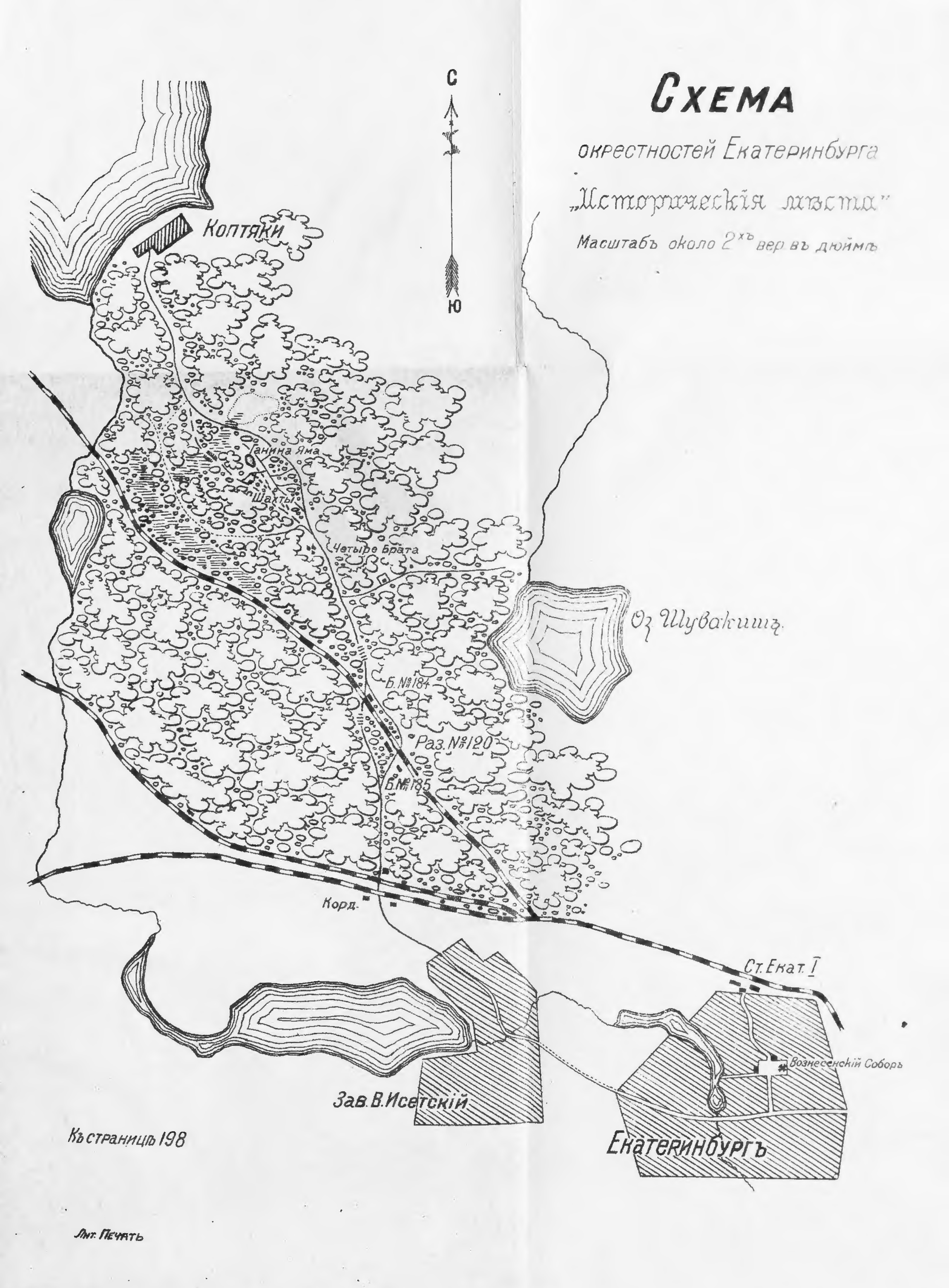
Концентрація всѣхъ побужденій и чувствъ къ эгоистическому служенію своему „Я“, вѣроятно, вызвало то притупленіе индивидуальной и общественной мысли, которое отмѣчалось еще въ до-революціонный періодъ жизни русскаго общества и русскаго народа. Въ силу политическихъ условій, созданныхъ Февральской революціей, революціей не идей, духа и содержанія, а революціей формъ и персональностей, это служеніе своему „Я“, постепенно прогрессируя въ развитіи личныхъ началъ, неизбѣжно повело какъ отдѣльныхъ руководителей, такъ и массу по нисходящимъ къ безднѣ путямъ разрушенія всего общественнаго, государственнаго и національнаго. Только при господствѣ этихъ личныхъ эгоистическихъ началъ въ массѣ революція логически должна была привести черезъ кроваво-кошмарныя преступленія лѣта 1918 года къ утвержденію въ Россіи власти, олицетворившей высшую ложь и предѣлъ личнаго эгоизма въ образѣ большевистскаго режима и большевистской власти.

Чѣмъ инымъ, какъ не исключительнымъ служеніемъ и поклоненіемъ передъ своимъ „Я“, можно объяснить то объединеніе несовмѣстимаго, которое происходитъ подъ знаменемъ совѣтской власти? Чѣмъ другимъ, какъ не ложнымъ

возвеличеніемъ своего „Я“, возвеличеніемъ до созданія себѣ изъ него кумира, до признанія непогрѣшимости этого „Я“, можно объяснить общую потерю критерія о морали, нравственности, правѣ и добрѣ, о Богѣ и совѣсти?

Только постепенное, историческое искаженіе чистыхъ заповѣдей ученія Христа привело къ тому, что новая, матеріалистическая религія личнаго „Я“ могла заглушить въ душѣ людей и дѣятелей Россіи всѣ прежнія святыни и символы религіи Единаго Бога, подготовляя почву для насажденія въ мірѣ безумнаго царства *религіи Лжи.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Схема
окрестностей Екатеринбурга
„Историческія мѣста"
Масштабъ около 2хъ вер. въ дюймъ
С
Ю
Коптяки
Ганина Яма
Шахты
Четыре Брата
Оз. Шувакишъ
Б. №184
Раз. №120
Б. №185
Корд.
Ст. Екат. I
Вознесенскій Соборъ
Зав. В. Исетскій
Екатеринбургъ
Къ страницѣ 198
Лит. Печать